Посвящается

ПАМЯТИ ОТЦА.

В. В. Сиповскій.

Н. М. КАРАМЗИНЪ,

АВТОРЪ

„ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА".

«...О, Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
«Поэзія начнетъ сіять, какъ солнце въ полдень!
«Исчезла нощи мгла... — уже Авроры свѣтъ
«Въ (Москвѣ) блеститъ, и скоро всѣ народы
«На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать!»

«Поэзія» (2-ое Прилож., 35 стр.).

...Мы побѣдили Наполеона: скоро удивимъ свѣтъ и нашимъ разумомъ. Жаль, что я изъ могилы не услышу рукоплесканій Европы въ честь нашихъ Геніевъ Словесности».

Карамзинъ, «Письма къ И. И. Дмитріеву», 183.

Съ приложеніемъ — 1) статьи: „Новиковъ, Шварцъ и московское масонство" — и 2) „Матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій Карамзина".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1899

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 15 февраля 1899 года.

Деканъ **П. Никитинъ.**

D
917
K32S5

JUL 29 1974

Чтобы полнѣе ознакомиться съ литературнымъ произведеніемъ, надо освѣтить его съ *біографической, историко-литературной* и *историко-культурной* точекъ зрѣнія, т. е., другими словами, надо: 1) выдѣлить въ немъ все то «личное», «индивидуальное», что принадлежитъ его автору,— 2) оцѣнить въ немъ явленіе, характеризующее одинъ изъ моментовъ литературной эволюціи, и, наконецъ, — 3) опредѣлить, съ одной стороны, насколько ясно и полно отразилась въ немъ «среда», воспитавшая его творца,—и, съ другой стороны, въ какой степени сильно было воздѣйствіе этого произведенія на современную ему жизнь.

Конечно, далеко не всякое произведеніе литературы поддастся такой всесторонней оцѣнкѣ, — но «Письма русскаго путешественника» представляютъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе: въ нихъ ясно отражается личность Карамзина; они, кромѣ того, интересны, какъ произведеніе, съ которымъ органически связывается развитіе всей новѣйшей русской литературы — и, наконецъ, историку культуры они даютъ показанія, очень цѣнныя для пониманія русскаго общества конца XVIII вѣка...

Знакомство съ жизнью и литературною дѣятельностью Карамзина привело меня къ заключенію, что,—1) до сихъ поръ *личность* его слишкомъ мало выяснена нашими историками и критиками, и—2) *литературная исторія* «Писемъ» совершенно не разработана. Этимъ недостаткомъ вниманія къ общеизвѣстному писателю объясняется цѣлый рядъ ошибочныхъ

мнѣній о немъ, мнѣній, освященныхъ давностью и прочно укоренившихся въ нашемъ сознаніи. Вотъ почему я счелъ необходимымъ своему анализу «Писемъ» предпослать двѣ вступительныя главы: I—«Н. М. Карамзинъ до путешествія» и II—«Къ литературной исторіи «Писемъ».

Первой главѣ нельзя предъявлять тѣхъ требованій, которыя приложимы къ «біографіи»: это только — «біографическій *очеркъ*», попытка набросать рѣзкими штрихами исторію развитія юноши-Карамзина, охарактеризовать его, освѣтить основныя черты его души... Въ мои разсчеты не входило исчерпать *всѣ* дошедшіе до насъ факты его жизни, рѣшить *всѣ* мелкія біографическія сомнѣнія,—я хотѣлъ только уяснить себѣ *личность* Карамзина, чтобы въ его «Письмахъ» лучше понять и оцѣнить все индивидуальное, карамзинское...

Вторая глава представляетъ попытку поставить рѣшеніе вопроса о происхожденіи «Писемъ» на болѣе научную почву. Для этого я старался собрать, по возможности, больше данныхъ, но, конечно, я не претендую на безусловную полноту моихъ изысканій,—да за этимъ я и не гнался: мнѣ нужно было только собрать побольше *примѣровъ*, доказывающихъ справедливость моихъ взглядовъ на литературную исторію «Писемъ».

Библіографическихъ указаній и ссылокъ на сочиненія о Карамзинѣ въ моей работѣ очень мало. Произошло это потому, что, ознакомившись съ карамзинской литературой, я счелъ за лучшее идти въ своей работѣ самостоятельнымъ путемъ, пользуясь только одними «матеріалами»... Къ тому же, признаться, я опасался, какъ бы не внести въ свою работу полемическаго задора, который, конечно, нарушилъ бы спокойствіе, необходимое для изслѣдованія.

Встрѣчаются въ моей книгѣ довольно часто «повторенія»,—но они были неизбѣжны при томъ планѣ, который положенъ въ основу моего изслѣдованія,—приходилось иногда пользоваться однимъ и тѣмъ-же фактомъ для различныхъ выводовъ, приходилось свѣрять выводы 1-ой главы съ выводами 3-ьей...

Къ сожалѣнію, не могъ я избѣгнуть и «отступленій», иногда нарушающихъ въ моемъ изслѣдованіи единство содержанія; эти «отступленія» вводились мною то изъ опасенія спора о словахъ, то для разъясненія нѣкоторыхъ попутныхъ вопросовъ, болѣе или менѣе, важныхъ...

Въ заключеніе, считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, на средства котораго напечатано это сочиненіе.

Особенно признателенъ я глубокоуважаемому Л. Н. Майкову за его постоянно-доброе и внимательное отношеніе къ моей работѣ, за его цѣнные совѣты, часто выводившіе меня изъ затрудненій. Сердечнѣйшую благодарность приношу и дорогому В. И. Саитову, въ теченіе многихъ лѣтъ всегда охотно приходившему ко мнѣ на помощь со своими знаніями и опытностью.

Очень благодаренъ я и глубокоуважаемому А. Ѳ. Бычкову за то широкое гостепріимство, которое оказалъ онъ мнѣ — въ Императорской Публичной Библіотекѣ, — а первымъ очеркамъ моей работы — на страницахъ «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ».

Долженъ я выразить свою признательность и гг. библіотекарямъ Имп. Публ. Библіотеки: В. П. Ламбину, И. А. Бычкову, А. А. Флоридову, И. М. Болдакову и П. А. Соколовскому, а также ихъ помощникамъ: В. В. Майкову и Н. Д. Чечулину — за неизмѣнно-доброжелательное отношеніе къ моимъ занятіямъ въ Библіотекѣ.

Наконецъ, не могу не сказать искренняго спасиба и всѣмъ тѣмъ, кто когда-либо добрымъ словомъ или дѣломъ оказалъ мнѣ поддержку въ моей работѣ...

ВВЕДЕНІЕ.

Основательное знакомство съ жизнью русскаго общества XVIII вѣка, съ его стремленіями и идеалами, представляетъ для историка культуры немалое значеніе. Причина этого ясна: вѣдь еще въ прошломъ вѣкѣ, особенно во второй половинѣ его, надо искать объясненія многихъ явленій, давшихъ содержаніе русской жизни XIX вѣка, явленій, даже въ наши дни, полныхъ жизни и смысла. Вотъ почему русское общество той эпохи не разъ подвергалось суду нашей исторической литературы; вотъ почему въ качествѣ судій выступали и историки, и историки литературы, и юристы; вотъ почему и въ наши дни та далекая жизнь полна еще не умирающаго интереса, тѣмъ болѣе очевиднаго, что при оцѣнкѣ этой важной эпохи наши историки значительно разошлись между собой [1]).

Правда, эта разноголосица, смущающая на первыхъ порахъ всякаго начинающаго изслѣдователя, нѣсколько смягчается тѣмъ, что почти каждый изъ этихъ историковъ нѣсколько ограничиваетъ свое мнѣніе оговорками и поправками, — но эти оговорки и поправки иногда такъ незначительны и такъ скоро, повидимому, забываются самими авто-

---

[1]) Незеленовъ, «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785»; Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники»; Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II»; Гольцевъ, «Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.»; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Л. Толстой, «Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и Миръ» (Р. Арх., 1868, 515); Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в.»; Чечулинъ, «Русское провинціальное общество въ второй половинѣ XVIII в.».

рами, что, въ концѣ-концовъ, читателю всетаки приходится выпутываться изъ цѣлаго ряда противорѣчивыхъ мнѣній, взаимно исключаемыхъ одно другимъ. Почему же одна и та же жизнь оцѣнена у насъ до такой степени различно?

Историческая жизнь никогда не захватываетъ цѣликомъ всего общества; ни въ одной странѣ въ одно время не увидимъ мы единства интересовъ и стремленій,— всегда намъ придется имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ слоевъ, съ разнообразіемъ общественныхъ группъ, которыхъ интересы и стремленія чаще всего даже сталкиваются между собой. Понятно, что историкъ, характеризующій жизнь одной группы, изучающій ея характерныя черты, рискуетъ впасть въ ошибку, если свою характеристику распространитъ на все общество, не обративъ должнаго вниманія на то разнообразіе, которое въ немъ царитъ. Чтобы объяснить возникновеніе какого-нибудь культурнаго явленія (напр., сатиры XVIII в.), историкъ, конечно, обязанъ сгруппировать основанія, объясняющія это явленіе, но нельзя результатамъ подобной, нѣсколько искусственной, группировки придавать слишкомъ общее значеніе.

Цѣль нашего очерка—обрисовать жизнь Н. М. Карамзина до его путешествія. Для этого намъ надо бросить взглядъ на то малоизвѣстное время его жизни, когда складывались его духовные интересы, когда создавались его нравственные идеалы. Понятно, что для объясненія условій, создавшихъ ту атмосферу, въ которой выросъ Карамзинъ, нѣтъ намъ нужды рисовать жизнь *всего* русскаго общества XVIII в., ни, тѣмъ болѣе, останавливаться на темныхъ сторонахъ этой жизни,—напротивъ, намъ надо найти въ ней только то, что способствавало появленію такихъ личностей, какою былъ Карамзинъ; намъ надо объяснить, на какой почвѣ расцвѣлъ въ Россіи и чѣмъ питался тотъ идеализмъ, которому Карамзинъ остался вѣренъ до конца дней и который былъ имъ переданъ въ наслѣдство молодому поколѣнію (Жуковскому и др.)...

Въ общихъ чертахъ возстановить жизнь той далекой эпохи не трудно благодаря обилію документовъ, дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка. Особенно драгоцѣнны для насъ въ этомъ

отношеніи записки Болотова, эта талантливая эпопея русскаго общества за полстолѣтіе его жизни. Чуткій зритель всего происходящаго, человѣкъ отзывчивый на всякое общественное содраганіе, Болотовъ въ своихъ миніатюрахъ вырисовалъ такую массу людей прошлаго вѣка, что многое въ жизни той эпохи дѣлается для насъ понятнымъ. Цѣлый рядъ другихъ мемуаровъ и записокъ, въ общемъ, только подтверждаютъ Болотова [1]). Кромѣ того, блестящія картины того вѣка, попадающіяся въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей [2]), даютъ намъ представленіе объ этой жизни въ яркихъ типическихъ чертахъ: со всею полнотою исторической и психологической правды рисуется передъ нами эта жизнь, и нѣтъ въ этихъ картинахъ никакой исторической фальши.

Какова же была та часть русскаго общества, которая оказалась воспріимчивой къ культурнымъ воздѣйствіямъ, пришедшимъ извнѣ, которая отозвалась на идеалистическія стремленія западной Европы XVIII в. и выдвинула изъ своей среды молодежь, чуткую, отзывчивую, въ концѣ вѣка оказавшуюся во главѣ русскаго передового общества?

Конечно, для рѣшенія этого вопроса Простаковы, Скотинины, Салтычихи и другія подобныя имъ личности не могутъ интересовать насъ, тѣмъ болѣе, что и на страницахъ мемуаровъ XVIII в. они лишь изрѣдка мелькаютъ и быстро исчезаютъ осужденные и осмѣянные. Эти безобразные наросты на русской жизни той эпохи силою вещей были обречены на гибель: они задерживали стремленія лучшихъ людей, единогласно были ими осуждены и должны были вымереть. Это были, по признанію людей XVIII в., возмутительныя исключенія на томъ ровномъ, правда, довольно безразличномъ фонѣ, какимъ была остальная масса русскаго общества. Вотъ эта—именно масса, изъ которой выдѣляются, время отъ времени, безобразные выродки и люди талантливые, полные

---

[1]) Напр., записки Данилова, И. Дмитріева, Фонвизина, Державина, Батенькова, Аксакова и мн. др.

[2]) Напр., у Пушкина—въ повѣсти «Капитанская дочка», у Л. Толстого—въ романѣ «Война и Миръ», у Тургенева рядъ типовъ въ разныхъ повѣстяхъ и романахъ, у Аксакова — въ «Семейной Хроникѣ» и др.

*

энергіи и хорошихъ желаній, — особенно интересуетъ насъ, такъ какъ именно она оказалась средой, податливой на хорошія вліянія и къ концу вѣка сдѣлала большіе шаги впередъ...

Сытая, довольная, безстрастно жила она, съ непоколебимой вѣрой въ Бога [1]), нетронутая душевнымъ разладомъ. Въ ней царилъ еще патріархальный складъ [2]) съ домостроевскими идеалами, правда, уже нѣсколько затуманенными вліяніемъ чужеземныхъ наслоеній. Много было въ этой добродушной жизни наивности и грубости, но жестокость была, повидимому, исключительнымъ явленіемъ [3]). Не мало хорошихъ людей проходитъ передъ нами при чтеніи записокъ XVIII вѣка [4]), и съ какою любовью относятся къ нимъ не только авторы записокъ, но и другіе современные имъ люди!

Для насъ очень цѣнно авторитетное свидѣтельство гр. Л. Толстаго, изучавшаго эту жизнь для своего романа «Война и Миръ». Защищаясь отъ обвиненія критиковъ въ томъ, что «характеръ времени недостаточно опредѣленъ» въ его романѣ, онъ говоритъ: «я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостного права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченье взрослыхъ сыновей, Салтычихи и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи—я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда-либо и т. д.» [5]).

Семилѣтняя война потревожила это мирное теченіе русской жизни. Почти шесть лѣтъ прожили заграницей русскіе дворяне, служившіе въ полкахъ Елизаветы; они увидѣли со-

---

[1]) Напр., см. Соч. Фонвизина (изд. 1866 г.) 533 стр., записки Болотова, I, 117, 118, 152; Державина, 6; В. Панаева, В. Евр., 1867, сент., 197 и др.

[2]) Напр., см. записки С. Глинки, 2—3, 28; М. Дмитріева, 10—11, 13, 52—53; Болотова, II, 139, 303—5; Карамзина Соч., III, 260—261; соч. Вяземскаго, V, 17 и др.

[3]) Напр., см. записки Болотова, II, 745—6, 774; Вигеля, I, 62 и др.

[4]) Напр., см. записки Болотова, I, 123—9; Вигеля, I, 17, 18, 20, 62—3, 26 — 7, 94, 123 и мн. др.; Карамзина, Соч., III, 241 — 2, 261—4; Державинъ, Новиковъ, Лопухинъ — ближайшіе воспитанники этого общества.

[5]) Р. Арх., 1868, 516.

вершенно новую жизнь, въ которой чувствовалось тогда культурное движеніе; они присматривались къ этой жизни и многое принесли на родину изъ чужихъ краевъ [1]). Съ какими чувствами оставляли русскіе юноши чужбину, — объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ Болотовъ, разсказывающій о своемъ прощаніи съ Кёнигсбергомъ: «какъ скоро отъѣхалъ я версты двѣ отъ города и взъѣхалъ на знакомый мнѣ холмъ, съ котораго можно было городъ сей мнѣ впослѣднія видѣть, то предчувствуя, что мнѣ его никогда уже болѣе не видать, восхотѣлось мнѣ еще разъ на него хорошенько насмотрѣться... съ цѣлую четверть часа смотрѣлъ на него съ чувствіями нѣжности, любви и благодарности..... и, бесѣдуя съ нимъ душевно, молча говорилъ: «Прости, милый и любезный градъ, и прости на вѣки!.. Ты былъ мнѣ полезенъ въ моей жизни; ты подарилъ меня сокровищами безцѣнными; въ стѣнахъ твоихъ *сдѣлался я человѣкомъ* и *спознаѣъ* самого себя» [2]),— и, конечно, не одинъ Болотовъ переживалъ такія чувства!

Манифестъ о вольности дворянства [3]) по всѣмъ угламъ Россіи разбросалъ массу служилыхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заграничной жизни [4]). Раньше дворяне только заѣздомъ посѣщали свои родныя гнѣзда,—чаще всего старики, женщины да дѣти были постоянными жителями русской деревни, — теперь туда полились широкіе потоки новыхъ людей, нерѣдко молодыхъ, со свѣжими запасами знаній и силъ. Возвращаясь на родину уже не съ тѣмъ, чтобы умирать на покоѣ, а для того, чтобы жить въ свое удовольствіе, они легко увлекались всѣмъ, что могло хотя до нѣкоторой степени поддержать ту культурную атмосферу, къ которой они были пріучены жизнью въ умственныхъ центрахъ [5]). И вотъ, приблизительно съ этого времени начинаютъ составляться тѣ библіотеки, которыя къ концу

[1]) Напр., см. записки Болотова, II, 141—4, 453, III, 59, (затѣи Болотова) и др.

[2]) Болотовъ, II, 143.

[3]) Напр., см. Болотова, II, 131—3, 171, 453 и др.

[4]) Напр., см. Болотова, II, 143.

[5]) Напр., см. записки Болотова, I, 179, 180; III, 859, 912, 930, 1020, 1023; IV, 129, 245, 270, 275, 340, 513—4, 686, 709, 845, 1150, 1299; «Памятникъ протекшихъ временъ», 93; записки Державина, 267—8.

вѣка у нѣкоторыхъ помѣщиковъ достигаютъ внушительныхъ размѣровъ; въ деревню выписываются журналы и газеты [1]), даже заграничныя; начинаетъ прививаться любовь къ домашнему театру [2]), обратившаяся подъ конецъ въ какую-то манію; являются любители домашнихъ оркестровъ, собиратели картинъ и рѣдкостей. Въ русскомъ обществѣ замѣтно пробуждается эстетическое чувство: не только произведенія искусства, но и сама природа, во всей ея нетронутой простотѣ, находитъ поклонниковъ [3]), возбуждая у нихъ «изящнѣйшія чувствованія», «кроткія наслажденія»... Подъ вліяніемъ западной культуры люди XVIII вѣка начали на многое смотрѣть «совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячи пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчали» [4]),— и, конечно, «блаженное искусство любоваться красотами и пріятностями натуры» доставляло «восхитительныя минуты», не одному Болотову, если «англійскіе» сады дѣлаются модой даже въ глухой провинціи... Красоты природы сдѣлались понятны многимъ русскимъ, опять-таки подъ вліяніемъ запада:— этому «искусству наслаждаться природой» Болотовъ научился, по его словамъ, «въ бытность свою еще въ Пруссіи» [5])...

Пробужденіе эстетическаго чутья въ русскомъ обществѣ зародило у многихъ любовь къ поэзіи: едва почуялъ Болотовъ прелесть эстетическихъ эмоцій, какъ «нечувствительно получилъ вкусъ и къ піитическимъ сочиненіямъ» [6]). Вотъ почему Сумароковъ, Херасковъ и другіе современные имъ пи-

---

[1]) Напр., см. записки Болотова, III, 824; IV, 1164, 245—6, 747; «Памятникъ», 9, 106; Вигеля, III, 128, 134; II, 146—7; «Отецъ и Сынъ», «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 509, № 6, 464; В. Панаева, «В. Евр.», сент., 1867, 230 и др.

[2]) Напр., см. записки Болотова, I, 879-81: III, 868, 870, 873, 902, 904—6, 908, 912, 915, 955—7, 961—2, 968—71, 963, 1023 и др.; «Памятникъ», 93; Вигеля, I, 213, 187, 183—5, 172; Державина, 267—8; «Отецъ и Сынъ» Р. Вѣстн., 1875, № 5, 181, 183; «Р. Арх.», 1873, 1891 стр. и др.

[3]) Напр., см. записки Болотова, I, 308—9, 862; II, 66, 398—99, 412, 581—2, 602, 845; IV, 303, 558, 849, 925—6, 1094, М. Дмитріева, 15—16; В. Панаева, «В. Евр.», 1867, сент., 208—10; «Отецъ и Сынъ», «Р. Вѣстн.», 1875, № 4, 523, 528; И. Дмитріева, 32—3; Карамзина, Соч., III, 257 и др.

[4]) Болотовъ, I, 863.

[5]) Ibid., II, 845.

[6]) Ibid., 863.

сатели, выступившіе на литературное поприще на зарѣ русской новой литературы, сдѣлались любимцами передового русскаго общества: они на первыхъ порахъ вполнѣ удовлетворяли скромнымъ требованіямъ русскихъ эстетиковъ, и за это стихотворенія ихъ выучивались наизусть, надъ ихъ произведеніями проливались «сладкія слезы» [1])...

Кромѣ «эстетическаго» движенія въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка нетрудно также замѣтить и пробужденіе «нравственныхъ» стремленій. Источникомъ этихъ стремленій была литература переводная и оригинальная, возникшая подъ вліяніемъ западной. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли театральныя пьесы и романы: эти произведенія были особенно популярны въ русскомъ обществѣ и многое сдѣлали для расширенія его духовнаго кругозора. Отъ людей XVIII вѣка мы знаемъ, какое сильное впечатлѣніе производила на многихъ драма того времени съ ея опредѣленными идеалами: торжество добродѣтели, патріотизмъ, возвышенная чистая любовь,— все это сильно волновало русскую молодежь, будило въ ея душѣ идеальные порывы [2])... Романы, благодаря своей завлекательности, еще сильнѣе дѣйствовали въ этомъ направленіи на подростающее поколѣніе: они были настоящей культурной силой въ жизни русскихъ людей XVIII вѣка. Почти всѣ авторы записокъ того времени, говоря о своемъ дѣтствѣ, признаютъ огромное значеніе для нихъ этихъ произведеній [3]).

Романы увлекали читателей своимъ «интереснымъ» содержаніемъ, а потому болѣе были доступны массѣ, чѣмъ, напримѣръ, лирическія произведенія; на цѣлые дни и ночи при-

---

[1]) Напр., Дмитріева, 6, 7, 19, 40. 55; Вигеля, I, 114. М. Дмитріева, 49 и др.

[2]) Напр., см. записки Болотова. I, 353, II, 293; Фонвизина, 539; И. Дмитріева, 6—7, 21; С. Глинки, 12, 69, 81.

[3]) Напр., см. записки Болотова, I, 108, 181 — 2. 369, 321 — 2, 327. III, 942; И. Дмитріева. 4, 5; М. Дмитріева, 48 — 9, 47; С. Глинки, 12, 52 — 3; Греча, 135; В. Панаева, «В. Евр.», 1867, сент., 213, 222; Вигеля, I, 167; Макарова, «Мои 70-лѣтнія воспоминанія», I, 14—15, II, 98; «Отецъ и сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 538—9. (О значеніи романа см. статью Ключевскаго: «Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ», «Р. Мысль», 1895, № 1, 40—1, также Бѣлоцерской: «Вліяніе переводнаго романа и западной цивилизаціи на русское общество XVIII в.». «Р. Стар.», 1895, № 1.

ковывали романы къ себѣ вниманіе любителей этого чтенія [1]), нерѣдко послѣднія деньги выманивали у нихъ [2])... Но за то они заставили полюбить книгу [3]); начавъ съ романа, многіе переходили къ историческимъ, нравоучительнымъ, научнымъ сочиненіямъ [4]), а тѣ, которые остались навсегда при романахъ, всетаки были благодарны имъ за то расширеніе нравственнаго кругозора, которое было принесено этимъ чтеніемъ. «Кто плѣняется Никаноромъ, злощастнымъ дворяниномъ, говоритъ Карамзинъ, тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему-нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи» [5]).

Въ большинствѣ переводныхъ и оригинальныхъ романовъ XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ опять-таки рѣшительное восхваленіе добродѣтели, неизбѣжное наказаніе порока: мы знакомимся съ героями, страдающими, но вѣрными своимъ нехитрымъ идеаламъ: чистая любовь, благородство души, чувствительность сердца,—вотъ черты любимыхъ героевъ въ этихъ произведеніяхъ. Ихъ страданія вызывали слезы и будили отзывчивость въ юныхъ сердцахъ [6]), ихъ завидныя добродѣтели восхищали молодежь и безъ труда увлекали ее на дорогу къ идеализму... Многіе, кромѣ того, отъ чтенія и переписыванія романовъ переходили къ переводамъ, подражаніямъ, распространяли свои симпатіи на всю область литературы и понемногу втягивались въ литературныя занятія [7]).

Особенное значеніе имѣла эта нахлынувшая романическая

---

[1]) Напр., см. Карамзина Соч., III, 253—4; «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 535; записки С. Глинки, 70 и др.

[2]) Напр., см. «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 520, 521.

[3]) Напр., см. «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 500, 542, № 7, 102, № 8, 595, 559—560; Болотова, I, 350, II, 354, 67—8, 72; 388, 409, III, 1020, 932; М. Дмитріева, 98—9; И. Дмитріева, 11 и др.

[4]) Напр., см. Болотова, I, 863, II. 443, III, 101, 355, 932, IV, 265; «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 4, 542.

[5]) Карамзинъ, Соч., III, 548.

[6]) Напр., см. записки С. Глинки, 46, 12; «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 4, 535, 526, 521 и мн. др.

[7]) Напр., см. записки Болотова, I, 234—5, 610, 335, 351, 369, 391, 430, 653, 863, 958, II, 443, 609, 743, 749, 810—1, 843, III, 52—3, 101, 108—10,

литература на русскую женщину. Если юноша, выйдя на широкій житейскій просторъ, часто отвлекался отъ нѣкогда любимыхъ романовъ или переходилъ отъ нихъ къ чтенію другого рода, болѣе серьезному и содержательному, то русская дѣвушка, особенно провинціальная, нерѣдко навсегда оставалась около романовъ. И вотъ, уже со второй половины XVIII в. намѣчается въ русской жизни типъ дѣвушки-мечтательницы, воспитанной на романахъ [1]), типъ, который у Пушкина облекся въ художественный образъ поэтической Татьяны. Несомнѣнно, также, что, между прочимъ, эта же романическая литература вызвала русскую женщину на литературное поприще, и потому-то съ середины XVIII в. до конца его мы видимъ большое число русскихъ писательницъ и переводчицъ [2])...

Конечно, многіе изъ романовъ XVIII в. только волновали фантазію, даже дѣйствовали раздражающимъ образомъ на чувственность читателей [3]), но, несомнѣнно, такихъ романовъ было меньшинство: стоитъ взглянуть хотя бы на одни перечни романовъ XVIII вѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что разныя подозрительныя «похожденія» гораздо рѣже встрѣчаются, чѣмъ произведенія съ «добродѣтельными» и «нещастными» героями. «Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся?—спрашиваетъ Карамзинъ—и самъ даетъ отвѣтъ: «обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ!» [4]). Конечно, были любители и скабрезныхъ романовъ, но для насъ важно, что въ русской провинціи XVIII в.

113, 119, 344, 355, 586, 871—2, 900, 951, 952, 587, 958, 1006, 1066. IV, 248, 290, 545, 857—8, 850—1, 863—4, 1091—7, 1117, 1121, 1208—12 и др.; И. Дмитріева, 18, 22; М. Дмитріева, 85—6; Фонвизина, 540, 542; Вицскаго, Р. Арх., 1877, I, 183; Кочубея Арк., 21; «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 4, 507; также см. статью Пекарскаго: «Любитель литературы Екат. временъ», Отеч. Зап., 1856, № 6, 493—514 и др.

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 253, 242; «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 4, 503, № 6, 470—1, 473; см. Ключевскаго, Р. М., 1895, № 1, 41—2.

[2]) Кн. Голицынъ, «Біографическій словарь русскихъ писательницъ».

[3]) Фонвизинъ, Соч., 535. Глинка, 52.

[4]) Карамзинъ, Соч., III, 550.

оказываются библіотеки, составленныя съ очень строгимъ выборомъ: «во *всѣхъ* романахъ», составлявшихъ библіотеку матери Карамзина, «герои и героини, несмотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками» [1])... Этотъ подборъ только нравственныхъ романовъ—фактъ, въ нашихъ глазахъ, очень краснорѣчивый... Вотъ почему мы не разъ слышимъ отъ людей XVIII в. признанія, что они много обязаны романамъ за то нравственное воспитаніе, которое было получено ими отъ этого чтенія [2]).

Съ перваго взгляда трудно понять, почему это резонерство à la Стародумъ увлекало людей XVIII в. болѣе, чѣмъ типичныя лица въ родѣ Простаковой; мы со скукой читаемъ модныя въ томъ вѣкѣ произведенія, проникнутыя, съ нашей точки зрѣнія, «пошлой», «прописной» моралью, но въ доброе старое время, для молодого общества, которое еще только приступало къ самопознанію, которое искало путей къ свѣту, которое впервые ощутило въ себѣ идеалистическія стремленія, эта мораль была откровеніемъ, и потому цѣнилась высоко: людямъ того времени дорого было все положительное. Оттого-то для «вольтерьянства», съ его скепсисомъ, не было почвы на Руси, оттого и сатирическая литература, искусственно пересаженная, не могла пустить глубокихъ корней въ русское общество [3]): не сомнѣніе и не обличеніе были нужны людямъ прошлаго столѣтія, а указанія, куда идти, гдѣ свѣтъ [4])... Вотъ почему Новиковъ безъ труда бросилъ свои сатирическіе журналы и пошелъ на встрѣчу къ тѣмъ смутнымъ идеальнымъ порывамъ, которые онъ усмотрѣлъ въ русской жизни: онъ, по словамъ Карамзина, отказался отъ сатиры, «потому, что нашелъ другой болѣе вѣрный способъ быть полезнымъ своему отечеству» [5]). Московскій университетъ, съ его нѣмец-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 255.

[2]) Напр., см. Карамзина Соч., III, 255—6, 550, 265; записки И. Дмитріева, 5: М. Дмитріева, 47, 48—9; Болотова (много разъ); см. также въ статьѣ Булича; «Біогр. очеркъ Н. М. Карамзина», 7.

[3]) Ключевскій, Р. М., 1895, № 1, 45.

[4]) Напр., записки Болотова, IV, 111; С. Глинки, 72—4 и др.

[5]) Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, 20 (отд. оттискъ).

кими профессорами, расчистилъ дорогу идеальнымъ стремленіямъ на Русь, а масонство и богатая идеалистическая литература, занесенныя съ запада, были первыми потоками идеализма, который влился въ русскую жизнь, уже подготовленную къ принятію его, — влился, оживилъ и создалъ цѣлое движеніе [1]).

Къ этому времени русское общество очень замѣтно раскололось на двѣ половины, враждующія одна съ другою: Петербургъ и Москва были центрами враждующихъ лагерей; французское вліяніе, съ одной [2]) стороны, и нѣмецко-англійское, съ другой,—вотъ двѣ столкнувшіяся силы. Императрица, съ ея вѣрой въ просвѣщенный абсолютизмъ,—и молодое русское общество, выходящее на самостоятельный путь, безъ всякихъ помочей, своими силами, — вотъ враги, культурная борьба которыхъ заполнила конецъ XVIII вѣка на Руси.

Столичное общество, съ его преклоненіемъ предъ императрицей, съ подражаніями французской литературѣ, съ сатирами «въ улыбательномъ родѣ», не интересуетъ насъ,—все вниманіе наше устремляется на провинцію, гдѣ съ середины вѣка до конца его замѣтили мы самостоятельное, не умирающее стремленіе къ свѣту.

Это было счастливое время, когда каждая печатная строчка цѣнилась очень высоко [3]), передовые люди встрѣчали поддержку даже у современниковъ, стоящихъ ниже ихъ по развитію [4]); молодежь охотно собиралась около интересныхъ людей, преклонялась передъ ними [5]), и со стороны ихъ встрѣ-

---

[1]) О западномъ идеализмѣ XVIII в., см., между прочимъ, у Кожевникова въ его изслѣдованіи: «Философія чувства», ч. I; у Гогоцкаго, «Карамзинъ, какъ моралистъ», 4—6.

[2]) Р. Арх., 1893, II, 567; Р. Ст., 1888, LX, 313; записки Вигеля, II, 53—4; Соч. Пушкина, V, 219; Сушковъ, «Моск. Университетскій благородный пансіонъ», 11, Гречъ, 204.

[3]) Буличъ, «Біогр. очеркъ Карамзина», 3; М. Дмитріевъ, 48.

[4]) Напр., см. записки Болотова, I, 111, 972, 996; II, 35, 54, 613—4, 159, 355; III, 471; IV, 71, 1149—50 и др.

[5]) Напр., см. записки Болотова, III, 469—70, 946—7, 471, 772, 802; IV, 111, 315—6; М. Дмитріева, 37—38; И. Дмитріева, II, 19—20; «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., № 4, 1875, 506, 514—5; Аксакова Соч., III, 172; «Жизнь прожить— не поле перейти», Р. Вѣстн., 1881, № 9, 128; отношеніе Карамзина къ заграничнымъ знаменитостямъ.

чала всегда искреннее желаніе помочь по мѣрѣ силъ [1]); независимо отъ новиковскаго кружка, и раньше, и позже его, встрѣчаемъ мы уже въ русской провинціи небольшіе кружки самообразованія и самоулучшенія [2]). Въ нихъ складывался новый типъ юноши, не удовлетворяющагося дешевымъ россійскимъ «вольтерьянствомъ», предпочитающаго созерцательную жизнь — суетливой свѣтской. Это — юноша отзывчивый, чувствительный, развитой эстетически и морально. Онъ жаждетъ свѣта, воодушевленъ «богатырскими» помыслами, хочетъ «не безполезно жить для людей». Это — «молодой человѣкъ, у котораго въ груди бьется горячее сердце, который ищетъ чего-то, къ чему онъ могъ бы привязаться всей душой и о чемъ онъ самъ не имѣетъ опредѣленнаго понятія, но что должно наполнить пустоту его души и оживить его жизнь!» [3])...

Зародыши этого идеализма усмотрѣли мы въ жизни провинціальнаго русскаго общества уже съ начала второй половины XVIII вѣка, а блестящій расцвѣтъ его относится, по нашему мнѣнію, къ тому движенію, которое началось въ 80—90 годахъ около московскаго университета. Новиковъ и Шварцъ были вожаками этого движенія, а студенты университета и молодые «любословы»—той толпой, въ которой это движеніе назрѣло до сознательныхъ стремленій. Творцомъ этой новой жизни Новиковъ не былъ: онъ — только талантливый выразитель тѣхъ желаній, которыя съ половины XVIII вѣка пробуждаются въ русскомъ провинціальномъ обществѣ. Онъ одинъ изъ первыхъ далъ себѣ отчетъ въ этихъ желаніяхъ и помогъ разобраться въ нихъ русскому обществу. Благодарная провинція послала къ нему въ Москву своихъ сыновъ; онъ соединилъ ихъ около себя и, главнымъ образомъ, благодаря Шварцу, повелъ эту молодежь туда, гдѣ, какъ ему казалось, мерцалъ свѣтъ истины...

---

[1]) Напр., см. записки В. Папаева, В. Евр., 1867, I, сент., 202, 264; «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 514; Отношеніе Хераскова, Державина, Новикова, Болотова къ своимъ почитателямъ и мн. др.

[2]) Напр., см. записки Болотова, II, 357; III, 469 — 70; «Отецъ и Сынъ», Р. Вѣстн., 1875, № 4, 499, 505, 507—8, 528, 532; № 5, 151; Лонгиновъ, Совр., 1857, № 7, 73.

[3]) Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, 46.

Мы говорили уже, что культурное движеніе русской провинціи началось подъ вліяніемъ нѣмецкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, Германія середины вѣка переживала, правда, въ болѣе значительныхъ и серьезныхъ размѣрахъ, то же, что мы видѣли въ Россіи [1]). Французское вліяніе столкнулось тамъ съ англійскимъ, а потомъ и съ мѣстнымъ, нѣмецкимъ; французская скептическая литература встрѣтилась съ идеалистической. Фридрихъ Великій и Екатерина имѣютъ между собою много общаго; борьба, которая завязалась съ этими «просвѣщенными» владыками у молодого нѣмецкаго и русскаго общества, тоже въ очень многомъ сходна между собою. Въ Германіи эта борьба съ «просвѣщеннымъ абсолютизмомъ» приняла довольно рѣзкія формы: дореволюціонная европейская литература договорилась до смѣлыхъ откровенностей—намъ кажется, что политическая окраска не чужда и той борьбы, въ которую вступила русская провинція, въ лицѣ Новикова, — со столицей, въ лицѣ императрицы [2]). Конечно, одного просвѣтительнаго движенія, выразившаго въ «эстетическихъ» и «идеалистическихъ» стремленіяхъ, было недостаточно для возникновенія въ обществѣ «политическаго» движенія,—для этого нуженъ прежде всего расцвѣтъ общественнаго самосознанія, нужно пониманіе общественныхъ нуждъ, развитіе государственныхъ и правовыхъ понятій. Все это, правда, въ скромныхъ размѣрахъ, найдемъ мы въ молодомъ русскомъ обществѣ второй половины вѣка, и все это было дано ему Екатериной.

Императрица своимъ «Наказомъ», а потомъ внутренними реформами [3]) дала могучій толчокъ пробуждающемуся русскому обществу. Если до реформъ Екатерины мы видѣли лю-

---

[1]) H. Hettner. Geschichte der deutschen Literatur (III Th., 2 Buch, «das Zeitalter Friedrichs des Grossen»), Biedermann, Deutschland im Achtzehnten Iahrhundert, II, 2; Шерръ, Исторія цивилизаціи Германіи; Шереръ, Исторія нѣмецкой литературы, т. 2; Кожевниковъ, «Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII и къ критической философіи», I ч.; L. Levy-Bruhl, «L'Allemagne depuis Leibniz».

[2]) См. 1-ое приложеніе къ нашему изслѣдованію.

[3]) Напр., см. записки Болотова, II, 627; III, 573—4; Винскаго, Р. Арх., 1877, I, 101, 179; Карамзина, Соч., I, 301—380, См. любоп. статью въ «Ураніи», ч. II, 136—7.

дей и развитыхъ, и съ извѣстными убѣжденіями, то это были лишь отдѣльныя личности: общественнаго сознанія почти незамѣтно въ русскомъ обществѣ до-екатерининской эпохи. Екатерина внезапно обратилась съ вопросомъ ко всему обществу, и, если отвѣтъ былъ данъ на первыхъ порахъ довольно безтолковый, то историческое значеніе этого отвѣта всетаки громадно: съ этого времени общественное сознаніе быстро развивается, нарождаются общественные интересы; начался обмѣнъ мыслей, многое прояснилось, опредѣлилось, на историческую сцену являются уже не отдѣльныя личности, но группы людей съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ знаменемъ...

Намъ думается, что императрица скоро раскаялась въ своей юношеской поспѣшности. Увлеченная модною въ XVIII вѣкѣ болѣзнью «sensiblerie déclamatoire», т. е. страстью говорить пышныя фразы, Екатерина, возвѣщая міру о своихъ просвѣтительныхъ планахъ, болѣе смотрѣла, кажется, на то, какое впечатлѣніе производили онѣ на западную Европу, — между тѣмъ, и на Россію онѣ произвели впечатлѣніе очень сильное, хотя на первыхъ порахъ почти незамѣтное: лишь къ концу царствованія Екатерина увидала плоды своихъ первыхъ неосторожныхъ шаговъ, когда выросло у насъ общественное самосознаніе, и русское общество откликнулось на политическія движенія западной Европы. Только радикальными мѣрами удалось тогда императрицѣ удержать русское общество въ желательныхъ для нея границахъ.

Эти прояснившіяся подъ вліяніемъ запада идеалистическія и политическія стремленія, въ соединеніи съ ясно сознанными общественными интересами, и создали ту силу, которая не поколебалась вступить въ борьбу съ самой императрицей. Два борца выдвигаются въ это время изъ рядовъ русскаго общества: одинъ — Новиковъ, осторожно начавшій опасную борьбу, создавшій цѣлую армію бойцовъ-помощниковъ, захватившій съ собою всѣ углы Россіи на эту борьбу, другой — Радищевъ, самонадѣянный и дерзкій мечтатель, одинокій боецъ, отважившійся идти въ бой съ открытымъ забраломъ...

Вотъ, въ общихъ чертахъ исторія передового русскаго

общества со второй половины до конца XVIII вѣка. На глазахъ Карамзина развернулась эта жизнь; ея стремленія и интересы были той атмосферой, въ которой онъ выросъ и опредѣлился. Волею судебъ онъ попалъ въ самую середину этого потока, увлекавшаго русское общество впередъ къ той жизни, въ которой все яснѣе и сознательнѣе сказывались «эстетическія», «идеалистическія» и «политическія» стремленія. Мы попытаемся доказать, что эта новая жизнь положила свои неизгладимыя, несмываемыя печати на духовный обликъ Карамзина и на всю его литературную дѣятельность...

I.

Н. М. Карамзинъ до путешествія.

Николай Михайловичъ Карамзинъ происходилъ изъ дворянъ и со стороны отца и со стороны матери, урожденной Пазухиной. Карамзины и Пазухины не принадлежали къ фамиліямъ, чѣмъ-нибудь прославившимъ себя въ русской исторіи: это были дворяне мелкіе, рядовые слуги русской земли [1]).

Родился Николай Михайловичъ 1-го декабря 1766 года [2]), въ имѣніи отца, селѣ Михайловкѣ (Преображенское тожъ), Самарской губерніи, Бузулуцкаго уѣзда [3]); дѣтство же его протекло въ главномъ имѣніи отца, селѣ Карамзинкѣ (Знаменское тожъ), въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Симбирска.

По словамъ Карамзина, отецъ его, Михаилъ Егоровичъ былъ «самый добрый человѣкъ» [4]), «на русскую стать» [5]), одинъ изъ тѣхъ простыхъ, хорошихъ русскихъ людей, которыхъ было не мало въ провинціи того времени [6]). Послужа честно и усердно родной землѣ на ратномъ полѣ, пріѣхалъ онъ послѣ смерти отца (1763 г.) въ родное гнѣздо и, выйдя въ

---

[1]) См. нашу замѣтку о предкахъ Карамзина (Р. Стар., 1898, № 2, 431—5).

[2]) Относительно года рожденія Карамзина было много споровъ въ русской исторической литературѣ; бо́льшее число основаній было высказано за 1766 годъ (см. Пономарева «Матеріалы для библіографіи литер. о Н. М. Карамзинѣ», 86—8).

[3]) Не мало было споровъ и относительно мѣста рожденія Карамзина (см. Пономарева «Матеріалы», 86); мы останавливаемся на болѣе вѣроятномъ рѣшеніи этого вопроса. (См. Погодина, Приложеніе къ сочин. «Н. М. Карамзинъ»), не входя въ подробное обсужденіе его, какъ не имѣющаго большого значенія.

[4]) Карамзинъ, Соч., III. 241.

[5]) Ibid.

[6]) См. выше, стр. 4.

отставку [1]) съ чиномъ «капитана», навсегда остался въ родной провинціи. Несмотря на всѣ старанія Н. М. Карамзина въ своемъ романѣ-автобіографіи, «Рыцарь нашего времени» [2]), набросить на отца «романическое одѣяніе» [3]), оно какъ-то не держится у того на плечахъ, и передъ глазами читателя постоянно стоитъ фигура деревенскаго барина, «съ веселымъ лицомъ» [4]), про котораго только и можно сказать, что онъ — «самый добрый человѣкъ»...

Повидимому, гораздо болѣе сложной и оригинальной натурой была одарена мать Карамзина, Екатерина Петровна. Н. М. Карамзинъ былъ ребенкомъ, когда она умерла; онъ не помнилъ ея:

«Ахъ! я не зналъ тебя!..
Ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!» [5]) —

восклицаетъ онъ, обращаясь къ матери въ одномъ стихотвореніи. Но это обстоятельство не помѣшало тому, чтобы вліяніе матери сказалось на ребенкѣ; конечно, разсказы лицъ, знавшихъ ее, должны были очень интересовать Карамзина: онъ жадно прислушивался къ этимъ разсказамъ, и черты покойной матери обрисовались передъ нимъ довольно опредѣленно. Намъ не трудно сквозь поэтическія тѣни, которыя наброшены Карамзинымъ на этотъ милый ему образъ, разсмотрѣть уже знакомыя намъ черты дѣвушки-мечтательницы, начитавшейся романовъ, воспитанной на нихъ. Изъ этихъ романовъ у матери Карамзина даже составилась, по его словамъ, цѣлая библіотека [6]). Много времени отдавала этой библіотекѣ молодая женщина, но цѣлымъ днямъ не выпускавшая изъ рукъ книгъ [7]), питавшая свой духъ романической литературой... Рано умерла она, и вся жизнь ея рисовалась впослѣдствіи Карамзину какой-то сплошной элегіей, полной поэтической грусти... По его словамъ,

---

[1]) Р. Стар., 1898, № 2, 433.
[2]) См. 1-е примѣчаніе.
[3]) Напр., Карамзина, Соч., III, 250, 251.
[4]) Ibid., 261.
[5]) Ibid., I, 104.
[6]) Ibid., III, 253.
[7]) Ibid., 254.

«несмотря на молодыя лѣта свои», эта молодая женщина «имѣла удивительную склонность къ меланхоліи и цѣлые дни могла просиживать въ глубокой задумчивости» [1]); еще до брака съ отцомъ Карамзина имѣла она какую-то таинственную любовь, о которой упомянуто въ романѣ вскользь [2]), «въ изъясненіе ея душевной любезности» [3]), т. е. ея чувствительности, склонности къ меланхоліи. Эта молодая женщина, «съ привѣтливыми и милыми глазами» [4]), то грустившая по цѣлымъ днямъ, то вдругъ въ восторженной рѣчи проявлявшая «умъ и разительное краснорѣчіе» [5]), представлялась Карамзину какимъ-то неземнымъ, эфирнымъ созданіемъ, которое точно нечаянно залетѣло на землю и скрылось, давъ ему жизнь [6]). «Аркадія жизни» [7]), или, по-просту, младенчество протекло именно подъ непосредственнымъ вліяніемъ молодой матери, нѣжно любившей своего маленькаго сына, «съ розовыми губками, съ греческимъ носикомъ, съ черными глазками» [8])... «Душа Леонова образовалась любовью и для любви... Любовь питала, согрѣвала, тѣшила, веселила его; была первымъ впечатлѣніемъ его души» [9]). «Сколько разъ въ день, въ минуту, нѣжная родительница цѣловала его, плакала и благодарила Небо; сколько разъ и онъ маленькими своими рученками обнималъ ее, прижимаясь къ ея груди; голосъ его тверже и тверже произносилъ: «люблю тебя, маменька!» [10]).

Немудрено, что образъ рано утраченной матери сдѣлался на всю жизнь дорогъ Карамзину:

«....образъ твой священный, милый
«Въ груди моей напечатлѣнъ
«И съ чувствомъ въ ней соединенъ!» [11])—восклицаетъ онъ.

Мало-по-малу, этотъ образъ отожествился съ представленіемъ ангела-хранителя:

«Твой духъ всегда со мной:
«Невидимой рукой

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 242.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., I, 104.
[7]) Ibid., III, 243.
[8]) Ibid., 243.
[9]) Ibid., 246, 245.
[10]) Ibid., 247.
[11]) Ibid., I, 104—105.

«Хранила ты мое безопытное дѣтство;
«Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла
«И совѣстью моей въ часъ слабостей была! [1]).

Съ кровью и молокомъ получила воспріимчивая природа мальчика много хорошихъ качествъ отъ своей юной матери: ея «тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство!» [2]), сказалъ онъ, воспоминая о матери. Вліяніе ея, по мнѣнію самого Карамзина, было «основаніемъ его характера» [3]).

Можно думать, что только три года было Карамзину, когда умерла его мать [4]). Отецъ его довольно скоро утѣшился, т. к. приблизительно черезъ годъ послѣ смерти первой жены, мы видимъ его женатымъ уже во второй разъ. Мачиха, очевидно, не походила на родную мать, и хотя мы и не имѣемъ права называть ее жестокой по отношенію къ пасынку, но что она часто оскорбляла своею холодностью чуткаго мальчика, привыкшаго къ ласкѣ,—это несомнѣнно: ребенокъ замѣтилъ, какъ—

«Другіе на колѣняхъ
«Любезныхъ матерей въ веселіи, цвѣли —

а его не ласкалъ никто: одинокій, онъ «въ печальныхъ тѣняхъ», т. е. на кладбищѣ, —

«Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
«На мохъ твоей (т. е. матери) могилы! [5])
«.... Что былъ я? — восклицаетъ онъ, — сиротою!
«Въ пространномъ мірѣ семъ скучалъ самимъ собою,
«Печальнымъ бытіемъ...
«*Никто* участія въ судьбѣ моей не бралъ.
«Чувствительность въ груди моей питая,
«Въ сердцахъ у *всѣхъ* людей я камень находилъ [6]).

Но, не встрѣчая той ласки, къ которой его пріучила нѣжная мать, маленькій Карамзинъ, тѣмъ не менѣе, не ожесточился:

---

[1]) Карамзинъ, Соч., I, 105.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., III, 216.

[4]) Въ 1770 году отецъ Карамзина женился во второй разъ (Соч. И. Дмитріева, II, 23; «Р. Ст.» 1898, № 2, 133); если принять 1766-ой годъ за годъ рожденія К—на, то ему было тогда 4 года.

[5]) Карамзинъ, Соч., I, 104.

[6]) Ibid.

видно, слишкомъ прочно было наслѣдственное вліяніе его матери: «душа Леонова образовалась любовью и для любви. Теперь обманывайте, терзайте его, жестокіе люди! Онъ будетъ воздыхать и плакать» [1])... Такимъ образомъ, уже съ дѣтскихъ лѣтъ научился онъ «вздыхать и плакать», съ младенчества сдѣлалась ему знакома меланхолія [2]). Здѣсь, въ этихъ раннихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, и кроется, по нашему мнѣнію, источникъ тѣхъ особенностей его сердца, на которыхъ въ юношескомъ возрастѣ богато расцвѣли вліянія западной сентиментальной литературы.

Изъ жалобъ Карамзина на то, что послѣ смерти матери въ дѣтствѣ «никто» не бралъ участія въ его судьбѣ, что «всѣ» люди относились къ нему равнодушно, видно, что отецъ не былъ особенно нѣжнымъ и внимательнымъ къ сыну; мачихѣ, тѣмъ менѣе, было охоты заниматься имъ, такъ какъ у нея были свои дѣти. Потому онъ рано былъ отданъ на полное попеченіе прислуги: слушалъ онъ сказки «мамушекъ» [3]), а потомъ изъ женскихъ рукъ попалъ къ дядькѣ [4]). Мы не знаемъ, что за человѣкъ былъ этотъ дядька, которому поручено было воспитаніе ребенка, походилъ-ли этотъ воспитатель на пушкинскаго Савельича (изъ «Капитанской дочки»), образъ, часто мелькающій при чтеніи мемуаровъ XVIII вѣка, — Карамзинъ ничего не говоритъ объ этомъ первомъ педагогѣ, къ которому онъ попалъ: одно ясно для насъ изъ чтенія автобіографическаго романа,—это, что свободы ребенка дядька не стѣснялъ. Ребенокъ былъ очень рано предоставленъ самому себѣ, и его чуткая натура развивалась совершенно самобытно. Въ то время такъ вырастали многіе.

Впрочемъ, уже съ первыхъ минутъ этой самостоятельной жизни внѣшнія обстоятельства дали развитію Карамзина извѣстное направленіе: смерть матери, холодность мачихи, равнодушіе отца, — все это заставило ребенка замкнуться въ тѣсный кругъ своего дѣтскаго внутренняго міра. Немудрено, что уже съ дѣтства безотчетная грусть или тихая меланхоличная мечтательность было обычнымъ настроеніемъ ребенка. Съ на-

[1]) Карамзинъ, Соч, III, 246.
[2]) Ibid., 257.
[3]) Ibid., I, 256.
[4]) Ibid., III, 258.

строеніемъ этимъ удивительно гармонировала возвышающая душу спокойная картина волжской природы; она воспитала эстетическое чувство многихъ людей XVIII вѣка [1]),—она манила къ себѣ и Карамзина-ребенка: маленькій меланхоликъ по цѣлымъ часамъ пропадалъ изъ дому, сидя «на высокомъ берегу Волги въ орѣховыхъ кусточкахъ» [2]), мечтательно любуясь «на синее пространство Волги, на бѣлые паруса судовъ и лодокъ, на стаи рыболововъ, которые изъ-подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ и снова парятъ въ воздухѣ» [3]). «Сія картина, продолжаетъ Карамзинъ, — такъ сильно впечатлѣлась» въ его дѣтской душѣ, что «онъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того» плакалъ, вспоминая о Волгѣ, родинѣ и безпечной юности [4]). Всегда съ чувствомъ умиленія и признательности относился Карамзинъ къ роднымъ мѣстамъ, гдѣ впервые онъ «чувствомъ жизни насладился» [5]), «Природу полюбилъ» [6]). «Какъ мила природа въ деревенской одеждѣ своей», восклицаетъ онъ однажды. «Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества,—лѣта, проведенныя мною въ тишинѣ сельской, на краю Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены натуры были первымъ предметомъ его вниманія» [7])...

Первый учитель, къ которому попался ребенокъ на выучку, былъ, конечно, обычный педагогъ добраго стараго времени—сельскій дьячекъ съ его классическимъ часословомъ. Этотъ «славнѣйшій грамотѣй въ околодкѣ не могъ нахвалиться» понятливостью ученика: въ три дня были выучены всѣ буквы, въ недѣлю — всѣ склады, еще черезъ недѣлю—ребенокъ разбиралъ уже слова и титлы, а «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ читать всѣ церковныя книги, какъ *Отче нашъ*» [8]). Эзоповы басни были первой свѣтской книгой, которая попалась въ руки

---

[1]) Напр., «Отецъ и Сынъ», Р. В., 1875, № 5, 154; В. Панаевъ. Вѣст. Евр., 1867, III, сент., 208—10; Державинъ. Соч., II, 189. Дмитріевъ И., Соч., II, 49.

[2]) Карамзинъ, Соч., III, 257.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid., I, 10.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid., III, 458.

[8]) Ibid., III, 252.

мальчику: онъ съ жадностью прочелъ ее, перечелъ и вскорѣ зналъ наизусть. Сильное впечатлѣніе произведено было на него этой книжкой, и память о ней навсегда сохранилась у него [1]). Теперь чтеніе сдѣлалось его любимымъ времяпрепровожденіемъ, особенно, когда онъ заполучилъ ключъ отъ «желтаго шкапа», въ которомъ хранились любимые романы его покойной матери: ему «открылся новый свѣтъ въ романахъ» [2]). Мечтательный, сосредоточенный не по лѣтамъ ребенокъ, и безъ того часто смотрѣвшій съ недоумѣніемъ на ту маленькую часть міра, которая лежала передъ его глазами, вдругъ былъ перенесенъ въ фантастическое царство романическихъ героевъ, — и этотъ чудесный міръ, который увлекалъ его мать, и его манилъ къ себѣ своей таинственной прелестью: его глаза «летѣли съ одной страницы на другую» [3]), онъ забывалъ «веселыя игры своего возраста» [4]) и просиживалъ цѣлые дни, «впиваясь, такъ сказать, всѣмъ дѣтскимъ вниманіемъ въ нескладицу Мирамонда или Даиры» [5]).

Въ виду того, что самъ Карамзинъ придавалъ огромное значеніе въ исторіи своего развитія этому раннему знакомству съ романами, мы въ правѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе, чтобы тутъ же уяснить себѣ содержаніе и характеръ того чтенія, память о которомъ на всю жизнь осталась у Карамзина. Особенно сильное впечатлѣніе на мальчика произвели слѣдующіе романы: «Даира, восточная повѣсть» [6]), «Селимъ и Дамасина» [7]), «Мирамондъ» [8]), и «Исторія Лорда N» [9]).

Жизнь «Даиры», по словамъ автора, представляетъ изъ себя «собраніе несноснѣйшихъ мученій», «море бѣдствій и плачевныхъ случаевъ»: «всѣ дни ея (Даиры) сплетены изъ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 253.

[2]) Ibid., 255.

[3]) Ibid. 257.

[4]) Ibid., 254.

[5]) Ibid.

[6]) «Даира, восточная повѣсть», сост. въ четырехъ частяхъ, пер. съ фр. яз. Н. Д., Москва.

[7]) «Селимъ и Дамасина, африканская повѣсть», перевед. съ фр. яз., Спб.

[8]) «Непостоянная фортуна или похожденія Мирамонда», соч. Ѳ. Эмива, 3 ч.

[9]) Подъ такимъ названіемъ романа найти мы не могли.

однихъ только дѣйствій злобнаго рока»... Добродѣтельная дѣвушка, вѣрная своей привязанности, продана въ гаремъ къ нашѣ; за свою непреклонность она посажена въ тюрьму; послѣ цѣлаго ряда столкновеній, переодѣваній, хитростей, она освобождена, найдена своимъ идеальнымъ любовникомъ, потомъ опять потеряла его, «много государствъ прошла, съ злѣйшими безпокойствами», нашла своего дѣда, похоронила его и осталась опять одинокой; наконецъ, преслѣдуемая ненавистнымъ человѣкомъ, не видя ниоткуда спасенія, закололась, но была вылѣчена добродѣтельнымъ «меланхоликомъ», живущимъ уединенно, вдали отъ людей... Въ концѣ концовъ, она оказывается дочерью Емира и, послѣ цѣлаго ряда обмороковъ, слезъ, гоненій и страданій, кончаетъ свою жизнь счастливо и тихо, соединясь супружескими узами съ тѣмъ идеальнымъ юношей, которому оставалась вѣрной въ теченіе всѣхъ своихъ страданій.

Селимъ — тоже рыцарь «безъ страха и упрека». Авторъ про него говоритъ, что, «никогда натура и искусство столь много добрыхъ качествъ въ одномъ человѣкѣ не соединили, сколько оными сей молодой Принцъ отъ нихъ одаренъ былъ». Онъ—блестящій полководецъ, сынъ Тунисскаго султана. Влюбленный въ Дамасину за ея красоту и нравственность («строгое наблюденіе добродѣтели и твердое намѣреніе отъ него удаляться, для сохраненія ея чести, умножали въ немъ къ Дамасинѣ почтеніе»), Селимъ спасаетъ ее, потомъ раненый опять ее теряетъ надолго... Мудрый старецъ, лечившій его, читаетъ ему уроки житейской философіи... Селимъ узнаетъ, что онъ сынъ Карла де-Бурбона, переѣзжаетъ въ Римъ. Познакомившись съ исторіей своей жизни, онъ убѣждается, что морскіе разбойники съ ихъ дерзкими нападеніями сыграли въ его печальной жизни большую роль; поэтому онъ рѣшается всю жизнь мстить имъ. Послѣ цѣлаго ряда сраженій, кораблекрушеній, слезъ и печалей Селимъ соединяется съ Дамасиной. Они находятъ своихъ родителей и блаженствуютъ, завоевавъ себѣ счастье своими добродѣтелями.

Гораздо талантливѣе написанъ третій романъ, увлекавшій Карамзина: «Непостоянная фортуна или исторія Мирамонда»

сочиненіе Ѳ. Эмина. Авторъ подробно описалъ «несносные непостоянной фортуны удары обрушившіеся на героя», дабы подвигнуть нѣжныя сердца къ соболѣзнованію о нашихъ несчастіяхъ». Герой, добродѣтельный, идеальный юноша, по волѣ рока, изъ Турціи попадаетъ на Мальту, потомъ въ Марокко, въ Португалію, въ Англію, въ Египетъ, въ Италію, въ Австрію, въ Польшу, во Францію, наконецъ, опять въ Египетъ...

Изъ богатаго турка онъ поочередно дѣлается рабомъ, кофишенкомъ, муллою, полководцемъ, потомъ попадаетъ въ тюрьму, опять дѣлается полководцемъ и женихомъ дочери султана, изгоняется изъ города, пустынникомъ живетъ вдали отъ житейскаго шума, дѣлается православнымъ и, наконецъ, женится на своей возлюбленной. Такимъ образомъ, герой пробивается черезъ цѣлый рядъ всевозможныхъ опасностей и приключеній... «Какія гоненія онъ, проходя сею землею, претерпѣвалъ, восклицаетъ въ ужасѣ авторъ, того описать никакое перо обстоятельно не можетъ!» Тюрьма, рабство, кораблекрушенія, битвы, возвышенная, чистая любовь, страданія отъ клеветы,—все это знакомо [1]) нещастному герою...

Вставныя повѣсти, письма, «философскія» размышленія, сентиментальныя мечты и восклицанія, — все вошло въ это произведеніе Эмина. Герой, вынесшій свое добродѣтельное сердце цѣлымъ и чистымъ изъ борьбы съ искушеніями, конечно, оказывается, въ концѣ концовъ, счастливымъ: «постоянная терпѣливость побѣждаетъ всѣ сего свѣта гоненія и непостоянной фортунѣ приноситъ порабощеніе», замѣчаетъ авторъ...

Въ заключеніи онъ, обращаясь къ читателю, объясняетъ цѣли своего произведенія: всѣ эти «мыслями моими сплетенныя приключенія» имѣютъ смыслъ, заявляетъ онъ, «ни одно изъ нихъ безъ намѣренія не написано и каждое изображаетъ въ себѣ нѣчто, или удовольствіе тебѣ приносящее, или совѣсти твоей полезное... Прошу и увѣщеваю тебя, имѣй сожалѣніе о бѣдныхъ, ибо предвидѣть того не можешь, что завтра съ тобою статься можетъ... всѣ мы у судбины равны».

---

[1]) Любопытны описанія тѣхъ многочисленныхъ странъ, въ которыхъ побывалъ Мирамондъ, гонимый рокомъ.

Романы, по словамъ Карамзина, не имѣли дурного вліянія на его нравственность. «Сіе чтеніе, говоритъ онъ, не только не повредило юной душѣ, но было еще весьма полезно для образованія нравственнаго чувства: во всѣхъ романахъ желтаго шкапа Герои и Героини, несмотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками: первые, наконецъ, торжествуютъ, послѣдніе, наконецъ, какъ прахъ, исчезаютъ!...»

По признанію самого Карамзина, эта проповѣдь идеализма произвела на него въ дѣтствѣ сильное впечатлѣніе: въ душѣ его, «непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: «итакъ, любезность и добродѣтель одно! итакъ, зло безобразно и гнусно! итакъ, добродѣтельный всегда побѣждаетъ» [2]).

Но, если не пропала для ребенка безслѣдно мораль прочитанныхъ романовъ, то интересовала его, разумѣется, главнымъ образомъ, фабула: онъ «занимался болѣе происшествіями, связью вещей и случаевъ» [3]). Зачитываясь чудесными дѣяніями героевъ, онъ уносился изъ той маленькой, мирной жизни, въ которой онъ жилъ до сихъ поръ, въ необозримое царство фантазіи. «Новый свѣтъ» открылся ему въ романахъ... «Онъ увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множество разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній... Передъ глазами его безпрестанно поднимался новый занавѣсъ: ландшафтъ за ландшафтомъ, группа за группой являлись взору...» [4]).

Эти частые полеты въ царство фантазіи Карамзинъ считалъ «теплицею для юной души, которая отъ этого зрѣетъ прежде времени» [5]), — и, дѣйствительно, біографъ Карамзина долженъ признать, что чувствительность его и легкая раздражимость воображенія, — качества, которыя навсегда остались при немъ, которыя помогли ему въ его литературной дѣятельности, въ значительной степени зависятъ отъ

[1]) Карамзинъ, Соч. III, 255.
[2]) Ibid., 255—6.
[3]) Ibid., 254.
[4]) Ibid., 255.
[5]) Ibid., 265.

этого ранняго чтенія романовъ. Карамзинъ самъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ «сказки распаляли младенческое *его* воображеніе и дѣлали въ ребячествѣ маленькимъ Донкихотомъ» [1]).

Насколько раздражено было въ дѣтствѣ воображеніе Карамзина, видно изъ слѣдующаго случая, который и переданъ имъ самимъ: «вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ фей, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною — схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и, заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но, чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ» [2]). На десятомъ году мальчикъ могъ уже часа по два играть воображеніемъ и «строить замки на воздухѣ». «Опасности и героическая дружба были любимою его мечтою», онъ воображалъ себя «избавителемъ», «мысленно летѣлъ во мракѣ ночи на крикъ путешественника, умерщвляемаго разбойниками», «бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его»... [3]).

Нѣсколько намековъ въ произведеніяхъ Карамзина позволяютъ намъ думать, что романы повліяли не только на его воображеніе: они рано растревожили въ его душѣ инстинктивное влеченіе къ женщинѣ, наполняя его дѣтское сердце какимъ-то неяснымъ чувствомъ, чѣмъ-то въ родѣ любви. Девяти, десяти лѣтъ онъ уже скромно ухаживалъ за деревенской «Розой»:

«Тогда, какъ я еще гонялся,
«За пестрымъ мотылькомъ,
«Считалъ себя богатыремъ,
«Когда на дерево взбирался
(«И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной Розѣ,

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 318. Подъ «сказками» надо понимать не только разсказы «мамушки», о которыхъ мы упоминали уже выше, но и книжное чтеніе, — романы со сказочными приключеніями.

[2]) Ibid., 318.

[3]) Ibid., III, 265—6.

«Красоткѣ нашего села,
«Подаркомъ угодить...) [1]).

Кромѣ того, «въ жаркіе дни ему случалось взглядывать на берегъ пруда, гдѣ сельскія смуглыя красавицы...» [2]). Впервые чувство любви, правда, робкое, неясное, проснулось въ сердцѣ мальчика послѣ знакомства съ той графиней Мировой [3]) (Пушкина), о которой онъ даже черезъ 27 лѣтъ вспоминалъ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Молодая женщина своей лаской привлекла къ себѣ сердце мальчика, который съ лѣтами, какъ будто, все больше сознавалъ свое сиротство [4]), и сама привязалась къ нему... Полюбить мальчика было немудрено... Даже друзья его отца, старики-служаки, которыхъ нельзя заподозрѣть въ излишней нѣжности сердца, — даже они признавались, что мальчикъ невольно внушаетъ къ себѣ любовь: «что взглянешь, то полюбишь его!» [5]). «Леонъ вкрадывался въ любовь какимъ-то привѣтливымъ видомъ, какими-то умильными взорами, какимъ-то мягкимъ звукомъ голоса, который пріятно отзывался въ сердцѣ» [6]). Понятно, какое впечатлѣніе на молодую женщину долженъ былъ произвести симпатичный мальчикъ, который, при первомъ взглядѣ на нее, обливается слезами, вспоминая образъ матери... Молодая, бездѣтная графиня, скучающая въ обществѣ своего черстваго, стараго мужа, безъ труда привязалась къ маленькому Карамзину. Она хотѣла быть его «маменькой», но не выдержала своей роли... У мальчика, начитавшагося романовъ, чувства были развиты не по лѣтамъ, да и графиня, тоже большая любительница этихъ произведеній, поклонница Руссо [7]), очевидно, страдала въ то время отъ сердечной пустоты, — и вотъ, между двадцатипятилѣтней свѣтской дамой и десятилѣтнимъ деревенскимъ мальчикомъ установились какія-то странныя отношенія, объяснить которыя Карамзинъ не берется и черезъ 25 лѣтъ... [8]). Если въ Москвѣ графиня прибѣгала иногда къ «кокетству отъ разсѣянія» [9]), то въ захолустьѣ

[1]) Карамзинъ, Соч. I, 97.
[2]) Ibid., III, 279.
[3]) Ibid., 267.
[4]) Ibid., 266.
[5]) Ibid., 271.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., 270—1 272.
[8]) Ibid., 268.
[9]) Ibid., 269.

она кокетничала съ мальчикомъ, въ которомъ пробуждались уже волненія сердца... Она заставляетъ его чесать ея волосы, позволяетъ цѣловать ихъ, она пускаетъ его въ свою уборную, она за уроками слушаетъ мальчика, склонивъ къ нему на плечо свою голову [2]); вмѣсто упрека за то, что онъ подглядывалъ, какъ она купалась, она прикалываетъ къ его шляпѣ розанъ и, встрѣтясь съ нимъ, краснѣетъ... [3]).

Что касается до другого вреднаго вліянія романовъ, — чрезмѣрнаго развитія воображенія, то оно было сильно парализовано благотворнымъ вліяніемъ той здоровой русской среды, въ которой росъ Карамзинъ. Простотой и безыскусственной правдой вѣяло отъ этой среды, ничего фантастическаго не было въ этой жизни (оттого она такъ живо изображена въ романѣ), и маленькій мечтатель, вѣроятно, только наединѣ со своими романами былъ у нихъ во власти. Когда-же у отца его собирались друзья, тѣ «достойные матадоры провинціи», которыхъ Карамзинъ такъ удачно обрисовалъ въ своемъ романѣ [4]), тогда чудесный сказочный міръ въ глазахъ мальчика блѣднѣлъ, стушевывался передъ той простой русской правдой, которой была вдохновлена бесѣда друзей: «ихъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего героя» [5]), замѣчаетъ Карамзинъ. Въ рѣчахъ старыхъ дворянъ слышалъ онъ, то негодованіе честныхъ людей на житейскія неправды [6]), то рыцарскія клятвы бороться съ этими неправдами [7]), то, въ болѣе спокойную минуту, воспоминанія о дѣламъ далекаго прошлаго родной земли [8]). Это были люди бывалые, много на своемъ вѣку видавшіе; въ деревни свои вернулись они, вѣроятно, воспользовавшись указомъ о «вольности дворянства», и первыя реформы Екатерины застали ихъ еще людьми бодрыми, — общественная жизнь интересовала ихъ, что сказалось, и въ ихъ рыцарскихъ клятвахъ, и въ ихъ рѣчахъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, лицо это, несомнѣнно, существовавшее въ дѣйствительности (Р. Ст. 1874, XI, 242), намъ не удалось опредѣлить.

[2]) Карамзинъ, Соч., III,, 277.

[3]) Ibid., 281. См. 1-ое примѣчаніе (о Мировой).

[4]) Ibid., 261—2.

[5]) Ibid., 262.

[6]) Ibid., 261, 262.

[7]) Ibid., 263.

[8]) Ibid., 262.

Такой кружокъ дворянъ, одушевленныхъ общественными интересами, — явленіе очень важное для біографа Карамзина, въ особенности, такъ какъ самъ Карамзинъ признавалъ для себя воспитательное значеніе рѣчей этихъ стариковъ-идеалистовъ, защитниковъ правды: эти рѣчи отвлекали мальчика отъ романовъ: онъ «съ удовольствіемъ слушалъ» стариковъ, ихъ «бесѣду словоохотную», отъ нихъ «заимствовалъ русское дружелюбіе», отъ нихъ «набрался духу русскаго» [1]). Добрые старики! миръ вашему праху!» [2]).

Къ этимъ же раннимъ впечатлѣніямъ, навсегда наложившимъ свои печати на душу ребенка, относится и ужасное воспоминаніе о голодѣ въ Симбирскѣ: «я жилъ тогда въ деревнѣ, разсказывалъ впослѣдствіи Карамзинъ, былъ еще ребенкомъ, но *умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ*, и страдалъ, видя страданія моихъ ближнихъ» [3]). Этотъ фактъ для насъ очень интересенъ: во-первыхъ, тѣмъ, что самъ Карамзинъ указываетъ на несоразмѣрное возрасту развитіе у него чувствительности, а, во-вторыхъ, ясно изъ этихъ словъ что русская дѣйствительность не совсѣмъ заслонялась романами отъ глазъ мальчика...

Послѣ знакомства съ Пушкиной образованіе Карамзина изъ рукъ грамотѣя-дьячка перешло къ ней въ руки. Скучающая женщина, развлекаясь съ «нѣжнымъ другомъ своимъ», учила его французскому языку, исторіи, географіи [4]). Конечно, ученіе это было очень поверхностнымъ, и, можно думать, скоро весь запасъ свѣдѣній «графини» перешелъ къ ея ученику, но важно, что «минуты ученія были для него минутами наслажденія» [5]), что «корни ученія» оказались сладкими для мальчика. Можно думать, что въ это же время онъ началъ брать первые уроки нѣмецкаго языка у того симпатичнаго нѣмца-врача, о которомъ, какъ учителѣ Карамзина, упоминаетъ И. И. Дмитріевъ: «очень помню его привлекательную, не смотря на спинной горбъ, физіономію; онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его сіяла кротость и человѣколю-

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 264. [2]) Ibid., 662.
[3]) Ibid. [4]) Ibid., 275. [5]) Ibid., 277.

біе» [1]). На впечатлительнаго мальчика этотъ горбатый старикъ, съ тихой, кроткой рѣчью, имѣлъ, навѣрное, очень сильное вліяніе [2]). Нѣмецкій языкъ сдѣлался вскорѣ любимымъ языкомъ Карамзина: «когда я былъ еще мальчикомъ, писалъ онъ позднѣе къ Лафатеру, то предавался изученію языковъ; особенно любилъ я нѣмецкій языкъ» [3]).

Жизнь въ домѣ Пушкиной и занятія подъ ея руководствомъ сыграли въ развитіи Карамзина большую роль: деревенскій мальчикъ, попавшій въ аристократическій домъ, узналъ новую жизнь; онъ внимательно приглядывался къ этой жизни, и умственный кругозоръ его быстро расширялся. Кромѣ того, немалую службу сослужила ему и библіотека графа, которая была предоставлена въ его распоряженіе. Конечно, эта библіотека была составлена лучше, чѣмъ та, которую онъ нашелъ въ «желтомъ шкапу» своей матери. Изъ прочтенныхъ книгъ особое впечатлѣніе произвела на него Римская исторія Ролленя [4]), книга, такъ хорошо извѣстная тогдашнему юношеству, что во многихъ мемуарахъ упоминается въ числѣ первыхъ прочтенныхъ. Черезъ много лѣтъ послѣ знакомства съ Ролленемъ, Карамзинъ помнилъ еще о томъ впечатлѣніи, которое получилъ онъ отъ этого чтенія. «Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Исторіи! восклицаетъ онъ. Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и, воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его, какъ своего Героя. Аннибала я ненавидѣлъ въ счастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Кароагена, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли, когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ римлянъ, скитался изъ земли въ землю,—тогда я былъ нѣжнымъ другомъ, хотя несчастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ республиканцевъ» [5]). Воспріимчивый, чувствительный мальчикъ переживалъ всю исторію вмѣстѣ съ ея героями и полюбилъ въ ней то, что любилъ

---

[1]) И. Дмитріевъ, Соч., II. 23.
[2]) См. 2-е примѣчаніе.
[3]) Карамзинъ, Письма къ Лафатеру, 4.
[4]) Карамзинъ, Соч., II. 549.
[5]) Ibid.

и въ романахъ, т. е., «чрезвычайности, примѣры геройства и великодушія» [1]).

Лѣтъ десяти (1776—1777 г.) онъ сталъ посѣщать симбирскій пансіонъ Фовеля, гдѣ были, вѣроятно, приведены въ нѣкоторый порядокъ тѣ случайныя свѣдѣнія, которыя онъ почерпнулъ изъ уроковъ своей «маменьки». Способный мальчикъ занимался въ пансіонѣ хорошо, и, навѣрно, весь небольшой курсъ наукъ, какой проходили въ этомъ пансіонѣ, былъ пройденъ имъ быстро и легко. Сколько времени пробылъ Карамзинъ въ пансіонѣ, сказать трудно, — вѣроятно, недолго, «нѣсколько времени» [2]), т. е. около года. За это время началъ уже устанавливаться у него вкусъ при выборѣ чтенія: послѣ чтенія Ролленя трудно предположить, чтобы онъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ прежде, зачитывался всякими романами безъ разбора. Кромѣ того, подъ вліяніемъ историческаго чтенія, у него должна была проявиться болѣе сознательная любовь къ прошлому Россіи: теперь разсказы старыхъ друзей его отца о минувшемъ-пережитомъ получили въ его глазахъ особую цѣну: будущій исторіографъ полюбилъ эти разсказы и уже въ эти годы ревниво прислушивался ко всему, что касалось родной старины. Къ этому времени относится, вѣроятно, знакомство его со столѣтнимъ симбирскимъ старикомъ Елисеемъ Кашинцевымъ [3]), который помнилъ и видѣлъ лично еще великаго Петра. По словамъ Карамзина, этотъ Кашинцевъ угощалъ его «банею и зеленымъ чаемъ» и, конечно, своими разсказами о царѣ-преобразователѣ... Старикъ увлекалъ восторженнаго мальчика, и непонятный народу, но, тѣмъ не менѣе, величественный образъ царя-работника рано получалъ въ глазахъ ребенка особенную романическую окраску.

На двѣнадцатомъ году въ развитіи Карамзина наступаетъ новая эпоха: до этого времени онъ, дѣйствительно, «росъ въ веселіи невинномъ, какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ» [4]), но съ 1777 — 1778 года «юный лѣсной миртъ»

---

[1]) Карамзинъ, Соч. III, 621.

[2]) Погодинъ, 15.

[3]) Карамзинъ. «Письма къ Дмитріеву», 378. [4]) Карамзинъ. Соч., I, 11.

былъ отданъ подъ надзоръ такого опытнаго «садовода», какимъ былъ профессоръ Шаденъ, и съ этихъ поръ развитіе богатыхъ душевныхъ способностей мальчика приняло болѣе правильное теченіе.

Судя по отзывамъ современниковъ [1]), проф. Шаденъ былъ однимъ изъ толковѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ ученыхъ московскаго университета. Это былъ вполнѣ искренній поклонникъ просвѣщенія, человѣкъ, который не отставалъ отъ вѣка, работалъ много и усердно, но, повидимому, въ концѣ концовъ, оставшійся только усерднымъ работникомъ. Никакими особенными талантами онъ не отличался, а потому глубокихъ слѣдовъ въ исторіи русской культуры послѣ себя не оставилъ. Человѣкъ честный, вѣрно служившій тому идеализму, на которомъ былъ самъ воспитанъ, онъ старался привить этотъ идеализмъ и русскому юношеству, тщательно подбирая своимъ питомцамъ книги для чтенія, толкуя имъ философскія и моральныя сочиненія съ идеалистической окраской. Кромѣ нравственнаго и эстетическаго развитія своихъ питомцевъ, проф. Шаденъ серьезное вниманіе обратилъ на развитіе у нихъ политическаго сознанія, конечно, въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ это допускала его привязанность къ монархическому строю [2]).

Къ Карамзину и его юнымъ товарищамъ была примѣнена строгая система воспитанія. Такъ какъ систематическое чтеніе было, въ глазахъ проф. Шадена, однимъ изъ главнымъ воспитательныхъ средствъ, то прежде всего онъ обратилъ вниманіе на чтеніе своихъ питомцевъ,—и вотъ, изъ полновластнаго хозяина библіотекъ Карамзинъ обратился теперь въ покорнаго ученика, читающаго только то, что позволялось его ментором. Такимъ образомъ, вмѣсто романовъ, въ рукахъ мальчика оказались на первыхъ порахъ только басни Геллерта [3]). Впрочемъ, эта перемѣна не особенно была тяжелой

---

[1]) О Шаденѣ, см. «Москвит.» 1851, № 9, 10 (воспом. Н. Ѳ. Тимковскаго); «Пріятн. и полезн. препр. времени», 1797 г., XVI ч., Фонвизинъ, Соч. (изд. 1866 г.), 540; Bernouilli, «Reisen durch Russland», 1777—8 г., V, 222, 238; «Современникъ», 1853, № 1, 13—27 (содержаніе лекцій и рѣчей); Тихонравовъ, Соч., III, 1 ч., 44; Р. Арх., 1893, II, 567.

[2]) «Современникъ», 1853, № 1, 21—2; Тихонравовъ, 50, 53, 54, 57.

[3]) Карамзинъ, Соч., II, 120.

для Карамзина; басни увлекли его не менѣе романовъ «желтаго шкапа»: вспоминая впослѣдствіи объ этомъ, юноша признавался, что, читая «Инкле и Ярико» Геллерта, онъ обливался «горькими слезами», читая его же «Зеленаго Осла», «смѣялся отъ всего сердца» [1]). Намъ думается, что объяснить легкость, съ какою перешелъ Карамзинъ отъ завлекательныхъ романовъ къ нравоучительнымъ баснямъ, не такъ трудно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Нравоучительный характеръ этихъ произведеній не могъ отпугнуть отъ себя мальчика, такъ какъ къ подобнымъ нравоученіямъ онъ привыкъ уже въ романахъ. Что же касается до художественности произведеній Геллерта, то въ этомъ отношеніи они, конечно, стояли выше переводныхъ романовъ, и, если эти легкіе разсказы въ стихахъ, порою блещущіе живымъ юморомъ, порою освѣщенные теплымъ чувствомъ гуманности, увлекали мальчика, то это только свидѣтельствуетъ о быстромъ развитіи его эстетическаго чутья.

Басни служили проф. Шадену подготовкой и иллюстраціей къ тѣмъ бесѣдамъ, которыя велъ онъ съ «маленькими своими учениками», пользуясь лекціями Геллерта по морали, «Moralische Vorlesungen» [2]). Очевидно, Геллертъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ писателей Шадена, и идеалами его воспитатель Карамзина былъ глубоко проникнутъ, если во время этихъ бесѣдъ «съ жаромъ говаривалъ» своимъ ученикамъ: «друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы!» [3]).

Чему же училъ Геллертъ тринадцатилѣтняго Карамзина? «Воспитаніе сердца»,—вотъ главный основной принципъ педагогики Геллерта [4]). Такъ какъ, по его мнѣнію, голосъ сердца въ нравственной жизни человѣка выше голоса разсудка [5]), то на образованіе своего сердца должно обратить особое вниманіе [6]); надо въ себѣ воспитывать «вкусъ къ нравственности» [7]), чтобы «любовь къ доброму, отвращеніе къ злому» [8]) сдѣлались, въ концѣ концовъ, органическими по-

[1]) Ibid., [2]) Карамзинъ, Соч. II, 120. [3]) Ibid.
[4]) Gellert C. F., «Sämmtliche Schriften». (Leipzig, 1784, 10 Th.), VI, 1.
[5]) Ibid., 2—3. [6]) Ibid., 1—2, 4. [7]) Ibid., 43, 24. [8]) Ibid., 5.

требностями души. «Управленіе страстями» и «довѣренность къ Творцу» [1]),—вотъ главныя средства достигнуть самоулучшенія. И вѣнцомъ этого самосовершенствованія будетъ счастье, которое, въ глазахъ Геллерта, отожествлялось съ «спокойствіемъ души» [2]), истекавшимъ изъ блаженнаго сознанія, «что ты добръ и справедливъ» [3]). Образцовыми добродѣтелями, вѣчными спутниками идеальнаго человѣка, были, по Геллерту, «почтеніе и любовь къ Богу, умѣренность желаній, власть надъ страстями, справедливость и любовь къ людямъ, нашимъ братьямъ; прилежаніе и трудолюбіе въ избранной работѣ, терпѣливость въ несчастіи, кротость, довѣріе къ Божественному Промыслу, покорность своей судьбѣ» [4]). Цѣлый рядъ правилъ даетъ Геллертъ въ помощь юношамъ, стремящимся къ самоулучшенію [5]); очень много говоритъ объ обязанностяхъ нравственнаго человѣка въ жизни [6]). Его лекціи не разъ прерываются патетическими восклицаніями по адресу юношей, онъ проситъ ихъ идти къ свѣту, умоляетъ, заклинаетъ... Общій тонъ этихъ лекцій несомнѣнно искренній, но приподнятый; онъ волновалъ сердца, жаждущія идеализма, онъ долженъ былъ захватывать слушателя,—и немудрено, что проф. Шаденъ, подъ ихъ вліяніемъ, говорилъ «съ жаромъ» [7]), и что въ памяти Карамзина надолго остались эти уроки, когда на этотъ призывъ къ идеализму въ его юной душѣ чутко отзывались струны сердца.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что педагогика Геллерта-Шадена не стала поперекъ того пути, по которому шло развитіе души Карамзина: отъ природы одаренный натурой чуткой, отзывчивой, скажемъ, «чувствительной», въ первыхъ дѣтскихъ и отроческихъ впечатлѣніяхъ нашедшій богатую пищу для развитія «чувствительности», Карамзинъ, въ лицѣ своего педагога-воспитателя, встрѣтилъ человѣка, всѣми силами старавшагося развивать въ немъ эту же чувствительность, лишь направляя ее на сознательный, ясный идеализмъ.

---

[1]) Gellert, «Sämmt. Schriften», VI, 24, 26.
[2]) Ibid., 9.
[3]) Ibid., 25, 27.
[4]) Ibid., 20.
[5]) Ibid., 135—237.
[6]) Ibid., 237—305, VII, 1—293.
[7]) Карамзинъ, Соч., II, 120.

Большое значеніе имѣлъ проф. Шаденъ и для литературнаго развитія мальчика. Извѣстно, что наставникъ Карамзина требовалъ отъ своихъ учениковъ умѣнья ясно и точно излагать на бумагѣ собственныя мысли и чувства [1]). Подобныя письменныя работы были у него тѣсно связаны съ чтеніемъ лучшихъ писателей. Такое «литературное» воспитаніе, несомнѣнно, должно было оставить слѣды на ученикахъ Шадена: идеализмъ преподавался имъ не въ отвлеченномъ видѣ, а въ поэтическихъ образахъ. Что касается до чтенія, то, если на первыхъ порахъ Шаденъ довольствовался только баснями Геллерта, то, съ теченіемъ времени, онъ, конечно, расширялъ составъ ученической библіотеки и, такимъ образомъ, въ строгой системѣ знакомилъ своихъ воспитанниковъ постепенно съ лучшими писателями-идеалистами. Для характеристики этой литературы, несомнѣнно знакомой Карамзину въ отроческіе годы, остановимся ненадолго, хотя бы, на литературныхъ произведеніяхъ того же Геллерта. Даже поверхностное знакомство съ ними поможетъ намъ яснѣе возсоздать себѣ ту литературную атмосферу, въ которой начали складываться писательскіе вкусы Карамзина. Уже самыя названія стихотворныхъ произведеній Геллерта знакомятъ насъ съ его идеалами: «Любовь къ ближнему» [2]), «Довольство своей судьбой» [3]), «Любовь къ врагамъ» [4]), «Счастье обладать чистой совѣстью» [5]), «Терпѣніе» [6]) и пр. Разумѣется, и піэтизмъ положилъ свои печати на его дѣятельность: восхваленія Творца занимаютъ въ его произведеніяхъ видное мѣсто [7]). На себя онъ смотритъ, какъ на «спасителя душъ» [8]), — и молитва его: «дай мнѣ предусмотрительное сердце, полное любви и покоя, мудрое сердце, которое знаетъ свои обязанности и исполняетъ ихъ!» [9]) — рисуетъ намъ вполнѣ опредѣленно его житейскія стремленія. Но кромѣ личныхъ заботъ объ улучшеніи своего сердца [10]), Геллертъ указываетъ читателямъ на гро-

[1]) Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч., 47.
[2]) Gellert, «Geistliche Oden und Lieder» II, 53.
[3]) Ibid., 59
[4]) Ibid., 63.
[5]) Ibid., 67.
[6]) Ibid., 50.
[7]) Ibid., 52, 20.
[8]) Ibid., 142.
[9]) Ibid., 41.
[10]) Ibid., 123.

*

мадное значеніе въ этомъ отношеніи хорошихъ внѣшнихъ вліяній: «есть еще благородныя души [1]), говоритъ онъ, — съ ними надо сближаться и въ тѣсномъ единеніи благородныхъ сердецъ искать себѣ и примѣра, и удовольствія, и времяпрепровожденія»... [2]). «Чистое имя, слава передъ Богомъ и любовь друзей,—вотъ, къ чему долженъ стремиться всякій» [3]). О смерти Геллертъ совѣтуетъ не забывать: «старайся, говоритъ онъ, всегда живо представлять смерть передъ собой,— тогда ты будешь безъ содраганія смотрѣть на нее: она будетъ тебѣ утѣшеніемъ въ печали и мудрымъ другомъ въ хорошіе дни» [4]). Когда его чувствительная душа уже очень тяжело чувствуетъ себя на землѣ, онъ уносится мечтами въ загробную жизнь [5]): «Какое счастье я буду вкушать тамъ, гдѣ я буду жить вѣчно!» [6]), восклицаетъ онъ. Конечно, кромѣ Геллерта, познакомился Карамзинъ еще съ цѣлымъ рядомъ писателей, сродныхъ ему по духу. Ниже мы подробнѣе остановимся на нихъ [7]).

Кромѣ знакомства съ западной литературой Шаденъ, слѣдуя педагогическимъ пріемамъ своего времени, заставлялъ своихъ воспитанниковъ дѣлать литературные переводы, писать «подражанія» прочтеннымъ произведеніямъ. Такого рода занятія имѣли для Карамзина громадное значеніе и, конечно, онъ «еще въ пансіонѣ Шадена пріобрѣлъ навыкъ въ письменномъ изложеніи мыслей и охоту къ литературнымъ занятіямъ» [8]). Позаботился Шаденъ и о томъ, чтобы его ученики практически знали новые языки: А. И. Тургеневъ разсказывалъ г. Старчевскому, вѣроятно, со словъ самого Карамзина, что Шаденъ, полюбившій его «сталъ водить его съ собою къ иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ, для того, чтобы юноша могъ усовершенствоваться въ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ» [9]).

---

[1]) Gellert., 123.
[2]) Ibid., 38.
[3]) Ibid., I, 16.
[4]) Ibid., 26.
[5]) Ibid., 89.
[6]) Ibid., 26.
[7]) Поэзія Геллерта, равно какъ и его сочиненія по морали, имѣли для Карамзина огромное значеніе: можно собственными стихотвореніями его, не только ранними, но и позднѣйшими, доказать, какъ прочно усвоилъ онъ наставленія Геллерта.
[8]) Гротъ, «Очеркъ дѣят. и личн. Карамзина», 10.
[9]) Старчевскій, «Н. М. Карамзинъ», 14, 16,

Наконецъ, Шаденъ позаботился, несомнѣнно, и о политическихъ убѣжденіяхъ своего питомца. Воспитанникамъ старшаго возраста онъ позволялъ читать политическія статьи, знакомившія съ современной жизнью Запада. Такъ, отъ самого Карамзина мы знаемъ, что онъ въ пансіонѣ слѣдилъ за иностранными газетами [1]) и, во время американской войны, съ восхищеніемъ читалъ «донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ» [2]). Конечно, эти газетныя статьи выбирались Шаденомъ и комментировались согласно его собственнымъ политическимъ убѣжденіямъ. Въ томъ, что симпатіи мальчика были на сторонѣ Англіи, мы видимъ результаты вліянія воспитателя, врага республикъ, сторонника монархическаго строя и той «законности», которая, по его мнѣнію, съ этимъ строемъ связывалась. Вѣроятно, не одна только американская война сдѣлалась знакома Карамзину въ то время: надо предполагать, что Шаденъ далъ своимъ ученикамъ нѣкоторое знакомство и съ другими сторонами внѣшней и внутренней жизни западной Европы. По крайней мѣрѣ, со словъ самого Карамзина, мы знаемъ, что симпатіи къ Англіи укрѣпились у него еще во время пребыванія у Шадена [3]), — это объясняется тѣмъ, что наставникъ Карамзина могъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ англоманомъ: извѣстно, напр., что онъ стоялъ за судъ присяжныхъ [4]), — можетъ быть, онъ сочувствовалъ еще кое-чему въ англійской жизни...

Въ пансіонѣ Шадена Карамзинъ пробылъ четыре года (1777—1781), и, вѣроятно, къ двумъ послѣднимъ годамъ его пребыванія тамъ относится посѣщеніе университетскихъ лекцій, о которыхъ онъ упомянулъ позднѣе въ автобіографической запискѣ [5]). Впрочемъ, посѣщеніе этихъ лекцій не имѣло, повидимому, особеннаго значенія для Карамзина, потому что, находясь подъ опекой Шадена, онъ, вѣроятно, по-

---

[1]) Погодинъ, I, 18.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 773.

[3]) Ibid., 659, 773.

[4]) Интересно, что впослѣдствіи въ «Письмахъ» изъ Англіи только къ суду присяжныхъ отнесся Карамзинъ съ безусловнымъ одобреніемъ.

[5]) Зап. Имп. Ак. Н., т. VIII, 97—98.

сѣщалъ только указанныя имъ лекціи,—поэтому ему, конечно, не удалось слышать лекцій Шварца, съ которымъ проф. Шаденъ былъ въ то время въ открытой враждѣ [1]). Такимъ образомъ, университетъ ничего не прибавилъ къ тому, что Карамзинъ получилъ отъ своего наставника на дому. Насколько мало интересовался самъ Карамзинъ университетской наукой, видно хотя бы изъ того, что онъ даже, оказывается, не зналъ точно ученіе какого философа было въ его время принято въ московскомъ университетѣ [2]).

Въ 1781 году, 15-ти лѣтъ отъ роду, Карамзинъ вступилъ въ жизнь... Если бы проф. Шаденъ былъ талантливымъ человѣкомъ, то воспитаніе, данное имъ Карамзину, могло бы навсегда опредѣлить жизнь, лежащую предъ юношей... Но вліяніе наставника не было настолько сильнымъ, чтобы юноша безпрекословно отдался его завѣтамъ. Правда, между воспитателемъ и воспитанникомъ завязались, повидимому, теплыя отношенія: «онъ полюбилъ меня и я полюбилъ его» [3]), писалъ Карамзинъ Лафатеру о Шаденѣ,—но эта любовь, очевидно, не была глубокимъ чувствомъ: съ выходомъ юноши изъ подъ опеки воспитателя разрывается, повидимому, между ними всякая связь.

Итакъ, воспитаніе въ Москвѣ много хорошихъ сѣмянъ бросило въ душу Карамзина, но сѣмена эти не успѣли еще пустить ростковъ; юноша не отлился еще въ ту форму «идеальнаго человѣка», какимъ мечталъ его видѣть воспитатель. Оттого при вступленіи въ жизнь будущее не вполнѣ ясно представлялось Карамзину: съ одной стороны, хотѣлось ему ѣхать заграницу, въ Лейпцигъ, для всесторонняго развитія своей души. Тамъ хотѣлось ему «собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ» тосковало его сердце [4]),—съ другой стороны, онъ, 15-ти лѣтній юноша, не прочь былъ «летѣть на поле чести» [5])

---

[1]) Лонгиновъ, «Новиковъ», 188; Шевыревъ, «Ист. М. У-та», 222.
[2]) Карамзинъ, Соч. II, 351.
[3]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 4.
[4]) Карамзинъ, Соч. II, 115.
[5]) Р. Ст., 1874, XI, 244.

для того, чтобы, побѣдоносно вернувшись съ похода, «съ лавромъ на главѣ», явиться предъ очами своей дамы сердца —

...и сказать: «для васъ, для васъ и вами! [1])
«Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду... поцѣлуй!»

Молодость взяла свое. Уроки Геллерта о счастьѣ остались пока про запасъ въ душѣ Карамзина: иное счастье манило его къ себѣ. Онъ въ это время, по словамъ И. И. Дмитріева, «плѣнялся славою воина» и «мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки» [2]). Слова Карамзина въ письмѣ къ Лафатеру о томъ, что онъ на военную службу поступилъ противъ воли, объясняются, на нашъ взглядъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что обязанность службы прекратила колебанія Карамзина: мечты о Лейпцигѣ пришлось оставить: «какъ дворянинъ, онъ долженъ былъ посвятить себя военной службѣ» [3]).

Карамзинъ поѣхалъ служить въ Петербургъ; тамъ онъ близко сошелся со своимъ свойственникомъ И. И. Дмитріевымъ. «Едва ли не съ годъ [4]) мы были неразлучны, вспоминалъ впослѣдствіи Дмитріевъ то время [5]), — склонность наша къ словесности, можетъ быть, что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день ото дня все болѣе» [6]). Вѣроятно, впечатлительный, юный Карамзинъ безъ особой борьбы подпалъ подъ вліяніе И. И. Дмитріева, который былъ старше его и въ то время уже началъ «печататься» [7]).

И. И. Дмитріевъ выросъ почти въ такихъ же условіяхъ, какъ и Карамзинъ: такъ же зачитывался онъ романами; такъ же сильно сказалось на немъ вліяніе матери [8]), большой любительницы русской литературы. Онъ получилъ хорошее для своего времени домашнее образованіе, но, съ выходомъ изъ подъ отеческаго крова, онъ пошелъ по другой дорогѣ, чѣмъ Карамзинъ. Если послѣдній получилъ исключительно

[1]) Карамзинъ, Соч., I, 97.
[2]) Дмитріевъ И., Соч., II, 26.
[3]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 4.
[4]) Во время службы Карамзинъ нѣсколько разъ бралъ большіе отпуски (Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 6-е Приложеніе).
[5]) Дмитріевъ И., Соч. II, 24. [6]) Ibid. [7]) Ibid. [8]) Ibid., 6.

нѣмецкое воспитаніе, зналъ только нѣмецкую и англійскую идеалистическую литературу и такъ мало былъ знакомъ съ французскимъ языкомъ, что произведенія французской литературы даже въ 1784 г. читалъ въ нѣмецкихъ переводахъ [1]), то, съ другой стороны, Дмитріевъ, повидимому, не зналъ нѣмецкихъ писателей и увлекался французской литературой [2]) и особенно легкой поэзіей, «прилѣпился къ вѣтренному Дорату и его товарищамъ» [3]). Кромѣ французской литературы Дмитріевъ обстоятельно познакомился съ русской [4]), былъ, наконецъ, постояннымъ посѣтителемъ петербургскихъ театровъ [5]).

Вліяніе Дмитріева на Карамзина—фактъ несомнѣнный: это видно какъ изъ словъ Дмитріева, что Карамзинъ «принялся за переводы», слѣдуя его примѣру [6]), такъ и изъ тона самаго разсказа объ отношеніяхъ, завязавшихся между ними: «*я* показывалъ ему иногда мелкіе мои переводы [7]), говоритъ Дмитріевъ, «*я* совѣтовалъ ему»... Несомнѣнно, литературная работа Дмитріева увлекла юношу Карамзина, и вотъ онъ рискнулъ выступить на поприще литератора,—къ этому времени относится его первый опытъ перевода съ нѣмецкаго языка: «Разговоръ Австрійской Маріи Терезіи съ нашей императрицей Елизаветой въ Елисейскихъ поляхъ» [8]). Къ тому же времени (1783) относится переводъ идилліи Геснера: «Деревянная нога». Кромѣ того, несомнѣнно, подъ вліяніемъ Дмитріева Карамзинъ долженъ былъ познакомиться съ увлекавшей того французской «легкой» поэзіей,—такимъ образомъ, въ душу Карамзина была внесена новая струя, очень отличная отъ той, съ которой такъ усердно старался сроднить своего ученика проф. Шаденъ... Но, если знакомство съ этой легкой французской поэзіей Карамзина и не могло быть глубокимъ, какъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства его съ французскимъ языкомъ, такъ и кратковременности сожительства съ Дмитріевымъ, — тѣмъ не менѣе, за все это время жизни въ Петербургѣ, Карамзинъ находился въ атмосферѣ, совершенно отличной отъ той, какая окружала его дѣтство и отрочество.

---

[1]) Дмитріевъ И., Соч. II, 25.
[2]) Ibid., 30—1 и др.
[3]) Ibid., 20.
[4]) Ibid., 6—7, 9, 11, 18—20 и др.
[5]) Ibid., 21.
[6]) Ibid., 24. [7]) Ibid. [8]) Ibid.

Скромные размѣры библіотеки пансіона Шадена были значительно расширены: Карамзинъ теперь «читалъ все безъ разбора», увлекался Вольтеромъ [1])... Эти новыя вліянія, нахлынувшія на Карамзина, дали и на будущее время разносторонность его интересамъ, не позволили ему замкнуться въ одномъ направленіи. Кромѣ того, при посредствѣ Дмитріева Карамзинъ познакомился обстоятельнѣе съ современной русской литературой, хотя, какъ мы ниже увидимъ, знакомство это никогда не было серьезнымъ и глубокимъ и значенія въ творчествѣ его почти не имѣло.

Военная служба Карамзина скоро прекратилась: 1-го января 1784 г. онъ былъ уже въ отставкѣ [2]). По объясненію Дмитріева, это произошло вслѣдствіе смерти отца Карамзина и неимѣнія средствъ для продолженія военной службы [3]). Самъ же Карамзинъ въ письмѣ къ Лафатеру даетъ этому другое объясненіе: «увидавъ, говоритъ онъ, что эта служба вынуждаетъ меня отказаться отъ всѣхъ ученыхъ моихъ занятій (вѣдь военное дѣло не имѣетъ ничего общаго съ ученостью!), я скоро покинулъ военную службу, хотя и поступилъ *противъ воли* моихъ родныхъ. Итакъ, на восемнадцатомъ году я былъ въ отставкѣ и мечталъ заниматься только книгами» [4]). Но первое объясненіе, правдоподобнѣе, и дальнѣйшая жизнь Карамзина подтверждаетъ его. Съ чиномъ поручика поѣхалъ Карамзинъ на родину. Молодого земляка, любезнаго и начитаннаго, симбирское общество приняло съ распростертыми объятьями. Дмитріевъ, свидѣвшійся съ нимъ въ Симбирскѣ черезъ нѣсколько времени послѣ разлуки, удивился перемѣнѣ, происшедшей въ короткое время съ робкимъ, застѣнчивымъ юношей: въ скромной средѣ провинціаловъ Карамзинъ развернулся, игралъ «роль надежнаго на себя въ обществѣ», былъ «опытнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу и ораторомъ. передъ отцами семействъ, которые, хотя

[1]) Дмитріевъ, Соч., II, 26.
[2]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 6-е Приложеніе, 463.
[3]) Ibid., 24; см. Погодина, I, 22 и Р. Стар., 1874, XI, 244.
[4]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 4—6.

и не охотники слушать молодежь, но его слушали». [1]). Вспоминая это время въ письмѣ къ Лафатеру, Карамзинъ говоритъ, что «сдѣлался большимъ любителемъ свѣтскихъ развлеченій, страстнымъ картежникомъ» [2]). Впослѣдствіи онъ не разъ съ горечью поминалъ то время, когда онъ закружился въ чаду жизни: онъ находилъ «много тѣни» въ своемъ прошломъ [3]), видѣлъ «черныя пятна въ книгѣ жизни» своей [4]), съ сердечной тоской жалѣлъ о безполезно утраченныхъ дняхъ, восклицая: «*какъ* я провелъ ихъ!» [5]). То было опасное время, когда отроческимъ идеаламъ Карамзина грозила сильная опасность быть навсегда забытыми. Впрочемъ, если разсѣянная жизнь заставила его на время позабыть уроки Шадена, то развлеченія свѣта не погасили въ немъ любви къ литературѣ. Разсказавъ о свѣтской жизни своего друга, Дмитріевъ спѣшитъ въ своихъ запискахъ оговориться: «такая жизнь не охладила, однако, въ немъ прежней любви къ словесности» [6]). Но кто увлекалъ его въ это время! Шаденъ пришелъ бы въ ужасъ при мысли, что его питомецъ зачитывается Вольтеромъ и его хочетъ переводить на русскій языкъ [7]).

Въ литературномъ развитіи Карамзина эта свобода знакомства съ произведеніями различныхъ направленій сыграла, конечно, большое значеніе: она дала толчекъ развитію его вкуса, она обогатила запасъ его литературныхъ знаній, помогла развитію критическаго чутья. Если въ Петербургѣ Дмитріевъ былъ руководителемъ юноши, то въ Симбирскѣ онъ встрѣтилъ уже въ Карамзинѣ человѣка, съ вполнѣ независимыми взглядами и установившимся вкусомъ. Оказывается, «*онъ* удивился странному выбору» Дмитріевымъ одного произведенія для перевода [8]), *онъ* «дружески совѣтовалъ бросить эту работу», говоря, что Дмитріевъ своимъ выборомъ не заслужитъ «выгоднаго о себѣ мнѣнія въ обществѣ» [9])...

Такимъ образомъ, болѣе широкое знакомство со всеобщею литературою, чѣмъ это было мыслимо подъ опекой Шадена—

---

[1]) Дмитріевъ, Соч., II, 25.
[2]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 6.
[3]) Карамзинъ, Соч., II, 120.
[4]) Ibid., 107.
[5]) Ibid., 115.
[6]) Дмитріевъ И., Соч., II, 25.
[7]) Ibid.
[8]) Ibid.
[9]) Ibid.

принесло Карамзину лишь пользу: оно помогло выработкѣ у него критическаго чутья, самостоятельности ума,—но, въ тоже время, не вытѣснило изъ его души юношескихъ идеаловъ, на время забытыхъ, но никогда не угасавшихъ...

Самая жадность, съ какою набросился Карамзинъ на «запретный для него плодъ», скоро принесла ему пресыщеніе, скоро нашелъ онъ въ немъ отрицательныя черты, — и вотъ, опять стали манить его къ себѣ писатели-идеалисты. Такъ, онъ въ это же время зачитывался Юнгомъ, и память объ этомъ чтеніи на 40 лѣтъ осталась для него живой [1]). Очевидно, молодой человѣкъ, съ пылкими надеждами, скоро сталъ томиться среди пустого общества провинціальныхъ дворянъ. Полный колебаній и сомнѣній стоялъ онъ на распутьѣ; и, очень можетъ быть, что, по молодости лѣтъ, пошелъ бы онъ по проторенной дорожкѣ житейской пошлости, если бы «благое Провидѣніе» не спасло его отъ «конечной погибели», какъ сознавался онъ самъ впослѣдствіи [2]): «одинъ достойный мужъ (Ив. П. Тургеневъ) открылъ мнѣ глаза, и я созналъ свое несчастное положеніе», говоритъ онъ, «внезапно все обновилось во мнѣ. Я вновь принялся за чтеніе и почувствовалъ въ душѣ своей сладостную тишину...» [3]).

Ив. Петр. Тургеневъ, масонъ, человѣкъ просвѣщенный и разумный, идеально настроенный, проѣздомъ черезъ Симбирскъ, увидалъ Карамзина и быстро разгадалъ юношу, понялъ его критическое положеніе. Въ трудную минуту помогъ онъ Карамзину «обновить» въ его душѣ тѣ свѣтлые идеалы, сѣмена которыхъ были брошены въ его юную душу еще Шаденомъ. И, конечно, теперь Карамзинъ отнесся къ нимъ вполнѣ сознательно: теперь, послѣ «паденій», «колебаній» и «житейской борьбы», они показались ему и дороже, и возвышеннѣе, чѣмъ въ дни его безпечнаго дѣтства и отрочества.

И вотъ, подъ вліяніемъ Тургенева, Карамзинъ еще въ Симбирскѣ сдѣлался масономъ [4]), подъ его вліяніемъ сталъ

---

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 351.

[2]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 6. [3]) Ibid.

[4]) Пыпинъ въ «Хронолог. указ. русскихъ ложъ» подъ 1784 г. помѣщаетъ въ Симбирскѣ ложу «Златого Вѣнца», въ которой въ степени «товарища» названъ

мечтать о томъ, чтобы «не безполезно жить для людей» [1]). Тургеневъ, увлекавшійся тогда масонствомъ, вѣроятно, рѣшилъ употребить способности Карамзина для масонскихъ цѣлей и убѣдилъ его ѣхать въ Москву, прельстивъ юношу блестящей перспективой послужить русскому просвѣщенію въ качествѣ сотрудника московскихъ идеалистовъ-работниковъ. Съ роемъ радужныхъ надеждъ ѣхалъ Н. М. Карамзинъ на подвигъ служенія родинѣ,—должно быть, уже тогда онъ мечталъ:

«Орудіемъ Небеснымъ быть
И въ памяти потомства жить» [2]).

Увлеченный И. П. Тургеневымъ, жизнерадостный юноша, полный энергіи, оторвался отъ безпорядочнаго чтенія и разсѣянной жизни и явился въ столицу съ серьезнымъ желаніемъ заняться своимъ самосовершенствованіемъ и сознательнымъ общеполезнымъ трудомъ. Что же онъ засталъ въ Москвѣ?—Кружокъ людей, терявшихъ уже голову [3]), запутавшихся въ денежныхъ дѣлахъ, охладѣвшихъ другъ къ другу и замѣтно тянувшихъ врозь. Новиковъ въ это время былъ занятъ своими типографскими и издательскими дѣлами, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе запутывались и усложнялись; друзья его ушли цѣликомъ въ тайныя науки и орденскія дѣла. Подозрительный Шредеръ занимался въ этой мутной водѣ рыбной ловлей, интриговалъ, ссорилъ и ссорился... Карамзинъ увидалъ закулисную жизнь московскихъ масоновъ въ то тяжелое для нихъ время, когда подводились разсчеты ихъ дѣятельности, когда денежныя дѣла и борьба самолюбій выступили на первый планъ. Впечатлѣніе, полученное юношей, вѣроятно, было не изъ блестящихъ. Не могъ показаться ему привлекательнымъ и тотъ мистицизмъ, который въ это время замѣтно сталъ надвигаться на московскихъ просвѣтителей-идеалистовъ: Карамзинъ къ мистицизму былъ не только совсѣмъ не подготовленъ, но даже отъ него гарантированъ, какъ тѣмъ воспитаніемъ, которое было имъ получено въ пансіонѣ Шадена,

---

Н. М. Карамзинъ. (Переписка относительно этой ложи у Бартенева въ «Осьмнадц. вѣкѣ», II, 368—70). [1]) Карамзинъ, Соч., I, 37. [2]) Ibid.

[3]) См. 1-е приложеніе, «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство», 16—7.

такъ и той жизнерадостностью, которая наполняла въ то время все его молодое существо.

Къ тому же, въ то время, когда Карамзинъ, столкнулся съ масонами, они въ значительной степени утратили симпатіи общества: слышались со всѣхъ сторонъ нареканія уже не только противъ Новикова, но и противъ покойнаго Шварца [1]... Эти нареканія, конечно, доходили и до Карамзина, у котораго, разумѣется, могли быть связи съ людьми, непричастными масонамъ (хотя бы съ тѣмъ же Шаденомъ),— естественно, что для недовѣрчиваго отношенія къ масонамъ Карамзинъ оказался скоро подготовленнымъ.

Вотъ почему прямого вліянія жизнь среди московскаго масонства на Карамзина не могла оказать: изъ него не только никогда не выработался масонъ-мистикъ, во вкусѣ большинства тогдашнихъ масоновъ, но онъ даже, можно думать, скоро сталъ въ холодныя отношенія къ той атмосферѣ мистицизма, въ которую попалъ, сблизившись съ масонами, — иначе, какъ объяснить, что онъ, вообще всегда охотно говорившій о своихъ учителяхъ, *никогда* впослѣдствіи не говорилъ о какомъ бы то ни было значеніи въ его жизни Новикова и его друзей?

Но, если масонская среда въ то время была уже слишкомъ слаба, чтобы передѣлать свѣжаго человѣка на свой ладъ, она была еще достаточно сильна, чтобы дать юношѣ такую обстановку, въ которой легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было могъ онъ идти впередъ въ дѣлѣ своего развитія. Эта обстановка осталась еще отъ лучшихъ дней масонства; ее создалъ, главнымъ образомъ, Шварцъ и поддержали его ученики, молодые «любословы». Впрочемъ, ко времени сближенія съ ними Карамзина многіе изъ нихъ тоже были въ значительной степени захвачены мистицизмомъ; быть можетъ, ранняя смерть Шварца была тому причиной, но многіе изъ нихъ погибли для русскаго просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, *повидимому*, до фанатизма предался изученію таинственныхъ наукъ (Кутузовъ), другой не выдержалъ глубокой внутренней борьбы и сошелъ съ ума (Невзоровъ), помѣшавшись на вопросахъ,

[1]) См. 1-е Приложеніе, стр. 16, 20 (5 прим.).

имѣющихъ самый жгучій интересъ для масонства (іезуиты, магнитизація), нѣкоторые ушли цѣликомъ въ безпросвѣтный мистицизмъ (напр., впослѣдствіи Лабзинъ и др.). Одинокое мѣсто въ ряду этихъ бывшихъ учениковъ Шварца занимаетъ Петровъ, который, повидимому, вѣрнѣе другихъ усвоилъ просвѣтительную сторону ученія Шварца, но и онъ, къ сожалѣнію, въ достаточной степени нахлебался мистицизма,—и замѣтно томился въ той обстановкѣ, въ которой жилъ, неудовлетворенный ею, но и не чувствуя за собой достаточно силъ, чтобы выбраться самостоятельно на чистый воздухъ.

Грустное впечатлѣніе производитъ образъ этого юноши, память о которомъ сохранилась въ литературѣ лишь благодаря глубокой, искренней привязанности къ нему Карамзина. Чувствуя себя очень обязаннымъ своему покойному другу, Карамзинъ посвятилъ ему одно изъ самыхъ правдивыхъ, задушевныхъ своихъ произведеній: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» [1]). Карамзинъ никогда не скрывалъ, какое значеніе имѣлъ для него Петровъ. «Время нашего знакомства, нашего дружества», говоритъ онъ, «будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей» [2]). «Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни» встрѣтились они, «увидѣли и полюбили другъ друга» [3]). Карамзинъ былъ въ это время еще пылкимъ, восемнадцати-лѣтнимъ юношею, съ «простымъ сердцемъ» [4]); его хорошая, молодая жизнь, стряхнувъ съ себя ярмо симбирской пошлости, безъ труда воодушевилась «пламеннымъ усердіемъ къ добру, непритворной любовью ко всему изящному» [5]); онъ жилъ тогда въ мірѣ тѣхъ идеальныхъ грезъ, которыхъ дѣйствительность не успѣла еще осквернить. Петровъ въ это время былъ уже «мудрыхъ юношей» [6]); его «тихая, стройная душа» [7]), его «спокойная улыбка» [8]), его «свѣтлый, мирный идеализмъ», — все обнаруживало въ немъ человѣка, уже пережившаго ту бурную, молодую жизнь, которою жилъ еще во время ихъ знакомства Карамзинъ. У Петрова не было той жизнерадостности, той самоувѣренной смѣлости, съ какою бросился въ

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 359.
[2]) Карамзинъ. Соч., III, 361.
[3]) Ibid., 360.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid.. 363.
[8]) Ibid., 362.

жизнь Карамзинъ. Быть можетъ, одна изъ причинъ этого — отсутствіе въ его развитіи той самостоятельности, которой нельзя отрицать у Карамзина. Мы видѣли уже, что Шаденъ не сумѣлъ совсѣмъ овладѣть юношей, а жизнь на свободѣ еще болѣе развила въ немъ его самобытность. Жизнь Петрова сложилась иначе: онъ получилъ хорошее образованіе, кончилъ университетъ, былъ постояннымъ слушателемъ проф. Шварца, сблизился съ нимъ, проникся къ нему безграничнымъ благоговѣніемъ и, весьма возможно, что именно это безграничное благоговѣніе, это обожаніе и сгубили его: съ богатыми задатками и широкимъ образованіемъ юноша остался навсегда лишь поклонникомъ Шварца, а, между тѣмъ, онъ былъ личностью далеко незаурядной, — по крайней мѣрѣ, Карамзинъ съ восторгомъ вспоминаетъ о достоинствахъ своего друга: «его разумъ украшался лучшими занятіями человѣчества» [1]), «его сердце образовано было нѣжной рукою Музъ и Грацій» [2]), «его тонкій эстетическій вкусъ былъ свѣтильникомъ въ Искусствѣ и Поэзіи» [3]), — но этотъ «мудрый» юноша, богато одаренный, не принесъ никакихъ плодовъ. Причины этого ясны: лишившись Шварца, Петровъ оказался среди людей, для которыхъ только одинъ мистицизмъ былъ содержаніемъ жизни. Дѣятельность же Новикова въ это время приходила уже къ концу,—такимъ образомъ, въ самую нужную минуту юноша не могъ нигдѣ найти себѣ поддержки и оказался пустоцвѣтомъ. И вотъ, въ это время онъ встрѣтилъ восемнадцатилѣтняго Карамзина, сразу почувствовалъ, въ какомъ періодѣ жизни находится тотъ, привязался къ нему, полюбилъ его за «пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ, чувства.. [4]). Съ своей стороны Карамзинъ полюбилъ Петрова за ту «любезную кротость» [5]), съ какою тотъ выслушивалъ его повѣствованія про всѣ «милыя надежды, всѣ тайныя сомнѣнія» [6])... «Я нашелъ въ немъ со-

---

[1]) Карамзинъ, Соч.. III, 360.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid, 362.
[4]) Ibid., 360.
[5]) Ibid., 361.
[6]) Ibid.. 360.

кровище, восклицаетъ Карамзинъ, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается» [1])...

Намъ понятна и эта «любезная кротость», съ которою Петровъ выслушивалъ своего юнаго друга, и та спокойная улыбка, съ какою онъ встрѣчалъ восторги юноши,—онъ любилъ «младенчество» Карамзина [2]), любилъ именно свѣжесть его души и ласковой рукой старался сохранить ее отъ постороннихъ губительныхъ вліяній. Въ дружеской бесѣдѣ они не думали о «свѣтѣ» [3]), «нерѣдко просиживали половину зимнихъ ночей» [4]). Въ этихъ-то бесѣдахъ, руководителемъ которыхъ былъ Петровъ, развивались мыслительныя способности Карамзина, складывались его первыя «метафизическія понятія» [5]), изощрялось его эстетическое чутье и устанавливались литературные вкусы.

Такимъ образомъ, въ сближеніи съ Петровымъ Карамзинъ нашелъ исходъ изъ того страннаго, одинокаго положенія, въ какое попалъ, очутившись среди московскихъ мистиковъ [6]). Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петрова началась новая жизнь Карамзина, «жизнь дѣлами не обильная, но мыслями и чувствами» [7])..Что же далъ Петровъ Карамзину?

Естественно, что прежде всего бесѣда друзей должна была принять господствующій въ кружкѣ *религіозный* характеръ, —

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 361. [3]) Ibid., 361.

[2]) Ibid., 363. [4]) Ibid. [5]) Ibid.

[6]) Правда, мы знаемъ, что И. П. Тургеневъ «умѣлъ замѣтить литературный талантъ и привлечь дарованіе къ дѣлу литературы и просвѣщенія» (Тихонравовъ, Соч., III, ч. 1, 415; еще: И. Долгорукій, «Кладбище моего сердца»), былъ «центромъ», къ которому стремились молодые литературные таланты («Вчера и Сегодня», I, 43—5),—но это покровительство литературнымъ талантамъ *только ради литературы* относится преимущественно къ послѣднему періоду его жизни когда увлеченіе масонствомъ выдѣтрилось,—и старикъ, окруженный подрастающими сыновьями и ихъ юными друзьями, мирно доживалъ свой вѣкъ. Во время же сближенія съ Карамзинымъ, это былъ, повидимому, фанатикъ-масонъ, готовый всякій талантъ принести въ жертву мистицизму, убивъ его всякими переводами мистическихъ сочиненій.

Другой сподвижникъ Новикова, И. Лопухинъ тоже на покоѣ интересовался литературой,—по крайней мѣрѣ, имена Руссо, Юнга и др. ему, повидимому, были дороги («В. Евр.», 1809, № 4, 298—9). Но никогда эти литературныя симпатіи не выражались у него въ періодъ увлеченія масонствомъ: очевидно, не литература занимала его тогда... [7]) Ibid., II, 2.

и, можно думать, на первыхъ порахъ Карамзинъ откликнулся на такія темы: по крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ первый трудъ его въ масонскомъ кружкѣ — участіе въ переводѣ «Штурмовыхъ размышленій» [1]), изданія, насквозь пропитаннаго религіознымъ духомъ.

Кромѣ того, письма его, отправленныя тогда къ Лафатеру, рѣзко окрашены религіознымъ колоритомъ [2]). Наконецъ, обстановка, въ которой, по словамъ Дмитріева, жилъ Карамзинъ съ Петровымъ, также свидѣтельствуетъ, что религіозный мистицизмъ на первыхъ порахъ могъ коснуться и его юной души. «Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ, разсказываетъ Дмитріевъ,—оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца...; а другая освящена была Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа» [3])..

Это преклоненіе передъ Шварцемъ было связано, конечно, съ самой безграничной вѣрой въ его слова. Что же онъ могъ дать Карамзину въ *религіозномъ* отношеніи?

Шварцъ былъ, повидимому, вполнѣ вѣрующимъ человѣкомъ, даже признававшимъ вѣру «безконечно выше познанія» [4]); поэтому онъ рѣшался утверждать, что «преподаваемыя науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются» [5]); онъ взывалъ къ братьямъ-каменщикамъ: «наложимъ узду на борзой нашъ разумъ и плѣнимъ его въ послушаніе вѣры» [6]). Конечно, все это говорилось, главнымъ образомъ, въ пылу борьбы съ вліяніемъ французской философіи [7]), которая для «вѣры» была слишкомъ опаснымъ врагомъ, — на одной «вѣрѣ» самъ Шварцъ не останавливался: онъ требовалъ отъ учениковъ активной жизни: «исканіе истины» —

[1]) См. 4-е примѣчаніе.

[2]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 2, 6, 18, 28, 30 и др.

[3]) И. Дмитріевъ, Соч., II, 26.

[4]) Рук. Имп. Публ. Библ., OIII, № 112, 8. («Разныя замѣч. покойнаго Шварца»).

[5]) Ibid., QIII, № 40, 75. («О трехъ познаніяхъ»).

[6]) Ibid., FIII, № 47, 31a. («Рѣчи» Шварца).

[7]) Ibid., QIII, № 40, 64, 74, FIII, № 47, 37a.

вотъ, что было въ его глазахъ главной цѣлью человѣка; «изученіе человѣка, натуры и Бога»—вотъ, путь къ ней [1]):.. «Бога мы познаемъ, говорилъ онъ, черезъ натуру: она есть его подобіе» [2]); «все твореніе есть токмо изображеніе, образъ Творца; кто учится самопознанію и познанію натуры,—тотъ учится познанію Бога» [3]). Немудрено, что, руководясь такими убѣжденіями, онъ наталкивалъ своихъ учениковъ на интересы *психологическіе* (изученіе самого себя [4]), значеніе совѣсти [5]), сила воображенія [6]), *естественные* [7]) и *философскіе* (значеніе любви [8]), вредъ самолюбія [9]), смыслъ смерти [10]), происхожденіе зла [11]), переселеніе душъ [12]), вѣчная жизнь природы [13]).

Понятно отсюда, что однимъ мистическимъ преклоненіемъ передъ Богомъ ученики Шварца удовольствоваться не могли. И, дѣйствительно, оказывается, пытливый умъ Петрова старался проникнуть въ такія тайны, разрѣшить которыя человѣку не дано: вопросы о загробной жизни, о соединеніи тѣла и души, — вотъ, что занимало его. «Вопросы: «что я есмь и что я буду»? всего меня занимаютъ и бѣдную мою голову, праздностью разслабленную, кружатъ и въ большое неустройство приводятъ» [14]), жаловался онъ своему другу. Эти вопросы слишкомъ были важны для питомца масоновъ, и онъ, лишенный разумныхъ руководителей, остановился на этихъ вопросахъ, остановился и не смогъ отъ нихъ отойти.

Карамзинъ, по примѣру друга, тоже началъ возиться съ «сомнѣніями», даже попытался письменно снестись по этимъже вопросамъ съ Лафатеромъ, но, услышавъ отъ него признаніе въ безсиліи рѣшать такіе вопросы, скоро успокоился. Это было «грустнымъ открытіемъ» [15]) для юноши, но онъ, повидимому, скоро примирился съ нимъ, такъ какъ черезъ нѣсколько времени

---

[1]) Рук. И. П. Б., ОIII, № 112, 3.
[2]) Ibid., 3.
[3]) Ibid., 7.
[4]) Ibid., QIII, № 40, 37a, 38—9.
[5]) Ibid., OIII, № 112, № 3—4; QIII, № 40, 16—17, 19.
[6]) Ibid., QIII, № 40, 78a.
[7]) Ibid., OIII, № 112.
[8]) Ibid., QIII, № 40, 33.
[9]) Ibid., 33a.
[10]) Ibid., 43.
[11]) Ibid., 30.
[12]) Ibid., 43.
[13]) Ibid., OIII, № 112, 3.
[14]) Р. Арх., 1863, 3891.
[15]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 26.

въ тѣхъ же письмахъ уже искренне удивляется, что подобные неразрѣшимые вопросы могутъ интересовать философовъ. «Я думаю, храбро заявляетъ онъ, что было бы лучше наблюдать великое мірозданіе, какъ оно есть и, насколько это доступно нашему глазу, всматриваться, какъ все тамъ происходитъ, нежели задумываться о томъ, какъ все могло бы тамъ происходить» [1]). Правда, во время путешествія Карамзинъ нѣсколько разъ жаловался на свои «сомнѣнія» западно-европейскимъ философамъ [2]), но эти «сомнѣнія» какъ-то не вяжутся съ общимъ тономъ «Писемъ» и настроеніемъ юноши: нѣтъ никакихъ основаній думать, что «сомнѣнія» когда-нибудь серьезно и глубоко мучили его: онъ благоразумно и безъ труда обошелъ эти подводные камни, на которыхъ остановился Петровъ, и съ спокойной совѣстью отправился далѣе...

Во время жизни въ масонскомъ кругу заинтересовался Карамзинъ и *философіей*. Петровъ и въ этой области могъ быть его руководителемъ. Вопроса о философскихъ интересахъ Карамзина касались не разъ въ русской литературѣ,—находили въ его взглядахъ слѣды вліянія деистовъ, и Шефсбёри, и шотландскихъ моралистовъ, и Канта, и Локка, и Руссо, и Вольтера,—но напрасно стали бы мы искать у Карамзина серьезнаго увлеченія какой-нибудь одной философской системой. Карамзинъ былъ «философомъ» во вкусѣ XVIII в.: онъ любилъ книги идейныя, книги, которыя давали пищу разуму, будили мысль, но никогда онъ не былъ приверженцемъ какого-нибудь одного ученія: онъ былъ эклектикъ въ широкомъ смыслѣ слова, при томъ любившій выискивать философскія идеи въ поэтической популяризаціи. Въ XVIII в., когда, какъ извѣстно, философія сдѣлалась достояніемъ изящной литературы, — и поэзія, и проза настойчиво стали проводить философскія идеи въ публику, облекая ихъ въ изящную оболочку [2]).

[1]) Ibid., 10. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 32, 381 и др.

[2]) Какъ образчикъ «философствованій» во вкусѣ вѣка приведемъ небольшую цитату изъ романа M-me Staël: «Delphine». Героиня разсказываетъ о темахъ, служившихъ ей для бесѣды: «Je dirigeai notre conversation sur ces grandes pensées vers lesquelles la mélancolie nous ramène invinciblement: l'incertitude de la destinée humaine, l'ambition de nos désirs, l'amertume de nos regrets, l'effroi de la mort, la fatigue de la vie; tout ce vague du coeur, enfin, dans

*

Конечно, главнымъ образомъ, «практическая» философія (мораль, эстетика, психологія...) поддавались такой литературной популяризаціи,—оттого и нашъ Карамзинъ, оказывается, изъ философіи выдѣлилъ только мораль, эстетику, психологію да еще философію исторіи, какъ области, особенно для него интересныя. И мы видимъ, что Кантъ прекрасно понялъ юношу, когда, въ разговорѣ съ нимъ, сначала уклонился вообще отъ «философскихъ» разговоровъ, но потомъ, уступая его настойчивому желанію, прочелъ короткую популярную лекцію о «цѣли жизни», о «нравственномъ законѣ» и «будущемъ человѣка» [1]). Насколько мало интересовала Карамзина теоретическая философія видно изъ того, что онъ не зналъ даже, какая философская система была въ его время принята въ московскомъ университетѣ [2]). По собственному признанію, въ философскія книги онъ заглядывалъ только «изъ любопытства» [3]), предпочитая Канту — Виланда [4]), Гердера, Попа, Галлера и др. подобныхъ поэтовъ-философовъ. «Всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ», онъ, по собственному признанію, предпочиталъ «Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser» Морица [5])..

Итакъ, присяжные мудрецы съ ихъ твореніями были далеки отъ юноши: онъ усвоилъ только отрывочныя идеи, излюбленныя поэтами XVIII в. Творенія этихъ поэтовъ-популяризаторовъ философіи Карамзинъ, вмѣстѣ съ Петровымъ, читалъ съ интересомъ, охотно дѣлалъ изъ нихъ немудреные выводы и обобщенія.. Такъ, думается намъ, при помощи друга, складывались его «метафизическія понятія»..

Прежде всего увѣровалъ Карамзинъ въ «оптимизмъ». Двадцатилѣтняго юношу, только-что вступившаго въ жизнь, полнаго любви къ людямъ и вѣры въ будущее, увлекли оптимистическіе идеалы: онъ искренне сталъ считать себя, вмѣстѣ

---

lequel les âmes sensibles aiment tant à s'égarer...» (44—5). Мы видимъ тутъ и «меланхолію», и «чувствительныя души», здѣсь затрагиваются вопросы, которые разрабатывались и Оссіаномъ, и Юнгомъ, и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, — интересовался ими и Карамзинъ.

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 30—1.

[2]) Ibid., 351.

[3]) Ibid., 150.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid., 84.

съ Петровымъ, «добродушнымъ философомъ» [1]), твердо сталъ вѣрить въ «утѣшительную систему» [2]). «Мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, разсказываетъ онъ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви; мы, сличая разныя времена древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что родъ человѣческій возвышается и, хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству» [3]). «Добродѣтель свойственна человѣку» [4]), «онъ сотворенъ для добродѣтели». «Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ; одна истина не страшится времени, одна истина пребываетъ во вѣки!» [5]). Вотъ, во что убѣжденно увѣровалъ юноша, находя поддержку въ своемъ другѣ.

Этотъ «оптимизмъ» легъ въ основу той «философіи исторіи», приверженцемъ которой сдѣлался Карамзинъ. Какъ разъ въ это время, подъ руководствомъ того же Петрова, Карамзинъ обратился къ изученію исторіи; онъ началъ «заниматься прохожденіемъ всемірной исторіи среднихъ временъ; съ прилежаніемъ читалъ классическихъ авторовъ древнихъ и новыхъ» [6]). На исторіи провѣрялъ онъ свою «утѣшительную систему», ловилъ въ ней «всѣ благородныя черты души человѣческой» — и, разумѣется, подъ вліяніемъ Петрова, который слушалъ лекціи идеалиста-Шварца, убѣждался въ несомнѣнной справедливости своего оптимизма. Эту вѣру въ прогрессъ могъ поддержать въ немъ, между прочимъ, и Гердеръ, хорошо Карамзину знакомый и также твердо вѣрившій въ оптимизмъ. Съ другой стороны, велъ къ тому же Карамзина и Бонне съ его фантастической системой мірозданія.

Въ предисловіи къ своему сочиненію: «Comtemplations de la Nature», Бонне, одинъ изъ любимыхъ авторовъ Карамзина, говоря о цѣляхъ своего сочиненія, прямо заявляетъ: «это сочиненіе прежде всего было предназначено для того, чтобы возвысить сердце и духъ къ Божественному Источнику, изъ

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 447.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 437.
[4]) Ibid., 452.
[5]) Ibid., 456.
[6]) И. Дмитріевъ, Соч., II, 57.

котораго, въ сущности, истекаетъ все и которое должно быть всегда первой и послѣдней цѣлью всѣхъ нашихъ поисковъ» [1]). Эта мысль положена въ основу всего сочиненія. Содержаніе его—«великолѣпная картина вселенной» [2]), изображеніе и характеристика земныхъ и небесныхъ существъ, начиная отъ «неорганическихъ» до «двуногихъ» [3]) — вѣнца творенія на землѣ, — и «безплотныхъ», — вѣнца творенія на небесахъ [4]). «Все въ мірѣ систематично: все въ немъ соединеніе, соотношеніе, связь».. [5])

Вся система Бонне построена на вѣрѣ въ постоянное совершенствованіе, развитіе одного организма въ другой, высшаго порядка [6]). Разумѣется, съ такой теоріей вѣчнаго совершенствованія Бонне долженъ былъ быть оптимистомъ,—и, дѣйствительно, уже на стр. 3 онъ высказываетъ положеніе: «въ мірѣ абсолютнаго зла нѣтъ»: оно случайно и въ общемъ «все существуетъ для общаго блага» [7]).

Съ такою же горячностью, съ какою Карамзинъ увѣровалъ въ оптимизмъ, принялъ онъ, чрезъ посредство поэтовъ, и ученіе Шэфсбёри о «добродѣтели». Этотъ философъ, какъ и Бонне, былъ вполнѣ по плечу Карамзину. «Философія, говоритъ Шэфсбёри, какъ познаніе самихъ себя и истиннаго блага, составляетъ руководство къ нравственности и счастію» [8]). «Добро, по понятію Шэфсбёри, есть красота, а красота есть гармонія, симметрія; поэтому сущность добродѣтели заключается въ равновѣсіи наклонностей и страстей» [9]). «Благо» и «прекрасное» было у Шэфсбёри въ такой тѣсной связи, что, по его мнѣнію, «прекрасное всегда влечетъ за собою благо» [10]).

---

[1]) Bonnet, «Oeuvres de...» t. IV, XV, préf.
[2]) Ibid., XVI.
[3]) Ibid., 125—6.
[4]) Ibid., 135.
[5]) Ibid., 23.
[6]) Ibid., 36.
[7]) Ibid., 127.
[8]) Фалькенбергъ, «Исторія новой философіи», 176.
[9]) Ibid., 177.
[10]) Галаховъ, «Карамзинъ, какъ оптимистъ», 115 («Отеч. Зап»., 1858, т. 116, № 1). Эту мысль встрѣчаемъ и мы въ лекціяхъ Шварца: онъ требуетъ, чтобы въ молодыхъ людяхъ развивали эстетическую сторону души: «нужно молодыхъ людей, говоритъ онъ, упражнять въ словесныхъ наукахъ, въ музыкѣ, въ живописи, и занимать ихъ гармоніею природы, которая, красотами своими привлекая чувства человѣческія, дѣлаетъ ихъ нѣжнѣйшими и удобнѣйшими къ чистой

Это ученіе моралиста-эстетика привилось прочно къ воззрѣніямъ Карамзина: онъ сжился съ нимъ и въ своей литературной дѣятельности не разъ повторялъ идеи Шэфсбёри.

Кромѣ Шэфсбёри въ то время и другіе моралисты были до тонкости изучены Карамзинымъ. Такъ, мы знаемъ, что на Геллертѣ онъ былъ воспитанъ. Несомнѣнно, кромѣ нихъ, и Шварцъ съ его горячими рѣчами, увлекавшими молодежь, чрезъ посредство Петрова, могъ вліять на юношу. Покойный профессоръ требовалъ отъ своихъ учениковъ энергичной работы надъ постояннымъ самосовершенствованіемъ [1]). Онъ указывалъ на присутствіе въ человѣческой душѣ, даже падшей, «божественной искры свѣта», — эта искра и есть, по его словамъ, тотъ «путеводецъ, который долженъ былъ привести къ Богу, къ источнику свѣта» [2]). Шварцъ утверждалъ, что человѣкъ въ самомъ себѣ носитъ залогъ спасенія, — вѣчное недовольство собой: «онъ имѣетъ въ себѣ внутреннее и неограниченное желаніе, и ничѣмъ удовлетворить себя не можетъ»; это доказываетъ, что онъ «сотворенъ не для міра сего» [3]).. «Стремленіе къ совершенству, говоритъ Шварцъ въ другомъ мѣстѣ, есть коренное побужденіе всѣхъ человѣческихъ дѣяній» [4]). Онъ энергично звалъ юношей изъ этого міра, который казался ему «тюрьмой, жилищемъ проклятія», гдѣ царятъ «нужда, страданія, болѣзнь» [5])—въ другой, идеальный, который «есть жизнь, радость, исполненная веселія, есть кроткое, сладкое ощущеніе собственнаго бытія или, по крайней мѣрѣ, покоя и гармоніи» [6]). Не довольствуясь своею проповѣдью, Шварцъ призывалъ къ себѣ на помощь и «великихъ единомышленниковъ» Бёма и Лафатера, которыхъ ставилъ очень высоко и настойчиво рекомендовалъ своимъ слушателямъ [7]).

любви и, приводя въ пріятное восхищеніе, заставляетъ примѣчать дѣйствія Природы, приводитъ ихъ въ удивленіе порядку оной, возвышаетъ ихъ мысли до источника природы и, наконецъ, воспламеняетъ въ нихъ чистую любовь къ Богу» (Рук. Имп. П. Библ., QIII, № 40, 81а—82).

[1]) Рук. Имп. Публ. библіотеки. QIII, № 40, 34—34а.

[2]) Ibid., OIII, № 112, 25—6. [4]) Ibid., 84.

[3]) Ibid., QIII, № 40, 19. [5]) Ibid., OIII, № 112, 25. [6]) Ibid., 11.

[7]) Ibid., OIII, № 112, 66, 66а л. Понятны отсюда причины популярности

О вліяніи на Карамзина Бёма мы ничего не знаемъ, но Лафатеръ одно время всецѣло овладѣлъ имъ: въ письмахъ его къ цюрихскому «мудрецу» ярко сказалось это безграничное преклоненіе. По собственному признанію, юноша чувствовалъ къ Лафатеру «пламенную любовь и высокое уваженіе» [1]). По его мнѣнію, цюрихскій «мудрецъ» сдѣлался «для познанія человѣка тѣмъ, чѣмъ Колумбъ былъ для мореплаванья» [2]). Поэтому увидѣть Лафатера — было для Карамзина въ то время величайшимъ счастьемъ: «О, если-бъ я могъ увидать этого великаго человѣка! восклицаетъ онъ, какимъ счастливцемъ, о, какимъ счастливцемъ считалъ бы я себя тогда!» [3]). «Господи! для чего я родился такъ далеко отъ того, кого сердце мое такъ сильно любитъ и такъ высоко чтитъ» [4]).

Литературная дѣятельность Лафатера, повидимому, не была такъ значительна, какъ Геллерта, и въ его лучшемъ произведеніи: «Братскія письма къ разнымъ юношамъ» [5]), мы не найдемъ такой глубокой по содержанію проповѣди, какъ у Геллерта; здѣсь мы встрѣчаемся, такъ сказать, съ практической стороной сентиментальной морали. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ указаній и рецептовъ, какъ для обыденной жизни выработать въ себѣ нравственныя привычки и умѣть пользоваться этими пріобрѣтенными знаніями. Здѣсь мы найдемъ наставленія, какъ вести себя въ обществѣ («говорите мало, слушайте много» [6]), какъ выбирать друзей [7]), какъ вести дневникъ и писать письма [8]), какъ воспитывать свою душу [9]). Разумѣется, письма Лафатера проникнуты самой искренней религіозностью, которую онъ требуетъ и отъ юношей [10]). Такъ, къ этимъ письмамъ приложенъ цѣлый рядъ сочиненныхъ имъ молитвъ на разные житейскіе случаи [11]).

Лафатера въ московскомъ масонскомъ кругу: Тургеневъ и Лопухинъ у насъ тоже были его поклонниками (Тихонравовъ, Соч., III, ч. I, 433, слова А. И. Тургенева).

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 2.

[2]) Ibid., 16. [3]) Ibid., 4. [4]) Ibid., 2.

[5]) Lavater, «Brüderliche Schreiben», Winterthur, 1767. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ одного перваго томика этого сочиненія мы въ петербургскихъ библіотекахъ не нашли никакихъ сочиненій Лафатера.

[6]) Ibid., 46. [7]) Ibid., 42. [8]) Ibid., 43, 102. [9]) Ibid., 91.

[10]) Ibid., 15, 39 и др. [11]) Ibid., 139—142, 143—6, 147—151, 151—2 и др.

«Миръ съ небомъ и землей» [1]), — вотъ, идеалъ Лафатера. Понятно, его чувствительная, добродѣтельная душа можетъ безъ труда мириться съ жизнью, такъ какъ смотритъ на нее со своей сентиментальной точки зрѣнія: «природа — это текстъ; Библія — лишь комментарій природы; природа — это первое слово Бога» [2]). Идеальный юноша долженъ, кромѣ того, заняться самопознаніемъ, онъ долженъ знать свое сердце, помнить, что «чувствительность — не слабость» [3]) и выработать въ себѣ кроткую веселость [4]): «радуйтесь,—Христосъ не запретилъ радости!» [5]). Идеальный юноша Лафатера долженъ быть не «горячимъ», не «холоднымъ», а «теплымъ» [6]), то есть выработать въ себѣ то внутреннее равновѣсіе, о которомъ говорили и Шэфсбёри, и Геллертъ..

Лекціи покойнаго Шварца, свято хранимыя его учениками, а затѣмъ совмѣстное съ Петровымъ чтеніе Баттё, ввели Карамзина въ область *эстетики*, дали теоретическую выправку тому эстетическому чутью, которое въ значительной степени было прирожденно Карамзину. Аббата Баттё Карамзинъ называетъ «наставникомъ Авторовъ» и относится къ нему съ полнымъ уваженіемъ: вмѣстѣ съ Петровымъ читалъ онъ сочиненія его, «вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ» [7]).

Свое «profession de foi» Баттё высказалъ въ извѣстномъ сочиненіи: «Les beaux arts réduits à un même principe» (à Paris, M.DCC.LXXIII). Этимъ принципомъ считаетъ онъ подражаніе [8]) природѣ. Всѣ искусства, по его мнѣнію не что иное, какъ подражаніе природѣ, но не обыденной, каждодневной, а природѣ прекрасной. Три условія необходимы, говорилъ онъ, чтобы произведеніе искусства было совершенно: «во-первыхъ,—геній, который есть отецъ искусствъ, долженъ подражать (imiter) природѣ; во-вторыхъ, онъ не долженъ подражать ей такой, какой она бываетъ обыкновенно, каждый день; въ третьихъ, чтобы вкусъ, для котораго созданы искус-

---

[1]) Lavater, 112.
[2]) Ibid., 79.
[3]) Ibid., 33.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., 38.
[6]) Ibid., 56.
[7]) Карамзинъ, Соч., II, 578.
[8]) Batteux, 15, 20, 28.

ства и который есть ихъ судья, удовлетворялся, когда природа удачно выбрана (bien choisie) и хорошо изображена искусствами» [1]). Цѣль искусствъ — «развивать и совершенствовать заразъ наше сердце и нашъ духъ». Отъ наукъ искусства отличаются тѣмъ, что предметъ ихъ не «истина», а «доброе» и «прекрасное».

Такимъ образомъ, Баттё, требуя отъ художника изображенія подкрашенной природы, довольствовался только нѣкоторымъ сходствомъ между подлинникомъ и оригиналомъ... Вотъ почему, несмотря на требованіе «подражать Природѣ», Баттё признаетъ, что въ области искусства «ничего нѣтъ реальнаго: все вымышлено, выдумано, скопировано, искусственно» [2]). И, тѣмъ не менѣе, «произведенія искусства нерѣдко сильнѣе дѣйствуютъ на насъ, чѣмъ природа: «поэтъ, благодаря своей изобрѣтательности и гармоніи своихъ стиховъ, наполняетъ нашу душу вымышленными образами и сердце наше—искусственными (factices) чувствами, однако иногда чарующими насъ сильнѣе, чѣмъ если бы они были истинными и естественными» [3]). Поэтому «воображенію» Баттё придаетъ огромное значеніе въ творчествѣ: художники «сами возбуждаютъ свое воображеніе до того, что чувствуютъ себя взволнованными, потрясенными...» [4]). Въ связи съ этимъ тревожнымъ настроеніемъ находится «вдохновеніе» (enthousiasme), которое является результатомъ: 1) живого представленія предмета въ душѣ, и—2) сердечнаго волненія, соотвѣтственнаго предмету. «Какъ есть предметы простые, благородные, возвышенные, — такъ и вдохновеніе бываетъ разныхъ родовъ [5]), отвѣчающее предметамъ»,—говоритъ онъ. Молодымъ художникамъ Баттё совѣтовалъ развивать тѣ способности души, отъ которыхъ зависитъ творчество. Особенно указываетъ онъ на прирожденный людямъ эстетическій вкусъ, какъ способность, которую можно «расширить, развить, обострить наблюденіями, сравненіями, размышленіями» [6]). Вліяніе искусствъ на духовную сторону человѣка, по словамъ Баттё, очень велико: за-

[1]) Batteux, 30.
[2]) Ibid., 43.
[3]) Ibid., 35.
[4]) Ibid., 55.
[5]) Ibid., 56—7.
[6]) Ibid., 87.

нимаясь искусствами, «возвышая ихъ и совершенствуя, человѣкъ самъ возвысился и усовершенствовался; не переставая быть естественнымъ (naturel), онъ въ искусствахъ сдѣлался болѣе изящнымъ (fin), болѣе нѣжнымъ и совершеннымъ, чѣмъ былъ въ самой природѣ» [1]).

Кромѣ Баттё зналъ Карамзинъ и Сульцера [2]), того Сульцера, предъ которымъ преклонялся еще Болотовъ, благодарный ему за свое эстетическое воспитаніе, [3]) и впослѣдствіи Жуковскій [4]). Не входя въ подробное разсмотрѣніе сочиненій Сульцера, укажемъ лишь, что главнымъ принципомъ поэзіи считалъ онъ «нравственную пользу». «Конечною цѣлью изящныхъ искусствъ служатъ моральныя чувствованія, благодаря которымъ человѣкъ получаетъ свою нравственную цѣну» [5]).

Сочиненія Гердера дали Карамзину знанія по *теоріи поэзіи*. Пониманіе сущности поэзіи, ея происхожденія, интересъ къ поэзіи всѣхъ народовъ, къ народной поэзіи,—все это дано было Карамзину, главнымъ образомъ, Гердеромъ. Безцѣнное для біографа Карамзина произведеніе «Поэзія» вылилось почти цѣликомъ изъ знакомства съ Гердеромъ.

Наконецъ, въ это же время сожительства съ Петровымъ, Карамзинъ основательно ознакомился и съ *западной литературой*. Въ систематическомъ подборѣ авторовъ, которые, по признанію Карамзина, были въ то время его «любимыми», послѣ безпорядочнаго чтенія въ Симбирскѣ, мы замѣчаемъ чью-то твердую руку. Вѣроятно, идеалистъ-Шварцъ въ своихъ лекціяхъ по литературѣ провелъ такое систематическое знакомство съ писателями идеальнаго направленія, а его вѣрный ученикъ Петровъ сумѣлъ своему юному другу передать систему покойнаго учителя [6]).

---

[1]) Baiteux, 86. См. выше цитованныя слова Шварца, стр. 54, 10 прим.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 127.

[3]) Болотовъ, Записки, I, 862 3.

[4]) Тихонравовъ, Соч., III, ч. I, 464—5.

[5]) Ibid., 465.

[6]) Къ сожалѣнію, пока ни одного экземпляра лекцій Шварца по литературѣ не было найдено, а потому мы не можемъ настаивать особенно рѣшительно на своихъ словахъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, Шварцъ былъ сторонникомъ новаго, «чувствительнаго» направленія въ литературѣ и противникомъ классицизма съ его «правилами»; это видно хотя бы изъ того, что въ дошедшихъ до насъ «Разныхъ замѣчаніяхъ», онъ внимательно относится къ роли чувства

Стихотвореніе «Поэзія» [1]), въ которомъ воспѣты, по словамъ Карамзина, любимые имъ въ то время поэты, поразительно тѣмъ, что въ подборѣ писателей нѣтъ ни одного диссонанса. Если къ этимъ писателямъ прибавимъ еще нѣсколько именъ, дорогихъ Карамзину, мы составимъ почти полное представленіе о тѣхъ литературныхъ учителяхъ, предъ которыми преклонялся Карамзинъ, которымъ подражалъ онъ на первыхъ порахъ. Если и философія, и мораль, и эстетика нашли отзвукъ въ его душѣ, то эта литература, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ овладѣла имъ.

Характерная черта этой литературы, увлекшей Карамзина, было преобладаніе въ ней «чувства», не связаннаго никакими «правилами». Она была могучей вспышкой идеализма, забытаго ради матеріалистической и отрицательной французской философіи: чистая любовь, безкорыстная, сердечная дружба, преклоненіе предъ природой, любовь къ людямъ, — вотъ, любимые мотивы этой поэзіи. Правда, немного мѣста заняла она въ исторіи литературы, будучи лишь переходной ступенью къ поэзіи болѣе совершенной; живой и правдивой: постоянная возня съ своей чувствительной душой, вѣчный анализъ своего сердца не могли долго интересовать европейское общество, — но нельзя отрицать того, что историческое значеніе сентиментализма отъ этого не уменьшается: даже психологія XIX столѣтія должна быть благодарна за многое именно сентиментальной поэзіи съ ея упорнымъ самоанализомъ.. Надутая ложноклассическая поэзія, съ слабыми проблесками чувства, замѣнилась теперь лирикой живой, идущей отъ сердца, не стѣсненной правилами и условностями. «Разумъ» въ человѣческой жизни потерялъ единодержавіе и принужденъ былъ

и анализируетъ довольно удачно состояніе души человѣка, находящагося во власти эмоцій. «Въ ощущеніи высочайшаго наслажденія все существо наше бываетъ упоеніемъ чувствованія. Мы не имѣемъ времени разсматривать, но сами дѣлаемся *всѣ* ощущеніемъ« (ОНП, № 112, 8). Далѣе приводится, какъ примѣръ, сильное впечатлѣніе отъ трагедіи и дѣлается интересное добавленіе: «и какъ сожалѣю я о холодномъ судьѣ искусства, который тогда, какъ другіе ощущаютъ, находитъ еще время изъяснять своему сосѣду правила!» (ibid., 9).

[1]) См. 2-е приложеніе: «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина», 31.

свою власть подѣлить съ «чувствомъ». Это «чувство» было живой струей, влившейся не только въ поэзію, но и въ мораль, эстетику, философію и педагогику.. Но, если велико было культурное значеніе сентиментализма, то и отрицательныя черты его легко бросаются въ глаза: человѣкъ, интересующійся своимъ чувствительнымъ сердцемъ, слишкомъ уходилъ въ себя: суета людская мѣшала ему,—отсюда—вѣчное стремленіе уйти дальше отъ людскаго шума; — отсюда — незнаніе жизни и прикрашиваніе ея. Кромѣ того, открывъ въ своей духовной жизни цѣлую область, раньше неизвѣстную, область чувства, «сентиментальный» человѣкъ на радостяхъ преувеличилъ надъ собой власть чувства;—отсюда, съ одной стороны, явилось очень замѣтное униженіе разума, а съ другой—слишкомъ бросающееся въ глаза внѣшнее проявленіе чувства: громкіе восторги, вѣчныя слезы, восклицанія...

Характерными представителями сентиментальной поэзіи въ Англіи были: Юнгъ, Томсонъ, Макферсонъ (переработка народныхъ пѣсенъ, подъ названіемъ: «пѣсни» Оссіана) и Стернъ.

Главное произведеніе Юнга, «Плачъ или Ночныя думы» («Complaint or Night-Thoughts»), посвящено, главнымъ образомъ, морально-богословскимъ темамъ. Мы найдемъ здѣсь главы, посвященныя доказательствамъ безсмертія души [1]), выясненію значенія совѣсти [2]), добродѣтели [3]).. Больше половины произведенія занято доказательствами бытія Бога и духовъ [4]), особенно много говорится о смерти, ея значеніи, о загробной жизни и бренности земной. Всѣ эти разсужденія, не смотря на ихъ отвлеченность, носятъ на себѣ такую субъективную окраску, что личность самого автора всегда выдѣляется на первый планъ. Закутанный въ сентиментальное одѣяніе, Юнгъ не видитъ жизни, потому что постоянно занятъ собственной душой: «какъ, должно быть, любилъ онъ прислушиваться къ своему стонущему голосу въ тишинѣ мрака!»,—замѣчаетъ совершенно справедливо авторъ «введенія» къ его произведенію [5]). «Научимся знать себя, чтобы сумѣть

[1]) Young, «Les nuits». Paris, MDCCXCI, 2 t., I, 157—210.
[2]) Ibid., II, 44—52.
[3]) Ibid., II, 52—63.
[4]) Ibid., II, 63—93.
[5]) Ibid., préf., 25.

полюбить себя»! восклицаетъ Юнгъ [1]); — и онъ думалъ, что обладаетъ этимъ знаніемъ вполнѣ, и потому, очевидно, очень высоко цѣнилъ себя. «Какъ чело его спокойно и ясно!» рисуетъ онъ портретъ добродѣтельнаго человѣка, каковымъ, очевидно, считалъ себя: «какая кроткая гордость въ его взорѣ! Всѣ мысли его восходятъ къ небесамъ и нисходятъ оттуда, какъ тѣ ангелы, которыхъ видѣлъ Израелитъ въ своемъ чудесномъ снѣ... Если съ этихъ высотъ онъ опускаетъ глаза на землю, то едва замѣчаетъ вѣнчанныя главы королей!.. Какъ онъ радъ! Какъ онъ гордъ, что въ нихъ не видитъ никакой черты сходства съ собой...» [2]); «богатый своимъ собственнымъ достоинствомъ, онъ довольствуется тѣмъ, что находитъ неистощимое наслажденіе въ самомъ себѣ. Какъ молодой Нарциссъ, про котораго миѳъ разсказываетъ, что онъ былъ влюбленъ въ самого себя, такъ и его наслажденіе заключается въ созерцаніи собственной души!» [3]).

Мы привели эту длинную тираду, какъ хорошо характеризующую сентиментальнаго человѣка. Онъ тѣшится нравственной бесѣдой со своей душой, наслаждаясь ея тонкими качествами, недоступными другимъ людямъ. «Добродѣтель столь же нѣжна, какъ и прекрасна, и не можетъ принадлежать толпѣ, которой ея хрупкое и нѣжное строеніе не выноситъ» [4]). Въ свое общество онъ допускаетъ только «одного» человѣка—«друга», и то потому только, что «намъ нуженъ другъ, чтобы мы сами себѣ нравились, чтобы мы сами собой наслаждались» [5]). О своей чувствительной душѣ онъ заботится до того, что замѣчаетъ: «оплакивать другихъ—быть оплакану когда-нибудь другими» [6]), а сентиментальный человѣкъ не прочь поплакать о себѣ: «знаешь ли ты, Лоренцо, что такое вздохъ! Изучалъ ли ты философію слезъ?» [7]),—восклицаетъ онъ. «Только чувствительнымъ душамъ сообщается печаль и заражаетъ ихъ, какъ прилипчивая болѣзнь; слезы скопляются въ ихъ сердцахъ, переполняютъ ихъ и изливаются потокомъ» [8])..

---

[1]) Joung. II, 48.
[2]) Ibid., II, 53.
[3]) Ibid., II, 58.
[4]) Ibid., I, 238.
[5]) Ibid., I, 60.
[6]) Ibid., I, 80.
[7]) Ibid.. I, 245.
[8]) Ibid.. I, 246.

«Разсудокъ не воспрещаетъ слезъ существу несчастному и чувствительному» [1]). Сентиментальному человѣку даже пріятно, когда съ его слезами сливаются слезы и вздохи другихъ; поэтому свои печали они охотно навязываютъ другимъ. Юнгъ, похоронивъ свою дочь, восклицаетъ: «Дорогая Нарцисса, я весь міръ пріобщу къ своему горю!» [2]). «Юноша въ расцвѣтѣ лѣтъ забудетъ о своей радости, чтобы пожалѣть о твоей судьбѣ: онъ пойдетъ, меланхоличный и задумчивый, мечтать о тебѣ среди могилъ!» [3]). Юнгъ написалъ это произведеніе уже старикомъ, испытавъ много разочарованій и несчастій,— немудрено, что подъ конецъ своей жизни онъ пришелъ къ печальному выводу: «счастье на землѣ! О, гордое слово! Гдѣ же оно? Я думалъ заключить его въ свои объятья, но обнялъ лишь тѣнь» [4]). Судьба не «даритъ» человѣку счастья: она «продаетъ» его [5]). Чувствительному сердцу Юнга эта судьба нанесла одинъ ударъ за ударомъ: она похитила у него всю семью — и — «все мое, восклицаетъ Юнгъ, умерло съ тобою, дорогой Филандръ: твой послѣдній вздохъ разрушилъ всѣ чары,— и земля, лишенная этихъ чаръ, потеряла свой блескъ» [6]). «Ночь, да, самая мрачная ночь въ то время, когда она завертывается въ самыя глубокія сумерки, не такъ печальна, какъ моя судьба, не такъ мрачна, какъ моя душа!» [7]). Старикъ, разочарованный въ земной жизни, весь уходитъ въ то таинственное будущее, къ которому приготовляетъ себя своими размышленіями. Земная жизнь кажется ему «ночью», и мы не ошибемся, если «ночныя думы» переведемъ словами: «земныя думы». Свое произведеніе онъ кончаетъ словами: «Прости, ночь! Меня больше не покрываютъ твои тѣни; вѣчный день наступаетъ!» Этими словами онъ прощается съ земною жизнью, предвидя свою скорую смерть...

«Юнгъ, гроза щастливыхъ и утѣшитель нещастныхъ» [8])— одинъ изъ любимыхъ писателей Карамзина. Несмотря на всю свою разочарованность, Юнгъ не дѣлается пессимистомъ,

---

[1]) Young, I, 87.
[2]) Ibid., I, 93.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., I, 46
[5]) Ibid., I, 51.
[6]) Ibid., I, 52.
[7]) Ibid., I, 40.
[8]) Карамзинъ, Соч., II, 749.

а, наоборотъ, находитъ полное успокоеніе въ вѣрѣ, — немудрено, что онъ приносилъ Карамзину утѣшеніе въ тяжелыя минуты недовольства жизнью, во время припадковъ «меланхоліи». На земныя несчастья онъ смотрѣлъ, какъ на друзей [1]), такъ какъ эти несчастья укрѣпили въ немъ надежду на лучшее будущее.

«О, Ионгъ, нещастныхъ другъ, нещастныхъ утѣшитель!
«Ты бальзамъ въ сердце льешь, сушишь источникъ слезъ!
«И, съ смертію дружа, дружишь ты насъ и съ жизнью! [2]),—

восклицаетъ Карамзинъ въ своемъ стихотвореніи «Поэзія».

Большимъ поклонникомъ былъ Карамзинъ и Томсона, главнымъ образомъ, за его поэму: «Времена года» (Seasons).

Если Юнгъ находилъ утѣшеніе въ христіанской религіи, то Томсонъ успокаиваетъ свое сентиментальное сердце, бесѣдуя «въ уединеніи съ Натурой». «Для человѣка, полнаго любви, говоритъ онъ, вся природа имѣетъ видъ любви, и въ глазахъ такого человѣка исчезаетъ мятежъ порочнаго міра, удручаемаго низкими страстями» [3]). Томсонъ тоже является передъ читателями съ проповѣдью удаленія отъ той шумной, пошлой жизни, которая оскорбляетъ чувствительное сердце. Онъ превозноситъ счастье человѣка, который, «удаляясь отъ мірскаго бѣшенства (rage), съ немногими избранными друзьями наслаждается чистыми удовольствіями сельской жизни среди спокойныхъ долинъ» [4]). Счастливца, промѣнявшаго городъ, «зарытый въ дымъ, спячку и вредныя испаренія» [5]), на мирные пейзажи природы, не тревожитъ ни «ярость народовъ», ни «разрушеніе государствъ» [6]): въ тихомъ убѣжищѣ (retreats) и цвѣтущихъ пустыняхъ слушаетъ онъ голосъ Природы и, отъ чистаго сердца, всхваляетъ Творца» [8]). Его, сентиментальнаго человѣка, конечно, оскорбляетъ картина общества, отказавшагося отъ вѣры въ чувство; ему противно это общество, въ которомъ «всѣ страсти выступили изъ своихъ границъ, а полупогасшій, обезсиленный разумъ смотритъ холодно на бе-

---

[1]) Young, I, 246. [2]) См. 2-е приложеніе: «Матеріалы..», 34.
[3]) «The poetical Works» of James Thomson, vol. I, containing his «Seasons», Edinburg, 1780, 66. [4]) Ibid., 185. [5]) Ibid., 36.
[6]) Ibid., 188. [7]) Ibid. [8]) Ibid., 43, 81.

образный безпорядокъ этихъ страстей» [1]). Его привлекаетъ природа, въ которой онъ не разсмотрѣлъ еще вѣчной, жестокой борьбы за существованіе. Любуясь издали на пастушковъ, птичекъ, барашковъ, онъ уносится со своими мечтами въ тѣ далекія времена, когда «еще не стонала природа отъ ярости человѣка» [2]), когда «повсюду раздавались пѣсни, затѣвались пляски, игры, слышались мудрыя и дружескія бесѣды» [3]), — «Между этими счастливыми сынами Неба не было еще извѣстно никакого несправедливаго поступка, никакого грубаго дѣянія» [4]); въ природѣ царствовалъ полный миръ: «животныя спокойно играли на тучной, густой травѣ. Когда левъ, сверкая очами, выглядывалъ на нихъ изъ дремучаго лѣса, жестокое сердце его смягчалось,—и онъ угрюмую свою радость соединялъ съ ихъ невиннымъ весельемъ» [5])... Прошли тѣ счастливыя времена, — теперь: «кровожадный человѣкъ, воспаленный алчностью, сдѣлался злѣе дикаго льва» [6]); онъ забылъ, что изъ всѣхъ существъ «ему одному природа дала слезы» [7]); онъ отдался всѣмъ нехорошимъ побужденіямъ, и оттого среди людей водворилась жестокость и сердца обратились въ камни [8]). Поэтому цѣль «всѣхъ благородныхъ душъ» — помышлять о благѣ людей, о томъ, какъ «добродѣтели ихъ извлечь изъ глубокой пропасти» [9]). И этой цѣли Томсонъ сознательно посвящаетъ себя: мирными картинами природы хочетъ онъ смягчить сердца людей, ожесточившихся именно отъ того, что имъ непонятны стали красоты природы... Надо сознаться, что изъ подъ пера Томсона эти картины природы выходятъ иногда, дѣйствительно, очень художественными: предъ нами раскрывается то картина весенней природы [10]), то пейзажъ, освѣженный весеннимъ дождемъ [11]), то широко разстилается лугъ, по которому раскинулся коверъ весеннихъ цвѣтовъ [12]), то виднѣется лѣсъ, всѣ пернатые жители котораго, каждый по своему, привѣтствуютъ природу [13]).

[1]) Thomson, 43.
[2]) Ibid., 184.
[3]) Ibid., 42.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., 42.
[6]) Ibid., 45.
[7]) Ibid.,
[8]) Ibid., 44.
[9]) Ibid., 66.
[10]) Ibid., 36.
[11]) Ibid., 39.
[12]) Ibid., 51.
[13]) Ibid., 53—5.

Иногда поэтъ переноситъ насъ въ тропическую природу [1]), или описываетъ драгоцѣнные камни, въ созданіи которыхъ онъ видитъ плоды Божественнаго вдохновенія [2]). На всемъ произведеніи лежитъ отпечатокъ легкой грусти: здѣсь нѣтъ того остраго горя, которое вдохновило Юнга,—Томсонъ и на землѣ находитъ покой: «нѣжное сердце есть блаженный покой» [3]), а нѣжному сердцу нужна только тишина, это «уединенное божество» (power) [4]),—и онъ будетъ счастливъ на лонѣ прекрасной природы...

Вліяніе Томсона на Карамзина было очень сильно: онъ увлекался этимъ поэтомъ до того, что даже перевелъ его «Времена года» на русскій языкъ. Томсонъ и его многочисленные ученики (напр., Клейстъ) были наставниками Карамзина въ живописаніи природы, —

«...Натуры сынъ любезный,—говоритъ онъ о Томсонѣ въ своей «Поэзіи» —
«О, Томсонъ! ввѣкъ тебя я буду прославлять!
«Ты выучилъ меня Природой наслаждаться,
«И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ея!.. [5])

Очень увлекался Карамзинъ и «Оссіаномъ» Макферсона [6]). Людей XVIII вѣка Макферсонъ увлекъ картинами сѣдой старины, герои которой казались ему идеальными существами сравнительно съ современными людьми.

Сентиментализмъ на эту старину наложилъ свои печати, отчего герои ея сдѣлались, дѣйствительно, идеалами сентиментальнаго общества. Дряхлый старецъ Оссіанъ одинъ остался въ живыхъ отъ того далекаго, прошлаго міра, въ которомъ протекли его лучшіе годы, съ которымъ связаны его воспоминанія; какъ сентиментальные писатели XVIII в., такъ и этотъ старецъ не видитъ дѣйствительной жизни: онъ живетъ въ томъ идеальномъ мірѣ, который отошелъ въ вѣчность: «нѣтъ болѣе грустнаго человѣка въ этомъ большомъ свѣтѣ, какъ я въ эту ночь!» восклицаетъ онъ. «Бѣдный старикъ, безъ силъ въ костяхъ, стою я здѣсь, Оссіанъ, сынъ Фина,

---

[1]) Thomson, 99. [2]) Ibid. 80. [3]) Ibid., 66.
[4]) Ibid., 211. [5]) См. 2-е прилож. «Матеріалы», 34.
[6]) Макферсонъ, «Оссіанъ», 1891. Спб., русск. перев.

послѣдній потомокъ высокаго рода; стою подъ холодными сѣрыми тучами, слушаю звонъ колоколовъ, и тучи ночныя идутъ надо мною безконечно» [1]). Старцу чуждо даже послѣднее поколѣніе его рода: «сонъ сходитъ со звуковъ арфы, мною овладѣваютъ сладкіе сны... Остановитесь вдали, сыны охоты, не нарушайте моего покоя... Бардъ былыхъ временъ бесѣдуетъ со своими отцами, вождями минувшихъ дней» [2]). Такимъ образомъ, и въ этомъ произведеніи мы имѣемъ дѣло съ «бесѣдой»,—только бесѣда здѣсь не съ Богомъ, не съ природой, а съ «вождями минувшихъ дней». Эти вожди минувшихъ дней кажутся Оссіану-Макферсону особенно привлекательными, и въ его изображеніи они теряютъ рѣзкіе контуры витязей сѣверныхъ сагъ. Оттого-то мы встрѣчаемъ такія противорѣчія въ поэмѣ, что тѣ же герои, то съ налитыми кровью, «красными» глазами дерутся такъ, что «деревья въ лѣсу выворачивались съ корнемъ; скалы сдвигались съ мѣстъ; ручьи измѣняли свое теченіе» [3]), то эти же витязи умираютъ отъ тоски, потерявъ милую дѣву. «Будь въ битвѣ, какъ ревущій потокъ; нѣженъ, какъ вечерній лучъ—въ мирѣ» [4])—вотъ девизъ любимаго витязя поэмы Фингала. Этотъ непобѣдимый герой, который «никогда не наносилъ второго удара» (потому что убивалъ съ перваго), сентиментально восклицаетъ: «Фингалъ не радуется крови! Слезы, какъ зимніе потоки, убиваютъ мою душу!.. Рука моя щадила слабыхъ, надменныхъ же гнѣвъ мой настигалъ, какъ пламя! Никогда не радовался я при видѣ павшихъ!» [5]). Фингалъ повергнулъ Фротхала на землю, но въ это время Ута, возлюбленная Фротхала, заслонила его—и «Фингалъ пожалѣлъ бѣлокурую дѣвушку: онъ удержалъ поднятый мечъ. Слеза стояла въ глазахъ короля (Фингала), когда, нагнувшись впередъ, онъ сказалъ: «Король, богатой потоками Сары! Не страшись меча Фингала: онъ никогда не былъ обагренъ кровью побѣжденныхъ, онъ никогда не пронзалъ павшаго врага» [6]). Такое же противорѣчіе находимъ мы и въ образахъ оссіановскихъ дѣвушекъ: то онѣ вѣроломно по-

[1]) Макферсонъ. 30.
[2]) Ibid., 293.
[3]) Ibid., 48.
[4]) Ibid., 290.
[5]) Ibid., 368.
[6]) Ibid., 195.

ражаютъ кинжаломъ человѣка [1]) или, не чувствуя ни малѣйшей жалости, убиваютъ измученнаго оленя,—то умираютъ отъ тоски по сраженномъ другѣ. «Она пришла. Она нашла своего героя (убитымъ). Ея голоса не было болѣе слышно. Молча, смотрѣла она. Она была блѣдна и безумно печальна. Немногіе дни прожила она въ Каннѣ: она сошла въ могилу» [2]). Или: «Ея Конналъ умираетъ. Всю ночь она плачетъ и весь день: О, Конналъ! Мой милый, мой другъ!» Оплакавши его, она умираетъ отъ горя. Земля сокрыла здѣсь на холмѣ милую пару. Трава растетъ между камнями могилы...» [3]). «Я часто сижу въ печальной тѣни, вѣтеръ вздыхаетъ въ травѣ, ихъ память тѣснится въ мою душу... Безмятежно вы теперь спите вмѣстѣ, въ могилѣ на горѣ вы покоитесь одни...» [4]). Сколько «сладкихъ» слезъ въ XVIII вѣкѣ было пролито надъ этими грустными картинами! А вотъ, трогательныя мысли Оссіана на могилѣ его возлюбленной: «печальны мои одинокія мысли, но ты являешься, о моя милая, моя странница, ты являешься надъ верескомъ, твои волосы развѣваются по вѣтру за тобой, твоя грудь колеблется отъ вздоховъ, твои глаза полны слезъ о твоихъ друзьяхъ, которыхъ скрылъ туманъ холма» [5]). «Несись на своихъ звучащихъ крыльяхъ, о вѣтеръ, вздыхай на могилѣ Мальвины; могила подымается тамъ недавно, она подымается надъ скалой у голубого потока Луты» [6]). Какъ видимъ изъ приведенныхъ цитатъ, многое въ Оссіанѣ должно было увлечь сентиментальныхъ людей: далекое прошлое, богатое идеальными людьми, которые умѣютъ чувствовать и любовь, и дружбу,— природа, отвѣчающая настроенію сердца, взволнованнаго меланхоліей,—самъ пѣвецъ Оссіанъ, съ его чувствительной душой,—все это было сродни сентиментальной литературѣ XVIII в. У Оссіана мы встрѣчаемъ порою прямо юнговскіе мотивы о «бренности» земныхъ благъ, облеченные только въ своеобразную форму: «зачѣмъ строишь ты жилище, сынъ крылатыхъ дней? Сегодня смотришь ты со своихъ башень, но проходитъ нѣсколько лѣтъ и

---

[1]) Макферсонъ, 53.
[2]) Ibid., 163.
[3]) Ibid., 198.
[4]) Ibid., 199.
[5]) Ibid., 190.
[6]) Ibid., 281.

врывается вѣтеръ пустыни, онъ воетъ въ опустѣвшемъ дворѣ и свиститъ въ полуразбитомъ щитѣ...» [1]).

Оссіана Карамзинъ читалъ съ большимъ увлеченіемъ; по примѣру многихъ подражателей Оссіана (бардиты), Карамзинъ даже называетъ и себя «бардомъ» въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній [2]). Въ стихотвореніи-же «Поэзія» Оссіану посвящены слѣдующія строки:

«...пѣсни Оссіана,
«Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
«Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
«Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.
«Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ [3]).

Лаврентій Стернъ, которымъ Карамзинъ положительно бредилъ, указалъ сентиментальному человѣку еще на одно убѣжище, гдѣ бы онъ могъ чувствовать себя счастливымъ, гдѣ бы дѣйствительность не оскорбляла его. Это убѣжище—было собственное чувствительное сердце. Стернъ равнодушно относится и къ Богу, и къ природѣ, и къ далекому прошлому: наблюденіе надъ собственнымъ сердцемъ, — вотъ, чѣмъ занялся онъ, чему посвятилъ лучшее свое произведеніе: «Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи» («A Sentimental Journey through France and Italy»). Какъ Юнгъ, Томсонъ и Оссіанъ, Стернъ такъ же одинокъ со своимъ сердцемъ, даже въ шумномъ обществѣ людей. Онъ предпринимаетъ далекое путешествіе, съ цѣлью «познать людей» [4]), такъ какъ познавая ихъ, онъ вѣрнѣе приблизится къ «познанію самого себя» [5]), а это — его главная цѣль. Изъ путешественниковъ онъ предпочитаетъ «чувствительнаго», главное занятіе котораго—слѣдить за чуткими струнами своего сердца: достопримѣчательности Западной Европы и произведенія искусства его не интересуютъ [6]). Его путешествіе—«спокойное путешествіе сердца, стремящагося къ природѣ и тѣмъ чувствамъ, которыя она въ насъ возбуждаетъ, чувствамъ, которыя заставляютъ насъ любить другъ друга и свѣтъ болѣе обыкновеннаго» [7]). Это стрем-

[1]) Макферсонъ, 233.
[2]) Карамзинъ, Соч., I, 42.
[3]) См. 2-е приложеніе, 33—4.
[4]) L. Sterne, 101, 137.
[5]) Ibid., 16.
[6]) Ibid., 137.
[7]) Ibid.

леніе «любить другъ друга» проходитъ чрезъ все произведеніе, выражаясь то въ безобидномъ юморѣ, то въ горячихъ восклицаніяхъ, то въ тихой грусти. Увлекаясь своими идеальными чувствами, Стернъ съ пренебреженіемъ относится къ разуму: чувства для него все,—оттого онъ, находясь у нихъ во власти, постоянно живетъ въ мірѣ фантазіи и мечтаній. «Воображеніе! восклицаетъ онъ, ты—обольщенная и обольщающая женщина (slut) и, хотя ты обманываешь насъ семь разъ въ день твоими картинами и образами, но ты дѣлаешь это такъ очаровательно, столько на твоихъ картинахъ свѣтлыхъ ангеловъ, что стыдно разстаться съ тобой» [1]). Онъ восхищается «чудной отзывчивостью человѣческаго духа, разомъ отдающагося тѣмъ иллюзіямъ, которыя обманываютъ наше ожиданіе и тоску въ минуту скуки!» [2]). Онъ знаетъ, что это — «иллюзіи», но, «когда сердце предупреждаетъ разсудокъ, то послѣдній избавляется отъ многихъ хлопотъ» [3]), — и, въ результатѣ, Стернъ — въ полной власти у «иллюзій», вызванныхъ игрой собственнаго воображенія. — Глядя на скворца въ клѣткѣ, онъ далъ свободу своему воображенію... и что же? Онъ уже ясно видитъ темницу, въ ней несчастнаго узника [4]). «Я увидѣлъ его тѣло, почти разрушенное долгимъ ожиданіемъ и заключеніемъ, и узналъ, какую сердечную болѣзнь приноситъ съ собой потеря надежды. Приглядѣвшись поближе, я увидалъ, что онъ блѣденъ и въ лихорадкѣ: уже тридцать лѣтъ западный вѣтеръ не освѣжалъ ни разу его крови; онъ не видалъ ни солнца, ни луны; во все это время въ его окошко не звучалъ голосъ друга или родственника: его дѣти... Здѣсь сердце мое стало обливаться кровью...» [5]). Онъ увидалъ въ рукахъ заключеннаго даже календарь изъ палочекъ, на которыхъ тотъ гвоздемъ отмѣчалъ число дней и ночей, проведенныхъ въ заключеніи [6])... И, вдругъ, къ ужасу своему, чувствительный фантазеръ замѣчаетъ, что собою онъ «заслонялъ у заключеннаго послѣдній остатокъ свѣта»,—«онъ (узникъ) поднялъ безнадежный взоръ къ дверямъ... покачалъ головой...» [7]),—но

[1]) Sterne, 25, 26.
[2]) Ibid., 140.
[3]) Ibid., 25.
[4]) Ibid., 118, 119.
[5]) Ibid., 118.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., 119.

больше нѣжное сердце Стерна не можетъ выносить всей тягости созданной имъ самимъ картины: онъ рыдаетъ и убѣгаетъ отъ клѣтки съ скворцомъ... Разставаясь съ дамой, съ которой онъ только что познакомился, при мысли о разлукѣ, «быть можетъ вѣчной», онъ тронутъ до слезъ [1]). Увидя незнакомую плачущую женщину, онъ «готовъ ее заключить въ объятія и приласкать, не испытывая стыда, хотя бы то происходило на улицѣ» [2]). Видъ несчастной Маріи такъ трогаетъ сердце Стерна, что онъ восклицаетъ: «если бы ты была въ моей родной странѣ, гдѣ у меня есть домикъ, я взялъ бы тебя къ себѣ и пріютилъ; ты ѣла бы мой хлѣбъ, пила бы изъ моей чашки... При закатѣ солнца я читалъ бы мои молитвы, а потомъ ты играла бы на свирѣли вечернюю пѣсню, — и едва ли фиміамъ моего жертвоприношенія былъ бы принятъ небесами менѣе благосклонно изъ за того, что его сопровождаетъ фиміамъ разбитаго сердца» [3]). Эта необыкновенно живая и полная реализація образовъ, созданныхъ мечтами, — вторая характерная черта Стерна. Наконецъ, болѣзненная отзывчивость на всякое сердечное движеніе — тоже одна изъ отличительныхъ чертъ его. Эту слабость Стернъ самъ сознаетъ за собой. «Я расплакался», сообщаетъ онъ: «я слабъ, какъ женщина; и я прошу не смѣяться надо мною, но пожалѣть меня» [4]). Впрочемъ, эта слезливость совсѣмъ не огорчаетъ его: чувствительность нравится ему болѣе холодной безчувственности философовъ-матеріалистовъ: «я увѣренъ, что у меня есть душа; никакія сочиненія, которыми матеріалисты наводнили (pestered) свѣтъ, не разубѣдятъ меня»... [5]).

Стернъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ Карамзину писателей. Не разъ обращался онъ съ самой горячей похвалой къ англійскому юмористу. Онъ называетъ его «оригинальнымъ, неподражаемымъ, чувствительнымъ, добрымъ, остроумнымъ, любезнымъ Стерномъ» [6]). «Стернъ несравненный! въ какомъ ученомъ университетѣ научился ты столь нѣжно чувствовать? Какая риторика открыла тебѣ тайну двумя

[1]) Sterne, 36.
[2]) Ibid., 29.
[3]) Ibid., 188.
[4]) Ibid., 33.
[5]) Ibid., 186.
[6]) «Моск. Ж.», 1791, II, 51.

словами потрясать тончайшія фибры сердецъ нашихъ? Какой музыкантъ такъ искусно звуками струнъ повелѣваетъ, какъ ты повелѣваешь нашими чувствами» [1]). Въ «Письмахъ русскаго путешественника» имя Стерна-Йорика, «оригинальнаго живописца чувствительности» [2]), встрѣчается очень часто.

Стернъ увлекалъ Карамзина своей чувствительностью, силой творческаго воображенія и способностью отдаваться мечтѣ... Задатки всего этого были въ самомъ Карамзинѣ, — Стернъ помогъ, вѣроятно, развернуться этимъ способностямъ. Широкая, хотя и отвлеченная, любовь къ человѣчеству, которой освѣщено «Сентиментальное путешествіе», тоже нашло сочувственный откликъ въ сердцѣ Карамзина. Наконецъ, тонкость психологическаго самоанализа, наблюденіе надъ всѣми капризами своей души не менѣе сильно увлекли Карамзина. Это и понятно: если онъ отъ всѣхъ своихъ учителей слышалъ о необходимости самопознанія, то Стернъ далъ ему блестящіе образчики этой науки.

Наконецъ, въ англійской литературѣ очень интересовали Карамзина романы Ричардсона, Фильдинга и Гольдсмитта. Въ этихъ произведеніяхъ чувствительный юноша увидалъ реальное изображеніе человѣческой жизни со всѣми ея отрицательными и положительными сторонами. Вѣроятно, не разъ во время чтенія его чувствительное сердце волновалось при видѣ всякихъ притѣсненій, испытаній, которымъ подвергались добродѣтельные люди этихъ романовъ. Онъ сочувствовалъ этимъ «идеальнымъ» героямъ, вмѣстѣ съ ними переживалъ ихъ невзгоды, вмѣстѣ съ ними торжествовалъ ихъ успѣхи. Въ сущности говоря, чтеніе этихъ романовъ было естественнымъ развитіемъ дѣтскаго увлеченія книгами «желтаго шкапа», — основная идея осталась та же: «добро торжествуетъ», — различіе сказалось только въ художественномъ отношеніи: психика героевъ разработана очень обстоятельно, обстановка, въ которой живутъ эти герои, списана съ дѣйствительности; похожденія и приключенія ихъ, болѣе или менѣе, правдивы и естественны.

---

[1]) «Моск. Ж.», V, 223. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 749.

Первый романъ Ричардсона «Памела» написанъ, по собственному признанію автора, для того, чтобы «поучать сердца». Поученіе это основано на тѣхъ выводахъ, которые должны были являться въ головѣ читателя при созерцаніи тѣхъ трогательныхъ положеній, въ какія попадалъ «идеальный» герой или героиня. Здѣсь нѣтъ того навязыванья чувствъ, какое мы видимъ въ сентиментальной лирикѣ: здѣсь авторъ лишь изрѣдка направляетъ читателя къ желаемой цѣли то эпитетомъ, выражающимъ его личное отношеніе къ герою, то словами другого дѣйствующаго лица. Если мы обратимся къ романамъ Ричардсона, мы поймемъ, почему они такъ нравились сентиментальному обществу: удивительная драматичность составляетъ, несомнѣнно, одну изъ лучшихъ сторонъ особенно двухъ первыхъ его романовъ. Въ первомъ романѣ мы видимъ «идеальную» героиню въ лицѣ Памелы, этого пятнадцатилѣтняго ребенка, который, по капризу старой госпожи, оторванъ отъ родной семьи и воспитанъ не то въ качествѣ служанки, не то пріемной дочери. Умираетъ ея патронесса,—и наивная, чистая дѣвушка становится въ какія-то неопредѣленныя, очень тяжелыя для нея отношенія къ сыну своей госпожи. Онъ ближе къ ней, чѣмъ господинъ, но, въ то же время, онъ — господинъ; она тайно сознается себѣ, что любитъ его, а онъ оскорбляетъ ея чистую любовь обидными предложеніями. Глядя на этотъ свѣтлый образъ, который, какъ живой, встаетъ при чтеніи романа, невольно представляешь себѣ героинь Шекспира, созданныхъ изъ свѣта, доброты, наивности и любви... Офелія, Джульетта, Дездемона,— все это — прототипы Памелы. И рядомъ съ этимъ свѣтлымъ образомъ стоитъ ея господинъ, развратный, грубый: онъ мучитъ Памелу угрозами, выгоняетъ ее изъ дому, но на все встрѣчаетъ лишь кроткое: «да благословитъ Богъ вашу честь». Всей жизнью ея управляетъ религія; добродѣтель, въ ея глазахъ, отъ религіи; порокъ—отъ невѣрія... Она, съ ея вѣрой, не можетъ быть порочной. Наконецъ, эта кроткая мощь дѣвушки смягчаетъ сердце ея господина; онъ женится на ней, — и добродѣтель вознаграждается...

Второй романъ «Кларисса Гарлоу» [1]) кончается не такъ благополучно: героиня дѣлается жертвой общества. Впрочемъ, общество не сгибаетъ ее, а ломаетъ, и она нравственно-непобѣжденной отходитъ въ другой міръ, гдѣ ждетъ ее «торжество добродѣтели». Если Памела, добродѣтельная дѣвушка, съ ея пуританской вѣрой, кажется немного эѳирнымъ существомъ, то Кларисса — сама добродѣтель, сама стойкость и религіозность... Съ другой стороны, отрицательные типы нарисованы въ этомъ романѣ такими сгущенными красками, что, въ общемъ, герои «Клариссы» производятъ впечатлѣніе не живыхъ людей, а какихъ-то отвлеченныхъ понятій. «Добродѣтель, спасающаяся отъ порока»,—вотъ, заглавіе самое подходящее этому роману.

Родные Клариссы поражаетъ насъ уродствомъ своихъ характеровъ [2]); грубый эгоизмъ руководитъ всѣми членами этой семьи [3]), Вотъ, передъ нами братъ Клариссы, грубое созданіе, забравшее въ руки цѣлый домъ и являющееся въ семейной жизни общимъ деспотомъ; вотъ, сестра Клариссы, безобразное существо, которое ненавидитъ свою красавицу-сестру и всячески мститъ своей счастливой соперницѣ. Кларисса, живя въ такомъ аду, должна была или ожесточиться, или замкнуться въ самой себѣ; «идеальная» героиня предпочла послѣднее; поэтому она осторожно живетъ въ этомъ страшномъ обществѣ, выработавъ въ себѣ строгую выдержанность въ отношеніяхъ къ семьѣ: она удивительно терпѣлива [4]), благоразумна [5]), разсудительна [6]); не видя сочувствія къ себѣ въ семьѣ, она живетъ одиноко, бесѣдуя лишь сама съ собой да съ Богомъ [7]), размышляя «о земной жизни» [8])... Но вотъ, на пути этой «a christian heroine», какъ рекомендуетъ ее Ричардсонъ, судьба ставитъ красивую, гордую фигуру Ловласа, покорителя женскихъ сердецъ. Этотъ прелестникъ выработалъ въ себѣ искус-

---

[1]) Richardson, «Clarisse Harlow», (Genève, MDCCLXXXV, 14 t.).
[2]) Ibid., I, 46, 101, 104 и др.
[3]) Ibid., I, 122, 157, 332—3, 121, 159—170, II, 142—5, 189, III, 328.
[4]) Ibid., I, 324, 276, 249—250, 259.
[5]) Ibid., I, 342. [6]) Ibid., I, 407, 461.
[7]) Ibid., I, 325, 320—22, II, 39, V, 48, 96—8. [8]) Ibid., II, 293.

ство «покорять» [1]), гоняясь за сердцами дѣвъ; онъ изучилъ психологію женскаго сердца [2]), и побѣды ему легки, но за легкими побѣдами онъ не гоняется: «борьба» увлекаетъ его [3]), трудная «охота» ему особенно пріятна [4]); его девизъ — «уничиженіе высокомѣрныхъ» [5]). Однимъ словомъ, для интересной борьбы ему нужна именно такая дѣвушка, какой была Клариссa... Однако, все его искусство разбилось объ искусство Клариссы «спасаться отъ порока». Она любитъ Ловласа, но не сдается ему, потому что ищетъ чистой, возвышенной любви... Она отлично сознаетъ опасность, грозящую ей со стороны Ловласа, — поэтому въ сношеніяхъ съ нимъ ея предусмотрительность [6]) обращается, подъ конецъ, въ подозрительность [7]): до побѣга съ Ловласомъ изъ родного дома она представляетъ ему точно выясненныя условія его дальнѣйшихъ отношеній [8]) къ ней; она ведетъ съ нимъ письменные договоры, и всѣ хитрыя уловки Ловласа не достигаютъ цѣли, — только грубое насиліе помогаетъ ему... Сентиментальнаго читателя этотъ романъ, несомнѣнно, привлекалъ, какъ характеромъ «идеальной» героини, такъ и драматичностью тѣхъ положеній, въ которыя она попадаетъ.

Но гораздо больше, должно быть, нравился чувствительнымъ людямъ третій романъ Ричардсона, «Исторія кавалера Грандиссона». Въ этомъ романѣ автору, дѣйствительно, удалось создать типъ «идеальнаго» героя, совершенно во вкусѣ сентиментальныхъ людей. Этотъ благородный джентльменъ, съ интереснымъ блѣднымъ лицомъ [9]), одѣтый по послѣдней модѣ [10]), восхищаетъ всѣхъ высокими доблестями своей души; всѣ женщины влюблены въ него [11]); мужчинъ, единственно своимъ примѣромъ, онъ обращаетъ на путь истинный [12]). Это «изящнѣйшее произведеніе рукъ Всемогущаго» является благодѣтелемъ всѣхъ угнетенныхъ и страждущихъ: онъ спасаетъ дѣ-

---

[1]) Richardson, «Clarisse», I, 423, 426, 430, 435, 440, II, 22, 27, VI, 212, IV, 54, 63.
[2]) Ibid., IV, 298.
[3]) Ibid., V, 249.
[4]) Ibid., IV, 221.
[5]) Ibid., II, 147.
[6]) Ibid., I, 252.
[7]) Ibid., I, 140, 173—4.
[8]) Ibid., III, 326.
[9]) Ричардсонъ, «Исторія кавалера Грандиссона». II, 70.
[10]) Ibid., 74.
[11]) Ibid., 149, 159, 161.
[12]) Ibid., 226.

вицъ изъ рукъ похитителей [1]), онъ освобождаетъ стариковъ отъ ихъ любовницъ [2]), дѣтей отъ жестокихъ родителей, достойнымъ дѣвицамъ находитъ достойныхъ супруговъ [3]), устраиваетъ судьбу наслѣдниковъ, лишенныхъ наслѣдства въ его пользу, примиряетъ цѣлыя семьи [4])... Какъ «deus ex machina», является онъ на помощь всѣмъ несчастнымъ; опасность его не страшитъ: «меня не легко можно устрашить» [5]), восклицаетъ онъ,— но въ то же время онъ никогда «ничьимъ врагомъ не былъ» [6]); отъ обезоруженнаго врага его мы слышимъ заявленіе, что сэръ Грандиссонъ — «самый кротчайшій, учтивѣйшій, храбрѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ» [7]). По общему приговору, «онъ не знаетъ другого вождя, кромѣ собственнаго сердца» [8]). Оттого мы легко повѣримъ Грандиссону, когда онъ говоритъ: «нещастіе мое не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ нещастія другихъ» [9]),— или: «мое спокойствіе весьма много претерпѣло отъ той нѣжности, коей природа одарила мое сложеніе и безъ которой, однако, я не желалъ бы быть» [10]). Но мы ошибемся, если будемъ смотрѣть на «кавалера», какъ на созданіе, вѣчно плачущее и чувствительное: эта «чувствительность» — лишь его идеалъ; онъ къ ней стремится, и стремленіе это стоитъ ему большихъ усилій. Герой Ричардсона былъ «съ природы гордъ и честолюбивъ» [11]), но отъ этихъ слабостей онъ всѣми силами старается отдѣлаться. Иногда, впрочемъ, природа беретъ верхъ надъ его силой воли, и горячность его порой прорывается такъ сильно, что доводитъ его до «нѣсколькихъ весьма вспыльчивыхъ выраженій» [12]), причемъ онъ прибѣгаетъ даже къ «пронзительному голосу» [13]). Впрочемъ, въ своемъ негодованіи онъ всегда справедливъ [14]), да и гнѣвъ его скоро смѣняется той кроткой чувствительностью, которая кажется ему лучшимъ качествомъ человѣческой души. Этого качества онъ потому и

---

[1]) Ричардсонъ, «Исторія.». I, 232.
[2]) Ibid., IV, 121.
[3]) Ibid., 122.
[4]) Ibid., VIII, 120.
[5]) Ibid., I, 219.
[6]) Ibid , 222.
[7]) Ibid,, II, 239.
[8]) Ibid., V, 73.
[9]) Ibid., IV, 161.
[10]) Ibid.,
[11]) Ibid., 203.
[12]) Ibid., 126.
[13]) Ibid., IV, 173.
[14]) Ibid., I, 126, IV, 175.

не скрываетъ: «мои глаза всегда бываютъ согласны съ моимъ сердцемъ» [1]),—и этимъ онъ гордится. Немудрено, что всѣхъ, съ кѣмъ сводила его судьба, онъ заражалъ своею чувствительностью. Даже лица, издѣвавшіяся сначала надъ сентиментализмомъ [2]), познакомясь поближе съ Грандиссономъ, часто говорятъ, что «платокъ, который я поднесъ къ своимъ глазамъ, весьма мнѣ былъ полезенъ» [3]).

Изъ продолжателей Ричардсона, хорошо знакомыхъ Карамзину, стоитъ нѣсколько словъ сказать о Гольсмиттѣ. Его романъ, «Вексфильдскій священникъ», представляетъ изъ себя правдивую картину жизни, и эта правдивость особенно трогательна... На мирную семью деревенскаго священника обрушились удары судьбы, — одно несчастье за другимъ: смерть однихъ дѣтей, позоръ другихъ, — все это изъ мирнаго старика-священника дѣлаетъ героя: измученный, больной, въ заключеніи онъ умираетъ съ вдохновенной проповѣдью на устахъ, среди колодниковъ, товарищей по тюрьмѣ. Немало слезъ вызвала эта трогательная исторія у чувствительныхъ людей XVIII вѣка...

Передъ англійскими романами (особенно Ричардсона) Карамзинъ преклонялся. Въ критическомъ разборѣ русскаго перевода «Клариссы» [4]) онъ ставитъ высоко Ричардсона за его «отмѣнное искусство въ описаніи подробностей и характеровъ» [5]). «Кларисса, добронравная, нѣжная, благодѣтельная и нещастная Кларисса, которую мы столько любимъ и столь сердечно оплакиваемъ, и Ловласъ, въ которомъ видимъ такое чудное, однакожь естественное смѣшеніе добрыхъ и злыхъ качествъ... будутъ удивленіемъ всѣхъ читателей и всѣхъ временъ, и останутся вѣчными памятниками силы Ричардсонова духа...» [6]), «У Англичанъ много романовъ... — однакожь, говоря словами одного новаго Писателя, *Кларисса* у нихъ одна, такъ же, какъ у французовъ одна Новая Элоиза» [7]). Въ «Письмахъ русскаго путешественника» онъ тоже ясно выражаетъ свои симпатіи къ Клариссѣ и Грандиссону [8])...

---

[1]) Ричардсонъ, «Исторія.», VI, 101. [4]) «Моск. Ж.», IV ч., 108—115.
[2]) Ibid., I, 53. [5]) Ibid., 109. [6]) Ibid., [7]) Ibid., 110.
[3]) Ibid., VII, 175. [8]) Карамзинъ, Соч., II, 679,

По англійскимъ романамъ Карамзинъ учился приглядываться къ людямъ, подмѣчать въ нихъ все характерное. Ниже мы увидимъ, какое значеніе имѣли эти романисты (къ которымъ можно еще присоединить Фильдинга и Стерна) въ литературной дѣятельности Карамзина.

Французскую литературу, какъ мы уже говорили выше, Карамзинъ зналъ мало, можетъ быть, потому, что съ одной, стороны, она менѣе другихъ европейскихъ откликнулась на идеализмъ чувства, находясь цѣликомъ подъ впечатлѣніемъ философской скептической литературы [1]), — и, съ другой, сохраняла еще, правда, нѣсколько ослабѣвшую вѣру въ классицизмъ, что не могло нравиться поклоннику свободнаго чувства... Вотъ, почему Карамзинъ не назвалъ намъ ни одного француза въ рядахъ своихъ учителей. Правда, онъ находитъ много «чувствительности» въ «Заирѣ» [2]), повидимому, цѣнитъ Расина [3]), знаетъ Делиля [4]) (хотя, можетъ быть, по путеводителямъ, изъ которыхъ беретъ цитаты), читалъ слащавыя произведенія Дезольеръ [5]), знакомъ съ С.-Ламберомъ [6]),—но увлеченія французской литературой у него нѣтъ: «священныя тѣни Корнелей, Расиновъ, Вольтеровъ» и др. французскихъ писателей уступали, по его словамъ, преимущество «англичанамъ и нѣмцамъ» [7]). По собственному признанію, онъ съ французской литературой обстоятельнѣе познакомился лишь во время пребыванія въ Швейцаріи [8]).

За то съ самымъ шумнымъ восторгомъ относился Карамзинъ къ Руссо!.. Этого писателя назвать «французскимъ,» конечно, нельзя: онъ — выросъ въ протестантской Швейцаріи и во Франціи былъ совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. Литературное воспитаніе онъ получилъ на англійской и итальянской литературахъ. Такъ, его извѣстный романъ «Юлія или Новая Элоиза» [9])

---

[1]) Антипатія Карамзина къ французамъ въ 1786 году доходила до того, что въ первомъ письмѣ къ Лафатеру онъ рѣшительно заявляетъ: «всякій разумный человѣкъ согласится, что французы — сумасброды» (6 стр.).

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 587. [3]) Ibid., 453.

[4]) Ibid., 604, 612, 615, 617 и др. [5]) Ibid., 581—2. [6]) Ibid., 746.

[7]) Ibid., 472. [8]) Ibid., 324—5.

[9]) J. J. Rousseau, «Julie ou la Nouvelle Héloise». (Paris, 1845).

въ значительной степени зависитъ отъ Ричардсона, а многія частности романа указываютъ на то, что и другіе сентиментальные писатели англичанъ были ему знакомы. Прекрасно зналъ Руссо и итальянскихъ поэтовъ Возрожденія: иногда переводитъ онъ изъ нихъ патетическія восклицанія, приводя тутъ же вслѣдъ за ними и соотвѣтственную цитату на итальянскомъ языкѣ.

Имена Петрарки, Тассо, Метастазія часто попадаются въ романѣ, и можно думать, ихъ вліянія, набрасываютъ на сентиментализмъ Руссо своеобразный оттѣнокъ страстности, горячности... Жизни много въ этомъ романѣ, особенно въ первой его половинѣ, и, намъ кажется, этимъ Руссо, въ значительной степени, былъ обязанъ именно итальянской поэзіи.

Обращаясь къ самому произведенію, мы замѣчаемъ, что оно, несмотря на форму романа, отличается большимъ лиризмомъ, необходимой же для романа объективности въ немъ почти нѣтъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что очень многое для этого романа Руссо взялъ изъ собственной жизни. Правда и мечта, яркія воспоминанія и живое воображеніе, — вотъ, что помогло Руссо въ созданіи его романа...

Мы не намѣрены вдаваться въ подробное изслѣдованіе этого романа Руссо,—для насъ достаточно отмѣтить въ немъ лишь элементъ сентиментализма; но для этого мы не можемъ не обрисовать хотя бы общими чертами характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Герой романа С.-Прё, юноша чувствительный, слабый [1]), «ребенокъ, которому нуженъ опекунъ» [2]), мечтательный и восторженный — очевидно, любимое дитя Руссо. Въ уста этого 18-тилѣтняго юноши Руссо влагаетъ восклицанія, идущія изъ его собственнаго наболѣвшаго сердца: «О, Юлія! Какой роковой даръ Неба чувствительная душа!..» [3]). «Кто получилъ ее, долженъ ожидать на землѣ только страданій и печали» [4]). «Несчастная игрушка погоды и временъ года! Солнце и туманъ, пасмурное небо или ясное, управляютъ его судьбой (настроеніемъ), и онъ будетъ или радо-

[1]) J. J. Rousseau, «Julie», 2-me préf., 8.
[2]) Ibid., I, 205. [3]) Ibid., I, 93. [4]) Ibid.

ваться, или печалиться въ зависимости отъ вѣтровъ!» [1]) Въ этомъ восклицаніи сказалась вся сила впечатлительности С.-Прё, и, дѣйствительно, онъ, съ своей чувствительной душой, остается ей вѣренъ постоянно [2]). Другая особенность «чувствительнаго» человѣка,—воображеніе, тоже имѣетъ страшную силу надъ его чувствительной душой; порою оно доводитъ сентиментальнаго человѣка положительно до галлюцинацій [3]). Его чувство проходитъ передъ нами черезъ всѣ степени своего роста: то мы видимъ, какъ онъ, «enthousiasmé», въ тихомъ сентиментальномъ настроеніи, ежедневно ходитъ кормить лѣсныхъ птицъ [4]), или блаженствуетъ среди «благодушныхъ, гостепріимныхъ поселянъ» [5]),—то горячо возмущается жизнью «Вавилона XVIII в.», Парижа, гдѣ чувствуетъ себя «одинокимъ» [6]). Въ отношеніи къ Юліи его чувства тоже проходятъ цѣлый рядъ постепенныхъ состояній: то онъ сентиментально восклицаетъ: «ты въ такой же безопасности съ твоимъ возлюбленнымъ, какъ съ твоимъ отцомъ» [7]), потому что «въ тихомъ союзѣ двухъ чистыхъ душъ» онъ находитъ такое «очарованіе» [8]), что для его чувствительнаго сердца большаго не надо; — то платоническая чувствительность его отъ поцѣлуя Юліи переходитъ въ страсть: «нѣтъ! береги свои поцѣлуи, восклицаетъ онъ, я ихъ не въ силахъ выносить: они черезчуръ ѣдки и остры; они пронзаютъ, они прожигаютъ меня до мозга!» [9]), — то, наконецъ, чувствительный С. Прё обращается въ звѣря: «бѣшенство, ярость заставляли меня бѣгать отъ пещеры къ пещерѣ; стоны и крики вырывались противъ воли изъ моей груди... Я рычалъ, какъ разгнѣванная львица» [10]). Впрочемъ, обостренное настроеніе чувства С. Прё часто смѣняется тихой меланхоліей: «О, чувство, чувство! чудная жизнь души! Что за желѣзное сердце, которое никогда не трогалось тобой! Какъ несчастенъ тотъ смертный, у котораго ты никогда не вызывала слезъ!» [11]).

---

[1]) J. J. Rousseau, «Julie», I, 93.
[2]) Ibid., I, 80, 94, 122.
[3]) Ibid., I, 74, 95, 158, IV, 588, V, 704.
[4]) Ibid., IV, 552.
[5]) Ibid., I, 82, II, 217.
[6]) Ibid., II, 254.
[7]) Ibid., I, 39.
[8]) Ibid., 38.
[9]) Ibid., I, 63.
[10]) Ibid., I, 96.
[11]) Ibid., V, 684.

Какъ всѣ чувствительные люди, онъ въ слезахъ всегда находитъ себѣ облегченіе: «я началъ проливать потоки слезъ, и это состояніе доставило мнѣ наслажденіе: я плакалъ сильно, долго и почувствовалъ облегченіе!» [1]). Слезы эти ему дороги: онѣ—признакъ чувствительной души, а сентиментальные люди, какъ мы говорили уже, очень дорожатъ своей чувствительностью, — поэтому С. Прё ревниво наблюдаетъ свое сердце, которое, по его словамъ, «получаетъ законы только отъ самого себя» [2]). Подобно всѣмъ чувствительнымъ людямъ, онъ убѣжденъ въ отличныхъ достоинствахъ своего сердца, свойственныхъ только однимъ избранникамъ [3]). Какъ видно изъ этой бѣглой характеристики, С. Прё болѣе, чѣмъ обыкновенный сентиментальный герой: если всѣ характерныя черты сентиментализма у него найдутся на лицо, то вспышки могучаго чувства доказываютъ, до какой степени отразился самъ Руссо въ своемъ героѣ...

При оцѣнкѣ характера Юліи мы наталкиваемся на самыя рѣзкія противорѣчія. Въ одѣяніи ричардсоновской Клариссы мы постоянно узнаемъ графиню Гудето, любовницу Ламбера, которой сильно увлекался Руссо... Героиня Руссо, со всѣми ея неискренними проповѣдями, гораздо ниже Клариссы: та остается всегда вѣрной самой себѣ, хотя даже не пытается другимъ навязывать свои нравственныя воззрѣнія; между тѣмъ, Юлія себя не разъ называетъ «проповѣдницей» [4]), проповѣди — ея «ремесло» [5]), а, на самомъ дѣлѣ, она остается одной изъ тѣхъ парижанокъ [6]), неискренность которыхъ такъ возмущала С. Прё-Руссо [7]). У нея «черезчуръ чувствительное сердце» [8]), какъ она сама себя рекомендуетъ; «ея любовь тихая, нѣжная» [9]); ея «сердце (какъ и сердце С. Прё) получаетъ законы только отъ самого себя» [10]),—но, на ряду съ этимъ, она постоянно обнаруживаетъ практичность и холодную разсудочность: трогательное предложеніе друга С. Прё она называетъ «химерой чувствительной души» [11]); она,

---

[1]) J. J. Rousseau, «Julie», III, 125, VI, 730.
[2]) Ibid., II, 233.
[3]) Ibid., II, 229.
[4]) Ibid., IV, 593.
[5]) Ibid., II, 248.
[6]) Ibid., I, 42.
[7]) Ibid., II, 304.
[8]) Ibid., III, 394.
[9]) Ibid., III, 363.
[10]) Ibid., II, 233.
[11]) Ibid., II, 229.

по ея словамъ, «вѣрная католичка въ церкви и философка дома» [1]); она очень спокойно замѣчаетъ, что С. Прё «горячъ», но что его очень легко можно «покорить» [2]). И, дѣйствительно, Юлія покорила слабохарактернаго С. Прё, какъ Гудето—Руссо, и капризно играетъ съ нимъ: то поцѣлуемъ возбуждаетъ въ его крови цѣлый пожаръ, то нравоученіемъ охлаждаетъ его страстный порывъ, то вдругъ укоряетъ его въ совершенно чуждомъ ему «коварствѣ» [3]), то сама наталкиваетъ его на мысли [4]), добросовѣстно имъ гонимыя [5])... Послѣ отъѣзда родителей она пишетъ ему: «они уѣхали сегодня, этотъ нѣжный отецъ и несравненная мать» [6]), что отчасти и хорошо, потому что въ ихъ отсутствіе можно «повиноваться только законамъ природы» [7]). «О, Боже! Мой другъ», обращается она къ нему: «какъ я счастлива! Какъ меня любятъ! И какъ хороша жизнь! Отецъ, мать, любезная подруга и любовникъ!» [8]). Эта «проповѣдница» зоветъ С. Прё къ себѣ: «итакъ, до среды, мой милый другъ, мой повелитель, мой грѣшникъ, мой апостолъ!» [9])... «Приди же, владыка моего сердца, жизнь моей жизни!» [10]). Своей капризной игрой она доводитъ С. Прё до восклицанія: «сколько невыразимыхъ противорѣчій въ чувствахъ, которыя Вы мнѣ внушаете!» [11]). И эти слова подтверждаютъ многое, что мы сказали о характерѣ Юліи. «Идеальной» Руссо считалъ свою героиню за то, что она, въ его глазахъ, сумѣла загладить свое прошлое образцовою жизнью жены, матери и хозяйки. Поэтому центръ своего произведенія Руссо хотѣлось видѣть во второй половинѣ романа, когда оба героя, особенно Юлія, пройдя трудный путь нравственнаго исправленія, окончательно торжествуютъ надъ своими слабостями; въ этой половинѣ романа не мало многословныхъ разсужденій о нравственныхъ обязанностяхъ, рядомъ съ такими плѣнительными картинами земного благополучія, что онѣ самому С. Прё кажутся лишь «чуднымъ сномъ» [12])...

---

[1]) J. J. Rousseau, «Julie», I, 120.
[2]) Ibid., IV, 581.
[3]) Ibid., I, 36.
[4]) Ibid., I, 37, 50.
[5]) Ibid., I, 39.
[6]) Ibid., I, 121.
[7]) Ibid., III, 402.
[8]) Ibid., I, 132.
[9]) Ibid., I, 148.
[10]) Ibid., I, 157.
[11]) Ibid., I, 52.
[12]) Ibid., IV, 553.

Разумѣется, не все въ этомъ произведеніи привлекало обыкновеннаго сентиментальнаго читателя; многое, быть можетъ, казалось его изнѣженной, тонкой чувствительности черезчуръ грубымъ; многое, навѣрно, пугало его, но зато онъ находилъ здѣсь и не мало истинно-трогательныхъ положеній, не мало увлекательныхъ картинъ изъ жизни чувствительной души. Руссо внесъ въ сентиментальную литературу «поэзію любви»; такимъ образомъ, къ мотивамъ преклоненія передъ природой, Богомъ, давнимъ прошлымъ и жизнью сердца, онъ прибавилъ преклоненіе предъ тѣмъ чувствомъ, которое связываетъ мужчину и женщину тѣсными узами. Сильно выражено въ «Новой Элоизѣ» и состояніе тихой грусти, которая хорошо знакома была самому Руссо и такъ увлекала всѣхъ чувствительныхъ людей. «О, невозвратное время!» восклицаетъ С. Прё: «о, время, канувшее въ вѣчность, предметъ вѣчныхъ, постоянныхъ сожалѣній! Радости, восторги, чудныя увлеченья, волшебныя минуты, божественныя восхищенія! Моя любовь, моя единственная любовь, гордость и прелесть моей жизни! Прощай навсегда!» [1]). «О, очарованья первой молодости, наслажденія первой любви! Зачѣмъ вычеркивать ихъ изъ сердца, страдающаго отъ скуки и собственной тягости! О, время, счастливое время! Ты прошло! Я любилъ и былъ любимъ!» [2]). «Но она живетъ... Она счастлива... она живетъ, но ея жизнь — моя смерть; ея счастье — моя мука! и Небо, вырвавъ ее изъ моихъ объятій, отнимаетъ у меня возможность сожалѣть о ней!.. Она живетъ, но не для меня!» [3]). Искренность и правда пережитаго чувства дѣлаютъ эти слова, дѣйствительно, трогательными,—великій художникъ чувства часто совсѣмъ забываетъ своего С. Прё и, вмѣсто него, самъ, то, въ упоеніи чудными воспоминаніями доходитъ до «экстаза», до «энтузіазма», то, переживая тяжелое чувство грусти, мучившей когда-то его собственное «больное» сердце, изливаетъ это чувство въ цѣломъ рядѣ музыкальныхъ восклицаній: «Viens, image adorée remplir mon coeur, qui ne vit, que pour toi; suis moi dans mon exil, con-

[1]) J. J. Rousseau, «Julie», III, 415. [2]) Ibid., V, 703. [3]) Ibid.

*

sole moi dans mes peines, ranime et soutiens mon esperance eteinte» [1]). «Ah, ma chère, quelle âme c'était que la sienne! Comme il savait aimer! Il méritait de vivre!» [2]). Уже одна музыка этихъ словъ могла глубоко потрясти чувствительное сердце!

Кромѣ этой поэзіи нѣжнаго чувства, Руссо далъ въ своемъ романѣ блестящую «поэзію природы». Цѣлый рядъ картинъ природы набросалъ онъ въ своемъ романѣ: отъ величественнаго пейзажа снѣжныхъ вершинъ Альпъ [3]), до маленькой картинки уголка запущеннаго сада [4]), — все выходитъ удачнымъ изъ-подъ его пера. Въ своемъ преклоненіи предъ природой онъ доходитъ до того, что въ отсутствіи любви къ природѣ и непониманіи ея онъ видѣлъ причину атеизма, — поэтому его герои не атеисты: они, какъ всѣ чувствительные люди, видятъ Творца въ дѣлахъ Его и восхваляютъ Его величіе. Наконецъ, сентиментальный читатель могъ находить удовольствіе и при описаніи той идеальной сельской жизни, которую ведутъ подъ конецъ романа герои, прошедшіе трудный путь исправленія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ мало замѣтномъ героѣ «Новой Элоизы» — лордѣ Эдуардѣ Бомстонѣ. Это лицо въ романѣ занимало автора меньше, чѣмъ С. Прё и Юлія, — оттого въ немъ гораздо слабѣе замѣтенъ субъективный элементъ и болѣе правдивости; Бомстонъ постоянно вѣренъ себѣ, и мы не ошибемся, если его назовемъ слѣпкомъ съ сэра Грандиссона. Идеальный герой англійскаго романа находитъ въ немъ полное свое повтореніе, доходящее порой до тожества приключеній [5]). Отъ Бомстона мы слышимъ почти тѣ же рѣчи, что и отъ Грандиссона [6]); онъ такой же благодѣтель, только благодѣянія его не носятъ того практическаго характера, какъ у Грандиссона: въ нихъ болѣе сентиментальной мечтательности [7]), — недаромъ его планы Юлія называетъ «химерой чувствительной души» [8]).

---

[1]) J. J. Rousseau, «Julie». II, 207.
[2]) Ibid., IV, 455.
[3]) Ibid., I. 81, IV, 479.
[4]) Ibid., IV, 552.
[5]) Ibid., VI. 747.
[6]) Ibid., I, 183.—«Грандиссонъ», III, 174.
[7]) Ibid., I, 182—3, II, 229, 240, III, 444.
[8]) Ibid., II, 229.

Карамзинъ благоговѣлъ передъ Руссо, хотя можно съ увѣренностью сказать, что этотъ писатель не былъ вполнѣ доступенъ его пониманію: только «сладкая чувствительность» Руссо увлекала Карамзина, — сильные же порывы чувства не были понятны поклоннику нѣжнаго чувства: въ романѣ «Новая Элоиза» Карамзинъ находилъ «много неестественнаго, много увеличеннаго — однимъ словомъ, много романическаго» [1]). Впрочемъ, это не мѣшаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, Карамзину произносить панегирики «величайшему изъ писателей осьмого-на-десять вѣка» [2]): «человѣкъ рѣдкій, авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! нещастный по своему характеру между людьми и завидно щастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благости и красотъ творенья!» [3]).

Нѣмецкая литература «идеальнаго чувства» испытала вліяніе англійской литературы и нѣмецко-швейцарской: въ ней мы встрѣтимся со всѣми тѣми мотивами, которые выше уже указаны были нами. Прибавилось въ этой литературѣ только увлеченіе Швейцаріей, ея природой и жизнью ея пастуховъ. Въ жизни среди этой природы увидали мечтатели XVIII в. воплощеніе того «идеальнаго» счастья, къ которому вели ихъ мечты.

Очень увлекался Карамзинъ «великимъ» Галлеромъ, лучшее произведеніе котораго, «О происхожденіи зла», Карамзинъ даже перевелъ на русскій языкъ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Галлеръ является предъ нами съ вдохновенной хвалой Творца. Если нѣкоторыя произведенія его и не прямо посвящены восхваленію Всевышняго, то въ нихъ почти всегда можно найти нѣсколько искреннихъ восклицаній, идущихъ отъ его вѣрующаго сердца. Такъ, сатира его: «Размышленія

[1]) Карамзинъ, Соч., М, 631. [2]) Ibid., II, 366.
[3]) Ibid., II, 301.
[4]) Haller, «Schweizerische Gedichte». (Bern, 1777), 59—85.

о разумѣ, суевѣріи и невѣріи» [4])—прерывается характернымъ восклицаніемъ: «Довольно! Богъ есть!»,—и затѣмъ произведеніе оканчивается прославленіемъ Творца [1]). Когда Галлеръ созерцаетъ картины природы, его чувства нерѣдко, подъ конецъ, уносятся отъ земли къ небесамъ [2]). Мотивы Юнга и Томсона повторяются и у него. Какъ Юнгъ, онъ старается доказать, что суетная жизнь далека отъ него, что онъ «не признаетъ никакихъ другихъ радостей», кромѣ тѣхъ, которыя доставляетъ ему любовь его возлюбленной [3]), что безъ нея «все исчезаетъ» [4]) для него, что ему нѣтъ утѣшенія ни въ чемъ [5]), потому что «изъ всего существующаго (aus allen Wesen) онъ любилъ *только* ее» [6])... Старается Галлеръ намѣтить идеалъ современному обществу, — и мы невольно припоминаемъ Томсона съ его сентиментальными картинами жизни первобытныхъ людей: у Галлера мы видимъ такія же картины золотого вѣка человѣческой невинности, счастливаго времени, когда въ рѣкахъ «текли медъ и молоко» [7]): тогда «левъ смягчалъ свой гнѣвъ» [8]), люди были чисты сердцемъ. Но, если эти времена прошли невозвратно и люди не могутъ больше настолько примириться съ природой, чтобы опять наслаждаться на ея лонѣ райской жизнью, то приблизиться къ этой жизни, по мнѣнію Галлера, всетаки можно: для этого надо бросить городъ, гдѣ «сосредоточены всѣ пороки», гдѣ «ненасытныя желанія слѣдуютъ за желаніями» и «горе за горемъ обрушивается на голову человѣка» [9]), и поселиться въ деревнѣ, гдѣ «уравновѣшены радости, и покой, и труды» [10]). Въ этой «уравновѣшенности» заключается философія Галлера [11]); онъ искалъ, главнымъ образомъ, душевнаго мира, [12]), при которомъ «жизнь дѣлается намъ милой, а смерть нестрашной» [13]); а этотъ миръ онъ находилъ на лонѣ природы, гдѣ могъ безмятежно отдаваться своимъ чувствамъ, но и не забывая въ то же время правила: «муд-

---

[1]) Haller, 1—4, 21—58.
[2]) Ibid., 81—3.
[3]) Ibid., 266.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., 259.
[6]) Ibid., 268.
[7]) Ibid., 23.
[8]) Ibid.
[9]) Ibid., 57.
[10]) Ibid., 27.
[11]) Ibid., 27, 57, 84, 176.
[12]) Ibid., 33, 84.
[13]) Ibid., 85.

рость знаетъ мѣру» [1])... «Душевный покой и здоровая кровь» [2]), — вотъ, что ему особенно дорого.

Въ этомъ стремленіи къ покою и безмятежной жизни сказалась одна изъ характерныхъ особенностей сентиментализма: Галлеръ старается заключиться въ собственной внутренней жизни, не замѣчать ничего, оскорбляющаго его нѣжную душу, — и вотъ, онъ удаляется отъ людей, старается слиться съ природой и, какъ всѣ чувствительные люди, дѣлается до того отзывчивымъ на вліянія природы, что «шепотъ листвы отъ набѣжавшаго вѣтерка приводитъ его томную душу въ тихое, грустное настроеніе...» [3]).

Этотъ «Великій Философъ и Поэтъ» очень нравился Карамзину: главную поэму его, «О происхожденіи зла», нашъ писатель считалъ «самой лучшей изъ философическихъ стихотвореній» [4]). Съ какимъ увлеченіемъ переводилъ онъ это произведеніе, свидѣтельствуютъ его подстрочныя примѣчанія. Напримѣръ: «...подъ сими щастливыми тварями разумѣетъ Галлеръ Альпійскихъ пастуховъ. Все, слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи о родѣ жизни ихъ, въ восхищеніе приводило меня. Размышленіе о сихъ щастливцахъ часто понуждало меня восклицать: «о, смертные! почто уклонились вы отъ начальной невинности своей! почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ!» [5])... Видимо, юноша смаковалъ это произведеніе, и никакія сомнѣнія въ истинѣ картинъ, нарисованныхъ Галлеромъ, не закрадывались въ его юную душу. Восторженно принялъ Карамзинъ и ученіе Галлера о свободной волѣ. Галлеръ сказалъ, что міръ, со всѣми своими недостатками, превосходнѣе царства ангеловъ, лишенныхъ воли [6]), — Карамзинъ энергично согласился съ этой мыслью, прибавивъ отъ себя: «свободная воля причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо можетъ и паки возстановить падшаго» [7]). Такъ же охотно согласился Карамзинъ съ Галлеромъ, что для счастья человѣка мало дружбы, богатства, славы — главное, надо быть добродѣтельнымъ. «Истина неопровергаемая

[1]) Ibid., 84. [2]) Ibid. [3]) Haller, 6. [4]) Карамзинъ. Соч., II, 375.
[5]) «О происхожденіи зла», поэма великаго Галлера—(Москва. 1786). 11 стр
[6]) Ibid. [7]) Ibid.

и каждымъ человѣкомъ ощущаемая!» [1])—съ жаромъ восклицаетъ Карамзинъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ.

Геснеръ [2]), котораго Карамзинъ очень любилъ, главнымъ образомъ, извѣстенъ своими сентиментальными идилліями. Главнымъ произведеніемъ его въ этомъ направленіи была поэма: «Убійство Авеля». Въ этой поэмѣ сентиментальность автора совершенно лишаетъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ той строгой красоты, какою они отличаются въ библейскомъ изображеніи. Авель, идеальный пастушекъ, постоянно находится въ восторженномъ настроеніи [3]); «вся природа ему улыбается», — и онъ постоянно улыбается ей, повѣряетъ ей свои чувства. Каинъ, злобствуя на Авеля, восклицаетъ: «нѣжныя руки Авеля забавляются цвѣтами», «онъ праздно сидитъ у своего стада и проливаетъ слезы, которыхъ у него такъ много: онъ плачетъ, когда заходящее солнце окрашиваетъ все въ пурпуръ и когда роса блеститъ на цвѣтахъ» [4]). Всѣ пѣснопѣнья этого идеальнаго юноши, конечно, посвящены восхваленію Творца [5])... Адамъ и Ева тоже оказываются людьми очень сентиментальными. Ева занимается, напримѣръ, пересадкой цвѣточковъ къ своему шалашу [6]), Адамъ — внѣ себя отъ горя, когда видитъ первую смерть на землѣ — смерть ягненка, заколотаго его рукою для жертвоприношенія [7]).

Главнымъ образомъ, прославился Геснеръ своими пастушескими идилліями: эти произведенія особенно характерны для его музы: «тихая и робкая», по его собственному признанію, эта муза, «съ легкой флейтой въ рукахъ, бѣжитъ отъ сценъ трагическихъ и бурныхъ» [8]). Этими словами онъ совершенно вѣрно опредѣлилъ свою поэзію: уже у Томсона встрѣчали мы мотивы пастушескаго счастья, но въ поэзіи Геснера они дѣлаются преобладающими. То время, которое онъ воспѣвалъ, было временемъ «молодости вселенной» [9]): оно кажется ему идеаломъ, къ которому надо стремиться: «спокойствіе и довольство», — вотъ, что приноситъ такая жизнь [10]),

---

[1]) Ibid. [2]) S. Gessner, «Sämmtliche Schriften», Carlsruhe, 1790. 3 B.
[3]) Ibid., I, 100. [4]) Ibid., I, 100.
[5]) Ibid., I, 11, 94. [6]) Ibid., I, 63. [7]) Ibid., I, 68.
[8]) Ibid., II, 13. [9]) Ibid., II, 79. [10]) Ibid., I, 254.

тогда и «духъ былъ покоенъ и сердце право» [1]). «Все, что я слышу», восклицаетъ одинъ изъ пастушковъ: «есть голосъ счастья и признательности» [2]). «Вся жизнь» этимъ счастливцамъ «кажется продолжительной весной» [3]). Если пастушки и плачутъ иногда, такъ это, по большей части, слезы радости [4]). Всѣ картины природы отличаются какою-то лучезарностью: безмятежная лазурь небесъ, тихое журчаніе кристальнаго ручейка, зеленая мурава, цвѣты... Глядя на все это, невольно хочешь воскликнуть вмѣстѣ съ Геснеромъ: «О, природа, природа! Какъ ты хороша, когда тебя не обезображиваетъ искусство злыхъ людей» [5])! Разумѣется, шестнадцатилѣтніе пастушки и тринадцатилѣтнія [6]) пастушки, которыхъ горлицы учатъ цѣловаться [7]), не злые люди, и природа не боится ихъ. И они остаются, повидимому, вѣчно подростками, питаются сушеными фруктами и молокомъ [8]), обнимаются и цѣлуются, когда имъ весело [9]), плачутъ отъ умиленія, когда ихъ восхищаетъ красота природы [10]), и кончаютъ свое существованіе такъ же необъяснимо, какъ и начинаютъ его...

«Нѣжный Геснеръ» [11]), «швейцарскій Теокритъ» [12]) имѣли громадное вліяніе на Карамзина: въ своемъ стихотвореніи «Поэзія» — Геснеру отводитъ онъ слѣдующія строки:

«Альпійскій Теокритъ, сладчайшій пѣснопѣвецъ!
...Въ восторгѣ пѣлъ ты намъ
«Невинность, простоту, пастушескіе нравы
«И нѣжныя сердца свирѣлью восхищалъ!
. . . . . .
«Сердечную слезу и вздохъ, и пѣснь Поэта,
«Любившаго тебя, прими, благослови,
«О, Духъ, блаженный Духъ, здѣсь въ Геснерѣ блиставшій![13])

У Клопштока Карамзинъ встрѣтился съ цѣлымъ рядомъ мотивовъ сентиментальной поэзіи: восхваленіе Бога, природы, идеальныхъ чувствъ любви и дружбы, сѣдой старины и швей-

---

[1]) S. Gessner, I. 254.
[2]) Ibid., II, 52.
[3]) Ibid., II, 53
[4]) Ibid., II, 79.
[5]) Ibid., I, 250.
[6]) Ibid., II, 58.
[7]) Ibid., II, 39.
[8]) Ibid., I, 233.
[9]) Ibid., I, 233.
[10]) Ibid., II, 36—7.
[11]) Ibid., II, 211.
[12]) Ibid., 81.
[13]) См. 2-е Приложеніе, «Матеріалы...», 34.

царской жизни, — все нашло откликъ въ душѣ Клопштока, на все отозвалось его вдохновеніе. Въ своихъ восхваленіяхъ Бога онъ нерѣдко доходитъ до такой степени энтузіазма, что рѣчь его обращается въ рядъ восторженныхъ восклицаній. Напримѣръ: «Господи, Господи, Боже милосердый и снисходящій, да прославится, да восхвалится Твое великолѣпное имя!» [1]). «Пусть сердца всѣхъ поютъ: «аллилуіа»! Господи, Господи, Боже милосердый! Ты преисполненъ терпѣнія, вѣрности, милости! Почетъ Тебѣ! Хвала Тебѣ! Благодареніе Тебѣ! О, сострадательный!» [2]). Какъ Руссо свое произведеніе назвалъ «bavardage de la fièvre», такъ и Клопштокъ называетъ свои пѣснопѣнія «gesetzlos» [3]). Но оба высоко ставили свою способность глубоко чувствовать и оттого и «bavardage», и «gesetzlos», въ ихъ глазахъ, — достоинства ихъ произведеній. «Пѣснь моя течетъ могуча и содержательна, восклицаетъ Клопштокъ, и смѣюсь я надъ тѣмъ, кто слушаетъ ее съ холоднымъ взглядомъ умника, дѣлая мнѣ замѣчанія» [4]). Его главное произведеніе, «Мессіада», вдохновлено этимъ же порывистымъ религіознымъ экстазомъ, который разряжается иногда въ цѣломъ рядѣ восклицаній. Поэтому, страстное чувство, умѣстное въ небольшомъ произведеніи, въ такой огромной поэмѣ, какъ «Мессіада», утомляетъ, наконецъ, современнаго читателя, возбуждая безъ отдыху его нервы... Предъ Юнгомъ Клопштокъ преклонялся: въ его нѣсколькихъ произведеніяхъ мы встрѣтимъ юнговскіе мотивы, въ одѣ же: «На смерть Юнга» выразилось благоговѣніе его къ учителю словами: «Умирай! ты научилъ меня, что слово «смерть» должно звучать въ моихъ ушахъ, какъ кликъ торжества изъ устъ праведника! Но оставайся моимъ учителемъ! Умирай, но будь моимъ геніемъ!» [5]). Вліяніе Макферсона на Клопштока тоже сказалось ясно: онъ очень высоко ставитъ Оссіана, называетъ его «великимъ пѣвцомъ» [6]) и не разъ сравниваетъ съ Гомеромъ [7]); нѣкоторыя произведенія его глубоко проникнуты

---

[1]) Klopctosk, «Oden und Elegien», (Leipzig, 1787), 27.
[2]) Ibid., 40.
[3]) Ibid., 59.
[4]) Ibid., 60.
[5]) Ibid., 113.
[6]) Ibid., 167.
[7]) Ibid., 187.

характернымъ оссіановскимъ сентиментализмомъ [1]). Впрочемъ, создать поэмы въ духѣ «Пѣсенъ Оссіана» ни ему, ни его подражателямъ, «бардамъ», не удалось: не хватало народной основы для такого произведенія — появился лишь цѣлый рядъ пѣсенъ, написанныхъ въ искусственно-высокопарномъ духѣ въ честь Германа и Туснельды, народныхъ германскихъ героевъ, да множество гимновъ отечеству, въ которыхъ мы встрѣчаемъ нерѣдко воодушевленныя восклицанія въ родѣ слѣдующаго: «пріятна смерть за отечество! Когда наша склонившаяся голова покрыта прекрасной кровью, мы умираемъ со славой!» [2]). Сентиментализмъ и тутъ освѣщаетъ часто нѣсколько фальшивымъ свѣтомъ воспѣваемыя картины. Вотъ, напримѣръ, воины говорятъ между собой о возвращеніи своемъ съ войны: «и съ восторженной радостью будетъ восхвалять насъ женихъ предъ своей невѣстой! Онъ смотритъ, какъ вѣютъ высокія знамена, протягиваетъ къ нимъ съ привѣтомъ свою руку и говоритъ невѣстѣ: «вонъ они идутъ сюда, боги войны! Они дрались въ горячей битвѣ также и за насъ съ тобой!..» [3]).

Всѣ характерныя особенности сентиментализма мы найдемъ у Клопштока. Онъ до того исключительно живетъ чувствомъ, что «презираетъ все, что не возвышаетъ насъ до слезъ» [4]); славу свою онъ называетъ «плодомъ слезъ юности» [5]). Онъ любитъ эти слезы и, конечно, не стыдится ихъ: «достоинство мужчины, по его словамъ, не отвергаетъ слезъ» [6])... Его чувствительное сердце дорого ему: онъ заботится о немъ и, повидимому, не находитъ дурныхъ сторонъ въ немъ. «О, добродѣтель, добродѣтель! какъ ты прекрасна! Какъ божественно мастерски созданы души, которыя могутъ подняться до тебя!» [7]). Изъ всѣхъ его произведеній видно, что онъ такой душой, «мастерски созданной», считалъ свою. Но такихъ душъ, конечно, немного можно было найти въ окружающей его толпѣ, — и вотъ, мы у него опять видимъ стремленіе отдаляться отъ толпы. Созерцая картину Цюрихскаго озера, онъ

[1]) Klopstock, 59, 67, 69, 76 и др.
[2]) Ibid., 85.
[3]) Ibid., 86.
[4]) Ibid., 176.
[5]) Ibid., 83.
[6]) Ibid., 73.
[7]) Ibid., 65.

восклицаетъ по адресу своихъ избранныхъ друзей: «если бы вы были съ нами, вы, которые находитесь отъ меня далеко въ нѣдрахъ отечества, вы, которыхъ въ эти блаженные часы искала моя томящаяся душа, — о! тогда бы мы построили здѣсь для себя хижины дружбы и навѣки поселились здѣсь» [1]). Любовь его тоже стремится къ удаленію отъ шумной жизни. Идеалъ счастья видитъ онъ за гробомъ и посвящаетъ своей возлюбленной слѣдующія строки: «тогда наступитъ день, когда я возстану отъ мертвыхъ! Тогда настанетъ день, въ который возстанешь и ты. Тогда никакая судьба не разлучитъ больше душъ, которыхъ природа предназначила другъ для друга» [2]). Впрочемъ, хотя Клопштокъ и старается увѣрить себя, что желаетъ скорѣе умереть, но и земная жизнь, судя по нѣкоторымъ его произведеніямъ, доставляетъ ему не мало радостей. Какой, напримѣръ, восторгъ вызываетъ въ его душѣ возможность «сознавать въ объятіяхъ друга, что ты его другъ» [3]); или, какая тихая радость наполняетъ его чувствительную душу, когда онъ отдается мечтѣ: «на моихъ колѣняхъ, въ моихъ объятіяхъ будетъ моя любезная тихо пересказывать твои (Геллерта) рѣчи!» [4]) На могилахъ друзей его сердце переполняется тихой грустью, отъ которой, впрочемъ, его сердце не страдаетъ, а умиляется: «вы, благородные! ахъ, ваши плиты покрылись уже неумолимымъ мохомъ! О, какъ бы я былъ счастливъ, если бы съ вами опять любовался бы блескомъ дня, мерцаньемъ ночи!» [5]). Если его чувствительное сердце черезчуръ переполняется грустью, то онъ въ тихую ночь, когда «другъ мыслей» [6]) — луна, будетъ обливать своимъ волшебнымъ свѣтомъ землю, отдается своимъ чувствамъ: «О, прекрасная природа! Ты становишься еще прекраснѣе при сіяніи луны!» [7]). Въ этомъ восклицаніи вполнѣ сказалась его сентиментальная душа. Солнце, освѣщающее землю и обличающее правду красокъ и очертаній, не такъ нравится ему, какъ луна, которая всему придаетъ фантастическую окраску, сглаживаетъ рѣзкость очертаній... Любопытенъ также

---

[1]) Klopstock, 91.
[2]) Ibid., 84.
[3]) Ibid., 90.
[4]) Ibid., 65.
[5]) Ibid., 155.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., 161.

взглядъ Клопштока на значеніе поэзіи: «съ улыбкою взираютъ Его (Христа) очи внизъ на тѣхъ людей, которые посвятили себя музамъ, дѣлающимъ чувствительное сердце и добродѣтельнѣе и благороднѣе» [1]). Въ этихъ словахъ ясно сказалось вліяніе англійскихъ моралистовъ-эстетиковъ, вообще, сильное надъ сентиментальными писателями.

Можно думать, что Клопштокъ, конечно, прекрасно знакомый Карамзину, не былъ такъ же, какъ и Руссо, вполнѣ доступенъ Карамзину: слишкомъ порывистымъ и бурнымъ былъ его энтузіазмъ. Тѣмъ не менѣе, вожакъ идеальныхъ германскихъ юношей, пѣвецъ «Мессіады» долженъ былъ въ Карамзинѣ найти поклонника: и, хотя лирика Клопштока, конечно, болѣе нравилась Карамзину, — тѣмъ не менѣе, онъ счелъ должнымъ особенно похвалить его за «выспренность». Кромѣ того, для ученика масоновъ, конечно, обязательно было преклоненіе передъ такими произведеніями, какъ «Мессіада». Вотъ почему въ своемъ стихотвореніи «Поэзія» Карамзинъ отвелъ Клопштоку мѣста больше всѣхъ:

«Несяся на крылахъ превыспреннихъ орловъ,
«Которые Пѣвцовъ Божественныя Славы
«Мчатъ въ вышніе міры, да тему почерпнутъ
«Для гимна своего, Пѣвецъ избранный Клопштокъ
«Вознесся выше всѣхъ и тамъ, на небесахъ,
«Былъ тайнамъ наученъ и той великой тайнѣ,
«Какъ Богъ сталъ человѣкъ. Потомъ воспѣлъ онъ намъ
«Начало и конецъ Мессіиныхъ страданій,
«Спасеніе людей. Онъ Богомъ вдохновленъ —
«Кто сердцемъ всѣмъ еще привязалъ къ плоти, къ міру,
«Того языкъ нѣмѣй и пѣсней толь святыхъ,
«Не оскверняй хвалой; но вы, святые Мужи,
«Въ которыхъ уже гласъ земныхъ страстей умолкъ,
«Въ которыхъ мрака нѣтъ, — Вы чувствуете цѣну
«Того, что Клопштокъ пѣлъ, и можете одни,
«Во глубинѣ сердецъ хвалить сего Поэта! [2]).

. . . . . .

«Еще великій Духъ земли сей не оставилъ.
«Но нѣтъ! онъ въ небесахъ уже давно живетъ!
«Здѣсь тѣнь мы зримъ священнаго Поэта.

[1]) Кюрнбергъ, 93. [2]) См. 2-е Приложеніе, «Матеріалы», 35.

Эти напыщенные стихи кажутся намъ нѣсколько неискренними: хвалилъ Клопштока Карамзинъ именно за то, за что его, такъ сказать, оффиціально было принято хвалить, но что на литературной дѣятельности нашего писателя совсѣмъ не отразилось. То же мы видимъ изъ его отвѣта на вопросъ Гердера, кого онъ предпочитаетъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ, — Карамзинъ отвѣтилъ, «запинаясь»: «Клопштока почитаю самымъ выспреннимъ изъ Пѣвцовъ Германскихъ!» [1]). Но, конечно, очень многое въ поэзіи Клопштока искренно увлекало юношу и нашло повтореніе въ его дѣятельности.

Прекрасно зналъ Карамзинъ и произведенія Клейста [2])... Въ своей большой поэмѣ «Весна» Клейстъ разработалъ очень подробно мотивы «Временъ года» Томсона. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ картинокъ весенней природы, иногда, дѣйствительно, художественно набросанныхъ, иногда страдающихъ недостаткомъ почти всѣхъ сентиментальныхъ произведеній — страстью къ миніатюрамъ (Kleinmalerei). Какъ и другіе сентиментальные писатели, Клейстъ проповѣдуетъ удаленіе отъ суеты мірской на лоно природы: «добродѣтельный человѣкъ долженъ быть вдали отъ людей» [3]). Онъ хочетъ «жить только для себя» вдали «отъ страданій и житейскихъ заботъ» [4]) и на лонѣ природы заниматься своимъ чувствительнымъ сердцемъ [5]). Онъ «одинокъ» среди людей [6]); его муза рисуетъ «чувствительныя идеальныя картины» [7]) и утѣшается лишь тогда, когда въ природѣ онъ видитъ Творца [8]): «Господу приноситъ онъ свои слезы» [9])... Характерны его двѣ рапсодіи: «Смерть» и «Жизнь». Первая начинается словами: «горе тебѣ, что ты умеръ» [10]), вторая: «горе тебѣ, что ты родился» [11]); но первая кончается утѣшеніемъ, что смерть удалила его отъ людей, а вторая — утѣшеніемъ, что онъ будетъ наслаждаться прелестями природы [12]). Впрочемъ, подобно дру-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 142.
[2]) Kleist. «Gedichte» von... (Aachen, 1816).
[3]) Ibid., 61.
[4]) Ibid., 20.
[5]) Ibid., 48.
[6]) Ibid., 3.
[7]) Ibid., 14.
[8]) Ibid., 73, 131, 157.
[9]) Ibid., 78.
[10]) Ibid., 122.
[11]) Ibid., 124.
[12]) Ibid., 126.

гимъ сентиментальнымъ писателямъ, природой онъ наслаждается своеобразно. Доказательство этому можно видѣть, между прочимъ, въ томъ, что созерцаніе ея красотъ всегда сопровождается у него мечтами о «золотомъ» времени пастушеской жизни [1]), а это «время», какъ мы видѣли, является у сентиментальныхъ людей всегда въ фальшивомъ освѣщеніи.

«Безсмертный пѣвецъ Весны» [2]) очень увлекалъ Карамзина: «Клейстъ, говоритъ онъ, есть одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейстъ не описали всѣхъ красотъ ея» [3]). Вліяніе Клейста на Карамзина идетъ параллельно вліянію Томсона и отражается довольно сильно на многихъ его раннихъ произведеніяхъ.

Конечно, разсмотрѣнными произведеніями не ограничивается составъ библіотеки Карамзина. Мы постарались въ краткихъ чертахъ охарактеризировать лишь вождей сентиментализма, тѣхъ писателей, которыхъ самъ Карамзинъ призналъ за своихъ учителей. У всѣхъ ихъ было не мало подражателей, мотивы, ими обозначенные, конечно, много разъ разрабатывались другими писателями того же направленія,—но мы ограничились обзоромъ лишь тѣхъ произведеній, которыя *несомнѣнно* были знакомы Карамзину и чувства которыхъ нашли повтореніе въ его сочиненіяхъ.

Въ своемъ стихотвореніи «Поэзія» называетъ Карамзинъ среди знакомыхъ ему писателей также Гомера, Софокла, Эврипида, Біона, Теокрита, Мосхоса, Виргилія [4]), но въ его творчествѣ эти классики не имѣли никакого значенія, и онъ упоминаетъ ихъ, очевидно, только для полноты историческаго очерка «Поэзіи», — вотъ почему, стоило ему завести рѣчь о дорогой ему англійской литературѣ, — какъ сразу живое чувство заговорило въ немъ:

«Британнія есть мать Поэтовъ величайшихъ! [5]) —

восклицаетъ съ жаромъ юноша, переходя къ своимъ любимцамъ, которые «наиболѣе трогали и занимали его душу въ

[1]) Kleist, 19, 117. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 70. [3]) Ibid., II, 71.
[4]) См. 2-е Приложеніе, «Матеріалы», 33. [5]) Ibid.

то время» (1787 г.) [1]). Кромѣ перечисленныхъ нами Юнга, Томсона, Оссіана упомянулъ Карамзинъ о Мильтонѣ:

«Мильтонъ, высокій Духъ, въ гремящихъ страшныхъ пѣсняхъ
«Описываетъ намъ бунтъ, гибель Сатаны;
«Онъ душу веселитъ, когда поетъ Адама,
«Живущаго въ раю; но, голосъ испустивъ,
«Вдругъ слезы изъ очей ручьями извлекаетъ,
«Когда поетъ его, подпавшаго грѣху [2]).

Изъ этихъ словъ видимъ мы, что величественныя картины поэмы Мильтона не особенно выдѣлены Карамзинымъ: онъ остановился на идилліи райской жизни Адама и на элегическихъ чувствахъ перваго человѣка, потерявшаго рай и тоскующаго по «идиллической» жизни...

Наконецъ, не разъ самыя восторженныя строки посвящаетъ Карамзинъ Шекспиру, — напр.:

«Шекспиръ, Натуры другъ! Кто лучше твоего
«Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
«Живописала ихъ? Во глубинѣ души
«Нашелъ ты ключъ ко всѣмъ таинственностямъ рока
«И свѣтомъ своего великаго ума,
«Какъ солнцемъ озарилъ пути ночные въ жизни!
«Всѣ башни, коихъ верхъ скрывается отъ глазъ
«Въ туманѣ облаковъ; огромные чертоги
«И всякій гордый храмъ исчезнутъ, какъ мечта...
«Въ теченіе вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ!»
«Но ты, великій Мужъ, пребудешь незабвенъ! [3]).

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что великаго британскаго поэта цѣнилъ Карамзинъ, главнымъ образомъ,за знаніе имъ человѣческаго сердца, за тонкій анализъ страстей. Затѣмъ, четыре строчки, переведенныя изъ Шекспира, съ подстрочнымъ примѣчаніемъ Карамзина: «какая священная меланхолія вдохнула въ него сіи стихи?», — указываютъ намъ на то, что не прочь былъ юноша выискивать у Шекспира и «философскія» идеи, въ духѣ тѣхъ, какія попадались ему у Оссіана и у другихъ сентиментальныхъ писателей. Въ предисловіи къ пере-

---

[1]) См. 2-е Приложеніе, «Матеріалы», 33. [2]) Ibid., 34. [3]) Ibid.

воду «Юлія Цезаря» [1]) Карамзинъ опять говоритъ съ восторгомъ о психологическомъ чутьѣ англійскаго писателя: «немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекспиръ» [2]), — «всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти»,—все сумѣлъ изобразить Шекспиръ... «Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ языкомъ»... «Живописаніе его сильно и краски его блистательны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть его весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей: но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волненіе души» [3]).

За эту оцѣнку Шекспира Карамзина превозносили всѣ его біографы, но едва-ли эти похвалы имъ вполнѣ безусловно заслужены: вѣдь отзывы эти, цитованные нами, — «общія мѣста» изъ обширной литературы о Шекспирѣ, образовавшейся за вторую половину XVIII вѣка въ Европѣ, и, если многое въ твореніяхъ Шекспира, конечно, было прочувствовано Карамзинымъ, то, всетаки, едва-ли великій писатель во всемъ его гигантскомъ объемѣ былъ доступенъ нашему сентиментальному юношѣ. Несомнѣнно, Карамзинъ «твердо» зналъ Шекспира, но, конечно, зналъ и о восторгахъ, вызванныхъ его именемъ въ то время въ Германіи, — легко допустить, что онъ присоединился къ этимъ «моднымъ» восторгамъ не вполнѣ искренне, не понимая въ той мѣрѣ Шекспира, въ какой понимала его тогда передовая Германія. Оттого едва-ли можемъ мы считать оцѣнку Шекспира вполнѣ самостоятельною: она не шла цѣликомъ изъ его сердца, а была, въ значительной степени, отголоскомъ новыхъ мнѣній о Шекспирѣ на западѣ... Это видно, хотя бы, изъ того, что Карамзинъ, напримѣръ, старается извинить Шекспира за «несоблюденіе правилъ» [5]); въ драмахъ Коцебу находитъ крупный недостатокъ именно въ томъ, въ чемъ упрекали классики Шекспира—въ соединеніи смѣха

[1]) «Юлій Цезарь», трагедія Вилліама Шекспира, Москва, 1787, 4.
[2]) Ibid., 4.
[3]) Ibid.
[4]) Карамзинъ, Соч., II, 700.
[5]) «Юлій Цезарь», 5.

со слезами [1]); у Шекспира, есть, по его мнѣнію, «бомбастъ» [2]); превознося Шекспира за знаніе сердца, онъ ту же похвалу преподноситъ и Коцебу [3]), ровняя, такимъ образомъ, обоихъ драматурговъ; драма Коцебу производитъ на него впечатлѣніе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ «Гамлетъ» Шекспира [4])... Наконецъ, увлеченіе Шекспиромъ сказалось у Карамзина также и въ попыткѣ переработать Коцебу на Шекспировскій ладъ (причемъ, опять-таки, съ выключеніемъ «смѣха»),— но, внеся въ свою пьесу монологи à-la «Лиръ въ степи» [5]), Карамзинъ далъ жалкое произведеніе («Софія»), обличающее у него недостатокъ чутья и чувства мѣры въ отношеніи къ Шекспиру...

Что же у великаго англійскаго драматурга было, дѣйствительно, вполнѣ доступно Карамзину? Думается намъ, что изъ героевъ одинъ Лиръ произвелъ на сентиментальнаго юношу, дѣйствительно, сильное впечатлѣніе. Монологи несчастнаго старца-короля не разъ цитуются Карамзинымъ [6]), причемъ вызываютъ у него постоянный, не ослабѣвающій восторгъ. Изъ героинь поразили Карамзина поэтическіе образы Офеліи, Дездемоны, Джульетты, потому что эти героини не чужды сентиментальной литературѣ и, дѣйствительно, могли искреннее восхищеніе вызвать у чувствительнаго юноши. Оттого-то онъ называетъ однажды творенія Шекспира «воздушными» [7]), оттого онъ съ такою любовью глядитъ въ одной лондонской галлереѣ на картины Фисли, — «всего болѣе правится мнѣ работа Фисли», говоритъ нашъ писатель: «онъ *выбираетъ* у Шекспира самое *фантастическое* или *мечтательное*, съ удивительной силой, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ вещественность *воздушнымъ* его твореніямъ» [8])... Вообще особенно увлекался Шекспиромъ Карамзинъ за время перевода «Юлія Цезаря»: къ этому времени (1787 г.) относится и стихотвореніе «Поэзія», и предисловіе къ переводу «Юлія Цезаря». Интересно, что *больше ничего* изъ Шекспира Карамзинъ не перевелъ, а взялся за

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 72.
[2]) Ibid., 748.
[3]) Ibid., 72.
[4]) Ibid., II, 732.
[5]) Ibid., III, 312, 290.
[6]) Ibid., II, 214, 473.
[7]) Ibid., 701.
[8]) Ibid.

Лессинга. Невольно, само собой, просится сопоставленіе съ этимъ фактомъ вообще нѣсколько ироническое отношеніе къ Шекспиру Петрова и слова изъ его письма (1787 г.): «говорятъ, что Шекспиръ былъ величайшимъ «genie», но я не знаю, для чего его трагедіи не такъ мнѣ нравятся, какъ «Эмилія Галотти», — и Карамзинъ берется за переводъ «Эмиліи Галотти», навсегда простившись съ Шекспиромъ...

Это преклоненіе передъ Шекспиромъ было единственной точкой соприкосновенія Карамзина съ германскимъ «Sturm und Drang»'омъ [2]), однимъ изъ талантливѣйшихъ вожаковъ котораго былъ въ свое время Ленцъ, жившій подъ конецъ жизни въ Москвѣ и близко знакомый Карамзину. Очевидно, восторженное отношеніе къ англійскому драматургу было привито къ Карамзину этимъ «бурнымъ юношей», который, однако, больше ни въ чемъ не смогъ пріобщить Карамзина къ новѣйшимъ движеніямъ нѣмецкой литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, ни въ стихотвореніе «Поэзія» не попало именъ величайшихъ поэтовъ Германіи, современныхъ Карамзину, ни въ раннихъ произведеніяхъ его не найти никакого вліянія современности [3]); это — еще одно доказательство въ пользу нашего мнѣнія, что Шекспиръ во всемъ объемѣ не былъ доступенъ Карамзину: юноша не доросъ еще до тѣхъ писателей, которые были богами «Sturm und Drang»'а, — не только Гете и Шиллеръ, но даже Клопштокъ и Руссо были ему не совсѣмъ по плечу...

Не менѣе интереснымъ вопросомъ въ исторіи развитія литературныхъ вкусовъ Карамзина является преклоненіе его передъ Виландомъ, писателемъ, ничего общаго не имѣющимъ

---

[1]) «Р. Арх.», 1863, 893.

[2]) Впрочемъ, можетъ быть, къ вліянію Ленца относится и то невинное «геніальничанье» Карамзина, надъ которымъ добродушно посмѣялся Петровъ:

«...Wozu die Aussenseite
«Von einem Dinge? Wozu ein wilder Bard?
«Mir deucht, ein weiser Mann trägt sich, wie andre Leute...» («Р. Арх.», 1863, 896). Въ другой разъ онъ прямо называетъ Карамзина въ шутку «геніемъ»: «будучи великій женіи ты столько превознесся надъ малостями, что въ трехъ строкахъ сдѣлалъ пять ошибокъ противъ нѣмецкаго языка» (ibid., 899).

[3]) См. 5-ое примѣчаніе.

съ тѣмъ идеалистическимъ литературнымъ теченіемъ, которое съ юныхъ лѣтъ увлекало за собой Карамзина. Вѣроятно, это преклоненіе предъ «нѣмецкимъ Вольтеромъ» было отзвукомъ давно минувшихъ дней юности, когда Карамзинъ читалъ все «безъ разбору» и увлекался Вольтеромъ. Освободившись отъ вліянія масонства, Карамзинъ продолжалъ внимательно слѣдить за литературной дѣятельностью Виланда и превозносилъ его за «юмористическія повѣсти». Это обстоятельство даетъ намъ право заключить, что веселый смѣхъ не чуждъ былъ нашему сентиментальному юношѣ, несмотря на его «припадки меланхоліи», не смотря на жалобы и сомнѣнія... Впрочемъ, этотъ смѣхъ не выразился ничѣмъ въ литературной дѣятельности Карамзина до его путешествія... Кромѣ того, увлеченіе Виландомъ важно для біографа Карамзина, какъ фактъ, говорящій, что въ литературное воспитаніе Карамзина не только во время жизни его съ Дмитріевымъ, но и значительно позднѣе вливались струи, чуждыя главному теченію, струи, вносившія въ его интересы разнообразіе, разносторонность...

Итакъ, во время жизни Карамзина въ Москвѣ въ обществѣ Новикова и его друзей онъ столкнулся съ тремя разнородными вліяніями: 1) масонскимъ, 2) научнымъ, и—3) литературнымъ.

Мы говорили уже, что масонство на первыхъ порахъ захватило юношу: онъ живетъ въ квартирѣ, гдѣ имѣется что-то въ родѣ молельни, онъ занимается переводомъ Штурмова сочиненія: «Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе часы, на каждый день года» [1]). Это огромное произведеніе насквозь пропитано религіознымъ мистицизмомъ: восхваленіе Творца, благодаренія за его благодѣянія, проповѣдь преклоненія передъ Божественнымъ Промысломъ, — вотъ все, что, повидимому, было содержаніемъ этого періодическаго сочиненія, изъ котораго Карамзинымъ переведены только «два или три тома», какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ. Зная разносторонность Карамзина, можно было заранѣе съ увѣренностью сказать, что Штурмомъ онъ долго заниматься

---

[1]) См. 4-е примѣчаніе.

не будетъ,—слишкомъ ужъ этотъ авторъ былъ однообразенъ и исключителенъ своею религіозностью. И, дѣйствительно, немного поработавъ для этого изданія, Карамзинъ перешелъ къ Галлеру, который былъ ему болѣе по плечу: у него юноша встрѣтился съ живой, прочувствованною поэтизаціей религіозныхъ мотивовъ, встрѣтился съ картинами природы, «философскими» идеями, съ живописью чувства...

Переводами Штурма и Галлера ограничивается все участіе Карамзина въ работѣ молодыхъ «любослововъ», масонскихъ воспитанниковъ: изъ подъ его пера не выходитъ больше ни одной строчки, сколько-нибудь отвѣчающей кругу масонскихъ интересовъ, да и впослѣдствіи онъ никогда болѣе не пытался обращаться къ публикѣ съ проповѣдью въ религіозно-мистическомъ духѣ.

Такимъ образомъ, можно думать, что и Тургеневъ ошибся въ юношѣ, котораго прочилъ въ переводчики мистическихъ сочиненій, да и самъ Карамзинъ, на первыхъ порахъ убѣжденный Тургеневымъ и повѣрившій, что, съ переѣздомъ въ Москву, онъ, въ качествѣ сотрудника масоновъ, сдѣлается «орудіемъ небеснымъ» и будетъ жить «небезполезно для людей»,—разочаровался въ своей дѣятельности. Это видно также и изъ того, что среди біографическихъ матеріаловъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-нибудь серьезнаго воздѣйствія Тургенева на Карамзина за все время ихъ совмѣстной жизни въ Москвѣ, что, конечно, очень странно въ виду ихъ прежнихъ, очень близкихъ отношеній по Симбирску; объяснить эту странность только и можно холодностью ихъ взаимныхъ отношеній въ Москвѣ, холодностью, которая была слѣдствіемъ ихъ временнаго разочарованія другъ другомъ...

Если, такимъ образомъ, одна изъ характернѣйшихъ сторонъ масонства — напряженное мистическое настроеніе, у многихъ искавшее выхода даже въ пропагандѣ, миновало Карамзина, то *философская* сторона религіи нѣкоторыхъ масоновъ коснулась его больше. Къ сожалѣнію, мало данныхъ сохранилось до нашихъ дней, чтобы съ достаточною полнотою возсоздать это религіозно-философское міровоззрѣніе, встрѣтившее отзвукъ въ юной душѣ Карамзина. Изъ примѣ-

чаній къ переводу Галлера мы усматриваемъ прежде всего, что Карамзинъ былъ рѣшительнымъ поклонникомъ ученія о «свободѣ воли»: онъ поспѣшилъ энергично согласиться съ Галлеромъ, утверждавшимъ, что ангелы, лишенные воли, ниже людей «съ ихъ недостатками», — «свободная воля, говоритъ Карамзинъ въ примѣчаніи, причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо и можетъ паки возстановить падшаго!» [1]). Въ этихъ энергичныхъ словахъ мы узнаемъ ученика масоновъ, убѣжденныхъ проповѣдниковъ нравственнаго совершенствованія, — гордая вѣра въ свои силы, въ высокое назначеніе человѣка слышится въ этихъ словахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нравственное совершенство, стоявшее въ глазахъ масоновъ выше всего на свѣтѣ, и для Карамзина дѣлается дорогимъ. Такъ же онъ энергично подтверждаетъ слова Галлера и о томъ, что добродѣтель выше дружбы, богатства, славы, — восклицаніемъ: «истина неопровергаемая, и каждымъ человѣкомъ ощущаемая!» [2]).

Въ самомъ пониманіи Бога Карамзинъ тоже подошелъ къ религіознымъ вольнодумцамъ-масонамъ, которые многими взглядами позаимствовались у деистовъ. Въ одномъ изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи», рѣшительно проводится деистическое толкованіе Бога. Судя по стиху [3]), произведеніе это, принадлежащее Попу, переведено Карамзинымъ и, если попало въ дѣтскій журналъ, то, несомнѣнно, одобрялось имъ и Петровымъ. Приводимъ его —

Всеобщая молитва, сочиненная г. Попомъ [4]):

«Отецъ всего, согласно чтимый
«Во всякомъ вѣкѣ, всѣхъ странахъ —
«И дикимъ, и святымъ, и мудрымъ,
«*Іегова, Зевсъ или Господь*
. . . . . .
«Тебѣ, Чей храмъ есть все пространство,
«Олтарь—земля, моря, эѳиръ...
«Тебѣ вся тварь хвалу пой хоромъ,
«Кури, Натура, ѳиміамъ!

---

[1]) Галлеръ, «О происхожденіи зла», 30.
[2]) Ibid., 61 [3]) См. 2-е Приложеніе, «Матеріалы», стр. 39.
[4]) «Дѣтское Чтеніе». XVIII, 141.

«Величественная Натура», восклицаетъ однажды Карамзинъ: или — «*Ты, Котораго назвать не умѣю*. Ты, Котораго истинное имя и существо таятся въ непроницаемомъ мракѣ, или въ неприступномъ свѣтѣ»... [1]) и т. д.

Кромѣ всего указаннаго, можно въ раннихъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ Карамзина замѣтить и другіе, правда, слабые отблески вліянія масонства, слабые, говоримъ мы, потому, что они являются какими-то случайными въ его поэзіи и, будучи результатомъ лишь минутнаго настроенія, никогда не дѣлались господствовавшими.

Мы видимъ, напримѣръ, что «земная жизнь», по нѣкоторымъ стихотвореніямъ юноши, не утѣшаетъ его; онъ мечтаетъ о загробной жизни—мысль, съ которою очень носились и масоны [2]). Такъ, въ стихотвореніи: «Весенняя пѣснь меланхолика» Карамзинъ, описывая красоты природы, признается, что, несмотря на всѣ свои прелести, природа не утѣшаетъ его, — и вотъ, юноша обращается къ Творцу съ вопросомъ:

«Творецъ премудрый, милосердый!
«Когда придетъ весна моя?
«Зима печали удалится,
«Разсѣется душевный мракъ? [3])

Друзей умершей «дѣвицы **» юный поэтъ утѣшаетъ такъ:

«Друзья умершей! Не печальтесь;
«Она въ объятіяхъ Отца
«Отрите слезы, утѣшайтесь!
«Ея блаженство безъ конца! [4])

---

[1]) Карамзинъ, Соч. III, 368. Ниже, при анализѣ «Писемъ р. пут.», мы приведемъ еще нѣсколько примѣровъ отклоненія Карамзина отъ «ортодоксальной» религіи.

[2]) Не входя въ подробное доказательство нашихъ словъ, укажемъ хотя бы на слѣдующія слова Шварца изъ его лекцій: «сія земля, говорилъ онъ, жилище проклятія... Нужда, страданія, болѣзнь, судъ—удѣлъ ея обитателя» (Рук. Имп. Публ. Библ., ОIII, № 112, 25л). Человѣкъ «имѣетъ въ себѣ внутреннее и неограниченное желаніе и ничѣмъ удовлетворить себя не можетъ; это самое доказываетъ, что онъ сотворенъ не для міра сего» (Ibid., QIII, № 40, 19 л.). «Мы должны стараться облагородить и очистить тѣло наше и сдѣлать его меньше тѣлеснымъ, дабы смерть наша казалась намъ пріятнымъ сномъ и дабы скорѣе воскреснуть» (Ibid., I, 32—32а).

[3]) См. 2-е Приложеніе, «Матеріалы...», 24. [4]) Ibid., 27.

И. И. Дмитріеву, во время его болѣзни, Карамзинъ преподноситъ своеобразное утѣшеніе: земной жизнью не стоитъ дорожить и только —

«...тѣмъ мы можетъ утѣшаться,
«Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жить;
«Что скоро, скоро мы престанемъ
«Страдать, стенать и слезы лить!

«Въ страны блаженства вознесемся,
«Гдѣ нѣтъ болѣзни, смерти нѣтъ.
«Тогда, мой другъ, тогда узнаемъ,
«Почто страдали столько лѣтъ...[1]).

Земное счастье — только «тѣнь счастья»[2]).

«Будь увѣренъ, что здѣсь счастье
«Не живетъ между людей;
«Что здѣсь счастьемъ называешь,
«То едина счастья тѣнь[3]).

Правда, подобные мотивы разрабатывались у многихъ сентиментальныхъ писателей: и отъ Клопштока, и отъ Клейста, Лафатера, Геллерта и др. слышалъ Карамзинъ о будущемъ блаженствѣ, ожидающемъ добродѣтельнаго человѣка[4]), но мы сочли долгомъ отмѣтить эти мотивы въ поэзіи Карамзина, какъ такіе, на которыхъ всетаки косвенно сказалось вліяніе масонства: въ Симбирскѣ, когда Карамзинъ «читалъ все безъ разбору», велъ пустую свѣтскую жизнь, едва-ли могли бы мы услышать отъ него такіе стихи!

Гораздо больше вліянія оказала жизнь въ обществѣ Новикова на *политическія* убѣжденія Карамзина. Въ статьѣ, приложенной къ нашему изслѣдованію и посвященной Новикову и Шварцу, мы указали замѣтные оттѣнки либерализма въ дѣятельности московскихъ масоновъ[5]). Карамзинъ, несомнѣнно, всей душой откликнулся на эти либеральныя идеи, тѣмъ болѣе, что у большинства масоновъ этотъ либерализмъ отличался всетаки такой отрѣшенностью, такъ далекъ былъ

---

[1]) Ibid., стр. 27—8, см. Карамзина. «Письма къ Дмитріеву», 7—8 (маленькій варіантъ). [2]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 3.

[3]) См. 2-е Приложеніе, 37; также Карамзина, «Письма къ Дмитріеву», 3.

[4]) См. выше, 92, 94, 36. [5]) См. 1-е Приложеніе, «Новиковъ, Шварцъ...».

отъ жизни, что сентиментальному юношѣ, съ «пламенной любовью къ человѣчеству», мечтавшему о «всеобщей» любви», не трудно было повѣрить въ «идеальную республику», въ прекрасныя, по своей отвлеченности, слова—«свобода, равенство и братство»... И вотъ, передъ нами въ лицѣ Карамзина нарождается интересный для характеристики русскаго общества типъ утописта-политика, отъ своихъ мечтаній отказавшагося только со временемъ и то съ большимъ трудомъ и лишь отчасти.

Объ этомъ увлеченіи либеральными утопіями свидѣтельствуетъ самъ Карамзинъ, свидѣтельствуютъ и лица, его близко знавшія. Въ стихотвореніи «Къ добродѣтели» [1]) (1802 г.) Карамзинъ вспоминаетъ, какъ «въ вѣкъ чудесный чрезвычайный», когда во Франціи чувствовалось уже начало освободительнаго движенія, «во время революціи» [2]), онъ «*обманывался призраками*» [3]), онъ «творилъ обѣты» [4]), чувствовалъ «*тайную радость*» [5])... Въ «Посланіи къ Дмитріеву» [6]) онъ опять припоминаетъ свои юношескія мечты о «платоновской *республикѣ*» [7]), называя ихъ «воздушнымъ замкомъ юныхъ лѣтъ» [8]), «*красой волшебства*» [9]):

«Тогда было время, когда юный мечтатель наслаждался—
«Своею красною весной,
«...*мечтами обольщался* —
«Любилъ съ горячностью людей,
«Какъ нѣжныхъ братій и друзей,
«Желалъ добра имъ всей душею;
«Готовъ былъ *кровію своею*
«Пожертвовать для счастья ихъ... [10]).

Въ извѣстномъ «Письмѣ Меладора къ Филалету» Карамзинъ тоже вспоминаетъ о «надеждахъ и замыслахъ» [11]), увлекавшихъ его въ юности: онъ «славилъ» тогда «преимущества осьмаго-на-десять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ,

[1]) Карамзинъ. Соч., I, 228.
[2]) Примѣчаніе самого Карамзина. Ibid., 229.
[3]) Ibid., 230.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., 36.
[7]) Ibid., 38.
[8]) Ibid.
[9]) Ibid.
[10]) Ibid., 37.
[11]) Ibid., III, 437.

тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, прочность правленій» [1]); если и были еще облака на горизонтѣ человѣчества, то они не пугали юношу: «свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — *надежды*» [2]). «Конецъ нашего вѣка почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее *соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью*« [3]). Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи» [4]). «Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшей любовью» [5])...

Если мы съ этими «мечтами» сопоставимъ вышеприведенное признаніе Карамзина,—что онъ мечталъ такъ «во время революціи», мы безъ труда представимъ себѣ дореволюціонное настроеніе Карамзина.

Н. И. Тургеневъ разсказываетъ, что Карамзинъ былъ горячимъ поклонникомъ Робеспьера: при извѣстіи о его смерти, онъ расплакался [6]). Вигель, очевидно, со словъ лицъ, близко знавшихъ Карамзина, подробно объясняетъ намъ, какъ сложились республиканскіе идеалы Карамзина: «какъ всѣ великодушные и неопытные юноши, въ первоначальныхъ порывахъ къ добру, создавалъ онъ нѣкогда утопіи, вѣровалъ въ свободу, въ братскую любовь, въ усовершенствованіе рода человѣческаго. Когда началось его воспитаніе, въ Россіи, по примѣру другихъ европейскихъ, даже самыхъ деспотическихъ государствъ, наставники воспитанникамъ все указывали на блескъ греческихъ республикъ, на величіе римской; твердили, что съ свободой ихъ были неразлучны добродѣтели, счастіе и слава, и что, съ ея утратою, они всего лишились; въ вѣкахъ ближе къ нашему старались возбуждать ихъ восторгъ къ Швейцаріи и Вильгельму Телю, къ Нидерландамъ и Эгмонту; наконецъ,

---

[1]) Карамзинъ. Соч., III, 437—8. [3]) Ibid.

[2]) Ibid., 438. [4]) Ibid., 439. [5]) Ibid.

[6]) N. Tourgueneff, «La Russie et les Russes», I, 326.

[7]) Вигель, «Воспоминанія», III, 133—4.

Сѣверная Америка съ своими Вашингтономъ и Франклиномъ должна была осуществить для нихъ прекрасныя мечты ихъ отрочества. Съ такими поученіями, съ чистой и пылкою душой, въ самой первой молодости Карамзинъ отправленъ былъ путешествовать по Европѣ, которая тогда полна была надеждъ и ожиданій благополучнѣйшихъ послѣдствій отъ едва начавшейся французской революціи [1])...

Въ самомъ дѣлѣ, не только отъ нѣкоторыхъ масоновъ, но и отъ литературныхъ учителей Карамзинъ слышалъ восторженныя привѣтствія начинавшемуся во Франціи движенію. «Золотой вѣкъ», о которомъ мечтали сентиментальные писатели, казалось, долженъ былъ скоро вернуться на землю: его обѣщалъ людямъ республиканскій лозунгъ: «свобода», «равенство», «братство».. Сколько «чувствительныхъ» сердецъ было въ XVIII вѣкѣ покорено этимъ кличемъ! — для отвлеченнаго идеализма эта многообѣщающая формула, дѣйствительно, могла дать много пищи. Вотъ почему, даже такіе крупные литературные дѣятели, какъ Клопштокъ, Гердеръ, Шиллеръ, были одно время такими же восторженными друзьями революціи, какъ и нашъ Карамзинъ.

Что касается до среды, воспитавшей либерализмъ Карамзина, то, несомнѣнно, этой средой были не только названные выше писатели, но и русскіе масоны: Насколько сознательно относились они къ причинамъ возникшаго движенія во Франціи, свидѣтельствуютъ хотя бы слова Лопухина: «злоупотребленіе власти, ненасытность въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій!» Эти драгоцѣнныя слова говорятъ намъ объ удивительной сознательности передового русскаго общества въ концѣ XVIII в., о способности критически относиться къ современной жизни...

И, думается намъ, это—еще одно вѣсское доказательство оппозиціоннаго характера московскихъ просвѣтителей-масоновъ: если къ жизни Франціи умѣли они относиться съ такой разносторонней и глубокой критикой, то, несомнѣнно,

---

[1]) «Р. Арх.», 1884, I, 22.

и русская жизнь не избѣжала ихъ суда: для критики она, конечно, тоже давала не мало пищи [1]). Само собою разумѣется, такое отношеніе къ Россіи передавалось и ученикамъ масоновъ: мы знаемъ, напримѣръ, что въ юности у Карамзина былъ другъ-«вольнодумецъ» [2]). Кто это былъ такой, мы, къ сожалѣнію, навѣрное, сказать не можемъ. Вѣроятнѣе всего, Кутузовъ, другъ Радищева, воспитанный на французской философіи, таинственный посредникъ между нашими масонами и заграничными [3]), кончившій свою жизнь въ берлинской тюрьмѣ, «бывъ жертвою нещастныхъ обстоятельствъ» [4])...

Впрочемъ, не одни масоны интересовались французской революціей, — и въ остальномъ русскомъ обществѣ жилъ интересъ къ этому движенію, — такъ мы знаемъ, что русскіе юноши съ интересомъ слѣдили по газетамъ за всѣмъ тѣмъ, что творилось во Франціи [5]). Лабзинъ, будущій мистикъ, ровесникъ Карамзина, зачитывался французскими газетами [6]). С. Глинка еще въ корпусѣ, на школьной скамьѣ, хорошо ознакомился съ ходомъ революціи: «Графъ Ангальтъ, разсказываетъ онъ, чтобы ознакомить насъ съ тогдашними обстоятельствами, учредилъ въ нашемъ залѣ новый столъ со всѣми повременными извѣстіями» [7])—а въ результатѣ, еще въ кор-

---

[1]) Отсюда, какъ намъ кажется, и такой безотрадный взглядъ на Россію, который сказался въ ожиданіи Кутузова, что Карамзинъ, побывавъ заграницей, станетъ «презирать свое отечество» («Р. Стар.», 1874, IX, 63).

[2]) «Р. Стар.», 1874, XI, 265.

[3]) Миссія Кутузова заграницу — вопросъ, тоже совершенно невыясненный. Для насъ интересъ фактъ, что самъ Новиковъ, пытавшійся всѣми силами выпутаться изъ массы обвиненій, говоря о Кутузовѣ, самъ даетъ основанія для подозрѣній. Объяснивъ, зачѣмъ былъ посланъ Кутузовъ, онъ прибавляетъ: «другой или иной какой причины поѣздки Кутузова въ Берлинъ и столь долгой бытности его тамъ я не знаю, въ чемъ паки дерзаю призывать Бога во свидѣтели, *да и увѣренъ, что другой причины и нѣтъ* (торопится уничтожить всѣ сомнѣнія, могущія возникнуть), *либо я совершенно обманутъ*» (Лонгиновъ, 096)—неожиданно добавляетъ онъ оговорку, дающую опять богатую пищу для подозрѣній и показывающую, какъ колебался въ своихъ показаніяхъ Новиковъ, желая оставить за собою возможность выхода въ будущемъ.

[4]) Карамзинъ, Соч., II. 55.

[5]) Болотовъ, IV, 1077. 1110; В. Панаевъ. «В. Евр.», 1867, т. III, сент.. 248; Вигель. III, 59—60; С. Глинка, 76 и др.

[6]) В. Панаевъ, 248.

[7]) С. Глинка. 76.

пусѣ кадеты занимались переводами марсельезы [1]) и вступали въ жизнь, съ «Вадимомъ» Княжнина, «Путешествіемъ» Радищева въ рукахъ [2])... Болотовъ даже въ деревню получалъ заграничныя изданія и съ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣми перипетіями французской драмы [3]).

Мы сказали выше, что республиканскіе идеалы были прочно усвоены Карамзинымъ. Забѣгая нѣсколько впередъ, въ подтвержденіе сказаннаго, мы приведемъ его собственныя слова, не разъ имъ повторенныя: «не требую ни Конституціи, ни представителей, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и притомъ вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго...» [4]). «Я въ душѣ республиканецъ, писалъ онъ Вяземскому, и такимъ умру» [5])... «Онъ далеко не былъ врагомъ формъ правленія, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія были въ Россіи, говоритъ о Карамзинѣ Н. Тургеневъ: онъ даже былъ ихъ *энтузіастомъ*» [6]).

Эти факты очень интересны для біографа Карамзина. Изъ нихъ мы видимъ, что политическія убѣжденія Карамзина, такимъ образомъ, сложились на всю жизнь, и онъ остался имъ вѣренъ до старости, хотя, повидимому, пересталъ считать ихъ исполнимыми, а—послѣ знакомства съ русской исторіей—для Россіи призналъ ихъ даже непригодными... Пусть эти убѣжденія были совершенно отрѣшены отъ жизни, но, если въ старости Карамзинъ былъ «энтузіастомъ»-республиканцемъ, то съ какимъ жаромъ вѣрилъ онъ въ республиканскія утопіи

---

[1]) С. Глинка, 115. [2]) Ibid., 132.

[3]) Для рѣшенія интереснаго вопроса о степени отраженія французской революціи на русскомъ обществѣ могутъ быть, пожалуй, полезны слѣдующія сочиненія, не пропущенныя цензурой при Павлѣ: 1) Dumarier, «Tableau speculative de l'Europe» (говорится, между прочимъ, о вліяніи французской революціи на Россію), 2) «Lassandra oder einige Betrachtungen über französische Revolution und die gegenwärtige Lage von Europa», aus franz. übersetzt von Hilmary (между прочимъ, объ отношеніи Россіи къ французской революціи и революціонной пропагандѣ въ ней), 3) «Die Extrapost für Stadt und Land macht allerley was nützt bekannt» (между прочимъ, о революціонномъ духѣ въ Россіи). Сочиненія этихъ мы не имѣли подъ рукой, а названія ихъ извлекли изъ [illegible] павловской цензуры. (См. также любопытные факты, собранные у Pingaud: «Les français en Russie...»).

[4]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 249.

[5]) Карамзинъ, «Письма къ кн. Вяземскому», 60.

[6]) N. Tourgueneff, «La Russie et les Russes», I, 326.

наканунѣ своего путешествія, когда ничто не отравляло еще его юной вѣры!

И этотъ жаръ, и эти убѣжденія явились у Карамзина послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни среди друзей Новикова,—Карамзинъ-мальчикъ, торжествующій въ пансіонѣ Шадена при всякой побѣдѣ англійскихъ адмираловъ надъ американцами, Карамзинъ-юноша, увлекающійся картами, ухаживающій за провинціальными дамами, читающій всякую книгу «безъ разбора»,—и Карамзинъ-республиканецъ, юноша, полный любви къ человѣчеству, мечтающій о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, о «соединеніи теоріи съ практикой», — это совсѣмъ разные люди. Очевидно, Новиковъ и его друзья сумѣли осмыслить его жизнь, сумѣли дать ему идеалы... Сѣмена, брошенныя ими, упали на хорошую почву и быстро принесли плоды, — за короткое время Карамзинъ такъ измѣнился, что другъ его Дмитріевъ еле узналъ его: это былъ уже «ученикъ мудрости, разсказываетъ Дмитріевъ, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ человѣка. Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но, между тѣмъ, главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ предъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любилъ меня еще по прежнему!» [1]). Эти заключительныя слова особенно цѣнны для насъ: стоитъ сравнить тонъ записокъ Дмитріева тамъ, гдѣ онъ говорилъ о жизни своей съ Карамзинымъ въ Петербургѣ, съ вышеприведенной цитатой, — и мы еще разъ убѣдимся, какъ неудержимо быстро шелъ впередъ Карамзинъ, попавъ въ Москву, въ кругъ просвѣщенныхъ людей...

Конечно, большое значеніе въ жизни Карамзина имѣло новиковское общество и на развитіе у него *научныхъ* интересовъ; къ сожалѣнію, данныхъ дошло до нашихъ дней слишкомъ мало для того, чтобы мы могли дать сколько-нибудь полную картину научныхъ занятій Карамзина. Мы знаемъ уже, что особенно внимательно изучалъ онъ исторію: «Письма

[1]) Дмитріевъ И., Соч., II, 26—7.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 511, 514, 402 и др.

русскаго путешественника» прямо говорятъ намъ, что онъ прекрасно зналъ родную исторію и исторію западной Европы [1]) (Германіи, Франціи, Англіи, Швейцаріи); «Письма» же указываютъ на широкое знакомство Карамзина съ разными сторонами европейской жизни [2]): политическая, общественная, семейная жизнь Европы находятъ въ немъ судью, очевидно, подготовленнаго для наблюденія предварительнымъ изученіемъ. Равно доступенъ Карамзину и міръ искусствъ [3]): живопись, музыка, театръ, — все въ немъ находитъ цѣнителя, несомнѣнно, вооруженнаго знаніемъ. Конечно, на первыхъ порахъ Петровъ, этотъ «мудрый юноша, котораго разумъ украшался лучшими занятіями человѣчества» [4]), пособлялъ Карамзину запасаться знаніями: онъ «разсуждалъ и чувствовалъ» вмѣстѣ съ Карамзинымъ, направлялъ его, «показывая заблужденія», «научая не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостью снисходительнаго друга» [5]). «Часто заря утренняя красила восточное небо, разсказываетъ Карамзинъ, когда я разставался съ Агатономъ и возвращался домой съ покойной душею, съ новыми знаніями, или съ новыми идеями» [6]).

Впрочемъ, руководство это не было особенно продолжительнымъ: Карамзинъ рвался къ самостоятельной дѣятельности, — вотъ почему рано замѣчаемъ мы у него попытки независимой работы: Петровъ изъ роли учителя переходитъ на роль друга, свидѣтеля первыхъ, часто неудачныхъ попытокъ своего друга выйти на самостоятельный путь...

«Читая Философовъ, — сообщаетъ Петрову Карамзинъ:

«Я вздумалъ Философомъ
«Прослыть въ Ученомъ Свѣтѣ;
«Схвативъ перо, бумагу,
«Хотѣлъ писать я много
«О томъ, какъ человѣку
«Себя счастливымъ сдѣлать
«И мудрымъ быть въ сей жизни [7]).

---

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 76, 294—5, 706, 649, 50, 155 и мн. др.
[2]) Ibid., 778, 65, 199, 239—40, 240—1, 248, 293 и мн. др.
[3]) Ibid., III, 360. [4]) Ibid., 361. [5]) Ibid., 361. [6]) Ibid.
[7]) См. 2-ое Приложеніе. «Матеріалы...». 25.

Но первыя попытки «философствовать» оказались неудачными:

«Но, ахъ! мнѣ надлежало
«Тотчасъ себѣ признаться,
«Что духъ сихъ Философовъ
«Во мнѣ не обитаетъ;
«Что я того незнаю,
«О чемъ писать намѣренъ...
«Вздохнувъ, перо я бросилъ... [1]).

Бросился Карамзинъ къ изученію естественныхъ наукъ,— но и тутъ его постигла неудача:

«...Разсматривалъ я присму,
«Желая то увидѣть,
«Что Нютонову душу
«Толико занимало —
«Что Нютоново око
«Въ восторгѣ созерцало...
«Но, ахъ! мнѣ надлежало
«Тотчасъ себѣ признаться,
«Что Нютонова дара
«Совсѣмъ я не имѣю!
«Что мнѣ нельзя проникнуть
«Въ составъ чудесный свѣта,
«Дробить лучей седмичныхъ
«Великаго свѣтила...
«Я Нютона оставилъ... [2])

Немудрено, что отчаянье овладѣвало пылкимъ юношей, когда онъ убѣждался въ своихъ неудачахъ:

«Теперь брожу я въ полѣ;
«Грущу и плачу горько,
«Почувствуя, какъ мало
«Талантовъ я имѣю! [3]).

---

[1]) См. 2-ое Приложеніе, «Матеріалы..». 25.

[2]) Это занятіе естественными науками, вѣроятно, опять-таки тѣсно связано съ вліяніемъ Петрова. Изъ лекцій его учителя Шварца мы узнаемъ, что изученіе «натуры», которая есть «подобіе» Бога (Рукоп. Имп. П. Библ. ОПП, № 112, л. 3), Шварцъ ставилъ очень высоко. «Бога мы познаемъ чрезъ натуру» (Ibid.) говоритъ онъ. «Все твореніе есть токмо изображеніе, образъ Творца; кто учится самопознанію и познанію натуры — тотъ учится познанію Бога» (Ibid., л. 7); изъ «религій» Шварцъ выше всего ставитъ «натуральную», которая требовала «познанія натуры» и «самопознанія» (Ibid., л. 11).

[3]) См. 2-ое Приложеніе, «Матеріалы.. , 26.

Приходилось искать поддержки у друга — Петрова: и вотъ, «Зефиру» поручалъ молодой неудачникъ передать Петрову о своихъ разбитыхъ надеждахъ [1]), — и тотъ являлся на зовъ огорченнаго юноши «съ любезною кротостью снисходительнаго друга» [2]), «ободрялъ» [3]) его, «всегда утѣшалъ» [4])...

Изучалъ Карамзинъ и космографію,—по крайней мѣрѣ, очень интересовался Коперникомъ [5]); занимался съ увлеченіемъ «физіогномикой» Лафатера, какъ самъ объ этомъ разсказывалъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» [6]); цѣлыя ночи, вмѣстѣ съ Петровымъ, «просиживалъ за Боннетомъ» [7]), познакомился съ исторіей искусствъ, что сказалось во время его путешествія, изучалъ англійскій и греческій языкъ...

Эти «научныя» занятія, при всей ихъ разнохарактерности, несомнѣнно, искренне увлекали Карамзина: стоитъ перечесть хотя бы письма Петрова къ нему за этотъ періодъ времени, письма, въ которыхъ пріятель Карамзина добродушно потѣшается надъ торопливостью, жадностью, лихорадочностью, съ какою работалъ въ то время Карамзинъ, — и мы поймемъ, что увлекающійся юноша, бросающійся отъ «призмы», къ поискамъ счастья, отъ философіи—къ поэзіи, къ физіогномикѣ, къ грамматикѣ греческаго языка, жилъ въ это время жизнью самой содержательной, полной интересовъ. Даже въ его поэтической дѣятельности выразилось это увлеченіе книгой, дающей знаніе: онъ прямо говоритъ, что одно время наука была предметомъ его стихотворныхъ восхваленій:

«Я пѣлъ хвалу Наукамъ,
«Которыя намъ въ душу
«Свѣтъ правды проливаютъ,
«Которыя намъ служатъ
«Въ часъ горестный — отрадой! [8])

«Науки — святое дѣло!» вырывается у него однажды энергичное восклицаніе [9]).

Эта жажда знанія прекрасно выразилась и въ той лю-

[1]) См. 2-е Приложеніе, 26.
[2]) Карамзинъ. Соч., III, 361.
[3]) Ibid., 362.
[4]) Ibid. 363.
[5]) Карамзинъ. II, 10.
[6]) Ibid., II, 213.
[7]) Ibid., III, 361.
[8]) См. 2-ое Приложеніе, 29.
[9]) Карамзинъ. Соч., II, 525.

бопытной перепискѣ, которую началъ въ это время Карамзинъ съ Лафатеромъ. Первыя письма его, отправленныя къ «цюрихскому мудрецу», особенно интересны: какъ живой встаетъ передъ нами этотъ юноша, полный жизни, съ кипучей энергіей, съ широкими планами, которымъ жизнь не даетъ простора. Это — «молодой человѣкъ, у котораго въ груди бьется горячее сердце, который ищетъ чего-то, къ чему онъ могъ бы привязаться всей душой и о чемъ онъ самъ не имѣетъ опредѣленнаго понятія, но что должно наполнить пустоту его души и оживить его жизнь» [1]). Это, какъ мы видимъ,—человѣкъ, недовольный дѣйствительностью, недоволенъ онъ и собой — и душа кажется ему пустой, и жизнь мертвой... Онъ жаждетъ бо́льшаго, потому, что «рожденъ съ неутолимой жаждой знанія» [2]), потому что «ему знаніе необходимо, какъ для тѣла пища» [3]); онъ, по по собственному признанію, «изнемогалъ подъ бременемъ невѣдѣнія» [4]), въ душѣ его «было много сомнѣній» [5]) — немудрено, что, онъ былъ «престраннымъ меланхоликомъ», который «гораздъ на выдумки, чтобы мучить самого себя» [6]). Если въ этихъ словахъ и чувствуется нѣкоторая рисовка, понятная и извинительная у юноши, сознавшаго богатства своей души,—то для характеристики русскаго общества конца вѣка появленіе такой личности въ рядахъ молодежи является очень знаменательнымъ. Что же мучило юношу Карамзина? Что наполняло его юное сердце тоской сомнѣнія?—На это отвѣтятъ намъ его письма. «Какимъ образомъ душа наша соединена съ тѣломъ» или: «какимъ способомъ душа дѣйствуетъ на тѣло?» [7]), — вотъ, вопросы, къ которымъ привело Карамзина желаніе познать: «что я такое». «Я хочу, пишетъ онъ, знать, что я такое, ибо знаніе, по моему мнѣнію, можетъ сдѣлать меня живѣе чувствующимъ бытіе, потому что я такимъ образомъ могу, какъ мнѣ кажется, достигнуть наслажденія самимъ собою» [8]). Лафатеръ отказался рѣшать

---

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 46. [2]) Ibid., 26. [3]) Ibid., 28.
[4]) Ibid., [5]) Ibid., [6]) Ibid., 20. [7]) Ibid., 16.
[8]) Ibid., 28—30. Припомнимъ, что это «наслажденье собою», это «тихое самодовольство человѣка чистаго, съ незапятнанной совѣстью» — были идеалами той педагогики, которая дала XVIII вѣку людей съ «прекрасными душами».

такіе вопросы и поспѣшилъ свести юношу на землю, подальше отъ туманныхъ областей неизвѣстнаго, къ вопросамъ прикладной морали: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно до стижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?» [1])— вотъ, что преподнесъ «цюрихскій мудрецъ» юношѣ на вопль невѣдѣнія, который вырвался у того изъ наболѣвшей груди. Велико, вѣроятно, было разочарованіе Карамзина, который, будучи увлеченъ мнѣніемъ вѣка, искренне считалъ Лафатера «для познанія человѣка тѣмъ, чѣмъ Колумбъ былъ для мореплаванья» [2]). Признаніе Лафатера въ безсиліи рѣшать «мудрые» вопросы юноши было очень «грустнымъ открытіемъ для того, кто такъ желалъ себя познать» [3])...

Наконецъ, обратимся къ выясненію того значенія, какое имѣла въ жизни Карамзина изящная литература. Мы знаемъ, уже, что знакомство съ литературой было главнымъ занятіемъ Карамзина наканунѣ путешествія. Мы высказали уже разъ предположеніе, что выборъ авторовъ зависѣлъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, отъ Петрова; нашу догадку Карамзинъ подтверждаетъ словами: «пріобрѣлъ я и нѣкоторое *эстетическое чувство*, нужное для любителей Литературы. *Вѣрный вкусъ друга* моего (отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ) *былъ для меня свѣтильникомъ въ Искусствѣ и Поэзіи*» [4]).

Выше мы уже неоднократно подчеркивали существенныя особенности черты той литературы, на которой воспитался Карамзинъ; мы видѣли уже, что «идеализмъ», былъ главной ея чертой. Этимъ «идеализмомъ» освѣщались отношенія сентиментальныхъ писателей къ Богу, природѣ, людямъ и собственному сердцу... «Die schöne Seele» — вотъ, идеалъ этой литературы, и мы знаемъ, что, подъ ея вліяніемъ, дѣйствительно, выработался, главнымъ образомъ, въ Германіи интересный типъ юноши-идеалиста, «съ прекрасной душой» [5]), — въ лицѣ Карамзина сентиментальная литература дала намъ

---

[1]) Ibid., 46. [2]) Ibid., 11. [3]) Ibid., 26. [4]) Карамзинъ. Соч., III, 326.
[5]) См. Кошелевъ, «Философія чувства», ч. I, 636—8.

на русской почвѣ образчикъ такого же юноши (болѣе чистымъ представителемъ ихъ былъ у насъ впослѣдствіи Жуковскій). Вотъ почему мы можемъ утверждать, что въ ряду другихъ вліяній, которымъ подвергся Карамзинъ въ Москвѣ, вліяніе литературы было сильнѣйшимъ, — оно имѣло рѣшающее вліяніе на его развитіе и оставило слѣды въ его жизни самые глубокіе... «Научнымъ» занятіямъ это вліяніе помѣшало только отчасти,—тѣмъ, что отвлекло значительную долю энергіи Карамзина на знакомство съ литературой, — съ «масонскимъ» же вліяніемъ оно столкнулось и, намъ думается, безъ особаго труда одержало надъ нимъ верхъ...

Мы знаемъ, что Тургеневъ призвалъ Карамзина въ Москву, очевидно, съ тѣмъ, чтобы изъ него сдѣлать помощника Новикову, поставить его въ ряды той арміи переводчиковъ, которые въ короткое время перевели и выпустили въ свѣтъ массу изданій; имена большинства этихъ переводчиковъ забыты, ихъ скромное усердіе и анонимная работа осталась въ тѣни передъ тѣмъ свѣтомъ, которымъ окруженъ Новиковъ... Но Карамзина ждала другая участь: онъ не поддался въ такой мѣрѣ, какъ, напримѣръ, Петровъ, вліянію кружка и въ смиренной роли «молодого любослова», котораго заваливаютъ переводами, былъ очень недолго: предварительное знакомство съ изящной литературой, органическое отвращеніе къ мистицизму — все это отвлекало Карамзина на самостоятельный путь: съ каждымъ новымъ изданіемъ онъ ускользалъ изъ-подъ власти масоновъ: первое изданіе («Бесѣды...») его чисто масонское; «О происхожденіи зла» Галлера уже относится къ литературнымъ произведеніямъ, хотя, какъ мы видѣли, еще касается религіозныхъ и философскихъ вопросовъ, интересовавшихъ масоновъ; третье произведеніе, «Юлій Цезарь», ни религіознымъ, ни философскимъ интересамъ масоновъ не отвѣчало, — и сходилось развѣ только съ политическими убѣжденіями нѣкоторыхъ изъ нихъ: республиканскіе идеалы были въ этой трагедіи сильно выражены — не даромъ она въ русскомъ переводѣ была даже запрещена. Наконецъ, произведеніе Лессинга, «Эмилія Галотти», еще дальше отошло отъ интересовъ масонства...

Конечно, идеализмъ той литературы, которая теперь цѣликомъ захватила Карамзина, дорогъ былъ и масонамъ,—вѣдь любовь къ человѣчеству и Богу была и ихъ лозунгомъ, — но средства, которыми пользовался сентиментализмъ для удовлетворенія этого идеализма, были непонятны масонамъ и смѣшны... Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что и масоны, и сентиментальные писатели проповѣдовали внимательное отношеніе къ своему внутреннему міру и природѣ,—но масоны требовали самопознанія, не съ тѣмъ, чтобы наслаждаться своимъ прекраснымъ чувствительнымъ сердцемъ, прихотливо мѣняющимъ настроенія отъ всякихъ причинъ, а только чтобы исправлять его недостатки... Природа же нужна была масонамъ, какъ матерія, надъ которой надо трудиться, чтобы «познать Бога», добиться истины, — между тѣмъ, для сентиментальнаго писателя природа была объектомъ не изученія, а благоговѣйнаго преклоненія, восторга... У масоновъ преобладаютъ чисто аскетическія и научныя стремленія, тогда какъ у поэтовъ сентиментальной школы—исключительно эстетическія: они—только художники психологи... Масоны шли къ дѣятельной жизни: имъ нужны были добрыя дѣла, подвиги, работа,—сентиментальные поэты вели своихъ учениковъ къ созерцательности, къ наслажденію въ тиши уединенія своими идеальными чувствами...

Куда же пойдетъ Карамзинъ? Какое изъ вліяній одержитъ надъ нимъ верхъ? Постепенно, но рѣшительно удаляясь отъ масонства, Карамзинъ ясно показалъ, на какую дорогу упорно влекли его личныя симпатіи... Впрочемъ, онъ долго не прерывалъ и тѣхъ тонкихъ связей, которыя его прикрѣпляли къ масонству: до самаго путешествія его заграницу будемъ мы встрѣчать въ его литературной дѣятельности колебанія и противорѣчія, показывающія, что и масонство долго сохраняло нѣкоторую власть надъ его юной душой.

Выше мы говорили уже о нѣкоторыхъ отблескахъ мистицизма у Карамзина: мечты о загробной жизни, восторженное преклоненіе передъ Богомъ, безусловная вѣра въ Божественный Промыслъ,— все это можетъ быть отчасти отнесено къ результатамъ масонскихъ вліяній, — но, съ другой стороны, напримѣръ, мы наталкиваемся на ярко выраженное чувство

«меланхоліи», чувство, свойственное только сентиментальному человѣку, но совсѣмъ неприличное для человѣка религіознаго... Между тѣмъ, эти «припадки меланхоліи» были у Карамзина и часты, и продолжительны: цѣлыя ночи просиживалъ онъ, «подгорюнившись», дожидаясь восхода солнца [1]); чувствомъ тоски проникнуты, напримѣръ, слѣдующія строки:

«Вездѣ, вездѣ сіяетъ радость,
«Вездѣ веселіе одно,
«Но я, печалью отягченный,
«Брожу уныло по лѣсамъ...
«Въ лугахъ печаль со мною бродитъ...
«Смотря въ ручей, я слезы лью;
«Слезами воду возмущаю,
«Волную вздохами ее... [2])

Въ другомъ стихотвореніи Карамзинъ обращается къ Зефиру:

«...Зефиръ со мной играетъ
«Меня утѣшить хочетъ;
«Печаль мою развѣять
«Намѣренъ непремѣнно.
«Зефиръ, напрасно мыслишь
«Меня развеселити,
«Мнѣ плакать не давая!
«Ты въ сердце не проникнешь;
«Моя же горесть въ сердцѣ... [3])

Отъ работниковъ русскаго просвѣщенія, Новикова и его друзей, мы не услышимъ, конечно, этой жалобы на безпричинную грусть: имъ некогда было отдаваться этой эстетической лѣни, и «сладкой меланхоліи». Не услышимъ мы отъ нихъ и жалобы на то, что въ жизни мало радости и что одна «дружба» можетъ служить утѣшеніемъ:

«Вѣрна дружба! ты едина
«Есть блаженство на землѣ... [4])

Мы узнаемъ въ этихъ словахъ юношу, который, подобно своимъ учителямъ, сентиментальнымъ поэтамъ, обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ и жаждетъ уединенія, чтобы жить

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 1—2. [2]) См. 2-е Прилож., 23—3. [3]) Ibid., 24.
[4]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 4, 37.

вдали отъ людскаго шума съ тѣми немногими людьми, которые способны оцѣнить его чувствительное сердце. Оттого въ самомъ пониманіи «поэзіи» есть у Карамзина нѣкоторое противорѣчіе... Для человѣка религіознаго, ученика масоновъ, она была «святой» [1]), «наставницей людей» [2]), «гласомъ Божіимъ» [3]), — для ученика сентиментальныхъ поэтовъ — она лишь «отрада невинныхъ чистыхъ душъ» [4]), т. е. благодатный, неизсякаемый источникъ эстетическаго наслажденія...

Обратимся теперь къ литературной дѣятельности Карамзина за это время: творчество его развилось тоже подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петрова, «котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій»... [5]) По указаніямъ Петрова знакомился Карамзинъ съ литературой и, «восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ», дерзнулъ «младенческими руками образовать нѣчто подобное онымъ и незрѣлыя свои мысли изливать на бумагу»... [6]) Петровъ, по словамъ Карамзина, былъ первымъ судьей этихъ поэтическихъ опытовъ [7]) и «по снисхожденію и нѣжности своей ободрялъ» его «въ сихъ упражненіяхъ»... [8]).

Если первыя попытки стихотворства Карамзина могутъ быть отнесены еще къ жизни въ Петербургѣ съ Дмитріевымъ, то къ московскому періоду относятся уже первые, болѣе серьезные опыты, изъ которыхъ нѣкоторые было попали даже въ печать. Самъ Карамзинъ признался, что поэтизировать онъ началъ очень рано:

«Въ моихъ весеннихъ лѣтахъ
«Я пѣлъ забавы дѣтства,
«Невинность и безпечность...
«Потомъ, въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ,
«Я пѣлъ блаженство дружбы,
«Съ любезнымъ Агатономъ
«Въ восторгѣ обнимаясь... [9])

Этимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ воспѣвались «забавы дѣтства», «невинность и безпечность», равно какъ и тѣмъ,

[1]) См. 2-е Приложеніе, 31.
[2]) Ibid., 32.
[3]) Ibid.,
[4]) Ibid., 32.
[5]) Карамзинъ, Соч., III, 360.
[6]) Ibid., 362.
[7]) Ibid.
[8]) Ibid.
[9]) См. 2-е Приложеніе, 29.

въ которыхъ воспѣвался Петровъ, стихотвореніямъ, повидимому, очень сентиментальнымъ, не суждено было сохраниться до нашихъ дней... Вѣроятно, Петровъ не рѣшился ихъ печатать въ «Дѣтскомъ Чтеніи» изъ личныхъ видовъ... Но кромѣ идеальной «дружбы», Карамзинъ —

«...пѣлъ хвалу Никандру,
«Когда онъ беззащитнымъ
«Былъ вѣрною защитой,
«И добрыми дѣлами
«Ни мало не хвалился... [1])

Кто этотъ Никандръ, рѣшить мы не можемъ: можетъ быть, и Новиковъ, можетъ быть, и другой какой-нибудь благодѣтель изъ ихъ круга...

Пѣлъ, наконецъ, Карамзинъ и —

«...хвалу Наукамъ,
«Которыя намъ въ душу
«Свѣтъ правды проливаютъ;
«Которыя намъ служатъ
«Въ часъ горестной отрадой... [2])

Эта способность въ стихахъ выражать свои чувства, выражать наслажденіе художественнымъ изображеніемъ внутренняго и внѣшняго міра, настолько дорога сдѣлалась Карамзину, что свои симпатіи къ поэзіи онъ рано высказалъ въ самой опредѣленной формѣ:

«Доколѣ я дышу, до толѣ буду пѣть,
«Поэзію хвалить и ею утѣшаться... [3])

Такимъ образомъ, уже въ 1787 году идеалы жизни намѣчались у Карамзина довольно ясно: «тихая жизнь» улыбалась уже юношѣ... «Буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ»... [4]) сказалъ онъ въ *самомъ началѣ* путешествія Виланду. Всю жизнь онъ хотѣлъ посвятить наукамъ «*Изящнымъ* * (* Пріятель мой подъ изящными науками разумѣетъ les belles lettres.) — К.» [5]), — вѣрно, юноша вкусилъ уже въ это время восторги вдохновенія, насладился радостями творчества...

---

[1]) См. 2-е Приложеніе. 29. [2]) Ibid., [3]) Ibid., 35.
[4]) Карамзинъ, Соч., II, 149. [5]) «Моск. Журн.», II, 307.

Припомнимъ по этому случаю собственный разсказъ Карамзина о томъ, какъ переводилъ онъ однажды оду Аддисона: «нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея и, въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

«И въ самой вѣчности не можно
«Воспѣть всей славы Твоея! —

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни»... [1]). Несомнѣнно, въ этомъ фактѣ, разсказанномъ искренне, вполнѣ высказалась та поразительно тонкая эстетическая воспріимчивость Карамзина, которая развилась у него рано и, дѣйствительно, не мало наслажденія доставляла ему... Недаромъ онъ такъ полюбилъ поэзію... Въ одномъ изъ автобіографическихъ [2]) стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Письмахъ», Карамзинъ еще разъ опредѣленно выражаетъ свой взглядъ на великое значеніе въ его жизни способности отдаваться безраздѣльно и искренне эстетическимъ эмоціямъ:

«Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
«И въ бѣдности воспитанъ былъ;
«Отца въ младенчествѣ лишился
«И въ свѣтѣ сиротою жилъ.

«Но богъ, искусный въ пѣснопѣньѣ,
«Меня, сиротку, полюбилъ;
«Явился мнѣ во сновидѣньѣ
«И арфу съ ласкою вручилъ;

«Открылъ за тайну, какъ струною
«Съ сердцами можно говорить,
«И томной, жалкою игрою
«Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

«Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
«Смотрю — и въ сердцѣ горя нѣтъ!..
«*Тому не надобно Фортуны,*
«*Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!* [3]).

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 299—300

[2]) Существенныя измѣненія, которымъ подвергалось это произведеніе въ разныхъ изданіяхъ «Писемъ» — позволяетъ думать, что эти стихи — вовсе не переводъ «бѣднаго Итальянскаго музыканта», а произведеніе самого Карамзина.

[3]) Карамзинъ, Соч., II, 263.

Такая тихая, созерцательная жизнь, о какой мечталъ въ юности Карамзинъ, жизнь, богатая эстетическими наслажденіями, среди «чистѣйшихъ душъ», съ творчествомъ «für Wenige», для «добрыхъ», для избранниковъ, которымъ только понятна поэзія, въ то время не была уже для Карамзина далекой, неясной мечтой, а прекрасной дѣйствительностью, о которой онъ всегда вспоминалъ впослѣдствіи съ трогательной любовью. Онъ жилъ въ это время полной жизнью, всѣми своими способностями, всѣми интересами... Работа по самообразованію шла лихорадочно, страстно; съ упоеньемъ отдавался ей Карамзинъ: письма Петрова — краснорѣчивое доказательство вѣрности нашихъ словъ. «Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія, шутливо восклицаетъ Петровъ, и дальніе края озарившему! Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ ученыхъ эпистолъ (о которыхъ всякій подумалъ бы, что они получены изъ Англіи и Германіи!) Чего нѣтъ въ нихъ, касающагося до литературы? Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ» [1]). Въ это же время Карамзинъ, оказывается, не только переводилъ Штурма, Галлера, но сочинялъ какую-то самостоятельную пьесу о «Соломонѣ» [2]). Въ письмѣ отъ 30 іюля 1786 года Петровъ спрашиваетъ Карамзина: «десятую долю старыхъ плановъ производишь въ дѣйство, дѣлаешь новые планы... Не правда-ли?» [3]). «Поэзія, музыка, живопись, воспѣты-ли тобою?.. Удивленные Чистые пруды внемлятъ-ли гимну Томсонову, улучшенному на языкѣ русскомъ? Ликуетъ-ли Русская проза и любуется-ли какимъ-либо новымъ свѣтильникомъ въ ея мірѣ, тобою возженнымъ?» [4]).

Эта изумительная энергія двадцатилѣтняго юноши выразилась, какъ мы уже видѣли, въ богатомъ и разностороннемъ изученіи различныхъ наукъ и литературъ, съ одной стороны, и — съ другой — въ напряженномъ творчествѣ; къ сожалѣнію, цѣлый рядъ его оригинальныхъ произведеній не дошелъ до насъ: тутъ, кромѣ стиховъ и переводовъ, были,

[1]) «Р. Арх.», 1863, 889.
[2]) Ibid.,
[3]) Ibid., 891.
[4]) Ibid.,

между прочимъ, и трагедія [1]), и большой романъ [2]), и дневникъ [3])...

Кромѣ этихъ занятій «для себя», Карамзинъ по прежнему сотрудничалъ въ новиковскихъ изданіяхъ, но уже только литературныхъ: такъ, вмѣстѣ съ Петровымъ, велъ онъ изданіе «Дѣтскаго Чтенія», которое было безплатнымъ приложеніемъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь онъ помѣстилъ переводъ цѣлаго ряда повѣстей Жанли. На повѣстяхъ этихъ мы считаемъ нужнымъ остановиться дольше, чѣмъ это могло бы показаться необходимымъ на первый взглядъ: съ нихъ началъ Карамзинъ свою службу великому дѣлу развитія русскаго общества, и за эту службу Бѣлинскій очень высоко ставилъ Карамзина: «переводомъ повѣстей Мармонтеля и нѣкоторыхъ повѣстей Жанли, говоритъ онъ, Карамзинъ оказалъ русскому обществу столь же важную услугу, какъ и своими собственными повѣстями. Это значило, не больше и не меньше, какъ познакомить русское общество съ чувствами, образомъ мыслей, а, слѣдовательно, и съ образомъ выраженія образованнѣйшаго общества въ мірѣ»... [4]). Кромѣ того, любопытны эти повѣсти и потому, что, во-первыхъ, въ выборѣ этихъ пятнадцати разсказовъ изъ двухъ сборниковъ повѣстей сказался литературный вкусъ Карамзина; а, во-вторыхъ, произведенія Жанли имѣли, какъ мы увидимъ ниже, несомнѣнное вліяніе на творчество самого Карамзина.

Изъ повѣстей, болѣе подходящихъ для развитія дѣтскаго «сердца и разума», мы можемъ назвать лишь очень немногія: «Дельфина или щасливое излѣченіе» [5]), «Исправленная лѣность» [6]), «Памела» [7]) и, пожалуй, «Альфонсъ и Далинда или Волшебство Искусства и Натуры, правоучительная сказка» [8]). Остальные же разсказы скорѣе могли интересовать сентиментальныхъ юношей возраста Карамзина, чѣмъ дѣтей.

Приводимъ содержаніе первой, особенно типичной повѣсти, болѣе или менѣе, подходящей для дѣтей. Въ одномъ знат-

---

[1]) «Р. Арх.», 1863, 889.
[2]) Карамзинъ, Соч., II, 14.
[3]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 20.
[4]) Бѣлинскій, Соч. VIII, 135.
[5]) «Дѣтское Чтеніе», ч. IX, 20.
[6]) Ibid., ч. X, 3.
[7]) Ibid., ч. XIII, 82.
[8]) Ibid., XI, 49; XII, 3, XIII, 3.

помъ семействѣ была единственная дочь—Дельфина. Отъ природы дѣвочка хорошая, она была испорчена воспитаніемъ, «ея добрыя дарованія всякій день уменьшались, а нравъ портился» [1]). Единственная дочь богатыхъ знатныхъ родителей, она сызмала «была надушена лестью» [2]), сдѣлалась «своенравна и жестока» [3]). Къ этой бѣдѣ прибавилась еще новая: шнурованья, балы, театры и несоблюденіе гигіеническихъ требованій при питаніи развили у дѣвочки слабость груди. «Дельфину осыпали игрушками и подарками. Всѣ желанія ея исполнялись», но такое лѣченіе не помогло, и слабость груди развилась въ чахотку. Наконецъ, врачи отказались ее пользовать; одинъ лишь докторъ-нѣмецъ ручался вернуть ей здоровье, но съ условіемъ поручить ее на время его усмотрѣнію. Послѣ долгихъ колебаній, мать согласилась отдать дочь, и нѣмецъ увезъ Дельфину противъ ея воли въ свою деревню, гдѣ и подвергнулъ оригинальному леченію — онъ поставилъ ея постель въ хлѣвъ и держалъ Дельфину тамъ день и ночь, чтобы она дышала навозными испареніями. Дельфина была внѣ себя отъ злости, кричала, дралась, но ей связали руки и оставили въ хлѣву. На слѣдующій день дѣвочка познакомилась съ докторской дочкой, Генріеттой, дѣвицей хорошо воспитанной и добродѣтельной. Дельфина пожелала произвести впечатлѣніе на эту скромную дѣвушку своими драгоцѣнностями, но услышала отъ той слѣдующее замѣчаніе: «мнѣ кажется, что молодой дѣвушкѣ лучше присталъ сплетенной изъ цвѣтовъ вѣнокъ, нежели бриллiантовая нитка» [4]). Послѣ нѣсколькихъ дней знакомства съ семействомъ доктора, Дельфина начинаетъ уже задумываться, отчего это бѣдная, незнатная Генріетта счастлива и здорова, а она нѣтъ [5]). Подъ конецъ, хорошая отъ природы дѣвочка проникнулась уваженіемъ къ многознающей женѣ доктора, а «къ молодой Генріеттѣ почувствовала она въ сердцѣ своемъ нѣжнѣйшую склонность» [6]). Докторская дочка благотворила, по мѣрѣ силъ, всѣмъ окрестнымъ крестьянамъ, и всѣ ее очень любили. При видѣ этой

[1]) «Дѣтское Чтеніе», IX ч., 21.
[2]) Ibid., 22.
[3]) Ibid., 22.
[4]) Ibid., 35.
[5]) Ibid., 36.
[6]) Ibid., 37.

любви, у Дельфины зародилось уже желаніе «быть ей подобной», и она еще больше привязалась къ своей подругѣ, старалась подражать ей во всемъ, — хорошіе результаты этого скоро сказались: «Дельфина начала стыдиться чрезвычайно своего невѣжества» [1]) — она учится читать, писать, слушаетъ съ «великимъ удовольствіемъ» разсказы докторши изъ исторіи, зоологіи, ботаники, или повѣствованія ея о рѣдкостяхъ Вѣнскаго музея, картинъ Дрезденской галлереи и т. д. Какъ къ дочкѣ доктора, такъ и къ женѣ привязалась Дельфина очень сильно, «повиновалась ей добровольно, любила ей угождать и ощущала великую привязанность» [2]). Когда Генріеттѣ удалось одно хорошее дѣло, и Дельфина увидала счастіе облагодѣтельствованной семьи, услышала благословенія, которыми бѣдняки встрѣчали Генріетту, — она окончательно убѣдилась, что «только одно доброе сердце доставляетъ намъ благополучіе въ жизни» [3]). Послѣ этого она исправилась, сумѣла заслужить любовь бѣдныхъ [4]) и вернулась къ родителямъ здоровая нравственно и физически.

Повѣсть прерывается постоянными отступленіями въ область зоологіи, ботаники, исторіи, медицины и др. наукъ и, такимъ образомъ, дѣйствительно, подходитъ къ «Дѣтскому чтенію для *сердца* и *разума*». То же можно сказать и о трехъ вышеназванныхъ нами разсказахъ. Въ остальныхъ произведеніяхъ Жанли, переведенныхъ Карамзинымъ, господствуетъ иной духъ: фабула построена въ нихъ, главнымъ образомъ, на любви нѣжной или страстной, законной или незаконной, и интересъ къ этимъ повѣстямъ могъ явиться, какъ мы уже сказали, у людей возраста Карамзина. Этими разсказами былъ нарушенъ поучительный характеръ изданія, которое сначала даже отличалось нѣсколько религіознымъ характеромъ. Повѣсти Жанли, даже названныя выше, были всетаки беллетрическими произведеніями, — помѣстивъ ихъ въ «Дѣтское Чтеніе», Карамзинъ еще разъ опредѣленно указалъ на то, что литературныя вліянія захватывали его все сильнѣе...

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», 58.
[2]) Ibid., 35.
[3]) Ibid., 51.
[4]) Ibid., 68.

Кромѣ того, тотъ фактъ, что въ выборѣ разсказовъ для дѣтей Карамзинъ скоро сбился на свой собственный вкусъ, важенъ уже и потому, что эти повѣсти могутъ служить указаніемъ литературныхъ симпатій самого Карамзина. Приведемъ въ короткихъ словахъ содержаніе нѣсколькихъ наиболѣе типичныхъ разсказовъ. —

«Исторія господина Чудина» [1]). Г. Чудинъ былъ съ дѣтства испорченъ воспитаніемъ и, по собственному признанію, уже «въ восемь лѣтъ сдѣлался величайшимъ негодяемъ» [2]): вѣчно бранился, упрямился и капризничалъ. Отданный въ пансіонъ, Чудинъ въ первый разъ сошелся съ Любовымъ, мальчикомъ добродѣтельнымъ и разсудительнымъ; но эта дружба не спасла его отъ постоянныхъ проступковъ, связанныхъ съ ними наказаній и общей нелюбви. Къ концу его пребыванія въ пансіонѣ у него умерла мать. Чудинъ много горевалъ, даже былъ боленъ, но своего поведенія не бросилъ. Поступивъ на службу, онъ недолго служилъ и вышелъ скоро въ отставку. «Я былъ вспыльчивъ и горячъ до свирѣпости» [3]), говоритъ онъ про себя. Впрочемъ, всетаки Чудинъ «прослужилъ нѣсколько кампаній, оказалъ много ревности», хотя, къ сожалѣнію, «мало способностей» [4]). Когда онъ вернулся изъ полка, его женили на дѣвушкѣ «добродѣтельной и милой». «Всѣ ея поступки были просты, естественны и благородны. Звукъ голоса ея проницалъ въ сердце» [5]). Между тѣмъ, другъ его Любовъ «въ арміи отличилъ себя славно и въ такихъ лѣтахъ, въ которыя обыкновенно показываютъ только одну смѣлость и добрую волю, показалъ онъ величайшія дарованія, благоразуміе и храбрость» [6]). Чудинъ недолго наслаждался семейной жизнью: «я хотѣлъ, чтобы меня любили такъ, какъ я любилъ, то есть — чрезвычайно. Жена моя имѣла ко мнѣ нѣжнѣйшую и постояннѣйшую склонность; но она была столько разсудительна, что не могла предаться необузданной страсти» [7]). Мало по малу, Чудинъ начинаетъ думать, что жена его не любитъ; онъ ревнуетъ ее, сначала совершенно безъ

[1]) «Дѣтское Чтеніе», X ч., 71.
[2]) Ibid., 71.
[3]) Ibid., 78.
[4]) Ibid., 80.
[5]) Ibid., 81.
[6]) Ibid., 82.
[7]) Ibid., 83.

всякихъ основаній, но потомъ его подозрительность находитъ и основанія. Постоянныя семейныя сцены, упреки, жалобы, отъ которыхъ онъ не могъ удержаться въ присутствіи жены, заставили его бѣжать изъ дому. Онъ сталъ кутить, играть въ карты. Одумавшись, онъ вернулся было опять къ семейной жизни, но ревность къ Любову окончательно разссорила его съ другомъ и съ женой. Они разводятся, и Чудинъ возвращаетъ приданое женѣ, хотя отъ этого самъ остается ни съ чѣмъ. Другъ его Любовъ явился къ нему съ утѣшеніемъ и посовѣтовалъ ему предпринять путешествіе. Заграницей Чудинъ нажился и, съ надеждой примириться съ женой, поѣхалъ въ Россію, но жены онъ не засталъ уже въ живыхъ.

Въ другомъ родѣ повѣсть—«Евгенія и Леонсъ» [1]). Евгенія была единственной дочерью. Отецъ ея умеръ давно, когда она была еще ребенкомъ; мать увезла ее для воспитанія въ провинцію, гдѣ у нихъ было имѣніе. Здѣсь, вдали отъ города, протекли первые годы ея дѣтства и юности; «тутъ-то получила она вкусъ къ сельскимъ увеселеніямъ и къ тихой уединенной жизни» [2]). Она выросла и сдѣлалась невѣстой Леонса графа д'Амили, отецъ котораго искалъ для своего сына именно такой дѣвушки, какою была Евгенія, — прекрасной нравственно и физически. Леонсъ передъ бракомъ путешествовалъ для образованія сердца и разума. Вернувшись изъ путешествія, онъ женился на Евгеніи, и жизнь ихъ потекла счастливо и мирно. Евгенія часто «дѣлала вопросы Леонсу о его путешествіяхъ и съ удовольствіемъ научалась отъ него» [3]); часто занималась она и тѣмъ, что «пѣла, сидѣвши на берегу ручейковъ, прекрасныя пѣсни»; «пріятный и сладкій голосъ ея привлекалъ къ себѣ пастуховъ и жнецовъ: одни оставляли свою работу, другіе покидали свои стада и всѣ сбѣгались слушать ее» [4]). Но, кромѣ такихъ пріятныхъ занятій, Евгенія благотворила, по мѣрѣ силъ, крестьянамъ, жившимъ около ихъ замка. Однажды она услыхала о бѣдственномъ положеніи крестьянина Ѳомы, у котораго была больна дочь-вдова, услыхала, что кромѣ него, некому было

[1]) «Дѣтское Чтеніе», X ч., 168.
[2]) Ibid., 170.
[3]) Ibid., 171.
[4]) Ibid., 177.

работать на всю семью, и что «больная лежитъ въ чистой горницѣ и на довольно хорошей постели и что старикъ живетъ въ амбарушкѣ и спитъ на соломѣ и что, однимъ словомъ, Ѳома былъ самой честной и нещастной мужикъ во всей деревнѣ, самый лучшій братъ и дѣдушка» [1]). Евгенія рѣшилась помочь ему. Какъ разъ въ это время тесть далъ ей 50 луидоровъ на платье; 10 изъ нихъ добродѣтельная Евгенія рѣшила пожертвовать Ѳомѣ. Но, когда она подошла къ избѣ Ѳомы и увидала старика, спящимъ на землѣ, а внучатъ, бережно защищающихъ его отъ солнечныхъ лучей и мухъ, она была такъ тронута этимъ зрѣлищемъ, что рѣшилась дать Ѳомѣ 40 луидоровъ, а за 10 сдѣлать себѣ простое платье. Чувствительныя разсужденія ея надъ спящимъ Ѳомой были подслушаны Леонсомъ, и онъ былъ въ восторгѣ отъ своей до бродѣтельной жены... «Этотъ разговоръ, воскликнулъ онъ, далъ мнѣ знать, какой ты любви достойна!» [2]). Тесть былъ также очень доволенъ поведеніемъ своей невѣстки.

Интересенъ по своей сентиментальной наивности разсказъ: «Невольники или сила благодѣянія» [3]). «Снельгравъ, англичанинъ, былъ корабельнымъ капитаномъ и славился своимъ человѣколюбіемъ» [4]). Впрочемъ, это не помѣшало ему на всю жизнь посвятить себя торговлѣ неграми, потому что почти всѣ ужасы этой торговли происходятъ, по понятію автора, исключительно отъ «непокорности невольниковъ» [5])... Между другими неграми купилъ достойный капитанъ одну женщину, которая была внѣ себя отъ горя, такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ потеряла сына. Снельгравъ, сойдя какъ-то во время пути на берегъ, наткнулся на толпу дикарей, занятыхъ приготовленіями къ жертвоприношенію: они готовились заколоть для этой цѣли мальчика. Снельгравъ былъ возмущенъ: «человѣколюбіе не дало ему времени подумать о числѣ и свирѣпости окружавшихъ его Арабовъ» [6]),—онъ бросается на нихъ и освобождаетъ мальчика, «съ восхищеніемъ беретъ его въ свои объятья и прижимаетъ къ своему сердцу» [7]).

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», 180.
[2]) Ibid., 183.
[3]) Ibid., XIII ч., 51.
[4]) Ibid., 51.
[5]) Ibid.,
[6]) Ibid., 54.
[7]) Ibid., 55.

Мать, признавшая въ спасенномъ мальчикѣ сына, завѣряетъ Спельграва, что «*теперь* (!) она — его невольница навѣки и будетъ всегда послушной и покорной». Всѣ другіе невольники, узнавъ, въ чемъ дѣло, тоже были очень тронуты поступкомъ своего благороднаго господина и поклялись ему повиноваться. Во все время путешествія они ему «оказывали такое почтеніе и повиновеніе, какое только отецъ можетъ ожидать отъ дѣтей своихъ» [1]). Такимъ образомъ, благодаря своему великодушному поступку, капитанъ доставилъ «живой товаръ» благополучно и продалъ, конечно, выгодно.

Характеренъ также разсказъ: «Пустынники въ Нормандіи» [2]), — въ которомъ дѣйствующими лицами являются пастухъ Мишель и коровница Жакелина. Оба были недалеки, но сердца имѣли добрыя [3]). Смерть хозяина заставила ихъ покинуть насиженное мѣсто и идти, куда глаза глядятъ... Они буквально такъ и сдѣлали,—пошли, «не зная куда» [4]). Послѣ долгихъ блужданій, они вышли однажды на какую-то лѣсную лужайку и, осмотрѣвшись, рѣшили, что здѣсь поселятся навсегда. Нужно было строить шалашъ, но мысль, что «нельзя безъ позволенія рѣзать вѣтвей», заставила ихъ пойти и спросить у владѣльца лѣса позволенія рѣзать вѣтви. Владѣльцомъ былъ аббатъ монастыря,— и вотъ, между нимъ и Мишелемъ, отцомъ семейства, происходитъ интересный діалогъ. *Мишель*: «Тамъ (на лужайкѣ, имъ выбранной для устройства жилья) есть кроссъ, земляника, орѣхи, чистая вода; мы будемъ жить, какъ въ раю!» — *Аббатъ*: «А зимой?» — *Мишель*: «Зимой?.. Мы о зимѣ не думали!» [5]).. Аббатъ далъ ему хлѣба и яблоковъ, и Мишель въ восторгѣ вернулся къ своей семьѣ. Жена «немного побранила его, что онъ не купилъ большого ножа, которымъ бы ловко срѣзывать вѣтви» [6]). Однако, обошлись и съ «маленькими ножичками» [7]). Семья поселилась въ лѣсу и блаженствовала; только зимою было немного холодно. Но неожиданно судьба нормандскихъ пустынниковъ измѣнилась, трудно сказать, къ лучшему-ли: на ихъ шалашъ наѣхала

[1]) «Дѣтское Чтеніе», XIV, 63.
[2]) Ibid., 56.
[3]) Ibid., 58.
[4]) Ibid., 60.
[5]) Ibid., 57.
[6]) Ibid., 64.
[7]) Ibid., 65.

какая-то принцесса, умилилась при видѣ ихъ жизни, построила имъ домъ, дала полный инвентарь и сама пріѣхала къ нимъ на новоселье...

Изъ этого краткаго очерка нѣкоторыхъ повѣстей Жанли мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о всѣхъ другихъ повѣстяхъ ея, переведенныхъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи». Всѣ онѣ въ художественномъ отношеніи слабы, незначительны, хотя богаты моралью, особенно бросающейся въ глаза...

Впрочемъ, въ исторіи европейскаго романа повѣсти Жанли имѣютъ нѣкоторое значеніе: передъ нами произведенія, интересъ которыхъ заключается уже не въ быстрой смѣнѣ приключеній, а въ психологіи героя. Не менѣе любопытны и дѣйствующія лица, которыми не гнушалась Жанли: таковыми у нея являются, напримѣръ, пастухъ и коровница, герои, въ которыхъ, на ряду съ сентиментальными чертами, уже замѣтно просвѣчиваетъ реализмъ.

Карамзинъ не просто перевелъ эти повѣсти: онъ счелъ долгомъ набросить національный колоритъ на нихъ. Для этого онъ переиначилъ нѣкоторыя фамиліи и имена на русскій ладъ, употребилъ русскія названія городовъ, кое-гдѣ постарался даже поддѣлаться подъ русскій простонародный языкъ. Этой слабой и неудачной попыткѣ внести русскую народность въ повѣстушки, переведенныя съ французскаго, мы склонны придать большое значеніе: уже 20-ти съ небольшимъ лѣтъ Карамзинъ сознавалъ необходимость сообщить русской литературѣ недостающій ей характеръ народности. Если это сознаніе было въ то время у него и очень смутнымъ, а потому первая попытка, оказалась неудачной, то теперь отъ дальнѣйшей его дѣятельности можно было ждать бо́льшей сознательности въ стремленіи къ націонализму и бо́льшей результатности въ проявленіи его.

Повѣсти Жанли были важны для Карамзина еще и въ томъ отношеніи, что идеализмъ его нашелъ въ нихъ довольно богатую пищу: цѣлый рядъ подтверждающихъ примѣровъ и необходимыхъ доказательствъ встрѣтилъ онъ въ этихъ повѣстяхъ... Правда, идеализмъ Жанли былъ болѣе сухимъ, болѣе разсудочнымъ, чѣмъ карамзинскій, но всетаки во многихъ

взглядахъ Карамзинъ сошелся съ французской писательницей. Въ произведеніяхъ ея онъ встрѣтился съ знакомой уже ему проповѣдью «умѣренности», на ряду съ самыми убѣдительными примѣрами: «всякая чрезмѣрность, называемая страстью, производитъ худые плоды» [1]). «Естьли не будетъ въ васъ умѣренности, то вы никогда и ни въ чемъ не найдете истиннаго удовольствія» [2]). «Чрезмѣрное наслажденіе погубляетъ щастье наше» [3]). «Кто хочетъ быть щастливъ, тому надобно учиться быть добродѣтельнымъ» [4]). «Легко предохранить себя отъ страстей, но побѣдить ихъ очень трудно»,— для этого надо «пріучиться во всемъ требовать совѣта отъ разума» [5]). «Безъ разсудка — нѣтъ щастья» [6]). «Истинная любовь есть только та, которую утверждаетъ разсудокъ и добродѣтель» [7]). Въ этомъ превознесеніи разума видимъ мы ученицу раціоналистовъ, которая даже идеализму придала раціональную окраску... Въ англійской, нѣмецкой и швейцарской литературѣ идеализмъ принялъ болѣе «чувствительный» характеръ. Тамъ мы у нѣкоторыхъ писателей отмѣтили даже униженіе разума предъ чувствомъ (особенно у Руссо и Стерна). Не то мы видимъ у Жанли: она договаривается порой прямо до утилитаризма: «Доброе дѣло бываетъ всегда намъ самимъ полезно» [8]). «Великодушное дѣйствіе и въ самомъ здѣшнемъ мірѣ никогда безъ награжденія не остается» [9]). «Полезно для насъ самихъ не мстить врагамъ нашимъ» [10]) и т. п.

Кромѣ того, для біографа Карамзина небезъинтересно знать, что въ бо́льшей половинѣ повѣстей Жанли герои и героини предпринимаютъ обширныя путешествія, полезныя «для сердца и разума» [11]). Это обстоятельство могло только упрочить завѣтную мечту Карамзина предпринять поѣздку заграницу...

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», IX ч., 152.
[2]) Ibid., 40.
[3]) Ibid., 71.
[4]) Ibid., 65.
[5]) Ibid., 151.
[6]) Ibid., 148.
[7]) Ibid., X, 121.
[8]) Ibid., XIII, 57.
[9]) Ibid., IX, 189.
[10]) Ibid., XIII, 60.
[11]) Ibid., X, 59. 139. 177; XIII, 116; XIV, 7; XV, 32. 37.

Въ «Дѣтскомъ Чтеніи»-же появились и первыя оригинальныя прозаическія произведенія Карамзина: «Прогулка» [1]) и «Евгеній и Юлія, истинная русская повѣсть» [2])...

Первое изъ названныхъ произведеній есть сентиментальное стихотвореніе въ прозѣ, важное для насъ совершенно настолько же, какъ и то стихотвореніе—«Поэзія», выдержки изъ котораго приводили мы уже неоднократно. Если въ «Поэзіи» прямо высказываются взгляды Карамзина на его учителей-писателей, то «Прогулка» даетъ намъ богатый матеріалъ для выясненія, насколько уроки этихъ учителей оказались плодотворны. Понятно поэтому, что исторія происхожденія этого небольшого прозаическаго произведенія тѣсно связана съ жизнью самого Карамзина, или, точнѣе, съ той половиной этой жизни, которая была всецѣло посвящена имъ изящной литературѣ. На этомъ очень небольшомъ произведеніи (12 стр. при маленькомъ форматѣ страницы и крупномъ шрифтѣ) мы имѣемъ полную возможность видѣть, какъ сильны были надъ нимъ въ это время вліянія Томсона, Клейста, Юнга, Бонне... «Никакое годовое время не бываетъ для меня такъ пріятно, какъ *весна!*» [3]) восклицаетъ онъ въ началѣ произведенія, очевидно, подъ вліяніемъ тѣхъ сентиментальныхъ поэтовъ, которые воспѣваютъ весну. Съ Томсономъ въ рукахъ [4]), отправляется авторъ за городъ. Тихій, весенній вечеръ легко настроилъ его душу на идиллическій ладъ: «облегченіе, свободность, веселіе, вливались въ меня съ воздухомъ!» [5])... Засыпающая природа напомнила ему описанія весеннихъ вечеровъ у Томсона и Клейста, — и пейзажъ въ ихъ вкусѣ сейчасъ же раскинулся передъ его глазами [6]). Мало по малу, заходящее солнце обратило на себя его вниманіе: онъ предался той религіозно-сентиментальной философіи, которую находилъ въ сочиненіи Бонне, «Созерцаніе Натуры» [7]). «Я размышлялъ и чувствовалъ, разсказываетъ Карамзинъ, мысль сцѣплялась съ мыслію, чувство сливалось съ чувствомъ...» [8]). Но, вотъ солнце скрылось... Всю землю по-

[1]) «Дѣтское Чтеніе», XVIII, 161.
[2]) Ibid., 177.
[3]) Ibid., 161.
[4]) Ibid., 162.
[5]) Ibid., 162.
[6]) Ibid., 161.
[7]) Ibid., 162—3.
[8]) Ibid., 164.

крылъ мракъ, — и восторженное настроеніе сентиментальнаго автора исчезло,—ужасъ овладѣлъ имъ: земля представилась ему хаосомъ, и, соотвѣтственно этому, настроеніе его души сдѣлалось мрачнымъ [1]). Но «...разсѣялись облака, открылась свѣтлая небесная лазурь, блистательными звѣздами усѣянная» [2]), — и авторъ вспоминаетъ ту картину ночи, которую нарисовалъ въ своемъ произведеніи «Йонгъ»: «упоенный сими восторгами, воспѣлъ онъ намъ красоту нощи, красоту твою, цѣломудренная Цинтія (Юнгъ такъ называлъ луну)—и пѣснь, и пѣвецъ безсмертными учинились. Имя Йонгово будетъ во вѣки священно для тѣхъ, которые, имѣя нѣжныя сердца, чувствуютъ красоты Натуры, чувствуютъ достоинство человѣка...» [3]). Мимоходомъ, стараясь пережить тѣ чувства, какія испытывалъ Юнгъ, «взирая на небесное пространство въ тысячи звѣздъ, увѣрился я, восклицаетъ Карамзинъ, въ истинѣ Виландова замѣчанія. Подлинно, никогда человѣкъ такъ сильно не ощущаетъ сродства своего съ Духами, какъ въ тихое время ночи, когда, удалясь отъ всѣхъ людей и забывъ все мірское, смотритъ на лазурное небо!» [4]). Мысль о полномъ уединеніи опять ведетъ его къ сравненію себя съ Юнгомъ, который имѣлъ обыкновеніе предаваться меланхолическимъ мечтамъ именно въ то время, когда все кругомъ было тихо... «Буди благословенна тишина уединенія, восклицаетъ Карамзинъ, и въ то время, какъ все видимое твореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ и утишай въ немъ всякое волненіе, производимое бурями общежитія!» [5]) и т. д. Подобное напряженное состояніе души скоро утомляетъ его: «я лежалъ на мягкой, благовонной травѣ, питался чистѣйшимъ воздухомъ, внималъ пѣснѣ соловья и журчанью потоковъ, чувствуя во всемъ своемъ составѣ нѣкоторое пріятное разслабленіе» [6]). Мечтатель задремалъ и проснулся на ранней зарѣ... Картина природы, освѣженной сномъ, пѣсни пташекъ, видъ свѣжей зелени, — все это наполняетъ его сенти-

[1]) «Дѣтское Чтеніе», XVIII, 166.
[2]) Ibid., 167.
[3]) Ibid., 167.
[4]) Ibid., 168.
[5]) Ibid., 169—170.
[6]) Ibid., 173.

ментальную душу тѣмъ же самымъ чувствомъ, которое волновало и тѣхъ писателей, которые до него описывали уже подобныя картины природы (Геснеръ, Клейстъ...)

Весьма возможно, что Карамзинъ могъ совершать подобныя прогулки на лоно природы, тѣмъ болѣе, что о нихъ онъ не разъ упоминаетъ и въ своихъ произведеніяхъ. Не отрицаемъ мы и того, что Карамзинъ во время этихъ прогулокъ испытывалъ чувства, подобныя тѣмъ, какія описаны имъ въ этомъ произведеніи; но важнымъ является въ нашихъ глазахъ то обстоятельство, что именно эти же чувства, въ подобной же обстановкѣ, испытывали до него писатели, передъ которыми онъ благоговѣлъ, съ произведеніями которыхъ онъ не разставался, которыхъ онъ зналъ чуть не наизусть: немудрено, что изъ нихъ черпалъ онъ очень часто свои вдохновенія совершенно безсознательно, самъ не замѣчая того... «Прогулка» была плодомъ «вдохновенія по имѣющимся образцамъ», была «школьнымъ» произведеніемъ того періода, когда ученикъ лишь повторяетъ сказанное ему учителемъ,—и, дѣйствительно, мотивы Юнга, Томсона, Геснера, Бонне смѣняютъ другъ друга въ этомъ произведеніи... Тѣмъ не менѣе, эта маленькая статья очень любопытна для насъ, какъ первая попытка Карамзина произвести анализъ своей чувствительной души, услѣдить всѣ изгибы, оттѣнки своего воспріимчиваго сердца... Кромѣ того, въ русской литературѣ это было первое «стихотвореніе въ прозѣ», написанное художественнымъ языкомъ, будящее чувство, волнующее читателя... Съ легкой руки Карамзина былъ введенъ этотъ новый видъ лирическаго произведенія, и, въ теченіе многихъ лѣтъ, большинство русскихъ журналовъ печатали подобныя «Прогулки».

Очень интересно также второе изъ названныхъ выше прозаическихъ произведеній Карамзина — «Евгеній и Юлія, истинная русская повѣсть» — первый опытъ въ области того творчества, которое впослѣдствіи особенно прославило Карамзина.

Содержаніе этой повѣсти очень несложно: Г-жа Л* съ дочерью покойной своей пріятельницы, жила въ деревнѣ... «Подобно тихой прозрачной рѣкѣ текла мирная жизнь ихъ,

струившаяся невинными удовольствіями и чистыми радостями» [1]). «Праздность и скука не смѣли къ нимъ приблизиться» [2]), потому что онѣ всегда были чѣмъ-нибудь заняты: «вставая до солнца, любовались онѣ природой» [3]), «осматривали цвѣты» [4]); «послѣ обѣда хаживали онѣ смотрѣть полевыя работы поселянъ, которые въ присутствіи ихъ трудились съ радостью» [5]). Вечеромъ опять любовались природой и «слушали, какъ они (крестьяне), бывъ довольны успѣхомъ работъ своихъ, въ простыхъ пѣсняхъ благословляютъ мать-Натуру и участь свою...» [6]). «Когда же наступала пасмурная осень..., или свирѣпая зима потрясала міръ бурями своими; когда въ нѣжное Юліино сердце вкрадывалась томная меланхолія..., тогда брались за книги, безсмертныя творенія истинныхъ философовъ, писавшихъ для пользы рода человѣческаго..., тогда читали и перечитывали письма любезнаго Евгенія, учившагося въ чужихъ краяхъ...» [7]). Черезъ нѣсколько времени вернулся Евгеній изъ-заграницы и, сохраняя въ сердцѣ прежнюю любовь къ Юліи, подругѣ дѣтства, пожелалъ возобновить прежнія сердечныя отношенія,—«Юлія отвѣчала ему одною улыбкою, но сія улыбка сказывала ему все. Госпожа Л* въ радости обнимала сына своего и Юлію...» [8]). Подъ покровительствомъ нѣжной матери, юные любовники вполнѣ наслаждались своей невинной любовью: «гуляя при свѣтѣ луны, разсматривали звѣздное небо и дивились величеству Божію; внимая шуму водопада, разсуждали о безсмертіи... Сколько высшихъ нѣжныхъ мыслей сообщали они другъ другу, бывъ оживляемы духомъ Натуры!» [9]). Однажды, мать призвала Евгенія къ себѣ и сказала ему: «я готовила васъ другъ для друга. Вы другъ друга достойны, другъ друга любите, — совершите же благополучіе мое, и соединитесь вѣчнымъ священнымъ союзомъ» [10]). Счастью молодыхъ людей не было предѣловъ! «Блаженныя *патріархальныя* (?) времена! восклицаетъ умиленный авторъ, времена.

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», XVIII. 177.
[2]) Ibid., 177.
[3]) Ibid., 178.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid., 179.
[7]) Ibid.
[8]) Ibid., 182.
[9]) Ibid., 183.
[10]) Ibid., 185.

въ которыя добродѣтельный юноша, безъ всякой боязливой застѣнчивости, означающей растлѣнную пороками душу, прижимаетъ къ груди своей добродѣтельную дѣвицу!» [1]). «Есть ли бы Рафаель увидѣлъ сію сцену, то онъ забылъ бы писать картину и въ восхищеніи бросилъ бы кисть свою!» [2]). Всѣ домашніе любили Евгенія и Юлію, и поэтому радовались ихъ счастью. «Всякій спѣшилъ къ обѣднѣ, всякій хотѣлъ отъ всего сердца молиться о благополучіи ихъ. Какое зрѣлище для Ангеловъ!» [3]).

Но счастье добродѣтельныхъ молодыхъ людей было непродолжительнымъ: «отъ великой радости» у Евгенія сдѣлалась горячка, и черезъ 9 дней, «на самомъ разсвѣтѣ душа Евгеніева оставила бренное тѣло» [4]). Одинъ чувствительный человѣкъ, узнавъ о судьбѣ Евгенія, написалъ на его могильной плитѣ:

«Сей райскій цвѣтъ не могъ въ семъ мірѣ распуститься, —
«Увялъ, изсохъ, опалъ — и въ рай былъ пренесенъ...» [5])

— а «Г-жа Л* и Юлія лишились въ сей жизни всѣхъ удовольствій и живутъ во всегдашнемъ меланхолическомъ уединеніи. Самая природа, бывшая нѣкогда для нихъ источникомъ радостей, представляется или мрачной, или запустѣвшей...» [6]).

Характеръ повѣсти, группировка ея героевъ, типы ихъ и общій тонъ всего произведенія невольно заставляютъ насъ припомнить тѣ повѣсти Жанли, переводами которыхъ Карамзинъ заполнилъ весь предыдущій годъ «Дѣтскаго Чтенія». Болѣе внимательное сравненіе произведеній обоихъ авторовъ заставляетъ насъ признать, что разница между ними только и заключается въ чисто внѣшней планировкѣ дѣйствій и въ разныхъ степеняхъ опытности авторовъ. Въ то время, какъ Жанли обрабатываетъ въ большинствѣ случаевъ сюжеты, дѣйствительно, болѣе сложные и даже болѣе интересные, — Карамзинъ выбралъ и разработалъ сюжетъ болѣе блѣдный... Впрочемъ, этотъ выборъ можно, пожалуй,

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», XVIII, 186.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 189.
[5]) Ibid., 190.
[6]) Ibid., 191.

объяснить нѣкоторою связью съ жизнью Карамзина... Или, дѣйствительно, такое событіе случилось съ какою-нибудь семьей, знакомой ему, и «чувствительнымъ человѣкомъ», сочинившимъ трогательную эпитафію, былъ самъ Карамзинъ,—или повѣсть эта — плодъ его мечтательнаго воображенія, возбужденнаго зарождающимся чувствомъ къ младшей сестрѣ Плещеевой (будущей его женѣ), съ которой онъ познакомился именно въ 1788 г. [1]). Если это предположеніе вѣрно, то въ лицѣ Евгенія, Карамзинъ могъ изобразить себя, и на предполагаемую заграничную переписку его съ семействомъ Плещеевыхъ можно найти намекъ въ словахъ: «тогда читали и перечитывали письма любезнаго Евгенія, учившагося въ чужихъ краяхъ...» [2]). Печальный же конецъ повѣсти могъ быть плодомъ того услужливаго воображенія, которое сентиментальному человѣку часто рисуетъ мрачныя картины. Робость передъ неизвѣстнымъ будущимъ, наканунѣ большого путешествія, конечно, могла принести ему подобныя настроенія, и, мы знаемъ, что, мѣняя родину, друзей и родныхъ на неизвѣстное будущее, Карамзинъ, дѣйствительно, робѣлъ и нѣсколько терялся... Въ описаніи жизни Г-жи Л* и Юліи въ деревнѣ, могла быть опоэтизирована жизнь Плещеевой съ ея сестрой въ ихъ подмосковной, гдѣ впослѣдствіи часто и подолгу гостилъ и Карамзинъ... Впрочемъ, все это одни предположенія, а біографическіе матеріалы за это время жизни Карамзина такъ скудны, что основывать эти гипотезы мы можемъ лишь на намекахъ...

И положительныя, и отрицательныя черты сентиментализма ясно выразились въ этой повѣсти. Посвящена она изображенію «идеальнаго» чувства: нѣжная, чистая любовь молодыхъ людей, любовь матери, любовь поселянъ, — все это чувства возвышенныя, о многомъ говорящія сентиментальному человѣку... Герои, дѣйствующіе въ этой повѣсти, всѣ — люди добродѣтельные, всѣ обладаютъ «прекрасными душами», всѣ были «идеалами» въ глазахъ поклонниковъ сентиментальной литературы...

[1]) Карамзинъ, «Письма къ брату», «Атеней», 1858, 15.
[2]) «Дѣтское Чтеніе», XVIII, 179.

Отрицательныя-же стороны сентиментализма сказались, хотя бы въ слѣдующемъ: «Г-жа Л* и Юлія, къ которымъ «праздность и скука не смѣли приблизиться», потому что онѣ были заняты съ ранняго утра до поздней ночи и проводили все время, любуясь «Натурой» или «осматриваньемъ цвѣтовъ», — представляютъ изъ себя типичное воплощеніе крайностей сентиментализма: эстетическое наслажденіе занимаетъ все ихъ время и заполняетъ всю ихъ жизнь,—а эта игра со своими чувствами часто дѣлала изъ сентиментальнаго человѣка нѣчто, безполезное въ жизни. Крестьяне, благословляющіе въ простыхъ пѣсняхъ «мать-Натуру и участь свою», тоже написаны красками, болѣе чѣмъ на половину разбавленными сентиментальной ложью. Евгеній, на радостяхъ схватившій горячку, оказывается черезчуръ чувствительнымъ, точно также и Юлія, «въ нѣжное сердце» которой осенью «вкрадывалась томная меланхолія и тихими вздохами колебала грудь ея» [1]). Наконецъ, и впечатлѣніе смерти Евгенія обнаружило въ обѣихъ героиняхъ одну изъ самыхъ рѣзкихъ особенностей сентиментализма — способность жить однимъ чувствомъ: послѣ смерти Евгенія, любовью къ которому жили обѣ героини, для нихъ ничего не существуетъ: «самая природа, бывшая нѣкогда для нихъ источникомъ радостей, представляется или мрачной, или запустѣвшей» [2])...

Художественности повѣсти помѣшало желаніе автора сочетать поэтическій вымыселъ съ тѣмъ матеріаломъ, который, вѣроятно, дала ему жизнь. Это стремленіе автора къ поэтизаціи реальнаго, сказывается въ цѣломъ рядѣ картинъ, въ которыхъ нѣтъ житейской правды.

Впрочемъ, значеніе этой повѣсти не уменьшается отъ ея недостатковъ, вполнѣ понятныхъ въ первомъ опытѣ. Во-первыхъ, важно для насъ, что Карамзинъ уклонился въ своей повѣсти отъ всякой морали: онъ нарисовалъ, какъ умѣлъ, «идеальныхъ» людей, заставилъ ихъ жить, чувствовать, страдать,—и читатель узналъ въ нихъ «добродѣтельныхъ» людей, безъ подсказа автора. Такимъ образомъ, это была попытка

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», XVIII, 179. [2]) Ibid., 191.

прибѣгнуть къ чисто художественному пріему проведенія своихъ идеаловъ въ публику литературнымъ путемъ. Во-вторыхъ, для историка важно это произведеніе, какъ ранній образчикъ «истинной русской повѣсти»: это была первая «русская», т. е. оригинальная повѣсть изъ русской жизни, и первая «истинная», вѣроятно, потому, что сюжетъ былъ данъ Карамзину жизнью. Если первый опытъ былъ, съ нашей современной точки зрѣнія, и не совсѣмъ удаченъ, — въ глазахъ историка, важно самое желаніе автора взяться за подобныя темы...

Что касается до духовнаго облика Карамзина, облика, уже принявшаго въ это время опредѣленныя черты, то особенно полно отразился онъ въ той перепискѣ, о которой мы уже не разъ говорили, — перепискѣ съ Лафатеромъ.

Въ этихъ письмахъ отпечатывается съ необыкновенною яркостью и опредѣленностью личность Карамзина не задолго до его путешествія: искренній, откровенный—онъ на нѣсколькихъ страницахъ раскрылъ себя,—и намъ не трудно теперь возсоздать его образъ.

Передъ нами, прежде всего, юноша, горящій желаніемъ совершенствоваться: онъ хочетъ обогатить свой умъ знаніями [1]), свое сердце—хорошими вліяніями [2]),—въ этомъ отношеніи у него нѣтъ самолюбія: онъ ищетъ добра вездѣ, гдѣ лишь разсчитываетъ найти его. Онъ — воспитанникъ той «идеалистической» школы, которая питалась Геллертомъ и подобными педагогами [3]). У него — любвеобильное сердце, и свои симпатіи онъ щедро раздаетъ повсюду, даже заглазно. Припомнимъ, какъ онъ трогательно объяснялся въ любви тому Лафатеру, котораго онъ зналъ только по наслышкѣ: «Господи! восклицаетъ онъ, для чего я родился такъ далеко отъ того, кого сердце мое такъ сильно любитъ и такъ высоко чтитъ» [4])... Онъ жалѣетъ, что не живетъ «тамъ», гдѣ голосъ Лафатера призываетъ сердца юношей къ истинной мудрости. «О, еслибъ я могъ увидать этого великаго человѣка!», читаемъ мы далѣе, «о, какимъ счастливцемъ считалъ бы я себя тогда!» [5]). Первое письмо

---

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру». 16.

[2]) Ibid., 2, 4, 8 и др. [3]) Ibid., 20. [4]) Ibid., 2. [5]) Ibid., 4.

онъ послалъ въ Цюрихъ только для того, чтобы излить передъ Лафатеромъ чувства своего юнаго, восторженнаго сердца [1]).

Кромѣ этой любвеобильности Карамзина бросается въ глаза и та экспансивность, та восторженность, съ какою выражаются его чувства. Это уже одинъ изъ признаковъ «чувствительности» сердца, той тонкой воспріимчивости, которая быстро схватываетъ впечатлѣнія и отзывается на нихъ бурно, тревожно... Это — довѣрчивый юноша, вѣрящій силѣ своего слова, полнаго любви, юноша, съ наивной душой, открытой для всякаго, юноша, однако, знающій уже себѣ цѣну, уже зараженный немного самомнѣніемъ.

Наконецъ, мы должны вѣрить ему, что его чувствительное сердце уже часто тосковало и тогда «меланхолія» овладѣвала имъ,—хотя, съ другой стороны, письма его къ Лафатеру дышатъ такой бодростью душевной, такъ юны, свѣжи, такъ увлекательны обиліемъ жизни и силы, что хочется намъ припомнить слова Петрова, не очень довѣрявшаго карамзинской «меланхоліи»: «долженъ тебѣ сказать, пишетъ онъ, что совсѣмъ не понимаю, какъ можешь ты почитать свое состояніе столь мрачнымъ, какимъ ты его описываешь. Не погнѣвайся, я думаю, чтъ ты самъ отчасти виноватъ въ тѣхъ непріятностяхъ, которыя терпишь и *хочешь безпрестанно скучать*» [2]).

Итакъ, отчасти эта «меланхолія» была «гарольдовымъ плащемъ», въ который драпировался *иногда* юноша [3]). Очень можетъ быть, — тѣмъ болѣе, что, въ сущности, Карамзинъ въ юности былъ «веселымъ» человѣкомъ. Такимъ рисуетъ его намъ Дмитріевъ въ разсказѣ о встрѣчѣ съ Карамзинымъ въ Москвѣ: «*тотъ же веселый* нравъ, *ту же любезность*» нашелъ онъ у своего юнаго друга, несмотря на мрачную масонскую обстановку, въ которой тотъ тогда жилъ [4]). Да и самъ Карамзинъ вспоминаетъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ о «*веселыхъ*» московскихъ вечерахъ, проведенныхъ въ обществѣ Кутузова [5]).

Это обстоятельство позволяетъ намъ прибавить къ портрету Карамзина еще «веселость», немаловажную черту его

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 32.
[2]) «Р. Арх.», 1863, 884.
[3]) Ibid.
[4]) Д—въ. Соч., II, 26—7.
[5]) Карамзинъ, Соч., II, 58.

характера, лишь изрѣдка смѣнявшуюся «припадками меланхоліи» [1]), когда юноша цѣлые ночи проводилъ безъ сна [2]), иногда тоскуя отъ безсилія справиться съ томившими его юную голову вопросами, иногда—отъ потери вѣры въ свой оптимизмъ [3])...

Съ фактической стороны біографія Карамзина за время его жизни въ кругу Новикова не отличается богатствомъ событій. Самъ Карамзинъ назвалъ эту жизнь «не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной» [4]). Въ кругу масоновъ развился юноша, окрѣпъ нравственно, обогатился знаніями и духовными интересами, но мистикомъ не сдѣлался. Съ каждымъ днемъ вліяніе сентиментальной литературы сказывалось на немъ все сильнѣе, и онъ все дальше отходилъ отъ масонства [5])... «Я былъ обстоятельствами вовлеченъ въ это общество въ молодости моей», разсказывалъ впослѣдствіи Карамзинъ друзьямъ о своихъ отношеніяхъ къ масонамъ: «и не могъ не уважать въ немъ людей, искренно и безкорыстно искавшихъ истины и преданныхъ общеполезному труду. Но я никакъ не могъ раздѣлить съ ними убѣжденія, будто для этого нужна какая-либо таинственность,—и не могли мнѣ нравиться ихъ обряды, которые всегда казались мнѣ нелѣпыми» [6]). Жаждой дѣятельности онъ былъ вовлеченъ въ ихъ общество и на первыхъ порахъ не замѣтилъ той формы, подъ которой удовлетворялась эта жажда, но, когда обратилъ на нее вниманіе, охлажденіе его къ кружку дѣлается особенно замѣтнымъ; его свѣтлый разсудокъ запротестовалъ противъ туманнаго мистицизма, а сознаніе развившихся силъ и способностей потребовало для нихъ широкихъ и свободныхъ путей. Тихая, полумонашеская жизнь молодыхъ новиковскихъ мистиковъ начала тяготить его и заставила искать выхода для своей самостоятельности. Подъ вліяніемъ Карамзина, и Петровъ, какъ будто, началъ отдаляться отъ масонства. По крайней мѣрѣ, литературная дѣятельность обоихъ друзей прини-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 1—2.

[2]) Ibid.

[3]) См. 6-е Примѣчаніе.

[4]) Карамзинъ, Соч., II, 2.

[5]) Ibid., 205.

[6]) Пыпинъ, «Н. М. Карамзинъ», I, 68—9. См. также: Сербиновичъ, «Русск. Стар.», 1871, XI, 211; М. Дмитріевъ, «Мелочи...», 58.

маетъ постепенно новый характеръ: Петровъ уже не выпускаетъ въ свѣтъ мистическихъ сочиненій, а Карамзинъ не занимается переводами мистико-философскихъ сочиненій: оба обратились, главнымъ образомъ, къ изящной литературѣ. Эта общность въ измѣненіи интересовъ сказалась и въ уцѣлѣвшихъ письмахъ Петрова къ Карамзину: въ болѣе позднихъ изъ нихъ уже нѣтъ ни намека на какія-нибудь масонскія празднества; ихъ живая, сердечная рѣчь, то шутливая, то грустная, не только никогда не впадаетъ въ тонъ ханжества, но не имѣетъ даже религіознаго колорита, столь обычнаго въ письмахъ большинства масоновъ. Чувствуя очень мало общаго съ кругомъ Новикова, и не желая, вѣроятно, быть въ ложномъ положеніи по отношенію къ масонамъ, Карамзинъ не поколебался открыто порвать тѣ слабыя нити, которыя связывали еще его съ ними. «Передъ моей поѣздкой заграницу, говоритъ Карамзинъ, я откровенно заявилъ въ этомъ обществѣ, что, не переставая питать уваженіе къ почтеннымъ членамъ его и признательность за постоянное доброе ко мнѣ расположеніе, я, однако же, по собственному убѣжденію, принимать далѣе участія въ ихъ собраніяхъ не буду и долженъ проститься. Отвѣтъ ихъ былъ благосклонный: сожалѣли, но не удерживали и на прощанье дали мнѣ обѣдъ. Мы разошлись дружелюбно» [1]). Впрочемъ, эта «дружелюбность» была только видимою: масоны не простили Карамзину его отступничества, что сказалось хотя бы въ перепискѣ ихъ съ Кутузовымъ [2]),—ихъ отношенія навсегда сдѣлались холодными [3]).

Черезъ масоновъ сошелся Карамзинъ съ семьей Плещеевыхъ; особенно привязался онъ къ хозяйкѣ дома; къ ней чувствовалъ не то сыновнее, не то дружеское чувство, которое выразилось въ его письмахъ къ Дмитріеву [4]), въ рядѣ посвященій [5]), а также въ стихотвореніи «Къ женщинамъ», въ словахъ:

«...Онъ любилъ:
«Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!» [6])—

[1]) Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», I, 68.
[2]) «Р. Стар.», LXXXVIII, 1896, 332—3, 334, 338—41, 343.
[3]) М. Дмитріевъ, «Мелочи...», 58. [5]) Напр., посвященіе во 2-й кн. «Аглаи».
[4]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 53—4, 55, 62 и мн. др.
[6]) Карамзинъ, Соч., I, 111.

Карамзинъ, кажется, никогда не старался дать себѣ полный отчетъ, какое чувство привязывало его къ этой молодой замужней женщинѣ. О первомъ знакомствѣ съ нею вспоминаетъ онъ въ словахъ:

«Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первый разъ,
«Гармонія сердецъ соединила насъ
«Въ единый мигъ на вѣкъ. Что былъ я?—сиротою...» [1]), —

понятно, теплое вниманіе женщины было особенно дорого чувствительному юношѣ, для котораго съ понятіемъ «женщина» были связаны самыя лучшія, раннія воспоминанія... И вотъ, связанный узами дружбы со всемъ семействомъ Плещеевыхъ, онъ особенно сошелся съ хозяйкой дома, которая—

«...дружбой, искренностью милой
«Утѣшила мой духъ унылый,
«Своей любовію
«Во мнѣ цвѣтъ жизни обновила [2]).

Значеніе этой дружбы для Карамзина замѣчено было и его современниками. Такъ, по словамъ И. Дмитріева, Н. Плещеева играла видную роль въ исторіи его творчества: она дала ему такую обстановку, въ которой юношѣ нетрудно было заниматься: «въ ея семейномъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина» [3]) — разсказываетъ Дмитріевъ. Она, дѣйствительно, нѣсколько «обновила» въ немъ «цвѣтъ жизни», внеся въ эту жизнь ту мягкую женскую симпатію, которая приноситъ съ собою не тревогу, а душевный покой. А этотъ покой нуженъ былъ Карамзину при той массѣ занятій, которыми онъ увлекался въ это время...

Плещеева — лицо очень интересное для біографа Карамзина. Нѣсколько писемъ ея къ Кутузову, попавшихъ въ печать, бросаютъ лучъ свѣта на ту тьму, которая въ послѣднее время дѣятельности нависла надъ московскими масонами и надъ всѣми, кто съ ними тогда соприкасался. Правда, этотъ лучъ не разсѣеваетъ тьмы, но, тѣмъ не менѣе, освѣщаетъ нѣсколько такихъ явленій, которыя еще разъ заставляютъ насъ сказать, что о масонствѣ Новикова мы пока знаемъ очень мало. Изъ первыхъ

[1]) Карамзинъ, Соч., I, 110. [2]) Ibid., 111. [3]) И. Дмитріевъ, Соч., II, 51.

писемъ Плещеевой, писемъ въ которыхъ чувствуются и слезы, и страхъ,—видно, что тогда въ новиковскомъ кружкѣ не все было благополучно: какая-то трагедія разыгрывалась тамъ втихомолку на глазахъ у Плещеевой, а она, перепуганная женщина, спасая дорогихъ ей людей, дерзала бороться съ какимъ-то «злодѣемъ» [1]), «Тартюфомъ» [2])... Она пытается вернуть на родину Кутузова: «кто три года чего не могъ сдѣлать, пишетъ она ему, то хоть десять живи, такъ все тоже будетъ. Я вамъ сіе пророчествую и, истинную правду сказать, я никакого успѣха вамъ не желаю, потому что пользы никому быть не можетъ. Вольно вамъ мучиться, жить въ чужой землѣ ни почто, и никто не скажетъ спасибо. *Я сколько-нибудь всѣхъ вашихъ друзей знаю* и лучше хочу для нихъ остаться при моемъ недовѣрчивомъ нравѣ, нежели съ вашей легковѣрностью» [3]).

Изъ этихъ же писемъ узнаемъ мы, что въ путешествіе Карамзинъ отправился не съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ можно было бы подумать, судя по «Письмамъ русскаго путешественника». Оказывается, нѣкоторые масоны отговаривали его ѣхать [4]), Плещеева была противъ этого «вояжа» [5]). И, вдругъ что-то произошло,—и Карамзину *нужно было непремѣнно и поспѣшно уѣзжать* изъ Москвы. «Повѣрите-ли, пишетъ Плещеева Кутузову, что я изъ первыхъ, плакавъ предъ нимъ, просила его ѣхать; другъ вашъ Алексѣй Александровичъ — второй. Таковы были обстоятельства друга нашего, что сіе *непремѣнно было должно сдѣлать. Послѣ этого скажите, возможно-ли было и будетъ любить злодѣя, который всему почти сему главная причина?* Каково разставаться съ сыномъ и другомъ...? А того, кто причиной сему вояжу, вообразить *безъ ужаса* не могу, сколько я зла ему желаю? О, Тартюфъ!» [6]).

Къ сожалѣнію, пока для насъ неясенъ толчокъ, заставившій, наконецъ, Карамзина исполнить свою давнишнюю завѣтную мечту,—вѣдь о путешествіи онъ вслухъ началъ мечтать еще въ апрѣлѣ 1787 г. [7])... Съ теченіемъ же времени

---

[1]) «Р. Стар.». 1874, IX, 63.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 62.
[4]) Ibid., 1896, LXXXVIII. 343.
[5]) Ibid., 1874. IX, 63.
[6]) Ibid.
[7]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру» 18.

эта мечта принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ рѣшенія [1])... Давно путешествіе было «пріятнѣйшей мечтой» Карамзина, давно тревожило его воображеніе и пытливость, даже будило творчесгво: «нѣкогда, разсказываетъ онъ, началъ было я писать романъ, и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя теперь ѣду» [3])... Наконецъ, насталъ желанный день,— и юноша, «размягченный, растроганный», простился съ друзьями, «любезнѣйшими людьми въ свѣтѣ», простился со своей комнатой, столомъ, «гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства» его, съ окномъ, «подъ которымъ сиживалъ, подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало его восходящее солнце»,—простился со всѣмъ, что для него «было драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ жизни, не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной» [4]) — и отправился на чужбину, обогащать свое сердце и разумъ...

Въ заключеніе, оглянемся еще разъ на все прошлое Карамзина, перечислимъ бѣгло тѣ вліянія, которыя принимали участіе въ образованіи его духа, и, наконецъ, постараемся, хотя бы въ общихъ чертахъ, представить себѣ, какимъ онъ былъ, когда, запасшись дорожнымъ «серебрянымъ» перомъ и «записной книжкой», пустился въ далекій путь, разставшись съ друзьями и родиной.

Вся жизнь Карамзина до его путешествія свидѣтельствуетъ, какъ намъ кажется, въ пользу того, что сказано было въ концѣ нашего «Введенія»: «волею судебъ Карамзинъ попалъ въ самую середину потока, увлекавшаго русское общество впередъ, къ той жизни, въ которой все яснѣе и сознательнѣе сказывались «эстетическія», «идеалистическія» и «политическія» стремленія [5]).—Съ самаго дѣтства столкнулся онъ съ могучими вліяніями такихъ личностей, развитыхъ эстетически, какими, напримѣръ, были его мать и «графиня Мирова»,— два женскіе образа, новые для того времени... Потомъ развитой эсте-

[1]) Карамзинъ. «Письма къ Лафатеру», 32, 44. [2]) Ibid., 14—5.
[3]) Карамзинъ. Соч., II, 1. [4]) Ibid., 190. [5]) См. выше, 15 стр.

тически мальчикъ попадаетъ въ гнѣздо нѣмецкаго идеализма,— въ школу Шадена, съ его лекціями по Геллерту,—здѣсь были положены первыя основанія его нравственныхъ убѣжденій. Сближеніе съ Дмитріевымъ, а, чрезъ его посредство, съ широкимъ литературнымъ міромъ, опять сводитъ нашего юношу съ «эстетическими» теченіями времени — и, наконецъ, вліяніе жизни въ кругу Новикова окончательно отливаетъ его въ форму, шлифуетъ и выпускаетъ въ свѣтъ «готовымъ» человѣкомъ, съ прочными «нравственными» и «политическими» идеалами...

Въ то время, когда онъ вступалъ на порогъ, чтобы самостоятельно идти въ міръ Божій, — это былъ юноша, даровитый отъ природы, честный и добродушный, чувствительный и наивный, какъ ребенокъ, воодушевленный вѣрою въ людей, во все свѣтлое и хорошее... Передъ нами—русскій представитель нѣмецкихъ юношей-«die schöne Seele», мечтатель, богатый жизненною энергіею, идеалистъ, весь проникнутый высокими чувствами, полный симпатіи ко всему «человѣчеству», поклонникъ «чистой любви» и «дружбы». Его душа раскрыта и для веселаго, жизнерадостнаго смѣха, и для той тоски, ощущать которую обречены всѣ люди съ высшими запросами. Онъ — оптимистъ, «добродушный философъ», который, однако, въ минуты «сомнѣній» и «разочарованій», знаетъ и припадки пессимизма. Онъ — эстетикъ, обожающій природу и изящныя искусства, онъ—психологъ, интересующійся самопознаніемъ, съ любовью занимающійся своимъ чувствительнымъ сердцемъ... Мистицизма нѣтъ въ немъ и слѣда: передъ нами — «мудрый юноша», съ свѣтлымъ міросозерцаніемъ, прекрасно, всесторонне образованный, знающій основательно европейскую исторію и литературу, знакомый съ философіей, пропитанный моралью XVIII вѣка. Изъ его идеализма и «утѣшительной» философіи логически вытекало увлеченіе политическими утопіями вѣка,—онъ оказывается поклонникомъ «идеальной республики», а, стало быть, и революціоннаго движенія во Франціи. Воспитанный въ преклоненіи передъ западной культурой, ѣдетъ онъ на чужбину, одушевленный чувствами «паломника», хотя въ его многообъемлющей душѣ есть мѣсто и для привязанности къ родинѣ...

Онъ со вниманіемъ прислушивается къ голосу своего сердца, но отнюдь не пренебрегаетъ и голосомъ разума. Это вноситъ своеобразный дуализмъ въ его внутренній міръ, даетъ ему такую разносторонность, какой *нѣтъ у настоящихъ сентиментальныхъ писателей* — отсюда мы въ правѣ заключить о большой долѣ у него критическаго чутья: онъ—внѣ партій: ученикъ Стерна, живущаго только *чувствомъ*, онъ въ то же время и «Анахарсисъ», путешествующій для украшенія *разума* познаніями.

Наконецъ, передъ нами писатель, испробовавшій свое перо, доказавшій, что идеалы и пріемы литературной школы, воспитавшей его, вошли глубоко въ его плоть и кровь, и уже въ первыхъ слабыхъ опытахъ сознательно выступившій на путь литературныхъ новшествъ...

Итакъ, за все время своего развитія пришлось Карамзину испытывать на себѣ воздѣйствія передовыхъ, высшихъ слоевъ русскаго общества. Все время, отзывчивый, даровитый отъ природы, стоялъ онъ лицомъ къ лицу съ той «новой жизнью», которою начала жить тогда Россія, разбуженная реформами Екатерины,—немудрено, что эта новая жизнь положила свои неизгладимыя, несмываемыя печати на его духовный обликъ»,—немудрено, если и вся литературная дѣятельность его будетъ отраженіемъ этой «новой жизни» русскаго общества, его интересовъ и стремленій...

II.

Къ литературной исторіи «Писемъ русскаго путешественника» [1]).

Въ предыдущей главѣ мы старались на основаніи отрывочныхъ и скудныхъ данныхъ, дошедшихъ до насъ, возсоздать съ возможной полнотой образъ юнаго Карамзина до его путешествія, раскрыть его духовный міръ, уяснить его стремленія и интересы, — теперь передъ нами — описаніе его странствій по западной Европѣ, его знаменитыя «Письма русскаго путешественника»... Произведеніе это важно для насъ во многихъ отношеніяхъ: оно было не только «зеркаломъ души» Карамзина, — оно отразило въ себѣ и русскую жизнь, и западноевропейскую... Вмѣстѣ съ тѣмъ, это — самое крупное произведеніе Карамзина за первый періодъ его дѣятельности, задушевнѣйшая исповѣдь юноши, итогъ его занятій, чувствъ и думъ... Ясно, что для біографа Карамзина, для историка его литературной дѣятельности, наконецъ, для историка русской культуры это произведеніе — памятникъ очень цѣнный, много обѣщающій...

Но прежде, чѣмъ дѣлать какія бы то ни было заключенія на основаніи содержанія «Писемъ русскаго путешественника», мы должны раскрыть ихъ литературную исторію, выяснить себѣ, какъ создавалось это произведеніе, каковъ былъ его первичный видъ, что въ немъ принадлежитъ самому автору, что навѣяно или даже взято со стороны. Только послѣ этой аналитической работы мы сумѣемъ найти въ «Письмахъ» тѣ эле-

---

[1]) Перепечатка съ нѣкоторыми измѣненіями нашихъ 3-хъ статей изъ «Извѣстій Отд. русск. яз. слов. Имп. Ак. Наукъ», 1897 г., т. II, кн. 3; 1898, т. III, кн. 1 и 4.

менты, изъ которыхъ могутъ быть, съ достовѣрностью, выведены новыя заключенія, доказаны новыя положенія,—только тогда «Письма русскаго путешественника» дадутъ вѣрные отвѣты на вопросы изслѣдователя.

1.

Происхожденіе «Писемъ».

«Письма русскаго путешественника» печатались въ теченіе четырехъ лѣтъ. Первая половина ихъ появилась въ «Московскомъ журналѣ» (1791 и 1792 гг.), а вторая — въ двухъ частяхъ «Аглаи» (1794 и 1795 гг.). Отдѣльнымъ изданіемъ, въ 4-хъ частяхъ, «Письма» появились, въ 1797 году. Это, по выраженію самого Карамзина, «новое» изданіе снабжено посвященіемъ «семейству Плещеевыхъ»: «къ Вамъ писанное— Вамъ и посвящаю» [1]). Опредѣленность, точность этой фразы, на первый взглядъ, не даетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Очевидно, Карамзинъ писалъ изъ-заграницы письма въ Россію къ друзьямъ своимъ Плещеевымъ, а потомъ издалъ эти письма въ свѣтъ. Такой взглядъ на происхожденіе «Писемъ русскаго путешественника» прочно установился въ нашей литературѣ и высказывался въ работахъ Погодина [2]), Грота [3]),

---

[1]) Въ экземплярѣ, принадлежащемъ Имп. Публичной Библіотекѣ, *посвященія этого нѣтъ*. Изъ 3-хъ экземпляровъ 1-го изданія, находящихся въ музеяхъ Румянцовскомъ и Историческомъ — *два снабжены посвященіемъ*, а одинъ, принадлежащій Историческому музею, *посвященія не имѣетъ*. Изъ такого небольшого числа наблюденій трудно, конечно, сдѣлать сколько-нибудь достовѣрный выводъ; можно, пожалуй, предположить, что посвященіемъ были снабжены только нѣкоторые экземпляры «Писемъ», но это предположеніе нуждается въ подтвержденіи.

Экземпляры съ «посвященіемъ» имѣютъ такой видъ: послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ бѣлый, на которомъ, по серединѣ, напечатано:

Семейству
друзей моихъ
П Л Щ В Х·

На слѣдующемъ листѣ помѣщены «объясненія виньета» и «погрѣшности», а на третьемъ — напечатано: «къ Вамъ писанное — Вамъ и посвящаю. Н. К.».

[2]) «Н. М. Карамзинъ». I. 169.

[3]) «Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина», 17.

Буслаева [1]), Анучина [2]), Порошина [3]), Бестужева-Рюмина [4]). Только проф. Буличъ въ своей рѣчи, посвященной Карамзину [5]), назвалъ «Письма русскаго путешественника»—«журналомъ, веденнымъ Карамзинымъ во время его путешествія, изданнымъ въ обработанномъ видѣ, подъ названіемъ «писемъ», да, ранѣе, Старчевскій замѣтилъ, что Карамзинъ «велъ путевыя записки, въ видѣ писемъ къ друзьямъ» [6])... Но ни проф. Буличъ, ни Старчевскій не объясняютъ, на какомъ основаніи они высказали это мнѣніе. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого произведенія даетъ, въ концѣ концовъ, два отвѣта, совершенно противоположныхъ и въ то же время одинаково не обоснованныхъ.

Для разъясненія этого недоразумѣнія обратимся къ фактамъ. Дошли-ли до насъ какія-нибудь указанія на существованіе переписки Карамзина съ друзьями во время его путешествія? Да, сохранилось письмо Карамзина къ И. И. Дмитріеву, писанное изъ Лондона (отъ 4-го іюня 1790 г. [7]), и письмо Петрова къ Карамзину (отъ 20-го сентября 1784 г. [8]), изъ котораго можно заключить о полученіи первымъ письма изъ-заграницы отъ Карамзина. Разсмотримъ эти письма.

Дружба Карамзина съ И. И. Дмитріевымъ, какъ извѣстно, началась ранѣе 1787 года, но съ этого года они вступили въ дѣятельную и живую переписку, посвящая другъ друга въ самыя сокровенныя тайны своего душевнаго состоянія, обмѣниваясь стихотворными изліяніями, жалобами на жизнь, признаніями въ дружбѣ... Что же написалъ Карамзинъ въ *единственномъ* (за $1^1/_2$ года) письмѣ къ И. И. Дмитріеву (и брату его)? — «Любезные друзья! Болѣе года я *ничего о васъ не знаю*. Живы-ли вы? Гдѣ вы? Что вы? Дружбы вашей никогда не забуду. Часто о васъ вспоминаю. Что-то дѣлается въ сердцѣ любезнаго Александра Ивановича? Время и воинскій

---

[1]) Рѣчь, посвященная «П. р. пут.». Изд. «Писемъ р. пут.» Суворина, XV.

[2]) «Р. Мысль», 1891 г., № 7—8. [3]) Porochine, франц. перев. «П. р. пут.»

[4]) «Н. М. Карамзинъ», статья, приготовленная для «Біографическаго Словаря», изд. Имп. Русск. Истор. Обществомъ, стр. 6.

[5]) «Зап. Казанск. Университета», 1866 г., 584. [6]) «П. М. Карамзинъ», 28.

[7]) Карамзинъ. «Письма къ Дмитріеву», 13. [8]) «Русск. Арх.», 1863 г., 895.

шумъ разсѣяли мрачность его? Мое сердце не перемѣнилось, по крайней мѣрѣ, въ любви къ вамъ. *Я пишу къ вамъ на скорую руку, только для того, чтобы подать вамъ о себѣ вѣсть*, будучи увѣренъ, что вы, друзья мои, берете участіе въ моей судьбѣ. *Я проѣхалъ черезъ Германію, побродилъ и пожилъ въ Швейцаріи, видѣлъ знатную часть Франціи, видѣлъ Парижъ, видѣлъ вольныхъ французовъ, наконецъ, пріѣхалъ въ Лондонъ.* Скоро буду думать о возвращеніи въ Россію. Увидя моихъ братій, поклонитесь имъ отъ меня. Сестрѣ отпишите отъ меня поклонъ. Будьте живы и благополучны, друзья мои! До свиданья, до свиданья!»

Изъ этого короткаго письма, написаннаго «на скорую руку», незадолго до возвращенія на родину, видно, что Карамзинъ, больше ничего не писалъ къ Дмитріеву въ теченіе всего путешествія. Не получалъ и онъ въ свою очередь отъ Дмитріева ни одного письма, такъ какъ не знаетъ даже, гдѣ они съ братомъ и живы-ли они... Словомъ, оживленная переписка между двумя друзьями прервалась путешествіемъ одного.

Мы знаемъ также, что передъ Петровымъ Карамзинъ положительно благоговѣлъ. До чего доходило это поклоненіе, видно хотя бы изъ того, что только письма Петрова сохранилъ Карамзинъ: письма другихъ лицъ (*въ томъ числѣ, стало быть*, и И. И. Дмитріева, и *Плещеевыхъ*) онъ, по собственному признанію, жегъ [1]). Ко времени путешествія Карамзина отношенія между нимъ и Петровымъ отличались все тою же сердечностью и теплотою, какъ и въ первое время ихъ дружбы. Поэтому мы могли бы ожидать самой живой переписки между ними; особенно, если припомнить, какія восторженныя письма присылалъ обыкновенно Карамзинъ Петрову [2]) незадолго до своего путешествія... Дѣйствительно, Карамзинъ прислалъ ему письмо изъ Дрездена; но о существованіи другихъ писемъ пока говорить нѣтъ основанія. Полученное письмо пріятно удивило Петрова, судя по его отвѣту: «письмо твое изъ Дрездена весьма меня обрадовало. *Я не ожидалъ отъ тебя*

[1]) Гротъ, «Очеркъ дѣят. Карамзина», 36.

[2]) Письма эти не дошли до насъ, но сохранились, къ счастью, отвѣты Петрова. По нимъ можно судить о письмахъ Карамзина. (См. выше).

подробнаго описанія твоего путешествія» [1]). Изъ этихъ словъ можно заключить, что Карамзинъ самому лучшему своему другу не обѣщалъ посылать подробныхъ писемъ. Кромѣ того, интересно, что письмо это было первымъ, посланнымъ къ Петрову послѣ двухмѣсячной разлуки [2]), что видно изъ дальнѣйшаго: заинтересовавшись письмомъ Карамзина, Петровъ разспрашиваетъ его о томъ, что было до пріѣзда въ Дрезденъ: «я весьма любопытенъ знать, пишетъ онъ, видѣлся ли ты съ Алексѣемъ Михайловичемъ» [3]) (Кутузовымъ, котораго Карамзинъ разсчитывалъ встрѣтить въ Берлинѣ [4]). Если бы Карамзинъ писалъ Петрову раньше, напримѣръ, изъ Берлина, то естественно было прежде всего упомянуть объ общемъ другѣ, встрѣчи съ которымъ Карамзинъ такъ желалъ..

Въ «Запискахъ С. Глинки» находимъ, повидимому, указаніе на существованіе многихъ писемъ Карамзина изъ-заграницы къ Петрову: «Другъ нашего исторіографа, разсказываетъ Глинка, былъ пріятелемъ Княжнина и показывалъ ему всѣ письма, получаемыя отъ русскаго путешественника. Въ одинъ свой приходъ въ кадетскій корпусъ Яковъ Борисовичъ (Княжнинъ), перечитывая ихъ намъ, съ восторгомъ сказалъ: «привѣтствую русскую словесность съ новымъ писателемъ. Юный Карамзинъ создаетъ новый, живой, одушевленный слогъ и проложитъ новое поприще русской словесности» [5])... Когда происходило это чтеніе, Глинка не говоритъ, — Петровъ же переѣхалъ въ Петербургъ лишь въ ноябрѣ 1791 года, то есть, въ годъ смерти Княжнина, и тогда, когда значительная часть «Писемъ русскаго путешественника» была уже напечатана. Былъ ли Петровъ въ Петербургѣ до 1791 года, неизвѣстно, хотя можно, съ нѣкоторою увѣренностью, сказать, что онъ туда не ѣздилъ, такъ какъ вся его энергичная дѣятельность тогда сосредоточивалась около Москвы: проживалъ онъ все это время, судя по его письмамъ, или въ деревнѣ, или въ Москвѣ. Такимъ обра-

---

[1]) «Русск. Арх.», 1866 г., 1760.

[2]) Выѣхалъ Карамзинъ 18-го мая, въ Дрезденѣ былъ 12-го іюля.

[3]) «Русск. Арх.», 1863 г., 895.

[4]) Карамзинъ, Соч., II т., 57, 58.

[5]) С. Глинка, «Записки», 87—88.

томъ, какія же письма могъ читать въ 1791 году Княжнинъ кадетамъ? Это недоумѣніе можно разрѣшить только слѣдующимъ предположеніемъ. Вѣроятно Петровъ читалъ Княжнину *раннія* юношескія письма Карамзина, тѣ письма, по поводу которыхъ такъ любовно шутилъ: «слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія, и дальніе края озарившему! Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи и Германіи! Чего нѣтъ въ нихъ, касающагося до литературы! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно и о кофе, и табакѣ..» [1]). Записки Глинки писаны подъ старость; вспоминая о чтеніи писемъ Карамзина Княжнинымъ, онъ могъ отъ себя назвать ихъ автора «русскимъ путешественникомъ», — прозвищемъ, установившимся за Карамзинымъ позднѣе [2]), подобно тому, какъ нѣсколько выше, въ приведенномъ нами отрывкѣ, онъ, вмѣсто: «другъ Карамзина», говоритъ: «другъ нашего *исторіографа*»...

Въ запискахъ Рунича, «Сто лѣтъ назадъ», тоже встрѣчаемъ указаніе на обширную переписку Карамзина съ его московскими друзьями: Карамзинъ, по его словамъ, «во все время путешествія своего находился въ постоянной перепискѣ съ благодѣтельными друзьями своими»... «Какія же чувства онъ питалъ къ нимъ, видѣть можно изъ «Писемъ русскаго путешественника», писанныхъ во время отсутствія его къ Н. И. Плещеевой...» [3]).

Но Руничъ никогда особенно близко не стоялъ къ карамзинскому кругу и въ воспоминаніяхъ его о Карамзинѣ можно найти нѣсколько неточностей, даже невѣрностей, легко опровергаемыхъ фактами... Очевидно, о «перепискѣ» Карамзина съ Плещеевой онъ говорилъ, повторяя лишь общее мнѣніе о происхожденіи «Писемъ русскаго путешественника».

---

[1]) «Русск. Арх.», 1893 г., 889.

[2]) Карамзинъ самъ называетъ себя въ письмахъ «русскимъ путешественникомъ»; напр.: «любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило мнѣ мнѣніе бѣдному русскому путешественнику». (Соч., II т., 193).

[3]) «Р. Стар.», 1896 г., LXXXVIII, 315.

Во всякомъ случаѣ, если Карамзинъ и прислалъ друзьямъ изъ-заграницы нѣсколько писемъ, подобныхъ тому, которое было прислано изъ Дрездена Петрову, то этихъ писемъ было очень немного... Всего вѣроятнѣе, что въ Россію онъ посылалъ своимъ близкимъ друзьямъ коротенькія вѣсточки, на которыя намекаетъ Петровъ словами: «Я не ожидалъ отъ тебя *подробнаго* описанія твоего путешествія» [1]).

Такимъ образомъ, существованіе *обширной* переписки съ Плещеевыми пока никакими документальными данными не можетъ быть доказано. Да для этой переписки нѣтъ и основаній, сколько-нибудь серьезныхъ... Хотя Карамзинъ познакомился съ Плещеевыми еще до своего путешествія, но особенно тѣсно сблизился съ ними позже... Изъ переписки Карамзина съ Лафатеромъ видно, что онъ поселился у нихъ лишь послѣ своего путешествія: лишь въ письмѣ отъ 1 декабря 1790 г. онъ просилъ адресовать письма на домъ Плещеевыхъ [2]), — съ этого времени начинается сближеніе его съ ихъ семействомъ: многочисленныя посвященія Плещеевымъ всѣ относятся къ девяностымъ годамъ (съ 1793 г.), — ранѣе никакихъ слѣдовъ вліянія Плещеевыхъ на литературную дѣятельность Карамзина нельзя найти. *Еще въ 1791 году онъ не предпослалъ своимъ «Письмамъ» никакого посвященія...*

Единственное мѣсто въ «Письмахъ», повидимому, свидѣтельствующее о существованіи обширной переписки: «время кончить мое *длинное* историческое письмо и пожелать вамъ, друзья мои, покойной ночи» [3])—можетъ быть объяснено *эпистолярною* формой изложенія. Почти всѣ описанія путешествій XVIII вѣка, съ которыми мы имѣли дѣло, составлены въ видѣ «писемъ», всѣ они изобилуютъ обращеніями къ друзьямъ, оставшимся на родинѣ, всѣ носятъ характеръ бесѣды съ этими друзьями... Для писателя, желающаго оставить въ своемъ произведеніи *«зеркало души»* [4]) своей, самой удобной формой была мемуарная или эпистолярная. Первая въ то время въ изящной литературѣ еще не привилась, а вторая была самой модной: и Вольтеръ, и Монтескье, и Руссо, и Ричардсонъ, и,

[1]) «Р. Арх.», 1866 г., 1760.
[2]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 62.
[3]) Карамзинъ, Соч., II, 508.
[4]) Ibid., 790.

главное, почти всѣ путешественники употребляли ее, — выбралъ ее и Карамзинъ. Онъ, впрочемъ, не особенно старался придать своему произведенію характеръ частныхъ писемъ. *Только разъ* прибѣгаетъ онъ къ такой фразѣ: «Есть-ли щастіе ваше несовершенно; есть-ли — — * (* прим. Карамзина: «здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для Публики» [1]).

Казалось бы, что на основаніи нѣсколькихъ мѣстъ въ «Письмахъ» можно говорить о *частой* пересылкѣ Карамзинымъ *краткихъ* писемъ, такихъ, какія въ основаніе его произведенія лечь не могли: «сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, друзья мои!» [2]). «Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлыя тетради, есть-ли бы я описывалъ всѣ картины, статуи и монументы, мною видимые» [3])... Такія краткія письма могли походить на письмо, посланное къ Дмитріеву, и на тѣ, какихъ ожидалъ Петровъ. Обширная же и постоянная переписка, нѣкоторыя письма которой превышали бы двадцать печатныхъ страницъ [4]), прямо физически немыслима.

Но мы имѣемъ данныя думать, что и краткія-то письма получались Плещеевыми не особенно часто. Въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ къ Кутузову (отъ 22 іюля 1790 г. [5]) Плещеева жалуется на Карамзина за его *«рѣдкія»* письма: «..а скажу вамъ только то, пишетъ она, что я, увидѣвъ *Рамзея* не стану съ нимъ говорить о его вояжахъ. Вотъ моя сатисфакція за его *рѣдкія* письма; и ежели онъ начнетъ, то я слушать не стану. Ежели будетъ писать — читать не стану, и первое мое требованіе, дабы онъ не отдавалъ никакъ въ печать своихъ описаній». Отъ того же числа пишетъ ея мужъ Кутузову: «нашъ Николай Михайловичъ уже, *надѣюсь*, возвращается отъ англичанъ къ русскимъ...» [6]). Нельзя изъ словъ Плещеевыхъ подумать, что они получали изъ-заграницы «Письма русскаго путешественника»!

---

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 312. [2]) Ibid., 230.

[3]) Ibid., 569. О «письмахъ» упоминается на стр. 19, 54, 294, 324, 336, 753.

[4]) Напр., письмо изъ Женевы, Соч., II, 355 — 375; изъ Цюриха, 230—251; изъ Лиона, 394—411, 411—429 и др.

[5]) «Р. Стар.», 1874 г., IX, 63. [6]) Ibid., 64.

Какъ же объяснить слова «посвященія»: «къ Вамъ писанное»? — Можно предположить, что Карамзинъ, занося свои впечатлѣнія въ «записную книжку», велъ «заглазную бесѣду» со своими друзьями, между которыми Плещеевы еще не занимали тогда перваго мѣста. Въ 1797 же году дружескія связи Карамзина съ Плещеевыми отличались особою силой; Петрова въ живыхъ уже не было; съ Дмитріевымъ отношенія, хотя и поддерживались по прежнему правильно, но не отличались особенною сердечностью. Такимъ образомъ, Карамзину въ это время самыми близкими людьми были Плещеевы: съ ними онъ жилъ, какъ родной, дѣлилъ ихъ горести и радости, дѣлился своими... Цѣлый рядъ работъ былъ уже посвященъ Плещеевымъ, — посвятилъ онъ имъ и свои знаменитыя «Письма русскаго путешественника», обмолвившись фразой, не совсѣмъ точною по смыслу.

Мы говоримъ — «неточною по смыслу», такъ какъ самъ Карамзинъ никогда не пытался представить свои «Письма» — перепиской съ Плещеевыми, хотя прямой смыслъ посвященія говоритъ именно это. Карамзинъ нѣсколько разъ самъ называлъ свои письма «путевымъ журналомъ». Въ объявленіи о предстоящемъ изданіи «Московскаго журнала» читаемъ: «одинъ пріятель мой, который изъ любопытства путешествовалъ по разнымъ землямъ Европы, который *записывалъ* то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ,—намѣренъ *записки* свои предложить почтенной публикѣ» [1]). Въ предисловіи къ изданію «Писемъ» онъ извиняется за неровность слога и говоритъ, что онъ «*сказывалъ* друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и *описывалъ* свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогой, на лоскуткахъ, карандашемъ» [2]). По горамъ Карамзинъ путешествовалъ «съ теплымъ сюртукомъ, половиной бѣлья, *записной книжкой*, и карандашемъ» [3]). Въ такой обстановкѣ, конечно, немыслимо вести обширную *переписку*. Наконецъ, въ «Предувѣдомленіи» къ «Московскому журналу» [4]) онъ прямо заявляетъ: «путе-

[1]) «Моск. Вѣд.», 1790 г., № 89.
[2]) «Письма р. пут.», изд. 1797 г., V, VI.
[3]) Карамзинъ, Соч., II, 264.
[4]) «Моск. Журн.», ч. I, 1791 г.

шественникъ, пріятель мой, сообщаетъ свои *записки въ письмахъ* къ семейству друзей своихъ». Наконецъ, и въ «Письмахъ» онъ тоже упоминаетъ о «журналѣ» [1]). Карамзинъ отправился въ путь уже съ разсчетомъ описать свою поѣздку и обнародовать въ будущемъ: въ письмѣ къ Лафатеру изъ Женевы отъ 17-го декабря 1789 года [2]) онъ прямо заявляетъ: «мнѣ нужно издать что-нибудь о своемъ путешествіи — это я обѣщалъ». Конечно, для собиранія матеріала «записная книжка» болѣе удобна, чѣмъ «письма къ друзьямъ». Мы можемъ даже съ увѣренностью сказать, откуда явилась у Карамзина мысль вести путевой журналъ: Лафатеръ, предъ которымъ онъ благоговѣлъ, каждымъ словомъ котораго дорожилъ, какъ откровеніемъ, настойчиво совѣтовалъ путешествующимъ юношамъ вести такой дневникъ. Онъ говоритъ: «gewöhnen Sie sich, Ihre Beobachtungen in bestimmte, deutliche, darstellende Worte zu fassen, und die wichtigsten davon kurz und auf der Stelle aufzuzeichnen... Gar sehr würd'ich Ihnen ein Tagebuch zu halten anrathen mögen» [3]). «Разныя правила для путешествующихъ» [4]), пишетъ Карамзинъ Лафатеру 15-го марта 1789 г.—мнѣ теперь особенно дороги, а почему? Потому что самъ я скоро, очень скоро — сбираюсь путешествовать» [5]). Николаи, писатель уважаемый въ новиковскомъ кругу, въ предисловіи къ своему «Путешествію по Германіи» заявляетъ: «ein Reisender muss nothwendig ein ausführliches Tagebuch von seinen Beobachtungen und Bemerkungen halten und täglich fortführen» [6]). У Руссо Карамзинъ тоже нашелъ сочувственный отзывъ о путевыхъ журналахъ. Этотъ, высокочтимый Карамзинымъ, писатель въ своихъ «Confessions» говоритъ: «La chose que je regrette le plus dans les détails de ma vie dont j'ai perdu la mémoire, c'est de n'avoir pas fait des journaux de mes voyages» [7]). Вообще въ XVIII в. обык-

[1]) Пыпр., Карамзинъ. Соч., II, 196.

[2]) Карамзинъ. «Письма къ Лафатеру», 58.

[3]) Lavater, «Brüderliche Schreiben», II. Aufl., 1787 г., 43.

[4]) Сочиненія того же Лафатера, къ сожалѣнію, не найденное нами въ петербургскихъ библіотекахъ. [5]) Карамзинъ. «Письма къ Лафатеру», 41.

[6]) Nicolai Fr., «Beschreibung einer Reise durch Deutschland», I. 20.

[7]) J. J. Rousseau. «Les confessions», Paris, 1890, I partie, 2 t., 4 livre, 24.

новеніе вести мемуары, дневники было явленіемъ очень распространеннымъ: въ «Письмахъ русскаго путешественника» разсказанъ, напримѣръ, одинъ комическій эпизодъ [1]); свидѣтель этого эпизода, какой-то нѣмецкій капитанъ, даже не спрашивая Карамзина, ведетъ-ли онъ записки, прямо обращается къ нему съ просьбой: «есть-ли когда-нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ!». Къ тому же у Карамзина былъ отличный образецъ такого путешествія, разсказаннаго въ письмахъ, именно сочиненіе Морица: «Путешествіе молодого нѣмца по Англіи— письма къ друзьямъ», произведеніе, о которомъ намъ придется говорить ниже.

Наконецъ, обиліе указаній на близкое знакомство нашего писателя съ цѣлымъ рядомъ иностранныхъ сочиненій прибавляетъ еще одно вѣсское основаніе видѣть въ «Письмахъ» *обработку путевого журнала:* Карамзину физически невозможно было въ одно время и осматривать достопримѣчательности западной Европы, и вести обширную переписку, и перечитывать десятки, часто многотомныхъ, изданій...

2.

История текста «Писемъ русскаго путешественника».

Исторія текста «Писемъ русскаго путешественника» совершенно не затронута въ нашей ученой литературѣ; между тѣмъ, исторія эта представляетъ несомнѣнный интересъ для изслѣдователя. Къ сожалѣнію, недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ намъ возсоздать основной, первичный видъ «Писемъ русскаго путешественника»: ни одной черновой бумаги Карамзина, никакихъ его записныхъ книжекъ, касающихся «Писемъ русскаго путешественника, не найдено до сихъ поръ въ русскихъ архивахъ. Понятно поэтому, что изученіе судьбы только печатнаго текста «Писемъ» не можетъ быть особенно богато результатами. Впрочемъ, всетаки, сравненіе тѣхъ пяти изданій [2]), которыя выдержали «Письма» *при жизни Карам-*

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 53.

[2]) a) «М. Ж.», 1791 — 1792 гг. и «Аглая», 1794 — 1795 гг. b) «П. р. п.»,

нина, позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько заключеній, пополняющихъ наши свѣдѣнія о Карамзинѣ и его произведеніи.

Какъ мы говорили уже, «Письма русскаго путешественника» печатались сначала въ «Московскомъ Журналѣ», а потомъ въ «Аглаѣ». Въ восьми частяхъ журнала (1791—1792 гг.) были напечатаны всѣ письма съ начала до письма, датированнаго 2-мъ апрѣля 1790 года [1]). Такимъ образомъ, напечатанное въ 1791—1792 гг. оканчивается словами: «Все казалось мнѣ очарованьемъ, Калипсинымъ островомъ, Армидинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость...» [2]). Черезъ *два года* печатаніе «Писемъ» возобновилось, но съ пропускомъ, по смирдинскому изданію, *двухсотъ девяти* страницъ и съ измѣненіемъ заглавія («Путешествіе въ Лондонъ»). Начинается этотъ отрывокъ со словъ: «Въ Иль-де-Франсъ плоды уже зрѣлы — въ Пикардіи зелены...» [3]),— и кончается словами: «Мы въѣхали въ Лондонъ»... [4]). На слѣдующій 1795 г., во 2-й части «Аглаи», «Письма русскаго путешественника» появились опять съ прежнимъ заглавіемъ. Начинается этотъ отрывокъ письмомъ изъ Парижа, датированнымъ 29-мъ апрѣля 1790 года, словами: «Нынѣ цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей...» [5]),—и кончается словами: «слушатели едва дышали... несравненно!» [6]). Затѣмъ помѣщено письмо, начинающееся со словъ: «Нынѣшній день обѣдалъ я у Господина Гло**...» [7]),—и кончающееся словами: «народъ любитъ еще кровь Царскую!» [8]). Наконецъ, помѣщенъ послѣдній, третій отрывокъ, начало котораго слѣдующее: «отъ чего сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины?» [9]),—и конецъ: «Я пожалъ руку бѣдной старушки — и возвратился въ Парижъ...» [10]).

1797—1801 гг. c) Карамзинъ, Соч., 1803—1804 гг. d) Карамзинъ, Соч., 1814 г. и e) Карамзинъ, Соч., 1820 г. Мы оставили безъ изслѣдованія текстъ «Писемъ», напечатанныхъ во 2-омъ изданіи «Московскаго Журнала», такъ какъ годъ этого изданія до сихъ поръ не опредѣленъ съ точностью. (См. Пономарева: «Матеріалы для библіографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ», «Зап. Имп. Ак. Наукъ», XLV т., № 4, 16—17).

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 442. [2]) Ibid., 442. [3]) Ibid., 651.
[4]) Ibid., 667. [5]) Ibid., 467. [6]) Ibid., 490. [7]) Ibid., 452.
[8]) Ibid., 460. [9]) Ibid., 490. [10]) Ibid., 493.

Такимъ образомъ, въ 1792 году Карамзинъ успѣлъ описать *только первый день* пребыванія своего въ Парижѣ, тотъ день, когда со всѣхъ сторонъ нахлынули на него впечатлѣнія, когда головокружительная суета, шумъ и блескъ Парижа оглушили его, ослѣпили и погрузили въ какое-то забытье... «Голова моя закружилась — Я погрузился въ пріятную задумчивость!» [1])... Затѣмъ на *два* года Карамзинъ замолкаетъ и вдругъ сообщаетъ о своемъ пребываніи въ Кале, о путешествіи по морю и о первыхъ мимолетныхъ впечатлѣніяхъ отъ Англіи. На этомъ разсказъ опять обрывается; слѣдуетъ описаніе парижскихъ театровъ, потомъ разсказъ о посѣщеніи великосвѣтскаго салона, о встрѣчѣ съ королевской семьей, и, наконецъ, послѣдній отрывокъ содержитъ описаніе разговора автора съ нищей старухой...

Уже изъ этого безпорядочнаго бросанія отъ Франціи къ Англіи и обратно, изъ этого тщательнаго подбора мѣстъ, самыхъ безобидныхъ, можно предположить, что съ «Письмами русскаго путешественника» или произошло цензурное крушеніе, или этого крушенія боялся Карамзинъ и потому самъ изуродовалъ свое произведеніе. Очевидно, что отъ 1792 до 1801 года «русскому путешественнику» можно было говорить только о «Нимфахъ радости», о пребываніи въ Кале, о «салонной» болтовнѣ, о встрѣчахъ съ нищими...

Интересно также, что изданіе 1797 года (4 тома) оканчивается словами: «народъ любитъ еще кровь Царскую» [2]), а 5-й томъ, появившійся въ свѣтъ лишь въ *1801* году, начинается такъ: «Говорить-ли о французской революціи...» [3]). Далѣе, какъ извѣстно, приведенъ рядъ фактовъ, низводящихъ революцію до незначительныхъ размѣровъ мелкаго народнаго волненія, довольно безсмысленнаго и случайнаго. Но это говорилось о французской революціи въ *1801 году*... Что же говорилось о ней въ «записной книжкѣ» Карамзина или хотя бы въ изданіи «Писемъ» 1797 года? Вѣроятно, нѣчто болѣе серьезное и важное, если не могъ появиться въ свѣтъ 5-й томъ, несмотря на то, что появился 4-й, въ которомъ гово-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 442. [2]) Ibid., 460. [3]) Ibid.,

рится не разъ о волненіяхъ въ провинціи и говорится довольно откровенно [1]).

Очевидно, въ свое время Карамзину не было возможности высказаться, а впослѣдствіи, въ 1801 году, когда, съ одной стороны, и французская революція совершенно выдохлась, а, съ другой стороны, Карамзинъ, за одиннадцать лѣтъ сильно измѣнилъ свое міросозерцаніе, — онъ самъ не пожелалъ дѣлиться съ публикой своими запоздалыми впечатлѣніями и соображеніями...

Если, такимъ образомъ, можно съ достаточнымъ основаніемъ предполагать о существованіи *сокращеній* основнаго текста въ той половинѣ «Писемъ», которая появилась въ 1801 году, то, съ такимъ же основаніемъ, можемъ мы говорить о существованіи позднѣйшихъ *наслоеній* на основной текстъ «Писемъ». Эти прибавленія, замѣченныя нами въ той части «Писемъ», которая появилась въ 1801 году, объясняются измѣненіемъ литературныхъ интересовъ Карамзина, перемѣной его міросозерцанія... Такъ, напримѣръ, длинное разсужденіе «о семейной жизни», «объ обязанностяхъ матери и жены», — разсужденіе, которое вошло въ письма изъ Англіи, — съ одной стороны, совершенно отвѣчаетъ тѣмъ интересамъ, которыми жилъ Карамзинъ въ 1801 — 1803 гг., когда онъ вступилъ въ первый бракъ (1801), когда онъ началъ сочинять свои «разсужденія», задумывался о счастьѣ вообще, объ обязанностяхъ человѣка, и пр., — и, съ другой стороны, было совершеннѣйшимъ диссонансомъ въ девяностыхъ годахъ, когда въ своихъ письмахъ изъ Германіи и Швейцаріи онъ знакомилъ своихъ читателей лишь съ тѣми живыми впечатлѣніями, которыя нахлынули на него со всѣхъ сторонъ, съ тѣми чувствами, которыя волновали его отзывчивую душу... Нигдѣ въ первой половинѣ его писемъ (изъ Германіи и Швейцаріи) не найдемъ мы даже попытки углубиться въ размышленія по поводу какого-нибудь подобнаго вопроса.

Разсужденіе объ англійской литературѣ [2]) тоже носитъ

[1]) См. 7-ое Примѣчаніе.

[2]) Карамзинъ. Соч., II, 746.

характеръ самостоятельной статьи, внесенной въ текстъ «Писемъ» позднѣе: бѣглыя, попутныя замѣчанія о томъ или другомъ авторѣ или произведеніи, краткія біографическія свѣдѣнія, разбросанныя въ первыхъ 4-хъ частяхъ «Писемъ», не могутъ идти въ сравненіе со статьей объ «англійской литературѣ».

О существованіи такихъ измѣненій основного текста «Писемъ *(сокращенія* и *наслоенія)*, говорятъ намъ ясно и тѣ *противорѣчія*, которыя, при внимательномъ отношеніи къ произведенію Карамзина, бьютъ въ глаза. Въ «Письмахъ», напечатанныхъ въ 1792 году, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, цѣлый рядъ самыхъ тревожныхъ сообщеній о французской революціи: волненіе въ деревняхъ [1]), бунтъ солдатъ [2]), грабежи монастырей [3]), бѣгство знати [4]), насиліе крестьянъ надъ аристократами [5]), грозные крики «à la lanterne» [6]), растерзанные трупы [7])... Въ письмахъ же, появившихся въ 1801 году и описывающихъ Парижъ, *очагъ революціи*, мы встрѣчаемъ, рядомъ съ зловѣщимъ предсказаніемъ Рабле, что «земля упьется потоками крови» [8]), самое безмятежное отношеніе къ удовольствіямъ парижскимъ, подробное описаніе театральныхъ зрѣлищъ, кое-какія данныя изъ прошлаго Парижа и нѣсколько полушутливыхъ, полупрезрительныхъ словъ по поводу революціи... Здѣсь мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, во-первыхъ, съ *сокращеніемъ* цѣлаго ряда фактовъ и соображеній, по мнѣнію Карамзина, неудобныхъ для печати, и, — во-вторыхъ, съ *наслоеніемъ* презрительнаго отношенія къ событію, которое обмануло опасенія автора и потому слишкомъ поспѣшно было сведено имъ въ разрядъ событій второстепенной важности. Въ *1792* году Карамзинъ, приглядываясь къ французской революціи, боялся за судьбы Франціи... «Можетъ быть, друзья мои, восклицаетъ онъ, можетъ быть, въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ [9])... Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведе-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 184—5. [2]) Ibid., 185. [3]) Ibid., [4]) Ibid., 198.
[5]) Ibid., 197. [6]) Ibid., 427—8. [7]) Ibid., 311. [8]) Ibid., 464—5.
[9]) Ibid., 432.

ніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ—рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту! [1]). Въ *1797* году Карамзинъ помѣстилъ въ «Spectateur du Nord» интересную статью: «Un mot sur la littérature russe», гдѣ говоритъ, между прочимъ, и о содержаніи «Писемъ русскаго путешественника»: «Enfin, l'auteur va parler de la révolution... La révolution française est un de ces événements, qui fixent les destinées des hommes pour une longue suite de siècles. Une nouvelle époque commence; je le vois, mais Rousseau l'a prévu. Lisez une note dans Emile, et le livre vous tombera des mains J'entends des déclamations pour et contre, mais je suis loin d'imiter ces crieurs. J'avoue, que mes idées là-dessus ne sont pas assez mûres. Les événements se suivent comme les vagues d'une mer agitée et l'on veut déjà regarder la révolution comme finie! Non! non! On verra encore bien des choses étonnantes; l'extrême agitation des esprits en est le présage. Je tire le rideau» [2]).

И, наконецъ, въ *1801* году мы встрѣчаемъ въ «Письмахъ» самое легкое, пренебрежительное отношеніе къ революціи. Очевидно, что взгляды Карамзина на нее мѣнялись не разъ, и, благодаря нѣкоторымъ намекамъ, намъ не трудно до нѣкоторой степени возстановить многое измѣненное и уничтоженное имъ впослѣдствіи.

Мы говорили уже выше, какимъ энтузіастомъ революціи былъ Карамзинъ до своего путешествія, — столкнувшись лицомъ къ лицу съ «вольными» французами, онъ ясно увидалъ, что между его юношескими мечтами и дѣйствительностью сходства мало, но, упорно вѣря въ свою «утѣшительную» философію, юный оптимистъ долго не торопился ставить крестъ на своихъ мечтахъ: онъ —

«*Творилъ обѣты*... слезы лилъ
«Онъ *радости* и *скорби* тайной!... [3]).

— Онъ, стало быть, еще увлекался «призраками», сочувствовалъ революціи въ идеѣ, хотя недоумѣвалъ, глядя на нее

[1]) Карамзинъ, Соч., I, 133. [2]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 480.
[3]) Карамзинъ, Соч., I, 230.

*

вблизи. Мучимый въ одно и то же время *радостью и скорбью*, юноша творилъ какіе-то «обѣты» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лилъ «слезы»; волнуемый пошлыми уличными сценами, онъ, однако, находилъ еще въ своей душѣ отзвукъ на «привлекательныя мечты» республиканца-Шиллера, сочиненіями котораго зачитывался въ Парижѣ [1])... Таково было отношеніе Карамзина къ революціи во время его путешествія; въ «записной книжкѣ» юноши, вѣроятно, сказалось и это отвлеченное сочувствіе его къ освободительному движенію, и въ то же время невольныя опасенія человѣка, столкнувшагося съ самой жизнью. Но событія слѣдовали быстро одно за другимъ, все грознѣе, все тревожнѣе,—и вотъ, на смѣну чувствительнымъ утопіямъ нашего юноши-«die schöne Seele», начало въ сердце его закрадываться недоумѣніе. Это недоумѣніе передъ грозными событіями выражено имъ позднѣе, въ 1797 году, словами: «J'avoue, que mes idées là-dessus ne sont pas assez mûres...» Но, всетаки, даже въ 1797 году онъ не рѣшался сказать ничего *противъ* революціи.

Конечно, въ печати такъ нерѣшительно относиться къ революціи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины было нельзя, а потому мнѣнія о революціи въ 1-мъ изданіи Карамзинъ *не высказалъ никакого*... Какъ разъ въ это время подоспѣвшая казнь короля еще уменьшила сочувствіе Карамзина къ политическому движенію Франціи и усилила его опасенія:

«Когда-жъ людей невинныхъ кровью
«Земля дымиться начала,
«Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла! [2])—говоритъ онъ.

Симпатіи Карамзина къ этому движенію понемногу исчезали, но сознаніе громаднаго значенія революціи еще въ 1797 году не покидало его, — Карамзинъ ждалъ еще «новой эпохи»: «une nouvelle époque commence...», отказывался вѣрить, что революція окончилась,—вѣроятно, въ 5 томѣ высказаны были именно такія мысли... Но время шло... Наступила эпоха Наполеона, охладѣлъ и Карамзинъ къ своимъ юношескимъ мечтамъ:

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 649. [2]) Ibid., I, 230.

«...время, опытъ разрушаютъ
«Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
«Красы волшебства исчезаютъ..
«Теперь иной я вижу свѣтъ,
«И вижу ясно, что съ Платономъ
«Республикъ намъ не учредить... [1]).

Мечты объ «идеальной» республикѣ, «призраки» оставлены были имъ, какъ юношескія мечты, прекрасныя, но невыполнимыя, и взгляды его на французскую революцію, мало-по-малу, перешли въ третью и послѣднюю фазу...

Какъ разъ въ это время явилась возможность *впервые* выпустить въ свѣтъ вторую половину «Писемъ»,—и Карамзинъ внесъ въ нихъ свой поздній взглядъ на французское движеніе. Сличеніе текстовъ двухъ первыхъ изданій доказываетъ, что еще въ 1797 году онъ счелъ нужнымъ измѣнить то освѣщеніе, которое придалъ нѣкоторымъ фактамъ въ 1792 году,—напримѣръ:

Въ 1-мъ изданіи (1792 г.).	Во 2-мъ изданіи (1797 г.).
...бунтовалъ *тамошній народъ*, но по французски... [2]).	...бунтовала *тамошняя чернь*, но по французски... [3]).
...заглушить *уличный шумъ*, которой... [4]).	...заглушить *шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ*, которой... [5]).
...Фуллона, *влачимый* по улицѣ... [6]).	...Фуллона, *терзаемый* на улицѣ... [7]).

Въ этихъ трехъ случаяхъ мы въ позднѣйшей редакціи текста видимъ желаніе усилить невыгодное впечатлѣніе отъ революціи.

Длинное стихотвореніе-поэма — «Алина» [8]), въ которомъ описывается смерть женщины, покинутой вѣтренымъ ея супругомъ, очень слабо связано съ текстомъ «Писемъ», написано стихомъ, замѣчательно обработаннымъ, какимъ Карамзинъ въ 90 — 91 году еще не владѣлъ, — и, наконецъ, ду-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., I, 38.
[2]) «М. Ж.», III, 310, 11 св.
[3]) «П. р. п.» 1797 г., II, 193, 1 св. (Смирдинъ изд. Соч. Карамзина, II, 175).
[4]) «М. Ж.», IV, 83, 1 св.
[5]) «П. р. п.», II, 210, 11 св. (Смирдина изд., 185).
[6]) «М. Ж.», VI, 52, 2 св.
[7]) «П. р. п.», III, 229, 9 св. (См., 311).
[8]) Карамзинъ, Соч., II, 638.

мается намъ, имѣетъ біографическое значеніе. Оно тѣсно связано съ той эпохой въ жизни Карамзина (1797—1800 гг.), когда онъ увлекся свѣтской жизнью. Не есть-ли Алина, вѣрная, нѣжная подруга Милона, та женщина, съ которой судьба связала Карамзина довольно прочно, по которой онъ, вѣтреный Милонъ, часто измѣнялъ, развлекаемый свѣтомъ, измѣнялъ съ тѣмъ, чтобы потомъ, въ порывѣ раскаянья, идти къ ней съ повинной. «Да, я любилъ, есть-ли ты знать хочешь, писалъ Карамзинъ Дмитріеву, очень любилъ, и меня увѣряли въ любви. Все это прошло, оставимъ. Никого не виню...» [1]). «Чрезмѣрно безпокоюсь, мой милой другъ, о *другомъ* человѣкѣ; она поѣхала изъ Москвы больная, увѣривъ меня самымъ нѣжнымъ, самымъ трогательнымъ образомъ о любви своей. Не знать, что съ нею дѣлается! жива-ли, здорова-ли она! Писать—но, можетъ быть, ей не отдадутъ письма моего... Клянусь Богомъ, что готовъ отказаться отъ любви ея, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была жива, здорова и щастлива...» [2]). Она живетъ или страдаетъ въ 10 верстахъ отъ Москвы, больна, кровь льется изъ груди, и я не могу видѣть ея!» [3]). Этотъ искренній порывъ добраго сердца черезъ нѣсколько времени опять заглушается новыми увлеченіями: появляется на сцену какая-то «милая и несчастная вѣтреница», отъ которой вскорѣ остается «одно нѣжное воспоминаніе, какъ тихая заря вечерняя» [4])—и завязывается уже новый романъ... «Досадное сердце не слушается разсудка, твержу наизусть Эпиктета, сообщаетъ Карамзинъ —

«Mais hélas! on a beau faire,
«Le coeur y revient toujours —

«Il revient à son penchant naturel; il demande à aimer! Приманки соблазнительны. Какъ птичка лечу въ сѣти; какъ рыбка берусь за уду...» [5]).—Стоитъ перечесть поэму Карамзина «Алину»—и образъ Милона напомнитъ намъ Карамзина, какимъ онъ, судя по его письмамъ, былъ въ 1797 году. Въ лицѣ же Алины воплощенъ образъ той страдающей женщины,

---

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 75. [2]) Ibid., 77.
[3]) Ibid., 79—80. [4]) Ibid., 83. [5]) Ibid.

нѣжно привязанной къ Карамзину, къ которой онъ чувствовалъ глубокую жалость вмѣсто прежней любви. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что поэма «Алина» не входила въ первичный очеркъ «Писемъ русскаго путешественника» и является позднѣйшей вставкой.

Разсужденіе о причинахъ частыхъ сумасшествій и самоубійствъ отъ любви [1]), точно также было бы анахронизмомъ въ 1790-омъ году и вполнѣ соотвѣтствовало 1798—1800 гг., когда Карамзинъ увлекся разсужденіями, задумывался о «любви» [2]) ..

Длинное лирическое отступленіе, которое вставлено между описаніями Виндзорскаго дворца и Гринича [3])—точно также носитъ на себѣ отпечатокъ *времени* болѣе поздняго чѣмъ 1790-ый годъ. Основной тонъ этой главы не та «сладкая» меланхолія, слѣды которой мы изрѣдка встрѣчаемъ въ раннихъ «Письмахъ русскаго путешественника» — это настоящее чувство грусти человѣка зрѣлаго, который начинаетъ жить уже прошедшимъ. «Молодость прошла; любовь, какъ солнце, скатилась съ горизонта—чтожь осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній» [4])... Если вѣрить Карамзину, эти строки были имъ написаны въ возрастѣ *24 лѣтъ!* Сравнимъ ихъ съ нѣкоторыми письмами изъ Германіи и Швейцаріи, въ которыхъ нашъ писатель кажется иногда взрослымъ ребенкомъ, восторженнымъ, довѣрчивымъ, наивнымъ, — и мы усумнимся, чтобы эти слова («молодость прошла... etc.) могли быть написаны въ 1790 году: они написаны въ 1800—1, когда Карамзину было *34 года*. Припомнимъ, что̀ Карамзинъ говорилъ въ своемъ разсужденіи: «О счастливѣйшемъ времени жизни»,— и мы увидимъ, что «восхитительные и печальные» сны, видѣнные имъ, яко-бы, въ Виндзорскомъ паркѣ,—не что иное, какъ первоначальный набросокъ вышеназваннаго разсужденія.

Даже въ первомъ изданіи «Писемъ» (1791—92 гг.) встрѣчаемъ мы *противорѣчія*, которыя говорятъ намъ о *наслоеніяхъ* на текстѣ «записной книжки». Мы знаемъ, напримѣръ, съ какимъ искреннимъ восторгомъ относился Карамзинъ къ Ла-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 691. [2]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 85—90.
[3]) Карамзинъ, Соч. II, 717, 720. [4]) Ibid., 718.

фатеру до путешествія. Личное свиданіе съ нимъ этого восторга не уменьшило: въ Лондонѣ, 11-го іюля 1790 года, почти *черезъ годъ* послѣ прощанья съ Лафатеромъ Карамзинъ вспомнилъ о немъ въ своемъ стихотвореніи: «Къ Мишенькѣ», назвавъ его «великимъ мудрецомъ»:

«Въ долинахъ мирныхъ, тихихъ,
«За снѣжными горами,
«Живетъ *мудрецъ великой*,
«Которой поучаетъ,
«Какъ можно въ нашихъ лицахъ
«Всю душу нашу видѣть .. [1]) —

Между тѣмъ, въ «Письмахъ» мы встрѣчаемъ на ряду съ такимъ же восторженнымъ отношеніемъ къ «цюрихскому мудрецу» ироническое, даже презрительное отношеніе къ нему: съ живѣйшимъ чувствомъ симпатіи явился Карамзинъ къ Лафатеру [2]), много хорошаго сказалъ онъ о немъ [3]), назвавъ его даже «великимъ человѣкомъ» [4]), — и вдругъ, оказывается что онъ въ тоже время зло иронизируетъ надъ этимъ «великимъ человѣкомъ». Словоохотливый «мудрецъ» обязательно предложилъ юношѣ письменно отвѣчать на его вопросы,—и Карамзинъ каждый день писалъ вопросы и получалъ отвѣты... «Вы, конечно, не подумаете, вдругъ заявляетъ онъ, что я, въ самомъ дѣлѣ, надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только знать, что онъ можетъ о томъ сказать» [5]). Какъ примирить съ этимъ злымъ подтруниваніемъ всегдашнюю искренность Карамзина и, рядомъ съ этими словами поставленную, *защиту этихъ самыхъ отвѣтовъ* Лафатера отъ «насмѣшекъ остроумныхъ Берлинцевъ?» [6]). Очевидно, эта иронія наслоилась впослѣдствіи въ 1791 — 92 годахъ, когда Карамзинъ охладѣлъ къ Лафатеру [7]), съ нимъ больше не переписывался и, кажется, стыдился своего юношескаго увлеченія «цюрихскимъ мудрецомъ».

---

[1]) См. 2-е Прилож., «Матеріалы», 30.
[2]) Карамзинъ, Соч., II, 212—3.
[3]) Ibid., 217, 232, 235.—6
[4]) Ibid., 232.
[5]) Ibid., 244.
[6]) Ibid., 245.
[7]) Быть можетъ, они разошлись изъ-за изданія на русскомъ языкѣ сочиненій Лафатера, которое тотъ навязывалъ Карамзину, и за которое Карамзинъ взялся (Соч., II, 231), однако, ничего не сдѣлалъ.

Указываютъ на литературную обработку «Писемъ» и нѣкоторые мелкіе анахронизмы, не сразу бросающіеся въ глаза. Такъ, въ письмѣ отъ іюля... *1790* года Карамзинъ говоритъ о сверженіи французскаго короля, какъ о *фактѣ совершившемся* [1]). Въ письмѣ отъ *6*-го августа говорится о самомъ недавнемъ свиданіи Лафатера съ Неккеромъ [2]); въ письмѣ отъ *10*-го августа передается разсказъ Лафатера объ этомъ свиданіи съ Неккеромъ, ѣхавшимъ въ Парижъ, по приглашенію Короля и Народнаго собранія [3]). — и въ *этомъ же письмѣ отъ 10 августа* Карамзинъ говоритъ также и о неудачѣ, постигшей въ Парижѣ Неккера, и о его книгѣ «Sur l'Administration», въ которой Неккеръ укоряетъ французскій народъ въ неблагодарности [4]).

Наконецъ, слова Карамзина о французскомъ королѣ: «онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную»... въ *1790 году* были невозможными: извѣстно, что казнь короля для всей Европы была неожиданностью. — Такимъ образомъ, «прозорливость» [5]) Карамзина объясняется тѣмъ, что въ печати его слова появились только въ *1794* году; предостереженія, данныя Карамзинымъ Маркизу-республиканцу и другимъ бунтовщикамъ [6]), тоже вполнѣ понятны лишь въ 1801 году, когда разсчеты съ нѣкоторыми главарями революціи были окончены.

Эти промахи были вѣроятно, замѣчены самимъ Карамзинымъ.—онъ даже хотѣлъ «при новомъ изданіи многое перемѣнить въ «Письмахъ», но не перемѣнилъ почти ничего» [7]). Ниже мы увидимъ, что измѣнилъ онъ очень многое, но, главнымъ образомъ, въ стилѣ [8]), въ содержаніи же, дѣйствительно, «почти ничего» не исправлено.

Интересно также, что изъ всѣхъ писемъ, напечатанныхъ въ 5 и 6 томѣ изданія 1801 года только одно письмо носитъ дату — остальныя обозначены только мѣсяцемъ, городомъ и

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 701. [2]) Ibid., 189. [3]) Ibid., 214. [4]) Ibid., 214—5.
[5]) Ibid., 448. [6]) Ibid., 462—3. [7]) Предисл. къ изд. 1797 г.
[8]) «Письма» въ теперешнемъ видѣ (изд. Смирдина) расходятся съ первымъ изданіемъ почти въ 2000 случаяхъ (всевозможныя измѣненія, сокращенія).

иногда годомъ. Между тѣмъ, какъ письма болѣе раннія почти всѣ датированы обстоятельно съ указаніемъ числа мѣсяца. Изъ этого факта можно заключить, что записная книжка Карамзина аккуратно и обстоятельно пополнялась лишь въ началѣ путешествія, когда она, по характеру своему, приближалась къ «дневнику», — и что во вторую половину путешествія книжка эта представляла изъ себя собраніе краткихъ замѣтокъ, какъ теперь оказывается, даже не разнесенныхъ по днямъ...

Сравненіе текста двухъ первыхъ изданій «Писемъ русскаго путешественника» дало намъ слѣдующіе результаты: всевозможныхъ варіантовъ во второмъ изданіи (1797 года) замѣчено было нами до 950; изъ нихъ на первую часть «Писемъ»—приходится—до 500, на вторую—до 250, на третью—130 и на четвертую — 120.

По характеру своему варіанты эти дѣлятся на нѣсколько группъ. Всего многочисленнѣе группа, заключающая въ себѣ случаи *замѣны*: въ ней мы насчитали до 450 случаевъ (замѣна словъ другими — до 345, оборотовъ — до 90, цѣлыхъ предложеній — до 15); затѣмъ, по числу, слѣдуетъ группа, заключающая случаи *выпусковъ*—до 265 случаевъ (выпусковъ словъ—до 150, оборотовъ—до 35, цѣлыхъ предложеній — до 80); случаевъ *передѣлки* (въ смыслѣ или освѣщеніи)—до 100; случаевъ *формальныхъ измѣненій*—до 60; *добавленій*—до 40; *перестановокъ* — до 30.

Приведемъ рядъ примѣровъ на всѣ эти группы варіантовъ.

а. Замѣна одного слова другимъ.

(съ сохраненіемъ того же смысла).

...когда насталъ желаемой [1])... ...когда пришелъ желаемой [2]).

...Всѣ тѣ пріятные образа, въ которыхъ представлялось тешествіи мнѣ путешествіе, затмились [3])...

...Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились [4])...

---

[1]) Моск. Ж. I, 24 стр., 4 сн. [2]) П. р. пут. 1797, I ч., 2 стр., 9 св. (Смирд. 1 стр.). [3]) М. Ж. I, 31, 6 сн. [4]) П. р. п. I, 14, 4 св. (См. 5).

...для проѣзжающихъ, а [1])...	...для проѣзжихъ, а [2])...
..которые безъ понужденія ничего [3])...	...которые безъ принужденія ничего [4])...
...очень понуждали, потому [5])...	...очень принуждали, потому [6])...
...талеровъ. Городъ не такъ, чтобы красивъ былъ, улицы [7])...	талеровъ. Впрочемъ городъ не очень красивъ, улицы [8])...
...вороты. Надобно было дописать [9])...	...вороты. Надлежало дописать [10])...
...онъ довольно пространенъ, но [11])...	...онъ великъ, но [12])...
...смотрѣлъ я на заходящее [13])...	...смотрѣли мы на заходящее [14])...
...закурили дуо, и отъ [15])...	...закурили трубки, и отъ [16])...
...супъ, жареное съ салатомъ [17])...	.... супъ, жаркое съ салатомъ [18])...
...далъ осмотрщикамъ копѣекъ). [19]..	...далъ приставамъ копеекъ [20])...
...его челночекъ завтра [21])...	...его челнъ завтра [22])...
...утомляютъ ужасные пески [23])...	...утомляютъ глубокіе пески [24])...
...Всѣ извощики, ѣдущіе въ [25])...	Всѣ они, отправляясь въ [26])...
...Нашъ Гаврила... заплатилъ [27])...	Нашъ Габріель заплатилъ [28])...
...зналъ, не изъ чего-бы не поѣхалъ [29])...	...зналъ, ни за что-бы не поѣхалъ [30])...

[1]) М. Ж. I, 35, 3 св. [2]) П. р. п. I, 19, 10 св. (См. 7). [3]) М. Ж. I, 36, 4 св. [4]) П. р. п. I, 22, 4 св. (См. 8). [5]) М. Ж. I, 36, 3 св. [6]) П. р. п. I, 22, 7 св. (См. 8). [7]) М. Ж. I, 40, 12 св. [8]) П. р. п. I, 28, 1 св. (См. 11). [9]) М. Ж. I, 41, 5 св. [10]) П. р. п. I, 30, 7 св. (См. 12). [11]) М. Ж. I, 44, 6 св. [12]) П. р. п. I, 35, 9 св. (См. *13*). [13]) М. Ж. I, 47, 12 св. [14]) П. р. п. I, 39, 7 св. (См. 14). [15]) М. Ж. I, 48, 10 св. [16]) П. р. п. I, 41, 8 св. (См. 15). [17]) М. Ж., I, 50, 7 св. [18]) П. р. п., I, 44, 6 св. (См 16). [19]) М. Ж. I, 52, 4 св. [20]) П. р. п. I, 47, 4 св. (См. 17). [21]) М. Ж. I, 52, 7 св. [22]) П. р. п. I, 48, 4 св. (См. 18). [23]) М. Ж. I, 53, 7 св. [24]) П. р. п. I, 50, 3 св. (См. 18). [25]) М. Ж. I, 53, 6 св. [26]) П. р. п. I, 50, 2 св. (См. *18*). [27]) М. Ж. I, 53, 3 св. [28]) П. р. п. I, 51, 3 св. (См. 18). [29]) М. Ж. I, 156, 11 св. [30]) П. р. п. I, 62, 5 св. (См. 22).

...Театрахъ. шатающимися Актерами [1])...	...Театрахъ, странствующими актерами [2])...

Приведенныхъ образцовъ достаточно, по нашему мнѣнію, чтобы дать понятіе о характерѣ тѣхъ измѣненій, которыя Карамзинъ во второмъ изданіи произвелъ надъ отдѣльными словами. Не желая обременять статьи массой цитатъ, укажемъ еще, для примѣра, нѣсколько мѣстъ, гдѣ также произошла замѣна одного слова другимъ.

М. Ж. I, 168, 10 сн. = П. р. п. I, 81, 3 сн. (См. *30)*; М. Ж. I, 168, 5 сн. = П. р. п. I, 82, 3 св. (См. 30); М. Ж. I, 169, 12 сн. = П. р. п. I, 83, 8 св. (См. 30); М. Ж. I, 169, 10 сн. = П. р. п. I, 83, 10 св. (См. 30); М. Ж. I, 170, 2 св. = П. р. п. I, 84, 4 св. (См. 30); М. Ж. I, 171, 10 св. = П. р. п. I, 86, 7 св. (См. 31); М. Ж. I, 171, 13 св. = П. р. п. I, 86, 10 св. (См. 31); М. Ж. I, 172, 8 св. = П. р. п. I, 87, 8 сн. (См. 32); М. Ж. I, 174, 3 св. = П. р. п. I, 90, 10 св. (См. 33); М. Ж. I, 175, 1 сн. = П. р. п. I, 93, 9 сн. (См. 34); М. Ж. I, 178, 9 св. = П. р. п. I, 97, 1 св. (См. 35); М. Ж. I, 180, 11 сн. = П. р. п. I, 100, 3 сн. (См. 37); М. Ж. I, 184, 4 сн. = П. р. п. I, 107, 9 св. (См. *39*); М. Ж. I, 186, 10 сн. = П. р. п. I, 110, 5 св. (См. 40); М. Ж. I, 190, 13 сн. = П. р. п. I, 116, 7 сн. (См. 43); М. Ж. I, 190, 8 сн. = П. р. п. I, 117, 2 св. (См. *43);* М. Ж. I, 192, 4 св. = П. р. п. I, 119, 8 св. (См. 44); М. Ж. I, 192, 2 сн. = П. р. п. I, 120, 7 сн. (См. 44); М. Ж. I, 193, 9 сн. = П. р. п. I, 121, 6 св. (См. 45); М. Ж. I, 311, 2 св. = П. р. п. I, 126, 8 св. (См. 47); М. Ж. I, 312, 4 св. = П. р. п. I, 128, 6 св. (См. 47); М. Ж. I, 312, 10 св. = П. р. п. I, 128, 5 сн. (См. 48); М. Ж. I, 313, 4 сн. = П. р. п. I, 129, 10 сн. (См. 48) [3]), и мн. др.

Всѣ эти измѣненія, главнымъ образомъ, свидѣтельствуютъ о той заботливости, съ которою относился Карамзинъ къ своему языку. Впрочемъ, иногда, замѣняя одно слово дру-

---

[1]) М. Ж. I, 157, 20 сн. [2]) П. р. п. I, 63, 14 сн. (См. 23).

[3]) Мы не считали нужнымъ каждый случай замѣны отмѣчать особой ссылкой, а потому часто одна ссылка заключаетъ 2, 3 случая замѣны одного слова другимъ, если они стоятъ рядомъ.

гимъ, Карамзинъ руководился и другими соображеніями,—такъ, напримѣръ:

...въ землѣ *свободы* и *щастья!* Кажется [1])...

...въ землѣ *тишины* и *благополучія!* Кажется [2])...

Здѣсь говорится о Швейцаріи; въ 1791 году Карамзинъ отважился соединить эти два понятія («свобода» и «щастье») вмѣстѣ, но въ 1797 году онъ предпочелъ замѣнить ихъ менѣе рискованными понятіями («тишина» и «благополучіе»).

Интересна также та борьба, въ которую вступилъ Карамзинъ съ архаизмами и варваризмами, вкравшимися въ первое изданіе «Писемъ». Такъ, нами замѣчены 35 случаевъ замѣны слова *сей* словомъ *этотъ* [3]), 23 случая измѣненія оборота съ исчезновеніемъ слова *сей* [4]), 18 случаевъ уничтоженія слова *оный* [5]) и въ 32 случаяхъ уничтожены были варваризмы; полный перечень ихъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ значеніе, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ вошли въ нашу рѣчь и, можетъ быть, впервые употреблены Карамзинымъ.

---

[1]) М. Ж. IV, 65, 12 св. [2]) П. р. п. II, 228, 7 сн. (См. 192).

[3]) М. Ж. I, 39, 2 св. = П. р. п. I, 27, 2 св. (См. 10). М. Ж. I, 189, 1 сн. = П. р. п. I, 115, 2 сн. (См. 42). М. Ж. I, 191, 9 св. = П. р. п. I, 118, 1 св. (См. 43). М. Ж. I, 331, 9 св. = П. р. п. I, 159, 8 сн. (См. 59); М. Ж. I, 332, 12 св. = П. р. п. I, 161, 9 сн. (См. 60); М. Ж. I, 338, 3 св. = П. р. п. I, 170, 6 св. (См. 63); М. Ж. I, 338, 1 сн. = П. р. п. I, 171, 9 св. (См. 64); М. Ж. II, 31, 9 св. = П. р. п. I, 218, 8 св. (См. 78); М. Ж. II, 159, 4 св. = П. р. п. I, 271, 7 сн. (См. 98); М. Ж. III. 55, 10 св. = П. р. п. II, 66, 1 сн. (См. 131); М. Ж. III, 170, 6 сн. = П. р. п. II, 108, 5 св. (См. 147); М. Ж. III, 184, 2 св. = П. р. п. II, 129, 2 сн. (См. 155) и др.

[4]) М. Ж. I, 178, 9 св. = П. р. п. I, 97, 1 св. (См. 35); М. Ж. I, 338, 7 св. = П. р. п. I, 170, 11 св. (См. 63); М. Ж. II, 14, 5 сн. = П. р. п. I, 193, 10 сн. (См. 72); М. Ж. II, 16, 11 св. = П. р. п. I. 196, 1 св. (См. 72); М. Ж. II, 36, 9 св. = П. р. п. I, 226, 2 сн. (См. 81); М. Ж. II, 39, 12 сн. = П. р. п. I, 231, 9 св. (См. 83); М. Ж. II, 47, 9 св. = П. р. п. I, 241, 6 сн. (См. 88); М. Ж. II, 164, 8 св. = П. р. п. I, 279, 7 св. (См. 101); М. Ж. III, 58, 1 сн. = П. р. п. II, 72, 2 сн. (См. 133); М. Ж. III. 60, 12 св. = П. р. п. II, 75, 6 св. (См. 134); М. Ж. III. 62, 2 сн. = П. р. п. II, 79, 8 сн. (См. 136) и др.

[5]) М. Ж. I, 179, 5 сн. = П. р. п. I. 99, 4 св. (См. 36); М. Ж. I, 342, 6 св. = П. р. п. I, 177, 6 св. (См. 66); М. Ж. I. 348, 9 св. = П. р. п. I, 187, 6 св. (См. 69); М. Ж. II, 299, 11 сн. = П. р. п. II, 20, 2 сн. (См. 114); М. Ж. II, 313, 9 св. = П. р. п. II, 44, 3 сн. (См. 123); М. Ж. III, 47, 6 св. = П. р. п. II, 59, 10 сн. (См. 126); М. Ж. IV, 57, 8 сн. = П. р. п. II, 216, 7 св. (См. 187) и др.

...о моемъ *вояжѣ*. Молодой[1])...	о моемъ *путешествіи*. Молодой [2])...
...границѣ *визитація* была[3])...	...границѣ *осмотръ* былъ[4])...
...перервемъ *діалогъ*, которой [5])...	...перервемъ *разговоръ*, которой [6])...
...платье. *Партія* за *партіею* встрѣчается [7])...	...платье, и *толпа* за *толпою* встрѣчается [8]).
...оскорбилось. Я началъ *декламировать* противъ войны изо всей силы, описывая [9])...	...оскорбилось. Я *вооружился* противъ войны всѣмъ своимъ *краснорѣчіемъ*, описывая [10])...
...рѣшилъ *процессъ* въ пользу [11])...	...рѣшилъ *споръ* въ пользу [12])...
...своего *вояжа*, то [13])...	...своего *путешествія*, то [14])...
...потомъ *публикуетъ* о васъ [15])...	потомъ *объявятъ* о васъ [16])...
...дѣлаетъ ее тѣмъ *интереснѣе* для [17])...	...дѣлаетъ ее *любезнѣе* для [18])...
...гораздо *натуральнѣе* представлять [19])...	гораздо *свойственнѣе* представлять [20])...
...весьма *интересную* психологическую [21])...	...весьма *занимательную* психологическую [22])...
...изъ *національной* брани [23])...	...изъ *народной* брани [24])...
...лица ея. *Натурально*, что за поклонъ [25])...	...лица ея. Какъ *водится* за поклонъ [26])...
...желая *натуральнѣе* представить [27])...	...желая *естественнѣе* представить [28])...

---

[1]) М. Ж. I, 33, 6 сн. [2]) П. р. п. I, 17, 5 св. (См. 6). [3]) М. Ж. I, 52, 3 св. [4]) П. р. п. I, 47, 5 сн. (См. 17). [5]) М. Ж. I, 163, 3 сн. [6]) П. р. п. I, 73, 5 сн. (См. 27). [7]) М. Ж. I, 179, 2 св. [8]) П. р. п. I, 98, 1 св. (См. 36). [9]) М. Ж. I, 181, 5 сн. [10]) П. р. п. I, 102. 4 сн. (См. 38). [11]) М. Ж. I, 308, 5 сн. [12]) П. р. п. I, 122, 4 сн. (См. 45). [13]) М. Ж. I. 321, 2 сн. [14]) П. р. п. I, 143, 3 сн. (См. 53). [15]) М. Ж. I, 333, 13 сн. [16]) П. р. п. I, 163, 2 св. (См. *60*). [17]) М. Ж. II, 22, 4 св. [18]) П. р. п. I, 204, 8 св. (См. 73). [19]) М. Ж. II, 40, 12 св. [20]) П. р. п. I, 232, 5 св. (См. 83). [21]) М. Ж. II, 42, 6 св. [22]) П. р. п. I, 235, 7 сн. (См. 84) [23]) М. Ж. II, 49, 8 сн. [24]) П. р. п. I, 249, 1 св. (См. 89). [25]) М. Ж. II, 152, 10 св. [26]) П. р. п. I, 260, 4 св. (См. *93*). [27]) М. Ж. II, 163, 6 св. [28]) П. р. п. I, 277, 10 сн. (См. 100).

...каждому *рекомендовалъ* меня [1])...	...каждому *представлялъ* меня [2])...
...переводъ по большей части *литтераленъ* и ясенъ [3])...	...переводъ *вѣренъ* и ясенъ [4])...
...достигнувъ до высочайшаго *пункта* линіи,—пункта, заключавшаго [5])...	...достигнувъ до высочайшей *степени* — заключавшей [6])...
...вы *мастеръ* мой [7])...	...вы *учитель* мой [8]).
...плодомъ *энтузіазма*, произведеннаго во [9])...	плодомъ *ревности*, произведенной во [10])...
...теперь я начинаю вами *интересоваться*—скажите [11])...	...тееперь вы вселили въ меня *желаніе узнать* васъ короче — скажите [12])...
...учености или *эрудиціи*)—есть-ли [13])...	...учености) — есть-ли [14])...
...въ *катедральной* церкви [15])...	...въ *соборной* церкви [16])...
...видѣть иную *мину*. Мнѣ [17])...	...видѣть другое *выраженіе*. Мнѣ [18])...
...весьма *натурально*. Но [19])...	...весьма *естественно*. Но [20])...
...изъ *партикулярныхъ* людей [21]).	...изъ *частныхъ* людей [22])...
...искусство въ *балансированьи*, она неизбѣжно [23])...	...искусство въ *прыганіи*, неизбѣжно [24])...
...перваго *момента*, въ которомъ [25])...	...перваго *мгновенія*, въ которомъ [26])...

---

[1]) М. Ж. III, 47, 1 сн.
[2]) П. р. п. II, 54, 5 сн. (См. 127).
[3]) М. Ж. III, 48, 5 сн.
[4]) П. р. п. II, 56, 2 сн. (См. 127).
[5]) М. Ж. III, 70, 5 сн.
[6]) П. р. п. II, 91, 3 сн. (См. 140).
[7]) М. Ж. III, 168, 6 сн.
[8]) П. р. п. II, 101, 1 сн. (См. 146).
[9]) М. Ж. III, 173, 4 сн.
[10]) П. р. п. II, 111, 7 сн. (См. 148).
[11]) М. Ж. III, 174, 4 сн.
[12]) П. р. п. II, 113, 8 сн. (См. 149).
[13]) М. Ж. III, 178, 3 сн.
[14]) П. р. п. II, 121, 7 сн. (См. 152).
[15]) М. Ж. III, 303, 9 сн.
[16]) П. р. п. II, 172, 6 сн. (См. 171).
[17]) М. Ж. IV, 58, 8 сн.
[18]) П. р. п. II, 217, 2 сн. (См. 188).
[19]) М. Ж. IV, 68, 11 сн.
[20]) П. р. п. II, 233, 3 сн. (См. 194).
[21]) М. Ж. IV, 70, 13 сн.
[22]) П. р. п. II, 236, 1 сн. (См. 196).
[23]) М. Ж. V, 51, 10 сн.
[24]) П. р. п. III, 139, 10 сн. (См. 276).
[25]) М. Ж. V, 369, 1 сн.
[26]) П. р. п. III, 178, 9 сн. (См. 291).

...писалъ объ *инсектахъ*. Женева [1])...	...писалъ о *насѣкомыхъ*. Женева [2]).
...нежели *визитъ*, который [3])...	нежели *посѣщеніе*, которое [4])...
...есть *фрагментъ*: только [5])...	...есть фрагментъ или *отрывокъ*; только [6])...
...любилъ я съ *энтузіазмомъ*, и которая [7]).	...любилъ я съ такимъ *жаромъ*, и которая [8]).
...нежели *интересностью* приключеній [9])...	...нежели *важностію* приключеній [10])...

Кромѣ приведенныхъ измѣненій бросается въ глаза нѣсколько разъ повторяющаяся замѣна слова «почитать» словомъ «считать» [11]), «тщетно» — «напрасно» [12]), «только» — «единственно» [13]), «окошко» — «окно» [14]), «ужели» — «неужели [15]), «Ратуша» — «Магистратъ» [16]).

b. Замѣна одного оборота рѣчи другимъ.

...Всѣ тѣ пріятные образа, въ которыхъ представлялось мнѣ путешествіе, затмились [17]).	...Всѣ пріятныя мысли о путешествіи, затмились [18])...

[1]) М. Ж. VI, 346, 3 св. [2]) П. р. п. IV, 12, 2 сп. (См. 342).
[3]) М. Ж. VI, 350, 2 св. [4]) П. р. п. IV, 18, 3 сп. (См. 345).
[5]) М. Ж. VIII, 79, 7 сп. [6]) П. р. п, IV, 188, 3 сп.
[7]) Аглая, I, 131, 2 св. [8]) П. р. п. VI, 58, 5 св. (См. 659).
[9]) Аглая, II, 129, 2 сп. [10]) П. р. п. V, 34, 4 св. (См. 473). [11]) М. Ж. I, 44, 1 сп. = П. р. п. I, 35, 6 сп. (См. 13); М. Ж. II, 35, 2 св. = П. р. п. I. 224, 5 св. (См. 80); М. Ж. II, 170, 9 св. = П. р. п. I, 288, 6 сп. (См. 105); М. Ж. II 310, 7 св. = П. р. п. II, 38, 8 св. (См. 121). [12]) М. Ж. I, 152, 3 св. = П. р. п. I, 55, 3 св. (См. 20); М. Ж. III, 185, 7 сп. = П. р. п. II. 132. 6 сп. (См. 156). [13]) М. Ж. I, 189, 1 св. = П. р. п. I, 114, 5 св. (См. 42); М. Ж. I, 343, 12 св. = П. р. п. I, 179, 5 св. (См. 66); М. Ж. III, 312, 3 сп. = П. р. п. II, 188, 1 св. (См. 177); М. Ж. IV, 74, 9 св. = П. р. п. II, 243, 2 сп. (См. 198); М. Ж. IV, 186, 12 св. = П. р. п. II, 289, 5 св. (См. 215). [14]) М. Ж. II, 290. 7 сп. = П. р. п. II, 5, 7 сп. (См. *109*); М. Ж. III, 291, 3 св. = П. р. п. II, 152, 3 св. (См. 163); М. Ж. IV, 171, 3 сп. = П. р. п. II, 264, 3 сп. (См. 206); М. Ж. IV, 180, 12 сп. = П. р. п. II, 279, 7 сп. (См. 211); М. Ж. IV, 181, 2 св. = П. р. п. II, 280, 10 сп. (См. 212); М. Ж. VIII, 82, 13 сп. = П. р. п. IV, 192, 1 сп. (См. 414). [15]) М. Ж. IV, 182, 7 св. = П. р. п. II, 282, 11 св. (См. 212); Аглая, II, 162, 2 сп. = П. р. п. IV, 74, 6 сп. (См. 490). [16]) Аглая, II, 163, 1 св. = П. р. п. IV, 75, 4 сп. (См. 490). [17]) М. Ж. I, 31, 6 сп.
[18]) П. р. п. I, 14, 4 св. (См. 5).

...что въ коляску его запрягли лошадей. Лишь [1])...

...націи, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не [3])...

...Французомъ, почелъ я за должное открыть имъ заблужденіе ихъ, но [5])...

...чемоданъ, положась на мое слово, что [7])...

...что къ нимъ пріѣхали комедіанты [9])...

...Шенка. При въѣздѣ въ городъ, насъ остановили, записали [11])...

...прапорщиковъ человѣкъ съ тридцать. Содержаніемъ [13])...

...жизни моей, надѣясь вступить [15])...

...отрицаться отъ своего ученія. Коперникъ [17])...

...парусы плывущихъ въ разномъ разстояніи по волнующемуся, необозримому [19])...

...Офицера, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ до первой перемѣны, гдѣ онъ обѣщался пересѣсть въ фуру...Старые [21])...

...что коляска его готова. Лишь [2])...

...націи, видѣвъ только пограничной городъ. Нѣмцы не [4])...

...Французомъ, почелъ я за должное вывести ихъ изъ заблужденія [6])...

...чемоданъ, вѣря моему слову, что [8])...

...что у нихъ Комедіанты [10])..

...Шенка. У городскихъ воротъ записали [12])...

...прапорщиковъ, до тридцати человѣкъ. Содержаніемъ [14])...

...жизни моей; ибо надѣюсь вступить [16])...

...отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ [18])...

...парусы разсѣянныхъ по волнистому, необозримому [20])...

...Офицера оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые [22])...

---

[1]) М. Ж. I, 40, 6 св. [2]) П. р. п. I. 27, 12 св. (См. *11*). [3]) М. Ж. I. 48, 4 св. [4]) П. р. п. I 42, 1 св. (См. 15). [5]) М. Ж. I. 49, 4 св. [6]) П. р. п. I, 42, 9 св. (См. *15*). [7]) М. Ж. I, 52, 7 св. [8]) П. р. п. I, 47, 1 св. (См. 17). [9]) М. Ж. I, 156, 10 св. [10]) П. р. п. I, 61, 1 св. (См. 22). [11]) М. Ж. I, 165, 1 св. [12]) П. р. п. I. 76, 6 св. (См. 28). [13]) М. Ж. I, 167, 5 св. [14]) П. р. п. I, 79, 9 св. (См. 29). [15]) М. Ж. I, 170, 5 св. [16]) П. р. п. I, 84, 8 св. (См. 30). [17]) М. Ж. I, 186, 5 св. [18]) П. р. п. I, 109, 10 св. (См. 40). [19]) М. Ж. I, 189. 3 св. [20]) П. р. п. I, 115, 4 св. (См. 43). [21]) М. Ж. I, 310, 13 св. [22]) П. р. п. I, 125, 10 св. (См. 46).

...Университетъ везетъ въ карманѣ не книгу, а ужасныя шпоры, стали [1])...	...Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманѣ такую вещь, стали [2])...
...Солдатъ взвалилъ себѣ на плеча мой скарбъ, а я [3])...	...Солдатъ взялъ мои пожитки, а я [4])...

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, аналогичные случаи замѣны одного оборота другимъ встрѣтили мы, между прочимъ, еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 311, 11 сн. = П. р. п. I, 127, 4 св. (См. 47); М. Ж. I, 323, 1 сн. = П. р. п. I, 147, 6 сн. (См. 55); М. Ж. I, 327, 13 сн. = П. р. п. I, 153, 10 сн. (См. 57); М. Ж. I, 328, 3 св. = П. р. п. I, 154, 9 сн. (См. 57); М. Ж. I, 331, 11 св. = П. р. п. I, 159, 5 сн. (См. *59*); М. Ж. I, 333; 4 св. = П. р. п. I, 162, 9 св. (См. 60); М. Ж. I, 335, 4 сн. = П. р. п. 1, 166, 7 сн. (См. 62); М. Ж. I, 336, 1 св. = П. р. п. I, 166, 3 сн. (См. 62); М. Ж. I. 336, 13 сн. = П. р. п. I, 167, 7 сн. (См. 62); М. Ж. I. 340, 8 св. = П. р. п. I, 174, 4 св. (См. 65); М. Ж. I, 340, 10 сн. = П. р. п. I, 174, 7 сн. (См. 65); М. Ж. I. 341, 13 сн. = П. р. п. I, 176, 3 св. (См. *65*); М. Ж. I, 343, 2 сн. = П. р. п. I, 180, 2 св. (См. 67); М. Ж. I, 344, 3 сн. = П. р. п. I, 181, 3 сн. (См. 67); М. Ж. I, 347, 12 св. = П. р. п. I, 185, 2 сн. (См. 69); М. Ж. I, 348, 7 св. = П. р. п. I, 187 4 св. (См. 69); М. Ж. I, 348, 12 св. = П. р. п. I, 187, 10 сн. (См. 69); М. Ж. I, 348, 4 сн. = П. р. п. I, 188, 4 св. (См. 70); М. Ж. II, 12, 7 св. = П. р. п. I, 189, 7 св. (См. 70) и мн. др.

Бо́льшая часть этихъ измѣненій точно также объясняется заботами Карамзина объ языкѣ: онъ старательно ищетъ для своей мысли выраженія, болѣе подходящаго и въ то же время болѣе сжатаго.

---

[1]) М. Ж. I, 321. 10 св. [2]) П р. п. I, 142. 4 св. (См. 53). [3]) М. Ж. I. 329, 13 св. [4]) П р. п. I, 156, 6 сн. (См. 58.)

c. Замѣна цѣлаго предложенія (или ряда предложеній) другимъ.

...вещей. За обѣдомъ ѣли мы живую, весьма вкусную рыбу, которою [1])...

...вещей. Обѣдъ нашъ состоялъ въ разныхъ блюдахъ свѣжей и вкусной рыбы, которою [2])...

...письмо. Хотя я по слуху составилъ себѣ и такъ весьма непышное понятіе о почтовой колискѣ, однако-же въ самомъ дѣлѣ нашелъ ее хуже, нежели думалъ. Она [3])...

...письмо. Прусская, такъ называемая почтовая, коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она [4])...

...Магистеръ. Намъ дали еще открытую фуру, гдѣ сѣлъ Ширмейстеръ съ капитанскимъ слугою. Офицеръ [5])...

...Магистеръ. Для нихъ и для капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ [6])...

...другъ вашъ ѣлъ тамъ прекрасныя форели и пилъ прекрасный бишофъ—вспомните, и велите подать себѣ и того, и другого. Здѣсь [7])...

...другъ вашъ тамъ обѣдалъ, вспомните и велите подать себѣ форелей и бишофу. Здѣсь. [8])...

...Неблагодаренъ тотъ путешественникъ, который забываетъ подобныя угощенія! Что принадлежитъ до меня, то всегда буду помнить, что въ тотъ день, въ которой носились въ головѣ моей дѣла Фридриха Вильгельма, обѣдалъ я у мило-

...Неблагодаренъ путешественникъ, забывающій такихъ добрыхъ, ласковыхъ трактирщицъ. По крайней мѣрѣ, я не забуду тебя, миловидная нѣмка! Вспомнивъ монументъ Фридриха Вильгельма, вспомню я пріятное твое угощеніе, пріят-

---

[1]) М. Ж. I, 55, 1 сн. [2]) П р. п. I, 52, 5 сн. (См. 19).
[3]) М. Ж. I. 180, 3 сн. [4]) П р. п. I. 100, 1 сн. (См. 37). [5]) М. Ж, I, 50[illegible], 13 сн. [6]) П р. п. I, 122. 4 сн. (См. 45). [7]) М. Ж. I, 315, 7 сн.
[8]) П р. п. I, 134, 8 сн (См. 49).

*

видной трактирщицы и былъ доволенъ! «Что [1])...

...Эйлалія рѣшится, въ собственное свое наказаніе, разсказать Графинѣ свою исторію. «Величайшая жертва, говоритъ она, какую искреннее раскаянье принести можетъ, состоитъ въ томъ, чтобы добровольно отказаться отъ почтенія любезныхъ людей!» Но [3])...

...случай оказать услугу Графу. Сей послѣдній упалъ съ моста въ рѣку, и конечно-бы утонулъ, если бы Мейнау не бросился и не вытащилъ его. Графъ [5])...

...не намѣренъ меня долго у себя удерживать. Конечно, я пришелъ не во время? спросилъ я: «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ я поутру обыкновенно чѣмъ-нибудь занимаюсь И такъ [7])...

...художества, и есть-ли не восхищался, то, по крайней мѣрѣ, любовался ею около часа. Думаютъ, что Виргиліево описаніе нещастнаго Лаокоонова конца* (*.Лаокоонъ,

ные взоры, пріятныя слова твои...«Что [2])...

...Эйлалія разсказываетъ Графинѣ свою исторію. «Вы будете презирать меня, говоритъ она; такъ и быть! Небесное правосудіе требуетъ жертвы отъ искренняго раскаянья: я приношу ее, лишаясь добраго мнѣнія о моемъ сердцѣ». Но [4])...

...случай спасти Графа Винтерзее, который утонулъ-бы въ рѣкѣ безъ его помощи. Графъ [6])...

...не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. Конечно, вы заняты? спросилъ я. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ по утру мы обыкновенно что-нибудь дѣлаемъ»... И такъ [8])...

...художества, и по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждаютъ, что она подала Виргилію мысль къ описанію нещастнаго Лаокоонова конца* (*.Ла-

---

[1]) М. Ж. I, 317, 7 св. [2]) П р. п. I, 136, 4 св. (См. 50).
[3]) М. Ж. II, 18, 11 сп. [4]) П р. п. I, 199, 8 св. (См. 72). [5]) М. Ж. II, 18, 2 сп. [6]) П р. п. I, 199, 1 сп. (См. 72). [7]) М. Ж. III, 166. 6 св.
[8]) П р. п. II, 100, 3 сп. (См. 144).

братъ Анхизовъ, былъ въ Троѣ Нептуновымъ Священникомъ (Laocoon ductus Neptuno sorte sacerdos. Virg. Aen. II, 201) и не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ деревянную лошадь, въ которой скрывались Греческіе воины; но боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе ужаснѣйшимъ образомъ

Вдругъ вышли изъ моря двѣ страшныя змѣи, бросились на него, приносившаго жертву и пожрали его вмѣстѣ съ двумя юными сынами), взято съ сей группы, которую почитаютъ произведеніемъ Фидіасова рѣзца: по крайней мѣрѣ, она его достойна. Плиній пишетъ, что онъ видѣлъ во дворцѣ Императора Тита**(**Кн. 30, ч. V); и такъ, можетъ быть, что она уже въ Виргиліево время была въ Римѣ. Только поэтъ удалился отъ художника. Онъ описываетъ *послѣдственное* или *равновременное* дѣйствіе (action successive), а художникъ представилъ и, по законамъ необходимости, долженъ былъ представить *купное* или *единовременное* (action simultanée). Въ стихахъ Виргиліевыхъ змѣи растерзали окоонъ, братъ Анхизовъ не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ деревянную лошадь, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе). Смотря на нее, прочиталъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ: «Другое ужаснѣйшее происшествіе вселяетъ трепетъ въ сердца наши. Лаокоонъ, избранный по жребію въ жрецы Нептуновы, торжественно приносилъ въ жертву тучнаго быка — и вдругъ, на поверхности тихихъ водъ, отъ страны Тенедоса, являются... (страшное воспоминаніе!) являются два ужасные зміи и рядомъ плывутъ къ берегу; кровавая глава и грудь ихъ гордо возвышаются надъ волнами; неизмѣримый хребетъ ихъ извивается въ кругахъ безчисленныхъ; плывутъ, съ шумомъ разсѣкая пѣнистую влагу и достигаютъ брега. Пламя и кровь въ очахъ ихъ. Страшно шипятъ они, страшно зіяютъ— и народъ въ ужасѣ спасается бѣгствомъ. Сіи чудовища спѣшатъ къ Лаокоону; бросаются сперва на двухъ юныхъ сыновъ

прежде двухъ сыновъ Лаокоановыхъ, а потомъ уже его самого, бросившагося на помощь къ своимъ дѣтямъ; но Фидіасъ соединяетъ сіи два момента* (*Здѣсь бы можно было сказать по русски два времени; но, съ позволенія г.г. Пуристовъ, оставляю въ текстѣ иностранное, въ семъ смыслѣ, болѣе русскаго извѣстное слово), и драконы схватываютъ у него вмѣстѣ и отца, и дѣтей. Виргиліево описаніе конечно хорошо, но оно есть самая сухая исторія противъ Фидіасовой *поэмы* — такъ, по справедливости, можно назвать его трогательную группу, въ которой видимъ сильное и стройное воображеніе, необыкновенную чувствительность и великое искусство художника, находить и показывать изящное въ самомъ ужасномъ и возмутительномъ. Лаокоонъ его есть совершеннѣйшая форма человѣческаго тѣла; онъ представленъ старцемъ, но старцемъ величественнымъ и, можно сказать, прекраснымъ. Физическая боль выражена живо; но она смягчается и дѣлается трогательною, мѣшаясь съ горестью нѣжнаго отца, видящаго погибель своихъ дѣтей. Они съ двухъ разныхъ сторонъ бросаются къ нему (думая, по своей невинности, что подлѣ родителя нѣтъ для нихъ опасности); но лютыя чудовища вокругъ ихъ обвиваются—меньшой (жертва, тѣмъ трогательнѣйшая!) пожираемъ змѣею, а другой остается только запутаннымъ въ петляхъ хребта драконова. Сей самой драконъ терзаетъ и Лаокоона, которой тщетно силится отъ него освобо-

его и терзаютъ нещастныхъ. Лаокоонъ стремится съ копіемъ на помощь къ нимъ; отецъ злополучной! Зміи обвиваются вокругъ его шеи, и шипятъ надъ его головой. Тщетно хочетъ онъ освободиться отъ чудовищъ ужасныхъ, руки старца безсильны. Покрытый ихъ нечистымъ гноемъ, ихъ ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ стенаетъ—и вопль его до звѣздъ возносится!» Съ какою живостью изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горесть нещастнаго родителя, которой видитъ погибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ! Фидіасъ былъ поэтъ [1])...

[1]) П. р. п. II, 200, 4 сп. (См. 181).

диться и разорвать на шеѣ петлю, его жмущую. Уста его готовы испустить вопль (у Виргилія вопль его до звѣздъ возносится)—но геройская твердость сжимаетъ ихъ. Однимъ словомъ, кто можетъ смотрѣть на сію группу съ холоднымъ сердцемъ, тотъ носитъ въ груди своей весь ледъ сѣвера и происходитъ отъ ненавистнаго богамъ поколѣнія [1])...

...рогъ. Разсказываютъ, что лѣтъ за 400 передъ симъ здѣшніе Жиды хотѣли отворить городскія ворота непріятелю, и согласились подать ему сигналъ въ сей рогъ. Заговоръ [2])...

...рогъ, которымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятія Страсбурга. Заговоръ [2]) ..

...иногда въ сихъ дикихъ и мертвыхъ странахъ видятъ величайшую изъ птицъ, Альпійскаго орла, которому [4])...

...иногда, надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійскій орелъ, которому [5])...

...усердіемъ. Возвратясь въ свою комнату, надѣлъ онъ сюртукъ и пошелъ со двора. Пришелъ часъ [6])...

...усердіемъ; послѣ чего, не сказавъ ни слова, вдругъ скрылся. Насталъ часъ [7])...

...свѣдать. Въ комнатѣ его нашли въ цѣлости всѣ его пожитки и даже нѣкоторую сумму денегъ, и потому увѣрились, что Аббатъ, оставляя свою комнату, не былъ намѣренъ путешествовать по бѣлу свѣту. Аббатъ [8])...

...свѣдать. Всѣ пожитки его и кошелекъ съ луидорами остались въ его комнатѣ. Аббатъ [9])...

---

[1]) М. Ж. III, 319, 4 сн. [2]) М. Ж. IV, 56, 6 сн. [3]) Н. р. п. II, 211, 5 сн. (См. 187). [4]) М. Ж. V, 51, 3 сн. [5]) Н. р. п. III, 138, 8 сн. (См. 276). [6]) М. Ж. I, 60, 9 сн. [7]) Н. р. п. IV, 100, 8 сн. (См. 378).
[8]) М. Ж. I, 61, 1 сн. [9]) Н. р. п. IV, 101, 10 сн. (См. 378).

d. Выпускъ одного слова.

...ихъ,—чтобы я взялъ [1])...	...ихъ, и взялъ [2])...
...возраженія мои мнѣ не помогли [3])...	...возраженія мои не помогли [4])...
...за двѣ добрыя кожи [5])...	...за двѣ кожи [6])...
...мало было: пришелъ [7])...	...мало: пришелъ [8])...
...вотъ это нашъ домъ [9])...	...вотъ нашъ домъ [10])...
...добродушіе было на лицѣ [11])...	...добродушіе на лицѣ [12])...
...я когда-нибудь тебя [13])...	...я тебя [14])...
...бездомнымъ странникомъ на землѣ сей и [15])...	...бездомнымъ на землѣ странникомъ и [16])...
...а вторые — сѣрые, дьячковскаго покроя. Языки ихъ, хотя разны, однакоже сходны; имѣютъ мало [17])...	...а другіе—сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало [18])...
...хорошій. Не знаю, помнитъ ли [19])...	...хорошій. Помнитъ-ли [20])...
...талеровъ. Городъ не такъ, чтобы красивъ былъ, улицы [21])...	...талеровъ. Впрочемъ, городъ не очень красивъ, улицы [22])...
...Проснувшись и осмотрясь, увидѣлъ [23])...	...Проснувшись, увидѣлъ [24])...
...онъ довольно пространенъ, но [25])...	...онъ великъ, но [26])...

---

[1]) М. Ж. I, 25, 4 сн. [2]) П. р. п. I, 4, 1 св. (См. 2). [3]) М. Ж. I, 29, 4 сн. [4]) П. р. п. I, 11, 8 сн. (См. 4). [5]) М. Ж. I, 31. 6 св. [6]) П. р. п. I, 13, 7 св. (См. 5). [7]) М. Ж. I, 31, 13 сн. [8]) П. р. п. I, 13, 6 сн. (См. 5). [9]) М. Ж. I, 32, 5 сн. [10]) П. р. п. I, 15, 7 сн. (См. 6). [11]) М. Ж. I, 33, 8 сн. [12]) П. р. п. I, 17, 2 св. (См. 6). [13]) М. Ж. I, 34, 11 сн. [14]) П. р. п. I. 18, 9 сн. (См. 7). [15]) М. Ж. I, 34, 8 сн. [16]) П. р. п., I, 18. 6 сн. (См. 7). [17]) М. Ж. I. 36. 8 св. [18]) П. р. п. I, 21, 8 св. (См. 8). [19]) М. Ж. I, 39, 11 св. [20]) П. р. п. I, 26, 5 св. (См. 10). [21]) М. Ж. I, 40, 11 сн. [22]) П. р. п. I, 27, 1 сн. (См. 11). [23]) М. Ж. I. 43, 3 св. [24]) П. р. п. I, 32, 8 сн. (См. *12*). [25]) М. Ж. I, 44, 6 сн. [26]) П. р. I, 35, 9 св. (См. *13*).

...долженъ бываю служить[1])...

...нашъ Гаврила за шесть лошадей заплатилъ три курляндскихъ талера, сказавъ, что онъ поѣдетъ [3])...

...долженъ служить [2])...

...нашъ Габріель заплатилъ три талера, сказавъ, что поѣдетъ [4])...

Кромѣ этихъ случаевъ выпуска слова, встрѣтили мы то же самое еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 172, 2 св. = II. р. п. I, 87, 9 св. (См. 32); М. Ж. I, 174, 7 св. = II. р. п. I, 90, 6 сн. (См. 33); М. Ж. I, 174, 4 сн. = II. р. п. I, 91, 4 сн. (См. 33); М. Ж. I, 175, 8 св. = II. р. п. I, 92, 9 св. (См. 34); М. Ж. I, 176, 4 сн. = II. р. п. I, 95, 1 св. (См. 35); М. Ж. I, 181, 10 сн. = II. р. п. I, 102, 10 сн. (См. 37); М. Ж. I, 187, 2 св. = II. р. п. I, 110, 2 сн. (См. 41); М. Ж. I, 189, 6 сн. = II. р. п. I, 115, 7 сн. (См. 42); М. Ж. I, 193, 2 сн. = II. р. п. I, 121, 2 сн. (См. 45); М. Ж. I, 312, 11 сн. = II. р. п. I, 129, 3 св. (См. 48); М. Ж. I, 312, 8 сн. = II. р. п. I, 129, 7 св. (См. 48); М. Ж. I, 321. 10 сн. = II. р. п. I, 143, 8 св. (См. 53); М. Ж. I, 322, 6 св. = II. р. п. I, 144, 6 св. (См. 53); М. Ж. I, 324, 9 сн. = II. р. п, I, 148, 3 сн. (См. 55); М. Ж. I, 328, 9 св. = II. р. п. I, 154, 2 сн. (См. *57)*; М. Ж. I, 331, 13 сн. = II. р. п. I, 159, 2 сн. *(См. 59)*; М. Ж. I, 333, 8 сн. = II. р. п. I, 163, 8 св. (См. *61)*; М. Ж. I, 335, 11 св. = II. р. п. I, 165, 2 сн. (См. 62); М. Ж. I, 337, 13 св. = II. р. п. I, 169, 5 св. (См. 63); М. Ж. I, 337, 10 сн. = II. р. п. I, 169, 9 св. (См. 63); М. Ж. I, 343, 10 св. = II. р. п. I, 179, 2 св. (См. 66); М. Ж. I, 343, 1 сн. = II. р. п. I, 180, 3 св. (См. 67); М. Ж. I, 344, 8 св. = II. р. п. I, 180, 8 сн. (См. 67); М. Ж. I, 348, 12 сн. = II. р. п. I, 187, 7 сн. (См. 70); М. Ж. II, 12, 4 сн. = II. р. п. I, 190, 1 св. (См. 70); М. Ж. II, 12, 3 сн. = II. р. п. I, 190, 2 св. (См. 70); М. Ж. II, 13, 13 сн. = II. р. п. I, 190, 3 сн. (См. 71); М. Ж. II, 13, 12 сн. = II. р. п. I, 190, 2 сн. (См. 71); М. Ж. II. 16, 4 сн = II. р. п. I, 196, 7 сн. (См. *72*); М. Ж. II, 17, 5 св. =

---

[1]) М. Ж. I, 51. 8 сн.

[2]) М. Ж. I, 47, 2 св. (См. 17).

[3]) М. Ж. I, 53, 3 сн.

[4]) II. р. п. I. 51, 3 св. (См. 18).

П. р. п. I, 197, 5 св. (См. *72*), М. Ж. II, 17, 10 сн.=П. р. п. I, 197, 2 сн. (См. *72*); М. Ж. II, 18, 13 сн.=П. р. п. I, 199, 6 св. (См. *72*); М. Ж. II, 19, 11 сн.=П. р. п. I, 200, 5 сн. (См. *72*); М. Ж. II, 19, 5 сн.=П. р. п. I, 201, 4 св. (См. *72*); М. Ж. II, 21, 8 св.=П. р. п. I, 203, 9 св. (См. *72*); М. Ж. II, 21, 11 св.=П. р. п. I, 203, 10 сн. (См. *72*); М. Ж. II, 23, 13 сн.=П. р. п. I, 204, 1 сн. (См. *73*), и мн. др.

Между этими пропусками, бо̀льшая часть которыхъ сдѣлана въ видахъ улучшенія языка, попадаются нѣкоторые, свидѣтельствующіе о томъ, что и цензурныя соображенія также имѣлись въ виду Карамзинымъ при второмъ изданіи. Напр.:

...вольности, равенства и ...вольности и добрыхъ прадобрыхъ нравовъ [1])... вовъ [2])...

Революціонная формула: «liberté», «égalité» и «fraternité»,— повидимому, увлекшая Карамзина своимъ отвлеченнымъ идеализмомъ, не могла войти цѣликомъ даже и въ первое изданіе,— и онъ замѣнилъ «fraternité»—выраженіемъ: «добрыхъ нравовъ»; во второмъ изданіи, желая еще болѣе уменьшить сходство между своими словами и французской формулой, Карамзинъ совсѣмъ вычеркнулъ слово «равенство».

е. Выпускъ выраженій.

...и при всемъ томъ, когда насталъ желаемой [3])...

...но, когда пришелъ желаемой [4])...

...остался подлѣ кибитки на сильномъ [5])...

...остался на сильномъ [6])...

...въ немъ любезнаго и собственно по особѣ своей почтеннаго человѣка [7])...

...въ немъ любезнаго человѣка [8])...

---

[1]) М. Ж. IV, 308, 3 св. [2]) П р. п. III. 49, 1 св. (См. 211). [3]) М. Ж. I, 24, 5 сн. [4]) П р. п. II, 2, 9 св. (См. 1). [5]) М. Ж. I. 31. 12 св. [6]) П р. п. I, 13, 7 сн. (См. 5). [7]) М. Ж. I, 35, 7 сн. [8]) П р. п. I, 20, 10 св. (См. 8).

...часовой въ разноцвѣтной парѣ, у котораго [1])...	...часовой, у котораго [2])...
...сѣлъ съ своимъ Каспаромъ на конь, и [3])...	...сѣлъ на коня, и [4])...
...почты. — Почти совсѣмъ разсвѣтало [5])...	...почты. Разсвѣтало [6])...
...древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа***, при которомъ онъ, по его просьбѣ, прислалъ [7])...	...древности; знаетъ многіе восточные языки, и показывалъ мнѣ письмо Графа ***, которой прислалъ [8])...
...государь мой, отвѣчалъ я, думалъ и обманулся. Съ сими словами вскочилъ [9])...	...государь мой, думалъ—и обманулся—отвѣчалъ я, вскочилъ [10])...

Еще подобные случаи выпуска выраженій встрѣтили мы въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 333, 1 св.=II. р. п. I, 162, 7 св. (См. 60); М. Ж. I, 335, 13 сн.=II. р. п. I, 166, 3 св. (См. 62): М. Ж. I, 336, 4 св.=II р. п. I, 167, 2 св. (См. 62); М. Ж. I, 336, 10 сн.=II. р. п, I, 167, 10 сн. (См. 5); М. Ж. I, 340, 6 св.=II. р. п. I, 174. 2 св. (См. 65); М. Ж. I, 343, 6 св.=II. р. п. I, 178, 3 сн. (См. 66); М. Ж. II, 19, 10 св.=II. р. п. I. 200, 10 св. (См. 72); М. Ж. III, 70, 11 сн.=II. р. п. II, 90, 4 сн. (См. 140); М. Ж. IV, 74, 3 сн.=II. р. п. II, 243, 2 сн. (См. 198): М. Ж. IV, 190, 1 сн.=II. р. п. II, 296, 4 сн. (См. 218); М. Ж. IV, 295, 1 сн.=II. р. п. III, 29, 10 сн. (См. 234); М. Ж. IV, 318, 3 св.=II. р. п. III, 64, 7 сн. (См. 248); М. Ж. IV, 318, 5 св.=II. р. п. III, 64, 5 сн. (См. 248); М. Ж. V, 36, 4 сн.=II. р. п. III, 113, 2 сн. (См. 266); М. Ж. V, 365,

---

[1]) М. Ж. I, 154, 2 сн. [2]) II. р. п. I, 58, 7 св. (См. 21). [3]) М. Ж. I, 164, 7 св. [4]) II. р. п. I, 74, 2 сн. (См. 27). [5]) М. Ж. I, 189, 9 св. [6]) II. р. п. I, 114, 4 сн. (См. 42). [7]) М. Ж. I, 311, 11 сн. [8]) II. р. п. I, 127, 4 сн. (См. 47). [9]) М. Ж. I, 329, 5 св. [10]) II. р. п. I, 156, 6 сн. (См. 58).

8 сн.=П. р. п. III, 173, 5 св. (См. 289); М. Ж. VII, 24, 10 сн.=П. р. п. IV, 42, 7 сн. (См. 355); М. Ж. I, 60, 3 св.=П. р. п IV, 100, 7 св. (См. 376); Аглая, I, 137, 12 св.=П. р. п. IV, 68, 2 сн. (См. 664); Аглая, II, 144, 11 св.=П. р. п. V, 57, 9 сн. (См. 483).

Есть между этими пропусками и сдѣланные вслѣдствіе цензурныхъ соображеній:

...бичъ человѣчества, тиранъ кровожаждущій, ужасъ [1])...	...бичъ человѣчества, ужасъ [2])...

Говорить о «кровожаждущихъ тиранахъ», любимомъ образѣ революціонной литературы, въ 1797 году Карамзинъ, очевидно, не рѣшился.

---

f. Выпускъ одного или нѣсколькихъ предложеній.

...ни взялся молодой, хорошо одѣтой человѣкъ, или мальчикъ лѣтъ 13, (сталъ предо мною, какъ листъ передъ травой), и съ милою [3])...	...ни взялся хорошо одѣтой мальчикъ лѣтъ 13, и съ милою [4])...
...Правительство постарается о безопасности проѣзжихъ*— (*Въ бытность мою въ Берлинѣ Правительство не могло еще открыть виновниковъ.—Съ того времени велѣно всѣмъ проводникамъ имѣть при себѣ ружье: спасительная предосторожность!) Я [5])...	...Правительство возметъ мѣры для общей безопасности.—Я [6])...
...исполняется. Постилліонамъ, ѣдущимъ съ ординарною почтою, не велѣно останавливаться до-	...исполняется. Напримѣръ, не доѣзжая [7])...

---

[1]) М. Ж. V, 374, 8 сн. [2]) П. р. п. III, 188, 11 сн. (См. 294). [3]) М. Ж. I. 32, 15 св. [4]) П. р. п. I, 15, 8 св. (См. 6). [5]) М. Ж. I, 177, 13 сн. [6]) П. р. п. I, 96, 1 св. (См. *35*). [7]) П. р. п. I, 129, 7 св. (См. *48*).

рогою болѣе одного раза, и то, проѣхавъ половину; по случалось, что наши останавливались раза по три. Не доѣзжая [1])..

...стороны. Наконецъ, офицеры вышли изъ терпѣнія, и

...стороны. Пріѣхавъ [2])...

Капитанъ велѣлъ слугѣ своему сѣсть на козлы и ѣхать. Тутъ негодяи выбѣжали, и сперва было ни мало не думали извиняться, но офицеры такъ на нихъ напустились, что они присмирѣли. Пріѣхавъ [3])...

...казака, которой снималъ съ него платье. Наконецъ, [4])...

...казака? Наконецъ, [5])...

...Поутру опять пріѣхали казаки и отняли у него все, что дали ему добродушные гусары.

...Поутру увидѣлъ [7])...

Черезъ нѣсколько часовъ увидѣлъ [6])...

...Въ немъ видны и великія природныя дарованія и великое искусство. Коротко сказать, я не знаю, какъ можно лучше представить Мизантропа

...Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ, Г-жа Унцельманъ [9])...

съ добрымъ сердцемъ и оскорбленнаго супруга, хотящаго ненавидѣть, но все еще любящаго свою виновную супругу. Г-жа Унцельманъ [8])...

...Потсдамъ. Пріятель мой, выѣхавъ изъ города, тотчасъ

...Потсдамъ. Ничего нѣтъ [11])..

далъ шпоры своему коню и пустился рысью. И я было за нимъ пришпорилъ, но на двадцати шагахъ долженъ былъ остановить свою лошадь, почувствовавъ въ боку колику. Хотя товарищу моему крайне хотѣлось догнать двухъ верьховыхъ, которые передъ нами ѣхали, однакожь для меня поѣхалъ онъ шагомъ. Ничего нѣтъ [10])...

---

[1]) М. Ж. I, 312, 8 сн. [2]) П. р. п. I, 129, 8 сн. (См. 48). [3]) М. Ж. I, 313, 6 сн. [4]) М. Ж. II, 13, 2 сн. [5]) П. р. п. I, 190, 7 сн. (См. 71). [6]) М. Ж. II, 13, 11 сн. [7]) П. р. п. I, 190, 1 сн. (См. 71). [8]) М. Ж. II, 21, 8 сн. [9]) П. р. п. I, 204, 1 сн. (См. 73). [10]) М. Ж. II, 23, 1 сн. [11]) П. р. п. I, 207, 3 сн. (См. 74).

...то есть (сообразно съ Маленбраншевою гипотезою о происхожденіи идей) не начертя на его мозгу никакого особливаго знака, или (по Боннетову) не потряся тамъ никакой новой [1])...

...то есть (сообразно съ Боннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой [2])...

...Изящнымъ*.(*Пріятель мой подъ изящными науками разумѣетъ les belles lettres.—К.), отвѣчалъ [3])...

...Изящнымъ, отвѣчалъ [4])...

...бралъ ихъ. (Тоже должно сказать и въ разсужденіи такъ называемаго графа Каліостро. Писали и говорили, будто-бы Базельскій банкиръ Саразень, имъ обольщенной, передавалъ ему множество денегъ; но Саразень, которой уже давно призналъ Каліостра обманьщикомъ, клялся одному изъ короткихъ своихъ пріятелей, что онъ не давалъ ему ни копейки. Вѣроятно, что святая Инквизиція допыталась до истины и узнала откуда нещастной шарлатанъ, самимъ собою или другими обманутой, бралъ свои бриліанты и золото. Жаль только, что святая Инквизиція со всѣми дѣлами своими есть для насъ непроницаемая тьма, и что мы отъ нея никогда не узнаемъ показанія Каліострова. (Примѣчаніе Издателево). Нынѣ [5])...

...бралъ ихъ. Нынѣ [6])...

...садомъ. Графъ, нещастной графъ, поливалъ цвѣты, фіялки и колокольчики, лиліи и розы. Долго герой воздыхалъ [7])...

...садомъ. Долго нещастной графъ воздыхалъ [8])...

...трупа — явится чудовище насилія и загремитъ цѣпями! Въ [9])...

...трупа. Въ [10]) ..

---

[1]) М. Ж. II, 299, 6 св. [2]) П. р. п. II, 20, 8 св. (См. 111). [3]) М. Ж. II, 307, 3 сп. [4]) П. р. п. II, 34. 7 сп. (См. 120). [5]) М. Ж. III. 64. 2 сп. [6]) П р. п. II, 82, 6 сп. (См. 137). [7]) М. Ж. III, 185. 10 сп. [8]) П. р. п. II. 132. 8 сп. (См. 156). [9]) М. Ж. V. 17. 6 сп. [10]) П. р. п. III, 81, 7 св. (См. 254).

...соломою, и сіи кровли свѣшиваются во всѣ стороны

...соломою и раздѣляются [2])...

такъ далеко, что подъ ними, какъ подъ навѣсомъ, стоятъ у мужиковъ телѣги, сохи, дрова, бочки, и прочія принадлежащія къ хозяйству вещи. Всякій домъ раздѣляется [1])...

...шляпы, почти совсѣмъ безъ тульи, наклоняя ихъ немного на лѣвую сторону; а волосы свои заплетаютъ въ двѣ косы, отъ которыхъ черныя ленты висятъ до самаго подола. Корсеты на нихъ, сколько я примѣтилъ, бываютъ, по большей

...шляпы, красные стамедные кросеты съ крючками, и юпки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою.—Я нанялъ [4])...

части, изъ шерстяной красной матеріи; у нѣкоторыхъ же двуцвѣтные, то есть передняя сторона краснаго, а задняя темнаго цвѣта; богатые застегиваютъ ихъ серебряными крючками. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою; юпки-же носятъ онѣ темнаго цвѣта, и поднимаютъ ихъ подъ самыя плеча, открывая икры, что для меня очень безобразно. Я нанялъ [3])...

...сертукъ* (*Я не имѣю духа писать сюртутъ или—что еще хуже—сюртукъ), выхожу [5])...

...сертукъ, выхожу [6])...

...благодѣтеля* (*Доживемъ-ли мы до того, чтобы какой-нибудь Философъ и Риторъ, какой-нибудь второй Робертсонъ

...благодѣтеля* (*Можетъ быть [8])...

описалъ жизнь и дѣла Петра Великаго?—Можетъ быть [7])...

...сообщу вамъ два: [9])...

...сообщу вамъ одинъ: [10])...

---

[1]) М. Ж. V, 22, 4 св.
[2]) П. р. п. III, 88, 2 св. (См. 257).
[3]) М. Ж. V, 23, 10 св.
[4]) П. р. п. III, 90, 10 св. (См. 258).
[5]) М. Ж. VI, 56, 5 св.
[6]) П. р. п. III, 236, 10 св. (См. 314).
[7]) М. Ж. VII, 186, 14 св.
[8]) П. р. п. IV, 163, 4 св. (См. 403).
[9]) М. Ж. VIII, 88, 6 св.
[10]) П. р. п. IV, 201, 1 св. (См. 418).

Далѣе, въ 1-мъ изданіи, слѣдуютъ два разсказа Беккера, а во 2-мъ, одинъ. Приводимъ цѣликомъ этотъ пропущенный разсказъ:

«Приближаясь къ Ганноверу, онъ почувствовалъ великую усталость и сѣлъ въ почтовую коляску, которая его нагнала, Въ ней было пять или шесть путешественниковъ и, между прочими, одинъ молодой человѣкъ весьма привлекательнаго вида. Знакомства въ публичныхъ экипажахъ дѣлаются очень скоро, и въ полчаса Б* успѣлъ переговорить со всѣми; успѣлъ узнать, кто, откуда и куда ѣхалъ, и прочее тому подобное. Молодой человѣкъ не говорилъ ни слова. Любопытный пріятель мой, осмотрѣвъ его съ головы до ногъ, учтивымъ образомъ спросилъ, не студентъ-ли онъ? «Я былъ студентъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, потомъ солдатъ, а теперь простой мѣщанинъ».—«Солдатъ?»—сказалъ съ изумленіемъ Б*: «что заставило васъ избрать это состояніе? и какимъ образомъ могли вы оставить его?»—Сей вопросъ повторили и прочіе его товарищи: «Государи мои! (отвѣчалъ молодой человѣкъ) непріятно говорить о себѣ худое; однакожь въ немногихъ словахъ удовлетворю вашему любопытству. Вы знаете нѣмецкіе университеты, которые по справедливости могутъ назваться первыми въ Европѣ. Но сколь они полезны для разума, столь опасны для сердца и нрава молодыхъ людей. Вы видите на мнѣ нещастной примѣръ сей опасности. Семнадцати лѣтъ пріѣхалъ я въ Геттингенъ, чтобы подъ руководствомъ славныхъ мужей, подъ руководствомъ Гейне, Мейнерса, Шлецера, Кестнера, Биргера, вступить въ святилище наукъ, гдѣ, подобно какъ въ садахъ Гесперидскихъ, растутъ златые плоды драгоцѣнныхъ человѣческихъ знаній* (*Б*. точно такъ разсказывалъ). Сперва учился я съ великою прилежностью и велъ себя наилучшимъ образомъ; но скоро попался, къ нещастію, въ самое худое общество, заразился пагубнымъ примѣромъ, и черезъ нѣсколько времени включилъ себя въ число тѣхъ студентовъ, которые наиболѣе извѣстны по развращенности своихъ нравовъ. Отецъ мой, небогатый купецъ, давалъ мнѣ хорошее содержаніе; но тутъ въ недѣлю издерживалъ я

то, что посылалось мнѣ на полгода, и скоро зашелъ въ долги. Два раза батюшка платилъ ихъ за меня, и въ нѣжныхъ письмахъ убѣждалъ расточительнаго сына своего жить порядочнѣе. Ахъ! онъ любилъ меня болѣе всѣхъ другихъ дѣтей! Не могу сказать, чтобы извѣщенія его совсѣмъ меня не трогали: иногда я плакалъ горькими слезами, раскаивался и обѣщалъ самому себѣ исправиться; но не надолго, и черезъ нѣсколько дней доброе намѣреніе совсѣмъ забывалось. Наконецъ, я дошелъ до крайности, и не имѣлъ уже смѣлости писать къ отцу моему и снова требовать у него денегъ. Заимодавцы грозили посадить меня въ тюрьму; веселые пріятели раззнакомились со мною, и прекрасная Лаиса, которая прежде умирала отъ любви къ щедрому своему обожателю, указала мнѣ двери. Надлежало на что-нибудь рѣшиться — я продалъ свои книги, платье; ушелъ пѣшкомъ изъ Геттингена и, нашедши въ одномъ маленькомъ городкѣ прусскаго наборщика, записался въ солдаты. Меня отправили въ Берлинъ, нарядили въ мундиръ послали на караулъ, я скоро узналъ всю трудность солдатской жизни. Не буду говорить вамъ о моемъ позднемъ раскаяніи, о моей тоскѣ и печали; были такія минуты, въ которыя жизнь казалась мнѣ несносною. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и судьба сжалилась надо мною. Читая одинъ разъ газеты, увидѣлъ я объявленіе отъ моего отца, въ которомъ онъ изображалъ горесть свою о моемъ побѣгѣ, убѣждалъ меня возвратиться въ родительскій домъ, обѣщалъ все забыть, заплатить долги мои и раздѣлить со мною небольшое свое имущество. Слезы покатились изъ глазъ моихъ, и, схвативъ перо, я въ тотъ-же часъ написалъ отцу письмо,— признавался во всѣхъ моихъ проступкахъ, и, наконецъ, увѣдомилъ его о моей нещастной судьбѣ. Черезъ нѣсколько недѣль получилъ я отвѣтъ—онъ впечатлѣлся навсегда въ моемъ сердцѣ. Никогда родительская нѣжность не описывалась живѣйшими красками! Батюшка прислалъ мнѣ двѣсти таллеровъ, и писалъ, что онъ самъ пріѣхалъ бы выкупить изъ службы, есть-ли бы болѣзнь сестры моей не удерживала ее въ Ганноверѣ. За двадцать фридрихсдоровъ получилъ я свободу,

сбросилъ съ себя мундиръ и черезъ нѣсколько дней отправился изъ Берлина, увѣдомивъ батюшку о времени моего отъѣзда».—Лишь только успѣлъ онъ сказать сіи слова, коляска остановилась подлѣ сельскаго трактира. Молодой человѣкъ выглянулъ въ окошко, закричалъ, перемѣнился въ лицѣ, выскочилъ вонъ и бросился къ ногамъ отца своего, который съ дочерью и съ меньшимъ сыномъ выѣхалъ встрѣчать милаго бѣглеца своего. Они обнимали другъ друга, плакали, рыдали, хотѣли говорить, но не могли сказать ничего, кромѣ отрывистыхъ, несвязныхъ словъ. Всѣ путешественники вышли изъ коляски и въ молчаніи смотрѣли на сію сцену любви и восторга. Постильоны неподвижно сидѣли на лошадяхъ, и трубки ихъ упали на землю. — Наконецъ, нѣжный старикъ повелъ сына своего въ трактиръ, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ. «И вы, государи мои, сказалъ онъ Б* и товарищамъ его—и вы должны обѣдать съ нами; должны участвовать въ нашемъ весельѣ. Пойдемъ-те, пойдемъ-те!» Они съ удовольствіемъ исполнили его волю; самые постильоны приглашены были къ столу и пили за здоровье радостнаго семейства»... [1]).

...сердце? Ахъ! кому подкрѣпить слабаго? Кто ободритъ томнаго? Кто [2])...

...сердце? Кто [3])...

Еще подобные случаи, болѣе или менѣе, значительныхъ сокращеній замѣтили мы въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 30, 1 св.=П. р. п. I, 11, 7 сн. (См. 4); М. Ж. I, 31, 1 сн.=П. р. п. I, 14, 11 сн. (См. 5); М. Ж. I, 33, 8 св.=П. р. п. I, 16, 10 св. (См. 6); М. Ж. I, 41, 12 св.=П. р. п. I, 29, 1 сн. (См. *11*); М. Ж. I, 41, 3 сн.=П. р. п. I, 30, 6 сн. (См. *12*); М. Ж. I, 49, 4 сн.=П. р. п. I, 43, 1 сн. (См. *16*); М. Ж. I, 54, 11 сн.=П. р. п. I, 52, 4 св. (См. 19); М. Ж. I, 165, 4 св.=П. р. п. I, 76, 6 св. (См. *28*); М. Ж. I,

---

[1]) М. Ж., VIII, 88—93.

[2]) Аглая, I. 120. 12 сн.

[3]) П. р. п. VI, 41, 6 св. (См. 652).

174, 1 сн. = П. р. п. I, 91, 1 сн. (См. 34); М. Ж. I, 178, 4 сн. = П. р. п. I, 97, 3 сн. (См. 36); М. Ж. I, 182, 9 сн. = П. р. п. I, 104, 4 св. (См. 38); М. Ж. I, 310, 13 сн. = П. р. п. I, 125, 10 сп. (См. 46); М. Ж. I, 322, 5 св. = П. р. п. I, 144, 5 св. (См. 53); М. Ж. I, 332, 13 св. = П. р. п. I, 161, 11 св. (См. 60); М. Ж. I, 334, 1 св. = П. р. п. I, 163, 3 сн. (См. 61); М. Ж. I, 335, 4 св. = П. р. п. I, 165, 8 сн. (См. 61); М. Ж. I, 338, 11 св. = П. р. п. I, 170, 6 сн. (См. 63) и мн. др.

Большинство приведенныхъ нами примѣровъ свидѣтельствуетъ объ упорномъ стремленіи Карамзина сжать свою рѣчь: цѣлыя строки, десятки строкъ выкидываетъ онъ безъ сожалѣнія, если онѣ кажутся ему почему бы то ни было лишними... Видимъ мы также во второмъ изданіи выпускъ двухъ мѣстъ, въ которыхъ говорилось о разбойничьихъ подвигахъ казаковъ надъ раненымъ Клейстомъ,—выпуская эти мѣста, Карамзинъ, вѣроятно, руководился патріотическими чувствами. Очень любопытна рѣзкая выходка Карамзина противъ іезуитовъ (Святая Инквизиція), которую онъ тоже счелъ нужнымъ уничтожить... Интересенъ, кромѣ того, выпускъ фразы рискованной во времена Павла: «явится чудовище насилія и загремитъ цѣпями»... Исключеніе цѣлой повѣсти о «блудномъ сынѣ» объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что нравоучительный характеръ ея въ 1796 году не нравился Карамзину, уже переросшему въ литературномъ отношеніи Жанли и Мармонтеля. Наконецъ, нѣкоторыми выпусками была ослаблена сентиментальная восторженность, которая очень замѣтна въ первомъ изданіи.

---

g. Измѣненія (въ смыслѣ).

...сердце его въ самой живѣйшей радости, и языкъ бы	...сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ са-

его въ свинецъ превратился въ самую ту секунду, въ которую онъ подумалъ бы [1])...	мую ту минуту, въ которую онъ думалъ [2])...
...оно нѣжнѣе, нежели я думалъ, и онъ [3])...	...оно чувствительно—онъ[4])...
...мокрой. Насквозь промоченная постеля и грязью забрызганныя подушки были печальнымъ предметомъ для глазъ моихъ. Насилу [5])...	...мокрой. Постеля моя, подушки, все было забрызгано грязью. Насилу [6])...
...заняться: и такъ я принялся за жареное, которое отпустили со мною изъ трактира Три [7])...	...заняться: и такъ я вздумалъ считать свои червонцы. Три [8])...
...бранилась съ краснорожимъ мужемъ [9])...	...бранилась съ пьянымъ мужемъ [10])...
...Музъ, скрывающихся во мракъ, подобно какъ въ бурное время дворовыя собаченки, поджавъ хвостъ, убѣгаютъ подъ навѣсъ и пр. [11])...	...Музъ, скрывающихся во мракъ, подобно какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся и пр. [12])...
...одинъ въ зеленомъ кафтанѣ и дикомъ камзолѣ, подъ сальнымъ парикомъ, человѣкъ [13])...	...одинъ въ желтомъ кафтанѣ, въ померанцевомъ камзолѣ, въ сальномъ парикѣ, человѣкъ [14])...
...навѣрно, не ограничены ли нынѣ сіи права, и въ чемъ [15])...	...навѣрно, существуютъ-ли донынѣ это исключительное право, и въ чемъ [16])...

---

[1]) М. Ж. I, 26, 1 сн. [2]) П. р. п. I, 5, 4 сн. (См. 2). [3]) М. Ж. I, 28, 5 св. [4]) П. р. п. I, 8, 6 сн. (См. 3). [5]) М. Ж. I, 30, 2 сн. [6]) П. р. п. I, 13, 1 св. (См. 5). [7]) М. Ж. I, 42, 13 св. [8]) П. р. п. I, 31, 9 сн. (См. *12*). [9]) М. Ж. I, 45, 8 сн. [10]) П. р. п. I, 36, 2 сн. (См. 13). [11]) М. Ж. I, 182, 5 св. [12]) П. р. п. I, 103, 7 св. (См. 38). [13]) М. Ж. I, 186, 5 сн. [14]) П. р. п. I, 110, 10 сн. (См. 40). [15]) М. Ж. I, 191, 8 св. [16]) П. р. п. I, 117, 1 сн. (См. *43*).

...для того, что накрапалъ дождь. Въ [1])...

...для того, что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами [2])...

...банкиры. Орденъ ихъ хотя и находился подъ покровительствомъ Папы, но цѣль его [3])...

...банкиры. Общество ихъ только по наружности зависѣло отъ Папы; цѣль его [4])...

...такъ отбило мнѣ бока, что у меня и теперь болятъ ребра. Сверьхъ [5])...

...такъ растрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверьхъ [6])...

...обѣдни. Огромность храма [7])...

...обѣдни. Великолѣпіе храма [8])...

...моею, казались мнѣ блаженными тварями. Онѣ [9])...

...моею, изображали для меня веселіе и безпечность. Онѣ [10])...

...великою опредѣленностью и чистотою [11])...

...великою пріятностью и чистотою [12])..

...бунтовалъ тамошній народъ; но по французски [13])...

...бунтовала тамошняя чернь; но по французски [14])...

...заглушить уличной шумъ, которой [15])...

...заглушить шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ [16])...

...Отеллу? Тотъ, кто читаетъ наизусть цѣлыя страницы изъ Расина, не знаетъ, что есть на свѣтѣ Гёте. Положеніе [17])...

...Отеллу?* (*Тогда я такъ думалъ!) Положеніе [18])...

...разсѣяннымъ, и лишается энергіи въ ощущеніяхъ; другой [19])...

...разсѣяннымъ и слабѣетъ сердцемъ; другой [20])...

---

[1]) М. Ж. I. 311, 7 св. [2]) П. р. п. I. 126, 8 св. (См. 47). [3]) М. Ж. I, 342, 3 св. [4]) П. р. п. I, 177, 2 св. (См. 66). [5]) М. Ж. II, 149, 7 св. [6]) П. р. п. I. 255, 1 св. (См. 92). [7]) М. Ж. II, 171, 7 св. [8]) П. р. п. I, 290, 4 св. (См. 106). [9]) М. Ж. II, 289, 8 св. [10]) П. р. п. II, 3, 7 св. (См. 108). [11]) М. Ж. II, 305, 12 св. [12]) П. р. п. II, 30, 2 св. (См. 118). [13]) М. Ж. III, 310, 11 св. [14]) П. р. п, II, 183, 3 св. (См. 175). [15]) М. Ж. IV, 53. 1 св. [16]) П. р. п. II, 210, 11 св. (См. 185). [17]) М. Ж. VI, 187, 5 св. [18]) П. р. п., III, 255, 11 св. (См. 321). [19]) М. Ж. VI. 334, 1 св. [20]) П. р. п. III, 292, 9 св. (См. 335).

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, подобные же случаи, съ бо́льшимъ или меньшимъ измѣненіемъ смысла, встрѣтили мы еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 30, 5 сн.=П. р. п. I, 12, 5 сн. (См. 5); М. Ж. I, 31, 1 сн.=П. р. п. I, 14, 10 св. (См. 5); М. Ж. I, 33, 2 св.=П. р. п. I, 16, 2 св. (См. 6); М. Ж. I, 33, 2 сн.=П. р. п. I, 17, 10 св. (См. 7); М. Ж. I, 35, 8 св. = П. р. п. I, 19, 6 сн. (См. 8); М. Ж. I, 35, 10 св. = П. р. п. I, 19, 3 сн. (См. 8); М. Ж. I, 36, 8 св.=П. р. п. I, 21, 7 св. (См. 8); М. Ж. I, 37, 9 св.=П. р. п. I, 22, 1 сн. (См. 9); М. Ж. I, 38, 6 св.=П. р. п. I, 24, 8 св. (См. 9); М. Ж. I, 54, 5 св.=П. р. п. I, 51, 10 св. (См. *19*); М. Ж. I, 313, 1 св.=П. р. п. I, 129, 8 св. (См. 48); М. Ж. I, 332, 7 св.=П. р. п. I, 161, 3 св. (См. 60); М. Ж. I, 332, 4 сн. = П. р. п. I, 162, 1 св. (См. *60*); М. Ж. I, 338, 1 сн. = П. р. п. I, 171, 10 сн. (См. 64); М. Ж. I, 339, 12 сн. = П. р. п. I, 172, 4 сн. (См. 64); М. Ж. I, 347, 8 сн. = П. р. п. I, 186, 7 св. (См. 69); М. Ж. II, 151, 1 св. = П. р. п. I, 257, 2 сн. (См. 93); М. Ж. II, 295, 2 св. = П. р. п. II, 12, 3 сн. (См. 112); М. Ж. III, 59, 5 сн. = П. р. п. II, 74, 5 св. (См. 134); М. Ж. III, 67, 11 св. = П. р. п. II, 85, 8 сн. (См. 138); М. Ж. III, 194, 2 св.=П. р. п. II, 146, 10 сн. (См. 161) и мн. др.

Къ этой же группѣ могутъ быть отнесены тѣ измѣненія, которыя сдѣлалъ Карамзинъ, желая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ослабить или усилить впечатлѣніе читателей. Такъ, во второмъ изданіи бросается въ глаза, между прочимъ, уничтоженіе словъ «очень» и «весьма» [1]), что сразу во многихъ мѣстахъ понизило тонъ. Кромѣ того, подобное измѣненіе въ *освѣщеніи* замѣтили мы и въ слѣдующихъ случаяхъ:

---

[1]) Напр., М. Ж. I, 30, 9 св. = П. р. п. I, 12, 4 св. (См. 5); М. Ж. I, 176, 3 сн.=П. р. п. I, 95, 3 св. (См. 35); М. Ж. I, 178, 9 сн. = П. р. п. I, 97, 11 сн. (См. 36). М. Ж. II, 40, 8 св. = П. р. п. I, 233, 4 св. (См. 83); М. Ж. II, 158, 8 сн. = П. р. п. I, 271, 1 св. (См. 97); М. Ж. II, 162, 13 св. = П. р. п. I, 276, 8 сн. (См. 100) и др.

...Колоколъ зазвенѣлъ, лошади помчались, и я еще, можетъ быть, въ первой разъ въ жизни своей такъ живо почувствовалъ себя одного. Все [1])...

...Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались — и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей. Все [2])...

...тѣнь: гдѣ теперь тѣ часы, въ которые [3])...

...тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые [4])...

...щастливѣйшимъ человѣкомъ... Во [5])...

...щастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Во [6])...

...съ полчаса имѣлъ честь говорить съ нимъ [7])...

...съ полчаса говорилъ съ нимъ [8])...

...оставалось только заплатить... Удивляюсь [9])...

...оставалось только бросить на столъ деньги... Удивляюсь [10])...

...лошади пребольшія, и [11])...

...лошади большія, и [12])...

...онъ: obligé, Madame! На [13])...

...онъ: оплише, Матамъ! На [14])...

...Итальянцомъ налягаемъ уже на кофе [15])...

...Итальянцомъ пьемъ въ день чашекъ по девяти кофе [16])...

...видѣлъ много хорошихъ [17])...

...видѣлъ довольно хорошихъ [18])...

...онъ тотчасъ попросилъ [19])...

...онъ просилъ [20])...

...нравиться многимъ; немногіе [21])...

...нравиться всѣмъ; немногіе [22])...

...шишакъ благочестивѣйшаго изъ Маркграфовъ [23])...

...шишакъ одного изъ благочестивѣйшихъ Маркграфовъ [24])...

---

[1]) М. Ж. I, 26, 12 сн. [2]) П. р. п. I, 5, 4 сн. (См. 2). [3]) М. Ж. I, 26, 6 сн. [4]) П. р. п. I, 5, 11 сн. (См. 2). [5]) М. Ж. I, 27, 4 сн. [6]) П. р. п. I, 6, 1 сн. (См. 3). [7]) М. Ж. I, 35, 9 сн. [8]) П. р. п. I, 20, 9 сн. (См. 8). [9]) М. Ж. I, 42, 3 сн. [10]) П. р. п. I, 30, 1 сн. (См. 12). [11]) М. Ж. I, 46, 10 сн. [12]) П. р. п. I, 38, 9 сн. (См. 14). [13]) М. Ж. I, 52, 2 сн. [14]) П. р. п. I, 47, 7 сн. (См. 17). [15]) М. Ж. I, 155, 12 сн. [16]) П. р. п. I, 60, 10 сн. (См. 21). [17]) М. Ж. I, 166, 3 сн. [18]) П. р. п. I, 77, 3 сн. (См. 28). [19]) М. Ж. I, 168, 8 сн. [20]) П. р. п. I, 82, 1 сн. (См. 30). [21]) М. Ж. I, 168, 5 сн. [22]) П. р. п. I, 82, 3 сн. (См. 30). [23]) М. Ж. I, 172, 1 сн. [24]) П. р. п. I, 88, 6 сн. (См. 32).

...оставить!» кричали офицеры [1])...	...оставить!» говорили офицеры [2])...
...Вонъ, собаки!» закричалъ [3])...	...Вонъ!» закричалъ [4])...
...литература вамъ во многомъ обязана. Пріѣхавъ [5])...	...литература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ [6])...
...онъ съ веселымъ видомъ разговаривалъ [7])...	...онъ покойно разговаривалъ [8]).
...съ наибольшимъ вниманіемъ [9])...	...съ большимъ вниманіемъ [10])...
...которой наиболѣе удивляются [11])...	...которой удивляются [12])...
...переводчикомъ, очень жалѣлъ обо мнѣ, когда [13])	...переводчикомъ, почти заплакалъ, когда [14])...
...Поэзію; что-бы могло быть для меня пріятнѣе, есть-ли бы [15])...	...Поэзію; какъ-бы пріятно для меня было, есть-ли бы [16])...
...мнѣ только одинъ — Иорикъ [17])...	...мнѣ болѣе—Иорикъ [18])...
...завтра!» Ревущее браво [19])...	...завтра!» Шумящее браво [20])...

Всѣ приведенные нами примѣры измѣненій въ смыслѣ и въ освѣщеніи даютъ намъ еще одно лишнее доказательство основательной литературной передѣлки, постигшей «Письма русскаго путешественника и во многихъ случаяхъ измѣнившей

---

[1]) М. Ж. I, 314, 6 св. [2]) П. р. п. I, 130, 3 сн. (См. *68*). [3]) М. Ж. I, 314. 9 св. [4]) П. р. п. I, 131, 1 св. (См. *48*). [5]) М. Ж. I, 340, 5 св. [6]) П. р. п. I, 173, 1 сн. (См. 65). [7]) М. Ж. П. 13, 3 сн. [8]) П. р. п. I, 191. 6 св. (См. 71) [9]) М. Ж. П, 159, 5 св. [10]) П. р. п. I, 271, 6 сн. (См. 98). [11]) М. Ж. П, 161, 2 св. [12]) П. р. п. I, 274, 1 св. (См. 99). [13]) М. Ж. III, 67, 5 св. [14]) П. р. п. П, 85, 6 св. (См. 138). [15]) М. Ж. III, 168. 12 сн. [16]) П. р. п. II, 104, 9 сн. (См. 146). [17]) М. Ж. VI, 53, 13 сн. [18]) П. р. п. III, 231, 4 сн. (См. 312). [19]) М. Ж. VII, 193, 8 св. [20]) П. р. п. IV, 158. 8 сн. (См. 401).

ихъ смыслъ. Если Карамзинъ не стѣснялся съ печатнымъ текстомъ своего произведенія, то, конечно, еще менѣе церемонился со своей записной книжкой.

---

h. Формальныя измѣненія.

Особенное вниманіе Карамзинъ почему-то обратилъ на дѣепричастія: форму на *а*, *я* онъ во второмъ изданіи замѣняетъ очень часто формой на *въ* и нѣсколько рѣже (только въ словѣ «живя») формой на *учи*. Напр.: вообразя=вообразивъ [1]); ударясь=ударившись [2]); пряча=спрятавъ [3]); приложа=приложивъ [4]); посвятя=посвятивъ [5]); поблагодаря = поблагодаривъ [6]); отправя=отправивъ [7]); живя=живучи [8]),—но: увидѣвъ=видя [9]); услышавъ=слыша [10]).

Довольно часты случаи также сокращенія придаточнаго предложенія при помощи причастія и наоборотъ—развитія причастія въ цѣлое предложеніе. Напр.:

...Героя, который пошелъ побѣждать [11])...	Героя, идущаго побѣждать [12])...
...экзерциція!» Примѣтивъ, наконецъ, что [13])...	...экзерциція!» Наконецъ, я примѣтилъ, что [14])...
...Философъ, любившій удо-	...Философъ, которой любилъ

---

[1]) М. Ж. I, 24, 3 сн.=П. р. п. I, 2, 11 сн. (См. 1). [2]) М. Ж. I, 32, 11 сн. = П. р. п. I, 15, 2 сн. (См. 6). [3]) М. Ж. I, 176, 11 сн. = П. р. п. I, 94, 12 сн. (См. 35). [4]) М. Ж. I, 328, 1 сн. = П. р. п. I, 156, 1 сн. (См. 58) [5]) М. Ж. IV, 184, 6 сн.= П. р. п. II, 286, 6 сн. (См. 214). [6]) М. Ж. IV, 197, 10 сн =П. р. п. II, 308, 8 сн. (См. 223). [7]) М. Ж. IV, 296, 13 сн.=П. р. п. III, 30, 7 сн. (См. 234). [8]) М. Ж. II, 24, 7 сн. = П. р. п. I, 208, 2 сн. (См. 74); М. Ж. III, 165, 6 сн. = П. р. п. II, 100, 5 сн. (См. 144); М. Ж. VI, 42, 4 сн.=П. р. п. III, 214, 6 сн. (См. 305). Аглая, I, 140, 5 сн.=П. р. п. VI, 74, 10 сн. (См. 666); Аглая, II, 144, 5 сн.=П. р. п. V, 57, 8 сн. (См. 483). [9]) М. Ж. II, 14, 6 сн.=П. р. п. I, 191, 6 сн. (См. 71). [10]) М. Ж. II, 25, 1 сн.= П. р. п. I, 210, 1 сн. (См. 75). [11]) М. Ж. I, 173, 6 сн. [12]) П. р. п. I, 89, 1 сн. (См. 33). [13]) М. Ж. I, 182, 9 сн. [14]) П. р. п. I, 103, 8 сн. (См. 38).

вольствія и умѣвшей находить удовольствія и находилъ ихъ [2])... ихъ [1])...

...восторги, и, такъ сказать, заимствуетъ огонь [3])...

...восторги, заимствуя огонь [4])...

Еще подобные случаи замѣчены нами въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 329, 10 св.=П. р. п. I, 156, 10 сн. (См. *58*); М. Ж. IV, 301, 4 св.=П. р. п. Ш, 37, 7 сн. (См. 237); М. Ж. IV, 305, 13 св.=П. р. п. Ш, 44, 5 сн. (См. 240); М. Ж. IV, 305, 11 сн.=П. р. п. Ш, 44, 1 сн. (См. 240); М. Ж. VIII, 100, 8 св.=П. р. п. IV, 211, 4 сн. (См. 422). и др.

Попадаются случаи измѣненія залога глагольной формы. Напр.: М. Ж. Ш, 317, 6 св.=П. р. п. II, 196, 11 св.; М. Ж. IV, 55, 11 сн.=П. р. п. II, 212, 2 сн. (См. 186); М. Ж. IV, 58, 1 сн.=П. р. п. II, 218, 8 св. (См. 188); М. Ж. V, 353, 6 сн.=П. р. п. Ш, 152, 7 св. (См. 281): М. Ж. VI, 45, 2 сн.=П. р. п. Ш, 219, 14 сн. (См. 307).

Попадается нѣсколько случаевъ измѣненія *вида* глагола [5]), *времени* [6]), *падежа* [7]), *числа* [8]). Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько выраженій, странныхъ съ формальной стороны, которыя были передѣланы во второмъ изданіи:

...не успѣлъ я окончать письмо [9])...

...не успѣлъ я окончить письмо [10])...

...которой сталъ накрапать, Новой [11])...

...которой накрапывалъ. Новой [12])...

---

[1]) М. Ж. II, 28, 9 св. [2]) П. р. п. I, 213, 6 сп. (См. 76); [3]) М. Ж. II, 35, 12 св. [4]) П. р. п. I, 224, 2 сп. (См. 80). [5]) М. Ж. I, 39, 3 сп.= П. р. п. I. 27, 2 св. (См. 10); М. Ж. I, 179, 7 сн. = П. р. п. I, 99, 1 св. (См. 36); М. Ж. II, 170, 1 сн. = П. р. п. I, 288, 6 св. (См. 105). [6]) М. Ж. I, 176, 6 сн. = П. р. п. I, 94, 2 сн. (См. 35). [7]) М. Ж. I, 338, 8 сп.=П. р. п. I, 171, 4 св. (См. 63); М. Ж. I, 338, 7 сн. = П. р. п. I, 171, 5 св. (См. 63). М. Ж. VI, 59, 9 св.= П. р. п. III, 242, 5 св. (См. 316); Аглая, I, 139, 4 св.=П. р. п, IV, 71, 5 сн. (См. 665). [8]) М. Ж. III, 305, 5 сн. = П. р. п. II, 176, 9 св.; М. Ж. VII, 36, 7 св.=П. р. п. IV, 60, 6 сн. (См. 362). [9]) М. Ж. I, 41, 10 сн. [10]) П. р. п. I. 30, 1 св. (См. 11). [11]) М. Ж. I, 309, 10 св. [12]) П. р. п. I, 123, 7 сн. (См. 46).

...сѣлъ съ своимъ Каспаромъ на конь, и [1])...	...сѣлъ на коня, и [2])...
...въ дикомъ камзолѣ, подъ сальнымъ парикомъ, человѣка [3])...	...въ померанцевомъ камзолѣ въ сальномъ парикѣ человѣка [4])...
...фракѣ, подъ круглой шляпой. Пожилой [5])...	...фракѣ и въ круглой шляпѣ. Пожилой [6]) ..
...благодаренъ противъ моего Творца, какъ [7])...	...благодаренъ Творцу, какъ [8])...

Есть, наконецъ, нѣсколько случаевъ измѣненія падежа въ зависимости отъ перемѣны или пропуска предлога [9]).

---

i. Добавленія.

...въ составъ бытія [10])...	...въ составъ нравственнаго бытія [11])...
...радъ-бы былъ выплакать все сердце свое [12])...	...радъ-бы былъ, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое [13])...
...Крамера! —Простился [14])...	...Крамера!* (*Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, читалъ Крамеру сіе письмо—онъ былъ доволенъ—я еще больше!) Простился [15])...

---

[1]) М. Ж. I, 164, 7 сн. [2]) П. р. п. I, 74, 2 сн. (См. 27). [3]) М. Ж. I, 186, 4 сн. [4]) П. р. п. I, 110, 8 сн. (См. 40). [5]) М. Ж. I, 186, 1 сн. [6]) П. р. п. I, 110, 4 сн. (См. 41). [7]) М. Ж. II, 173, 6 св. [8]) П. р. п. I, 293, 8 св. (См. 107); [9]) М. Ж. I, 190, 2 св.=П. р. п. I, 117, 8 св. (См. 47); М. Ж. I, 312, 4 св.=П. р. п. I, 128, 6 св. (См. 47); М. Ж. II, 16, 12 св.= П. р. п. I, 196, 3 св. (См. 72). [10]) М. Ж. I, 25, 3 св. [11]) П. р. п. I, 2, 9 сн. (См. 1). [12]) М. Ж. I, 27, 12 сн. [13]) П. р. п. I, 6, 10 сн. (См. 3). [14]) М. Ж. I, 34, 6 сн. [15]) П. р. п. I, 18, 7 сн. (См. 7).

...перо мое. Словоохотной[1])...	...перо мое.* (Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ). Словоохотной [2])...
...наконецъ, Французъ [3])...	...наконецъ, бѣдной Французъ [4])...
...Пріѣхавъ, всѣ [5])...	...Пріѣхавъ въ городъ, всѣ [6])...
...какъ онъ уже готовъ [7])...	...какъ храбрый Клейстъ уже готовъ [8])...
...читая нѣмецкія драмы [9])...	...читая лучшія Нѣмецкія Драмы [10])...
...я ихъ сидящихъ [11])...	...я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ [12])...
...береговъ, возвеселяющія бѣднѣйшія, отдаленныя страны! Но гдѣ [13])...	...береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ природою! Но гдѣ [14])...
...землю. Щастливые [15])...	...землю*...(*Тогда мнѣ было только 24 года!!) Щастливые [16])...
..покроя—«Я привелъ [17])...	...покроя*...(*Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы Швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной жестокой смерти!) Я привелъ [18])...

---

[1]) М. Ж. I, 164, 1 св. [2]) П. р. п. I, 73, 3 сн. (См. 27). [3]) М. Ж. I, 310, 15 сн. [4]) П. р. п. I, 125, 9 св. (См. 46). [5]) М. Ж. I, 313, 12 св. [6]) П. р. п, I, 129, 7 сн. (См. 48). [7]) М. Ж. II, 12, 13 сн. [8]) П. р. п. I, 189, 6 сн. (См. 70). [9]) М. Ж. II, 22, 2 сн. [10]) П. р. п. I. 205, 8 сн. (См. 73). [11]) М. Ж. II, 290, 13 сн. [12]) П. р. п. II, 5, 6 св. (См 109). [13]) М. Ж. III, 316, 8 сн. [14]) П. р. п. II. 195, 10 сн. (См. 179). [15]) М. Ж. IV, 168. 12 сн. [16]) П. р. п. II, 258, 6 сн. (См. 203). [17]) М. Ж. IV, 194, 12 св. [18]) П. р. п. II, 303, 7 св. (См. 220).

...братьями! Я съ [1])...	...братьями!* (*Мечта воображенія!) Я съ [2])...
...чего болѣе? Истинная [3])...	...чего болѣе?* (*Кто хочетъ, разсмѣется!). Истинная [4])...

Затѣмъ второе изданіе дополнено двумя большими вставками: 1) повѣстью о самоубійствѣ швейцарскаго аббата Н*, впервые помѣщенною въ «Моск. Журн.» (1791, I, 56) отдѣльно, подъ названіемъ «Самоубійца» [5])—и 2) длиннымъ разсказомъ парижскаго аббата Н* о веселой жизни дореволюціоннаго Парижа [6]). Начинается этотъ разсказъ со словъ: «здѣсь, сказалъ мнѣ Аббатъ Н*, шедши со мною по улицѣ St. Honoré»... и кончается: «тутъ мы разстались съ Аббатомъ»...

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, случаи добавленій замѣчены были нами еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

М. Ж. I, 164, 4 сн.=П. р. п. I, 75, 2 св. (См. 27); М. Ж. I, 170, 5 св.=П. р. п. I, 84, 8 св. (См. 30); М. Ж. I. 174, 1 св.=П. р. п. I, 90, 8 св. (См. 33); М. Ж. I, 174, 10 св.=П. р. п. I, 90, 2 сн. (См. 33); М. Ж. I, 175, 6 сн.=П. р. п. I, 93, 7 св. (См. 34); М. Ж. I, 178, 10 св.=П. р. п. I, 97, 4 св. (См. 35); М. Ж. I, 308, 8 сн.=П. р. п. I, 122, 9 сн. (См. 45); М. Ж. I, 308, 5 сн.=П. р. п. I, 122, 4 сн. (См. 45); М. Ж. I, 311, 6 св.=П. р. п. I, 126, 9 сн. (См. 47); М. Ж. I, 315, 12 сн.=П. р. п. I, 132, 2 сн. (См. 49); М. Ж. I, 328, 12 св.=П. р. п. I, 155, 3 св. (См. 58). и мн. др.

Большинство этихъ добавленій сдѣлано Карамзинымъ для болѣе яснаго пониманія его мысли; кромѣ того внесъ онъ во второе изданіе нѣсколько примѣчаній, изъ которыхъ любопытны для насъ тѣ, которыми онъ попытался ослабить нѣсколько свою сентиментальную восторженность: послѣ разсказа о томъ, какъ онъ цѣловалъ землю «щастливыхъ Швейцаровъ»—Карамзинъ

---

[1]) М. Ж. V, 350, 8 св. [2]) П. р. п. III, 146. 9 св. (См. 279).
[3]) М. Ж. VIII, 107, 7 св. [4]) П. р. п. IV, 222. 5 сн. (См. 426).
[5]) М. Ж I, 56=П. р. п. IV, 94—103. [6]) Аглая, II, 160, 2 св.=П. р. п. IV, 299—305, 9 сн. (См. 456—458).

прибавилъ: «тогда мнѣ было только 24 года!!»; послѣ мечтаній о «золотомъ вѣкѣ» на землѣ—онъ прибавляетъ: «мечты воображенія!»; предлагая въ 1-мъ изданіи любовникамъ довольствоваться платоническою любовью, онъ во второмъ дѣлаетъ по этому поводу примѣчаніе: «кто хочетъ, разсмѣется!»...

---

j. Перестановки.

...Съ бездушными вещами прощался [1])...	...съ вещами бездушными прощался [2])...
...и въ первой еще разъ [3])...	...и еще въ первой разъ [4])...
...есть-ли бы можно было мнѣ тогда перенестись [5])...	...есть-ли бы мнѣ тогда можно было перенестись [6])...
...бездомнымъ странникомъ на землѣ сей и [7])...	...бездомнымъ на землѣ странникомъ и [8])...

Излишне приводить много примѣровъ измѣненій этого рода: всѣ они сдѣланы только ради стилистическихъ цѣлей и потому не имѣютъ особеннаго интереса ни для изученія содержанія «Писемъ русскаго путешественника», ни для изслѣдованія судебъ его языка. Отмѣтимъ еще тѣ мѣста, гдѣ мы встрѣтили подобные же случаи измѣненій:

М. Ж. I, 158, 4 св.=П. р. п. I, 64, 9 св. (См. 23); М. Ж. I, 164, 3 сн.=П. р. п. I, 75, 3 сн. (См. 27); М. Ж. I, 169, 12 сн.=П. р. п. I, 83, 8 св. (См. 15); М. Ж. I, 182, 9 св.=П. р. п. I, 103, 9 сн. (См. 38); М. Ж. I, 187, 7 сн.=П. р. п. I, 112, 2 св. (См. 17); М. Ж. I, 312, 1 св.=П. р. п. I, 128, 1 св. (См. 47); М. Ж. I, 318, 7 сн.=П. р. п. I, 138,

---

[1]) М. Ж. I, 25, 9 сн. [2]) П. р. п. I, 3, 7 сн. (См. 2). [3]) М. Ж. I, 26, 11 св. [4]) П. р. п. I, 4, 3 сн. (См. 2). [5]) М. Ж. I, 31, 3 сн. [6]) П. р. п. I, 14, 6 св. (См. 5). [7]) М. Ж. I, 34, 8 сн. [8]) П. р. п. I, 18, 10 сн. (См. 7).

8 сн. (См. 51); М. Ж. I, 319, 5 св.=П. р. п. I, 139, 7 св. (См. 51); М. Ж. I, 329, 4 св.=П. р. п. I, 156, 6 св. (См. 58). и мн. др.

Въ 1803 году «Письма русскаго путешественника» были перепечатаны въ собраніи сочиненій Карамзина и, такимъ образомъ, еще разъ появились передъ русской публикой. Это новое, по счету, *третье* изданіе «Писемъ» имѣетъ немалое значеніе для исторіи ихъ текста. Такъ, мы видимъ, что вниманіе Карамзина къ своему произведенію и въ 1803 году по прежнему не ослабѣвало, что выразилось въ самомъ тщательномъ исправленіи второго изданія (1797—1801).

Всевозможныхъ варіантовъ насчитали мы въ этомъ третьемъ изданіи свыше *семисотъ*, изъ которыхъ, впрочемъ, можно выключить болѣе ста случаевъ *возстановленія текста перваго изданія*. Это возстановленіе очень любопытно для изслѣдователя: вѣроятно, многими исправленіями своими, сдѣланными въ 1797 году, Карамзинъ остался недоволенъ и возстановилъ прежнюю редакцію (1791 — 1794 гг.). Значитъ, при новомъ изданіи «Писемъ», Карамзинъ сравнивалъ обѣ прежнія редакціи и выбиралъ лучшую изъ нихъ; иногда онъ возстановляетъ старую редакцію, нѣсколько подправивъ ее, иногда пользуется обѣими редакціями и изъ нихъ составляетъ новую.

Кромѣ этой группы *«возстановленій»*, «чистыхъ» или «съ измѣненіями» (до 200 случаевъ) любопытна группа *«измѣненій»* (словъ, оборотовъ, фразъ); она тоже довольно многочисленна (болѣе 250); кромѣ того, замѣчено нами до 200 случаевъ всевозможныхъ *выпусковъ* (словъ, оборотовъ, фразъ) и, наконецъ, сравнительно немного случаевъ *«перестановокъ»* и *«вставокъ»*.

а. Возстановленія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ возстановленія «цѣликомъ» текста 1797 года:

Изданіе 1797 года (В):	Изданіе 1803 г. (С) и 1791—1794 г. (А):
...однимъ искреннимъ участіемъ [1])...	...однимъ сердечнымъ участьемъ [2])...
...я тебя забуду [3])...	...я когда-нибудь тебя забуду [4])...
...иные знали Миниха [5])...	...иные помнятъ Миниха[6])...
...талеровъ. Впрочемъ городъ [7])...	...талеровъ. Городъ [8])...
...вороты. Надлежало дописать [9])...	...вороты. Надобно было [10])...
...лошади большія, и [11])...	...лошади пребольшія, и [12])...
...супъ, жаркое съ [13])...	...супъ, жареное съ [14])...
...утомляютъ глубокіе пески [15])...	...утомляютъ ужасные пески [16])...
...что поѣдетъ [17])...	...что онъ поѣдетъ [18])...
...уговаривалъ Итальянца и меня ѣхать [19])...	...уговаривалъ и насъ съ Итальянцемъ, съ которымъ обыкновенно говоритъ онъ или знаками или черезъ меня — ѣхать [20])...

---

[1]) В, I, 9, 7 св.
[2]) С, II, 6, 6 сн. = А, I, 28, 12 сн. (См. 4).
[3]) В, I, 18, 11 св.
[4]) С, II, 12, 1 сн. = А, I, 34, 11 сн. (См. 7).
[5]) В, I, 19, 3 сн.
[6]) С, II, 14, 2 св. = А, I, 35, 10 св. (См. 8).
[7]) В, I, 27, 1 сн.
[8]) С, II, 19, 3 сн. = А, I, 40, 12 сн. (См. 11).
[9]) В, I, 30, 7 св.
[10]) С, II, 21, 2 св. = А, I, 41, 5 сн. (См. 12).
[11]) В, I, 38, 9 св.
[12]) С, II, 25, 11 св. = А, I, 46, 10 сн. (См. 14).
[13]) В, I, 44, 6 сн.
[14]) С, II, 29, 5 св. = А, I, 50, 7 св. (См. 16).
[15]) В, I, 50, 3 сн.
[16]) С, II, 33, 6 св. = А, I, 53, 7 св. (См. 18).
[17]) В, I, 51, 4 св.
[18]) С, II, 33, 12 св. = А, I, 53, 1 сн. (См. 18).
[19]) В, I, 52, 3 св.
[20]) С, II, 33, 1 сн. = А, I, 54, 12 сн. (См. 19).

...городѣ указывали мнѣ [1])...	...городѣ показывали мнѣ [2])...
...хлыстомъ, приближился къ [3])...	...хлыстомъ, подошелъ къ [4])...
...зналъ эту дрянь, ни за что бы [5])...	...зналъ, что за твари эти комедіанты, не изъ чего бы [6])...
...онъ просилъ [7])...	...онъ тотчасъ попросилъ [8])...
...городѣ, однако [9])...	...городѣ, и весьма хорошо говоритъ по Нѣмецки, однако [10])...
...воздухъ. Ярманка [11])...	...воздухъ, которой въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами. Ярманка [12])...
...одинъ въ желтомъ кафтанѣ, въ померанцевомъ камзолѣ [13])...	...одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ [14])...
...все это вмѣстѣ [15])...	...все сіе вмѣстѣ [16])...
...навѣрно, существуетъ-ли до нынѣ это исключительное право, и въ чемъ [17])...	...навѣрно, не ограничены-ли нынѣ сіи права, и въ чемъ [18])...
...У воротъ надлежало выдержать строгой допросъ. Кто вы? [19])...	...У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать. Кто вы? [20])...

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, подобные же случаи «возстановленія стараго текста безъ измѣненій» встрѣтили мы въ слѣдующихъ мѣстахъ:

---

[1]) В, I, 59, 1 св.
[2]) С, II, 38, 13 св. = А, I, 155, 3 св. (См. 21).
[3]) В, I, 61, 1 св.
[4]) С, II, 39, 7 св. = А, I, 155, 7 св. (См. 22).
[5]) В, I, 62, 5 св.
[6]) С, II, 40, 4 св. = А, I, 156, 12 св. (См. 22).
[7]) В, I, 82, 1 св.
[8]) С, II, 53, 9 св. = А, I, 168, 8 св. (См. 30).
[9]) В, I, 91, 1 св.
[10]) С, II, 60, 12 св. = А, I, 174, 2 св. (См. 34).
[11]) В, I, 97, 3 св.
[12]) С, II, 64, 10 св. = А, I, 178, 4 св. (См. 36).
[13]) В, I, 110, 10 св.
[14]) С, II, 72, 2 св. = А, I, 186, 5 св. (См. 40).
[15]) В, I, 115, 2 св.
[16]) С, II, 76, 10 св. = А, I, 189, 1 св. (См. 42).
[17]) В, I, 117, 1 св.
[18]) С, II, 77, 8 св. = А, I, 191, 8 св. (См. 43).
[19]) В, I, 154, 9 св.
[20]) С, II, 102, 8 св. = А, I, 328, 4 св. (См. 57).

В, I, 64, 9 св.=С, II, 42, 9 св.=А, I, 158, 4 св. (См. 23); В, I, 67, 10 св.=С, II, 44, 7 св.=А, I, 159, 3 сн. (См. 24); В, I. 69, 10 сн.=С, II, 45, 5 сн.=А, I, 161, 9 св. (См. 25); В, I, 83, 8 св.=С, II, 54, 13 сн.=А, I, 169, 12 сн. (См. 30); В, I, 86, 7 св.=С, II, 56, 11 сн.=А, I, 171, 10 св. (См. 31); В, I, 86, 10 св.=С, II, 56, 8 сн.=А, I, 171, 13 св. (См. 31); В, I, 88, 6 сн.=С, II, 58, 7 св.=А, I, 172, 1 сн. (См. 32); В, I, 90, 8 св.=С, II, 59, 11 св.=А, I, 174, 1 св. (См. 33); В, I, 91, 4 сн.=С, II, 60, 11 св.=А, I, 174, 4 сн. (См. 33); В, I, 95, I св.=С, II, 62, 8 сн.=А, I, 176, 4 сн. См. 35); В, I, 95, 3 св.=С, II, 62, 6 сн.=А, I, 176, 3 сн. (См. 35); В, I, 97, 1 св.=С, II, 63, 1 сн.=А, I, 178, 9 св. (См. 35); В, I, 97, 11 св.=С, II, 64, 9 св.=А, I, 178, 9 сн. (См. 36); В, I, 116, 7 сн.=С, II, 76, 4 сн.=А, I, 190, 13 сн. (См. 43); В, I, 121, 6 св.=С, II, 80, 3 св.=А, I, 193, 9 сн. (См. 45); и мн. др.

Между этими «возстановленіями» мы встрѣчаемъ случаи, дѣйствительно, удачнаго предпочтенія стараго новому, но есть и совсѣмъ непонятныя возстановленія оборота, съ современной точки зрѣнія, даже неправильнаго. Напр.:

...благодаренъ Творцу [1])... ...благодаренъ противъ Творца [2])...

Къ такимъ-же непонятнымъ явленіямъ относится неоднократное возстановленіе слово «сей» вмѣсто «этотъ». Предположить, что для третьяго изданія основнымъ текстомъ было первое изданіе «Писемъ», а не второе, и что поэтому всѣ указанные нами случаи «возстановленія» — не что иное, какъ не поправленныя ошибки, — нельзя, такъ какъ подавляющее большинство поправокъ 1797 года удержано въ этомъ третьемъ изданіи.

---

[1]) В, I, 293, 8 св. [2]) С. II, 192, 12 сн.=А. II, 173, 12 сн. (См. 107).

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ «возстановленія стараго текста въ исправленномъ видѣ»:

Изд. 1797 г. (В):	Изд. 1791—4 г. (А):	Изд. 1803 г. (С).
...Календарю. Безчисленныя корчмы въ проѣздъ [1])...	...Календарю. Корчмы, которыми усѣяна дорога, въ проѣздъ [2])...	...Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздъ [3])...
...на первое, и послалъ за лошадьми, которыя уже готовы [4])...	...на первое: пошелъ, взялъ подорожную и послалъ за лошадьми, которыя уже готовы [5])...	...на первое; взялъ подорожную—и лошади готовы [6])...
...примѣчанія единственно потому, что [7])...	...примѣчанія только потому, что [8])...	...примѣчанія только тѣмъ, что [9])...
...Гедике, сдѣлался ея театромъ. Съ [10])...	...Гедике, избранъ былъ театромъ сей войны. Съ [11])...	...Гедике, избранъ былъ въ театръ сей войны. Съ [12])...
...пестрился ихъ фрунтъ [13])...	...пестрился сей фрунтъ [14])...	...пестрился этотъ фрунтъ [15])...
...Философъ, которой любилъ удовольствія и находилъ ихъ [16])...	...Философъ, любившій удовольствія и умѣвшій находить ихъ [17])...	...Философъ, любившій удовольствія и находившій ихъ [18])...
...было плодомъ ревности, произведенной [19])...	...было плодомъ энтузіазма, произведеннаго [20]),..	...было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго [21])...

[1]) В, I. 22, 1 сн. [2]) А, I, 37, 9 сн. [3]) С, II, 16, 3 сн. (См. 9).
[4]) В. I, 11, 7 сн. [5]) А, I, 30, 1 сн. [6]) С, II, 8, 9 сн. (См. 4).
[7]) В, I. 114, 5 сн. [8]) А, I, 189, 1 сн. [9]) С. II, 75, 8 сн. (См. 12).
[10]) В, I. 176, 3 сн. [11]) А. I, 341, 13 сн. [12]) С, II, 117, 2 сн. (См. 65). [13]) В, I. 193, 10 сн. [14]) А, II, 14, 5 сн. [15]) С. II, 128, 11 сн. (См 72). [16]) В. I, 213, 6 сн. [17]) А, II, 28, 9 сн. [18]) С, II, 136, 7 сн. (См. 76) [19]) В. I, 111, 1 сн. [20]) А, III, 173, 4 сн. [21]) С. II. 266, 13 сн. (См. 148).

*

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, аналогичные случаи встрѣчены нами, между прочимъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ:

В, I, 47, 8 сн.=А, I, 52, 2 св.=С, II, 31, 4 св. (См. 17); В, I, 115, 4 сн.=А, I, 189, 3 сн.=С, II, 76, 8 св. (См. 43); В, I, 205, 3 сн. = А, II, 23, 3 св. = С, II, 131, 12 св. (См. 73); В, I, 286, 10 сн.=А, II, 168, 8 сн.=С, II, 187, 10 сн. (См. 104); В, II, 53, 11 сн.=А, III, 47, 6 св.=С, II, 227, 3 св. (См. 126); В, II, 132, 8 сн.=А, III, 185, 10 сн.=С, II, 280, 10 св. (См. 156); В, II, 146, 10 сн = А, III, 194, 2 св. = С, II, 289, 10 св. (См. 161) и др.

---

b. Измѣненія.

Эта многочисленная группа интересна, между прочимъ, тѣмъ, что даетъ намъ возможность наглядно видѣть упорную работу Карамзина надъ своими «Письмами»: сравнивая внимательно два первыя изданія, онъ часто не удовлетворялся ни тѣмъ, ни другимъ и нѣкоторыя мѣста въ третьемъ изданіи передѣлалъ сызнова. Вотъ нѣсколько образцовъ:

Изд. 1797 г. (В):	Изд. 1791—4 г. (А):	Изд. 1803 г. (С):
...города, воздыхая изъ глубины сердца, взываютъ[1])...	...города, воздыхая отъ всего сердца, взываютъ[2])...	...города въ глубокомъ уныніи взываютъ[3])...
...обѣда отправились мы[4])...	...обѣда поѣхали мы[5])...	...обѣда были мы[6])...
...секунду потерять изъ глазъ прелестей лица ея. Какъ водится, за поклонъ	...секунду потерять изъ глазъ прелестей лица ея. Натурально, что за по-	...секунду не выпустить изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что

[1]) В, I, 117, 1 св. [2]) А, I, 190, 8 сн. [3]) С, II, 77, 3 св. (См. 43).
[4]) В, I, 213, 5 св. [5]) А, II, 28, 1 св. [6]) С, II, 136, 11 св. (См. 76).

заплатили мнѣ поклономъ. Почтмейстеръ [1])...	клонъ заплатили мнѣ поклономъ. Почтмейстеръ [2])...	взоръ мой стоилъ комплимента: на меня взглянули умильно и даже ласково! Почтмейстеръ [3])...
...минуты. Есть ли ничто не погибаетъ въ громадѣ творенія, то не погибнутъ и слезы, которыя выкатились изъ глазъ моихъ на семъ лугу— и когда нибудь въ книгѣ жизни моей смоютъ онѣ нѣкоторыя [4])...	...минуты. Есть ли ничто не погибаетъ въ громадѣ творенія, то не погибнутъ и слезы, которыя выкатились изъ глазъ моихъ на семъ лугу — и нѣкогда въ книги жизни моей смоютъ онѣ нѣкоторыя [5])...	...минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя [6])...
...то вздорное намѣреніе было [7])...	... то безумное предпріятіе было [8])...	...то смѣшное предпріятіе было [9])...
... промышленности* (*не можетъ-ли это слово означать industrie?) изобилія [10])...	...промышленности* (*не можетъ-ли это слово означать Латинскаго industria или французскаго industrie) изобилія [11])...	... промышленности* (*это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: авторъ употребилъ его первый) изобилія [12])...
...Рейна, и въ восторгѣ цѣловалъ землю* (*Тогда мнѣ было только 24 года!!) Щастливые [13])...	...Рейна, и въ восторгѣ цѣловалъ землю. Щастливые [14])...	...Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые [15])...

---

[1]) В, I, 260, 2 св. [2]) А, II, 152, 9 св. [3]) С, II, 167, 11 св. (См. 93).
[4]) В, I, 293, 9 св. [5]) А, II, 173, 7 св. [6]) С. II, 192, 11 св. (См. 107). [7]) В, II, 159, 2 св. [8]) А, III, 295, 13 св. [9]) С. II, 297, 13 св. (См. 166). [10]) В, II, 165, 6 св. [11]) А, III, 298, 3 св.
[12]) С, II, 301, 7 св. (См. 168). [13]) В, II, 258, 7 св. [14]) А. IV, 168, 12 св. [15]) С. III, 61, 2 св. (См. 203).

...братьями*(*Мечта воображенія!!) Я [1])...

...братьями. Я[2])...

...братьями* (*Когда-же?) Я [3])...

Подобные же случаи можемъ мы указать, между прочимъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ:

В, I, 131, 1 св. = А, I, 314, 9 св. = С, II, 86, 11 сн. (См. 48); В, I, 147, 6 сн. = А, I, 323, 1 сн. = С, II, 97, 13 сн. (См. 53); В, I, 162, 10 св. = А, I, 333, 4 св. = С, II, 108, 1 св. (См. 60); В, I, 163, 9 св. = А, I, 333, 8 сн. = С, II 108, 11 сн. (См. 61); В, I, 171, 9 св. = А, I, 338, 1 сн. = С, II, 113, 2 сн. (См. 64); В, I, 180, 2 св. = А, I, 343, 2 сн. = С, II, 119, 5 сн. (См. 67); В, I, 181, 3 сн. = А, I, 344, 3 сн. = С, II, 120, 3 сн. (См. 67); В, I, 225, 9 св. = А, II, 35, 8 сн. = С, II, 144, 10 сн. (См. 80); В, I, 230, 2 сн. = А, II, 39, 5 св. = С, II, 148, 13 сн. (См. 82); и мн. др.

с. Замѣна отдѣльныхъ словъ.

Приведемъ рядъ примѣровъ на тѣ «замѣны» отдѣльныхъ словъ, которыя произведены только надъ второй редакціею «Писемъ русскаго путешественника»:

...pays-ci! восклицали мы[4])...

...руки на небо и [6])...

...дороги простирались богатые цвѣтные луга [8])...

...и пріятное твое [10])...

...дворецъ лежитъ на горѣ[12])...

...pays-ci!» твердили мы [5])...

...руки къ небу и [7])...

...дороги разстилались богатые луга [9])...

...и любезное твое [11])...

...дворецъ возвышается на горѣ [13])...

---

[1]) В, III, 146, 9 св. [2]) А, V, 350, 8 св. [3]) С, III, 193, 11 сн. (См. 279). [4]) В, I, 56, 8 св. [5]) С, II, 36, 2 св. (См. 20). [6]) В, I. 112, 10 св. [7]) С, II, 74, 5 св. (См. 41). [8]) В, I, 112, 2 сн. [9]) С, II, 74, 13 св. (См. 41). [10]) В, I, 136, 10 сн. [11]) С, II, 89, 1 сн. (См. 50). [12]) В, II, 12, 2 св. [13]) С, II, 200, 3 св. (См. 111).

...и два талера; но [1])...

...ему семь, восемь и десять талеровъ [3])...

...сказалъ первой. Я [5])...

...гдѣ въ печальномъ сумракѣ [7])...

...человѣка четыре, которые [9])...

...болѣе 500 домовъ [11])...

...и пять талеровъ; но [2])...

...ему десять, двадцать и болѣе талеровъ [4])...

...сказалъ четвертой. Я [6])...

...гдѣ въ мерцающемъ сумракѣ [8])...

...человѣка три, которые [10])...

...болѣе 300 домовъ [12])...

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, встрѣчены нами подобныя измѣненія еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

В, I, 1, 4 св.=С, II, 1, 3 св. (См. 1); В, I, 6, 10 сн.=С, II, 5, 10 св. (См. 3); В, I, 6, 1 сн.=С, II, 5, 3 сн. (См. 3); В, I, 11, 8 св.=С, II, 8, 5 св. (См. 4); В, I, 11, 2 сн.=С, II, 8, 12 св. (См. 4); В, I, 13, 7 сн.=С, II, 9, 6 сн. (См. 5); В, I, 15, 7 св.=С, II, 10, 3 сн. (См. 6); В, I, 16, 2 св.=С, II, 11, 9 св. (См. 6); В, I, 18, 4 св.=С, II, 12, 6 сн. (См. 7); В, I, 20, 1 св.=С, II, 14, 4 св. (См. 8); В, I, 21, 3 сн.=С, II, 15, 11 св. (См. 8); В, I, 22, 4 св.=С, II, 15, 11 сн. (См. 8); В, I, 22, 7 св.=С, II, 15, 9 сн. (См. 8); В, I, 33, 5 сн.=С, II, 22, 8 св. (См. 12); В, I, 38, 2 сн.=С, II, 25, 8 сн. (См. 14); В, I, 42, 1 св.=С, II, 27, 4 сн. (См. 15); В, I, 42, 3 св.=С, II, 27, 3 сн. (См. 15); В, I, 42, 4 св.=С, II, 27, 2 сн. (См. 15); В, I, 51, 7 сн.=С, II, 33, 9 сн. (См. 19); В, I, 53, 5 св.=С, II, 34, 12 сн. (См. 19); В, I, 57, 5 св.=С, II, 36, 9 сн. (См. 20): В, I, 57, 10 св.=С, II, 36, 5 сн. (См. 20) и мн. др.

Къ этой же группѣ отдѣльныхъ словъ относится и уничтоженіе варваризмовъ, которое и въ этомъ «третьемъ» изданіи продѣлывалось Карамзинымъ довольно внимательно.

---

[1]) В, II, 51, 6 св. [2]) С, II, 225, 10 сн. (См. 126). [3]) В, II, 51, 9 св. [4]) С, II, 225, 8 сн. (См. 126). [5]) В, II, 111, 11 св. [6]) С, II, 266, 4 св. (См. 148). [7]) В, II, 129, 2 св. [8]) С, II, 277, 1 сн. (См. 155). [9]) В, II, 147, 2 св. [10]) С, II, 289, 7 сн. (См. 161). [11]) В, II, 187, 10 св. [12]) С, II, 13, 10 сн.

Приведемъ всѣ замѣченные нами случаи замѣны варваризма русскимъ словомъ:

...съ другомъ *гармонируемъ* болѣе, нежели [1])...

...съ другомъ гораздо *согласнѣе*, нежели [2])...

...и съ угрюмою *миною* отплатилъ [3])...

...и съ угрюмымъ *видомъ* отплатилъ [4])...

...мнѣ *интересныя* знакомства [5])...

... мнѣ *пріятныя* знакомства [6])...

...разума *публично* возглашаются [7])...

...разума *всенародно* возглашаются [8])...

...на *руинахъ* Колофона [9])...

...на *развалинахъ* Колофона [10])...

...почтенныя *руины* древнихъ [11])...

...почтенныя *развалины* древнихъ [12])...

...прекрасная *провинція*. Города [13])...

...прекрасная *земля*. Города [14])...

...Въ *партикулярныхъ* домахъ и въ [15])...

...Въ домахъ *гражданъ* и въ [16])...

...отъ страшныхъ своихъ *родомонтадъ* прослылъ [17])...

...отъ страшнаго *хвастовства* прослылъ [18])...

Кромѣ этихъ случаевъ, встрѣтили мы нѣсколько разъ замѣну слова «интересный»—словами: «любопытный» [19]), «занимательный» [20])... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Карамзинъ не замѣнялъ варваризма, а пропускалъ его или измѣнялъ оборотъ рѣчи. Напр.:

...которой *публично* въ [21])...

...которой въ [22])...

...мы сдѣлаемся другъ другу *интересны* [23])...

...мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ [24])...

---

[1]) В, I. 127, 10 св. [2]) С, II, 84, 9 св. (См. 47). [3]) В, I, 172, 3 сн. [4]) С, II, 114, 2 сн. (См. 64). [5]) В, I, 267, 8 св. [6]) С, II, 172, 2 св. (См. 96). [7]) В, II, 82, 3 св. [8]) С, II, 245, 1 сн. (См. 137). [9]) В, V, 303, 9 сн. [10]) С, V, 51, 12 сн. (См. 581). [11]) В, III, 87, 8 сн. [12]) С, III, 154, 10 сн. (См. 256). [13]) В, II, 224, 5 св. [14]) С, III, 38, 4 св. (См. 191). [15]) В, II, 248, 11 сн. [16]) С, III, 54, 12 сн. (См. 200). [17]) В, II, 253, 8 св. [18]) С, III, 57, 5 сн. (См. 202). [19]) Напр., В. II, 31, 8 св.=С, II, 212, 12 сн. (См. 118) и др. [20]) Напр., В, II, 112, 10 сн.= С, II, 266, 3 сн. (См. 149). [21]) В, I, 240, 6 сн. [22]) С, II, 155, 10 св. (См. 86). [23]) В, II, 103, 8 св. [24]) С, II, 260, 12 св. (См. 145).

...съ *публикованія* комическихъ [1])...	...съ комическихъ [2])...
...шею. Какая *группа!* Какая трогательная картина [3])...	...шею. Любезная картина [4])...

Къ характернымъ особенностямъ третьяго изданія относится также: 1) довольно частая замѣна словъ «почитается и почитаются» — словами: «считается, считаются» [5]), 2) слова «сей»—словами: «этотъ» или другими, подходящими по смыслу [6]). 3) частое уничтоженіе приставки «пре» въ словахъ: «предлинный», «прелюбезный», «претрогательный» и др. [7]), 4) замѣна слова, «проходя», «шедши»—словомъ: «идучи» [8]), 5) формы «услышавъ»—формой «слыша» [9]) и 6) исчезновеніе странныхъ формъ «кончится» вм. «кончается», «рѣшится» вм. «рѣшается», и «рѣшитъ» вм. «рѣшаетъ» [10]).

е. Замѣна оборотовъ.

...то безпокойное чувство сердца, которое [11])...	...то безпокойство сердца человѣческаго [12])...

---

[1]) В, II, 120, 6 св. [2]) С, II, 272, 6 св. (См. 151). [3]) В, II, 168, 5 сн. [4]) С, II, 303, 7 сн. (См. 169). [5]) Напр., В, II, 13, 3 св.=С, II, 200, 5 сн. (См. 112); В, I, 276, 11 сн.=С, II, 179, 4 св. (См. 100); В, I, 269, 8 св.=С, II, 173, 11 св. (См. 97); В, I, 134, 6 св.=С, II, 88, 9 св. (См. 50); В, II, 134, 2 сн.=С, II, 281, 1 сн. (См. 157); В, II, 157, 9 св=С, II, 296, 9 св. (См. 165); В, II, 191, 1 сн.=С, III, 16, 11 сн. (См. 178); В, II, 234, 6 сн.=С, III, 45, 10 сн. (См. 195); В, II, 275, 3 сн.=С, III, 72, 13 сн. (См. 210).

[6]) Напр., В, I, 277, 11 св.=С, II, 179, 7 сн. (См. 100); В, I, 279, 10 св.=С, II, 181, 8 сн. (См. 101); В, II, 58, 4 св.=С, II, 230, 8 сн. (См. 128); В, II, 68, 5 сн.=С, II, 236, 5 сн. (См. 132); В, II, 121, 9 сн.=С, II, 273, 5 св. (См. 152); В, II, 198, 8 св.=С, III, 20, 8 сн. (См. 180); В, II, 251, 9 св.=С, III, 56, 10 св. (См. 201); В, II, 253, 6 св.=С, III, 57, 7 св. (См. 201).

[7]) Напр., В, I, 38, 8 св.=С, II, 25, 9 св. (См. 14); В, I, 232, 3 св.=С, II, 149, 8 св. (См. 83); В, II, 97, 4 сн.=С, II, 256, 10 сн. (См. 143); В, II, 154, 8 сн.=С, II, 294, 12 сн. (См. 165). [8]) Напр., В, II, 121, 4 св.=С, II, 273, 8 св. (См. 152); В, IV, 299, 7 сн.=С, IV, 182, 10 св. и др. [9]) Напр., В, I, 141, 4 св.=С, II, 93, 8 сн. (См. 52); В, I, 210, 7 сн.=С, II, 134, 9 сн. (См. 75); В, II, 55, 8 сн.=С, II, 228, 14 сн. (См. 127). [10]) Напр., В, I, 200, 6 сн., 201, 8 сн. и др. [11]) В, I, 14, 10 св. [12]) С, II, 10, 9 св. (См. 5).

...первыя перестаютъ быть для насъ новыми, которое [1])...	...первыя уже не новы, которое [2])...
...принудили сихъ презрѣнныхъ тварей разбѣжаться [3])...	...принудили ихъ разбѣжаться [4])...
...ей, какъ Парижскіе кавалеры.—Какъ [5])...	...ей съ великимъ усердіемъ.—Какъ [6])...
...къ Д*. Какъ хотѣлось мнѣ найти [7])...	...къ Д*, желая найти [8])...
...любитъ и тѣхъ, которые съ нимъ разно думаютъ [9])...	...любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей [10])...
...меня, разстилалась тучная зелень, цвѣтами испещренная. Вечернее [11])...	...меня, разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее [12])...
...послѣ съ шумомъ волнующагося моря излились [13])...	...послѣ съ дикимъ величіемъ излились [14])...

Еще подобные случаи попались намъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

В, I, 14, 2 сн. = С, II, 10, 9 сн. (См. 6); В, I, 21, 10 сн. = С, II, 15, 5 св. (См. 8); В, I, 75, 3 сн. = С, II, 49, 3 сн. (См. 27); В, I, 77, 9 сн. = С, II, 50, 7 сн. (См. 28); В, I, 92, 4 св.=С, II, 60, 8 сн. (См. 34); В, I, 101, 9 сн.= С, II, 66, 5 сн. (См. 37); В, I, 103, 4 св.=С, II, 68, 9 св. (См. 38); В, I, 103, 2 сн. = С, II, 68, 10 св. (См. 38); В, I, 125, 1 св.= С, II, 82, 8 сн. (См. 46); В, I, 140, 2 сн.= С, II, 93, 2 св. (См. 52); В, I, 151, 10 св.=С, II, 100, 7 св. (См. 56); В, I, 159, 3 сн. = С, II, 106, 10 св. (См. 59); В, I, 160, 8 сн.=С, II, 106, 3 сн. (См. 60); В, I, 173, 4 св.= С, II, 115, 3 св. (См. 64); В, I, 175, 5 св. = С, II, 116, 12 св. (См. 65); В, I, 208, 7 сн.=С, II, 133, 7 св. (См. 74);

---

[1]) В, I, 14, 6 сн. [2]) С, II, 10, 13 св. (См. 6). [3]) В, I, 246, 6 сн. [4]) С, II, 158, 1 сн. (См. 88). [5]) В, I, 80, 10 св. [6]) С, II, 52, 9 сн. (См. 29). [7]) В, I, 159, 5 сн. [8]) С, II, 106, 8 св. (См. 59). [9]) В, I, 183, 2 св. [10]) С, II, 121, 3 сн. (См. 68). [11]) В, I, 292, 6 св. [12]) С, II, 191, 3 сн. (См. 107). [13]) В, II, 277, 1 сн. [14]) С, III, 73, 12 сн. (См. 211).

В, I, 208, 4 сн.=С, II, 133, 9 св. (См. 74); В, I, 209, 2 сн.=С, II, 134, 2 св. (См. 75); В, I, 226, 7 св.=С, II, 145, 8 св. (См. 81); В, I, 237, 10 св.=С, II, 153, 2 св. (См. 85) и мн. др.

---

f. Замѣна фразъ другими.

...Тильзитъ; но есть-ли бы онъ сказалъ правду, то ему стоило-бы это гораздо дороже, потому что надобно платить и за каждую лошадь и за каждую милю; слѣдственно, вмѣсто 18 надлежало-бы ему заплатить за 30 миль. Третій [1])...

...Тильзитъ; но русской человѣкъ смекнулъ, что за 30 миль взяли-бы съ него болѣе нежели за 18! Третій [2])...

...дворянинъ, путешествующій для того, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми славными учеными—для того прихожу къ Канту». Онъ [3])...

...дворянинъ, люблю великихъ мужей, и желаю изъявить мое почтеніе Канту». Онъ [4])...

...нужномъ? Кто? — Фридрихъ Вильгельмъ, котораго статую видѣлъ я въ томъ городѣ, гдѣ миловидная [5])...

...нужномъ? — Фридрихъ Вильгельмъ!—Но Кеслинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ миловидная [6])...

...кричащаго: Was seh'ich? Bist du es, Bruder Ramsey? Willkomen in Berlin! что [7])...

...кричащаго: Кого я вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ? что [8])...

...онъ?—Поѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Подите къ

...онъ?—Въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Подите къ своему свя-

---

[1]) В, I, 51, 7 св. [2]) С, II, 33, 14 св. (См. 19). [3]) В, I, 81, 6 сн. [4]) С, II, 53, 11 сн. (См. 29). [5]) В, I, 135, 2 сн. [6]) С, II, 89, 13 св. (См. 50). [7]) В, I, 149, 9 сн. [8]) С, II, 99, 1 св. (См. 55).

своему священнику; онъ вамъ можетъ сказать о немъ болѣе, нежели я». Es ist hart! сказалъ я, сѣвъ на стулъ и приложивъ руку ко лбу. Секретарь[1])..

щеннику; тамъ лучше вы узнаете—я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь[2])...

...лошадей, и не зналъ, что со мною дѣлать. Наконецъ, онъ вздумалъ было уѣхать искать[3])...

...лошадей, и горевалъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми украшаются модные романы! Д* вздумалъ было искать[4])...

...слабости? Есть-ли бы въ этомъ положеніи нашли меня какіе-нибудь люди, что бы могли они обо мнѣ подумать? что бы могли сдѣлать со мною: и такъ, есть-ли бы меня ограбили? Однимъ словомъ, я просилъ его, чтобы онъ не оставлялъ меня. Такимъ образомъ, прошло около часа. Потомъ я всталъ[5])...

...слабости? Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золотой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконецъ, черезъ часъ я всталъ[6])...

...молчаніе, которое перервалъ я вопросомъ: «не въ Дрезденъ[7])...

...молчаніе. Зная, что женщины въ рѣшительныхъ случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: «не въ Дрезденъ[8])...

...клавесинѣ, и я могъ бы съ удовольствіемъ слушать ее до вечера. Отъ нихъ[9])...

...клавесинѣ, хотя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожь не безъ пріятности.—Отъ нихъ[10])...

---

[1]) В, I, 155, 6 сн. [2]) С, II, 103, 11 св. (См. 58). [3]) В, I, 217, 2 сн. [4]) С, II, 139, 8 сн. (См. 78). [5]) В, I, 218, 8 сн. [6]) С, II, 140, 4 св. (См. 78). [7]) В, I, 262, 6 сн. [8]) С, II, 169, 6 св. (См. 94). [9]) В, I, 271, 4 св. [10]) С, II, 174, 10 сн. (См. 97).

...добрыми, во всемъ искать изящнаго и радоваться имъ, воспоминать пріятное и забывать непріятное. Кто [1])...	...добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ Кто [2])...
...«Открылъ мнѣ, какъ златыя хорды*, (*Я не знаю, для чего итальянецъ назвалъ струны греческимъ именемъ).	...«Открылъ за тайну, какъ струною
«Съ размѣромъ движимы рукой,	«Съ сердцами можно говорить,
«Согласно издаютъ аккорды,	«И томной, жалкою игрою
«И радость въ сердце льютъ рѣкой.	«Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить...
«Потомъ въ небесномъ восхищеньѣ	«Я арфу взялъ—ударилъ въ струны,
«Я началъ, какъ Орфей играть,	«Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ!...
«И въ нѣжномъ, сладкомъ упоеньѣ	«Тому не надобно фортуны,
«Любовь, красавицъ воспѣвать [3])...	«Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ [4])...

Подобные же случаи встрѣчаются, между прочимъ, и въ слѣдующихъ мѣстахъ:

В, I, 10, 5 сн.=С, II, 7, 5 сн.; В, I, 12, 9 св.=С, II, 8, 1 сн. (См. 5); В, I, 13, 1 св.=С, II, 9, 9 св. (См. 5); В, I, 30, 6 сн.=С, II, 21, 5 св. (См. 12); В, I, 43, 3 сн.=С, II, 28, 6 сн. (См. 16); В, I, 51, 1 св.=С, II, 33, 8 св. (См. 18); В, I, 57, 3 сн.=С, II, 37, 1 св. (См. 20); В, I, 107, 8 св.=С, II, 70, 4 сн. (См. 39); В, I, 127, 4 сн.=С, II, 84, 3 сн. (См. 47); В, I, 154, 2 сн.=С, II, 102, 11 сн. (См. 57); В, I, 162, 6 сн.=С, II, 108, 6 св. (См. 60), В, I, 175, 8 св.=

[1]) В, II, 114, 3 сн.
[2]) С, II, 267, 1 сн. (См. 149).
[3]) В, III, 105, 7 сн.
[4]) С, III, 166, 4 сн. (См. 263).

С, II, 116, 12 сн. (См. 65); В, I, 220, 9 св. = С, II, 141, 8 св. (См. 78); В, I, 222, 7 св.=С, II, 142, 9 сн. (См. 79); В, I, 274, 12 св. = С, II, 177, 8 св. (См. 99); В, II, 54, 1 св.=С, II, 227, 11 св. (См. 127); В, II, 106, 4 св.=С, II, 262, 11 св. (См. 146) и др.

---

g. Пропускъ словъ.

...станціи всѣ маленькія[1])...	...станціи маленькія [2])...
...ночевать, для того что Г. З* [3])...	...ночевать: Г. З* [4])...
...поѣду на парѣ въ кибиткѣ [5])...	...поѣду въ кибиткѣ [6])...
...Мы уже ѣхали и приближались [7])...	...Мы приближались [8])...
...лѣтнемъ своемъ замкѣ [9])...	...лѣтнемъ замкѣ [10])...
...казались мнѣ инвалидами [11])...	...казались инвалидами [12])...
...то живоцвѣтные, зеленые [13])...	...то зеленые [14])...

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, случаи пропуска словъ замѣчены нами еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

В, I, 5, 1 св.=С, II, 4, 9 св. (См. 2); В, I, 33, 4 св.=С, II, 21, 3 сн. (См. 12); В, I, 39, 1 св.=С, II, 25, 7 сн. (См. 14); В, I, 46, 5 сн.=С, II, 30, 11 сн. (См. 17); В, I, 46, 9 св.=С, II, 30, 8 св. (См. 17); В, I, 47, 1 сн.=С, II, 31, 10 св. (См. 17); В, I, 49, 6 св.=С, II, 32, 5 св. (См. 18); В, I, 54,

---

[1]) В, I, 19, 7 сн. [2]) С, II, 13, 7 сн. (См. 7). [3]) В, I, 20, 6 св. [4]) С, II, 14, 8 св. (См. 8). [5]) В, I, 28, 5 сн. [6]) С, II, 20, 10 св. (См. 11). [7]) В, I, 33, 3 св. [8]) С, II, 21, 4 сн. (См. 12). [9]) В, I, 34, 3 сн. [10]) С, II, 23, 2 св. (См. 13). [11]) В, I. 35, 6 св. [12]) С, II, 23, 8 св. (См. 13). [13]) В, I, 55, 1 сн. [14]) С, II, 35, 6 сн. (См. 20).

4 св.=C, II, 35, 4 св. (См. 19); B, I, 57, 5 сн.=C, II, 36, 1 сн. (См. 20); B, I, 60, 9 сн.=C, II, 38, 1 сн. (См. 22); B, I, 62, 4 сн.=C, II, 40, 12 сн. (См. 22); B, I, 74, 1 сн.=C, II, 49, 5 сн. (См. 27); B, I, 79, 4 св.=C, II, 51, 6 сн. (См. 28); B, I, 79, 5 сн.=C, II, 52, 5 св. (См. 29); B, I, 84, 8 сн.=C, II, 55, 11 св. (См. 31); B, I, 84, 5 сн.=C, II, 55, 11 св. (См. 31); B, I, 91, 6 сн.=C, II, 60, 10 св. (См. 33); B, I, 98, 2 сн.=C, II, 65, 12 сн. (См. 36); B, I, 101, 6 св.=C, II, 66, 10 сн. (См. 37) и мн. др.

Къ характернымъ случаямъ «пропуска словъ» относится иногда встрѣчаемое уничтоженіе слова «весьма и «очень» [1]), а также довольно частое—слова «свой» въ выраженіяхъ, подобныхъ, напр., слѣдующимъ: «воображеніе своихъ слушателей», «на своихъ подушкахъ», «въ лѣтнемъ своемъ замкѣ», «въ своемъ сердцѣ» и т. п. [2])...

---

h. Пропускъ фразъ.

...смеркаться. Въ Форштатѣ ...смеркаться. Вечеръ [4])... извощики наши остановились.

Мнѣ надобно было чѣмъ-нибудь заняться: и такъ я вздумалъ считать свои червонцы. Три или четыре человѣка подходили спрашивать меня, куда я ѣду. Въ Англію, отвѣчалъ я. Они дивились, какъ можно пускаться въ такой дальній путь, и желали мнѣ всякаго добра. Мимо насъ промчалась кибитка. Двое молодыхъ нѣмцевъ, которые сидѣли на облуку, держали въ рукахъ бутылки и трубки и кричали мнѣ: «Guten Abend, mein Herr!» Мы поѣхали за ними [3])...

---

[1]) Напр., B, I, 39, 1 св.=C, II, 25, 7 сн. (См. 14); B, I, 91, 6 сн.=C, II, 60, 10 св. (См. 33); B, I, 116, 10 св.=C, II, 76, 9 сн. (См. 43); B, I, 223, 8 сн.=C, II, 143, 10 св. (См. 80) и др. [2]) Напр., B, I, 34, 3 сн.=C, II, 23, 2 св. (См. 13); B, II, 3, 2 сн.=C, II, 194, 1 сн. (См. 109); B, II, 4, 5 сн.=C, II, 195, 11 сн. (См. 109); B, II, 4, 4 сн.=C, II, 195, 10 сн. (См. 109); B, II, 48, 8 сн.—C, II, 223, 11 сн. (См. 124); B, II, 74, 10 сн.=C, II, 240, 9 сн. (См. 134); B, II, 115, 9 сн.=C, II, 268, 5 сн. (См. 150) и др. [3]) B, I, 31, 9 св.

[4]) C, II, 21, 10 сн. (См. 12).

...не чувствовалъ, какъ мы доѣхали до той корчмы, гдѣ надлежало намъ ночевать. Проснувшись, увидѣлъ я, что съ нами на покрытомъ дворѣ стояла еще кибитка, точно та, которая при выѣздѣ изъ Риги насъ обскакала. Вотъ еще товарищи! подумалъ я, и опять заснулъ. Восходящее [1])...

...не чувствовалъ. Восходящее [2])...

...Шенка. У городскихъ воротъ записали наши имена и послали Визитатора осмотрѣть наши вещи; это стоило намъ опять нѣсколько грошей.—Пріѣхавъ, я тотчасъ пошелъ бродить по городу. Кенигсбергъ [3])...

...Шенка. Кенигсбергъ [4])...

...и всѣ. Я этова такъ не оставлю, ворчалъ сквозь зубы Капитанъ. Какъ это оставить! говорили офицеры. Постилліоны [5])...

...и всѣ. Постилліоны [6])...

...жителемъ. Баронъ Мейнау, человѣкъ лѣтъ въ тридцать, женится на пятнадцатилѣтней Эйлаліи. Нѣсколько лѣтъ живутъ они щастливо. Эйлалія почитаетъ въ своемъ супругѣ опытнаго и благоразумнаго человѣка; а супругъ старается всѣмъ утѣшать ее. Но вдругъ, по нѣкоторому нещастному случаю, лишается онъ половины имѣнія. Надлежало ограничить расходы; а такая экономія не могла быть пріятна для Эйлаліи. Въ сіе время одинъ молодой человѣкъ

...жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ. Но она мила, нещастлива—и я плакалъ, какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій! Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса, или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена

---

[1]) В, I, 32, 10 сн. [2]) С, II, 21, 6 сн. (См. 12). [3]) В, I, 76. 6 сн. [4]) С, II, 50, 5 сн. (См. 28). [5]) В, I, 130, 6 сн. [6]) С, II, 86, 14 сн. (См. 48).

обязанной Барону всѣмъ своимъ въ піесѣ несравненна. — Г.
щастіемъ, вкрадывается мало Флекъ [1])...
по малу къ ней въ сердце — и
чѣмъ-же? не отмѣнною красотою, не отмѣннымъ разумомъ, не добродѣтелью, но угождая всѣмъ женскимъ прихотямъ—лестію и коварствомъ. Нѣтъ умѣренности въ склонностяхъ женскаго сердца: любовь къ сему молодому человѣку уменьшаетъ въ Эйлаліи любовь къ супругу, и, наконецъ, такъ ослѣпляетъ ее, что она, забывъ добродѣтель, а съ нею забывъ супруга и дѣтей своихъ, уходитъ со своимъ развратителемъ. Сей ударъ былъ совсѣмъ нечаянной для Мейнау. Онъ оставляетъ свой домъ, клянетъ людей, бѣжитъ отъ нихъ, и безъ всякаго намѣренія странствуетъ изъ земли въ землю. Между тѣмъ, вѣтренной молодой человѣкъ, удовлетворивъ страсти своей, оставляетъ Эйлалію. Тутъ открываются глаза ея — она чувствуетъ всю ужасность своего состоянія, весь стыдъ и нещастіе позорной женщины. Наконецъ, подъ именемъ г-жи Миллеръ, идетъ въ управительницы къ графинѣ Винтерзее и живетъ у нея въ деревнѣ, во всегдашнемъ уединеніи и горести. Едва осмѣливается она искать нѣкотораго утѣшенія въ тайныхъ благодѣяніяхъ. — Случай приводитъ Барона Мейнау въ сію деревню. Онъ остается тутъ на нѣкоторое время, живетъ въ маленькомъ домикѣ на концѣ звѣринца, ходитъ по лѣсамъ, читаетъ Циммерманову книгу *объ уединеніи*, и клянетъ природу человѣческую. Отсюда начинается драма. Графъ и графиня Винтерзее пріѣзжаютъ въ деревню. Баронъ фонъ-деръ-Горстъ, братъ графининъ, влюбляется въ г-жу Миллеръ и открывается сестрѣ. Графиня любитъ свою управительницу, и, будучи увѣрена, что она благородная, не противится намѣренію своего брата жениться на ней и беретъ на себя говорить съ нею о любви его. Тутъ Эйлалія разсказываетъ графинѣ свою исторію. «Вы будете презирать меня, говоритъ она: такъ и быть! Небесное правосудіе требуетъ жертвы отъ искренняго раскаянья: я приношу ее, лишаясь добровольно

[1]) С, II, 129, 7 сн. (См. 72).

вашего добраго мнѣнія о моемъ сердцѣ». Но графиня обнимаетъ ее и увѣряетъ въ своей дружбѣ.—Между тѣмъ, Мейнау имѣлъ случай спасти графа Винтерзее, которой утонулъ бы въ рѣкѣ безъ его помощи. Графъ посылаетъ своего шурина звать его къ себѣ въ гости. Баронъ фонъ-деръ-Горстъ находитъ въ пустынникѣ стариннаго своего друга, принуждаетъ его разсказать исторію свою со времени ихъ разлуки и беретъ съ него слово придти къ графу. Мейнау приходитъ, видитъ Эйлалію, и въ тотъ же мигъ бросается назадъ въ двери. Эйлалія падаетъ въ обморокъ — и тѣмъ кончится четвертое дѣйствіе. Горстъ, узнавъ, что Эйлалія—жена друга его, почитаетъ за должность стараться о ихъ соединеніи. Эйлалія поручаетъ ему просить супруга своего, чтобы онъ дозволилъ ей придти къ нему и видѣть дѣтей. Мейнау не хочетъ сперва и слышать о томъ, чтобы опять жить съ нею вмѣстѣ. «Женщина, говоритъ онъ, которая одинъ разъ могла измѣнить своему мужу, можетъ измѣнить и въ другой разъ. И что скажутъ обо мнѣ въ свѣтѣ, когда я покажусь съ нею? Наконецъ, рѣшится онъ въ послѣдній разъ видѣть Эйлалію, а потомъ хочетъ съ дѣтьми своими (которыхъ посылаетъ привезти изъ города) удалиться въ такое мѣсто, гдѣ бы никогда уже не могъ встрѣтиться съ своею невѣрною, но все еще любезною ему супругою. Эйлалія приходитъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе, трогательнѣе сей сцены. Мейнау размягчается.—«Злодѣй! ты развратилъ Ангела!» говоритъ онъ, представляя себѣ въ мысляхъ соблазнителя ея. Эйлалія не проситъ у него прощенія: она почитаетъ себя недостойною такого супруга—и въ ту минуту, какъ они хотятъ сказать другъ другу: прости навѣки! вбѣгаютъ дѣти, бросаются цѣловать своихъ родителей, и Мейнау, тронутый до глубины сердца, прощаетъ Эйлаліи; съ рыданіемъ бросается она въ объятія своего супруга, и занавѣсъ закрывается.—Никакая Драма не оставляла во мнѣ такихъ сладкихъ впечатлѣній, какъ сія. Не скажу, чтобы въ ней нельзя было ничего критиковать—наприм.: всякому странно покажется, что баронъ Горстъ, выслушавъ исторію своего друга, проситъ его идти сватать г-жу Миллеръ. Однакожъ въ

ней такъ много трогательнаго и прекраснаго, что зритель забываетъ критику. — Г. Флекъ [1])...

...зрителя. Нельзя отъ слезъ удержаться тамъ, гдѣ она, открывъ Графинѣ свое сердце, бросается къ ногамъ ея и говоритъ: Verstossen sie mich nicht! Verstossen sie mich nicht! и гдѣ она приходитъ навсегда проститься съ супругомъ. Я думаю [2])...

...зрителя. Я думаю [3])...

...коляски. Шафнеръ оставилъ мнѣ мѣсто напереди подлѣ окна, для того (сказалъ онъ) чтобы я могъ наслаждаться пріятными видами; правду-ли онъ сказалъ или нѣтъ, оставимъ на сей разъ, безъ изслѣдованья. У меня было шесть товарищей [4])...

...коляски. У меня было довольно товарищей [5])...

...товарищей: двѣ важныя дамы въ черныхъ шляпкахъ— (вы, друзья мои, конечно согласитесь со мною, что даму можно назвать человѣкомъ?)—пожилой Магистеръ [6])...

...товарищей; между прочими Магистеръ [7])...

...духомъ, и благословилъ утреннюю Природу, которая въ зеленой одеждѣ своей великолѣпно передо мною красовалась. Я бросился [8])...

...духомъ; бросился [9])...

...луга; купался въ росѣ его, и впивалъ въ себя его свѣжесть; наслаждался [10])...

...луга, наслаждался [11])...

...своихъ, что бываетъ такимъ образомъ: Когда умретъ членъ Большаго Совѣта, состоящаго изъ 280 человѣкъ, то изъ того

...своихъ — Хлѣбники [12])...

---

[1]) В, I, 195, 9 св. [2]) В, I, 204, 9 св. [3]) С, II, 130, 6 св. (См. 73). [4]) В, II, 5, 8 св. [5]) С, II, 196, 4 св. (См. 109). [6]) В, II, 6, 1 св. [7]) С, II, 196, 5 св. (См. 109). [8]) В, II, 60, 3 св. [9]) С, II, 231, 8 св. (См. 129). [10]) В, II, 60, 9 св. [11]) С, II, 231, 9 св. (См. 129). [12]) С, III, 54, 4 св. (См. 199).

*

цеха* (*Такъ называемой *большой* городъ раздѣленъ на 15 цеховъ, изъ которыхъ выбираются въ Свѣтъ по 16 человѣкъ; а изъ трехъ такъ называемыхъ обществъ (Gesellschaften) *малаго* города по двѣнадцати), къ которому онъ принадлежалъ, выбираютъ шесть кандидатовъ; а сіи кандидаты должны бросить между собою жеребей, кому заступить мѣсто умершаго. Малой Совѣтъ, которой состоитъ изъ 60 человѣкъ, и которой рѣшитъ всѣ уголовныя дѣла и соблюдаетъ благоустройство въ Республикѣ, избирается уже изъ членовъ Большаго, и такъ же по жеребью, кромѣ Бургомистровъ — Хлѣбники [1])...

...восторга. Чувствительной сынъ упалъ передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки. Но воображеніе мое опускаетъ занавѣсъ на сію трогательную сцену. Герцогиня [2])...

...восторга. Герцогиня [3])...

Нежеланіе обременять работу цитатами не позволяетъ намъ привести болѣе примѣровъ, но и приведенныхъ, по нашему мнѣнію, достаточно для того, чтобы убѣдиться, какъ энергично сокращалъ Карамзинъ свои «Письма», выбрасывая иногда по цѣлымъ страницамъ. Укажемъ еще тѣ мѣста, въ которыхъ встрѣтили мы такіе же, болѣе или менѣе, крупные пропуски:

В, I, 6, 1 сн.=С, II, 5, 3 сн. (См 3); В, I, 29, 5 св.=С, II, 20, 5 сн. (См. 11); В, I, 36, 6 св.=С, II, 23, 1 сн. (См. 13); В, I, 38, 6 сн.=С, II, 25, 10 сн. (См. 14); В, I, 39, 8 св.=С, II, 25, 1 сн. (См. 14); В, I, 42, 4 св.=С, II, 27, 2 сн. (См. 15); В, I, 50, 2 сн.=С, II, 33, 7 св. (См. 18); В, I, 52, 9 св.=С, II, 34, 7 св. (См. 19); В, I, 57, 3 св.=С, II, 36, 9 сн. (См. 20); В, I, 57, 10 св.=С, II, 36, 5 сн. (См. 20); В, I, 74, 1 сн.=С, II, 49, 5 сн. (См. 27); В, I, 78, 10 сн.=С, II, 51, 11 св. (См. 28); В, I, 82, 5 св.=С, II, 53, 5 сн. (См. 30); В, I, 95, 2 сн.=С, II, 63, 9 св. (См. 35); В, I, 100, 6 сн.=С, II, 66, 7 св. (См. 37); В, I, 101, 8 св.=С, II, 66, 9 сн. (См. 37); В, I, 107, 8 св.=С, II, 70, 4 сн. (См. 39); В, I, 107,

---

[1]) В, II, 246, 8 сн. [2]) В, IV, 64, 5 св. [3]) С, IV, 17, 7 св. (См. 363).

3 сн. = C, II, 71, 3 св. (См. 39); B, I, 113, 2 св. = C, II, 74, 10 сн. (См. 41); B, I, 116, 3 св. = C, II, 76, 13 сн. (См. 43); B, I, 125, 5 св. = C, II, 82, 6 сн. (См. 46); B, I, 151, 8 сн. = C, II, 100, 11 св. (См. 56); B, I, 159, 11 сн. = C, II, 106, 4 св. (См. 59) и мн. др.

Наконецъ, двѣ послѣднія группы варіантовъ, «вставки» и «перестановки», не представляютъ особаго интереса, какъ по своей малочисленности, такъ и по незначительности, а потому о нихъ мы и не будемъ говорить.

Интересно, что письма изъ Германіи и Швейцаріи, т. е. первая половина «Писемъ», напечатанная въ 1791—1794 годахъ, не удовлетворяли Карамзина ни въ 1797 году, ни, тѣмъ болѣе, въ 1803 году; это видно изъ того, что онъ исправляетъ тщательно ихъ языкъ и содержаніе тогда, какъ все, появившееся позднѣе, въ 1801 году, почти имъ не исправляется.

Два слѣдующихъ изданія «Писемъ русскаго путешественника» появились тоже въ двухъ изданіяхъ «Собранія сочиненій Карамзина» (1814 г. и 1820 г.). Варіантовъ въ нихъ встрѣчено нами сравнительно немного: въ первомъ — около 150, а во второмъ около 100. Такимъ образомъ, изданіе 1797—1801 г. оказывается послѣднимъ, которое не удовлетворяло Карамзина до такой степени, что онъ считалъ нужнымъ производить основательную чистку текста. Впрочемъ, и къ тексту двухъ слѣдующихъ изданій (1803 и 1814 гг.) Карамзинъ относился также довольно внимательно и строго.

Такъ, въ изданіи 1814 года онъ впервые вводитъ въ громадномъ числѣ форму именъ прилагательныхъ на *ый* (вм. *ой*); напр., желаем*ый* [1]), достойн*ый* [2]), любезн*ый* [3]) и др., и энергично уничтожаетъ варваризмы: вм. *пара* — говоритъ

---

[1]) C, II, 2, 12 сн. = D, II, 2, 5 сн. (См. 1). [2]) C, II, 6, 7 св. = D, II, 5, 5 св. (См. 3). [3]) C, II, 6, 7 св. = D, II, 5, 6 св. (См. 3).

чета [1]), вм. *фурманъ=извощикъ* [2]); *Московитскій = Московскій* [3]); *Принцъ = Князь* [4]), *сумма = составъ* [5]); *концилiумъ = соборъ* [6]); *рекомендоваться = представляться* [7]); *патетическій = пышный* [8]); *гигантскій = исполинскій* [9]); *натура = естество* [10]); *короновать = вѣнчать* [11]); *жесты = дѣйствіе* [12]); *формальнымъ актомъ = торжественно* [13]); *церемонія = торжественность* [14]); *буфонство = шутовство* [15]). Особенно же посчастливилось словамъ: *моральный*, *интересный* и *нація*; первое — 30 разъ замѣнено словомъ *нравственный* [16]); второе—около 10 разъ замѣнено синонимами: *любопытный*, *занимательный*, *привлекательный* [17]); третье — 3 раза замѣнено словомъ *народъ* [18]). Кромѣ того, нѣсколько разъ Карамзинъ прямо выпустилъ варваризмы [19]).

---

[1]) C, II, 18, 3 св. = D II, 15, 7 св. (См. 10). [2]) C, II, 25, 8 св. = D, II, 22, 5 св. (См. 14); C, II, 29, 11 св.=D, II, 25, 8 сн. (См. 16). [3]) C, II, 63, 7 сн.=D, II, 55, 11 св. (См. 35); C, II, 64, 1 св.=D, II, 55, 9 сн. (См. 35).

[4]) C, II, 200, 6 св.=D, II, 174, 7 сн. (См. 111). [5]) C, II, 304, 1 св.= D, II, 264, 13 сн. (См. 169). [6]) C, III, 53, 6 св.=D, III, 45, 4 св. (См 199).

[7]) C, III, 282, 9 сн.=D, III, 243, 5 св. (См. 328). [8]) C, III, 307. 5 св.= D, III, 264, 10 св. (См. 342). [9]) C, IV, 31, 14 св.=D, IV, 27, 2 св. (См. 371).

[10]) C, IV, 66, 9 св.=D, IV, 57, 9 св. (См. 391). [11]) C, IV, 71, 2 св.= D, IV, 61, 1 св. (См. 394). [12]) C, IV, 215, 6 св. = D, IV, 186, 13 сн. (См. 475). [13]) C, IV, 309, 1 сн.=D, IV, 269, 2 св. (См. 528). [14]) C, V, 1, 1 сн.=D, V, 1, 5 св. (См. 552). [15]) C, V, 72, 8 сн.=D, V, 63, 3 св. (См. 593). [16]) C, II, 54, 7 св.=D, II, 47, 1 св. (См. 30); C, II, 55, 11 св.= D, II, 48, 4 св. (См. 31); C, II, 55, 12 сн.=D, II, 48, 6 св. (См. 31); C, II, 284, 4 св.=D, II, 247, 3 св. (См. 158); C, III, 125, 3 св.=D, III, 107, 4 св. (См. 239); C, III, 150, 4 св.=D, III. 129, 7 св. (См. 254); C, III, 170, 2 св.=D, III, 146, 6 св. (См. 265); C, III, 249, 10 сн.=D, III, 214, 12 св. (См. 310); C, III, 250, 10 св.=D, III, 215, 4 св. (См. 310); C, III, 250, 7 св.=D, III, 215, 1 св. (См. 310); C, IV, 66, 4 сн.=D, IV, 57, 13 св. (См. 391); C, IV, 89, 3 сн. = D, IV, 77, 10 св. (См. 404); C, IV, 105, 3 св. = D, IV, 90, 10 св. (См. 413); C, IV, 286, 8 св.=D, IV, 248, 9 св. (См. 515); C, IV, 289, 3 св. = D, IV. 250, 9 сн. (См. 516) и др. [17]) C, II, 151, 5 сн.=D, II, 132, 14 сн. (См. 84); C, II, 286, 12 св.=D, II, 249, 4 св. (См. 159); C, III, 136, 9 св.=D, III, 117, 6 св. (См. 246); C, III, 303, 5 св =D, III, 260, 4 сн. (См. 340); C, IV, 136, 10 св.=D, IV, 117, 15 св. (См. 430); C, V, 96, 5 св.=D, V, 83, 10 сн. (См. 606) и др. [18]) C, II, 217, 8 сн. = D, II, 189, 4 сн. (См. 121); C, IV, 66, 10 сн. = D, IV, 57, 7 св. (См. 391); C, IV, 141, 8 св.=D, IV, 121, 6 сн. (См. 433) и др.

[19]) C, IV, 150, 10 сн.=D, IV, 129, 5 сн. (См. 438); C, IV, 275, 10 сн = D. IV, 239, 1 св. (См. 509); C, V, 2. 4 св.=D, V, 1, 5 сн. (См. 552); C, V, 195, 7 сн.=D, V, 169, 12 сн. и др.

Остальныя измѣненія въ текстѣ этого изданія не представляютъ особаго интереса: наиболѣе многочисленными группами являются группы *пропусковъ* (около 30) и *замѣнъ* (около 30). Всѣ эти измѣненія произведены исключительно въ виду стилистическихъ цѣлей, указываютъ на внимательное отношеніе Карамзина къ языку, а своею малочисленностью подтверждаютъ наши слова о томъ, что, въ общемъ, Карамзинъ былъ удовлетворенъ текстомъ 1803 года. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

а. Пропуски словъ

...буду бездомнымъ на землѣ странникомъ [1])...	...буду на землѣ странникомъ [2])...
...не встрѣчались намъ никакіе [3])...	...не встрѣчались никакіе [4])...
...друзей своихъ изъ [5])...	...друзей изъ [6])...
...его навѣрно здѣсь [7])...	...его здѣсь [8])...

Еще подобные случаи встрѣчены нами въ слѣдующихъ мѣстахъ: C, II, 220, 8 сн.=D, II, 192, 14 сн. (См. 123); C, II, 235, 8 св.=D, II, 205, 9 св. (См. 131); C, III, 45, 10 св.=D, III, 38, 13 св. (См. 195); C, III, 46, 4 св. = D, III, 39, 4 св. (См. 195); C, III, 154, 5 св.=D, III, 132, 7 сн. (См. 256); C, III, 185, 9 св. = D, III, 159, 11 св. (См. 274); C, III, 184, 7 сн. = D, III, 158, 5 сн. (См. 274); C, III, 187, 9 сн.=D, III, 161, 10 св. (См. 275); C, III, 227, 7 сн.=D, III, 195, 1 св. (См. 298) и др.

---

[1]) C, II. 13, 2 св. [2]) D, II, 11, 8 сн. (См. 7). [3]) C, II, 29, 11 сн. [4]) D, II, 25, 3 сн. (См. 21). [5]) C, II, 58, 7 сн. [6]) D, II, 51, 2 св. (См. 32) [7]) C, II, 103, 9 сн [8]) D, II, 90, 2 св. (См. 58).

b. Пропускъ фразъ.

...сказать навѣрно, не ограничены-ли нынѣ сіи права и въ [1])...	...сказать, въ [2])...
...съ горести.—Не могу писать болѣе. Простите! Въ пять [3])...	...съ горести. Въ пять [4])...
...людей—и тысячи идей возбуждаются въ головѣ моей, Что [5])...	...людей. Что [6])...

c. Замѣна словъ.

...ихъ похожи на нашихъ [7])...	...ихъ подобны нашимъ [8])...
...Мастеровъ Нѣмецкихъ рыцарей. Отъ [9])...	...Мастеровъ Нѣмецкаго Ордена. — Отъ [10])...
...искусно отбилъ первые [11])...	...искусно отразилъ первые [12])...
...онъ съ веселымъ видомъ разговаривалъ [13])...	...онъ спокойно разговаривалъ [14])...
...въ землѣ тишины и благополучія [15])...	...въ землѣ свободы и благополучія [16])...

Еще подобные случаи встрѣчены нами въ слѣдующихъ мѣстахъ: C, II, 165, 3 св.=D, II, 144, 5 св. (См. 92); C, II, 165, 13 сн.=D, II, 144, 13 сн. (См. 92); C, II, 205, 2 св.=

---

[1]) C, II, 77, 8 сн. [2]) D, II, 67, 12 св. (См. 43). [3]) C, IV, 64, 8 сн. [4]) D, IV, 55, 14 св. (См. 390). [5]) C, IV, 158, 5 св. [6]) D, IV, 136, 10 св. (См. 442). [7]) C, II, 16, 9 св. [8]) D, II, 14, 2 св. (См. 9). [9]) C, II, 75, 11 сн. [10]) D, II, 65, 12 св. (См. 65). [11]) C, II, 83, 2 сн. [12]) D, II, 72, 7 сн. (См. 47). [13]) C, II, 127, 11 сн. [14]) D, II, 111, 4 сн. (См. 47). [15]) C, III, 41, 10 св. [16]) D, III, 35, 1 св. (См. 192).

D, II, 179, 1 св. (См. 114); C, II, 216, 7 св. = D, II, 188, 11 сн. (См. 120); C, II, 245, 13 св. = D, II, 214, 2 св. (См. 137); C, II, 286, 12 св. = D, II, 249, 4 св. (См. 159); C, II, 302, 7 св. = D, II, 262, 6 сн. (См. 168); C, III, 42, 5 св. = D, III, 35, 7 сн. (См. 193); C, III, 125, 9 св. = D, III, 107, 10 св. (См. 240); C, III, 171, 10 св. = D, III, 147, 10 св. (См. 266) и мн. др.

Изъ всѣхъ этихъ случаевъ «замѣны одного слова другимъ» особенно интересно возстановленіе слова *«свобода»* вм. слова *«тишина»* (Швейцарія—«страна свободы»...). Въ остальныхъ случаяхъ замѣна эта сводилась, большею частью, къ подысканію болѣе удачнаго синонима.

---

d. Замѣна оборотовъ и фразъ.

...диктатурою (подъ диктатурою? Точно — и учтивой [1])...	...диктатурой (вы удивитесь, но учтивый [2])...
...терялись въ ней, подобно какъ въ безконечности океана. Сердце [3])...	...терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце [4])...
...людей, собственно такъ называемые анекдоты, собрать, описать [5])...	...людей, происшествія, дѣйствительно, любопытныя, описать [6])...
...характера, замѣняются въ немъ милыми свойствами [7])...	...характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами [8])...

Кромѣ этихъ примѣровъ, аналогичные случаи замѣчены нами еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: C, II, 70, 8 сн. = D, II, 61, 11 св. (См. 39); C, II, 107, 2 св. = D, II, 93, 3 св. (См. 60); C, IV, 55, 11 сн. = D, IV, 47, 5 сн. (См. 385) и др.

---

[1]) C. III, 144, 5 сн. [2]) D, III, 124, 12 сн. (См. 251). [3]) C, IV, 149, 8 св. [4]) D, IV, 128, 7 сн. (См. 438). [5]) C, IV, 281, 4 св. [6]) D, IV, 243, 5 сн. (См. 512). [7]) C, V, 162, 2 сн. [8]) D, V, 141, 12 св. (См 647).

Наконецъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторыя грамматическія измѣненія (видъ глаголовъ, время, падежи) [1]), а также исправленія неудачныхъ выраженій. Напримѣръ:

...отказывающій себѣ все [2])...	...отказывать себѣ во всемъ [3])...
...Въ ужинѣ ѣли [4])...	...За ужиномъ ѣли [5])...

Въ изданіи 1820 года мы встрѣчаемся опять съ тѣми же группами измѣненій, что и раньше; по характеру эти измѣненія мало чѣмъ отличаются отъ измѣненій 1814 года: главная цѣль ихъ — исправленіе стиля.

а. Замѣна словъ.

...дней скончала жизнь [6])...	...дней прекратила жизнь [7])...
...Папа подтвердилъ его [8])...	...Папа утвердилъ его [9])...
...уныніи, и помышляя о [10])...	...уныніи. Размышляя о [11])...
...часа были мы [12])...	...часа стояли мы [13])...

Подобные же случаи встрѣчены были нами въ слѣдующихъ мѣстахъ: D, II, 186, 5 св.=E, II, 144, 3 сн. (См. 119); D, II, 186, 10 св. = E, II, 145, 2 св. (См. 119); D, III, 97, 12 св.=E, III, 75, 4 сн. (См. 233); D, III, 102, 6 сн.=E, III, 79, 10 сн. (См. 237); D, III, 147, 8 св. = E, III, 113, 12 св. (См. 266); D, III, 147, 14 сн.=E, III, 113, 14 сн. (См. 266);

---

[1]) C, II, 20, 9 св.=D, II, 17, 7 св. (См. 11); C, II. 135, 3 сн. = D, II. 118, 13 сн. (См. 76); C, II, 272, 2 сн. = D, II, 238, 14 сн. (См. 152); C. II, 278, 2 св.=D, II, 241, 2 сн. (См. 155); C, III, 119, 1 сн.=D, III, 102, 8 сн. (См. 237); C, III, 203, 3 сн.=D, III, 175, 11 св. (См. 284); C, III, 261, 5 сн.=D, III. 225. 1 св. (См. 317) и др. [2]) C, V, 24, 8 св. [3]) D, V, 21, 12 св. (См. 565).
[4]) C, V, 176, 9 св. [5]) D, V, 153, 1 св. (См. 655) [6]) D, II, 155. 5 сн.
[7]) E, II, 121, 3 сн. (См. 99). [8]) D, II, 246, 4 св. [9]) E, II. 191, 6 сн. (См. 157). [10]) D, III, 68, 5 сн. [11]) E, III, 54, 14 сн. (См. 214).
[12]) D, III, 86, 8 сн. [13]) E, III, 67, 7 сн. (См. 226).

D, III, 147, 4 сн.=E, III, 113, 8 сн. (См. 266); D, III, 185, 4 св.=E, III, 142, 4 св. (См. 291); D, III, 203, 1 сн.=E, III, 156, 17 сн. (См. 303) и др. (всего около 30 случаевъ).

---

b. Замѣна оборотовъ и фразъ.

...душу! здѣсь живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэтъ не находитъ словъ для описанія сего ужасно-великаго явленія. Развѣ только въ страшные дни древняго потопа, когда правосудный Богъ превратилъ земные пары во влажный гробъ развратнаго человѣчества, водная стихія ярилась такъ, какъ она здѣсь ярится. Я готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія у Рейна [1])...	...душу! Феноменъ, дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался—и готовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ [2])...
...изъ Парижа, заступилъ его мѣсто. Въ [3])...	...изъ Парижа, занялъ ихъ своею любезностью. Въ [4])...
...ѣхали между распавшейся Юры [5])...	...ѣхали отверстіемъ Юры [6])...
...дрова весьма ярко горѣли), и [7])...	...дрова пылали), и [8])...
...Дофинскихъ простираются въ амфитеатръ и ограничиваютъ [9])...	...Дофинскихъ амфитеатровъ, ограничивая [10])...

---

[1]) D, III, 86, 6 св. [2]) E, III, 67, 15 сн. (См. 226). [3]) D, IV, 34, 11 сн. [4]) E, IV, 26, 2 сн. (См. 376). [5]) D, IV, 49, 15 сн. [6]) E, IV, 38, 14 св. (См. 386). [7]) D, IV, 72, 1 сн. [8]) E, IV, 56, 3 св (См. 401). [9]) D, IV, 73, 11 св. [10]) E, IV, 57, 3 св. (См. 402).

...что Жакъ наскучилъ жить, и [1])...

...что Жаку наскучила жизнь, и [2])...

Подобные же случаи замѣчены нами еще: D, II, 115, 1 сн.= E, II, 91, 15 сн. (См. 74); D, II, 218, 9 св.=E, II, 169, 4 сн. (См. 139); D, III, 69, 5 сн.=E, III, 54, 4 сн. (См. 215); D, III, 141, 5 св.=E, III, 108, 10 сн. (См. 262); D, III, 147, 10 св.=E, III, 113, 15 св. (См. 266); D, III, 192, 9 св.=E, III, 147, 12 сн. (См. 296); D, III, 230, 8 сн.=E, III, 176, 3 св. (См. 321); D, III, 261, 13 св.=E, III, 199, 7 св. (См. 340); D, IV, 33, 1 сн.=E, IV, 26, 15 сн. (См. 376) и др.

---

c. Пропускъ словъ.

...вамъ множество утѣшеній [3])...

...вамъ утѣшеній [4])...

...и сладкой радости [5])...

...и радости [6])...

...въ лицахъ человѣческихъ тѣ [7])...

...въ лицахъ [8])...

Аналогичные случаи замѣчены нами еще: D, II, 64, 3 св.= E, II, 51, 8 сн. (См. 41); D, II, 203, 12 св.=E, II, 158, 8 св. (См. 130); D, III, 64, 13 сн.=E, III, 51, 13 сн. (См. 212); D, III, 69, 14 сн.=E, III, 54, 11 сн. (См. 214); D, III, 141, 10 св.=E, III, 108, 7 сн. (См. 262); D, III, 155, 5 св.=E, III, 119, 9 св. (См. 271); D, III, 184, 10 св.=E, III, 141, 15 сн. (См. 291); D, III, 187, 9 св.=E, III, 143, 8 сн. (См. 292); D, III, 199, 9 сн.=E, III, 153, 7 св. (См. 301); D, III, 206, 1 сн.=E, III, 158, 11 сн. (См. 305) и др. (всего до 25 случаевъ).

---

[1]) D, V, 109, 1 сн. [2]) E, V, 90, 10 св. (См. 624). [3]) D, II, 4, 3 сн. [4]) E, II, 5, 3 сн. (См. 3). [5]) D, III, 21, 4 св. [6]) E, III, 18, 11 св. См. 183). [7]) D, III, 101, 9 сн. [8]) E, III, 78, 6 сн. (См. 236).

d. Пропускъ фразъ.

...милостыни. Господинъ Т* пригласилъ меня ѣхать съ нимъ завтра на лодкѣ прогуливаться по Цюрихскому озеру; надѣюсь, что эта прогулка будетъ для меня очень пріятная. Я[1]).	...милостыни. Я [2])...
...отечеству. Есть-ли не ошибаюсь, то онъ первый изъ Россіянъ извѣстенъ въ Европѣ, какъ истинно ученый человѣкъ. Сочиненія [3])...	...отечеству. Сочиненія [4])...
...задумчивость и тысячи романическихъ мыслей носились въ душѣ моей. Я [5])...	...задумчивость... Я [6])...

Подобные же случаи встрѣчены нами еще: D, II, 155, 7 св.=E, II, 121, 16 сн. (См. 99); D, III, 185, 13 сн.=E, III, 142, 13 св. (См. 291); D, III, 268, 9 сн.=E, III, 204, 2 сн. (См. 346); D, III, 269, 3 сн.=E, III, 205, 2 сн. (См. 346); D, IV, 81, 4 св.=E, IV, 62, 10 сн. (См. 407) и др.

Варваризмовъ въ этомъ изданіи Карамзинъ исправилъ немного,—вмѣсто: *вошелъ въ коммерцію*—онъ говоритъ *торгуетъ* [7]); *тиранскій* = *свирѣпый* [8]); *бюро* = *ящикъ* [9])...

Наконецъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ измѣненій, встрѣчается незначительное число *перестановокъ*, *вставокъ* и *грамматическихъ измѣненій*, интереса особеннаго не представляющихъ [10]).

---

[1]) D, III, 101, 12 св. [2]) E, III, 79, 4 сн. (См. 236). [3]) D, III, 200, 3 сн. [4]) E, III, 153, 16 св. (См. 301). [5]) D, IV, 135, 3 сн. [6]) E, IV, 105, 2 св. (См. 442). [7]) D, II, 21, 9 сн.=E, II, 18, 10 сн. (См. 14). [8]) D, III, 52, 7 св.=E, III, 42, 7 св. (См. 204). [9]) D, IV, 79, 13 сн.=E, IV, 61, 17 сн. (См. 406).

[10]) Въ добавленіе къ сказанному на стр. 229 относительно различнаго отношенія Карамзина къ тексту начала «Писемъ» и конца приведемъ маленькую справку: въ изд. 1797 года на 1-ую часть приходится около 500 варіантовъ, на 2-ую—около 250, на 3-ью—125, на 4-ую—120. Въ изд. 1803 года на первую—около 400, на вторую—200, на 3-ью—50, на 4, 5, 6—до 150.

3.

Слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ русскаго путешественника».

Не менѣе интересно въ нашей карамзинской литературѣ положеніе вопроса о «вліяніяхъ» западной литературы XVIII столѣтія, сказавшихся на «Письмахъ русскаго путешественника». Большинство лицъ, писавшихъ о Карамзинѣ и коснувшихся этого вопроса, указываютъ на Стерна съ его «Сентиментальнымъ путешествіемъ», какъ на учителя нашего «русскаго путешественника». Одинъ проф. Тихонравовъ, въ своей статьѣ: «Графъ Растопчинъ» [1]), вскользь касаясь Карамзина, неожиданно заявляетъ: «въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы находимъ многія мѣста, цѣликомъ заимствованныя изъ иностранныхъ писателей (Морица, Мура и др.)... Заимствованія его почти всегда такъ вѣрны источнику своему... Извѣстное описаніе «Рейнскаго водопада», помѣщаемое въ нашихъ хрестоматіяхъ, взято изъ статьи, напечатанной еще въ «Дѣтскомъ чтеніи», «Рейнскій водопадъ», переведенный (какъ сказано въ журналѣ) изъ описанія одного путешественника». Съ этими словами слѣдуетъ сопоставить мнѣніе проф. Тихонравова о томъ, какъ писались «Письма»: «извиняясь за пестроту, неровность въ слогѣ, Карамзинъ говоритъ, что писано спѣшно, гдѣ попало; казалось бы, такими словами Карамзинъ отстраняетъ отъ своихъ «Писемъ» всякія литературныя условія и формальности; но мы не рѣшаемся вѣрить его свидѣтельству, что «Письма» писаны не на досугѣ, не въ тиши кабинета...» [2]). Если сопоставить эти слова съ приведенными выше, то окажется, что Карамзинъ, по мнѣнію проф. Тихонравова, писалъ свои «Письма» «въ тиши кабинета», за столомъ, заваленнымъ твореніями различныхъ западныхъ писателей XVIII в., изъ которыхъ онъ запасался для своего произведенія различными красотами, заимствуя «цѣликомъ», забирая цѣлыми страницами (описаніе Рейнскаго водопада).

---

[1]) Тихонравовъ, Соч., т. III. ч. 1, 311. [2]) Ibid.

Обвиненіе такого рода заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія, такъ какъ оно направлено противъ писателя, съ очень опредѣленными понятіями о литературной собственности: «нѣкоторые изъ нашихъ писцовъ, или писателей, или переводчиковъ — или какъ кому угодно будетъ назвать ихъ, писалъ Карамзинъ въ 1791 году,—поступаютъ непростительнѣйшимъ образомъ. Даря публику разными пьесами, не сказываютъ они, что сіи пьесы переведены съ иностранныхъ языковъ... *Самая гражданская честность обязываетъ насъ не присваивать себѣ ничего чужого: ни дѣлами, ни словами, ни молчаніемъ*» [1]).

Сопоставивъ эти слова Карамзина съ обвиненіемъ, высказаннымъ противъ него проф. Тихонравовымъ, мы увидимъ, насколько важенъ вопросъ о «вліяніяхъ», испытанныхъ нашимъ писателемъ. Между тѣмъ, для разрѣшенія его въ карамзинской литературѣ почти ничего не сдѣлано [2]): съ одной стороны — общее мнѣніе о громадномъ вліяніи Л. Стерна, мнѣніе, ничѣмъ еще не подтвержденное, а съ другой—одиночное, но категорическое, хотя совершенно голословное заявленіе о самомъ широкомъ заимствованіи у многихъ писателей, между которыми, однако, Стернъ не названъ... Гдѣ же истина?

Карамзинъ отправился путешествовать, насквозь пропитанный западной сентиментальной литературой. Юнгъ, Томсонъ, Стернъ, Оссіанъ, Руссо, Клопштокъ, Галлеръ, Гесперъ, Клейстъ,—вотъ, его учителя, предъ которыми онъ благоговѣлъ, вліянія которыхъ съ благодарностью признавалъ. На этихъ писателяхъ воспиталъ Карамзинъ свои литературные вкусы, у нихъ онъ научился «чувствовать» и выражать свои чувства. И, дѣйствительно, ихъ вліяніе очень сильно сказалось на «Письмахъ русскаго путешественника»... Заимствованій «цѣликомъ» у *этихъ писателей* мы ненашли въ «Письмахъ» нигдѣ, хотя не можемъ не сознаться, что на природу и на людей Карамзинъ нерѣдко смотрѣлъ глазами своихъ учителей, жилъ ихъ чувствами... Этимъ и объясняется, отчего столько

---

[1]) Моск. Журн., 1791 г., ч. III. 217—218. [2]) См. 9-е Примѣчаніе.

различныхъ мотивовъ слышится въ «Письмахъ»: когда Карамзинъ груститъ по какой бы то ни было причинѣ, мы всегда слышимъ у него тѣ же мотивы, съ которыми встрѣчались при чтеніи сентиментальныхъ элегій Клейста, Томсона [1]); когда онъ примиренными глазами смотритъ на міръ, который въ его глазахъ получаетъ тогда идиллическую окраску,—мы припоминаемъ Геснера, Маттисена, съ ихъ пастушескими идилліями [2]); когда картины природы мрачны, ему вспоминаются оссіановскіе пейзажи [3]); если обстоятельства складываются такъ, что можно къ нимъ отнестить юмористически, и настроеніе его въ данную минуту этому не противится,—шутки Стерна готовы къ его услугамъ [4]). Но подъ особенно сложнымъ вліяніемъ былъ Карамзинъ въ Швейцаріи: то онъ предается философско-эстетическимъ мечтамъ Галлера [5]), то впадаетъ въ слащавый тонъ Геснера [6]), то увлекается тѣми же мыслями, что и Клопштокъ [7]). Чаще же всего старается онъ пережить настроенія Руссо [8]). Въ этомъ именно *стараніи* перечувствовать все, что чувствовали его учителя, и заключается слабая сторона нашего «чувствительнаго путешественника». «Стихотворецъ у меня въ мысляхъ и рукахъ» [9])—признается онъ самъ. Это и помѣшало ему своими собственными глазами глядѣть на окружающія картины, чувствовать «свои чувства». Справедливость нашихъ словъ доказать не трудно: всякій разъ, какъ Карамзину приходится любоваться какимъ-нибудь пейзажемъ—онъ точно незамѣтно для себя старается вспомнить, не воспѣвалъ-ли этого пейзажа, или подобнаго кто-нибудь изъ сентиментальныхъ поэтовъ, и, вспомнивъ, сейчасъ же попадаетъ въ его тонъ. «...Въ мысляхъ своихъ читалъ Галлеровы стихи (изъ его поэмы: die Alpen, т. е. Альпійскія горы)» [10]); «...видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла — и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма

---

[1]) Напр., Карамзинъ, Соч., II, 41, 107 и др. [2]) Ibid., 278, 283.
[3]) Ibid., 388, 786 и др. [4]) Ibid., 91, 207, 552, 645, 737 и др.
[5]) Ibid., 192, 261, 270, 41, 205, 283 и др. [6]) Ibid., 283, 107—8.
[7]) Ibid., 333, 381. [8]) Ibid., 270, 271, 279, 302, 303, 301 и др.
[9]) Ibid., 713. [10]) Ibid., 284.

Оссіанское» [1]); «съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Гесперъ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его Германѣ, гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды и питался духомъ временъ Патріаршихъ...; гдѣ нашъ Л* (Ленцъ) бродилъ съ любовною своею грустью, и всякій цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ» [2]). Глядя на Цюрихъ, Карамзинъ вспоминалъ своихъ любимыхъ поэтовъ, — и образы, ими созданные, тѣснятся въ его памяти... Любуясь на закатъ солнца, онъ вспоминаетъ Галлера: «тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ: Und ein Gott ist's, der Berge Spitzen röthet mit Blitzen» [3].. На вершинѣ горы онъ приходитъ въ религіозный экстазъ и, по этому поводу, заявляетъ, что пережилъ чувства Руссо: «на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха» [4]). Въ Виндзорскомъ паркѣ Карамзинъ вспоминаетъ Попа: «описаніе Стихотворца пышно, но справедливо» [5]). Версальскій паркъ напоминаетъ ему Делиля — и онъ цитуетъ французскаго поэта [6])...

Нерѣдко Карамзинъ вдохновляетъ себя, такъ сказать, искусственно — чтеніемъ въ извѣстной обстановкѣ подходящихъ стиховъ подходящаго поэта: «...полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительнаго текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала» [7]). «...Смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны; читаю Оссіана»... [8]). «Томъ его сочиненій (Геснера) былъ у меня въ карманѣ (потому что я перечитывалъ здѣсь всѣ его прекрасныя идилліи и поэмы, перечитывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 388. [2]) Ibid., 211 [3]) Ibid., 261. [4]) Ibid., 271. [5]) Ibid., 712. [6]) Ibid., 601. [7]) Ibid., 139. [8]) Ibid., 786.

ихъ)» [1]). «...Вышелъ я изъ Лозанны, съ весельемъ въ сердцѣ— и съ Руссовой Элоизою въ рукахъ» [2]).

Вслѣдствіе такого обилія разнородныхъ вліяній къ Карамзину не приложима ни одна изъ характеризующихъ поэта кличекъ: если можно назвать, напримѣръ, Томсона и Клейста — элегиками, Геснера—идилликомъ, то Карамзинъ — и идилликъ, и элегикъ, и сатирикъ, и трезвый историкъ...

Почему же въ исторіи нашей литературы не упоминается о вліяніи этихъ писателяхъ и выдвигается одинъ Стернъ? Почему общимъ голосомъ Стернъ былъ названъ ближайшимъ учителемъ Карамзина, а «Сентиментальное путешествіе» — прототипомъ «Писемъ?» Намъ кажется, что виною этого былъ отчасти самъ Карамзинъ: слишкомъ ужъ часто обращался онъ съ хвалебными восклицаніями къ Стерну:.. въ «Письмахъ» имя Стерна-Йорика можно встрѣтить гораздо чаще, чѣмъ имена другихъ писателей.. Очевидно, что, сочиняя произведеніе въ томъ родѣ, въ которомъ прославился Стернъ, Карамзинъ счелъ необходимостью выступить подъ знаменемъ своего славнаго учителя. Весьма возможно, что онъ даже и пытался подражать Стерну, но достаточно бѣглаго взгляда на оба произведенія, чтобы увидѣть, что попытка эта, если и была, оказалась совершенно неудачною. Индивидуальности обоихъ писателей настолько различны одна отъ другой, что между ихъ произведеніями очень мало сходнаго: они различаются и характеромъ, и содержаніемъ.

Мы видѣли выше, что Стернъ изъ «путешественниковъ» предпочитаетъ «чувствительнаго», главное занятіе котораго— слѣдить за чуткими струнами своего сердца: достопримѣчательности западной Европы и произведенія искусства его не интересуютъ [3]). Не въ мѣру увлекаясь своими чувствами, онъ

---

[1]) «Моск. Журн.», 1791 г., VI ч., 323. Въ изд. 1797 г. это мѣсто измѣнено: «какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!». [2]) Карамзинъ. Соч., II, 302.

[3]) ...»I have not seen the Palais Royal — nor the Luxembourg — nor the Façade of the Louvre — nor have attemted to swell the catalogues we have of pictures, statues and churches—I conceive every fair being as a temple, and would rather enter in, and see the original drawings and loose ketches hung

постоянно живетъ въ мірѣ фантазіи и мечтаній [1]). Онъ знаетъ, что это — «иллюзіи», но, «когда сердце предупреждаетъ разсудокъ, то послѣдній избавляется отъ многихъ хлопотъ», — и онъ въ полной власти у этихъ «иллюзій», вызванныхъ игрой собственнаго воображенія [2])...

Выше [3]) мы привели уже нѣсколько интересныхъ образчиковъ тѣхъ сентиментальныхъ мечтаній и «иллюзій», которыя могли увлечь Карамзина: однако, единственное, дѣйствительно, неоспоримое сходство нашего писателя со Стерномъ заключается въ стремленіи наблюдать свою душевную жизнь. Но какъ различна эта жизнь! Правда, Карамзинъ не прочь иногда отдаться мечтѣ или поиграть воображеніемъ, но никогда онъ не доходитъ до такихъ сентиментальныхъ фантазій, какъ Стернъ, никогда не замыкается такъ упорно въ своемъ собственномъ «я»... Кромѣ того, въ произведеніи Стерна нѣтъ совсѣмъ тѣхъ драгоцѣнныхъ наблюденій надъ общественной и политическою жизнью, какими богаты «Письма русскаго путешественника»; нѣтъ тѣхъ живыхъ и яркихъ характеристикъ, тѣхъ поразительныхъ иногда, по своей реальности, жанровыхъ картинокъ,—нѣтъ, наконецъ, и слѣда тѣхъ интересовъ историческихъ, литературныхъ, философскихъ, которые такъ ясны у Карамзина... Съ другой стороны, въ «Письмахъ» мы не найдемъ ни сентиментальнаго бреда стерновскаго, ни его блестящаго юмора, ни его тонкаго цинизма [4])...

Стернъ былъ первый по времени «чувствительный путешественникъ». Его главное достоинство — «оригинальность», какъ справедливо подмѣтилъ Карамзинъ, назвавъ его «оригинальнымъ». Онъ — первый литераторъ-психологъ, сумѣвшій облечь наблюденія надъ собственной душой въ легкую при-

---

up in it, than the transfiguration of Rafael itself». «A sentimental Journey through France and Italy», London, 1803. 137.

[1]) «Fancy.. thou art a seduced, and a seducing slut; and albeit thou chanankest us seven times a day with thy pictures and images, yet with so many charms dost thou dote, and thou deckest out thy pictures in the shapes of so many angels of light, 'tis a shame to break with thee» (Ibid., 25—26).

[2]) Ibid., 118—119. [3]) См. выше, стр. 70—1.

[4]) Слѣды попытки «подражать» Стерну можно замѣтить въ «Письмахъ» на стр.: 22—7, 34, 40—1, 53, 84, 95, 113—3, 115, 162, 233, 329, 421—3, 543, 735.

*

влекательную форму, не подчинявшуюся никакимъ «законамъ»... Онъ съ капризной развязностью переходитъ въ своемъ произведеніи отъ горькихъ слезъ къ беззаботному смѣху, отъ отчаянья къ цинизму... Въ вѣкъ строгихъ «правилъ» и законовъ — такое «беззаконное», во многихъ отношеніяхъ, произведеніе должно было обратить на себя вниманіе, особенно молодежи, падкой до новшества. И, дѣйствительно, вліяніе Стерна на всеобщую литературу очень замѣтно: въ каждой странѣ оказались свои «Стерны»: Во Франціи—Vernes [1]), въ Германіи—Georg Jacobi [2]). Немудрено, что и русскій первый путешественникъ, постоянно къ тому же твердившій съ восторгомъ о Стернѣ, получилъ прозвище «Русскаго Стерна»! А отсюда — и мнѣніе о большой близости обоихъ писателей...

Впрочемъ, уже для нѣкоторыхъ современниковъ Карамзина показалась сомнительной справедливость такого мнѣнія. Такъ, князь Шаликовъ въ статьѣ: «О слогѣ господина Карамзина» [3]), прямо отрицаетъ вліяніе Стерна и указываетъ на вліяніе Морица: «очень неосновательно уподобляютъ Стернову» это произведеніе («Письма»), «такъ какъ оно гораздо болѣе сходствуетъ съ Морицевымъ», говоритъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ сравнить небольшое сочиненіе Карла-Филиппа Морица, появившееся на нѣмецкомъ языкѣ еще до путешествія Карамзина и хорошо ему извѣстное [4]), «Reisen eines Deutschen in England», съ «Письмами русскаго путешественника», чтобы тотчасъ убѣдиться, что и въ характерѣ, и въ содержаніи путевыхъ записокъ Морица [5]) и Карамзина очень много сходства.

«Молодого нѣмца» интересовало буквально то же, что и «русскаго путешественника»; оба автора и по натурѣ, и по характеру, и по развитію замѣчательно походили другъ на друга. Какъ Карамзинъ, Морицъ отправился путешествовать

---

[1]) «Le voyageur sentimental ou ma promenade à Iverdun».

[2]) «Winterreise» и «Sommerreise».

[3]) «Аглая», 1808 г., № 5, 57.

[4]) Карамзинъ, Соч., II, 85.

[5]) Къ сожалѣнію, мы не могли въ петербургскихъ библіотекахъ найти этого произведенія на нѣмецкомъ языкѣ, а потому воспользовались русскимъ переводомъ.

юношей, хорошо развитымъ, съ запасомъ вопросовъ, разрѣшить которые онъ хотѣлъ во время своего путешествія по Англіи. Страна эта манила его, какъ и Карамзина [1]), еще съ дѣтства: «я нахожусь между щастливыми берегами той земли, которую давно желалъ я видѣть съ нетерпѣливостью, и въ которую столь часто переносился и въ мысляхъ» [2]). Англія интересовала его своимъ политическимъ устройствомъ, своей богатой литературой, оригинальнымъ характеромъ ея жителей. Онъ внимательно приглядывается къ англичанамъ [3]), ихъ нравамъ [4]), наблюдаетъ жизнь городскую [5]) и деревенскую [6]). Онъ всегда осматриваетъ достопримѣчательности, посѣщаетъ правительственныя учрежденія и разсуждаетъ объ ихъ достоинствахъ; особенно интересуетъ его англійская литература [7]). Сходство двухъ путешественниковъ простирается до того, что видъ просвѣщенной Англіи всегда вызываетъ у Морица и Карамзина сравненіе съ отечествомъ [8]). Природа Англіи также очень занимаетъ Морица. Часто съ англійскими поэтами въ рукахъ свѣряетъ онъ оригиналъ съ картиной [9]). Тоже дѣлаетъ и Карамзинъ. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, чтобы показать, что картины природы у Морица описаны стилемъ почти карамзинскимъ: «...тогда былъ вечеръ, и солнце послѣдними лучами своими освѣщало сей лугъ. Ахъ! этого вечера, этого луга я никогда не забуду! Это былъ прелестнѣйшій видъ прекрасной Натуры, какой только когда-нибудь мнѣ представлялся, и никакое перо не въ состояніи выразить того, что я чувствовалъ» [10]). «Такъ! есть-ли только воображеніе хочетъ творить для себя рай, то здѣсь можетъ оно найти богатые матеріалы для своей цѣли. Здѣсь Томсонъ и Попе собирали краски для своихъ неподражаемыхъ картинъ, представляющихъ прекрасную натуру!» [11]). «О, Ричмондъ! Ричмондъ! никогда не забуду я того вечера, въ который ты столь нѣжно улыбался передо мною съ высоты сво-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 659. [2]) Морицъ, «Путешествіе въ Англію», I, 3.
[3]) Ibid., I, 27, 92 и др. [4]) Ibid., I, 29, 30, 111 и др. [5]) Ibid., I, 31
[6]) Ibid., I, 33, II, 29. [7]) Ibid., I, 53—4, 57, 99—110. [8]) Ibid., I, 8, 9, 33, 58—9, II, 66, 90—91. [9]) Ibid., I, 158, 167, 169, 175; II, 3, 82, 130, 132. [10]) Ibid., I, 157. [11]) Ibid., I, 158.

ихъ холмовъ. Ты заставилъ меня забыть всю мою горесть, когда я съ восхищеніемъ прогуливался по цвѣтистому берегу Темзы» [1].. «Тутъ представился мнѣ прекрасный, восхитительный видъ, который въ одно мгновеніе ока принудилъ меня забыть оскорбленіе и неправду людей» [2]. Какъ у Карамзина: описаніе природы сводится у Морица часто къ описанію своихъ чувствъ: «я былъ въ нѣкоторомъ родѣ пріятнаго, сладостнаго очарованія и почиталъ себя стократно награжденнымъ за всѣ неудовольствія того дня» [3]. Подобно Карамзину, онъ интересуется постоянно своей психикой: «но чему приписать то, что вчера ввечеру чувствованія мои были гораздо живѣе и впечатлѣнія болѣе сильны и романичны?» [4].. У него можно найти фразы, постоянно попадающіяся въ произведеніяхъ другихъ сентиментальныхъ писателей, въ томъ числѣ и Карамзина, напр.: «легъ подъ тѣнью зеленаго куста; читалъ Мильтона и восхищался величіемъ прекрасной Натуры» [5], «читалъ нѣсколько времени Мильтона и написалъ въ своей записной книжкѣ, что никогда не забуду сего дерева, которое такъ благотворно приняло подъ гостепріимную тѣнь свою утомленнаго странника» [6]. Наконецъ, отношенія Морица къ друзьямъ, оставшимся на родинѣ, напоминаютъ тоже Карамзина, съ его «Письмами»: «идучи далѣе, мечталъ о своей родинѣ, своихъ знакомыхъ и тебѣ, любезный другъ! и думалъ: «естьли-бы они меня тутъ увидѣли!» Въ сію минуту первый разъ почувствовалъ я, что нахожусь въ отдаленности, и странствую по Англіи... Это произвело во мнѣ такое чувствованіе, которое во всю мою жизнь не болѣе нѣсколькихъ разъ меня посѣщало» [7].

Этимъ писателемъ, по заявленію проф. Тихонравова, и пользовался Карамзинъ для своихъ «Писемъ». Приведенныя нами выдержки свидѣтельствуютъ, повторяемъ, о близости обоихъ писателей, такъ какъ у Карамзина можно найти и картины природы, набросанныя какъ будто кистью Морица, и интересы его и Морица тожественны, — но «заимствова-

---

[1]) Ibid., I, 159. [2]) Ibid., I, 175—6. [3]) Ibid., I, 178.
[4]) Ibid., I, 164. [5]) Ibid., II, 3. [6]) Ibid., I. 169. [7]) Ibid.. II. 85.

ній» нигдѣ мы не нашли. Для доказательства сопоставимъ сходныя, по содержанію, мѣста изъ сочиненій обоихъ писателей.

...Наконецъ, любезный мой Г*! я нахожусь между щастливыми берегами той земли, которую давно желалъ я видѣть съ нетерпѣливостью, и въ которую столь часто переносился я въ мысляхъ [1])...

...Я въ Англіи—въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ [2]). Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею [3])...

Въ первый вечеръ, возвращаясь уже въ сумерки домой, удивился я великолѣпному освѣщенію Лондонскихъ улицъ, противъ котораго наше Берлинское очень бѣдно. Лампады зажигаютъ еще засвѣтло, и фонари стоятъ одинъ подлѣ другого такъ близко, что это обыкновенное освѣщеніе походитъ на торжественную иллюминацію; какъ-то одинъ нѣмецкій принцъ, пріѣхавши въ Лондонъ, въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что все это сдѣлано по случаю его пріѣзда [4]).

...вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакожь въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи. Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другова, и, куда ни взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненной, безпрерывной нитью, протянутой на воздухѣ. Я ничего подобнаго не видалъ, и недивлюсь ошибкѣ одного нѣмецкаго [5]) принца, который въѣхалъ въ Лондонъ ночью и подумалъ, что городъ иллюминованъ для его пріѣзда [3]).

...Мнѣ очень выгодными кажутся здѣшнія, широкими камнями выложенныя дорожки по обѣимъ сторонамъ улицъ [6]).

...Нѣтъ другого города столь пріятнаго для пѣшеходовъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ ши-

---

[1]) Морицъ, I, 3. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 659. [3]) Ibid., 773.
[4]) Морицъ, I, 39—40. [5]) У Архенгольца—принцъ Монакскій. (Archenholz, «England und Italien», I, 198). [6]) Карамзинъ, Соч., II, 671.

рошіе тротуары, которые по-Русски можно назвать *помостами* [1])...

...дерога привела меня на верхъ онаго, подъ самыя стѣны замка. Тутъ представился мнѣ прекрасный, восхитительный видъ, который въ одно мгновеніе ока принудилъ меня забыть оскорбленіе и неправду людей. Здѣсь величественно простиралась у ногъ моихъ и передъ моими глазами богатая, роскошная Натура — прекраснѣйшій ландшафтъ на свѣтѣ [4])...

...пошли осматривать большой Виндзорскій дворецъ. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ; всходъ нечувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками, а на другой большая гора, покрытая лѣсомъ [3])...

...эта роща превосходила красотою своею все то, что только можно вообразить себѣ въ семъ родѣ. Къ этому присоединилось еще уединеніе, прохлада вечерняго воздуха. Я былъ въ нѣкоторомъ родѣ пріятнаго, сладостнаго очарованія, и почиталъ себя стократно награжденнымъ за всѣ неудовольствія этого дня [5])...

...Сидя подъ тѣнью дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣнье лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны, восхитительные и печальные [6])...

...Можетъ быть, скажетъ кто-нибудь, что такой храмъ всего приличнѣе для поклоненія Всемогущему? Но меня гораздо болѣе восхищаетъ великой храмъ

...Вы думаете, что другъ вашъ, пораженный величествомъ храма, былъ въ восхищеніи? Нѣтъ! Мысль, которая вдругъ пришла мнѣ въ голову все испортила:

---

[1]) Мориц. I. 29. [2]) Карамзинъ, Соч., II,680. [3]) Мориц, I, 175.
[4]) Карамзинъ, 715. [5]) Мориц, I, 178 [6]) Карамзинъ, 717.

Натуры, голубой сводъ неба и зеленый коверъ, покрывающій землю [1]).

«что значатъ всѣ наши своды передъ сводомъ неба» [2])?

...Если изъ такихъ малостей (народная брань) можно заключать о національномъ характерѣ, то мнѣ кажется, что сія въ Англіи у всѣхъ вообще укоренившаяся ненависть къ слову *лунъ*, показываетъ хорошую черту въ Англичанахъ [3])...

...Есть-ли бы изъ народной брани можно было заключать о народномъ характерѣ, то бы изъ Schwer Noth, любимаго нѣмецкаго слова, путешественникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ много желчи [4])...

...въ Англіи есть также разбойники, которые умерщвляютъ людей и часто за самую бездѣлицу, которую надѣются отнять у убитаго. Они называются футпадами и составляютъ самый низшій классъ между Англійскими мошенниками, между которыми есть свои извѣстные классы или степени [5]). Первый классъ составляютъ никпокеты или карманные мошенники. Послѣ никпокетовъ слѣдуютъ гайвемены, которые грабятъ на дорогахъ. Они ѣздятъ верхомъ [6])...

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои клубы, свои таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣхоту и конницу (footpad, highwayman), на домовыхъ и карманниковъ (housebreaker, pickpocket) [6]).

(Морицъ, путешествовавшій по Англіи пѣшкомъ, не разъ подвергался насмѣшкамъ и грубымъ выходкамъ, что его возмущало) [7]).

...объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Британцы! [8]).

---

[1]) Морицъ, I, 135.
[2]) Карамзинъ, Соч., II, 702.
[3]) Морицъ, II, 91.
[4]) Карамзинъ, 89.
[5]) Морицъ, I, 151.
[6]) Ibid. 152.
[6]) Карамзинъ, 730—1.
[7]) Морицъ, I, 173, 183, 184; II, 31, 137 и др.
[8]) Карамзинъ, 712.

Вы слышали о грубости здѣшняго народа въ разсужденіи иностранцевъ [1])...

...Лондонъ открылся намъ въ густомъ туманѣ. Церковь св. Павла гигантски возвышалась изъ среды безмѣрной громады меньшихъ зданій. Монументъ, подобно башнѣ, высокій, круглый столпъ—сооруженный въ память страшнаго пожара, дѣлалъ необыкновенный видъ своею высокостью и мнимою тонкостью [2])...

...Верстъ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполъ церкви св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него—такъ—казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу тонкой, высокой столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города [3])...

...Вокругъ ихъ мало пустого мѣста, и сія великолѣпная церковь сжата со всѣхъ почти сторонъ часто выстроенными домами [4])..

...Жаль, что она сжата со всѣхъ сторонъ зданіями и не имѣетъ большой площади, на которой огромность ея показалась бы несравненно разительнѣе! [5])..

(Морицъ разсказываетъ, какое подъ сводомъ собора св. Павла раздается эхо) [6]).

(тоже самое, хотя въ другихъ выраженіяхъ, говоритъ и Карамзинъ) [7]).

...Всѣ бѣжали сюда толпами; отъ чего сдѣлалась тутъ великая тѣснота; — вдругъ закричали громко: take care of your pockets! (берегите ваши карманы). Это былъ знакъ, что нѣкоторые мошенники, пользуясь случаемъ, сдѣлали тутъ

...всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, незная, куда и зачѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: Take care of your pockets! берегите карманы! (потому что Лондонскіе

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 779. [2]) Морицъ, I, 12. [3]) Карамзинъ, 667.
[4]) Морицъ, I, 144. [5]) Карамзинъ, 702. [6]) Морицъ, I, 137.
[7]) Карамзинъ, 705.

нѣсколько удачныхъ уловокъ [1])...	воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этой минутой [2])...
(Выборы въ Парламентъ у Морица разсказаны подробно) [3]).	(У Карамзина разсказъ короче и замѣтно ироническое отношеніе) [4]).
(Видъ на Лондонъ съ колокольни св. Павла) [5]).	(Тотъ же видъ описанъ у Карамзина) [6]).

Сходство, сближающее обоихъ писателей, дѣйствительно, порою поразительное, объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что Карамзину пришлось описывать то, что уже раньше было описано Морицемъ. Да, кромѣ того, замѣчательная близость духовныхъ интересовъ и развитія заставила обоихъ писателей смотрѣть на все съ одной и той же точки зрѣнія. Съ другой стороны, нельзя, конечно, отрицать и прямого вліянія Морица: мы говорили уже, какъ легко и прочно усваивалъ Карамзинъ все, что приходилось ему по душѣ, и какъ, въ подходящей остановкѣ, все это чужое, усвоенное всплывало наружу.

Что касается до заявленія проф. Тихонравова, будто извѣстное описаніе Рейнскаго водопада взято изъ статьи, напечатанной еще въ «Дѣтскомъ Чтеніи» [7]), то сравненіе обоихъ описаній, показываетъ лишь, что все сходство сводится къ тожеству сюжета. Странно было бы, если бы два описанія одного и того же пейзажа ни въ чемъ не сошлись бы одно съ другимъ!

...Ожиданіе мое не мало не было тамъ обмануто, но вѣроятно, что къ сожалѣнію моему обманется ожиданіе молодыхъ моихъ читателей! Ибо не думаете ли Вы, что я	Не думаете-ли Вы, что мы при семъ видѣ закричали, изу-

[1]) Морицъ, I, 52. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 724. [3]) Морицъ, I, 67—91.
[4]) Карамзинъ, 725—9. [5]) Морицъ, I, 138. [6]) Карамзинъ, 703—1.
[7]) «Дѣтское Чтеніе», М., 1789, XX. 17—22 стр.

стоятъ тамъ събьющимся сердцемъ, дрожащими членами и слезящимися глазами, и что такъ же, какъ другіе путешественники, описывавшіе сей великолѣпный водопадъ, въ восхищеніи непрестанно буду кричать: «о! ахъ!» — Есть-ли вы такъ думаете, то послушайте-жъ, что въ самомъ дѣлѣ случилось...

...Выѣхавъ изъ Шафгаузена, услышали мы еще издали шумъ водопада, подобный глухому грому вдали идущей грозы. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали, шумъ увеличивался и ожиданіе мое напрягалось сильнѣе. Наконецъ, въѣхали мы на одну изъ тѣхъ горъ, между которыми Рейнъ падаетъ, и великое зрѣлище представилось глазамъ нашимъ...

...Великолѣпно! вскричалъ я, выскочилъ изъ коляски, сталъ и довольно долго смотрѣлъ на сію сцену, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно величественную и прекрасную. Надлежитъ представить себѣ большую рѣку, свергающуюся съ горы сажень на двѣнадцать внизъ. Какой шумъ! Какая пѣна! вода бьетъ фонтаномъ, ломится вверхъ

мились, пришли въ восторгъ и проч.?

Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова и боялись взглянуть другъ на друга [1])...

...до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега и увидѣли водопадъ [2])...

...Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ препоны, полагаемыя ей огромными камнями,

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 224.

[2]) Ibid., 223.

горами, волнуется, кружится; когда-жъ солнце на нее свѣтитъ, какъ прекрасно изображается тогда радуга на пылящемся бѣломъ водяномъ облакѣ?

Великолѣпно! говорилъ я, но біеніе сердца и трепетанія членовъ не чувствовалъ.

Я смотрѣлъ еще особенно-жъ на древнія каменныя громады, которыя, выставясь изъ воды, на подобіе башенъ, презираютъ ярость стремящейся рѣки; обращалъ глаза свои на стремнистую гору, съ которой замокъ Лауфенъ перпендикулярно внизъ на водопадъ смотритъ, смотрѣлъ на проволочную мельницу, стоящую подлѣ самого водопада на той же самой горѣ, съ которой рѣка льется, и приводимую въ дѣйствіе стремящейся водою; обозрѣвалъ всѣ гористыя окрестности, отчасти дикія, отчасти же усаженныя виноградомъ, и вскричалъ еще: великолѣпно! но все еще не чувствовалъ ни біенія сердца, ни трепетанія членовъ. Потомъ сошли мы съ горы, на которой стояли, ниже водопада; сѣли въ длинную, но весьма узкую рыбачью лодку мчится съ ужасною яростію, и, наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящую воду. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной для глазъ непроницаемой пыли [1]) и пр.

...увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли [2])...

...сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ бли-

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 225—6. [2]) Ibid., 226.

и по вертящейся и волнующейся водѣ, которая долго еще послѣ паденія справиться не можетъ, переѣхали на другой берегъ. Тамъ, на той же самой горѣ, на которой стоитъ замокъ Лауфенъ, сдѣланъ деревянный обрубъ, съ котораго можно доставать руками до стремящейся рѣки, и гдѣ посѣщающіе сіе мѣсто, обыкновенно высѣкаютъ на камнѣ имена свои. Изъ пѣнящейся бѣлой водяной горы, которая у подошвы водопада безпрерывно вверхъ ломится, выскакиваютъ рыбы и тщетно силятся плыть противъ быстроты рѣки. Шумъ воды тамъ столь громокъ, что собственный свой голосъ едва слышать можно..

Великолѣпно! великолѣпно! вскричалъ я, но сердце мое и тутъ еще не билось, а щеки мои, хотя и омочились, однакоже не слезами чувствительности, но водяною пылью, которая падаетъ на обрубъ, какъ тонкій туманъ..

же подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ.

Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ[1])...

Далѣе авторъ «Рейнскаго водопада» задаетъ себѣ вопросъ, «отчего-жъ происходитъ такая необычайная умѣренность чувствованій» у него, который «хотя и старъ», но «можетъ смотрѣть на покрытую плодами яблонь съ жаркимъ чувствова-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 225.

ніемъ мягкосердечнаго юноши, и со слезящимися глазами любоваться благословеніемъ Божіимъ, его покрывающимъ». Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдующій: «Рейнъ въ этомъ мѣстѣ похожъ на молодого человѣка, хотя сильнаго, но слишкомъ высокопарнаго ума, который всегда старается оказывать нѣчто необычайное, странное и удивительное, пренебрегаетъ общіе обычаи и правила благопристойности. Для чего служатъ прыжки Рейна въ этомъ мѣстѣ? Есть-ли бы Рейнъ былъ тамъ не такъ высокопаренъ, есть-ли бы онъ такъ же, какъ и другія, добрыя рѣки, текъ смирно и порядочно [1])... Если бы не служилъ только «къ увеселенію зрѣнія праздныхъ людей», — тогда бы на автора онъ произвелъ бо́льшее впечатлѣніе...

Карамзину, какъ извѣстно, Рейнскій водопадъ сначала тоже не понравился, но въ сужденіи своемъ онъ не руководился такими соображеніями, какъ авторъ статьи, помѣщенной въ «Дѣтскомъ Чтеніи»: Карамзинъ отнесся къ пейзажу, какъ художникъ, и стоило ему посмотрѣть на видъ съ другого, болѣе удачнаго пункта, — картина Рейна восхитила его.

Авторъ же указанной статьи смотрѣлъ на Рейнъ и сверху, и снизу, а мнѣнія своего не перемѣнилъ.

Мы сопоставили всѣ мѣста, сколько-нибудь близкія между собою въ обоихъ описаніяхъ, и изъ этого сопоставленія ясно, что Карамзинъ совсѣмъ не пользовался статьей изъ «Дѣтскаго Чтенія». Его описаніе гораздо талантливѣе, живѣе и полнѣе.

Кромѣ Морица, проф. Тихонравовъ указываетъ на Мура, какъ на писателя, у котораго заимствовался Карамзинъ. Очевидно, дѣло идетъ о Джонѣ Мурѣ (1729—1802), авторѣ путевыхъ писемъ, изданныхъ на англійскомъ языкѣ въ 1778 году въ двухъ томахъ, подъ названіемъ: «Взглядъ на общество и нравы во Франціи, Швейцаріи и Германіи». На французскій языкъ сочиненіе это переводилось дважды: въ 1782 г. въ Лозаннѣ, подъ названіемъ: «Lettres d'un voyageur anglais», и

[1]) «Дѣтское Чтеніе», 21—22.

въ Парижѣ въ 1809 г., подъ названіемъ: «Voyages de John Moore en France, en Suisse et en Allemagne».

Мы не знаемъ, откуда проф. Тихонравовъ узналъ, что сочиненіе Мура было знакомо Карамзину: намъ не удалось встрѣтить ни разу имени Мура ни въ «Письмахъ русскаго путешественника», ни въ другихъ произведеніяхъ Карамзина.. Одно впрочемъ, мѣсто въ «Письмахъ русскаго путешественника», пожалуй, позволяетъ думать, что, дѣйствительно, о произведеніи Мура Карамзинъ нѣкоторое представленіе имѣлъ. Вотъ оно: «...вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго *хрустальнымъ* волшебнымъ *замкамъ*, примѣченнымъ тутъ однимъ французскимъ писателемъ, но которыя, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ для глазъ нѣчто величественное. *Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы... превратились въ ледъ;* но, могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо» [1]), — у Мура мы находимъ такое описаніе «Vallée do glaçes»: «...si l'imagination aide un peu à la réalité, on croit voir un assemblage de colonnes d'arches et de *tours* en parties *transparantes*. Un *édifice* de glace de deux mille pieds de haut et trois fois aussi large, éclairé en entier par un soleil brillant, est, vous l'avouererez, un très singulier morceau d'architecture» [2]). «Une promenade sur cette *mer gelée* n'est pas sans difficultés; les élévations, comparées aux *vagues* [3])...» Съ сочиненіемъ Мура Карамзинъ могъ познакомиться во французскомъ переводѣ, а потому врѣзавшіяся въ память картины vallée de glaçes (tours transparentes, mer gelée, vagues) связались у него съ неяснымъ представленіемъ о какомъ-то французскомъ писателѣ.

Сопоставленіе произведеній Мура и Карамзина убѣждаетъ насъ, что нашъ писатель и въ этомъ случаѣ никакихъ заимствованій не дѣлалъ; онъ даже подъ вліяніемъ Мура не могъ находиться — настолько различенъ ихъ духовный обликъ. Муръ,

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 273. [2]) «Voyages de J. Moore», I, 162. [3]) Ibid., 154.

человѣкъ трезваго, сухого ума, никогда не живущій воображеніемъ, не интересующійся изящной литературой и произведеніями искусства, почти не дающій описаній природы, отправился путешествовать съ единственною цѣлью изучить нравы, характеръ, соціальную и политическую жизнь обитателей материка. Политическіе интересы у Мура на первомъ планѣ, и наблюденія его въ этомъ отношеніи очень цѣнны и интересны. Нельзя отрицать у Мура и таланта подмѣчать характерныя, а также и комическія черты различныхъ, попадавшихся ему на дорогѣ, явленій общественной жизни той или другой страны. Нѣсколько типовъ нарисовано имъ съ большимъ искусствомъ [1]). Этой стороной онъ могъ бы повліять на Карамзина, если бы мы не могли указать на несомнѣнное вліяніе въ этомъ направленіи болѣе замѣтныхъ писателей, въ родѣ Стерна, Фильдинга, Ричардсона, Морица.

Природы Муръ почти не описываетъ: только величественныя картины Швейцаріи вызываютъ у него нѣсколько сочувственныхъ описаній. Единственный разъ вырывается у него даже восторженное восклицаніе,—но онъ сейчасъ же раскаявается въ этомъ: «La vénérable majesté du Mont-Blanc... j'allais m'élever jusqu'à la poésie; mais je me suis heureusement souvenu de l'histoire d'Icare...» [2]). Въ большинствѣ случаевъ онъ прямо отказывается описывать пейзажи: «il y a des pays, et peut-être visiterai-je quelques-uns de ceux-là avant mon retour en Angleterre, dont l'aspect frappe délicieusement les yeux; mais il est difficile de donner avec des mots une idée précise de leurs beautés... [3])». «Après avoir traversé Dijon, Châlons, Mâcon, et des campagnes délicieuses à contempler, mais ennuyeuses à décrire, nous arrivâmes le quatrième jour à Lyon» [4]). «Si j'étais d'humeur à faire des descriptions, notre voyage dans la plus belle et la plus fertile partie de

---

[1]) Маркизъ de F., bel esprit, I, 12, 13, 25, 37, 45—7; Великосвѣтская кокетка, I, 15—16; Сплетская дама, I, 67—9 и нѣкоторые другіе. [2]) Ibid., I, 158.
[3]) Ibid., I. 9. [4]) Ibid., I. 106.

l'Allemagne, me fournirait une belle occassion... mais il y a longtems que je suis fatigué des descriptions» [1]).

Памятники искусства тоже, повидимому, занимаютъ его не особенно сильно: «Je sais que vous n'attendez pas de moi des descriptions minutieuses de toutes les églises et de tous les palais, que je pourrai rencontrer. Ces objets... pourraient n'offrir au récit qu'un amusement médiocre» [2]). По поводу посѣщенія картинной галлереи во Франкфуртѣ онъ заявляетъ: «...rien, à mon avis, ne pourrait être plus inintelligible et plus fatigant pour le lecteur que les critiques de tableaux, qu'il ne connaît pas» [3]). Посѣтивъ Дрезденскую галлерею, Муръ пишетъ: «la galerie de peinture est fort belle. Mais pour rendre compte du mérite de chaque tableau, il faudrait remplir des volumes et avoir sur cet art des connaissances auxquelles je ne prétends point» [4]).

Единственно, что интересуетъ Мура, — это современный ему житель континента въ его политической, общественной и семейной обстановкѣ: «les moeurs, les coutumes, les caractères des peuples fourniront probablement les principaux matériaux de la correspondance que vous exigez. Les réflexions qui s'élèveront du sujet, y tiendront aussi leur place...» [5]). Пріемъ, которымъ онъ пользовался для изученія жизни Европы, — совершенно тотъ же, къ которому прибѣгъ и Карамзинъ: «Un homme qui voyage pour son instruction doit chercher à se lier avec les principales personnes des villes où il compte résider, accepter les invitations de leurs familles, suivre leurs sociétés, les recevoir chez lui quand il peut convenablement, et essayer d'acquérir une idée juste de leur gouvernement, de leurs sentimens et de leur manière de vivre. Ceux qui aiment à étudier l'homme (et j'ose dire, avec toute la déférence due aux observateurs philosophes des animaux, des papillons et des oiseaux, que cette étude ne me paraît pas sortir de la philosophie naturelle), se mêleront parmi les gens de tous les états, et lorsqu'ils ne seront

---

[1]) Moore, II, 192—3. [2]) Ibid., I, 9. [3]) Ibid.. II, 19.
[4]) Ibid., II, 195. [5]) Ibid., I, 9.

pas autrement engagés, prendront place à la table d'hôte» [1]). Быть можетъ, совѣтъ этотъ и сослужилъ свою службу Карамзину,—только результаты изученія жизни западной Европы у нашего писателя сказались гораздо бѣднѣе: тогда, какъ у Мура мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ въ высшей степени интересныхъ выводовъ и соображеній [2]), — политическіе интересы Карамзина въ «Письмахъ русскаго путешественника» мало выяснились; зато во взглядахъ на общественную и частную жизнь западной Европы, въ характеристикахъ европейскихъ народовъ Карамзинъ обнаружилъ не меньшую наблюдательность, чѣмъ Муръ. На этой почвѣ можно найти нѣкоторое сходство между произведеніями обоихъ писателей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.—

...La *politesse* et *le bon ton* se trouvent ici, quoique'en différentes proportions, dant toutes les classes, depuis le noble le plus élevé jusqu'au plus bas artisan. Ce trait du caractère français est plus remarquable et plus distinctif que la *vivacité*, *l'impétuosité* et *l'inconstance* [3])...

...Скажу: огонь, воздухъ—и характеръ французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, *пламенніе* и *внутреннѣе* вашего. Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдумано общежитіе: столь мила его *обходительность*, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми [4])...

...Les habitants semblent *réservés* et *taciturnes*. Je ne sais si ce caractère est affecté ou naturel, mais ceux avec qui j'ai eu occasion de causer avaient quelque chose de singulièrement *grave* et cérémonieux dans les manières.

...Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то *важность*, похожая на угрюмость... [5]).

...здѣшніе жители переняли... нравы у французовъ, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жестокость и *холодность*, свойственную швейцарамъ [6])...

---

[1]) Moore, II, 15. [2]) Ibid., I. 18, 26—32, 23—4, 29—30, 38, 61. 63, 65—66, 76, 71—3, 74, 89, 111, 112, 113, 114, 123; II, 275 и др.

[3]) Ibid., I, 20. [4]) Карамзинъ. Соч., II, 646. [5]) Ibid., 200. [6]) Ibid., 311.

*

...съ *важными* швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами... слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали [1])...

...le mendiant, qui demande la charité, le fait en homme comme il faut, et si sa prière n'a pas de succès, il est sûr au moins qu'elle sera refusée avec une apparence d'humanité, sans brusquerie ni dureté [2])...

...Парижскій нищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человѣка. Онъ беретъ подаяніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ [3])...

...il n'existe pas de trottoirs pour la sureté des gens qui ne peuvent avoir de voiture; il leur faut chercher le chemin en tâtonnant, et s'esquiver derrière les bornes ou dans les boutiques, pour éviter d'être écrasé par les carosses [4])...

...французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень, и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ [5])...

Оба автора подчеркиваютъ тотъ фактъ, что богатство и нищета уживаются въ Парижѣ рядомъ [6]). Оба подмѣчаютъ любовь народа французскаго къ королю [7]). Трагедія французская имъ не нравится по одинаковымъ причинамъ [8]). Швейцарскіе cercle' и различный характеръ ихъ по разнымъ городамъ обоими обрисовываются согласно [9]).То же замѣчается и въ описаніи Берна [10]), въ передачѣ историческаго преданія о страсбургскихъ жидахъ [11]), въ характеристикѣ бернскаго аристократизма [12]), въ описаніи Франкфурта-на-Майнѣ [13]), Потсдама [14]), потсдамскаго дворца [15]), Берлина [16]), разврата въ Берлинѣ [17]) и нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ.

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 443. [2]) Moore, I, 21. [3]) К., 565. [4]) М., 23—24. [5]) К., 449. [6]) М., 89; К., 439, 447. [7]) М., 26—33; К., 459, 460. [8]) М., 97, 99; К., 417. [9]) М., 115, 210; К. 240, 292, 311, 314, 323, 380. [10]) М., 219, 221, 222; К., 258, 222. [11]) М., 254; К., 187. [12]) М., 226; К., 293. [13]) М., 276—80, 294—5; К., 170. [14]) М., II, 85; К., 74. [15]) М., II, 92—3; К., 77. [16]) М., II, 120, 123; К., 61. [17]) М., II, 136; К., 87—88.

Единственное литературное воспоминаніе, встрѣченное нами у Мура, это — «Новая Элоиза» Руссо. Подобно многимъ путешественникамъ того времени, Муръ, посѣтивъ тѣ мѣстности, въ которыхъ Руссо поселилъ героевъ своего романа, не могъ удержаться отъ нѣсколькихъ прочувствованныхъ строкъ. То же мы находимъ и въ «Письмахъ русскаго путешественника».—

...La vue de Meilleraye me rappela les charmantes lettres de deux Amans de Rousseau: ce souvenir remplit mon ame d'enthousiasme. Je cherchai des yeux, et il me sembla découvrir la place où Saint-Preux s'asséyait pour voir avec son télescope l'habitation de sa bien-aimée Julie... Chaque circonstance de cette histoire touchante se retraçait dans mon esprit; je me sentais sur un espèce de terre classique, et j'éprouvai que l'éloquence de cet inimitable écrivain avait donné au paysage placé devant mes yeux, un intérêt bien plus vif que celui qui m'aurait été inspiré par ses beautés naturelles [1])...

...остановясь подъ тѣнью каштановыхъ деревъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ которыхъ отчаянный Сенъ-Прё хотѣлъ низвергнуться въ озеро... Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу... Всѣ описанія его такъ живы, и притомъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (ésplanade), которая была столь привлекательна для несчастнаго Сенъ-Прё [2])...

Карамзинъ, кромѣ Морица и Мура, «заимствовалъ», по словамъ проф. Тихонравова, и у «другихъ» писателей («и др.»). Кто же эти «другіе» писатели? Мы можемъ назвать нѣсколько произведеній, которыя были, несомнѣнно, знакомы Карамзину до сочиненія имъ «Писемъ русскаго путешественника» и по своей темѣ были близки къ этому произведенію.

---

[1]) Moore. I. 181. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 302—304.

Парижъ очень интересовалъ Карамзина. Въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника» онъ разсказываетъ, съ какимъ волненіемъ приближался онъ къ столицѣ Франціи: «ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, — съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ [1])!» Имя Парижа «стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ» [2]), говоритъ онъ нѣсколько выше. О Парижѣ онъ «много читалъ въ романахъ», «много слыхалъ отъ путешественниковъ» [3])... Парижъ уже давно былъ извѣстенъ Карамзину «по описаніямъ» [4]).

Къ сожалѣнію, изъ этихъ «многочисленныхъ» описаній Парижа мы можемъ указать лишь на сочиненія Мерсье [5]), Сенъ-Фуа [6]), Руссо [7]) и Дюлора [8]), какъ на такія, знакомство Карамзина съ которыми можно доказать на основаніи текста его «Писемъ».

На страницѣ 537 своего произведенія, говоря объ улицѣ Кенкампуа, Карамзинъ вспоминаетъ Джона Ло и его банкъ: на этой улицѣ разыгралась извѣстная трагедія, многихъ пустившая «по міру». Яркій, талантливый стиль Мерсье помогъ Карамзину представить картину алчности, которая овладѣла французами, когда открылись двери банка Ло. Цитата изъ Мерсье въ 11 строкъ, съ ссылкой на него и его книгу, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ Карамзина съ трудомъ Мерсье.

Талантливое сочиненіе этого писателя представляетъ огромный интересъ во многихъ отношеніяхъ. И теперь читается оно съ захватывающимъ интересомъ,—можно судить поэтому, какое впечатлѣніе оказывало оно на современниковъ, въ особенности на иностранцевъ, стремившихся отовсюду въ «столицу міра»: оно вводило ихъ въ самую сутолоку парижской жизни, оно объясняло имъ эту жизнь, помогало оріентироваться, облегчало наблюденія... Въ восьми томахъ авторъ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 438. [2]) Ibid., [3]) Ibid., [4]) Ibid., 442.

[5]) «Tableau de Paris», Amsterdam, 1782, 8 т.

[6]) Santfoix. «Essais historiques sur Paris». [7]) J. J. Rousseau, «Nouvelle Héloise». [8]) Dulaure: a) «Nouvelle description des curiosités de Paris». Paris, 3 ed., 1791. b) «Nouvelle description des environs de Paris», á Paris, MDCCLXXXVI.

представилъ Парижъ въ цѣломъ рядѣ эскизовъ разной величины, представилъ въ высшей степени ярко, живо, порой даже художественно... «Міровую столицу» изображаетъ онъ то «съ птичьяго полета»—кистью свободной и широкой, то рисуетъ ее чуть-ли не съ микроскопомъ въ рукахъ, тщательно вырисовывая самыя мелкія особенности ея жизни. Передъ глазами читателя, какъ въ калейдоскопѣ, проносятся яркіе образы, живые типы и впечатлѣнія, собранныя въ парижскихъ салонахъ, на улицахъ, въ церквахъ, въ учебныхъ собраніяхъ... Масса серьезныхъ соображеній, самыхъ разнообразныхъ: политическихъ, финансовыхъ, педагогическихъ, моральныхъ, историко-литературныхъ,—неотъемлемое достоинство работы Мерсье,—трудно вѣрнѣе судить дѣйствительность, чѣмъ дѣлаетъ это онъ. Блестящій стиль его, то болѣзненно страстный, то рѣзко-сатирическій, чаще всего отличается неподражаемымъ юморомъ.

О задачахъ, которыя преслѣдовалъ онъ въ своемъ сочиненіи, Мерсье говоритъ въ предисловіи: «Je vais parler de Paris, non de ses édifices, de ses temples, de ses monumens, de ses curiosités etc.: assez d'autres ont écrit là-dessus. Je parlerai des moeurs publiques et particulières, des idées régnantes, de la situation actuelle des esprits, de tout ce qui m'a frappé dans cet amas bizarre de coutumes folles ou raisonnables, mais toujours changeantes» [1]). «Je parlerai encore de sa grandeur illimitée, de ses richesses monstrueuses, de son luxe scandaleux» [2]). «Si quelqu'un s'attendoit à trouver dans cet ouvrage une description topographique des places et des rues, ou une histoire des faits antérieurs, il seroit trompé dans son attente» [3]). «Je dois avertir que je n'ai tenu dans cet ouvrage que le pinceau du *peintre*, et que je n'ai presque rien donné à la réflexion du philosophe» [4]). Но въ слѣдующихъ томахъ Мерсье отклонился отъ своей программы: описаніе площадей и улицъ [5]), строеній [6]),

[1]) Mercier, I, Préf., III. [2]) Ibid. [3]) Ibid., IV, IX. [4]) Ibid., IX.
[5]) Напр., II, 217, 240, 239, 238, 243, 244—5, 346. V, 101, 103, 104—6. VII, 147 и др. [6]) Ibid., II, 23, 173, 174, 240, 243, 265, IV, 142. V, 156, 165, 335, VI, 58, 201, VII, 188 и др.

храмовъ [1]), монументовъ [2]) нашли въ его работѣ не мало мѣста. «Философіи» (конечно, во вкусѣ XVIII в.) точно также въ его сочиненіи довольно много [3])...

Сочиненіе Мерсье имѣло несомнѣнное вліяніе на Карамзина: оно дало ему «философскую» точку зрѣнія на Парижъ, существенно отличающую описаніе этого города отъ описанія Берлина и Лондона. Своеобразная манера Мерсье изображать парижскую сутолоку при помощи удачнаго группированія пестрыхъ образовъ привилась до нѣкоторой степени и къ Карамзину: онъ прибѣгаетъ къ ней всякій разъ, когда ему приходится говорить объ общемъ впечатлѣніи, полученномъ имъ отъ шумнаго, суетливаго Парижа [4]), когда ему хочется изобразить парижскую толпу, подвижную, говорливую [5]), когда ему надо въ одной картинѣ представить цѣлый рядъ впечатлѣній [6])... Эти страницы, встрѣчающіяся только въ письмахъ, посвященныхъ Парижу, принадлежатъ къ самымъ блестящимъ въ произведеніи Карамзина; онѣ обнаруживаютъ въ немъ умѣніе справляться съ многочисленными разнообразными впечатлѣніями, нахлынувшими на него, умѣніе создавать изъ этого множества отдѣльныхъ картинокъ — одну большую панораму. Мерсье, повторяемъ, облегчилъ Карамзину эту трудную задачу, давъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ подобныхъ картинъ. Помогъ Мерсье Карамзину и въ живописаніи типовъ парижскихъ. Если въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы встрѣчаемъ иногда довольно удачно обрисованные типы (вѣрнѣе, портреты) парижскихъ жителей, какъ, напримѣръ, г-жи Г'ло* [7]), аббата Н* [8]), аббата Д* [9]), то въ сочиненіи Мерсье поразительно яркіе типы встрѣчаются въ огромномъ числѣ [10]).

---

[1]) Mercier, II, 242, 246, VI, 316. VII, 71—80 и др. [2]) Ibid., I, 157, 264, IV, 230, VI, 292—4, VII, 76 и др. [3]) Ibid., I, 25, VII, 295, I, 181, IV, 299—304 и др. [4]) Карамзинъ, Соч., II, 439, 441—2, 446—9, 494—5, 505, 563, 648. [5]) Ibid., 465, 646—7. [6]) Ibid., 468—9. [7]) Ibid., 452—4. [8]) Ibid., 456—8. [9]) Ibid., 586—9. [10]) Mercier: Batteur de pavé, I, 250; Dévote du Marais, I, 276; Petites Bourgeoises, I, 80—84; Faiseur de Projets, I, 234; Élégant, II, 159; Indépendant, II, 163; Contempteurs du genre humain, II, 164, Le nouveau Débarqué V, 6—9; Проситель, V, 36—41; Acheteurs de rentes viagères, VI, 272—87; Portrait d'une Abbesse, VII, 100; Abbé-fat, VII, 289 и др.

Если, такимъ образомъ, съ художественной стороны произведеніе Мерсье имѣло на Карамзина большое и несомнѣнное вліяніе, то у нашего писателя почти нѣтъ слѣдовъ того раздраженія, въ которое Мерсье приходитъ всякій разъ, когда касается тяжелаго положенія современной ему Франціи. Это раздраженіе вызываетъ его на безцеремонныя шутки и дерзости по отношенію къ двору и правительству [1]), рѣзкія нападки на цензуру [2]), и насмѣшки надъ всей литературой, которая оставалась чуждой злобы дня, соціальныхъ вопросовъ [3]). «A cette époque, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, la France est en nage; la sueur lui découle du front: supportera-t-elle encore long-tems ce violent exercice? A-t-on bien calculé le degré de ses forces réelles?» [4]) «..J'avouerai en même tems, qu'il est presqu' impossible d'être heureux à Paris» [5]), заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о тяжеломъ положеніи ніи Франціи. «..L'homme, qui ne veut pas sentir la pauvreté et l'humiliation la plus affreuse—qui la (столицу) fuit, l'homme, que blesse à juste titre le coup d'oeil méprisant de la richesse insolente, qu'il s'éloigne, qu'il fuie, qu'il n'approche jamais de a capitale» [6]). Обращаясь къ «Письмамъ» мы безъ труда замѣчаемъ въ 1-ой половинѣ дошедшаго до насъ текста ясные намеки на возможность встрѣтить . Карамзина такое-же безпощадное отношеніе къ Парижу [7]),—но эти намеки не подтверждаются послѣдующимъ текстомъ (1801 г.), въ которомъ мы имѣемъ дѣло уже съ безусловнымъ восхваленіемъ «столицы міра» [8]). На литературу-же Карамзинъ смотрѣлъ именно съ той точки зрѣнія, которая была энергично осуждена Мерсье: его «Московскій журналъ», по содержанію своему, очень близокъ къ «Mércure de France» и «Almanach des Muses», осмѣяннымъ Мерсье [9]). Наконецъ, несмотря на предостереже-

---

[1]) Mercier, I, 182, 183, 190, 191, 247, II, 110, 246, 291, V. 183. VI, 101 и др. [2]) Ibid., I, 190. 305, II. 51 и др. [3]) Ibib., II, 103. IV, 160. VI, 218 и др. [4]) Ibid., I, 241. [5]) Ibid., Préf, XIV. [6]) Ibid., XVj, 4, [7]) Карамзинъ, Соч., II. 439, 447—8 [8]) Ibid., 648. [9]) Mercier, IV. 160; VI. 218.

ніе Мерсье, Карамзинъ всей душой стремился въ Парижъ [1]) и, проживъ въ немъспокойно и счастливо [2]), оставилъ его съ пріятными воспоминаніями [3]).

Перейдемъ теперь къ сравненію Мерсье съ Карамзинымъ. Много сходства въ частностяхъ мы можемъ указать при сличеніи произведеній обоихъ писателей, но о «заимствованіяхъ» Карамзина и здѣсь говорить не приходится.

Подъѣзжая къ Парижу, Карамзинъ предался «философскимъ» размышленіямъ о тлѣнности всего земного. — Подобныя же размышленія встрѣчаемъ у Мерсье, наблюдающаго столицу Франціи.—

...Thébes, Tyr, Persépolis, Carthage, Palmyre ne sont plus. Ces villes qui s'élevoient fiéremenl sur le globe, dont la grandeur, la puissance et la solidité sembloient promettre une durée presqu'éternelle, ont laissé équivoques les traces même du lieu qu'elles ont occupé. D'autres cités jadis florissantes et peuplées n'offrent aujourd'hui ..dans un effrayant désert que quelques colonnes éparses... Hélas! les grandes villes modernes éprouveront un jour la même révolution [4])...

...O, villes anciennes de l'Asie, et qui n'êtes plus! empires éffacés! générations dont les noms nous sont même inconnus! fameux Atlantes! et vous, peuples qui avez respiré sur ce

...Но, можетъ быть, друзья мои, можетъ быть, въ теченіе времени сіи мѣста запустѣютъ и одичаютъ...

...Наблюдайте движенія природы; читайте исторію народовъ, поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать невозможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время—придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его!..

...Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату,

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 438. [2]) Ibid., 442, 495—6, 648. [3]) Ibid., 648—9, 651. [4]) Mercier, IV, 299—300.

globe... dites quels étoient vos arts! Faut-il que tout périsse?

...l'avenir engloutira les faits les plus importans, pour ne laisser que le souvenir ou le nom des siècles! O tems! les individus, les villes, les royaumes, tout finit par *hic jacet* [1])!..

своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ—рано или поздно не уподобилось нынѣшнему Египту [2])?..

Оба писателя смотрѣли на себя, какъ на «философовъ», наблюдающихъ мірскую суету.

...C'est dans les grandes villes que le philosophe lui-même se plait, tout en les condamnant... Il y trouve aussi une plus ample matière à réflexions: des scènes journalières ajoutent à ses nombreuses expériences la diversité des objets, fournit à son génie l'aliment qui lui convient [3])...

...Нигдѣ, можетъ быть, нельзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь [4])...

...Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности [5])...

Характеръ французовъ у обоихъ писателей описанъ приблизительно сходными чертами —

...En général, il est doux, honnête, poli, facile à conduire [6])...

...esprit raffiné—его отличительная черта [7]).

...la civilité n'en régne pas moins: elle est répandu dans presque toutes les classes [8])...

...Французъ «ласковъ», «незлопамятенъ», «первый смѣется надъ своей ошибкой—и даже плачетъ», «чувствителенъ», «остроуменъ» [9]), «кажется, будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдумано общежитіе*» [10])...

«Avec quelle légéreté, восклицаетъ Мерсье, on ballote à Paris les opinions humaines! Dans un souper, que l'arrêts ren-

---

[1]) Mercier, IV, 303—4, также I, 181. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 432—3.
[3]) M., I, 25. [4]) Ibid., 194. [5]) Ibid., 672. [6]) M., I, 73.
[7]) Ibid., 37, [8]) Ibid., 302, I, 25 [9]) K., 647. [10]) Ibid., 646.

dus! On a prononcé hardiment sur les premières vérités de la métaphysique, de la morale, de la littérature et de la politique... Mais sur-tout aves quelle facilité on passe d'un objet à un autre et que de matières on parcourt en peu d'heures! Il faut avouer que la conversation à Paris est perfectionnée à un point dont on ne trouve aucun exemple dans le reste du monde» [1]).

Жизнь Парижа, этого новаго «Вавилона» [2]), новыхъ «Аѳинъ» [3]) «вселенной» въ миніатюрѣ [4]), Карамзинъ описываетъ во многихъ отношеніяхъ сходно съ Мерсье. Оба говорятъ о тревожномъ настроеніи Парижа [5]). Оба приблизительно то же говорятъ объ удобствахъ парижской жизни [6]). Оба указываютъ на опасность увлекаться этой жизнью; здѣсь Карамзинъ, безъ сомнѣнія, говоритъ съ чужого голоса [7]). Оба подмѣчаютъ въ современномъ имъ Парижѣ страсть къ прожектерству [8]) и критикованію всѣхъ и вся [9]). Мерсье находилъ невозможнымъ жить счастливо въ Парижѣ, потому что роскошь и нищета, постоянно сталкивающіяся въ столицѣ, оскорбляли его чувствительность [10]),—Карамзинъ, по его собственнымъ словамъ, былъ «счастливъ» въ Парижѣ, но, тѣмъ не менѣе, и онъ, слѣдуя Мерсье, говоритъ объ «оскорбительномъ смѣшеніи богатства съ нищетой» [11]). Уличное движеніе въ Парижѣ изображено у Мерсье очень живо; у Карамзина мы тоже находимъ подобныя картины, написанныя въ жанрѣ Мерсье: «Un carosse vous arrête, sous peine d'être moulu sur le pavé; voici qu'un pauvre couvert de haillons tend la main à un équipage doré, où est enfoncé un homme épais qui, retranché derrière ses glaces, paroît aveugle et sourd; une apoplexie le menace et dans dix jours il sera porté en terre, lais-

---

[1]) Mercier, I, 28—29. Ср. Карамзина, Соч., II, 453—4, 457—8. [2]) M., IV, 1. [3]) M., VII, 28. Ср. К., 509, 644. [4]) M., I, 52. [5]) M., I, XIj. 49. Ср. К., 455—6, 457. [6]) M., I, 33, VII. Ср. К., 495—6. [7]) M., I, 34. Ср. К., 494. [8]) M., I, 236, 234, II, 166—7. Ср. К., 454. [9]) M., II, 233, IV, 192. Ср. К., 453, 586. [10]) M., I, Préf., XIj. [11]) К., 439, 147.

sant deux ou trois millions à d'avides héritiers qui riront de son trépas, tandis qu'il refusoit de légers secours à l'infortuné qui l'imploroit d'une voix touchante» [1]). «Gare les voitures! Je vois passer daus un carosse le médecin en habit noir, le maître à danser dans un cabriolet, le maître en fait d'armes dans un diable et le prince court à six chevaux ventre à terre comme s'il étoit en rase campagne... Des jeunes gens à cheval gagnent impatiemment les remparts et sont de mauvaise humeur, quand la foule pressée... retarde un peu leur marche précipitée» [2]). Отсутствіе троттуаровъ—причина того, что въ Парижѣ часто давятъ народъ [3]). Прогулка Long-Champs изображена у Карамзина въ такомъ же родѣ, какъ у Мерсье [4]). Какъ образецъ сходства такихъ описаній, приведемъ изъ обоихъ писателей отрывки, изображающіе переходъ французовъ чрезъ грязныя улицы:

...Rien ne doit plus divertir un étranger que de voir un Parisien traverser ou sauter un ruisseau sangeux avec une perruque à trois marteaux, des bas blancs et un habit galonné, courir dans de vilaines rues sur la pointe du pied... Des tas de boue, un pavé glissant, des essieux gras, que d'écueils à éviter... Comment marcher... en conservant ses escarpins? Oh, c'est un secret particulier aux Parisiens [5])...

...Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнифоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство, необходимое для здѣшнихъ жителей [6])...

Относительно парижскихъ развлеченій оба писателя говорятъ приблизительно то же самое.

---

[1]) Mercier, I, 7. [2]) M., I, 117; Ср. Карамзинъ, Соч., II, 439, 449.
[3]) M., I, 54. Ср. K., 449. [4]) M., I, 61, 117, II, 53—4. Ср. K., 465.
[5]) M., I, 120—1. [6]) K., 449.

...Paris est un pays délicieux pour quiconque cherche à jouir et non à penser; et quoi de plus triste que de penser?.. Que de jouissances diversifiées, qu'on ne rencontre pas ailleurs même avec de l'or. Paris est la ville du monde qui fournit le plus d'amusemens publics [1]...

(Далѣе Мерсье говоритъ о дороговизнѣ любовныхъ развлеченій [2]).

...Парижъ есть городъ единственный. ...нигдѣ столько разсѣянья и забавъ. Но гдѣ-же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца?...

...Сиренъ множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно. Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва-ли не всегда горестно—и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ [3]...

Уличныя сцены въ сочиненіи Мерсье изображены со свойственнымъ ему талантомъ [4]); у Карамзина тоже найдемъ довольно удачные наброски уличной толпы [5]).

Горячій поклонникъ англичанъ [6]) и Шекспира [7]), Mercier о французской трагедіи говоритъ то же, что позднѣе говорилъ Карамзинъ [8]).

Можно найти нѣкоторое сходство также и въ описаніяхъ парижскихъ достопримѣчательностей, но это сходство объясняется не заимствованіемъ Карамзина у Мерсье, а тѣмъ обстоятельствомъ, что оба писателя, описывая Парижъ, прибѣгли къ помощи Saintfoix («Essais historiques sur Paris»). Карамзинъ, впрочемъ, говоритъ обо всемъ гораздо подробнѣе, тогда, какъ Мерсье даетъ иногда лишь нѣсколько строчекъ. Какъ примѣръ такихъ сходныхъ описаній, приведемъ хотя бы тѣ строки, которыя Мерсье посвятилъ улицѣ Трюандери: «...rue de la Truanderie! Je le regarde avec respect: c'étoit l'autel où les amans du bon vieux tems se juroient et se gardaient fidélité» [9]). У Карамзина этой улицѣ посвящены двѣ страницы [10]).

---

[1]) Mercier, IV, 3, 4. [2]) Ibid., IV, 88. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 494. [4]) M., IV, 209, 210, 211, V, 167, 271—78 и др. [5]) K., 465 и др. [6]) M., I, 106, 107, II, 39, V, 299—300 и др. [7]) Ibid., IV. 176, VII, 137 и др. [8]) M., IV, 170. K, 472—475. [9]) M., II, 247. [10]) K., 526—7.

«Улицѣ Писателей» Мерсье посвящаетъ нѣсколько болѣе строкъ: «Rue des Ecrivains. Le nom de Nicolas Flammel, si cher aux adeptes, me revient en mémoire; il fut bienfaisant, et conséquemment sa mémoire doit être honorée. Il fonda des hôpitaux et toutes ses libéralités ont porté l'empreinte d'un véritable ami de l'humanité. Je vénère Nicolas Flammel et Pernelle sa femme. Qu'il ait trouvé la pierre philosophale ou non, ses recherches, ses travaux et ses fondations annoncent un homme supérieur à son siècle» [1]). Карамзинъ отводитъ воспоминаніямъ о Фламелѣ двѣ страницы, причемъ относится къ нему иронически [2]). Rue de Ferronnerie [3]), Rue d'Enfer [4]), Notre Dame [5]), Rue du Temple [6]), Hôtel des Invalides [7]) и мн. др. описаны у обоихъ авторовъ, болѣе или менѣе, сходно... Особенно любопытно, что говорятъ оба писателя о Королевской Библіотекѣ: въ началѣ оба говорятъ буквально то же самое, а въ концѣ совершенно обратное,—

...dans les allées de cette bibliothèque immense vous trouverez deux cents pieds en longueur sur vingt de hauteur de théologie mystique, cent cinquante de la plus fine scolastique; quarante toises de droit civil, une longue muraille d'histoires volumineuses, rangées comme des pierres de taille et non moins pesantes; environ quatre mille poètes épiques, dramatiques, lyriques etc., sans compter six mille romanciers et presque autant de voyageurs. L'esprit se trouve obscurci dans cette mul-

...Шесть превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоластики 150 футовъ, Юриспруденты 40 саженъ, Историки вдвое. Поэтовъ считается 40000, романистовъ 6000, путешественниковъ 7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200000 томовъ. Порядокъ рѣдкій. Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ [8])...

---

[1]) Mercier, II. 241. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 529—30. [3]) М., II, 240. Ср. К., 530—531. [4]) М., II, 243. Ср. К., 535. [5]) М., II, 242. VII, 238. Ср. К., 569. [6]) М., VII. 248. Ср. К., 531. [7]) М., VI. 218. Ср. К. 551. [8]) К., 548—9.

titude de livres insignifians, qui tiennent tant de place et qui ne servent qu'à troubler la mémoire du bibliothécaire, qui ne peut pas venir à bout de les arranger. Aussi ne les arrange-t-on pas? et le catalogue que l'on fait depuis trente cinq années ne sert qu'à redoubler la confusion de ce ténébreux chaos [1]).

Очевидно, цифровыя данныя оба писателя почерпнули изъ одного источника, вѣроятнѣе всего, узнали отъ библіотекаря, показывавшаго библіотеку,—по крайней мѣрѣ, Карамзинъ прямо говоритъ: «такъ сказалъ мнѣ Библіотекарь» [2]). Можно думать, что объ удивительномъ порядкѣ библіотеки Карамзинъ узналъ отъ него же,—тогда, какъ Мерсье имѣлъ какія-нибудь другія данныя говорить о безпорядкахъ, господствующихъ въ библіотекѣ.

Въ заключеніе приведемъ слова Мерсье о томъ, какъ онъ наблюдалъ жизнь Парижа, какъ онъ знакомился съ людьми, ихъ характеромъ и правами. Пріемъ, которымъ пользовался Мерсье, любопытенъ для насъ, такъ какъ Карамзинъ совершенно такъ же наблюдалъ за жизнью западной Европы: «Rien de plus délicieux que de se promener, pour ainsi dire, au milieu des pensées diverses de ses voisins; de voir... l'habit qui parle encore plus que l'homme. Le geste au lieu du discours est quelquefois remarquable; mille faits particuliers suppléent au défaut de la mémoire et de la lecture; et la connaissance des hommes et des choses s'apprend mieux dans un cercle que dans les meilleurs livres» [3]).

«Путешествіе Соссюра по Альпамъ» [4]) вѣроятно было знакомо Карамзину. По крайней мѣрѣ, онъ разъ упоминаетъ объ этомъ сочиненіи, какъ общеизвѣстномъ: «нынѣ поутру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго натуралиста, который

---

[1]) Mercier, II, 308—9. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 548. [3]) M., I ,199, также V, 34.
[4]) Saussure, «Voyages dans les Alpes...», Génève, MDCCXXXVII, 8 t.

перевелъ на нѣмецкій языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*» [1]). Впрочемъ, на «Письмахъ русскаго путешественника» знакомство это ничѣмъ не отразилось. Произведеніе Соссюра посвящено всецѣло естественнымъ наукамъ, а то немногое, что онъ говоритъ вообще о жителяхъ Швейцаріи, или о красотахъ ея природы, представляетъ изъ себя, въ большинствѣ случаевъ, общія мѣста.

Напримѣръ: «Le moral dans les Alpes n'est pas moins intéressant que le physique. Car, quoique l'homme soit au fond partout le même, partout le jouet des mêmes passions, produites par les mêmes besoins; cependant, si l'on peut espérer de trouver quelque-part en Europe des hommes assez civilisés pour n'être pas féroces et assez naturels pour n'être pas corrompus, c'est dans les Alpes, qu'il faut les chercher, dans ces hautes vallées où il n'y a ni seigneurs, ni riches, ni un abord fréquent d'étrangers...

«...Ceux d'Alpes, ne voyant que leurs égaux, oublient qu'il existe des hommes plus puissans; leur âme s'ennoblit et s'élève; les services qu'ils rendent, l'hospitalité qu'ils exercent, n'ont rien de servile, in de mercénaire; on voit briller en eux des étincelles de cette noble fierté, compagne et gardienne de toutes les vertus» [2]).

Приведемъ, какъ примѣръ, описаніе Женевы: «La nature s'y présente sous l'aspect le plus brillant: elle y étale une infinité de productions différentes; un lac rempli d'une eau claire et azurée, un beau fleuve qui en sort, des collines charmantes qui le bordent et qui forment le premier degré d'un amphithéatre de montagnes, couronné par les cimes majestueuses des Alpes; le Mont-Blanc qui les domine toutes, revêtu d'un manteau de glaces et de neiges éternelles traînant jusques à ses pieds; le contraste étonnant de ces frimats avec la belle verdure qui couvre les côteaux et les basses montagnes..» [3]). У Карамзина мы встрѣтимъ картины природы, описанныя довольно схожими чертами [4]), но едва ли можно говорить здѣсь

[1]) Карамзинъ, Соч., II. 262. [2]) Saussure, I, XVI—XVII. [3]) Ibid., I, 1—2. [4]) К., 211, 221, 265 и др.

о вліяніи Соссюра, у котораго только въ самомъ началѣ сочиненія говорится очень немного о красотахъ Швейцарской природы.

Въ заключеніе, сопоставимъ описаніе «la perte du Rhône», сдѣланное обоими писателями.

... lorsque le Rhône arrive sur le banc de rocher qui passe sous ces argilles,tout-à-coup le rocher manque sous lui; son lit prend la forme d'un entonnoir, le fleuve entier s'engouffre dans cet entonnoir avec une vîtesse et un fracas prodigieux; ses eaux se refoulent mutuellement, s'agitent, se soulevent et se brisent en écume. Les rochers qui forment cet entonnoir se resserrent même à un tel point, qu'il y a une place où il ne reste pas deux pieds de distance d'une rive à l'autre, ensorte qu'un homme, même de moyenne taille, pourroit tenir un de ses pieds sur le bord qui appartient à la France et l'autre sur celui qui dépend de la Savoye [1]..

...Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ Наконецъ, сіи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними, слышенъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасности [2]...

Сочиненіе Кокса, «Lettres de M. William Coxe à M. W. Melmoth sur l'état politique, civil et naturel de la Suisse» (trad. de l'angl. par Ramond). Paris, MDCCLXXXI) имѣло для Карамзина очень большое значеніе. Въ особенности онъ цѣнилъ примѣчанія къ этому сочиненію французскаго переводчика Рамона: такъ, въ «Московскомъ журналѣ», въ отдѣлѣ критики, говоря о переводѣ сочиненія Кокса на русскій языкъ, Карам-

[1]) Saussure, II, 92—3. [2]) К—нъ, Соч. II, 388.

винъ выражаетъ сожалѣніе, что не переведены были примѣчанія и дополненія Рамона,—«сей любезный молодой человѣкъ говоритъ онъ, которой по справедливости считается однимъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ Французскихъ писателей, исходилъ всю Швейцарію пѣшкомъ и былъ въ самыхъ дикихъ и, можно сказать, непроходимыхъ мѣстахъ. Имѣя живое чувство, плодотворное воображеніе и отмѣнную способность выражать свои мысли и ощущенія, описываетъ онъ съ удивительною силою красоты величественной Природы и съ отмѣнною пріятностью простые нравы Швейцарскихъ пастуховъ, съ которыми живалъ онъ по нѣскольку недѣль, какъ братъ съ братьями» [1]). Въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы встрѣчаемъ одну ссылку на Кокса, другую на Рамона: «Коксъ, извѣстный Англійскій Путешественникъ, пишетъ, что Руссо сочинялъ Элоизу, живучи въ деревнѣ Мельери; но это несправедливо» [2])—и: «всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, *Романа* [3]), взойдетъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы, сидя между гробами.., проводить глазами заходящее солнце...» [4]).

Швейцарія очень интересовала Кокса: «La Suisse, пишетъ онъ, est une contrée délicieuse, et qui mérite toute l'attention d'un Voyageur éclairé, tant par les nuances de ses différens Gouvernemens, que par la diversité des aspects sous lesquels la nature s'y présente» [5]). Большія примѣчанія и дополненія Рамона существеннымъ образомъ пополняютъ его произведеніе. «M. Coxe, пишетъ въ Préface Рамонъ, a voyagé en Anglois: la constitution civile et politique a surtout arrêté ses regards; il a voyagé en homme riche: c'est parmi les hommes de son état qu'il a cherché des instructions» [6]). Между тѣмъ, Рамонъ путешествовалъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ товарищемъ: «nous cherchions l'hospitalité dans les cabanes les plus retirées et nous avons vécu en égaux aves les Bergers que nous visitions» [7]).

---

[1]) «Моск. Журн.», III, ч., 220—221. [2]) Карамзинъ. Соч. II, 305. [3]) описка К—на или опечатка. [4]) К., 309. [5]) Coxe, «Lettres», 181. [6]) Ibid., Préface, Vj. [7]) Ibid., VIj.

*

Результаты своихъ любопытныхъ наблюденій Рамонъ и присовокупилъ къ переводу «Писемъ» Кокса.

Оба писателя вполнѣ сошлись въ преклоненіи передъ республиканской формой правленія Швейцарцевъ; оба въ восторгѣ отъ нравовъ, обычаевъ Швейцарцевъ; съ охотой останавливаются оба на историческомъ прошломъ Швейцаріи. Разошлись они только во взглядахъ на религію: Коксъ былъ протестантъ, а Рамонъ—католикъ. Кромѣ того, послѣдній болѣе мѣста удѣляетъ описаніямъ природы, чѣмъ первый. Правда, описанія эти, какъ у Рамона, такъ особенно у Кокса не блещутъ особенной яркостью, но они очень обстоятельны и даютъ читателю полное и живое представленіе о грандіозныхъ картинахъ швейцарской природы.

Книга Кокса и Рамона, несомнѣнно, повліяла на интересы Карамзина къ Швейцаріи. Нашъ юный путешественникъ даже въѣзжалъ въ эту страну, какъ извѣстно, съ тѣми чувствами, которыя онъ встрѣтилъ, между прочимъ, у Кокса и Рамона, серьезно увлекавшихся политическимъ устройствомъ Швейцаріи [1]). Хотя о политическомъ устройствѣ Швейцаріи Карамзинъ говоритъ очень мало [2]) и, въ концѣ концовъ, относится къ нему скептически [3]),—но въѣзжалъ онъ въ Швейцарію, повторяемъ, съ самыми республиканскими чувствами: «И такъ, я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной натуры, въ землѣ *свободы* и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я *съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ*» [4]). «J'éprouve un plaisir nouveau, je respire l'air de la liberté, пишетъ Коксъ; tous les visages portent ici le caractère de la satisfaction» [5]). Если благополучіе Швейцарцевъ, по мнѣнію

---

[1]) Coxe, Schaffhouse, 6 — 8; Bailliage, 50 — 2; Clarus, 61, 66; Assemblée générale, 90 — 1, 92—102; Zurich, 125 —9; Zug, 144; Lucerne 149 — 151; Uri, Schwitz, Unterwalden, 169—179 и др. [2]) Карамзинъ, Соч., II, Базель, 199, Цюрихъ, 248, Бернъ, 293, непорядки въ Женевѣ, 369. [3]) Ibid., 199, 381.
[4]) Ibid., 192. [5]) Coxe, Lettres, 5.

Кокса, зависитъ отъ республиканскаго образа правленія и красоты природы, то и Карамзинъ счастье «Швейцаровъ» объяснялъ тѣмъ, что они жили «подъ благодѣтельнымъ законами братскаго союза», «служа одному Богу», «въ объятіяхъ прелестной Натуры», сохраняя простоту нравовъ [1]).

Историческое прошлое Швейцаріи занимало одинаково сильно всѣхъ трехъ писателей; впрочемъ, обстоятельность опять-таки на сторонѣ Кокса и Рамона [2]): Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ» оставилъ лишь нѣсколько историческихъ разсказовъ [3]).

Нравы швейцарцевъ у всѣхъ трехъ писателей вызываютъ самое горячее одобреніе: «Une simplicité de moeurs antique, une droiture vraiment républicaine, une fierté nationale qui n'est pas de l'orgueil, caractérisent et le Peuple et les individus» [4]). «Rien de si doux, de si humain, de si bienfaisant que ce bon Peuple chez lequel l'hospitalité est une vertu si naturelle, qu'un voyageur à pied qui n'offusque point par un luxe qui choque des hommes aussi simples, peut aller de cabane à cabane et trouver partout un asyle gratuit offert de bon coeur» [5]). «La plus grande partie de ce Peuple a conservé la simplicité originelle de la vie pastorale. J'ai rencontré plusieurs vénérables vieillards à longues barbes qui me représentoient les vieux Patriarches» [6]). «Franchise naturelle», «ton singulier d'égalité que leur donne le sentiment de leur indépendance» [7]) и въ то же время «la fierté, ou pour mieux dire, l'orgueil national» [8]) — вотъ, отличительныя черты характера швейцарцевъ. О простотѣ и неиспорченности ихъ нравовъ [9]) постоянно говоритъ и Карамзинъ, равно какъ и о любви ихъ

---

[1]) Карамзинъ Соч., II, 201. [2]) Coxe, Lettres. Schaffhousen, 5—6, 22; Constance, 23—4; M. Clarus, 62—64; Notre Dame des Hermites, 105—111; Zurich, 119—120, 139; Zug, 143; Lucerne, 147—8; W. Tell, 164—8; Революція, 1308 г. 170—4, 174—6 и др. [3]) Карамзинъ, Базель. 198—9, 201; Габсбургъ. 256; Бернъ, 259; Бубенбергъ, 266; Карлъ Дерз., 294—6. [4]) Coxe, Lettres, 137. [5]) Coxe, Lettres, 14. [6]) Ibid., 38. [7]) Ibid. [8]) Ibid., 43. [9]) Карамзинъ, 201, 231, 240—2, 278.

къ отечеству [1]). Эпитеты: «добродушный» [2]), «простодушный» [3]), «гостепріимный» [4]), «добросердечный» [5]) охотно примѣняются Карамзинымъ къ швейцарцамъ. Впрочемъ, онъ очарованъ только пастухами альпійскими и пастушками [6]), но въ жителяхъ долинъ онъ находитъ не мало отрицательныхъ чертъ [7]).

Говоря о строгости швейцарскихъ нравовъ, Карамзинъ повторяетъ почти все, что сказано у Кокса,—

...Les loix somptuaires sont en vigueur ici comme dans la plus grande partie de la Suisse. Elles sont si rigoureuses que la dance même n'est pas permise que dans certaines occasions; les soieries, les dentelles, le galon, ...sont également prohibés [8])...

...М. б. ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цюрихѣ. Театръ, балы, маскарады, клубы!.. вы здѣсь неизвѣстны [9]). Мущины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго платья, а женщины ни бриліантовъ, ни кружевъ [11])...

...Tous les jeux de hasard sont absolument défendus [10])...

...Не знаю, продаются ли въ Цюрихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ [12]). (У Карамзина: воспитаніе дѣтей» [14]), «занятія хозяйствомъ» [15]), «простота жизни» [16]), «супружеская вѣрность» [17])...

...rien aussi n'est... plus touchant que le spectacle de l'intérieur de ses familles; l'amour conjugal y est à la fois un sentiment, une loi, un usage [13])..

...Les deux sexes communiquent fort peu ensemble ici ...Le hasard m'a fait voir dix

...Рѣдко бываютъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами. Иногда сходятся двѣ, три, че-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 219. [2]) Ibid., 210, 265. [3]) Ibid., 272. [4]) Ibid., 349. [5]) Ibid. [6]) Ibid., 278—9, 283—4. [7]) Ibid., 254, 200. 255, 311, 369, 380. [8]) Coxe, Lettres, 9. [9]) Карамзинъ, 240, [10]) Coxe, Lettres, 9. [11]) Карамзинъ, 241. [12]) Ibid., 124. [13]) Coxe, Lettres, 137. [14]) Карамзинъ, 240. [15]) Ibid. [16]) Ibid., 242. [17]) Ibid., 240

femmes assemblées pour se distraire de leurs petites affaires par des amusemens tranquilles [1])...

...A Zuric.. il (l'adultère) est rigoureusement puni, sans distinction de rang, ...mais c'est aux moeurs du Peuble... plutôt qu'á la crainte de la peine... qu'il faut attribuer la rareté de ce crime [3])...

...Dans le nombre des loix somptuaires, on doit remarquer celle qui défend à toutes personnes, excepté aux étrangers, l'usage des voitures dans l'intérieur de la Ville [5])...

тыре пріятельницы—разговариваютъ дружески, вмѣстѣ работаютъ или читаютъ Геснера, Клопштока, Томсона [2]).

...Здѣсь-то (въ Цюрихѣ) строго наблюдаются законы супружеской вѣрности—и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія [4])...

...Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ [6])...

Очень внимательно отнеслись Коксъ и Рамонъ къ занятіямъ жителей Швейцаріи: въ своихъ запискахъ оба писателя не мало мѣста отвели промышленности Швейцаріи и сообщили много интереснаго по этому вопросу [7]). Карамзинъ о занятіяхъ «счастливыхъ Швейцаровъ» говоритъ нѣсколько разъ вскользь, внимательно не останавливаясь на этомъ вопросѣ [8]).

Вообще сочиненіе Кокса и дополненія Рамона нравились Карамзину, главнымъ образомъ, благодаря обилію и обстоятельности описаній картинъ природы [9]). Карамзину часто приходилось въ своихъ «Письмахъ» рисовать тѣ же пейзажи или

[1]) Coxe, Lettres, 138. [2]) Карамзинъ. Соч., II, 240—241. [3]) Coxe, Lettres, 128. [4]) Карамзинъ, 240. [5]) Coxe, Lettres, 128—129.

[6]) Карамзинъ, 241. [7]) Coxe, Lettres, 42, 67, 85, 87—8, 108, 124—5, 152, 178, 231, 256, 267 и др. [8]) Карамзинъ, 276, 282 и нѣк. др.

[9]) Инар.; Coxe, Lettres: р. Лиммата, 70—1. Констанцское оз., 26—27. Вальштедское оз., 50. Цюрихское оз.. 119, оз. Ури, 163. Тунское оз., 318, Рона, 214, Рейнскій водопадъ, 15—9, Рейхенбахъ. 294, Штаубахъ, 305, Горные каскады. 182, 70—1. Горы, восхожденія, 81—2. 201—2, 211, 212 и др. Гриндельвальдскій ледникъ, 297—8, 307. Горные пейзажи, 30, 37, 48, 49, 56, 69, 70—1, 79, 84, 115—6. 142, 165, 185, 186, 198. 208, 218, 225, 238. 240—1, 245—6, 247. 259, 302, 309.

подобные и на манерѣ его письма сказалось, по нашему мнѣнію, нѣкоторое вліяніе работъ Кокса и Рамона. Представимъ прежде всего для образца нѣсколько описаній изъ ихъ сочиненія: Вальштедское озеро: «La vue de ce lac est plus sauvage et la plus pittoresque dont on puisse se faire l'idée; les tableaux les plus superbes et les plus romanesques se succèdent sans interruption. Du côté de Glarus, les montagnes qui le bordent sont en grande partie cultivées, couvertes de bois, habillées de prairies et parsemées de cabanes, d'Eglises et de petits Villages; les hautes Alpes s'élevent derrière elles, couronnées de leurs neiges éternelles; de l'autre côté, un mur de roches perpendiculaires, inaccessibles, qui présentent à nud leurs formes rudes et fièrement taillées, lui sert de rivage; cependant, quelques coins de terres cultivées, jettés ça et là entre ces roches décharnées, sont suspendus au bord même du lac, formant un contraste frappant avec la stérilité qui les environne, Des torrens sans nombre alimentés par la fonte des neiges. échappent à ces rochers et tombent d'une hauteur considérable en cascades, dont les figures sont variées à l'infini...» etc [1]). Пейзажъ швейцарскій: «La soirée, au reste, a été délicieuse, et la lune répandant la plus vive clarté nous a permis d'admirer la belle contrée que nous traversions: des côteaux couverts de vignes, des vergers plantés d'arbres fruitiers, de vastes champs de lin et de riches pâturages, passant tour à tour devant nos yeux, ont rendu notre voyage assez agréable» [2]).

Сопоставимъ теперь нѣсколько мѣстъ, болѣе или менѣе, сходныхъ, въ сочиненіяхъ Кокса-Рамона, съ одной стороны, и Карамзина, съ другой. —

Цюрихское озеро:

...mais un nombre bien plus grand de Bourgs et de Villages peuple ses rivages, et, près de Zuric, ils sont ornés d'une suite non interrompue de mai-

...На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цюрихскихъ гражданъ, и виноградные са-

[1]) Coxe, 56. Ср. Карамзина, Соч., II, 265, 382, 333. 211—12.

[2]) Coxe, 48. Ср. Карамзина, 205, 228, 257, 294, 302.

sons de plaisance, qui, placées au bord de l'eau, et environnées de pâturages et de vignes, forment le plus charmant effet. Le Pays circonvoisin est de même très peuplé et parfaitement cultivé, tandis que la partie méridionale du lac semble brusquement bornée par les prodigieuses montagnes de Schwitz et de Glarus [1])...

ды, которые простираются безпрерывно [2])...

...прямо противъ насъ, за озеромъ стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія и Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы [3])...

Рона:

...nous descendîmes une montagne si escarpée, que les différentes parties du chemin qui serpente sur son penchant, sont souvent paralleles entr'elles...

...Rien ne peut égaler en rapidité le Rhône, tombant en écume le long d'une suite de montagnes irréguliers, hérissées, d'une hauteur qu'on ne peut estimer, et formant une cataracte continue [4])...

...хотѣли спуститься на берегъ рѣки... Черезъ минуту явилось шесть или семь человѣкъ, которые... и повели или, лучше сказать, понесли насъ по каменному утесу...

...Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ... откуда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною [5])...

Гриндельвальдскій ледникъ:

...nous avons couru au pied du glacier. Il forme une vaste et majestueuse arche de glace, d'où sort avec fracas un torrent alimenté par l'eau des

...Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ... Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ре-

[1]) Coxe, Lettres, 119. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 237. [3]) Ibid., 212.
[4]) Coxe, 214. [5]) Карамзинъ, 388.

neiges, qui fondent actuellement. Ce glacier est un amas de pyramides sans nombre, fondés sur un lit de glace et qui, plus élevées et plus aigues vers la plaine, où elles ont de quarante à soixante pieds de haut, dimunuent à mesure que le glacier monte, et se terminent en une large surface de glace, rompue en tous sens par de larges et profondes crevasses...

вомъ вытекаетъ изъ подъ свода его мутная рѣка Литчина, рѣшился я взойти выше. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ... Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами, но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ...

...Nous avons employé plus de deux heures à monter par un sentier presque impraticable, qui côtoye le région glaciale; obligés de gravir à tous momens sur les faces escarpées et brisées de rochers presque perpendiculaires, nous étions suspendus au bord même des précipices, courant des dangers dont l'idée seule me fait frémir [1])...

...я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаетъ меня судьбѣ моей... [2]).

...L'ensemble de ce paysage et vraienent magnifique et présente un curieux et singulier tableau à ceux, surtout, qui ne sont point accoutumés à voir les glaces et les neiges résister aux ardeurs de l'été,

Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывамъ меня отъ жара солнечнаго... Съ сѣдыхъ мши-

[1]) Coxe, Lettres, 297—8.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 273—4.

et border les prairies les plus riches et les forêts de la plus riante verdure [1])...

стыхъ скалъ упадали ручьи... Подалѣе...находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить нельзя [2])...

Долина Гасли:

...On ne peut imaginer une vallée plus pittoresque et plus fertile que l'Ober-Hasly; les plantes les plus agréables au bétail y sont dans leur sol naturel, et les Alpes voisines sont couvertes des plus riches et des plus hauts pâturages de la Suisse...[3]).

...Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ними маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ [4])...

...Nous avons ensuite traversé plusieurs petits villages, dont la vue est extrêmement agréable après celle des effrayantes régions que nous venions de quiter et nous sommes entrés dans une petite vallée tapissée de la verdure la plus douce et délicieusementornée d'arbres..[5])

...les ruisseaux nombreux qui fécondent la terre, transparens comme l'air qui les environne et purs comme les neiges toujours vierges qui les alimentent, portent la vigueur et la santé dans toutes les parties de la végétation [6])...

...множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовывало нѣчто романическое, плѣнительное — нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ[7])...

---

[1]) Ibid., 309. Ср. также: 198. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 277. Для удобства сравненія мы позволили себѣ сдѣлать нѣкоторую перестановку въ выдержкахъ, сдѣланныхъ изъ Карамзина. [3]) Coxe, Lettres, 259. [4]) Карамзинъ, 280.
[5]) Coxe, Lettres, 226. [6]) Ibid., 84. [7]) Карамзинъ, 280.

Чувства на горной вершинѣ:

...A leur sommet, on respire si librement, la circulation est si facile, tous les organes transmettent si vivement à l'âme les impressions des sens, que tout est plaisir ...et qu'on supporte les incommodités du corps avec courage et même avec gaieté [1])...

...aucun de nous n'a senti sa respiration gênée en quelque manière que ce fût: au contraire, il nous a toujours paru que nos poumons s'élevoient plus aisément; nous nous sommes toujours trouvés plus libres dans nos mouvements, plus légers... [2]).

...ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ [3])...

...Съ бодростью и удовольствіемъ продолжалъ я путь свой [4])...

Альпійскій орелъ, преслѣдующій козъ:

...l'Aigle l'y fuit en tournoyant et le force à gagner les hauteurs, ...jusqu'à ce qu'arrêté sur le penchant des abîmes, il n'ait plus d'autre ressource, que de tenir tête à son ennemi ...dans l'instant où sa posture est assez gênée pour que son équilibre soit facile à ébranler, l'Aigle s'élance et d'un coup d'aîle le précipite au bas des rochers, dans des profondeurs telles que son ad-

...Лютый врагъ гонится повсюду за своею добычею и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ несчастная уже не находитъ для себя никакого пути...

..Тутъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, несмотря на все свое искусство въ пры-

---

[1]) Coxe, Lettres, 249. [2]) Ibid., 301. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 270.
[4]) Ibid, 272.

resse ne peut le garantir d'une mort certaine; là il le fuit, l'achève à coups de bec, et le dévore [1])...

ганіи, неизбѣжно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее оттуда въ острыхъ когтяхъ своихъ [2])...

О рельефномъ изображеніи Альпъ Пфиффера Карамзинъ, несомнѣнно, говоритъ со словъ Кокса:

...Il a, lui-même, levé les plans sur les lieux, il a pris les élévations des montagnes, et les a dessinées sous leurs divers aspects et dans leurs proportions relatives...

...Сей человѣкъ съ удивительною неутомимостью странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностью.

...Dans l'exécution de cette laborieuse entreprise, il a rencontré mille obstacles, deux fois il a été arrêté comme espion, et dans les Cantons populaires, il s'est vu forcé bien souvent de travailler au clair de lune...

Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями, какъ шпіонъ, и, наконецъ, для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи...

...il conduit ordinairement avec lui quelques chevres, dont le lait lui sert de nourriture [3])...

...водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу [4])...

Политическое устройство Цюрихской республики Карамзинъ описалъ, очевидно, пользуясь сочиненіемъ Кокса, у котораго, какъ мы говорили уже, политической жизни Швейцаріи отведено много мѣста [5]). Объ охотѣ на козъ Карамзинъ говоритъ тоже, повидимому, словами Рамона [6]). Мостъ у Рейнскаго водопада, настолько заинтересовавшій Кокса, что онъ посвятилъ ему четыре страницы [7]), описанъ у Карамзина на нѣсколькихъ строчкахъ, при чемъ повторено нѣсколько фразъ Кокса.—

[1]) Coxe, Lettres, 276. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 276. [3]) Coxe, Lettres, 156—7. [4]) Карамзинъ, 260. [5]) Карамзинъ, 248. Ср. Coxe, Lettres, 124—169. [6]) Карамзинъ, 276. Ср. Coxe, Lettres, 280.
[7]) Coxe, Lettres, 11—15.

...L'homme, le moins lourd passant sur ce pont, le sent trembler sous ses pas, tandis que les chariots les plus chargés y roulent sans le moindre danger [1])...

...мостъ, который дрожитъ подъ ногами одного человѣка и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры [2])...

Несомнѣнно, вліянію Рамона можно отчасти приписать и прогулку Карамзина по горамъ, сближеніе его съ пастухами, жизнь среди нихъ. Понятно поэтому, отчего описаніе этого странствія у Карамзина порою очень близко подходитъ къ описанію Рамона. Такъ, напримѣръ, одна неудачная ночная прогулка у обоихъ писателей изображена очень сходно[3]).

Работа Saintfoix, «Essais historiques Paris» (5 tomes, à Paris, 4 éd., MDCCLXVI), была хорошо знакома Карамзину и довольно много матеріала дала ему для описанія Парижа. Въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника» Карамзинъ два раза упоминаетъ о Сент-Фуа: разсказывая о прошломъ Парижа, онъ задаетъ себѣ вопросъ, говорить-ли объ этомъ подробно или нѣтъ, и самъ, отъ имени друзей, которымъ онъ предложилъ свой вопросъ, отвѣчаетъ: «я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы прочитаемъ Сент-Фуа, его: «Essais sur Paris», и узнаемъ все, что ты можешь сказать о древности Парижа» [4]),—во второй разъ онъ упоминаетъ о Сент-Фуа: когда разсказываетъ о томъ недоумѣніи, въ какое онъ повергъ кучера приказаніемъ везти его къ *источнику любви*: «Онъ, объясняетъ Карамзинъ, не читалъ Сент-Фуа, слѣдственно, не понималъ меня» [5]).

Принимаясь описывать Парижъ, Карамзинъ не разъ повторяетъ Сент-Фуа, хотя не разъ и расходится съ нимъ:

---

[1]) Coxe, Lettres, 12. [2]) Карамзинъ, Соч.. II, 225. [3]) Coxe, Lettres, 77—8. Ср. Карамзинъ, 229—230. [4]) Карамзинъ, I. 445.
[5]) Ibid., 526.

..*Parisii* venoit de παρα Ισιδος. ..Moreau de Mauttour se trompe, lorsqu'il soutient que cette Déesse n'a point été adorée dans les Gaules [1])...

...Имя Парижскихъ жителей Parisii, значитъ *народъ, покровительствуемый Изидой*—то-есть, что оно произошло отъ греческаго слова *Пара* и *Изисъ;* хотя NB. Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ [2])...

Указанія на то, что Цезарь—первый писатель, упоминавшій о Парижѣ, что въ его время Парижъ былъ уже столицей Галліи [3]), находятся и у Сент-Фуа [4]). Рядомъ съ этими сходствами мы находимъ у Карамзина длинную цитату изъ записокъ императора Юліана о жизни его въ Лютеціи [5]),—У Сент-Фуа изъ этой цитаты приведена только одна первая строчка [6]). Обстоятельство это позволяетъ думать, что Карамзинъ или читалъ самыя записки Юліана, или, вѣрнѣе, выписалъ цитату изъ какого-нибудь другого описанія Парижа. Послѣднее предположеніе имѣетъ за себя также и то, что въ описаніи достопримѣчательностей Парижа Карамзинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишь перефразирующій Сент-Фуа [7]), въ другихъ, говоря о томъ же, сообщаетъ факты, у Сент-Фуа не приведенные [8]), и, наконецъ, даже говоритъ о нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ, у Сент-Фуа совсѣмъ не указанныхъ [9]).

Приведемъ для образца нѣсколько мѣстъ изъ Сент-Фуа, которыми воспользовался Карамзинъ для своихъ «Писемъ русскаго путешественника»:

Улица *Truanderie:*

...La petite Place du *Puits-d'Amour*... est à la pointe d'un triangle que forment ces deux

...Кучеру данъ былъ приказъ везти меня — къ *источнику любви*...

---

[1]) Saintfoix, I, 6. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 444. [3]) Ibid., 444.
[4]) Saintfoix, I, 8, 16. [5]) Карамзинъ, 444 (прим.). [6]) Saintfoix, I, 15. [7]) Карамзинъ, 526, 529, 531, 533, 535, 537, 573.
[8]) Ibid., 497, 551, 560, 575, 576, 577. [9]) Ibid., Люксембургъ, 500; Place-royale, 504; ул. Мальтуа, 536; Кенкампуа, 536; Церк. Св. Стефана, 574 и др.

rues avec celle Mondétour. Ce Puits fut ainsi nommé à l'occasion de la fin malheureuse d'une jeune fille qui s'y précipita et s'y noya, se voyant trompée et abandonnée par son amant; elle s'appeloit *Agnès Hellebic*, et son père tenoit un rang assez considérable à la Cour de Philippe-Auguste. Environ trois cents ans après, autre aventure à ce Puits: un jeune homme, désespéré par les rigueurs de sa maîtresse, s'y jetta, mais avec tant de bonheur, qu'il ne se blessa point et qu'elle eut le temps de lui faire descendre une corde, en l'assurant que désormais elle ne lui seroit plus cruelle. Il voulut marquer sa reconnoissance envers ce Puits et le fit refaire à neuf. Sauval [2]) dit que de son temps on lisoit encore sur la Mardelle, en lettres gothiques et mal gravées:

...Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго[1]) при дворѣ Филиппа-Августа, любила и страдала. Отъ Парижа далеко до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ черезъ 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человѣкъ, приведенный въ отчаянье жестокостью своей богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма счастливо; не утопился, не зашибся: и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовью, сердцемъ и рукою. Желая изъявить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ и готическими буквами написалъ:

---

[1]) Откуда Карамзинъ узналъ, что она была дочь «Конюшаго»? Вѣроятно, изъ другого источника.

[2]) Sauval Henri (1620—1670), «Histoire et recherches de anttiquités de la ville de Paris» (1724. г. v. Paris).

L'Amour m'a refait
En* 525 tout à fait.

L'auteur des *Evénemens nocturnes* prétend qu'un Missionnaire prêchant à Saint Jacques de l'Hôpital, s'éleva avec tant de force et de zele contre les rendez-vous qu'on se donnoit tous les soirs à ce Puits; contre les chansons, qu'on y chantoit; contre les danses lascives qu'on y dansoit; contre les serments qu'on s'y faisoit comme sur un Auteul... etc [1]).

L'Amour m'a réfait
En 1525 tout à fait.

«Въ 1525 году вновь меня перестроила любовь». Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣть нѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эротовъ. Наконецъ, одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родителямъ возможныя слѣдствія такихъ сходбищъ [2])...

Улица *des Ecrivains*:

La maison où demeurait Nicolas Flamel, fait le coin de cette rue et de la rue Marivault. On y voit encore sur un des gros jambages sa figure, à ce que l'on dit, et celle de Parnelle sa femme, avec des inscriptions gothiques et de prétendus hiéroglyphes. L'histoire de cet homme est singuliere; il étoit né sans biens de parens obscurs et sa profession d'Écrivain ne l'avoit pas mis à portée d'acquérir de grandes richesses. On le vit tout à coup, par ses libéralités, déce-

...Въ улицѣ *писателей* или *копистовъ* хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламель съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя готическими надписями и іероглифами...

...Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный копистъ; но вдругъ, къ общему удивленію, сдѣлался благотворителемъ неимущихъ и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцевъ семейства, на

[1]) Saint-Foix. I, 329—31. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 526—7.

ler une fortune immense. L'usage qu'il en fit, est bien rare: il fut riche pour les malheureux. Une honnête famille tombée dans l'indigence, une fille que la misere auroit peut-être entraînée dans le désordre, le Marchand et l'Ouvrier chargés d'enfants, la Veuve et l'Orphelin, étoient les objets de sa magnificence. Il fonda des Hôpitaux, répara quelques Eglises... [1]).

вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей...

(Подробно разсказано, какъ могъ онъ нажить деньги при помощи евреевъ [2]).

...нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ жидами, выгнанными тогда изъ Франціи...

...Plusieurs curieux ayant fait fouiller la terre dans les caves de sa maison y ont trouvé, dans différens endroits, des urnes, des phioles, des matras, du charbon et dans des pots de grès une certaine matiere minérale, calcinée et grosse comme des pois... [3]).

...Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли множество угольевъ, разныхъ сосудовъ, урнъ съ какимъ-то жесткимъ минеральнымъ веществомъ...

(Paul Lucas, путешествовавшій по востоку черезъ нѣсколько вѣковъ, сталъ утверждать, что Фламмель живъ и живетъ въ Индіи. Разговоръ Люкаса съ Дервишемъ).

(То же у Карамзина, только разговоръ съ Дервишемъ съ маленькими сокращеніями).

...Paul Lucas étoit pensionné de Louis XIV et voyageoit par

...Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ,

---

[1]) Saintfoix, I, 142—3. [2]) Ibid., 143—5. [3]) Ibid., 145.

son ordre: de pareilles rêveries que l'on trouve assez fréquemment dans son livre, ne font pas trop d'honneur au Ministre quil'a voit choisi et présenté [1])...

(Масоны копались въ развалинахъ дома Фламмеля, разсчитывая найти философскій камень [2]).

а то, что Людовикъ XIV посылалъ такого человѣка странствовать для обогащенія наукъ историческими свѣдѣніями...

Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламмеля, копалъ въ землѣ своею тростью, но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ... [3]).

Paroisse Saint Côme:

...Le Maréchal de Beaumanoir chassant dans une fôret du Maine en 1599, ses gens lui amenerent un homme qu'ils avoient trouvé endormi dans un buisson, et dont la figure étoit très singuliere; il avoit au haut du front deux cornes.. d'un bélier; il étoit fort chauve, et avoit au bas du menton une barbe rousse et par flocons, telle qu'on peint celle des Satyrs. Il conçut tant de chagrin de se voir promener de foire en foire, qu'il en mourut à Paris.., et l'on mit sur sa fosse une épitaphe assez plate, mais qu'on trouvoit apparemment fort plaisante dans ce temps-là:

...Въ церкви св. Кома погребенъ нѣкто Трульянъ рогатой человѣкъ. Онъ былъ представленъ за чудо Генриху IV-му, который подарилъ его своему конюшему [4]); а конюшій показывалъ его за деньги народу. Сей бѣдный сатиръ, крайне оскорбляясь своимъ уродствомъ, и умеръ съ горя...

...На гробѣ его вырѣзали эпитафію такого содержанія:

---

[1]) Saintfoix, I, 147—8. [2]) Ibid., 148—150. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 529.
[4]) Факты эти взяты Карамзинымъ изъ другого источника: у Saintfoix они не приведены.

*

Dans ce petit endroit à part	Здѣсь погребенъ *Трульякъ*.
Gît un très singulier Cornard	Не будучи женатъ,
Car il l'étoit sans avoir femme.	Сей жалкой человѣкъ (о диво!)
Passant, priez Dieu pour son ame [1]).	былъ рогатъ! [2]).

Точно такою же близостью къ Сенфуа отличается у Карамзина описаніе улицы des Pavillons [3]) (исторія Діаны де Пуатье), улицы du Temple [4]) (исторія Тампліеровъ; приведены длинныя рѣчи), Isle de Notre (Isle Notre-Dame) [5]) (разсказъ о собакѣ, изобличившей убійцу своего хозяина), улицы d'Enfer [6]) (таинственные разсказы о дворцѣ Роберта), de la Harpe [7]) (Palais des Thermes). Въ большинствѣ случаевъ, описаніе этихъ улицъ у Карамзина — простой перифразъ изъ Сенфуа.

Въ описаніяхъ другихъ достопримѣчательностей Карамзинъ не сходится съ Сенфуа. Говоря объ улицѣ Ferronerie, гдѣ былъ убитъ Генрихъ IV, Сенфуа подробно разсказываетъ, какъ произошло убійство — Карамзинъ только возмущается [8]). Говоря о домѣ Инвалидовъ, Saintfoix только сокрушается, что тамъ не воздвигнутъ монументъ героямъ, и ничего не говоритъ о самомъ учрежденіи,—Карамзинъ немного обстоятельнѣе: онъ приводитъ нѣсколько историческихъ фактовъ [9]). Въ описаніи собора Notre-Dame у обоихъ писателей упоминается о статуѣ Карла-Филиппа; больше сходства нѣтъ [10]). Въ описаніяхъ церквей св. Евстахія [11]), св. Женевьевы [12]), св. Виктора [13]), монастыря Кармелитокъ [14]), Сен-Жерменя [15])— у Карамзина нѣтъ ничего общаго съ Сенфуа.

Наконецъ, у Saintfoix нѣтъ описаній цѣлаго ряда достопримѣчательностей, которыя приведены у Карамзина: Люксан-

---

[1]) Saintfoix, II, 296. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 573. [3]) Saintfoix, I, 257—260.=К—нъ, Соч., II, 528. [4]) Saintfoix, I, 290—315=К—нъ, Соч., II, 531. [5]) Saintfoix, I, 210—215=К—нъ, Соч, II. 533. [6]) Saintfoix, I, 150—152=К—нъ, Соч., II, 535. [7]) Saintfoix, I, 188—191=К—нъ, Соч., II, 537. [8]) Saintfoix, I, 155—7=К—нъ, Соч., II, 530. [9]) Saintfoix, II, 284=К—нъ, Соч., II, 551. [10]) Saintfoix, II, 5—7=К—нъ, Соч., II, 569.
[11]) Saintfoix, I, 7, 174, 124; II, 305=К—нъ, Соч., II, 575.
[12]) Saintfoix. I, 174=К—нъ, Соч., II, 576. [13]) Saintfoix, I, 134 = К—нъ, Соч., II, 577, [14]) Saintfoix, I, 7, 199, 208=К—нъ, Соч., II, 579
[15]) Saintfoix, I, 207; II, 295=К—нъ, Соч., II, 579.

бургъ [1]) Пале-Рояль [2]), улица Мальтуа [3]), Кенкампуа [4]), Королевская Библіотека [5]), Сорбонская церковь [6]), церковь св. Стефана [7]), монастырь бенедиктинцевъ [8]) и др.

Въ заключеніе, приведемъ изъ Сенфуа то мѣсто, гдѣ онъ восхваляетъ Парижъ. Карамзинъ въ своихъ письмахъ говоритъ о Парижѣ почти то же самое. «...Où l'on trouve aussi aisément et aussi promptement tout ce qui est nécessaire et commode? Où le peuple soit aussi affable envers l'étranger? Où il y ait autant de fondations dictées par l'humanité, telles que celles des Invalides, des Enfants-trouvés et autres, dont nous avons donné l'exemple aux autres Nations? Où il y ait des Jardins publics aussi agréables et aussi bien entretenus? Autant d'amusements et variés? Où l'homme qui veut cultiver les Arts, les Sciences et les Belles-Lettres trouve autant de secours? Enfin, où l'on soit plus le maître de faire ce que l'on veut, pourvu que ce qu'on veut ne nuise à personne? [9])...

Разсказавъ нѣсколько эпизодовъ изъ прошлаго Фонтенебло, Карамзинъ указалъ на Дюлора, какъ источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія: «Сіи анекдоты взялъ я изъ Дюлора» [10]) — говоритъ онъ.

Дюлоръ—(Dulaure J. A.)—авторъ двухъ любопытныхъ сочиненій: «Nouvelle description des environs de Paris» (à Paris M DCC LXXXVI) и «Nouvelle description des curiosités de Paris (à Paris. 1791, 3-me édition) [11]). Оба эти произведенія имѣли для Карамзина огромное значеніе: они не только дали много матеріала для «Писемъ русскаго путешественника», но, вѣроятно, въ нѣкоторой степени, помогли Карамзину выработать манеру описывать разныя достопримѣчатель-

---

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 500. [2]) Ibid., 501. [3]) Ibid., 536. [4]) Ibid. [5]) Ibid., 548. [6]) Ibid., 570. [7]) Ibid., 574. [8]) Ibid., 579. [9]) Saintfoix, II, 331—5. Ср. К—на, Соч., II, 494—6, 648—9.

[10]) К—нъ, Соч., II, 137. [11]) Въ Имп. Публ. библ. изданія болѣе ранняго не оказалось.

ности живо и интересно. Дюлоръ постоянно пользуется различными историческими анекдотами «...pour instruire et amuser alternativement les Lecteurs» [1]). «J'ai taché de fairo disparaître l'aridité d'une nomenclature, indispensable dans une description aussi concise» [2]). «Un point non moins essentiel, peut être plus intéressant pour la plupart de mes lecteurs, ce sont les traits piquants, les anecdotes curieuses et souvent plaisantes qu'offre l'histoire des differens monumens et des institutions de la capitale. C'est surtout par ces traits qui peignent la nation, que je crois mériter le suffrage de ceux écrits sur la même matière» [3]). Какъ Дюлоръ, Карамзинъ всегда обращаетъ большое вниманіе на различныя гробницы, списываетъ эпитафіи. «A la vue des tombeaux des grands hommes des chef-d'oeuvres des arts, je me suis pénétré de cet enthousiasme, qu'excitent les grandes choses, et que j'ai taché de communiquer à mes lecteurs» [4]). «Parmi les épitaphes que j'ai rapportées, quelques-unes intéressent par leur singularité, quelques autres par les grands hommes, dont elles conservent la mémoire, et la plupart n'avoient pas encore été publiées et méritoient de l'être» [5]).

Приведемъ нѣсколько сопоставленій, изъ которыхъ нетрудно будетъ увидѣть, что описаніе окрестностей Парижа въ «Письмахъ русскаго путешественника» — сокращенный перифразъ сочиненія Дюлора.

Fontainebleau:

...Depuis ces deux époques plusieurs Rois ont séjourné à Fontainebleau et y ont fait des établissemens... S. Louis y fonda le Couvent des Religieux de la Sainte Trinité; et l'on voit beau-

...Ф. есть маленькій городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе короли забавлялись звѣриною ловлей, Св. Людовикъ подписывалъ на указахъ: donné en nos déserts de

---

[1]) Dulaure., «Nouv. description des envir. de Paris», Préf., Vj.
[2]) Dulaure, «N. descr. des curiosités de Paris», Préf., XV.
[3]) Ibid. [4]) Ibid., XIv. [5]) Ibid.

coup de lettres de ce Prince qui se terminent par ces mots: *Donné en nos Déserts de Fontainebleau*... François I-er a rencheri sur ses prédécesseurs, par les vastes constructions qu'il y a faites, par la magnificence et le bon goût, qu'il y a répandu [1])...

Fontainebleau (переводъ). Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря...

...Францискъ I-й построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Итальянскаго художества...

(...опредѣляетъ мѣсто, гдѣ).. ...le 6 Novembre 1657 fut assassiné le Marquis Monaldeschi par ordre de Christine, Reine de Suède, dont il étoit grand Ecuyer.. On dit que le Marquis de Monaldeschi étoit son Amant [2])..

...показываютъ то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 (?) году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Штальмейстера и любовника, Маркиза Мональдески..;

...En faisant l'histoire des Amours des Rois de France, *Sauval* nous peint les moeurs corrompues du siècle de François premier et d'Henri II. Les Poètes et les Peintres sembloient, suivant lui, concourir à maintenir dans l'esprit de ces Princes les images de la dissolution. Fontainebleau offroit à chaque pas des peintures ou sculptures licencieuses, capables d'alarmer la pudeur des uns et d'enflammer les désirs des autres. *On y voit, dit-il, des Dieux, des Hommes, des Femmes* et *des Déesses dui outragent la Nature et se*

...Соваль, адвокакъ Парижскаго Парламента, описывая *любовныя* похожденія королей французскихъ, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ...

...«Ступай въ Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивый адвокатъ, сконч. жизнь свою въ 1670 г.) — и вездѣ на стѣнахъ

[1]) Dulaure, „N. d. des envir" I, 161.

[2]) Ibid. 170—1.

plongent dans les dissolutions, les plus monstrueuses...

увидишь ты боговъ и богинь, мужчинъ и женщинъ, которые посрамляютъ натуру и утопаютъ въ морѣ распутства»...

...C'étoit dans le même tems, que *Sublet des Noyers*, Intendant des Bâtimens, fit brûler à Fontainebleau un Tableau peint par Michel Ange, qour le Duc de Ferrare, et que François premier avoit acheté très cher. Il représentoit Léda, dont la passion étoit si chaudement exprimée, qu'elle scandalisa le Surintendant, qui assurément n'aimoit pas la peinture [1])...

...Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда,—и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что губернаторъ не могъ видѣть ея безъ соблазна [2])...

Auteul:

...Il (C. D. Gendron) acheta la maison, qu'avoit jadis occupé dans ce Village le Poète Boileau Despréaux. Voltaire étant un jour allé lui rendre visite, fit cet impromptu sur cette maison:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais Enfans d'Apollon:
Sur le nom de Boileau, ces lieux virent Horace.
Esculape y paroît sous celui de Gendron.

...По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придворный Медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virant Horace.
Esculape y paroît sous celui de Gendron [3]).

...Dans un souper fait à Auteuil, où Boileau avoit invité ses meilleurs Amis, le vin fit passer

Помните-ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ Расинъ, Лафонтенъ, Шапель Мольеръ,

---

[1]) Dulaure, I, 173. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 436—7. [3]) Ibid., II, 608.

les convives de la joie la plus immodérée aux réflexions les plus chagrines. Cette triste maxime de quelques Sophistes anciens: *que le premier bonheur est de ne point naître, et le second de mourir promptement*, fit prendre à tous l'extravagante résolution d'aller se jetter dans la rivière. Les cerveaux étoient exaltés par le vin, la Seine étoit proche, ce projet alloit s'effectuer, lorsque le prudent Molière, représenta à ces raisonneurs enivrés qu'une si belle action ne devoit pas être ensévelie dans les ténèbres, et qu'elle méritoit d'être faite en plein jour à la face de tout Paris. Cette plaisanterie les arrêta, *Chapelle*, qui étoit de la partie, dit en riant: *Oui, Messieurs, ne nous noyons que demain matin; et en attendant allons boire le vin qui nous reste* [1])...

ужинали, пили, смѣялись и наконецъ вздумали *гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести, проклинать судьбу, находя, по словамъ одного греческаго софиста, что первое счастіе есть «не родиться, а второе умереть, какъ можно скорѣе». Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не всталъ съ мѣста и сказалъ имъ: «друзья! намѣреніе Ваше похвально; но теперь ночь: никто не увидитъ героическаго конца поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего: и тогда весь Парижъ будетъ свидѣтелемъ славной смерти дѣтей его!» Такая счастливая мысль всѣмъ полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, говорилъ: «правда, правда, утопимся завтра, а теперь допьемъ остальное вино!» [2])...

Часы въ Версали:

...Dans cette pièce est l'ancienne horloge du Roi, faite en 1706

...Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные

[1]) Dulaure, I, 14—15.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 607—608.

par Antoine Morand qui n'étoit point Horloger. Toutes les fois que l'heure sonne, deux coqs chantent chacun trois fois en battant des ailes; en même temps des portes s'ouvrent de chaque côté et deux figures en sortent, portant chacune un timbre en manière de bouclier, sur lequel deux Amours frappent alternativement les quarts avec des massues. Une figure de Louis XIV.. sort du milieu de la décoration; un nuage s'éléve au-dessus, d'où l'on voit descendre la victoire, portant une couronne, qu'elle tient sur la tête du Roi, tandis qu'on entend un carillon fort agréable, à la fin duquel tout disparoît et l'heure sonne [1])...

въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, который, подобно нашему Кулибину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякій часъ два пѣтуха поютъ, махая крыльями; въ ту же секунду выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ тимпаномъ, по которому два амура бьютъ всякую четверть стальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декорація является статуя Людовика XIV, а сверху на облакѣ спускается богиня побѣдъ и держитъ корону надъ его головой; внутри играетъ музыка и наконецъ все исчезаетъ [2])...

Приведемъ еще одинъ примѣръ большой близости Карамзина къ Дюлору въ манерѣ описывать природу.

Trianon le petit:

...Les jardins dessinés dans le genre Anglois réunissent les agrémens de la variété aux charmes d'une ingénieuse composition. C'est dans ce joli séjour que notre Reine vient souvent se délasser des contraintes de la Cour et préférer l'heureuse irrégularité de la Nature à la froide

...Садъ Тріанона есть совершенство садовъ англійскихъ;..

...нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ пріятный безпоря-

[1]) Dulaure, II, 267—8.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 596—7.

symétrie des arts. L'un étonne l'esprit par sa magnificence, l'autre pénètre l'ame de douces sensantions, par ses graces naives et son aimable simplicité. C'est l'effet que produit ce joli paysage...

...On y trouve de belles eaux, une isle au milieu de laquelle s'élève le Temple de l'Amour, formé d'une rotonde avec la statue du Dieu, un belveder de forme octogone élevé au dessus d'une vaste pièce d'eau irrégulière, des bosquets charmans, un jeu de bague, un hameau, une grotte dont le caractère sauvage produit un contraste bien frappant avec la pompe des lieux qui l'environnent, des collines des terres cultivées, des prairies, des groupes d'arbres; c'est le tableau riant de la nature avec toutes les graces d'un beau désordre [1])...

докъ, простота и красоты сельскія. Послѣ вѣликолѣпныхъ утомительныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу; снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно...

...Вездѣ свободно играютъ воды. Прелестный островокъ является взору; тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви...

...Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля луга, стада, хижинки, дикій гротъ [2])...

Вообще все, сказанное Карамзинымъ объ окрестностяхъ Парижа, поразительно близко къ Дюлору: почти все, что мы найдемъ у Карамзина—мы встрѣтимъ и въ выше цитованномъ сочиненіи Дюлора. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ описанія различныхъ парижскихъ окрестностей въ «Письмахъ Русскаго Путешественника»—болѣе или менѣе, сокращенный перифразъ изъ французскаго писателя. Эпитафіи, различные стишки

---

[1]) Dulaure, II, 239. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 605.

изъ Делиля, Вольтера, приводимые Карамзинымъ, встрѣчаются и у Дюлора. Особенно охотно повторялъ нашъ писатель историческіе анекдоты, которыхъ много подобралъ французскій авторъ. Для доказательства нашихъ словъ ссылаемся на цѣлый рядъ, болѣе или менѣе, сходныхъ мѣстъ: Сюрень [1]), Исси [2]), Версаль [3]), Мёдонъ [4]), Севэ (Севръ) [5]), Тріанонъ [6]), Отёль [7]), Аббатство Св. Дениса [8]), Багатель [9]), Марли [10]), Эрмитажъ [11]), Мон-Моранси [12]), Бельвю [13]), Эрменонвиль [14]), Шантильи [15]) и др.

Впрочемъ, спѣшимъ добавить, что нѣкоторыя добавленія, сдѣланныя Карамзинымъ къ Дюлору (Эрменонвиль — прибавлены лишнія надписи), выраженія его собственныхъ чувствъ, наконецъ, сравнительно небольшое количество описанныхъ окрестностей, — все это, какъ намъ кажется, доказываетъ, что Карамзинъ писалъ только о томъ, что самъ видѣлъ. Сочиненіе же Дюлора служило для него справочной исторической книгой, не болѣе...

Другое сочиненіе Дюлора, «Nouvelle description des curiosités de Paris», также оказало Карамзину большую услугу. Этой книгой онъ пользовался еще шире, чѣмъ предыдущимъ сочиненіемъ: мѣстами онъ дословно переводилъ изъ нея для своихъ «Писемъ русскаго путешественника» цѣлые куски. Приводимъ нѣсколько сопоставленій:

Louvre:

...Louis XIV habita longtemps le Louvre, qu'il abondonna pour Versailles... Depuis ce temps, ce vaste palais est tout entier consacré aux Académies

...Людовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалію, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ музами. Тутъ всѣ Академіи;

---

[1]) Dulaure II, 227=Карамзинъ, Соч., II, 552. [2]) D. I, 263=К. II, 554.
[3]) D. II, 257—309=К. II, 594—603. [4]) D. II, 70—71=К. II. 592.
[5]) D, II, 225=К. II, 594. [6]) D. II, 232=К. II, 604.
[7]) D. I, 13=К. II, 607. [8]) D. I, 119—152=К. II, 609.
[9]) D. I. 15—21=К. II, 612. [10]) D. II, 33—53 = К. 617
[11]) D. I, 248=К. II, 619. [12]) D. II, 103 = К. II, 619.
[13]) D. I, 24—7=К. II, 619. [14]) D. I, 165 =К. II, 624.
[15]) D. I, 50—71=К. II, 634.

de tous les genres, aux Savans et aux Artister. Les Académies Françaises, des Sciences et des Inscriptions et Belles-Lettres, celle de Peinture, de Sculpture et d'Architecture, y tiennent leurs séances et ont des appartemens qui leur sont particuliers...

тутъ жили и славные ученые, Авторы, Поэты, достойные королевскаго вниманія...

...La majesté royale ne pouvait être dignement remplacée que par le génie...

....Людовикъ, уступилъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя...

...Nous n'oublierons pas un trait qui honore la bienfaisance du Roi, et la reconnoissance des citoyens. Après que Louis XVI eut porte du secours à ceux des Parisiens que les rigueurs de l'hiver de 1784 avoient jetés dans la misère, on éleva, proche le Louvre, au passage du Coq un Obélisque de neige dédié à Louis XVI...

...Говоря о Луврѣ, нельзя не вспомнить о снѣжномъ обелискѣ, который въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности нынѣшнему Королю, покупавшему для нихъ дрова...

...Chacun, a l'envi, venoit payer le tribut de sa gratitude et de sa sensibilité, en attachant des Inscriptions, où lisoit l'expression du coeur des Français. Ce Monument de neige étoit plus éloquent, plus glorieux, que le marbre et le bronze érigé par la flatterie. Parmi le nombre prodigieux d'inscriptions qui le couvroit, on remarqoit ce quatrain:

...Всѣ парижскіе стихотворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была:

Louis, les Indigens, que ta bonté protège
Ne peuvent t'élever qu'un Monument de neige;
Mais il est bien plus cher à ton coeur généreux,
Que le marbre payé du pain des malheureux.

Мы дѣлаемъ Царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоцѣнный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ привезенный!

M. Jubault, propriétaire d'une maison voisine, pour conserver ce fait à la postérité, a depuis fait élever dans sa cour un Obélisque de marbre, sur lequel sont gravées les plus remarquables Inscriptions, qui étoient attachées à l'Obélisque de neige[1])...

Въ память сего трогательнаго случая, одинъ богатый человѣкъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близъ Тюльери, мраморный обелискъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента[2])...

Tuileries:

...Palais des Tuileries, ainsi nommé, parce qu'on y fabriquoit de la tuile. Cathérine de Médicis le fit bâtir en 1694... Toute la face de ce Palais consiste en cinq pavillons, et quatre corps-de-logis sur une même ligne. Les colonnes de la façade du côté du Carousel sont de marbre brun et rouge; sur l'entablement règne un fronton avec les armes de France [3])...

...Имя произошло отъ tuile, то есть черепицы, которую нѣкогда тутъ дѣлали. Сей дворецъ построенъ Катериней Медицисъ, состоитъ изъ пяти павильоновъ съ четырьмя *коръ-деложи*; украшенъ мраморными колоннами фронтономъ, статуями, и наконецъ изображеніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Людовика XIV [4])...

L'Académie Française:

...Sa devise: A l'Immortalité...

...Девизъ ея: *Безсмертію!*

---

[1]) Dulaure, II, 170--1.
[2]) Карамзинъ, Соч., II, 498.
[3]) Dulaure, II, 268—269.
[4]) К—нъ, Соч., II. 499.

...Il est malheureux pour cette société de devoir son existence à ce despote sanguinaire; car que des gens de lettres fassent, chacun à leur tour, l'éloge d'un ministre aussi cruel [1])...

Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому министру! Жаль, что всякой новый членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его [2])...

Интересно также сопоставить описаніе улицы Quincampoix:

...Rue Quincampoix; fameuse à jamais par le Bureau, d'où sortoient ces papiers nommés *Billets de Banque*...

...Шотландецъ Ло (Law) прославилъ улицу Кенкампуа: тутъ раздавались билеты его Банка...

...Une foule prodigieuse se précipitoit pour y changer son or en papier. Que de révolutions dans les fortunes ne causa pas le système de *Law*, auteur de cette Banque. «Le Bossu qui prêtoit sa bosse aux Agioteurs en forme de pupitre, s'enrichissoit en peu de jours; le Laquais achetoit l'équipage de son Maître; le démon de la cupidité faisoit sortir le Philosophe de sa retraite et on le voyoit se mêler à la foule des joueurs et négocier un papier idéal... Quand le rêve fut fini, il ne resta que des feuilles de papiers et l'auteur même de ce système alla mourir de misère à Vénise, après avoir possédé le mobiller d'un Monarque» (Tab-

...Страшное множество людей всегда тѣснилось вокругъ бюро, чтобы мѣнять луидоры на ассигнаціи...

...Тутъ горбатые торговали своими горбами; то есть, позволяли ажіотерамъ писать на нихъ, и въ нѣсколько дней обогащались. Слуга покупалъ экипажъ господина своего; демонъ корыстолюбія выгонялъ философа изъ ученаго кабинета и заставлялъ его вмѣшиваться въ толпу игроковъ, чтобы покупать мнимыя ассигнаціи. Сонъ исчезъ, осталась простая бумага, а авторъ сей несчастной системы умеръ съ голоду въ Венеціи, бывъ за нѣсколько времени пе-

[1]) Dulaure, I, 38.

[2]) Карамзинъ, Соч., 520—1.

leau de Paris. Tome III, page 63) [1]).

редъ тѣмъ роскошнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ — *Мерсье въ картинѣ Парижа* [2]).

Хотя Карамзину сочиненіе Мерсье и было знакомо, но можно съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что цитату эту онъ перевелъ не прямо изъ «Tableau de Paris», а взялъ изъ Дюлора, подобно тому, какъ выдержки изъ стихотвореній Делиля и Вольтера [3]) онъ цитировалъ, несомнѣнно, изъ того же Дюлора. Очевидно, описывая улицу Кенкампуа, онъ имѣлъ передъ глазами книгу Дюлора; это подтверждается сходствомъ вступительныхъ словъ, предшествующихъ цитатѣ. Не желая обременять работы длинными выдержками, укажемъ еще на цѣлый рядъ мѣстъ изъ «Писемъ русскаго путешественника», близкихъ, по содержанію и по формѣ, съ соотвѣтствующими мѣстами изъ сочиненія Дюлора.

Говоря объ улицѣ de la Harpe, Карамзинъ приводитъ анекдотъ о пирожникѣ Mignot [4]). Этотъ разсказъ, вмѣстѣ съ цитатой изъ Буало, взятъ у Дюлора [5]). Описаніе Королевской Обсерваторіи у Карамзина — почти дословный переводъ изъ Дюлора [6]). Разсказывая объ Отелѣ Инвалидовъ, нашъ писатель повторяетъ французскаго автора до такой степени, что даже трогательная картина изувѣченныхъ, престарѣлыхъ воиновъ есть не что иное, какъ близкій перифразъ изъ Дюлора [7]). Одно изъ лучшихъ описаній въ «Письмахъ русскаго путешественника» — описаніе памятника графу д'Аркуру [8]) — дословный переводъ изъ Дюлора [9]). Описывая монастырь Целестиновъ (des Célestins), Карамзинъ подробно разсказываетъ о приключеніи, происшедшемъ во время маскарада съ герцогомъ Орлеанскимъ [10]), — анекдотъ этотъ взятъ изъ Дюлора [11]). Подобная же близость наблюдается въ разсказѣ

---

[1]) Dulaure, II, 354—5. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 536—7.

[3]) К. II, 595=D. II, 259; К. II, 601—2=D. II, 282; К. II, 600=D. II, 281; К. II, 604=D. II, 237; К, II, 617=D. II, 34; и мн. др.

[4]) К—нъ, Соч., II, 537. [5]) Dulaure, II, 352—3. [6]) К—нъ, Соч., II, 550—1=D. II, 245—6. [7]) К—нъ, Соч., II, 551—2=D. II, 139—146.

[8]) К—нъ, Соч., II, 569—570. [9]) Dulaure, II, 242. [10]) К—нъ, Соч., II, 572. [11]) Dulaure, I. 188.

о судьбѣ Леона Армянскаго (цитата изъ Фруасара) [1]), о Малербѣ (тѣ же цитаты изъ Буало) [2]), о ссорѣ двухъ средневѣковыхъ художниковъ [3]), исторія Palais Royal [4]).

Нѣтъ у Дюлора описаній улицъ Pavillons, Ecrivains, Isle de Notre-Dame, des Enfers, Millecoeurs, Maltois и нѣкоторыхъ другихъ достопримѣчательностей.

Разсказъ о нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ у Карамзина до такой степени сжатъ, что, хотя описаніе ихъ есть и у Дюлора, говорить о заимствованіяхъ не приходится [5]).

Есть у Карамзина и дополненія къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были собраны Дюлоромъ. Въ Bibliothèque du Roi онъ находитъ отравленныя стрѣлы [6]), о которыхъ ничего не говоритъ французскій писатель, вообще очень обстоятельный [7]). Говоря о церкви св. Евстахія [8]), онъ говоритъ о Кольберѣ, чего нѣтъ у Дюлора [9]). Подробное описаніе одной картины Рубенса тоже есть только у Карамзина [10]).

Въ заключеніе, укажемъ, что число жителей Парижа, число слугъ, иностранцевъ, проживающихъ въ столицѣ [11]) — взято Карамзинымъ у Дюлора [12]), равно какъ и поговорка Карла V: «Lutetia non urbs, sed orbis» [13]). Вообще для насъ выяснилось, что для описанія Парижа Карамзинъ пользовался, главнымъ образомъ, Сенфуа и Дюлоромъ. Эти авторы дополняютъ одинъ другого.

Сочиненіе Архенгольца (J. W. Archenholz) «England und Italien» (Leipzig, 1787, 5 Th.) было хорошо знакомо Карамзину. Эта работа представляетъ изъ себя обстоятельное описаніе Англіи, заключающее въ себѣ не только очеркъ ея политическаго устройства, но и самое подробное изображеніе мельчайшихъ особенностей ея жизни частной и общественной. Авторъ не былъ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 572; Ср. D. II, 188. [2]) К—нъ, Соч., II, 579; Ср. D. II, 6. [3]) К—нъ, Соч., II, 581; Ср. D. II, 31—32. [4]) К—нъ, Соч., II, 504; Ср. D. II, 261. [5]) Нпр., К—нъ, Соч. II, 579; Ср. D. I, 20; К. II, 579; Ср. D. I, 172; К. II, 579, Ср. I, 108; К. II, 576; Ср. D. I, 15 и др. [6]) К—нъ, Соч., II, 549—550. [7]) Dulaure, I, 112—126. [8]) К—нъ, Соч., II, 575. [9]) Dulaure. I, 321—9. [10]) К—нъ, Соч., II, 501. [11]) К—нъ, Соч., II, 452. [12]) Dulaure I. 8. [13]) К—нъ, Соч., II, 451; Ср. D. I, 8.

одаренъ литературнымъ талантомъ, а потому произведеніе его написано сухо и тяжело; даже обиліе историческихъ анекдотовъ не оживляетъ ея, а лишь отягощаетъ своимъ количествомъ. Такимъ образомъ, съ изящными и живыми «Письмами русскаго путешественника» сочиненіе Архенгольца въ отношеніи характера и манеры изложенія ничего общаго не имѣетъ. Фактической же стороной оно Карамзину послужило несомнѣнно. Впрочемъ, къ Архенгольцу нашъ писатель отнесся очень самостоятельно: о многомъ онъ говоритъ совсѣмъ противное,—надъ англоманіей нѣмецкаго писателя онъ даже немного посмѣялся: «я читалъ въ Архенгольцѣ, пишетъ онъ, описаніе Кингс-Бенча, или темницы для неплатящихъ должниковъ,—описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ, великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный англоманъ описываетъ тюрьму едва-ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, пристрастіе Архенгольца къ англичанамъ сказывается довольно неумѣренно: онъ точно поставилъ себѣ задачей оправдать ихъ отъ тѣхъ обвиненій, которыя, часто повторяемыя всѣми путешественниками, сдѣлались какъ бы чертами ихъ характера. Англичане являются у него верхомъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: они вовсе не грубы [2]), а прямодушны, они благотворительны [3]), самоубійства у нихъ вовсе не часты [4]), по отношенію къ иностранцамъ они совсѣмъ не такъ грубы, какъ это думаютъ о нихъ [5]); воровъ и разбойниковъ у нихъ относительно немного [6]), торговля неграми для нихъ необходима [7]). Даже климатъ Англіи находитъ въ немъ защитника: этотъ климатъ, по его убѣжденію, вовсе не вреденъ для здоровья [8]). Карамзинъ ничего не писалъ въ «Пись-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II. 690—1. [2]) Archenholz, I, 74—5, 60. [3]) Ibid., 80—90. [4]) Ibid., 129. [5]) Ibid., III, 119. [6]) Ibid., II, 210. [7]) Ibid., I. 134. [8]) Ibid., 69.

махъ своихъ о торговлѣ играми, но во всемъ прочемъ онъ пришелъ къ мнѣніямъ прямо противоположнымъ [1]). Но, если во многомъ нашъ юный путешественникъ не поддался вліянію Архенгольца, то разсужденія его о семейной жизни англичанъ лишь повторяютъ и развиваютъ основныя мысли нѣмецкаго автора.

«Der Nationalhang zur Melancholie, говоритъ Архенгольцъ, macht die Weiber ernsthaft und verursacht, dass sie weniger den Vergnügungen, als ihren Männern und ihrem Hauswesen ergeben sind. Die Vornehmen sogar stillen selbst ihre Kinder, weil sie es für keine Schande halten, sich als Mütter zu zeigen und weil sie glauben, dass die kleine Verringerung ihrer Reize die sie etwa dabei leiden möchten, nicht die mütterliche Zärtlichkeit und deren angenehme Folgen aufwiegen könne. Bei allen Ausschweifungen, die hier bis aufs höchste getrieben werden, sind verheirathete Frauenzimmer doch selten der Gegenstand verliebter Angriffe. Die Liebe zu ihrer Familie und ihrem Hauswesen, nebst ihrer natürlichen Ernsthaftigkeit, sind ihre Bollwerke; daher man kühn behaupten kann, dass in keiner grossen Stadt in Europa die eheliche Treue von Seiten der Weiber so wenig verletzt wird, wie in London» [2]).

О красотѣ англичанокъ оба говорятъ довольно близко:

...Von allen Schönen, was diese Insel zeigt, ist nichts so bewundernswürdig, als die Reize des schönen Geschlechts. Diese haben eine so gewaltige Wirkung, dass jeder Ausländer, von welcher Nation er auch immer sein mag, ohne Bedenken den Engländerinnen den Apfel des Paris zuerkennt [3])...

...Англію можно назвать землею красоты—и путешественникъ, который не плѣнится миловидными англичанками, который — особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ—можетъ смотрѣть равнодушно на нихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце etc. [4])...

---

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 677, 685, 776—7, 665, 780, 779, 773, 774.

[2]) Archenholz, III, 69; Ср. К—на. Соч., II, 739—743.

[3]) Archenholz, III, 68.

[4]) К—нъ, Соч., II, 660.

Приведемъ еще нѣсколько сопоставленій.

Обычай при входѣ въ домъ:

...Die Hausthüren in England, wenn keine Kramläden dabei sind, werden gewöhnlich verschlossen. Dieses verursacht einen sonderbaren Gebrauch. Die Klopfenden nämlich geben durch die Schläge an der Thür ihren Stand zu erkennen. Ein Bedienter des Hauses... giebt nur einen Schlag... ein Mann vom Mittelstande schlägt zweimal an [1])...

...изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, которыя всегда бываютъ заперты. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два... (NB, далѣе число ударовъ у Карамзина не совпадаетъ съ числомъ, показаннымъ у Архенгольца) [2])...

Убранство комнатъ:

...Die Tische und Stühle in den besten Zimmern sind von Mahagoniholz... die Fusstapeten zierlich, und die Kamine gewöhnlich mit Geschmack verziert [3])...

...вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки... Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами [4])...

...Sie (Англичане) sitzen daher auch nur kurze Zeit bei der Esstafel, um nur bald zu der geliebten Trinktafel zu kommen. An dieser nimmt das Frauenzimmer keinen Antheil, sondern sie entfernen sich um den Mannspersonen desto mehr Freiheit zu lassen... Nun werden unter politischen Gesprächen beständig Gesundheiten getrunken, die alle Anwesende nach der Reihe bestimmen...

...Мужчины пьютъ, женщины говорятъ между собою потихоньку, и скоро оставляютъ насъ однихъ... ставятъ множество бутылокъ: снова пить — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое [5])...

---

[1]) Archenholz, III, 22—3.
[2]) К—въ, Соч., II, 692.
[3]) Archenholz, III, 21.
[4]) К—въ, Соч., II, 681.
[5]) Archenholz, III, 9—10.
[5]) К—въ, Соч., II, 685.

О характерѣ англичанъ:

...Da in England Bisarrerien aller Art so überaus häufig sind, so hat man dafür einen eignen Namen. Man nennt eine solche Handlung «a Whim» [1])...

...Не отъ *сплина*-ли происходятъ и многочисленныя англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались-бы безуміемъ, а здѣсь называются только своенравіемъ или whim [3])?..

...Die englischen Jahrbücher sind voll von bisarren Entwürfen und Unternehmungen aller Arten [2])...

...Я могъ бы выписать изъ англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ [4])...

Далѣе у Карамзина приведено нѣсколько примѣровъ англійскаго whim, которые всѣ въ болѣе распространенномъ видѣ среди другихъ приведены у Архенгольца [5]).

Полнѣйшая независимость, diese Sitten Originalität ist die Ursache der Vortreflichkeit der englischen Komödien und Romane [6])...

...Эта неограниченная свобода... производитъ въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ [7])...

Хотя описаніе Кингс-Бенча Карамзину не понравилось, онъ, тѣмъ не менѣе, даетъ тѣ-же фактическія данныя, что и Архенгольцъ: «есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные домы, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Кингс-Бенчѣ — это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерицы, тамъ сидящія, отправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замужней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ, бѣднякъ, или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Послѣднее спасеніе для дѣ-

---

[1]) Archenholz, III, 82—3.
[2]) Ibid., III, 102.
[3]) Карамзинъ, Соч., III. 780.
[4]) Ibid., 781.
[5]) Archenholz, III, 82—114.
[6]) Ibid., 61.
[7]) К—нъ. Соч., III, 781.

вицы или вдовы, которая не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ, есть въ Англіи замужество» [1]).

О природѣ Англіи Карамзинъ говоритъ очень много, очевидно, подъ вліяніемъ Морица, но и у Архенгольца можно найти нѣсколько строкъ, которыя довольно близки къ карамзинскимъ «Письмамъ»: «...ist die Insel einem Garten ähnlich. voller romantischer Aussichten und Gegenden, die an manchen Orten den schönsten in Italien gleich kommen. Der Wohlstand der Einwohner; die Zierlichkeit und Reinlichkeit ihrer Häuser, selbst auf den Dörfern; die schönen Landstrassen; das vortreflich angebaute, und mit Alleen verzierte Land; die herrlichen Parks; alles zusammen bildet ein Ganzes, welches der kälteste Beobachter bewundern muss» [2]). Все это, впрочемъ, гораздо живѣе и талантливѣе, нѣсколько разъ высказывалъ Карамзинъ [3]).

Есть еще нѣкоторое сходство въ описаніи лондонскихъ «кофейныхъ домовъ» [4]), выборовъ въ парламентъ [5]), (причемъ у Архенгольца приведенъ живой разсказъ Linguet о торжествѣ Фокса) [6]), береговъ р. Темзы [7])... Обычай поздно вставать [8]), пристрастіе англичанъ къ сельской жизни [9]), тротуары и освѣщеніе улицъ [10]), (причемъ у Архенгольца разсказывается о *Монакскомъ* принцѣ, принявшимъ это освѣщеніе за иллюминацію), неудобное положеніе собора св. Павла [11]), перечисленіе эпитафій въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ [12]), статуи при входѣ въ Бедламъ [13]), обычай не выходить изъ дому по ночамъ или слишкомъ рано и не брать много денегъ изъ опасенія разбойниковъ [14]), перечисленіе родовъ разбойниковъ [15]),— все это найдемъ и у Архенгольца, и у Карамзина.

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 691. Ср. Archenholz, II, 169—180. [2]) Archenholz, I, 127—8. [3]) К—нъ, Соч., II. 664, 739 и др. [4]) Archenholz, III, 6. Ср. К—на, Соч., II, 673. [5]) Archenholz, I, 24—46. Ср. К—на, Соч., II, 725. [6]) Archenholz, I, 36—38. [7]) Archenholz, I, 132. Ср. К—на, Соч., II, 720. [8]) Archenholz, I, 185. Ср. К—на, Соч., II, 682. [9]) Archenholz, I, 186. Ср. К—на Соч., II, 739. [10]) Archenholz, I. 195—6, 198. Ср. К—на, Соч., II, 680, 671. [11]) Archenholz, I, 199. Ср. К—на, Соч.. II, 702. [12]) Archenholz, I, 201—206. Ср. К—на, Соч. II, 759. [13]) Archenholz, II, 5—6. Ср. К—на, Соч., II, 691—2. [14]) Archenholz, II, 208—9. Ср. К—на, Соч., II, 731. [15]) Archenholz, II, 210. Ср. К—на, Соч., II, 730—1.

Хотя нашъ путешественникъ и разочаровался въ Англіи [1]), тѣмъ не менѣе, много достоинствъ нашелъ онъ у англичанъ, достоинствъ, указанныхъ раньше него Архенгольцемъ и подтвержденныхъ цѣлымъ рядомъ анекдотовъ. Ихъ чистоплотность [2]), умственная независимость [3]), любовь къ родинѣ [4]), національная гордость [5]),—всего этого Карамзинъ, какъ извѣстно, не только не отвергалъ [6]), но даже выставилъ это въ своихъ «Письмахъ», какъ характерныя черты англійской націи.

Сочиненіе Nikolai, «Berlin et Potsdam» [7])—было тоже знакомо Карамзину; онъ, разсказывая о порядкахъ Берлинской Королевской библіотеки, говоритъ: «такимъ образомъ Д** взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть» [8]). Но, вѣроятно, Карамзинъ ничего не вынесъ изъ чтенія этой книги,—до такой степени она неудобочитаема: это подробнѣйшій перечень улицъ, церквей, общественныхъ зданій и т. д., не освѣщенный ни одной живой чертой. Потому, можетъ быть, и описаніе Берлина въ «Письмахъ русскаго путешественника» отличается бѣглостью, неполнотою: у Карамзина не было подъ руками такихъ обстоятельныхъ описаній, какія были для Парижа и Лондона,—приходилось, главнымъ образомъ, руководствоваться бѣглыми, отрывочными замѣтками, спѣшно набросанными въ записной книжкѣ. При описаніи Потсдама Николаи, впрочемъ, нѣсколько оживляется: «Potsdam est fort régulièrement bâti. Les rues sont bien pavées, larges, grandes et belles. Les maisons sont pour la plupart massives et neuves, à deux, trois et quatre étages. Les contrées d'alentour sont riantes et fort riches en curiosités naturelles. Les forêts, les collines couvertes de bosquets, les vignes situées le long du Havel, forment un aspect qui enchante les yeux» [9]).—«Mais c'est principalement le Roi régnant qui a extraordinairement embelli Potsdam en y faisant construire de très belles

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 773. [2]) Archenholz, III, 72. [3]) Ibid., I, 3. [4]) Ibid., I, 5—6. [5]) Ibid., I, 71. [6]) К—нъ, Соч., II, 663, 681, 739, 781, 778. [7]) Мы могли воспользоваться только франц. переводомъ. [8]) К—нъ. Соч., II, 62. [9]) Nikolai, I, 492.

maisons et des Palais magnifiques, aussi bien qu'en augmentant considérablement l'étendue de la Ville» [1]). У Карамзина о Потсдамѣ говорится приблизительно тоже [2]), но едва-ли здѣсь можно говорить о вліяніи работы Николаи.

Изъ авторовъ сочиненій описательнаго характера, указанныхъ Карамзинымъ въ его «Письмахъ», кромѣ выше разсмотрѣнныхъ, встрѣчаемъ еще имена Дю-Пати [3]), Таверные [4]), Вальяна [5]), Павла Люкаса [6]) и Шарденя [7]). Первый авторъ, описавшій путешествіе въ Италію («Voyage en Italie», 1785, 3 t.) имѣлъ значеніе для Карамзина исключительно съ литературной стороны. Его произведеніе написано совершенно въ духѣ Морица, а, стало быть, и Карамзина. Прочіе же писатели—авторы различныхъ путешествій, извѣстны, быть можетъ, Карамзину и не только по имени, но для «Писемъ русскаго путешественника» особеннаго значенія не имѣютъ, такъ какъ посвящены описаніямъ земель, Карамзину непосредственно незнакомыхъ: Таверные описалъ—Азію (Tavernier J. B., «Les six voyages de... en Turquie, en Perse, et aux Indes pendant l'espace de quarante ans etc...» à Paris 1678, 2 v. in 12), Вальянъ—Африку (Le Vaillant, «Voyage dans l'intérieur de l'Afrique; par le cap de Bonne-Espérance, dans les années 1780—85». Paris, 1790, 2 t. in 4), Люкасъ—Грецію, Малую Азію и Африку (Lucas Paul, «Voyage dans la Grèce, l'Asie Mineure, la Macédoine et l'Afrique». Paris, 1712, 2 v. in 12) и Шардэнь—Персію (Chardin, «Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient». Amsterd., 1711, 10 v. in 12).

И, наконецъ, мы встрѣчаемъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» длинный списокъ историковъ французскихъ, оставившихъ послѣ себя, по словамъ Карамзина, описанія Парижа. «Окружить-ли мнѣ себя твореніями Іоанна Готвиля [8]), Виль-

---

[1]) Nikolai, I, 490. [2]) К—нъ, Соч., II, 74. [3]) Ibid., 353, 453.
[4]) Ibid., 332, 334. [5]) Ibid., 605—6. [6]) Ibid., 335. [7]) Ibid., 335.
[8]) Hauteville (Jean), поэтъ XII в., оставилъ послѣ себя поэму, хорошо изображ. нравы эпохи. „Joannis Archithrenii opus“ (1184), изд. 1517 въ Парижѣ.

гельма Коррозета [1]), Клавдія Фошета [2]), Николая Бонфуса [3]), Якова Берля [4]), Маленгра [5]) Соваля [6]), Дом-Фелибьеня [7]), Коллетета [8]), де-ла-Мара [9]) Брисса [10]), Буассо [11]), Праделя [12]), ле-Мера [13]), Монфокона [14]). Ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ авторовъ, и показать-ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ и т. д.» [15]). Произведенная нами справка доказываетъ, что едва ли Карамзинъ могъ «ослѣпить» чьи бы то ни было глаза «ученою пылью сихъ авторовъ»: 1) многіе изъ этихъ авторовъ исторіей Парижа и не занимались, 2) все, что сказалъ Карамзинъ объ историческомъ прошломъ Парижа, было сказано

---

[1]) Corrozet (Gille): a) „Les Antiques érections., histoire très utile et délectable nouvellement mise en lumière", Paris, 1535, in 8, b) „La Fleur des Antiquitez, singularitez et excellences de la plus noble et triumphante ville et cité de Paris etc". Paris, 1532. [2]) Fauchet (Claude): a) „Antiquités gauloises et françoises contenant les choses advenues en Gaule depuis l'an du monde 3379 jusqu'à Clovis", Paris, 1579, 2 v. b) „De la ville de Paris et pourquoi les rois l'ont choisi pour leur capitale. [3]) Bonfous (Pierre). „Antiquités de Paris. [4]) такого писателя въ справочныхъ изд. не находится. Не опечатка-ли въ русской транскрипціи имени? [5]) Malingre (Claude): a) „Traicté de la loy Salique, armes, blazons et devises des François, dans lequel il est traité de l'origine du nom François", 1614, in 8, b) „Antiquitez de la ville de Paris, contenant la recherche nouvelle des fondations et établissements des églises, monastères, hopitaux etc.", Paris, 1640, in fol. [6]) Sauval (Henri) посмертн. изд. „Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris», 1724, 2 v., Paris, in 4. [7]) Félibien (dom Michel): a) „Histoire de l'abbaye royale de Saint-Denis en France", 1706. b) „Projet de l'histoire de la ville de Paris", 1713. [8]) Colletet (François): a) „Abregé des antiquités de la ville de Paris, contenant les choses les plus remarquables tant anciennes que modernes", Paris, 1664, in 12. b) Abregé des Annales de Paris», 1664, in 12. c) „La ville de Paris, contenant le nom des rues, de ses fauxbourgs, églises etc."...Paris, 1689, in 12. [9]) De la-Mare (Nicolas): „Traité de police», Paris, 1722, 4 v. in fol. [10]) такого писателя въ справочн. изданіяхъ не находится. [11]) Boisseau (Jean): „Topographie françoise ou représentation de plusieurs villes, bourgs, chasteaux, maisons de plaisance, ruines etc", Paris. 1641, in fol. [12]) Du Pradel (Abraham): „Le livre commode contenant les adresses de la ville de Paris et le trésor des almanachs pour l'année bissextile 1692 etc.", Paris, 1692, in 8. [13]) Le Maire: «Histoire et antiquitez de la ville et duché d'Orleans augmenté des antiquités des villes dépendantes du chasteles et bailliage d'Orléans etc.», Orleans, 1648, in fol. [14]) Montfaucon (Bern): a) «L'antiquité expliquée et représentée en figures», Paris, 1719, 5 t. in fol. b) «Les Monumens de la monarchie françoise», Paris, 1729—33. 1 vol., in fol.

[15]) Карамзинъ, Соч.. II, 445.

уже или у Сенфуа или у Дюлора: стало быть, пользовался онъ только этими компилятивными сочиненіями, не обращаясь къ старымъ фоліантамъ, а, 3) всѣ эти авторы принадлежатъ къ XVII в., большинство изъ нихъ интересуется сѣдою стариною, о которой Карамзинъ говорилъ мелькомъ. Стоитъ хотя бы сравнить сочиненія Соваля («Histoire et Recherches des Antiquités de la ville de Paris»), на котораго Карамзинъ ссылается два раза въ своихъ «Письмахъ» [1]), съ произведеніемъ нашего путешественника, и мы увидимъ, что, даже говоря объ одномъ и томъ же, они говорятъ разное [2]). Соваль кропотливо разрабатываетъ исторію каждаго учрежденія, устройства улицы, постройки общественнаго зданія, собщаетъ цѣликомъ документы, уставы и т. п... Длинная цитата изъ Соваля взята, какъ мы имѣли случай выше говорить, несомнѣнно, изъ Дюлора.

Разсмотрѣнными сочиненіями оканчивается рядъ произведеній описательнаго характера (путешествія, описанія городовъ), указанія на которыя мы находимъ въ «Письмахъ русскаго путешественника». Кромѣ этихъ сочиненій, есть цѣлый рядъ справочныхъ изданій и «путешествій», на которыя въ «Письмахъ русскаго путешественника» нѣтъ никакихъ ссылокъ, хотя они были знакомы Карамзину и для «Писемъ» его дали нѣкоторый матеріалъ. Нѣсколько изъ такихъ сочиненій найдены нами случайно при послѣдовательномъ чтеніи находящихся въ Императ. Публичной библіотекѣ сочиненій, по содержанію и по времени изданія близкихъ къ «Письмамъ русскаго путешественника».

Особенно интересно въ этомъ отношеніи двухтомное сочиненіе: «Londres et ses environs ou guide des voyageurs...», изданное въ Парижѣ. Оно было хорошо знакомо Карамзину, что выясняется изъ сличенія этой работы съ «Письмами русскаго путешественника»: хотя Карамзинъ ни разу не ссылается на это

---

[1]) Карамзинъ, Соч. II, 437, 445. [2]) Тюльери: Sauval, I, 79; II, 52=К—нъ, 499; Пале-Рояль: S. II, 158=К—нъ, 504; Инвалидный Домъ: S. I, 536—59=К—нъ, 551; Notre-Dame: S. I, 279—90. К—нъ, 569; Сорбонская церковь: S. I, 467=К—нъ, 570; des Célestins: S. I, 456=К. 572; св. Евстафія: S. I, 437=К—нъ, 575; св. Женевьевы: S I, 260=К—нъ, 576; св. Виктора: S. I, 408=К—нъ, 577; св. Илера: S. I, 411=К—нъ, 581 и др.

анонимное сочиненіе, онъ очень охотно черпаетъ изъ него для своихъ «Писемъ». Написана эта работа въ подражаніе описаніямъ Парижа (въ родѣ Saintfoix и Dulaure) и предназначена,—«à faire connoître le génie, les moeurs, les usages du peuple Anglois» [1]).

Говоря о характерѣ англичанъ, авторъ описанія Лондона цитуетъ Фильдинга (учредитель въ Лондонѣ полиціи), утверждавшаго, между прочимъ, что слово humour нельзя перевести точно однимъ словомъ. У Карамзина встрѣчаемъ переводъ этого мѣста почти буквальный съ ссылкой *прямо* на Фильдинга.

...*humour*, qu'on ne peut rendre en françois que par la réunion des divers sens attachés à *gaîte*, *plaisanterie* et *sarcasme* [2])...

...Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ нельзя выразить смысла англійскаго слова *humour*, означающаго и *веселость*, *и шутливость*, и *замысловатость* [3])...

Говоря объ англійскихъ тюрьмахъ, авторъ «Описанія Лондона», говоритъ, что онѣ лучше другихъ по внѣшности; при этомъ каламбуритъ пословицей: «il n'y a point de belles prisons». Карамзинъ, говоря о внутреннемъ устройствѣ ихъ, опровергаетъ эту же пословицу.

...Le mot: *il n'y a point de belles prisons* est proverbial, on ne peut cependant le prendre absolument au pied de la lettre pour les prisons de Londres, dont quelques unes sont de très beaux édifices [4])...

...Англійскія(тюрьмы)должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и французская пословица: il n'y a point de belles prisons здѣсь отчасти несправедлива [5])...

Соединеніе въ одной тюрьмѣ убійцъ съ должниками ужасаетъ Карамзина и внушаетъ ему тѣ же мысли, какія мы встрѣчаемъ при описаніи той же тюрьмы въ вышеуказанномъ сочиненіи.

...on ait été forcé de réunir dans la même enceinte les pri-

...Въ Невгатѣ заключаются не только преступники, но и бѣд-

---

[1]) Londres., I, 2. [2]) Ibid., 14. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 775.
[4]) Loubres., I, 354. [5]) К—нъ, Соч., II, 686.

sonniers pours dettes. et ceux qui de leurs cachots passent sur l'échafaud. Il est vrai, qu'ils n'ont point de communication ensemble; mais ils respirent le même air, et pareil voisinage ne peut être qu'une aggravation des maux, auxquels un malheureux débiteur est en proie [1])...

ные должники; они раздѣлены съ первыми одною стѣною! Такое сосѣдство ужасно! И добрый человѣкъ можетъ разориться; каково-же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями...? [2])...

Приведемъ для образца отрывокъ изъ описанія собора св. Павла. Порядокъ описанія у Карамзина—тотъ же; едва-ли это случайно.

...Les quatres figures qui embellissent la base, sont la Grande Bretagne, armée d'une lance, la France, courronnée, l'Irlande, tenant une harpe et l'Amérique—un arc [3])...

...Не хочу говорить о статуяхъ Великобританіи съ копьемъ, Франціи съ короной, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ [4])...

...Ce portique a son fronton ainsi que l'antre; on y voit un phoenix s'élevant au-dessus des flammes, avec cette légende: *Resurgam*, allusion ingénieuse à la restauration au temple après l'incendie qui l'avoit détruit [5])...

...Я замѣтилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронтонѣ портика изображенъ фениксъ, вылетающій изъ пламени съ латинскою надписью: *воскресаю!* что имѣетъ отношеніе къ возобновленію этой церкви, разрушенной пожаромъ [6])...

Описаніе White Tower и Арсенала также поразительно схожи въ обоихъ произведеніяхъ: тотъ же порядокъ описанія, тѣ же подробности:

...On commence par voir les bêtes féroces; de-là on vous conduit au magasin où sont déposées les dépouilles de l'Armada Espagnole...

...Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей... а потомъ большую залу, гдѣ хранятся трофеи побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго

---

[1]) Londres..., I, 113. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 690. [3]) Londres..., I 119.
[4]) К—нъ, Соч., II, 701—2. [5]) Londres..., I. 121. [6]) К—нъ. Соч., II, 702.

славную Гишпанскую Армаду [1])...

..On est conduit ensuite au grand arsenal, où du premier coup d'oeil l'on voit, dans le plus bel ordre, des armes pour 80000 hommes, étincelantes de leur poli et prêtes à servir au premier ordre [2])...

...Оттуда мы пошли въ большой арсеналъ. Одно слово—и 100000 человѣкъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ... Все составлено изъ оружія, которое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ [3])...

...Au rez-de-chaussée, au-dessous du petit arsenal, est déposé le train royal d'artillerie... entre 20 piliers, auxqueles sont suspendus, de haut en bas ..des trophées d'étendards et de drapeaux enlevés à l'ennemi [4])...

...Внизу подъ малымъ арсеналомъ... стоитъ королевская артиллерія между столбами, на которыхъ висятъ знамена, въ разныя времена отнятыя англичанами у непріятелей...

...C'est dans cette même salle que l'on voit les réprésentations des Rois et guerriers célèbres, Ils sont à cheval, équipés, vêtus et couverts de mêmes armures, qu'ils portoient dans les combats, où ils se sont illustrés [5])...

...Тутъ-же вы видите изображеніе знаменитѣйшихъ англійскихъ королей и героевъ; каждый сидитъ на лошади, въ *своихъ* латахъ и съ мечомъ *своимъ* [6])...

...De-là vous passez à la salle où l'on garde les joyaux de la couronne; on vous montre d'abord celle dont tous les Rois d'Angleterre ont été couronnés depuis Edouard le Confesseur, en 1042; elle est d'or, enrichie de diamans, de perles, de rubis,

...Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоцѣнныхъ камней...

---

[1]) Карамзинъ, Соч.. 707. [2]) Londres..., I, 168—169. [3]) Ibid. 708.
[4]) Londres..., I. 169. [5]) Ibid., 170. [6]) К—нъ, Соч., II, 708.

d'émeraudes, de saphirs et autres pierres précieuses; à côté est le globe d'or que le Rois porte de sa main droite avant d'être couronné:.. sur sa partie supérieure on remarque une améthiste violette, haute de près d'un pouce et demi...

...золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ...

...L'épée royale, dite *de clémence* ...on la porte nue devant le Roi entre les deux épées de *justice* (la spirituele et la temporelle)..

...такъ называемые *мечи милосердія, духовнаго и временнаго правосудія*, носимые передъ англійскими королями въ обрядѣ коронованія...

..Vient ensuite la couronne d'état que le Roi porte lorsqu'il siège au Parlement. Elle est extrêmement riche, on y remarque une émeraude ronde, les plus belles perles qu'on connoisse, et un rubis d'un prix tres considérable [1])...

...пребогатый *государственный вѣнецъ*, надѣваемый королемъ для присутствія въ Парламентѣ и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ [2])...

Впрочемъ, кромѣ перечисленныхъ достопримѣчательностей, Карамзинъ говоритъ еще объ изображеніи Чернаго Принца (въ арсеналѣ) и топорѣ, которымъ отрубили голову Аннѣ Грей, о чемъ въ вышеозначенномъ сочиненіи не упоминается. Описывая королевскій дворецъ, Карамзинъ, вслѣдъ за авторомъ «Londres et ses environs», говоритъ почти то же:

the Queen's palace.

..C'est, à proprement parler, la résidence privée de Leurs Majestés, qui ne paroissent au

Тутъ (С.-Джемскій дворецъ) король обыкновенно показывается чужестранымъ мини-

---

[1]) Londres..., I, 170—2.

[2]) К—нъ. Соч., II, 708.

Palais de S. James que pour tout ce qui est d'étiquette de Cour [1])...

...ce qui fixe plus particulièrement l'attention de connoisseurs, ce sont les fameux cartons de Raphaël.. Raphaël avoit dessiné douze cartons, le Roi de France en a deux, deux autres sont en possession du Roi de Sardaigne. Un Gentilhomme Anglois, possesseur du douzième, ayant emprunté une somme d'argent pour laquelle il l'avoit donné en nantissement, a eu chagrin de le retirer très-endommagé [3])..

страмъ и публикѣ; а живетъ въ королевскомъ дворцѣ [2])..

...Всего любопытнѣе славныя Рафаелевы картины или рисунки; ихъ всего 22: 7 у королевы англійской, два у короля французскаго, два у сардинскаго, а двѣнадцатый у одного англичанина, который, занявъ для для сего драгоцѣннаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный [4])...

Говоря о Виндзорскомъ дворцѣ, Карамзинъ перечисляетъ портреты красивыхъ женщинъ, выставленные въ «залѣ красоты» (chambre des beautés). Въ тоаъ же порядкѣ перечислены имена красавицъ въ «описаніи Лондона [5]). Описаніе Гринича у Карамзина составлено прямо по этому же сочиненію; всѣ фактическія данныя заимствованы оттуда:

...Il y a actuellement dans cet hôpital près de 2000 marins, et 100 enfans de matelots.. Chaque marin a par semaine sept pains, pesant chacun seize onces, trois livres de boeuf, deux de mouton, une pinte de pois, une livre un quart de fromage, deux pains de beurre,

...Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждый получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, два фунта баранины, $1^1/_2$ фунта сыру, столько-же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ [6])...

---

[1]) Londres..., I, 48. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 709 [3]) Londres..., I, 49—50.
[4]) К—нъ, Соч., II, 709. [5]) К—нъ, Соч., II, 716. Ср. Londres..., I, 256—7.
[6]) К—нъ, Соч., II, 723.

quatorze quatres de bierre et un schelling pour du tabac [1])...

Поразительно сходно также у Карамзина описаніе Британскаго музея. Прежде всего въ «Londres»... мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ главъ, посвященныхъ описанію разныхъ достопримѣчательностей; описаніе ихъ занимаетъ четыре страницы, — у Карамзина мы видимъ только перечень названій этихъ главъ.

Antiquitates Aegypticae; antiquitates Etruscae; Antiquitates Romanae; Sacrificing instruments; American idols [2])..

...видѣлъ я... множество древностей Египетскихъ, Этрусскихъ, Римскихъ, жертвенныхъ орудій, Американскихъ идоловъ и пр. [3])...

Затѣмъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» слѣдуетъ почти дословный переводъ:

...un vase de terre blanche et poreuse, qui a une propriété singulière; si on la remplit d'eau et que l'on insinue de la graine de salade dans ses pores extérieurs, elle germe, croît et est bonne à couper en peu de jours [4])...

...Мнѣ показывали одну...глиняную ноздреватую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: естьли налить ее водою и вложить въ которой-нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распустится и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву [5])...

Описаніе окрестностей Лондона у Карамзина тоже составлено по этому же сочиненію: по большей части, въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы встрѣчаемся съ болѣе или менѣе близкимъ перифразомъ вышеназваннаго сочиненія. Стоитъ сравнить, напримѣръ, описаніе Ричмонда [6]), New-Park [7]), Kew-Park [8]), Tweckenham [9]), Barnet [10]), Charleton [11]), Hampton-Court [12]) и нѣк. др., чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ.

---

[1]) Londres... II, 121. [2]) Ibid., I, 178—180. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 737. [4]) Londres.... I, 179. [5]) К—нъ, Соч., II, 738, [6]) К—нъ, Соч., II. 768. ср. Londres..., II, 208. [7]) К., II, 769—L., II, 210. [8]) К., II, 769,—L., II, 165. [9]) К., II, 769,—L,. II, 231. [10]) К., II, 770.—L., II., 118. [11]) К., II, 771.—L., II, 52—3. [12]) К., II, 771.—L., II, 128—129.

Почти то же говорится въ обоихъ произведеніяхъ объ англійскихъ женщинахъ [1]), о семейной жизни [2]); у обоихъ писателей мы встрѣчаемъ совѣтъ не выходить въ Лондонѣ по вечерамъ [3]). Встрѣчается сходство въ описаніяхъ нѣкоторыхъ зданій, доходящее порой до заимствованія: напр., описаніе Биржи [4]), собора св. Павла [5]), дворца S.-James [6]), White Hall [7]), Виндзорскаго дворца [8]), дома Остъ-Индской компаніи [9]), Вестминстерскаго зала [10]), Верхней и Нижней палаты [11])...

При описаніи Вестминстерскаго Аббатства Карамзинъ пользовался анонимнымъ сочиненіемъ: «An historical Description of Westminster-Abbey, its monuments and Curiosities» (London, 1761). Хотя на это сочиненіе Карамзинъ нигдѣ не ссылается, однако онъ, несомнѣнно, зналъ его: почти страницу, съ небольшими отступленіями, переводитъ онъ въ своихъ «Письмахъ» изъ этого произведенія.

...Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного англичанина о Вестминстерскомъ аббатствѣ.

...J have reflected on the Shortness of our Duration here, and that J was but one of the Millions who had been employed in the fame Manner in ruminating on the Trophies of Mortality before me; that J must moulder to Dust in the fame Manner, and quit the Scene to a new Generation, without leaving the

...разсуждалъ о жизни человѣческой, ея бѣдствіяхъ и краткости. Милліоны (думалъ я), подобно тебѣ размышляли здѣсь о трофеяхъ смерти, на которые теперь смотришь; и ты, подобно милліонамъ, будешь прахомъ, уступишь мѣсто новымъ людямъ, и слѣдовъ твоихъ не останется. Сіе святое храни-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 660.=Londres., I, 17. [2]) К., II, 740.=L., I, 18. [3]) К., II, 730—1.=L., I, 22. [4]) К., II, 697=L., I, 140—1. [5]) К., II, 701.=L., I, 119. [6]) К., II, 709=L., I, 43. [7]) К., II, 710.=L., I, 82. [8]) К., II, 715.=L., II, 256—7. [9]) К., II, 738,=L., I, 154. [10]) К., II, 754.=L., I, 78—80. [11]) К., II, 757.=L., I, 74—80

Shadow of my Existence behind me; that this huge Fabric; this sacred Repository of Fame and Grandeur, would only be the Stage for the fame Performances; would receive new Accessions of noble Dust; would be adorned with other Sepulchres of Cost and Magnificence; would be crouded with successive Admirers, and at last, by the unavoidable Occays of Time, bury the whole Collection of Antiquities in general Obscurity, and be the Monument of its own Ruin [1])...

лище славы и величія будетъ и впредь наполняться почтенными остатками дарованій и заслугъ, украшаться новыми великолѣпними памятниками и служить предметомъ удивленія, а, наконецъ, по неизбѣжному закону судьбы, со всѣмъ богатствомъ древностей погребается во тьмѣ временъ, и будетъ *памятникомъ собственнаго своего разрушенія* [2])...

Исторія Вестминстерскаго Аббатства у Карамзина очерчена очень бѣгло: на полустраницѣ онъ говоритъ то, чему въ названномъ сочиненіи посвящены двѣ главы: I) An Account of its Foundation and miraculous Consecration by St. Peter, II) The various Changes it has undergone, frome its first Establishment as a Christian Church to the present Time. Обстоятельный перечень памятниковъ и эпитафій, сдѣланный въ «An historical Description», вѣроятно, облегчилъ Карамзину трудъ переписывать все на мѣстѣ: онъ записалъ только то, что не вошло въ это Description. Такъ, у Карамзина мы встрѣчаемъ описаніе гробницъ Грея, Гольсмита [3]), чего нѣтъ въ вышеназванномъ сочиненіи. Съ другой стороны, массы эпитафій и описаній гробницъ нѣтъ у Карамзина: напр., South'a [4]), Busby [5]), Thynne [6]), Freke [7]), Kendall [8]) и мног. др. За то другія эпитафіи и описанія, общія

---

[1]) «An histor. Description», 180. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 764—5.
[3]) Ibid., II, 761, 763. [4]) «An histor. Descript.», 175—6. [5]) Ibid., 175.
[6]) Ibid., 174. [7]) Ibid., 173. [8]) Ibid., 172.

обоимъ сочиненіямъ, даже расположены въ томъ же порядкѣ и отличаются, въ большинствѣ случаевъ, большой близостью.

Нѣкоторый интересъ представляютъ также три сочиненія, посвященныя описанію Англіи: «Voyage philosophique d'Angleterre, fait en 1783 et 1784» (à Londres, 1787), «Londres» (nouv. éd., à Lausanne, M.DCC.LXXIV, 4 vol.) и «Le Guide d'Angleterre ou relation curieuse do Voyage de M-r de B**» (à Amsterdam, M.DCC.XLIV). Ни на одно изъ нихъ Карамзинъ не ссылается, но нѣкоторое сходство между этими произведеніями и «Письмами русскаго путешественника» позволяетъ думать, что Карамзинъ могъ быть съ ними знакомъ и кое-чѣмъ воспользовался для своихъ «Писемъ».

Первое изъ названныхъ сочиненій есть, по признанію автора, попытка подражать Мерсье [1]). Авторъ старался въ своемъ произведеніи нарисовать «tableau du coeur himain» [2]), пользуясь стилемъ и манерой увлекавшаго его Мерсье: стиль автора «Путешествія», по его словамъ, «..ne rappelle, sans doute, ni le pinceau léger du gai et satirique Sterne, ni la plume facile et abondante du naïf Montaigne; c'est plutôt le crayon d'un philosophe, homme du monde, et philantrope par principes autant que par tempérament» [3]). Но между этой работой и «Tableau de Paris» Мерсье — громадная разница; богатое содержаніе въ этой работѣ не украшено той блестящей формой, въ которую облекъ талантливый Мерсье свои наблюденія надъ жизнью Парижа,—«Voyage philosophique» стоитъ въ литературномъ отношеніи даже ниже «Писемъ русскаго путешественника»: нѣтъ въ немъ живости, разнообразія, нѣтъ свѣжести карамзинскаго произведенія... Что же касается до содержанія, то въ этомъ отношеніи произведеніе Карамзина близко подходитъ къ названному сочиненію.

Своеобразность Англіи, оригинальность ея жителей прежде всего обращаютъ на себя вниманіе обоихъ авторовъ [4]). Оста-

---

[1]) «Voyage philosoph.», I, 104. [2]) Ibid., I, 103. [3]) Ibid., avertiss., Viij.
[4]) «Voyage philos.», I, 44—8, 56, II, 173. Ср. Карамзина, Соч., II, 659, 673, 679, 684, 740, 677, 781 и др.

*

навливаются они и на обрисовкѣ характерныхъ чертъ англійскаго народа, причемъ во многихъ пунктахъ сходятся другъ съ другомъ: отсутствіе чувствительности [1]), холодность [2]), гордость и эгоизмъ [3]), враждебность къ иностранцамъ [4]), апатичность [5]), и, наконецъ, своеобразность ихъ благотворительности [6])—всѣ эти черты англійскаго характера перечислены въ обоихъ произведеніяхъ. Подборъ этихъ отрицательныхъ особенностей англійскаго народа важенъ для насъ особенно потому, что онъ повторяется у Карамзина и нѣтъ его въ другихъ описаніяхъ Англіи. Интересно, что въ объясненіи происхожденія нѣкоторыхъ этихъ чертъ оба автора тоже сходятся: такъ оба придаютъ большое значеніе сырому воздуху, туманамъ, тяжелой пищѣ англичанъ [7])... Оба указываютъ, какое вліяніе на лондонскихъ жителей имѣетъ ясный день [8]). Сходятся оба автора и въ описаніи слѣдующихъ особенностей англійской жизни: положеніе женщины [9]), устройство и убранство комнатъ [10]), чистота въ англійскихъ гостиницахъ [11]), англійская таможня [12]), разбойники въ Англіи [13]), пристрастіе англичанъ къ вину [14]), неразвитость ихъ театральныхъ вкусовъ [15]) и др.

Есть кое-какія сходства и въ описаніи Лондона; напр. оба путешественника обращаютъ вниманіе на мосты Темзы [16]), на лондонскія улицы, троттуары и мостовыя, освѣщеніе Лондона [17]), лондонскій туманъ и дымъ [18]) и др.

Не прочь авторъ «Voyage philosophique..» кое-когда и отдаться историческимъ воспоминаніямъ. Посѣщая одно истори-

---

[1]) Voyage., I, 41. Ср. Карамзина, Соч., II, 665, 674, 712, 714. [2]) Voyage., I, 41. Ср. К—на, Соч., II, 774, 685, 773. [3]) Voyage., I, 92. 107. Ср. К—на, Соч., II, 778, 776. [4]) Voyage., I, 108, 116—7, 121, Ср. К—на, Соч., II, 779, 712.
[5]) Voyage., I, 134—5, 214. Ср. К—на, Соч., II, 774, 673, 732, 772.
[6]) Voyage., I, 128, 130. Ср. К—на, Соч., II, 775—776, 777. [7]) Voyage., I, 134—5. Ср. К—на, Соч., II, 773, 772, 774, 780. [8]) Voyage., I, 212. Ср. К—на, Соч., II, 772. [9]) V., I, 217. Ср. К,, 741. [10]) V., I, 32, 69—74; К., 681—2.
[11]) V., I, 14—15; К., 663. [12]) V., I, 6. К., 662. [13]) V., I, 11. К. 730—1.
[14]) V., I, 188, 213. К., 685. [15]) V., I, 43, 175. К., 732. [16]) V., I, 20. К., 680. [17]) V., I, 27. К., 679, 680, 671. [18]) V., I, 24, 69. К., 660.

ческое мѣсто, «le théâtre des cruautés de Marie», онъ съ любовью присматривается къ тѣмъ картинамъ, которыя рисуетъ его воображеніе [1]). Встрѣчаются въ его сочиненіи и нѣкоторыя «чувствительныя» выходки: вспомнивъ о пастушескихъ нравахъ, онъ восклицаетъ: «je soupirai d'un soupir délicieux, et, ce tribut acquitté, je continuai ma route..» [2]). Онъ плачетъ надъ трогательною эпитафіей [3]); наслаждается сладкимъ чувствомъ «меланхоліи» [4]): «je jouissois, разсказываетъ онъ, de la teinte mélancolie, qui enveloppait mon ame...».

Приблизительно таково-же содержаніе другого изъ названныхъ нами сочиненій, «Londres» [5]): почти то же говорится здѣсь о порядкахъ въ англійской таможнѣ [6]), объ англійскихъ разбойникахъ [7]), о чистотѣ англійскаго дома и улицъ [8]), объ устройствѣ и убранствѣ дома [9]). Лондонскія улицы [10]), тротуары [11]), освѣщеніе Лондона [12]), берега Темзы [13]), дымъ, висящій надъ Лондономъ [14]), — все повторяется въ этомъ сочиненіи... Кромѣ этихъ примѣровъ, сходство наблюдается въ разработкѣ слѣдующихъ темъ: отношеніе къ иностранцамъ (frenchdog) [15]), роль биржи въ жизни Лондона [16]), причины сплина [17]), любовь къ политикѣ [18]), національная гордость [19]), привязанность женщины къ семьѣ [20]), красота англичанокъ [21]), воскресный день въ Лондонѣ [22]), грубость черни [23]) и нѣк. др.

Наконецъ, третье сочиненіе, «Le Guide d'Angleterre [24])..» тоже представляетъ изъ себя повтореніе многаго, что мы встрѣтимъ въ другихъ описаніяхъ Лондона и Англіи. Въ Préface къ этому сочиненію мы находимъ довольно любопытную характеристику

---

[1]) «Voyage philos»., I, 115. [2]) Ibid., I, 10. [3]) Ibid., I, 91. [4]) Ibid., I, 203. [5]) «Londres», (nouv. éd., à Lausanne., M.DCC.LXXIV, 4 vol.). [6]) Ibid., I, 13. [7]) Ibid., I, 20. [8]) Ibid., I, 32, 129. [9]) Ibid., 137—138. [10]) Ibid., 1, 75. [11]) Ibid., 27, 70. [12]) Ibid., I, 70—1. [13]) Ibid., I, 32. [14]) Ibid., I, 78, 79, 335. [15]) Ibid., I, 151, 150—8. [16]) Ibid., I, 201. [17]) Ibid., 331, 332, 335. [18]) Ibid., II, 10. [19]) Ibid., II, 20. [20]) Ibid., II, 155. [21]) Ibid., 175. [22]) Ibid., I, 350. [23]) Ibid., I, 96, 105, 150, IV, 191. [24]) «Le Guide d'Angleterre ou relation curieuse du Voyage de Mr. de B*» (à Amsterdam., M.DCC.XLIV).

содержанія «описательныхъ» сочиненій того времени: если авторъ, напримѣръ, говоритъ о городѣ—«il vous en donne une description, qui est plus que suffisante pour s'en former une juste idée. Il vous expose sa situation, son état, son commerce, les curiosités, qui s'y trouvent, la manière de vivre de ses Habitans, les plaisirs qu'on y goute, en un mot tout ce, qu'il y a de remarquable et digne de l'attention d'un Etranger. Vous entretient-il d'un Palais, d'une Maison de Campagne, d'une Eglise, d'un Collège ou de quelque autre Bâtiment publique un peu considérable, il vous en indique jusqu'aux moindres appartemens, sans négliger de vous faire remarquer tout ce qu'ils renferment de plus singulier» [1]). Нашъ Карамзинъ описывалъ достопримѣчательности западной Европы совершенно въ такомъ же духѣ.

Произведеніе Синнера, «Voyage historique et littéraire dans la Suisse occidentale» (En Suisse, MDCCLXXXVII, 2 t.), хотя и не названо Карамзинымъ въ числѣ извѣстныхъ ему описаній Швейцаріи, тѣмъ не менѣе, любопытно для насъ, такъ какъ указываетъ источникъ для нѣкоторыхъ очень интересныхъ мѣстъ изъ «Писемъ русскаго путешественника». Карамзинъ посѣтилъ островъ Св. Петра, гдѣ престарѣлый Руссо на нѣсколько времени нашелъ пріютъ послѣ долгихъ гоненій. «Какими живыми красками описываетъ Руссо*(*въ Promenades solitaires) пріятную жизнь свою на островѣ св. Петра» [2]),—восклицаетъ Карамзинъ. И вотъ, нашъ путешественникъ, очевидно подъ вліяніемъ указаннаго имъ сочиненія (Promenades solitaires), набрасываетъ картину острова и изображаетъ состояніе души Руссо, утомленнаго, измученнаго борьбой и, наконецъ, нашедшаго себѣ пріютъ. Но, какъ извѣстно, недолго Руссо пользовался покоемъ: его попросили оставить островъ Петра. Тогда Руссо написалъ цѣлый рядъ умоляющихъ писемъ къ Graffenried'у (seigneur de Worb, baillif de Nidau). Письма эти напечатаны въ сочиненіи Синнера и, несомнѣнно, Карамзину были хорошо знакомы, быть можетъ,

---

[1]) «Guide», Préf., XII.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 367.

именно чрезъ сочиненіе Синнера. Карамзинъ живо представляетъ себѣ, какъ умолялъ Руссо своихъ враговъ прекратить гоненія и дать ему спокойно умереть. Въ своихъ письмахъ Руссо называетъ себя «un pauvre infirme, épuisé de maux et d'ennuis et qui n'aspire qu'à mourir en paix» [1]). Онъ умоляетъ дать ему покой,—«J'attendrai tranquillement la derniere» [2]), говоритъ онъ. «Дайте мнѣ умереть, перефразируетъ Карамзинъ, дайте мнѣ умереть покойно!» [3]). «J'aime la liberté sans doute, mais la mienne n'est pas au pouvoir des hommes, et ce ne seront ni des murs, ni les clefs, qui me l'ôteront» [4]). «Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключите, заключите меня на семъ островѣ.... Но перестаньте гнать несчастнаго!» [5]), говоритъ онъ отъ имени Руссо. «Seulement qu'on me laisse... la liberté de me promener quelquefois dans un jardin, et je suis content!» [6])—«...только въ ночное время позвольте мнѣ, бѣдному, вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!» [7]) — передѣлываетъ на болѣе трогательный ладъ Карамзинъ просьбу Руссо.

Между сочиненіями Синнера и Карамзина можно найти еще нѣкоторыя сходства: напр., политическое устройство Базеля [8]), описаніе картины Гольбейна [9]), кабинетъ Феша [10]), окрестности Женевы [11]), исторія Рогана [12]), посѣщеніе Бонета [13]) и нѣк. др.

Въ заключеніе, остановимся на очень интересномъ произведеніи гр. Ѳ. В. Растопчина, «Путешествіе въ Пруссію» (въ 1784 г.). Это—путевыя записки, которыя не были напечатаны въ свое время и увидѣли свѣтъ, и то въ отрывкахъ, лишь въ 1849-мъ году [14]). Въ свое время это произведеніе могло распро-

---

[1]) Sinner, I, 224. [2]) Ibid., 224. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 367.
[4]) Sinner, I, 224. [5]) К—нъ, Соч., II, 368. [6]) Sinner. I, 223.
[7]) К—нъ, Соч., II, 368. [8]) Sinner, I, 14—15. Ср. К—на, II, 199.
[9]) Sinner, I, 29. Ср. К—на, Соч., II, 195. [10]) Sinner, I,59. Ср. К—на, Соч., II, 195. [11]) Sinner, II, 1—2. Ср. К—на, Соч., II, 313. [12]) Sinner, II, 5—10. Ср. К—на, Соч., II, 361—2. [13]) Sinner, II, 25. Ср. К—на, Соч., II, 339 и др.
[14]) «Москвитянинъ», 1849 г. Январь, Май, Іюнь, Августъ.

страниться въ спискахъ, что допустить не трудно, если мы припомнимъ, какою популярностью въ русскомъ обществѣ пользовался гр. Растопчинъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII вѣка. Хотя въ «Письмахъ русскаго путешественника» нѣтъ ни одной ссылки на сочиненіе гр. Растопчина, но, тѣмъ не менѣе, очень много есть основаній для сближенія этихъ двухъ произведеній.

«Путешествіе въ Пруссію» блещетъ неподражаемымъ остроуміемъ. Гр. Растопчинъ высмѣялъ нѣмцевъ самымъ безжалостнымъ образомъ, не пощадивъ ни малаго, ни стараго. Его шутка иногда тяжела, но всегда зла, всегда попадаетъ въ цѣль; на каждой страницѣ своего сочиненія цѣлымъ градомъ сарказмовъ засыпалъ онъ пруссаковъ; ихъ нравы и обычаи, ихъ порядки, ихъ вкусы — нашли въ немъ судью строгаго, почти несправедливаго. Казалось, Карамзинъ, получившій нѣмецкое воспитаніе, не могъ быть предубѣжденнымъ противъ того народа, культурное вліяніе котораго признавалось въ Москвѣ съ благодарностью,—и все-таки путешествіе Карамзина *по Пруссіи* отличается стремленіемъ автора подмѣчать курьезныя стороны въ жизни и нравахъ нѣмцевъ. Правда, нѣтъ въ его шуткахъ той ѣдкости, той злости, съ какою писалъ Растопчинъ, — его шутки добродушны и незлобивы, но вліяніе Растопчина можно усмотрѣть, по нашему мнѣнію, уже въ томъ, что *только осмѣянные имъ пруссаки* показались смѣшными и Карамзину: англичанъ, французовъ, швейцарцевъ, даже южныхъ нѣмцевъ обрисовалъ нашъ путешественникъ безъ всякаго желанія подчеркнуть ихъ смѣшныя черты.

Конечно, насмѣшки Карамзина надъ нѣмцами совсѣмъ не вяжутся съ преклоненіемъ его предъ выдающимися людьми Германіи. Карамзинъ отправился на западъ съ чувствами паломника, идущаго на поклоненіе,—и вдругъ, на первыхъ-же порахъ, прежде всего смѣшныя стороны бросаются ему въ глаза! Объяснить это можно только тѣмъ, что такое отношеніе къ пруссакамъ было подсказано кѣмъ-нибудь Карамзину. И, дѣйствительно, слѣды такого подсказа очень ясны въ его «Письмахъ»: «Я *ожидалъ*, говоритъ онъ, что при въѣздѣ въ

Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ» [1]). «*Путешественники говорятъ* всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости Прусскихъ постилліоновъ» [2]). «Нравственность здѣшнихъ жителей *прославлена* отчасти съ худой стороны» [3]). «Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ *говорятъ*».. [4]) и т. д. Обо всемъ этомъ говорилъ именно Растопчинъ [5]), и, несомнѣнно, его замѣчанія и мысли, поражающія своимъ блестящимъ юморомъ даже современнаго читателя, на юнаго Карамзина могли произвести сильное впечатлѣніе. Карамзину пришлось считаться съ этимъ впечатлѣніемъ, бороться съ нимъ и лишь подъ конецъ одержать побѣду. «Я въ Берлинѣ былъ три раза жилъ долго, знаю, какъ Москву и Петербургъ, но предпочту ему и Выборгскую сторону и Рогожскую» [6]), говоритъ Растопчинъ. Карамзинъ, точно защищая Берлинъ отъ какого-то хулителя, заявляетъ: «...когда бы разсказали мнѣ и тысячу.. анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѳемѣ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ» [7]). Онъ провѣряетъ свѣдѣнія, ранѣе имъ собранныя о нѣмцахъ, и иногда считаетъ нужнымъ исправлять ихъ. «Я *слыхалъ*, пишетъ онъ, будто въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ офицеровъ, какъ у насъ; однакожь видѣлъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, десять пятнадцатилѣтнихъ» [8]). О старости прусскихъ офицеровъ говоритъ въ своемъ «Путешествіи» именно гр. Растопчинъ [9]).

Лишь путешествуя по Германіи, Карамзинъ обращаетъ вниманіе на устройство почты, на стоимость прогоновъ—вопросъ, который у Растопчина вызываетъ не мало злостныхъ выходокъ и остротъ [10]); почти то же отношеніе къ почтовымъ порядкамъ и у Карамзина [11]). Военное сословіе Пруссіи тоже высмѣяно Растопчинымъ съ изумительной силой [12]); юморъ ни разу не измѣняетъ ему—у Карамзина не разъ появляются на

---

[1]) Карамзинъ, Соч. II, 18. [2]) Ibid., 47. [3]) Ibid., 87, [4]) Ibid., 88.
[5]) «Москв.», 1849, Янв. 81; 69—77; Май, 88—90; 88, Янв. 83—4, 84—5 и др.
[6]) «Москв.», 1849, Янв. 80. [7]) К—нъ, Соч. II, 88. [8]) Ibid., 28.
[9]) «Москв.», Янв. 88, 89. [10]) Ibid., Янв. 69—77. [11]) К—нъ, Соч. II, 47—9, 92—3 и др. [12]) «Москв.», Янв. 78—9, 88—90, Май, 78—9.

сцену прусскіе воины со всѣми присущими имъ смѣшными качествами [1]). Порой у незлобиваго Карамзина слышится въ его шуткѣ даже что-то растопчинское: «каррикатура за каррикатурою приходила въ трактиръ, разсказываетъ онъ, и всякая каррикатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно» [2]). Допросы при заставахъ и при поселеніи въ Берлинѣ одинаково обращаютъ на себя вниманіе обоихъ путешественниковъ; даже всѣ вопросные пункты приводятся обоими авторами въ ихъ произведеніяхъ [3]). Оба описываютъ берлинскій театръ, хвалятъ артиста Флека [4]) и иронизируютъ надъ бездарными актрисами почти въ одинаковомъ духѣ: «...походила болѣе на мамку, чѣмъ на молодую принцессу» [5]), шутитъ гр. Растопчинъ... «Дѣвку молошницу играетъ она лучше, нежели королеву» [6]), замѣчаетъ Карамзинъ. Дорога къ Потсдаму и впечатлѣніе покинутаго дворца точно также описаны довольно сходно: «приходный иностранецъ долженъ думать, что Потсдамъ завоеванъ, жители истреблены; и солдаты замѣнили оныхъ» [7]) говоритъ Растопчинъ. «Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты» [8]), читаемъ у Карамзина. Въ Сан-Суси оба путешественника вспоминаютъ о Фридрихѣ Великомъ [9]). Оба, описывая берлинскую площадь, украшенную статуями великихъ прусскихъ полководцевъ, признаютъ за такими сооруженіями, огромное значеніе, воспитательное для народа. «Мраморъ, воздвигнутый Государемъ въ честь отличному подданному, пишетъ Растопчинъ, есть живой гласъ признательности на нѣсколько вѣковъ... Давно прахъ его уже исчезъ, и все о немъ умолкло, но образъ, среди града стоящій, привлекаетъ вниманіе... и часто заставляетъ брать въ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 22—7, 28—9, 37—38, 46—7, 48—9, 53.
[2]) Ibid., II, 41. [3]) «Москв.», Янв. 80, 82. Ср. К—на, Соч., II, 21, 53, 57, 60.
[4]) «Москв.», Май, 80—1, Ср. К—на, Соч., II, 73, 83. [5]) «Москв.», Май, 81, 82.
[6]) К—нъ, Соч., II, 87. [7]) «Москв.», Іюль, 3, 4. [8]) К—нъ, Соч., II, 74.
[9]) «Москв.», Іюль, 5—6. Ср. К—на, Соч., II, 76.

примѣръ мужа, великими дѣлами себя прославившаго»... [1]). У Карамзина: «...Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юный воинъ, смотря на ихъ изображеніе, чувствуетъ желаніе подражать героямъ и жить въ памяти потомства!» [2]).

Кромѣ описаній «путешествій», кромѣ различныхъ «путеводителей», пользовался Карамзинъ для своихъ «Писемъ» и другими сочиненіями, содержаніе которыхъ подходило къ тѣмъ интересамъ, которыми онъ жилъ во время своего путешествія.

Такъ, Карамзинъ очень интересовался политическимъ устройствомъ тѣхъ странъ, по которымъ онъ путешествовалъ, а потому лучшія современныя сочиненія по этому вопросу были ему хорошо извѣстны. Къ сожалѣнію, цензурныя условія конца вѣка были у насъ такъ стѣснительны, что очень многаго говорить было нельзя, а потому «Письма русскаго путешественника» появились въ свѣтъ, вѣроятно, сильно укороченными. Письма изъ Англіи, какъ извѣстно, при императорѣ Павлѣ даже не были напечатаны. Между тѣмъ, нашъ путешественникъ Англіей интересовался особенно сильно: ея политическое устройство онъ изучалъ, между прочимъ, по серьезному труду Делольма. «Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ» [3]), говоритъ онъ. Въ «Письмахъ русскаго путешественника» только судъ присяжныхъ встрѣтилъ съ стороны автора безусловное одобреніе, къ остальнымъ же сторонамъ англійской жизни Карамзинъ отнесся очень критически. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что, когда «Письма» изъ Англіи появились, наконецъ, въ печати, авторъ ихъ былъ уже гораздо консервативнѣе, чѣмъ сейчасъ послѣ возвращенія изъ-за границы, когда одной хозяйкѣ дома (Державиной) приходилось дѣлать ему подъ столомъ знаки, чтобы онъ не говорилъ лишняго [4]). Такимъ образомъ, Карамзинъ сначала, быть можетъ, и широко воспользовался Делольмомъ, но въ

[1]) «Москв.», Авг., 126—7. [2]) Карамзинъ, Соч. II, 61—2. [3]) Ibid., II, 778.
[4]) Погодинъ, «Карамзинъ», I, 168.

дошедшей до насъ редакціи «Писемъ» только судъ присяжныхъ составленъ по работѣ Делольма (De Lolme, «Constitution de l'Angleterre ou état du gouvernement anglais», Paris, 1822, Nouv. éd.). Приведемъ нѣсколько любопытныхъ сопоставленій.

Lorsqu'une personne est accusée de quelque crime, le magistrat, qu'on appelle en Angleterre *justice* ou *juge de paix* expédie un ordre (Warrant) de la faire saisir; mais ce warrant ne peut être qu'un commandement de se faire amener l'accusé; il doit l'entendre, et prendre par écrit ses réponses, ainsi que les diverses informations. S'il résulte de cette enquête, ou que le crime dont on accuse n'a pas été commis, ou qu'il n'y a pas de raison de soupçonner l'accusé, il doit le libérer sans restriction. Si l'enquête donne un résultat contraire, il doit exiger de l'accusé une caution de paraître pour répondre à l'accusation, ou, dans les cas de crimes contre lesquels la loi prononce une peine capitale, l'envoyer réellement en prison, pour subir son interrogatoire et son jugement aux prochaines sessions [1]).

...A chaque session, le shériff nomme ce qu'on appelle la

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ: онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ случаѣ, обязываетъ его явиться въ судъ или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу [2])...

...Потомъ другой судья, именуемый шерифомъ, избираетъ

[1]) De Lolme, I, 234—5.

[2]) Карамзинъ, Соч. II, 686.

grande assemblée des jurés (grand jury). Cette assemblée doit être de plus de douze hommes et de moins de vingt-quatre, et est toujours formée des personnes les plus qualifiées d'un comté: sa fonction est d'examiner les preuves qui ont été données de chaque accusation. S'il ne se trouve pas douze personnes, dans l'assemblée, qui trouvent qu'une accusation soit fondée, l'accusé est incontinent libéré; si, au contraire, il y en a douze qui s'accordent à trouver les preuves suffisantes, l'accusé ...est retenu pour subir la suite de la procédure [1]).

Lorsque le jour est venu où l'accusation doit se juger définitivement, le prévenu comparaît à la barre du tribunal. Le juge après avoir lu le bill qui contient les motifs de sa détention, doit lui demander comment il veut être jugé; et il répond: «par Dieu et la loi de mon pays [2])».

...Cela fait, les jurés se retirent dans une chambre voisine; ils doivent y rester jusqu' à ce qu'ils se soient accordés entre eux, sans boire et manger. Leur

отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а если признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ [2]):

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ; выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочетъ быть судимымъ?», отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества» [4])..

...Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на

[1]) De Lolme, I, 235—6.
[2]) De Lolme. 236—7.
[2]) Карамзинъ, Соч. II, 686—7.
[4]) К—нъ, Соч. II, 687.

déclaration (vere dictum) doit porter précisément que le prévenu est *coupable* ou *non coupable* [1])...

...Si, au contraire, elle parte *coupable* (guilty), alors, mais seulement alors, les juges entrent en fonction, et prononcent la peine que la loi décerne. Mais dans cette fonction encore ils ne sont point laissés à eux-mêmes: ils doivent absolument s'en tenir à la lettre; aucune interprétation vague ne peut avoir lieu [3])..

что-нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *не виноватъ* [3]).

Если скажутъ *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя въ какія произвольныя изъясненія [4])...

Небезынтересно для біографа Карамзина также знать, что онъ внимательно вчитывался въ одно изъ выдающихся историческихъ сочиненій Мабли (Mably): «Observations sur l'histoire de France» (Khell, 1791, 4 v.). «Съ какимъ удовольствіемъ, восклицаетъ Карамзинъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ Исторіи, чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго» [5]). Къ этому восклицанію нашъ писатель прибавилъ объяснительное примѣчаніе: «въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію французскаго правленія» [6]). Для насъ очень важно также, что Карамзинъ нечаянно измѣнилъ названіе сочиненіе Мабли: дѣйствительно, его «Исторія Франціи» есть только «исторія правленія»: Мабли «entreprit de tracer le tableau des révolutions qu'avoit éprouvés la France dans son gouvernement, depuis les premiers temps de la monarchie; sous le titre modeste *d'Observations* il nous donna la meilleure et même la seule *histoire* que nous ayons encore *du gouvernement* de *la France* jusqu'a nos jours [7]).. Въ этомъ отношеніи Карамзинъ повто-

---

[1]) De Lolme, 242 [2]) Карамзинъ, Соч., II, 687. [3]) De Lolme, 247.
[4]) К—нъ, Соч., II, 688. [5]) Ibid., 649. [6]) Ibid. [7]) De Lolme I, 21.

рилъ Мабли въ своей «Исторіи Государства Россійскаго». Далѣе: недаромъ, Карамзинъ, по его словамъ, находилъ въ этомъ сочиненіи «предсказаніе будущаго» — едва-ли не это было желаніемъ и самого Мабли, кончающаго свою исторію Людовикомъ XIV, но ясно намекающаго вездѣ на причины великой революціи. Книга эта пользовалась въ то время большимъ успѣхомъ. Критикъ ея говоритъ: «Cet ouvrage doit être le guide de tous ceux qui veulent étudier à fond notre histoire. Il y a plus; si jamais la France a son Tite-Live, et peut enfin s'énorgueillir d'une histoire nationale, c'est sur-tout dans les écrits de Mably qu'il faudra puiser les principes sûrs, les idées justes, les vues patriotiques, enfin l'esprit général qui doit animer ce bel ouvrage»... [1]).

Вниманіе, съ которымъ Карамзинъ читалъ это сочиненіе, по нашему убѣжденію, совершенно снимаетъ съ нашего писателя обвиненіе въ непониманіи французской революціи: изъ этого сочиненія онъ узналъ о паденіи французскихъ нравовъ, о политическихъ и экономическихъ немощахъ Франціи, услышалъ грозныя предостереженія.... Весьма возможно, что вышеназванное сочиненіе Мабли повліяло на «Исторію Государства Россійскаго» въ томъ смыслѣ, что и Карамзинъ, приступая къ своему труду, смотрѣлъ на него, какъ на «скрижаль откровеній и правилъ;.. дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго» [2]).

Зналъ Карамзинъ и другое сочиненіе Мабли: «De la maniere d'écrire l'Histoire» (Paris, M.DCC.LXXXIII). Хотя объ этомъ сочиненіи въ «Письмахъ русскаго путешественника» нигдѣ не упоминается, но мысли юнаго Карамзина о томъ, какъ писать исторію до такой степени напоминаютъ Мабли, что можно смѣло говорить о знакомствѣ Карамзина и съ этимъ трудомъ Мабли. Французскій историкъ, между прочимъ, требовалъ, чтобы исторія была интересна; для достиженія этого можно было, по его словамъ, откидывать, сокращать все мало-

---

[1]) Observations... Eloge, 103. [2]) «Ист. Госуд. Росс.», Предисловіе. IX, Изд. 1842 г.

занимательное: «L'ennui me gagne, восклицаетъ онъ, au milieu de ces combats, de ces guerres, de ces victoires dont on m'entretient sans me dire où tout ce fracas me conduira» [1]). «Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы?» [2]) — замѣчаетъ Карамзинъ. Изученіе древности Мабли называетъ «études arides» [3]). Поэтому онъ даетъ совѣтъ: «ne fatiguez point vos Lecteurs par une subordonance d'érudition et de faits uniformes..» [4]): изъ подробностей надо выбирать только интересныя: «que ces détails soient nécessaires, que l'Historien qui veut instruire et plaire *omne tulit punctum qui miscuit utile dulci*, choisisse parmi tous ces détails ceux qui sont les plus propres à rendre la vérité piquante et agréable» [5]). Онъ хвалитъ аббата de Vertot за то, что онъ умѣло «украшаетъ» исторію: «il a l'ame élevée et généreuse; son imagination vive ne le domine pas, et ne lui sert qu'à donner aux objets qu'il traite les ornemens qui leur sont convenables» [6]). «Можно выбрать, одушевить, раскрасить, говоритъ въ свою очередь Карамзинъ, и нашъ читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч., могло выдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманіе не только русскихъ, но и чужестранцевъ» [7]). Мабли даетъ совѣтъ, чтобы придать интереса той эпохѣ, которая сама по себѣ скучна, говорить о характерѣ обычаяхъ народа etc. [8]). Карамзинъ говоритъ, что, выпуская скучное и неважное надо — «всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ... etc, — описать живо, разительно» [9]). Мабли совѣтуетъ особенно внимательно относиться къ важнѣйшимъ эпохамъ въ исторіи, къ великимъ людямъ, къ выдающимся народамъ. Карамзинъ перечисляетъ великихъ русскихъ государей и прибавляетъ: «время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи; его-то

---

[1]) Mably, «De la manière...» 75. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 512. [3]) Mably, 113. [4]) Ibid., 98. [5]) Ibid., 98. [6]) Ibid., 96. [7]) К—нъ, Соч. II, 511—2. [8]) Mably, 75. [9]) К—нъ, Соч., II, 512.

надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать»...[1]). Мабли удивляется, какъ это «M. le Beau, dont plusieurs personnes de mérite estiment les talens et les connoissances, a pu entreprendre une Histoire générale de l'Empire d'Orient; un volume suffisoit pour en peindre la misere éternelle et toujours la même» [2]). Все, что приведено нами изъ Карамзина, ясно указываетъ на его стремленіе доказать, что русская исторія, даже съ точки зрѣнія Мабли, можетъ быть написана интересно. «*Говорятъ*, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю»—заявляетъ нашъ писатель.

Изъ чисто литературныхъ произведеній сочиненія Жанли были, конечно, хорошо извѣстны Карамзину: онъ перевелъ для «Дѣтскаго чтенія» ея «Les veillées du château». Въ одной изъ повѣстей, входящей въ составъ этого сборника, есть описаніе путешествія по Швейцаріи, которое до нѣкоторой степени могло отразиться на «Письмахъ русскаго путешественника»,—сходство обоихъ произведеній въ нѣкоторыхъ мелочахъ заставляетъ это предполагать.

Между прочимъ, Жанли описываетъ очень подробно памятникъ «прекрасной женѣ» (M-me Langhans), поразившій ее по идеѣ и по исполненію. «Ce monument, говоритъ она, dont je n'ai vu la description dans aucun Ouvrage est cependant également intéressant par la beauté de la composition et la manière dont il est exécuté» [3]). Дѣйствительно, подробнаго описанія этого монумента мы не встрѣтили нигдѣ, кромѣ какъ у Жанли и у Карамзина. Послѣдній описалъ памятникъ пространнѣе, но въ выраженіяхъ почти тожественныхъ съ Жанли.

...Il (художникъ) imagina de représenter Madame Langhans au moment de la résurrection... il posa sur cet enfoncement	...Онъ представилъ мать (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ.

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 512. [2]) Mably, 128. [3]) M-me Genlis, «Les veillées du château» à Lausanne, MCCXLDXXIV, I, 318.

une grande pierre fendue inégalement d'un bout à l'autre, et formant un vuide qui laisse voir la jeune femme couchée dans son cercueil; elle paroît se réveiller; elle tient son enfant d'une main, et de l'autre elle soulève une pierre détachée qui touche encore sur sa tête...

...Камень гробовой распался.

...Она поднимаетъ голову; одною рукою держитъ сына, а другою хочетъ отвалить камень...

...L'épitaphe est digne du monument, elle est écrite sur la pierre.....on y fait parler M-me Langhans... «J'entends la trompette; elle pénètre jusqu'au fond des Tombeaux. Réveille-toi, enfant de douleur! Le Sauveur du Monde nous appelle: l'Empire de la Mort est détruit, une palme immortelle va couronner l'Innocence et la Vertu... Seigneur, me voilà avec l'enfant que tu m'as donné» [1])...

...Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): «Се трубный гласъ! онъ проницаетъ въ могилу. Пробудись, сынъ мой, и сложи съ себя тлѣнность! Спѣши во срѣтеніе твоему Искупителю, отъ Котораго бѣжитъ смерть и время! въ вѣчное благо превращается все страданіе» [2])...

Конецъ эпитафіи не совпадаетъ у Карамзина съ эпитафіей, помѣщенной въ сочиненіи Жанли, но надо принять въ соображеніе, что Карамзинъ, при переводѣ такихъ эпитафій, стишковъ и другихъ подобныхъ произведеній, очень часто не стѣснялся съ ними и даже подправлялъ ихъ содержаніе, когда считалъ это почему-нибудь нужнымъ. Описаніе Берна [3]), la perdition du Rhône [4]), Гриндельвальдскіе ледники [5]), анекдотъ

---

[1]) Genlis, «Les veillées», I, 319. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 290—1.
[3]) Genlis, 205. Ср. К—на, Соч. II, 259. [4]) G., 198. Ср. К., II, 388.
[5]) G., 206. Ср. К., II, 273, 274.

о студентѣ, упавшемъ съ лошадью [1]) и др. — все это есть у обоихъ писателей и тоже отличается нѣкоторымъ сходствомъ.

«Nouvelle Héloise» Руссо была настольною книгою Карамзина: онъ увлекался исторіею S.-Preux и Julie, и, конечно, города, въ родѣ Веве, мѣстечка, въ родѣ Meillerie, гдѣ жили и страдали герои Руссо, интересовали молодого путешественника особенно сильно: «въ пять часовъ поутру, разсказываетъ онъ, вышелъ я изъ Лозанны, съ веселіемъ въ сердцѣ — и съ Руссовой Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ» [2]). Цѣлая страница въ «Письмахъ русскаго путешественника» представляетъ переводъ письма S.-Preux [3]). «Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ; всѣ описанія его такъ живы, и при томъ такъ вѣрны!» [4])— восклицаетъ восхищенный Карамзинъ. Мы имѣли уже выше случай говорить вообще о вліяніи на него Руссо [5]); теперь мы остановимся на нѣкоторыхъ деталяхъ.

Одно изъ наиболѣе талантливыхъ, блестящихъ мѣстъ въ «Новой Элоизѣ» — это подробный отчетъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя нахлынули со всѣхъ сторонъ на S.-Preux, когда онъ посѣтилъ Парижъ. О Парижѣ Карамзинъ, по собственному признанію, «много читалъ въ романахъ», «много слыхалъ отъ путешественниковъ», «много мечталъ и думалъ» [6]). Несомнѣнно, что изъ всѣхъ «романовъ», въ которыхъ Карамзинъ могъ найти описаніе Парижа, «Новая Элоиза» дала ему болѣе всего...

Руссо заставляетъ своего чувствительнаго героя S.-Preux «съ ужасомъ» вступить въ Парижъ, въ эту «обширную всемір-

---

[1]) Geslin, 205; Ср. Карамзина, Соч., II, 260. [2]) К—нъ, Соч., II, 302.
[3]) Ibid., 303—4. («Nouvelle Héloise». Paris, 1845, 91. I partie, XXXVI lettre). [4]) К—нъ, Соч., II, 304. [5]) См. выше стр. 85, 240.
[6]) К—нъ. Соч., II, 438.

*

ную пустыню» [1]) (ce vaste désert du monde), — Карамзинъ въѣзжалъ «съ любопытствомъ», «съ нетерпѣніемъ». Минута, когда онъ увидалъ Парижъ, была «одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ» его путешествія» [2]). Руссо, устами S.-Preux, произноситъ надъ Парижемъ строгій приговоръ,—Карамзинъ защищаетъ столицу Франціи, какъ раньше защищалъ столицу Пруссіи отъ нападокъ Растопчина. «*Говорятъ*, что здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга...»—повторяетъ Карамзинъ слова Руссо, но сейчасъ-же прибавляетъ въ защиту Парижа: «ахъ! друзья вездѣ рѣдки!»... [3]). Характеристика французовъ построена Карамзинымъ очень оригинально: онъ указываетъ какую-нибудь отрицательную черту ихъ характера, чаще всего *указанную Руссо*, и противопоставляетъ каждой соотвѣтствующую противоположную, смягчающую [4])... Въ результатѣ, онъ повторяетъ всѣ обвиненія, высказанныя до него, между прочимъ, и Руссо, но общее впечатлѣніе отъ его характеристики, оказывается благопріятнымъ. Главная отталкивающая черта парижанъ была для Руссо—ихъ «неискренность»,—Карамзинъ никогда и не обольщался «искренностью» французовъ: но, въ его глазахъ, ихъ тонкая деликатность выкупала этотъ недостатокъ: «все, чего по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ *букетомъ цвѣтовъ*» [5])—замѣтилъ онъ. Страсть французовъ много говорить и говорить неискренно возмущала Руссо. «L'honnête homme d'ici n'est point celui, qui fait de bonnes actions, mais celui qui dit de belles choses»—восклицаетъ онъ [6]). Карамзинъ добродушно шутитъ надъ этою «слабостью» французовъ. Онъ «разсмѣялся» послѣ одной краснорѣчивой рѣчи парижскаго адвоката, предлагавшаго облагодѣтельствовать французовъ, и въ своихъ «Письмахъ» замѣтилъ по этому поводу: «такихъ говоруновъ нынѣ тьма въ Парижѣ.., и надобно имѣть очень здоровую голову, чтобы отъ ихъ краснорѣчія не чувствовать

---

[1]) «Nouv. Héloïse», 254. [2]) Карамзинъ, II, 438. [3]) Ibid., 646—7.
[4]) Ibid., 647. Ср. «Nouvelle Héloïse», 255, 256, 257, 258, 266, 275, 276, 282.
[5]) К—нъ, Соч. II, 647. [6]) «Nouvelle Héloïse», 282.

въ ней боли» [1]). Бесѣда въ салонѣ г-жи Гло* [2]), разсказы аббата Н* [3]), чтеніе аббата Д* [4]) и др.—все это образчики той салонной болтовни, которая возбуждала негодованіе Руссо, а у болѣе снисходительнаго Карамзина вызывала легкую ироническую усмѣшку. Эта болтовня охарактеризована Руссо слѣдующими словами: «le ton de la conversation y est coulant et naturel; il n'est ni pesant, ni frivole; il est savant sans pédanterie, gai sans tumulte. poli sans affectation, galant sans fadeur, badin sans équivoque. Ce ne sont ni des dissertations, ni des épigrammes: on y raisonne sans argumenter; on y plaisante sans jeu de mots; on y associe avec art l'esprit et la raison, les maximes et les saillies, la satire aiguë, l'adroite flatterie et la morale austère; on y parle de tout pour que chacun ait quelque chose à dire; on n'approfondit point les questions de peur d'ennuyer, on les propose comme en passant, on les traite avec rapidité; la précision mène à l'élégance; chacun dit son avis et l'appuie en peu de mots; nul n'attaque avec chaleur celui d'autrui, nul ne défend opiniâtrément le sien; on discute pour s'éclairer, on s'arrête avant la dispute; chacun s'instruit, chacun s'amuse... Mais au fond, que penses-tu qu'on apprenne dans ces conversations si charmantes?... on y apprend à plaider avec art la cause du mensonge, à ébranler à force de philosophie tous les principes de la vertu, à colorer de sophismes subtils ses passions et ses préjugés» [5]). Подъ первой половиной этой краснорѣчивой характеристики Карамзинъ подписался-бы охотно, но вторую онъ, несомнѣнно, относилъ къ тѣмъ «заблужденіямъ» [6]) Руссо, которыхъ онъ насчитывалъ за любимымъ писателемъ не мало. Шумная и пустая жизнь Парижа имѣетъ, по словамъ С.-Прё, «de certains agréments à de nouveaux débarqués; mais pour les sentir, il faut avoir le coeur vide et l'esprit frivole» [7]),—но далѣе и самъ не можетъ не сознаться: «je commence à sentir l'ivresse où cette

---

[1]) Карамзинъ, II, 454. [2]) Ibid., 453—455. [3]) Ibid., 456—8.
[4]) Ibid., 583—6. [5]) «Nouvelle Héloïse», 256. [6]) К—нъ, II, 631.
[7]) «Nouvelle Héloïse», 271.

vie agitée et tumultueuse plonge ceux qui la mènent, et je tombe dans un étourdissement semblable à celui d'un homme aux yeux duquel on fait passer rapidement une multitude d'objets» [1]). Карамзина совершенно такъ же захватила эта кипучая, ослѣпительная жизнь, и онъ отдался ей легко, безъ борьбы [2])... Если, такимъ образомъ, Карамзинъ отнесся самостоятельно къ характеристикѣ, сдѣланной Руссо, то ему все-таки пришлось считаться съ нею. Кромѣ того, онъ не избѣжалъ повторенія нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ до него, между прочимъ, и Руссо. Въ устахъ такого мизантропа, какъ Руссо, вполнѣ приличны слова: «je ne suis seul que dans la foule, où je ne puis être ni à toi, ni aux autres» [3]) — у Карамзина же, такъ легко отдавшагося вихрю парижской сутолоки, мысль, что въ толпѣ «человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ» [4]), довольно странна... Негодованіе Руссо на то, что въ Парижѣ рядомъ уживаются «la plus somptueuse opulence et la plus déplorable misère» [5]), вполнѣ объяснимо, когда мы припомнимъ его политическія убѣжденія, — у Карамзина же мелькнувшая одинъ разъ среди восторженныхъ описаній фраза: «оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою» [6]), является какою-то случайной, чужой... Несмотря на постоянно высказываемое предпочтеніе англійскаго театра театру французскому, Карамзинъ съ восхищеніемъ разсказываетъ объ игрѣ французскихъ артистовъ [7]), а страницей раньше бросаетъ имъ упрекъ за то, что они «забываютъ дѣйствовать», «теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія» [8])... Невольно припоминаешь Руссо, который высказалъ мысль, что на французской сценѣ — «il y a beaucoup de discours et peu d'action» [9]). Такимъ образомъ, у него нигдѣ мы не найдемъ тѣхъ противорѣчій, въ какія впалъ Карамзинъ: Руссо вездѣ остается вѣренъ своему приговору.

---

[1]) «Nouvelle Héloise», 283. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 442, 648—9.
[3]) «Nouvelle Héloise», 254. [4]) К—нъ, Соч., II, 671. [5]) «Nouvelle Héloise», 256. [6]) К—нъ, Соч., II, 447. [7]) Ibid., 475—480.
[8]) Ibid., 473, еще: 417. [9]) «Nouvelle Héloise», 280.

Въ первоначальной редакціи «Писемъ русскаго путешественника», напечатанной въ «Московскомъ журналѣ» (1791 г.), есть одно интересное мѣсто, выпущенное въ изданіи 1797 года: это небольшое разсужденіе о происхожденіи группы Лаокоона. Приводимъ это мѣсто цѣликомъ: «Думаютъ, что Виргиліево описаніе несчастнаго Лаокоонова конца взято съ сей группы, которую почитаютъ произведеніемъ Фидіасова рѣзца; по крайней мѣрѣ она его достойна. Плиній пишетъ, что онъ видѣлъ ее во дворцѣ Императора Тита; и такъ, можетъ быть, что она уже и въ Виргиліево время была въ Римѣ. Только Поэтъ удалился отъ художника. Онъ описываетъ *послѣдственное* или *разновременное* (action successive), а художникъ представилъ— и по законамъ необходимости долженъ былъ представить — *купное* или *единовременное* (action simultanée). Въ стихахъ Виргиліевыхъ змѣи растерзали прежде двухъ сыновъ Лаокооновыхъ, а потомъ уже его самого, бросившагося на помощь къ своимъ дѣтямъ; но Фидіасъ соединяетъ сіи два *момента*, и драконы схватываютъ у него вмѣстѣ и отца, и дѣтей. Виргиліево описаніе конечно хорошо; но оно есть самая сухая исторія противъ Фидіасовой поэмы—такъ по справедливости можно назвать сію трогательную группу, въ которой видимъ сильное и стройное воображеніе, необыкновенную чувствительность и великое искусство художника, находить и показывать изящное въ самомъ ужасномъ и возмутительномъ. Лаокоонъ его есть совершеннѣйшая форма человѣческаго тѣла; онъ представленъ старцемъ, но старцемъ величественнымъ и, можно сказать, прекраснымъ. Физическая боль выражена живо; но она смягчается и дѣлается трогательною, мѣшаясь съ горестью нѣжнаго отца, видящаго погибель своихъ дѣтей... Они съ двухъ разныхъ сторонъ бросаются къ нему (думая, по своей невинности, что подлѣ родителя нѣтъ для нихъ опасности); но лютыя чудовища вокругъ ихъ обвиваются — меньшой (жертва, тѣмъ трогательнѣйшая!) пожираемъ змѣею, а другой остается только запутанный въ петляхъ хребта драконова. Сей самый драконъ терзаетъ и Лаокоона, который тщетно силится отъ него освободиться и разорвать на шеѣ петлю,

его жмущую. Уста его готовы испустить вопль (у Виргилія вопль его до звѣздъ возносится)—но геройская твердость сжимаетъ ихъ. Однимъ словомъ, кто можетъ смотрѣть на сію группу съ холоднымъ сердцемъ, тотъ носитъ въ груди своей весь ледъ сѣвера, и происходитъ отъ ненавистнаго богамъ поколѣнія» [1]). Въ замѣнъ этой длинной тирады въ изданіи 1797 года и позднѣйшихъ приведенъ переводъ прозою того мѣста изъ Энеиды, гдѣ говорится о нападеніи змѣй на Лаокоона и его сыновей. Послѣ цитаты слѣдуетъ нѣсколько восторженныхъ восклицаній: «съ какою живостью изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горесть несчастнаго родителя, который видитъ погибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ!—Фидіасъ былъ Поэтъ» [2]).

Первоначальный видъ описанія статуи носитъ явно несамостоятельный характеръ: ясно, что Карамзинъ излагаетъ здѣсь чьи-нибудь мысли относительно статуи Лаокоона и повторяетъ тѣ заключенія, къ которымъ приводитъ ея детальное изученіе. Въ обширной литературѣ о Лаокоонѣ есть, какъ извѣстно, нѣсколько спорныхъ вопросовъ: 1) кто кому подражалъ: Виргилій—скульптору, автору этой группы, или — наоборотъ, или оба были самостоятельны, вдохновленные однимъ и тѣмъ же источникомъ, и—2), кто былъ творцомъ группы. Какъ видно изъ приведенной цитаты, Карамзинъ считаетъ «Виргиліево описаніе» «взятымъ съ сей группы» — и затѣмъ Фидія — авторомъ этого произведенія. Въ извѣстномъ разсужденіи Лессинга: «Лаокоонъ» [3])—приведена литература предмета, и, благодаря нѣкоторымъ совпаденіямъ, можно предположительно указать источникъ, изъ котораго почерпнулъ Карамзинъ свои соображенія по поводу группы «Лаокоонъ». Лессингъ, не отрицая возможности самостоятельнаго независимаго творчества обоихъ художниковъ, рѣшительно отвергаетъ возможность подражанія со стороны

---

[1]) «Моск. журн.», ч. III, 1791, 319—322 стр.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 182—3.

[3]) Lessing's «Sämmtliche Schrifte», 1839, VI, «Laokoon», V.

Виргилія и отстаиваетъ мнѣніе о подражаніи скульптора [1]). Авторами группы онъ называетъ, вмѣстѣ съ Винкельманомъ, Агезандра, Полидора (у Винкельмана — Аполлодоръ) и Атенодора. Такимъ образомъ, оба спорные вопроса рѣшены со всѣмъ не такъ, какъ у Карамзина. Говоря о писателяхъ, которые думали, что Виргилій подражалъ мраморной группѣ въ свей Энеидѣ, Лессингъ перечисляетъ ихъ: «Maffei, Richardson, und noch neuerlich der Herr v. Hagedorn (Betrachtungen über die Mahlerey, S. 37. Richardson. Traité de la Peinture, Tome III, p. 513). *De Fontaines* verdient es wohl nicht, dass ich ihn diesen Männern beyfüge. Er hält zwar, in den Anmerkungen zu seiner Uebersetzung des Vergils gleichfalls dafür, dass *der Dichter die Gruppe in Augen gehabt habe;* er ist aber so unwissend, dass er *sie für ein Werk des Phidias* ausgiebt» [2]), Такимъ образомъ, мы видимъ, что Карамзинъ во всѣхъ пунктахъ сошелся *только* съ *однимъ* De-Fontaines'омъ, переводчикомъ Виргилія, авторомъ сочиненія: «Erreur et l'injustice confondues... Réponse à M-r Bourgeois au Sujet de la nouvelle traduction des oeuvres de Virgile» (1744) [3]). Можно предполагать, что у Карамзина была въ рукахъ его работа, тѣмъ болѣе, что французскіе термины, (action successive, action simultanée и др.), встрѣчающіеся у него, ясно указываютъ на французскій источникъ. Къ сожалѣнію, провѣрить нашего предположенія мы не могли, такъ какъ сочиненій De-Fontaines'я въ петербургскихъ библіотекахъ не нашлось.

Описывая Дрезденскую галлерею, Карамзинъ сообщилъ попутно читателямъ, болѣе или менѣе, обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о различныхъ художникахъ, произведенія которыхъ попадали въ эту галлерею. Хотя Карамзинъ не говоритъ, откуда почерпнулъ онъ эти свѣдѣнія, но близость нѣ-

---

[1]) Lessing's «S. Schrifte», VI, 414. [2]) Ibid., 414. [3]) Въ справочныхъ изданіяхъ нѣтъ указаній на какое-нибудь другое сочиненіе De-Fontaines относительно Виргилія.

которыхъ его біографій и характеристикъ съ тѣми данными, которыя даетъ хорошо извѣстная въ прошломъ вѣкѣ трехтомная работа D'Argenville'я, «Abregé de la vie des plus fameux peintres avec.. qnelques réflexions sur leurs caractères et la maniere de connoître les desseins des grands maîtres» (Paris, M.DCC.XLV, 3 t.), позволяетъ намъ думать, что Карамзинъ воспользовался, между прочимъ, и этой работой. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

...s'il (Корреджіо) avoit vu les beaux tableaux de Rome et de Venise et les précieuses figures,' qui y sont, son dessein seroit devenu plus correct, ses contours auroient été plus prononcés et plus coulans; il seroit devenu sûrement le premier peintre du monde [1]..

...и если бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ бы конечно правильнѣе въ рисовкѣ, и превзошелъ бы, можетъ быть, самого Рафаэля [2]).

...Le Corrége, peu favorisé de la fortuue, étoit modeste dans ses manieres, se contentant de peu, et aimant à assister les pauvres dont la triste destinée approchait assez de la sienne. Il n'y a rien de si singulier que le sujet de sa mort; on le paya à Parme en monnoie de cuivre qu'il porta à pied pendant quatres lieuës et dans le grand chaleur. La joye qu'il eut de soulager les besoins de sa famille l'empêcha de songer au danger auquel il s'exposoit, Il arriva à

...Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скроменъ, доволенъ малымъ и человѣколюбивъ...

...Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жаркій и ему надлежало перейти четыре мили. Радуясь тому, что полученными день-

---

[1]) «Abregé», I, 208. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 99.

Corrége trés-fatigué avec une grosse fièvre qui l'emporta [1])..

гами можетъ на нѣкоторое время вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но, пришедши домой, занемогъ горячкой, которая черезъ нѣсколько дней скончала жизнь его [2])...

...Pour faire connoître à Raphaël, qu'il (Микель Анджело) étoit venu voir l'histoire de Psiché, que ce peintre (Рафаэль) peignoit au petit Farnese, il dessina au charbon une belle tête de Faune dans un des coins du plafond, laquelle existe encore. Raphaël en la voyant s'écria, que ce ne pouvoit être que Michel-Ange qui eût fait cette tête [3])...

...Желая дать знать Рафаэлю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галатею (?), начертилъ онъ углемъ на стѣнѣ Фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаэль, увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Микель-Анджело, не могъ начертить такой головы [4])...

Такихъ сопоставленій можно сдѣлать еще нѣсколько, но кое-что найдется у Карамзина и такого, чего мы не нашли въ «Abregé». Такъ, напримѣръ, для біографіи Рафаэля онъ воспользовался, вѣроятно, какимъ-нибудь другимъ произведеніемъ, нами не отысканнымъ.

Сочиненіе Мейстера (Leonard Meister), «Charakteristik deutscher Dichter», было хорошо знакомо Карамзину. «Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій («Kleine Reisen» и «Charakteristik Deutscher Dichter») [5]), замѣчаетъ онъ въ своихъ «Письмахъ». Сочиненіемъ Мейстера нашъ писатель воспользовался для біографіи Клейста. Приведемъ нѣсколько сопоставленій:

---

[1]) «Abregé», I, 209. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 99. [3]) «Abregé», I, 82.
[4]) К—нъ, Соч., II, 100. [5]) Ibid., 247.

...Schon hatte er mit seinem Bataillon drey Batterien erobert, dabey zwölf starke Quetschungen gelitten und die beyden ersten Finger an der rechten Hand verwundet, so dass er den Degen in der Linken halten musste... [1]).

...Unter entsetzlichem Kanonenfeuer des Feindes führte er sein Bataillon gegen die vierte Batterie an. Eine Kugel verwundete ihn in den linken Arm. Nun fasste er den Degen wieder in die verwundete Rechte, drang vorwärts, und war nur dreissig Schritte von der lezten Batterie, als ihm ein Kartetschenschuss das rechte Bein zerschmetterte. Indem er von dem Pferde fiel, rief er: Kinder, verlasst euern König nicht!..

...Bald drauf kamen Kosaken, zogen ihn nackend aus, warfen ihn an einen Sumpf und liessen ihn liegen... Ueber die seltsame Gesichtsbildung und die begierige Mine eines Kosaken, der ihn auszog, brach er mitten im Elend in Lachen aus. Ermattet schlummerte er endlich eben so ruhig, als läg er im Zelte. In der Nacht fanden ihn einige russische Husaren,

...Командовалъ онъ баталіономъ, и взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлило ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, когда храбрый Клейстъ готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картечь разбила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!...*

...Наѣхали казаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною физіономіей и ухватками одного казака, который снималъ съ него платье? Наконецъ, отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ-бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, по-

[1]) Meister, 219.

zogen ihn aufs Trockene, legten ihn bey ihrem Wachtfeuer auf etwas Stroh, bedeckten ihn mit einem Mantel und setzten ihm einen Hut auf... Einer von ihnen wollte ihm ein Stück Geld geben. Der Verwundete schlug es aus, aber der Husar warf es mit edelm Unwillen auf den Mantel, womit er ihn bedeckt hatte, und ritt mit seinen Gefehrten davon [1])...

ложили близъ огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть ему въ руку нѣсколько таллеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ со своими товарищами [2])...

Біографія Геллерта была знакома Карамзину по работѣ Kramer'a (Johann Andreas): «Christian Fürchtegott Gellert's Leben» [3]), помѣщенной въ десятой части полнаго собранія сочиненій Геллерта. Карамзинъ не говоритъ, что онъ воспользовался для своего произведенія работой Крамера, но заканчиваетъ свою характеристику Геллерта такъ: «описаніе его жизни заключается сими словами: «Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, котораго вѣкъ есть—вѣчность!» [4]). Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами біографій Геллерта только работа Крамера оканчивается такими же словами: «Ungewiss ist die Bewunderung und Unsterblichkeit, welche die Werke des Genies erwarten können, durch die Veränderlichkeit und Abwechslung, denen der Geschmack der Nationen unterworfen ist; allein die Ehre seines moralischen Charakters ist so unvergänglich als die Religion und Tugend, die keine andre Dauer haben kann, als

---

[1]) Meister L.. «Charakteristik deutscher Dichter» (1789, St. Gallen und Leipzig), II, 219—221. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 70—1. [3]) C. F. Gellert's «Sämmtliche Schriften», 10 Theil, Neuttlingen, 1776. [4]) К—нъ, Соч., II, 121.

die Ewigkeit» [1]). Описаніе памятника Геллерту у Карамзина безъ оговорки переведено изъ той же біографіи, написанной Крамеромъ:

...Dieses Denkmal stellet die Religion vor, welche sein in Metall gegossnes und mit Lorbeer gekrönte Bildniss der Tugend übergiebt. Beyde Bildsäulen sind aus weissem Alabaster gearbeitet. Unmittelbar unter dem Fussgestelle von schwarzem Alabaster ist der Name... auf einer an dem Fussgestelle ruhenden Platte aber, die von seinem Freunde Heyne verfertigte Inschrift: «Diesem Lehrer und Beyspiele der Tugend und Religion widmete dieses Denkmal eine Gesellschaft seiner Freunde und Zeitgenossen, welche von seinen Verdiensten Augenzeugen waren» [2])...

...Памятникъ, представляющій Религію, которая изъ металла вылитый и лаврами увѣнчанный образъ его подаетъ Добродѣтели... Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его...

...и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: «Сему учителю и примѣру добродѣтели и религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ [3])...

«Сяду подъ окномъ, буду читать Вейсееву элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову оду; буду читать, чувствовать и — можетъ быть, плакать» [4]), восклицаетъ Карамзинъ, окончивъ характеристику Геллерта. Это восклицаніе еще разъ подтверждаетъ знакомство Карамзина съ біографіей, написанной Крамеромъ: въ приложеніи къ работѣ перепечатаны именно эти стихотворенія на смерть Геллерта: 1) «Auf das Absterben seines Freundes C. F. Gellerts»

---

[1]) Gellert's «Schriften», 10 Th., 214.
[2]) Ibid., 213.
[3]) Карамзинъ, Соч., II, 120—1.
[4]) Ibid., 121.

von J. A. Cramer [1]), 2) «Elegie bey dem Grabe Gellerts», von C. F. Weisse [2]) и 3) «Auf Gellerts Tod gesungen», von M. Denis [3]).

Изъ историко-литературныхъ произведеній было Карамзину знакомо также «Похвальное слово Лагарпа Вольтеру» — онъ переводитъ оттуда полторы страницы для своихъ «Писемъ», снабдивъ свой переводъ ссылкой на Лагарпа [4]).

Извѣстная французская «Энциклопедія», «Encyclopédie ou Dictonnaire Raisonné des Sciences, des arts et de métiers», вѣроятно, была Карамзину также знакома. По крайней мѣрѣ, можно предполагать, что вліяніе статьи Вольтера о «фанатизмѣ» сказалось на одной страницѣ «Писемъ русскаго путешественника». Статья «Энциклопедіи» [5]) написана съ замѣчательной силой; авторъ, воодушевленный негодованіемъ, нападаетъ на «фанатизмъ», поражаетъ его своимъ краснорѣчіемъ, точно видя въ этомъ понятіи какое-то ненавистное существо. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ вдохновенныхъ страницъ воображеніе Карамзина могло разыграться въ одномъ монастырѣ до такой степени, что онъ написалъ слѣдующее: «Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ, въ глубокой тишинѣ, по сему темному коридору и смотря на лампады и на старыя картины, на которыхъ изображены были страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодный ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія» [6])... До-

---

[1]) Gellert's «Schriften», 10 Theil, 217—222. [2]) Ibid., 223—232.
[3]) Ibid, 233—7. [4]) Карамзинъ, Соч., II, 319, 322.
[5]) Encyclopédie, tome VI (M. DCC. LVI), «Fanatisme».
[6]) К—нъ, Соч., II, 155.

статочно было Карамзину остаться одному въ мрачной обстановкѣ, чтобы, подъ вліяніемъ безсознательной реминисценціи, ожило въ его душѣ сильное впечатлѣніе, гораздо раньше полученное отъ чтенія краснорѣчивыхъ страницъ «Словаря». Аллегорическое изображеніе «Фанатизма» создалась, несомнѣнно, подъ внѣшнимъ вліяніемъ. Это видно изъ того, что вообще въ то время Карамзинъ отличался самымъ искреннимъ правовѣріемъ, уже не былъ «вольтерьянцемъ» и преклонялся даже предъ обрядовой стороной религіи,—изъ тѣхъ же «Писемъ» мы узнаемъ, напримѣръ, что католическая церковь производитъ на него сильное впечатлѣніе: «великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа, благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ, разсказываетъ Карамзинъ, мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельскій, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись, я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца» [1])...

Съ романомъ Гёте, «Страданія молодого Вертера», Карамзинъ былъ хорошо знакомъ. Онъ даже одинъ изъ первыхъ замѣтилъ литературную связь между «Вертеромъ» и «Новой Элоизой»: безъ романа Руссо, по его мнѣнію, «не существовалъ бы и нѣмецкій *Вертеръ* (*Основаніе романа то же, и многія положенія (situations) въ Вертерѣ взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе натуры») [2]). Одна изъ наиболѣе сильныхъ картинъ въ этомъ романѣ — это противопоставленіе, Вертера, съ его сложной внутренней жизнью, съ его душевными муками, — тихому семейному счастью среди дѣтей. Глядя на идиллію наивныхъ дѣтскихъ радостей, слыша дѣтскій безпечный, счастливый лепетъ, — Вертеръ умиляется, и миръ сходитъ на его страдающую душу... Поэзія наивнаго дѣтскаго

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 106. На знакомство Карамзина со статьей Вольтера о фанатизмѣ еще указываетъ свидѣтельство его о заслугахъ Вольтера (Ibid., 320).

[2]) Idid., 304.

міра впервые подчеркнута Гёте. Въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы встрѣчаемъ изображеніе именно такой же идилліи изъ дѣтской жизни, и она производитъ на Карамзина совершенно такое же впечатлѣніе, какъ на Вертера.

«...Es war alles im Felde; nur ein Knabe von ungefähr vier Jahren sass an der Erde, und hielt ein anderes, etwa halbjähriges, vor ihm zwischen seinen Füssen sitzendes Kind mit beyden Armen wider seine Brust, so dass er ihm zu einer Art von Sessel diente, und ungeachtet der Munterkeit, womit er aus seinen schwarzen Augen herumschaute, ganz ruhig sass. Mich vergnügte der Anblick» [1])... «Ich sass, ganz in mahlerische Empfindung vertieft, die dir mein gestriges Blatt sehr zerstückt darlegt, auf meinem Pfluge wohl zwey Stunden. Da kommt gegen Abend eine junge Frau auf die Kinder los, die sich indess nicht gerührt hatten, mit einem Körbchen am Arm und ruft von weitem: «Philipps, du bist recht brav... Indem sie dem ältesten einen halben Weck gab, nahm sie das kleine auf und küsste es mit aller mütterlichen Liebe» [2]) и т. д. Подробно описавъ эту трогательную картину своему другу, Вертеръ восклицаетъ: «Ich sage dir, mein Schatz, wenn meine Sinnen gar nichts mehr halten wollen, so lindert all den Tumult der Anblick eines solchen Geschöpfs, das in glücklicher Gelassenheit den engen Kreis seines Daseyns hingeht» [3])... и т. д. Шарлотту онъ увидалъ впервые въ такой же точно трогательной обстановкѣ: «...da ich die vorliegende Treppe hinaufgestiegen war, und in die Thür trat, fiel mir das reitzendste Schauspiel in die Augen, das ich je gesehen habe. In dem Vorsaale wimmelten sechs Kinder, von eilf zu zwey Jahren, um ein Mädchen von schöner Gestalt, mittlerer Grösse, die ein simples weisses Kleid mit blassrothen Schleifen an Arm und Brust, anhatte. Sie hielt ein schwarzes Brod, und schnitt ihren Kleinen rings herum, jedem sein Stück nach Proportion ihres Alters und Appetits ab, gab's jedem mit solcher Freund-

[1]) Goethe, «Leiden des jungen Werthers» (Frankfurt und Leipzig, 1795), 18.
[2]) Ibid., 20—1. [3]) Ibid., 22.

lichkeit, und jedes rufte so ungekünstelt sein: «Danke» [1])... Совершенно тожественное впечатлѣніе производитъ на Карамзина идиллическая картина семейнаго счастья. Молодая мать, окруженная дѣтьми, живущая ихъ невинными радостями, умиляетъ Карамзина, какъ ранѣе Вертера... «Любезная картина семейнаго счастья! восклицаетъ онъ, можетъ быть, въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго счастья, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой. Прости, уединенный домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! [2])». То обстоятельство, что Гёте первый съ необыкновенной силой подчеркнулъ поэзію дѣтскаго міра и сумѣлъ въ своемъ романѣ дать почувствовать эту поэзію читателямъ, — позволяетъ намъ думать, что Карамзинъ, первый русскій писатель, почувствовавшій всю прелесть дѣтства, находился подъ вліяніемъ Гёте, когда писалъ вышеприведенныя строки.

Выше [3]) мы довольно много говорили о Стернѣ и о степени близости къ нему Карамзина. Хотя, какъ мы видѣли, и тонъ, и содержаніе работъ обоихъ авторовъ значительно разнятся между собой, но, тѣмъ не менѣе, сочиненія Стерна кое-что всетаки дали для «Писемъ русскаго путешественника». Въ памяти Карамзина остались нѣкоторыя остроты Стерна, нѣкоторыя его характерныя изрѣченія, нѣкоторыя сцены изъ его сочиненій, — и нашъ писатель повторилъ ихъ въ своихъ «Письмахъ», или подражалъ имъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Минуты двѣ, пишетъ онъ, искалъ я отвѣта на лазоревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ третью нашелъ его—сказалъ: *пойдемъ далѣе!* и тростью своею провелъ на пескѣ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамѣ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. VI, chap. XXIV). говоря о пріятностяхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны.

[1]) Goethe «Leiden...», 28—9, еще: 30, 44—5. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 169.
[3]) См. стр. 71—2. 242—4.

Такъ, добродушный Тримъ! nothing can be so sweet as liberty»... [1]) Или: «Тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ... (псевдонимъ Стерна) и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней рѣсницѣ лѣваго глаза* ея»... [2]). Нѣкоторыя дорожныя приключенія Карамзина иногда заставляютъ насъ невольно вспоминать «Sentimental Journey» Стерна. Правда, Карамзинъ безконечно скромнѣе англійскаго писателя: у него совсѣмъ нѣтъ того дерзкаго цинизма, который позволялъ Стерну шутить очень неосторожно, но и у Карамзина, несмотря на всю его скромность, чувствуется иногда желаніе пошутить въ духѣ стерновскомъ. Разсказавъ, напримѣръ, о встрѣчѣ своей съ одной прелестной незнакомкой, Карамзинъ восклицаетъ: «прекрасный лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина— однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ-бы видѣ ни находилъ его» [3]). Разсказавъ, какъ въ почтовой каретѣ незнакомая ему дѣвушка заснула на его плечѣ, Карамзинъ замѣчаетъ: «что принадлежитъ до меня, то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренный рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности. Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки!» [4]). Можно привести еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ [5]). Комическія сцены [6]) могли быть внесены въ «Письма русскаго путешественника» также подъ вліяніемъ Стерна, а отчасти *Vernes*'а («Le voyageur sentimental ou ma promenade à Yverdun. См. ниже 366 стр.).

Въ «Письмахъ русскаго путешественника» приводится длинный разсказъ (три страницы) о заключенномъ въ Бастильскомъ замкѣ арестантѣ, который носилъ прозваніе «Желѣзной маски». Указывая на Вольтера [7]), какъ на источникъ этого разсказа, Карамзинъ не указалъ, изъ какого именно сочиненія Вольтера онъ почерпнулъ разсказъ. Оказывается, что это дослов-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 91. [2]) Ibid., 207; еще: 552, 737, 645, 646, 653. [3]) Ibid., 95. [4]) Ibid., 162. [5]) Напр., 543. [6]) Ibid., 22—7, 34, 40—1, 53, 81—5, 113—4, 115, 233, 329, 421—3 и др. [7]) Ibid., II, 557 и дал.

*

ный переводъ изъ «Siècle de Louis XIV», — изъ чего можно заключить, что Карамзинъ былъ хорошо знакомъ съ этимъ историческимъ трудомъ Вольтера. Приводимъ для сравненія нѣсколько строчекъ:

...Quelques mois après la mort de ce ministre, il arriva un événement, qui n'a point d'exemple; et ce qui est non moins étrange, c'est que tous les historiens l'ont ignoré. On envoya dans le plus grand secret, au château de l'île S-te. Marguerite, dans la mer de Provence, un prisonnier inconnu, d'une taille au dessus de l'ordinaire, jeune et de la figure la plus belle et la plus noble [1])...

...Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти кардинала Мазарина случилось происшествіе, которое можно назвать безпримѣрнымъ, и котораго (что также удивительно) совсѣмъ незнали историки. Съ величайшей тайною посланъ былъ на островъ Святой Маргариты неизвѣстный арестантъ, молодой человѣкъ, высокій ростомъ и благородный видомъ [2])...

Говоря объ одной трогательной надписи, Карамзинъ говоритъ, что «нашелъ ее въ Histoire de Tankrède» [3]). Этой ссылкой Карамзинъ указалъ намъ на источникъ, которымъ пользовался онъ для подробнаго разсказа (пять страницъ) о судьбѣ Танкреда [4]). «Histoire de Tankrède de Rohan» (à Liège. MDCCLXVII) представляетъ обстоятельное, но сухое описаніе жизни Танкреда; сообщаются документы, приводятся письма... Карамзинъ изъ этихъ сухихъ матеріаловъ создалъ цѣлый рядъ живыхъ картинъ, освѣтивъ дѣйствующихъ лицъ психологическимъ анализомъ ихъ внутренней жизни, введя цѣлый рядъ разговоровъ, которыя отсутствуютъ въ «Histoire de Tankrède». Отсюда же онъ взялъ двѣ эпитафіи, которыя безъ перевода помѣстилъ въ свои «Письма»: эпитафію на могилѣ герцога Рогана, отца Танкреда [5]), и эпитафію на могилѣ самого Танкреда [6]).

---

[1]) Voltaire, «Siècle de Louis XIV», Paris, 1854, 289 и дал. [2]) Карамзинъ. Соч., II, 557 и дал. [3]) Ibid., 365. [4]) Ibid., 361—365. [5]) К—нъ, Соч., II, 361=«Histoire de T.», 91. [6]) К—нъ, Соч., II, 364=«Hist. de T.», 57.

Въ Ліонѣ Карамзинъ припомнилъ трогательную исторію двухъ «нѣжныхъ любовниковъ», Амандуса и Аманды, которые умерли въ Ліонѣ, и разсказалъ ее на одной страницѣ [1]), указавъ, откуда онъ самъ узналъ ихъ исторію: «Вы читали Тристрама, говоритъ онъ, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ и т. д.» [2]). Тристрамъ—это извѣстный романъ Л. Стерна, «Tristram Shandy», хорошо знакомый Карамзину.

Съ тѣмъ же Ліономъ связана была еще одна исторія о двухъ любовникахъ: Терезѣ и Фальдони. «Кто, будучи здѣсь, восклицаетъ Карамзинъ, не вспомнитъ еще о другихъ несчастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ» [3]),—и затѣмъ, на двухъ съ половиной страницахъ, передаетъ ихъ исторію, послужившую сюжетомъ для цѣлаго романа: «Terése et Faldoni, ou les lettres de deux amoureux de Lion» (Léonard). Вѣроятно, изъ этого романа Карамзинъ и узналъ объ ихъ судьбѣ.

Исторія графа Глейхена, рыцаря-крестоносца, у котораго, съ разрѣшенія папы, было двѣ жены—графиня, остававшаяся на родинѣ во время похода, и сарацынка, спасшая жизнь графа,—подробно и живо разсказана Карамзинымъ на двухъ страницахъ [4]). Содержаніе этого разсказа, вѣроятно, заимствовано изъ какого-нибудь рыцарскаго романа. опредѣлить который намъ не удалось.

Исторія извѣстнаго въ концѣ XVIII столѣтія шарлатана барона Шрепфера разсказана Карамзинымъ на четырехъ страницахъ [5]); почерпнулъ онъ ее, вѣроятно, изъ какого-нибудь современнаго заграничнаго журнала, опредѣлить который мы не могли.

Трогательная исторія любви монаха и монахини, въ наказаніе обращенныхъ въ два камня [6]), взята, повидимому, изъ поэмы Виланда, которую называетъ самъ Карамзинъ: «изъ сей народной сказки, говоритъ онъ, сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ титуломъ: «der Mönch und die Nonne» [7]).

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 424. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 424—5. [4]) Ibid., 156—158.
[5]) Ibid., 133—7. [6]) Ibid., 160—1. [7]) Ibid., 161.

«Письма русскаго путешественника» богаты, кромѣ того, обстоятельными пересказами содержанія нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній, почему-бы то ни было заинтересовавшихъ Карамзина. Такъ, онъ передаетъ довольно подробно содержаніе трагедіи: «Донъ-Карлосъ»[1]), «Фіеско»[2]), «Карлъ IX» (Шенье) [3]), мелодрамъ: «Рауль, Синяя борода» [4]), и «Петръ Великій» [5]). Исторія вопроса объ іезуитахъ, въ которой большое участіе принималъ Николаи, изложена Карамзинымъ, можно думать, не безъ вліянія писемъ Николаи, приложенныхъ къ его «Путешествію по Германіи». Приводитъ Карамзинъ также и мнѣніе «Г. Ц*» (Циммермана) [6]), «Лейбъ-Медика и Кавалера» [7]) о нравственности жителей Берлина [8]); встрѣчаемъ мы въ «Письмахъ», наконецъ, и исторію Фауста [9]).

Кромѣ пересказовъ, прибѣгалъ Карамзинъ довольно часто къ цитатамъ изъ разныхъ авторовъ. Такъ онъ переводитъ двѣ страницы изъ «Бога» Гердера [10]). Нѣсколько разъ цитуетъ Шекспира [11]), Томсона [12]), Попа [13]), Делиля [14]), Геснера [15]), Галлера [16]), Вольтера [17]), Руссо [18]), Бартелеми [19]), Рабле [20]). Приводитъ онъ цѣликомъ письменный отвѣтъ Лафатера на его вопросы [21]), «посвященіе» одной оперы, поднесенной принцу Валлисскому [22]), паспортъ, выданный въ Швейцаріи [23]), отзывъ «Allgemeine Deutsche Bibliothek» о Лафатерѣ [24]) и, наконецъ, газетное описаніе одного самоубійства [25]).

Встрѣчаются въ произведеніи Карамзина и «письма» различныхъ лицъ. Такъ внесены имъ: письмо къ нему Кутузова [26]), отрывокъ письма Лафатера къ нему же [27]), письмо его къ Боннету и отвѣтъ Боннета [28]), письмо Галлера къ Боннету [29]), письмо его къ Н* [30]), письмо къ нему Беккера [31]).

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 82—3. [2]) Ibid., 164. [3]) Ibid., 416. [4]) Ibid., 480—483. [5]) Ibid., 483—487. [6]) Ibid., 65. [7]) Ibid., 87. [8]) Ibid., 22—3. [9]) Ibid., 88. [10]) Ibid., 140—1. [11]) Ibid., 214—215, 474. [12]) Ibid., 219—220, 403—4. [13]) Ibid., 713—4. [14]) Ibid., 601—2, 604, 612, 615, 617—8 и др. [15]) Ibid., 251. [16]) Ibid., 285, 296. [17]) Ibid., 571. [18]) Ibid., 303—4, 306—7. [19]) Ibid., 511. [20]) Ibid., 463—4. [21]) Ibid., 243—4. [22]) Ibid., 733. [23]) Ibid., 387. [24]) Ibid., 245. [25]) Ibid., 622—3. [26]) Ibid., 63—4. [27]) Ibid., 110. [28]) Ibid., 343—7. [29]) Ibid., 372—3. [30]) Ibid., 646—7. [31]) Ibid., 355—360, 650.

Записываетъ нашъ путешественникъ и наиболѣе заинтересовавшія его «рѣчи», которыя слышалъ онъ заграницей. Такимъ образомъ, вошло въ «Письма русскаго путешественника» разсужденіе Канта [1]), рѣчь Николаи объ іезуитахъ [2]), лекція Платнера [3]), рѣчь на площади передъ выборами въ англійскій парламентъ [4]), чтеніе въ салонѣ [5]).

Охотно заносилъ Карамзинъ и устные разсказы о различныхъ приключеніяхъ и событіяхъ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ «Письмахъ» разсказъ Беккера [6]), разсказъ г. Д* [7]), разсказъ англичанина [8]) и нѣк. др.

Наконецъ, нѣкоторыя сцены появились въ «Письмахъ» подъ вліяніемъ произведеній, прочитанныхъ до путешествія. Такъ, подъ вліяніемъ Юма («недавно читалъ Юма» [9]), онъ вспоминаетъ цѣлый рядъ историческихъ сценъ [10]); знакомство, тоже, можно думать, недавнее, съ исторіей Швейцаріи помогаетъ ему живо представить нѣкоторыя событія изъ этой исторіи [11]). «Разбойничьи романы», съ которыми онъ былъ, безъ сомнѣнія, знакомъ еще на родинѣ, даютъ ему матеріалъ для фантазій на соотвѣтствующую тему [12]), «рыцарскіе» романы переносятъ его въ жизнь рыцарства [13])...

Изъ цѣлаго ряда сдѣланныхъ нами сопоставленій видно, какъ широко пользовался иногда Карамзинъ различными «описаніями» городовъ, «путеводителями», и другими полезными для него сочиненіями... Но это пользованье не было «плагіатомъ», такъ какъ, съ точки зрѣнія тогдашнихъ литературныхъ понятій, оно не только не было возбранено для автора «путешествій», но даже считалось необходимымъ, увеличивало достоинство его произведенія... Такъ, Николаи во время путешествія по Германіи, по пріѣздѣ въ какой-нибудь городъ, прежде всего знакомился съ «описаніемъ» этого города:

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 30—1. [2]) Ibid., 66—7. [3]) Ibid., 122—3.
[4]) Ibid., 727—8. [5]) Ibid., 584—6. [6]) Ibid., 418-423.
[7]) Ibid., 66[illegible]—7. [8]) Ibid., 503—4. [9]) Ibid., 706. [10]) Ibid.
[11]) Ibid., 294—5 и др. [12]) Ibid., 51. [13]) Ibid., 32.

«Sobald ich in eine Stadt gekommen bin, ist gleich meine erste Frage nach den vorhandenen Beschreibungen, Grundrissen... etc.» [1]). Такъ дѣлалъ и Карамзинъ: едва онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, какъ сейчасъ же ему захотѣлось просмотрѣть «Николаево описаніе Берлина» [2]). Сочиненія Saintfoix, Dulaure'a, Moritz'a, Archenholz'a относятся именно къ роду тѣхъ справочныхъ сочиненій, изъ которыхъ Николаи, по его словамъ, подъ конецъ путешествія составилъ себѣ цѣлую библіотеку... Какъ онъ пользовался этою библіотекой видно изъ словъ его: «die Begierde gemeinnützig zu sein, führte mich weiter (не удовольствовался дневникомъ). Ich wollte alles möglichts zu verificiren suchen. Ein Reisender kann leicht einen Nebenumstand aus Acht gelassen haben, der doch zur Bestimmung, des Ganzen gehört. Dabei wollte ich, besonders in Rücksicht auf künftige Reisende, auch die gedruckten Nachrichten nicht übergehen...» [3]). Архенгольцъ говоритъ тоже: «Keine einzige Reisebeschreibung hat meine Bemerkungen geleitet...[4]). Der Stoff dazu (для сочиненія Архенгольца) war, theils unter meinen Papieren, theils in meinem Gedächniss; ich zog überdem zahllose Bücher zu Rathe, und las ganze Werke um einzelne, dem Leser fast ummerkbare Stellen zu berichtigen...» [5]). Шатобріанъ, описывая обычаи и нравы индѣйцевъ, точно такъ же воспользовался помощью другихъ трудовъ: «je dois dire seulement ici, говоритъ онъ, que quelques-uns des traits que j'ai ajoutés à la peinture des usages des Esquimaux sont empruntés aux derniers Voyages du capitaine Parry et du capitanie Lyon...» [6]).

Изъ всего этого видно, что Карамзинъ нисколько не кривилъ душой, когда рѣшительно обличалъ нѣкоторыхъ писателей въ «присвоеніи себѣ чужого» [7]), — если онъ и самъ рѣдко ссылается на сочиненія, изъ которыхъ беретъ матеріалъ для своихъ «Писемъ»,—то, 1) въ большинствѣ случаевъ

---

[1]) Fr. Nicolai, «Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781», Berlin, 1783, 12 Th., 15. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 62. [3]) Nikolai, I, Th., IX—X. [4]) Archenholz, «England und Italien», Vorbericht, X. [5]) Ibid., XI. [6]) Chateaubriand, «Atala, René...», Paris, Garnier, 496. [7]) См. выше, стр. 239.

онъ не скрываетъ имени тѣхъ авторовъ, которые были полезны для его «Писемъ»; 2) не въ обычаѣ того времени было всякую цитату, тѣмъ болѣе, пересказъ сопровождать точной ссылкой и, наконецъ, главное, 3) его произведеніе относилось къ такому роду произведеній, въ которыхъ, по самой сущности ихъ, приливъ «чужого» былъ не только неизбѣженъ, но даже, какъ мы видѣли, по понятіямъ времени, необходимъ.

Кромѣ «заимствованій», или вліяній чисто внѣшняго характера, отмѣтили мы въ «Письмахъ русскаго путешественника» слѣды вліяній другого рода, — вліяній чисто внутренняго свойства, «органическихъ», воздѣйствій, настолько подчинявшихъ иногда Карамзина, что онъ чувствовалъ чужія чувства, думалъ чужія мысли, смотрѣлъ на многое чужими глазами... Но въ этомъ случаѣ говорить о «плагіатѣ» мы имѣемъ еще меньше права, — передъ нами, въ лицѣ Карамзина — писатель-ученикъ, еще не стряхнувшій съ себя могучаго вліянія своихъ учителей, съ произведеніями которыхъ онъ до того сродился, что чужая манера письма, чувства, мысли, цѣлыя картины, сдѣлались его собственными: это было уже не «заимствованіе» (впрочемъ, узаконенное литературными обычаями), а органическое сліяніе съ цѣлой литературной школой, совершенно исключающее возможность всякихъ подозрѣній въ плагіатѣ...

Наконецъ, теперь въ достаточной мѣрѣ опредѣляется характеръ и содержаніе путевого журнала Карамзина.

Карамзинъ «описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогой, на лоскуткахъ, карандашемъ». Иначе записывать дорожныя впечатлѣнія трудно. Понятно, что характеръ такихъ записокъ долженъ отличаться несистематичностью, случайностью: различные случаи, происшедшіе во время путешествія, разсказы, услышанные въ дорогѣ, наброски пейзажей, случайныя впечатлѣнія, мысли, мелькнувшія по какому-нибудь поводу, — вотъ, содержаніе «записной книжки» молодого путешественника. Вошли, вѣроятно, въ эту книжку также и указанія на разныя достопримѣчательности, перечень мѣстъ, посѣщенныхъ

во время пути. Изъ того обстоятельства, что особенно неоригиналенъ Карамзинъ тамъ, гдѣ ему приходится говорить о различныхъ достопримѣчательностяхъ, можно заключить, что, разсчитывая на справочныя изданія, онъ въ свою «записную книжку» заносилъ фактическихъ данныхъ очень мало.

4.

Литературный жанръ «Писемъ русскаго путешественника».

Разсмотрѣвъ выше цѣлый рядъ произведеній, которыя, въ большей или меньшей степени, дали Карамзину матеріалъ для его «Писемъ», мы перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, къ какому *типу* «путешествій» относятся «Письма русскаго путешественника». Для этого намъ нужно выяснить: 1) какія изъ «путешествій» XVIII в. ближе всего подходятъ къ произведенію Карамзина по своему характеру и содержанію, и, 2) выдѣлить эти произведенія, родственныя по духу, въ отдѣльную литературную группу.

Выше мы имѣли уже случай указать, какъ мало общаго въ характерѣ и содержаніи стерновскаго «Sentimental Journey» съ «Письмами» Карамзина. Такъ же мало общаго между «Письмами» и тѣми сентиментальными «путешествіями», которыя были написаны въ подражаніе Стерну. Авторы этихъ произведеній, подобно Стерну, ревниво слѣдятъ лишь за своей чувствительной душой, такъ же охотно наслаждаются игрой своего воображенія, доводящаго ихъ порой до галлюцинацій; они пренебрегаютъ всѣмъ, что не занимаетъ ихъ сердца, и, наоборотъ, носятся со всякой мелочью, раздражающей ихъ чувствительность. Конечно, имена Стерна, Руссо—постоянно встрѣчаются въ ихъ произведеніяхъ; они охотно повторяютъ Юнга, Томсона и другихъ подобныхъ писателей.

Мы остановимся на разборѣ лишь нѣкоторыхъ сочиненій, наиболѣе распространенныхъ въ XVIII вѣкѣ.

Нѣмецкій «Стернъ», Georg Jacobi оставилъ послѣ себя два «путешествія по Германіи»: «Winterreise» и «Sommerreise» [1]). По формѣ и по содержанію оба эти произведенія совершенно напоминаютъ «Sentimental Journey»: читатель не встрѣтитъ здѣсь рѣшительно никакихъ описаній городовъ; авторъ прямо предупреждаетъ его: «damit die Scene für sie nicht ganz in der Luft sei, will ich meinen Lesern nur mit zwei Worten sagen, dass ich von Halberstadt den Weg über Braunschweig, Hannover, Osnabrück, Münster nach Düsseldorf meiner Vaterstadt, nahm» [2]). Во второмъ «путешествіи» онъ не говоритъ и этого: «Diesmal hab'ich meine Reise so eingerichtet, dass meine Leser keine Landcharte dabei nöthig haben: keinen einzigen Ort will ich nennen; der Weg könnte durch ganz Deutschland gehen, denn überall giebt es Städte, Dörfer, Wiesen, Flüsse u. s. w. und mehr brauche ich nicht. Woher ich also komme, und wohin ich gedenke, ist denen, welche mich lesen, ganz gleichgültig» [3]). Авторъ ограничивается желаніемъ дать въ своихъ путешествіяхъ картину собственной души: «kleine Geschichten von sich selbst erzählen» [4]). Съ любовью относится онъ къ своему воображенію, которое рисуетъ ему цѣлыя картины: «Wie glücklich, dass ich auch im Winter den Wiesen ihr Grün, den Aesten ihre Blätter geben kann, und dass selbst die Einfall mit rührenden Auftritten mich unterhalten muss».. [5]). Чтобы развлечь себя, онъ среди зимы представляетъ себѣ картину жатвы въ жаркій лѣтній день. «Eine Erndte? mitten im Winter? Warum nicht? Was sollt'ich mit den leeren Aeckern machen, durch welche mich die Landstrasse führte? Schnell liess ich Korn darauf wachsen, und zwar das schönste Korn, dass man jemals in Arkadien gesehen hat. Die Luft wurde gelinder, die Sonne brennte»... [6]). Какъ всѣ сентиментальные писатели, Jacobi дорожитъ своею чувствительностью: «Leicht war es mir, so

---

[1]) Johann Georg Jacobi, «Sämmtliche Werke», 2 Theil., Amsterdam, 1771.
[2]) «Winterreise», «Sämmtl. Werke», II, 4. [3]) «Sommerreise», 63.
[4]) «Winterreise», 3; ср. Карамзина, Соч., II, 790, 672 и др.
[5]) Ibid., 6. [6]) Ibid., 6—7.

bald ich weniger meinen gelernten Systemen, als dem System der Empfindungen folgte, und so bald ich die Natur da hörte, wo sie am liebsten uns unterrichtet» [1]). «Ein sehr fühlbares Herz hat noch einen grössern Schatz von Empfindungen mit welchen es jeden Gegenstand betrachtet und die, wenn es ihnen Gehör giebt, mächtig auf dasselbe wirken können» [2]). «Angenehm ist es mir, das Concert der Empfindungen in unserm Leben zu bemerken, wie eine die andre hebt; wie ein vorhergehender oder nachfolgender sanfter Ton dem starken, ohne ihn zu schwächen, sein wildes benimmt... Meine Einbildungskraft macht sich zuweilen das Vergnügen, das grosse Concert der Natur für sich in Kleinen aufzuführen» [3]). Въ постоянной погонѣ за сентиментальными картинами и образами, онъ не останавливается даже передъ самообманомъ: «Mir selbst sind einige Täuschungen des Herzens, wenn ich sie so nennen darf, eben so angenehm, als die Täuschungen in der Natur» [4]). Сентиментальный путешественникъ, конечно, преклоняется предъ природой, постоянно обращается къ ней съ восторженной рѣчью [5]): «Seid mir willkommen, sagt'ich zu denen Bäumen, die ich von ferne sah, als ich am heissesten Mittag', auf einem offenen Wagen, über eine lange Haide fuhr... Ihr sollt einige von euren Zweigen mir geben, sagt'ich zu den Bäumen, als ich näher kam» [6]). Всякое трогательное происшествіе привлекаетъ надолго вниманіе Jacobi. Монахъ-іезуитъ, гонимый судьбой [7]), мертвая птичка и осиротѣвшіе птенцы [8]), старикъ, плачущій надъ срубленнымъ деревомъ [9]), голодная женщина, подѣлившаяся послѣднимъ кускомъ съ нищимъ [10]), несчастная дѣвушка, постригшаяся въ монахини [11]), — вотъ картины, на которыхъ «сентиментальный» путешественникъ останавливается съ особой любовью. Поклонникъ Руссо [12]), врагъ Вольтера [13]), онъ восторгается жизнью поселянъ и пастуховъ: «Wie glücklich doch die Landleute sind, dass sie aus

---

[1]) «Winterreise», 21. [2]) Ibid., 35. [3]) «Sommerreise», 78, [4]) «Winterreise», 25. [5]) Ibid., 23, 37—8. [6]) «Sommerreise», 70. [7]) «Winterreise», 17—19. [8]) Ibid., 22—3. [9]) Ibid., 14. [10]) «Sommerreise», 86. [11]) Ibid., 94. [12]) «Winterreise», 19. [13]) Ibid., 13, 56—8.

Allem sich eine Freude machen können» [1]). «Nehmet mich unter euch, ihr Hirten, ich will nicht in Arkadien euch verwandeln, nicht ein süsses Lied euch auf der Flöte spielen lehren; das grobe Gewand, das ihr um euch geworfen, sollt ihr behalten, und euer Gesang der Natur» [2]). Послѣ всякаго волненія авторъ впадаетъ обыкновенно въ какое-то восторженное приподнятое настроеніе: «Bei der Abendmahlzeit sprachen wir wenig, sahen uns ofter einander an, und freuten uns, dass wir Brüder waren» [3]). Какъ всѣ сентиментальные писатели, Jacobi— другъ всего человѣчества: «Ich weis, dass ich von vielen geliebt werde, und meiner Feinde, wovon ich keinen verdiene, sind wenig» [4]). Авторъ не прочь посвятить вечеръ сентиментальнымъ размышленіямъ во вкусѣ Юнга и пожалѣть отъ души всякаго, кто не способенъ на такія размышленія: «O, ihr, Unglücklichen, die ihr von der Abenddämmerung keinen Gebrauch zu machen wisset! In sie verhüllt sich oft die Tugend, wenn sie vom Himmel, herabkommt, über die Menschen ze weinen, und in ihrem Gewande geht das Mitleid und sucht ein gutes Herz, dem es einige leise Worte zu flüstern könne [5]). Далекое прошлое родной земли привлекаетъ его вниманіе: глядя на дубъ, онъ рисуетъ себѣ картины изъ жизни язычниковъ-германцевъ, вспоминаетъ бардовъ, вспоминаетъ суровыхъ воиновъ, сидѣвшихъ подъ этимъ дубомъ... [6]). Заглядывая въ будущее, сентиментальный путешественникъ горюетъ, что наступитъ время, когда наша культура окончательно забудется или сдѣлается непонятной грядущимъ вѣкамъ [7]).

Во Франціи «Стерномъ» называли Верна (Vernes) за его два «сентиментальныя» путешествія: «Le voyageur sentimental ou ma promenade à Yverdun» (à Londres, 1799, Nouv. éd.) и «Le voyageur sentimental en France sous Robespierre» (An VII de la République, 2 vol.). Первое изъ этихъ произведеній

---

[1]) «Sommerreise», 74—5; Ср. Карамзина, Соч., II, 109 и др.
[2]) Ibid., 99. Ср. К—на, Соч., II, 272, 278—9. [3]) «Winterreise», 62;
[4]) «Sommerreise», 104, см. тоже: «Winterreise», 36. Ср. К—на, Соч., II, 68 и др.
[5]) «Sommerreise», 81. [6]) «Winterreise», 41; Ср. К—на, Соч., II, 39, 432 и др
[7]) «Winterreise», 49. Ср. К—на, Соч., II, 433.

было, несомнѣнно, извѣстно Карамзину: «узналъ я и молодого Верна», говоритъ онъ, «Вамъ извѣстна его Франсіада и Voyageur sentimental, въ которыхъ много хорошаго и трогательнаго» [1]). Оба «путешествія» Верна написаны гораздо талантливѣе, чѣмъ «путешествія» Jacobi: они отличаются бо́льшимъ разнообразіемъ въ содержаніи и бо́льшей живостью въ изложеніи. Авторъ ближе къ Стерну въ томъ отношеніи, что въ его сочиненіяхъ (особенно первомъ) значительное мѣсто отведено комическому элементу [2]), котораго у Jacobi совсѣмъ нѣтъ. Въ общемъ же, Вернъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ другихъ «сентиментальныхъ» путешественниковъ: у него то-же богатство воображенія, то-же преклоненіе предъ своей чувствительной душой, то-же міровоззрѣніе, тѣ-же интересы... Начинаетъ свое сочиненіе онъ съ извиненія, что въ его «путешествіи» не будетъ никакихъ описаній: «Pardon, lecteur; à l'exemple des voyageurs, j'aurais dû vous donner la description topographique du lieu de notre départ, vous marquer exactement sa latitude, sa longitude, sa distance de la capitale; vous parler de son église, de son château, de sa bibliothèque, etc... J'avoue, à ma honte, que ce superbe genre d'érudition n'est pas le mien; vous ne le verrez que trop dans tout le cours de mon *Voyage*. Helas! une nuance de sentiment me frappe et m'attache plus que tous *les Panthéons* et les *Colonnes Trajanes*. *L'homme au mouton*, par exemple, *l'aveugle et sa fille*, *le béquillard*; vollà mes folies!» [3]). «Encore une fois pardon, lecteur, si je vous ai peint mes sentimens, plutôt que les lieux où j'ai passé... Quand les glaces de l'âge, ou, peut-être, hélas! une connaissance plus approfondie des hommes, auront diminué cette sensibilité expensive, qu'au printemps de la vie l'ame porte sur tous les objets, je dirai ce que j'aurai *vu*; maintenant je dis ce que je *sens*» [4]). Vernes преклоняется передъ Ричардсономъ [5]), особенно передъ Руссо: «Être Eternel, pardonne si le nom de Rousseau ne sort de mes levres

---

[1]) Карамзинъ, Соч. II, 355. [2]) Vernes, «Le voyageur sent. ou ma promenade»... etc., 6, 10, 13, 24, 26, 40—42, 43—4, 45—50, 50—5, 69—70, 120—7, 135—43, 151—3 и др. [3]) Vernes, 6—7. [4]) Ibid., 204—5. [5]) Ibid., 36.

qu'avec un respect qui me semble tenir de celui dont je suis pénétré en prononçant le nom de Ta Majesté Sainte!.. Toutes les merveilles de la création me rappellent à leur Auteur; et Rousseau, quel rang ne tienti-il pas parmi ces merveilles? O, Rousseau! ame bonne! ame sublime! Si la flamme de la vertu cesse jamais de brûler mon coeur, c'est-ici que je viendrai la ralumer; ici... dans ce lieu plein de ta présence... Rousseau! gloire de l'homme, dans l'aveu même de tes foiblesses» [1]). Vernes посѣщаетъ Веве, окрестности котораго описаны въ романѣ Руссо, «Nouvelle Héloise»: «Curieux de visiter le pays que Rousseau a rendu plus célebre que son vin, j'y allai il y a quelque tems... Je n'y fus pas plutôt arrivé que, *l'Héloise* à la main, je me fis conduire dans tous les lieux où je soupçonnois que *Julie* et *Saint-Preux* avaient respiré, pensé, aimé.. Ah! Messieurs, m'écriai-je, que ce beau pays, ces sites délicieux, où la nature étale tous ses charmes, méritaient bien d'être habités par *Julie* et chantés par Rousseau!» [2]). Ученикъ Руссо, Vernes такъ же, какъ и онъ, увлекается природой, неиспорченной культурными людьми. Поэтому онъ восхваляетъ жизнь крестьянъ: «...ils sont plus hommes; ils m'offrent une nature moins défigurée: et quand je veux mettre dans la bouche des Grands des sentimens vrais et purs, je vais les puiser dans le coeur des petits [3]) Поэтому же считаетъ онъ счастливыми Швейцарцевъ: «O bons Helvétiens! combien je vous aime! peuple franc, ouvert et loyal! Si Saturne et Rhée reviennent sur ce globe chercher des coeurs de l'âge d'or, c'est chez toi, qu'ils en trouveront! Puisse la contagion du luxe dévorant et du desséchant égoisme ne jamais t'atteindre!» [4]). Сельская свадьба надолго приковываетъ его вниманіе, потому что простота неиспорченныхъ нравовъ приводитъ его въ умиленіе [5]). Ночныя размышленія во вкусѣ Юнговыхъ, также находятъ въ Вернѣ усерднаго поклонника: «Les profondes ténèbres

[1]) Vernes, 64—65; Ср. Карамзина, Соч., II, 631 и др. [2]) Vernes. 71—72; Ср. К—на, Соч., II, 302—4 и др. [3]) Ibid.. 14; Ср. К—на, Соч.. II, 108 и др.
[4]) Ibid., 73; Ср. К—на. Соч.. II, 192, 204 и др.
[5]) Ibid., 171—2; Ср. К—на, Соч., II, 283—4 и др.

qui couvraient la terre, m'invitaient à rêver au milieu du silence de tous les êtres, et m'attristaient, quand j'allais au plaisir» [1])... «La nuit commençait à couvrir la terre; ses mélancoliques ténèbres effaçaient peu à peu dans mon ame les douces impressions que la scène précédente y avait laissées... O nuit! tu ne peux qu'attrister l'homme! tu lui montres une partie de la grande nuit qui a précédé les astres et qui doit les engloutir» [2]). Картина мирной природы навѣваетъ на душу Vernes'a тихое, безмятежное счастье: «...le chant de quelques oiseaux avant-coureurs de printemps, était si gai; tout m'offrait une nature si riante, que j'espérais n'y plus trouver de malheureux» [3]). Величественная природа Альпъ настраиваетъ его душу на возвышенный ладъ: «Arrivé au sommet, je me retourne; une extase silencieuse, à l'aspect de tant de merveilles, est un hymne au Créateur; hymne sacré que ma voix craint d'affaiblir... Être des êtres! à ton signal les mondes échappés du néant roulèrent dans l'immensité de l'éspace et reçurent des bornes dans une étendue qui n'en a point» [4]). Чувствительность для него — высшее достоинство его сердца: «Mécanisme admirable! toutes les autres cordes du coeur se taisent, quand celle de l'humanité vient à frémir!» [5]). Наконецъ, вводные эпизоды, маленькія повѣстушки съ самымъ трогательнымъ содержаніемъ занимаютъ чуть не половину его сочиненія: человѣкъ, спасшій барашка отъ мясника [6]), слѣпой, нашедшій свою дочь [7]), крестьянинъ-вдовецъ [8]), дѣти около трупа матери [9]), несчастная кошка, мучимая людьми [10]), картина погребенія [11]), маленькій нищій [12]) и много другихъ подобныхъ жесюжетовъ занимаютъ Верна очень сильно. Постоянныя встрѣчи съ различными несчастными, калѣками, сиротами, гонимыми и пр., удивляютъ даже самого Верна: «comment arrive-t-il, восклицаетъ онъ, que ce soient les malheureux qui nous cherchent presque toujours?» [13]).

---

[1]) Vernes, 11—12. [2]) Ibid., 177—8. [3]) Ibid., 206; Ср. Карамзина, Соч., II, 108. [4]) Ibid., 203; ср. К—на, Соч., II, 270. [5]) Ibid., 160.

[6]) Vernes, 14—17. [7]) Ibid., 31—36. [8]) Ibid., 58—9. [9]) Ibid., 59—62. [10]) Ibid., 70. [11]) Ibid., 82—4. [12]) Ibid., 158—160. [13]) Ibid., 108.

Второе сочиненіе Верна, «Le voyageur sentimental en France sous Robespierre», не могло быть извѣстно Карамзину до написанія имъ «Писемъ», такъ какъ имѣющійся у насъ экземпляръ этого сочиненія Верна носитъ дату: «An VII, de République» (1798 г.) безъ оговорки, что онъ представляетъ изъ себя позднѣйшее изданіе. Но, тѣмъ не менѣе, произведеніе это представляетъ для насъ большой интересъ, какъ принадлежащее къ «сентиментальнымъ» путешествіямъ, поразительно сходное со всѣми предшествующими.

Отличается это произведеніе Верна отъ перваго его «путешествія» почти совершеннымъ отсутствіемъ комическаго элемента [1]), бо́льшей сгущенностью сентиментальнаго колорита и особеннымъ обиліемъ вставныхъ эпизодовъ, которые въ этомъ сочиненіи разростаются порой до цѣлыхъ повѣстей-романовъ [2]). Въ остальномъ это второе путешествіе Верна повторяетъ все, что высказано было раньше въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ. Объясняя задачи своей работы, Вернъ заявляетъ: «...je cherche à prouver que les sentimens bons et généreux du coeur doivent.. être écoutés sans cesse comme la seule voix qui ne trompe point, ou dont les erreurs même servent l'humanité» [3]). Поэтому авторъ очень дорожитъ своимъ «сердцемъ» и всѣми его качествами [4]), отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависитъ счастіе жизни [5]). Доказательству громадной роли «чувства» въ жизни человѣка посвящены всѣ вводные эпизоды, иллюстрирующіе мысли автора: «au lieu de tracer, à l'exemple de tant de moralistes, un tableau, qui ne s'appli-

---

[1]) Vernes, «Le voyageur sent»., I, 116, 182—188, [2]) Ibid.. Исторія Volny, I, 26—35; Исторія Fidèle и Fidelis, I, 50—62; Félix et Lina, I, 87—100; Маленькій нищій, I, 122; Каторжникъ и его сиигирь, I, 166—178; Исторія Volnery, I, 212—246; Colette et Colas, I, 246—257; Amélie ou l'école de malheur, I, 260—296; Исторія Lepervier, II, 49—74; Исторія двухъ слѣпыхъ, II, 97—118; Заключенный въ Бастиліи, II, 126; Crieur des vieux habits, II, 120—124; Исторія угольщика, II, 296—308; Исторія Терезы, II, 168—182; Инвалидъ, II, 203—212; Исторія Melcour a, II, 217—238; Исторія Танкреда, II. 269—287 и др. [3]) Ibid., I. vi. [4]) Ibid., I. v, vii, 1—10.

[5]) Ibid., I, v—vi и др.

que, ne sert ou ne fait envie à personne; continuons d'observer la grande scène du monde et de faire jaillir quelques vérités de ses tableaux» [1]). Онъ прислушивается къ голосу несчастныхъ [2]), съ восторгомъ отмѣчаетъ всѣ встрѣченныя имъ у людей черты «чувствительности» [3]), старательно заноситъ въ свой путевой журналъ всѣ трогательныя происшествія, случившіяся по дорогѣ... Конечно, эти поиски «чувствительныхъ» сценъ и положеній у «сентиментальнаго путешественника» богаты результатами, — «Combien le philosophe, ami de la nature, aime, observe, admire et vit plus que l'indifferent qui n'a ni des yeux pour la voir, ni un coeur pour la sentir» [4]). Онъ съ радостью признаетъ «чувствительность» и у животныхъ [5]): «oui, si la vie n'était pas déjà si courte pour l'étude de l'homme, j'entreprendrai un voyage sentimental parmi les animaux!» [6]) — восклицаетъ онъ.

Поклонникъ «чувства», онъ мало значенія признаетъ за «разумомъ»: «...un bon coeur nous est plus nécessaire qu'un grand savoir» [7]). Оттого въ своемъ путешествіи онъ оставляетъ совсѣмъ въ сторонѣ цѣли образовательныя: «qu'on ne s'attende donc point à trouver ici le genre d'instructions ou de détails descriptifs, qu'offre la plupart des voyages; mes amis, la première des instructions est celle qui nous fait aimer nos semblables» [8]), — онъ прямо заявляетъ: «laissant à d'autres le soin de détailler ton museum, tes palais, tous les miracles de l'art, toutes les conquêtes de la valeur que tu rassembles dans ton sein, et qui te rendent en quelque sorte l'écrin des merveilles de l'Univers, je me suis arrêté que sur les scènes qui pouvaient intéresser, épurer, éclairer la première de toutes les merveilles, la plus importante et la moins connue, le coeur de l'homme» [9]). Преслѣдуя эту цѣль, «citoyen du monde [10]),

---

[1]) Vernes, I, 249. [2]) Ibid., I, 87, II, 11 и мн. др. [3]) Ibid., I, 112, 262, II, 79 и др. [4]) Ibid., II, 198. [5]) Ibid., II, 116, 251, 252. [6]) Ibid., II, 251—2. Ср. К—на, 535. [7]) Ibid., I, 10; также I, vii, 359 и др. [8]) Ibid., I. 10. [9]) Ibid., II, 184. [10]) Ibid., I, 2.

«филантропъ» [1]), онъ всегда жестоко казнитъ эгоизмъ [2]) и часто обращается за сочувствіемъ къ «ames sensibles» [3]), «esprits généreux» [4]), «coeurs simples et vertueux» [5]). «L'amour», «l'amitié», «la nature», «la bienfaisance» [6]), «douceur de naturel», «bonté de coeur», «tempérance», «amour filial», «simplicité de moeurs», «justice», «pitié», «modération dans les désirs», «crainte de Dieu», «piété», «reconnaissance» [7]),—вотъ, качества идеальнаго человѣка, приносящія ему высшее счастье «bonheur paisible» [8]). Ни въ одномъ произведеніи XVIII в. не встрѣтили мы такого обстоятельнаго точнаго опредѣленія идеаловъ «сентиментальной» школы...

Какъ всѣ сентиментальные писатели, онъ, главнымъ образомъ, живетъ своимъ воображеніемъ: малѣйшаго намека достаточно ему, чтобы передъ его глазами съ поразительною живостью пронеслась цѣлая картина [9]). Онъ часто сознаетъ, что картина эта съ дѣйствительностью имѣетъ мало общаго, но эта мысль не отравляетъ его наслажденія: пускаясь въ путь, онъ заранѣе привѣтствуетъ обманчивые призраки своего воображенія: «Songes légers, songes aimables, présent d'une imagination bienfesante, fils adoptifs de la verité, vous élevez autour de nous les palais enchantés d'Armide et portez au sein des chimères tous les charmes de la réalité! Graces à vous, l'homme, le plus infortunée ne passe point sur la terre sans avoir connu le bonheur» [10]).. «Bercez-nous donc de vos douces erreurs, ingénieux enfants d'une divinité sensible» [11]). Онъ легко отдается чувству, и никакое сомнѣніе не тревожитъ его въ такихъ случаяхъ. Заклятый врагъ сухого разсудка, «raison humaine» [12]), онъ вѣритъ во все, что часто являлось «жертвою» его, а потому религія [13]), «безсмертіе души» [14]) находятъ въ немъ краснорѣчиваго защитника...

---

[1]) Verne. I, 2. [2]) Ibid., I, 1—2, II, 7. [3]) Ibid., I, 59.
[4]) Ibid., 103. [5]) Ibid., I, 359. [6]) Ibid., I, 105.
[7]) Ibid., I, 252—5. [8]) Ibid., I, 257. [9]) Ibid., I, 70, II, 159 и др.
[10]) Ibid., I, 312—3. [11]) Ibid., I, 314. [12]) Ibid., I. 359.
[13]) Ibid., I, 1—2, 354. II, 37 и др. [14]) Ibid., I, 302 и др.

*

Онъ — ученикъ Томсона, Стерна, Юнга, Ричардсона, Оссіана, Гёте (Вертеръ), — и подражаній этимъ писателямъ можно много указать въ его сочиненіи. Передъ Руссо [1]) онъ преклоняется. Вмѣстѣ съ нимъ, воспламененный къ тому же ужасами революціи, нападаетъ онъ энергично на цивилизованное человѣчество [2]); шумные, суетные города вызываютъ у него проклятіе [3]); онъ зоветъ всѣхъ къ чистой, неиспорченной природѣ: его умиляетъ жизнь дѣтей природы, «счастливыхъ поселянъ» [4]); онъ любовно описываетъ сельскую свадьбу [5]) или деревенскіе танцы [6]). Картины природы восхищаютъ его, хотя, нельзя не сознаться, что вкусъ у него очень однообразенъ: «весеннее утро»—почти единственный сюжетъ его картинъ [7]). Приведемъ для образца отрывокъ изъ его обычныхъ описаній природы: «..belles matinées du printemps, où parcourant les environs de la Clergère, ses côteaux fleuris ses bois sombres, ses sites agrestes animées par de fraîches eaux; nous allions ensemble saluer l'aurore, respirer le nuage, ...suivre les rayons du soleil naissant, à mesure qu'ils développaient l'enchantenent de la création» [8]).

Но къ этой природѣ Вернъ, какъ и другіе сентиментальные писатели, не можетъ отнестить объективно; онъ самъ признается, что прелесть природы зависитъ въ значительной степени отъ его настроенія: «Ah! disons le mot; nous portons en nous-mêmes l'enchantement de la nature; elle plait, elle vit dès que le sentiment du bonheur la colore de ses douces nuances; elle se tait, elle ennuye bien vîte, par-tout où nul être animé n'offre au voyageur attristé le désir ou l'espérance d'échanger une idée de partager une sensation.. l'amour s'envole, et la nature devient muette» [9]).

Какъ примѣръ перенесенія на природу своего настроенія, можно привести слѣдующую тираду:

---

[1]) Vernes, II, 22. [2]) Ibid., I, 359, 370, II, 7 и др. [3]) Ibid., I, 315—8, 345, II, 121, 184 и др. [4]) Ibid., II, 251—6. [5]) Ibid., I, 163—4. [6]) Ibid., I, 44—7. [7]) Ibid., I, 52—3, 73, и др. [8]) Ibid., I, 355—6. [9]) Ibid., I, 139—40.

«Tout alors dans la nature nous semblait aimer et soupirer comme nous; les boccages, les fleurs, dont un vent léger balançait les tiges et mêlait les parfums; les ruisseaux qui se fuyant et se rapprochant avec un doux murmure, allaient confondre leurs eaux dans la Loire, à travers de riantes prairies; mille oiseaux qui chantaient autour de nous l'amour et les délices de la terre rajeunie, nos colombes enfin qui battant des aîles sur nos têtes semblaient le simbole de notre fidélité; que d'objets charmans nourrissaient notre yvresse! De quelles couleurs fraîches et magiques, le pinceau de l'amour heureux, de l'amour en son matin peignait à nos yeux l'Univers!» [1]). Съ другой стороны, если душою Вернъ не владѣетъ какое-нибудь сильно выраженное настроеніе,—природа овладѣваетъ имъ и настраиваетъ его на свой ладъ. Напримѣръ: «traversons rapidement ce large plateau du mont Jura où le voyageur devient triste comme le pays aride et dépouillé qui frappe ses yeux» [2]).

Что касается до вводныхъ повѣстей, то всѣ онѣ шаблонны, какъ авторъ ни старался разнообразнѣе комбинировать положенія дѣйствующихъ лицъ. Это произошло потому, что всѣ дѣйствующія лица слишкомъ ужъ избиты: они встрѣчаются во всѣхъ сентиментальныхъ произведеніяхъ XVIII в., сдѣлались излюбленными образами и обратились въ общія мѣста. Viellard vénérable, претерпѣвающій удары судьбы, нѣжная молоденькая дѣвушка, née sensible, или погибающая жертвой эгоизма или находящая счастіе послѣ долгихъ страданій, юноша, оторванный обстоятельствами отъ любимой дѣвушки, жестокіе родители, въ концѣ концовъ, оплакивающіе свое безуміе, эгоистъ-любовникъ, губящій изъ-за минутной прихоти дѣвушку и, чаще всего, впослѣдствіи приводимый авторомъ къ раскаянью — вотъ, дѣйствующія лица этихъ вводныхъ повѣстей. Съ ними авторъ разыгрываетъ трогательныя сценки, обильныя «слезами», пользуясь при этомъ рядомъ положеній, въ родѣ слѣдующихъ: взаимная любовь, несогласіе

---

[1]) Vernes, I, 216—7; еще: I, 52—3 [2]) Ibid., II, 356.

родителей, разлука противъ воли, измѣна героя, страданія безъ вины, заключеніе въ тюрьмѣ, смерть, нечаянная встрѣча, раскаянье, семейное счастье и др. И изъ-за всѣхъ этихъ трогательныхъ сценъ, постоянно видѣнъ читателю самъ авторъ-идеалистъ, руководящій своими героями, освѣщающій ихъ симпатичнымъ свѣтомъ любви къ человѣчеству, правда, для нашего времени слишкомъ приторной... «Je suis un homme» [1]) — вотъ, его девизъ, и, руководясь имъ, этотъ «филантропъ», «гражданинъ вселенной», какъ онъ себя называетъ, стоитъ выше предразсудковъ религіозныхъ, національныхъ и сословныхъ... «Oui, je le soutiens, восклицаетъ онъ, le coeur même d'une grisette de Paris est quelquefois le sanctuaire de l'amour, le plus tendre, le plus sincère!..» [2]).

Еще характерно въ этихъ «сентиментальныхъ путешествіяхъ» присутствіе стиховъ. Когда внѣшнія впечатлѣнія или настроеніе автора почему-бы то ни было особенно потрясаютъ его, онъ прибѣгаетъ для выраженія своихъ чувствъ къ стихотворному размѣру [3]).

Если мы къ разсмотрѣннымъ четыремъ произведеніямъ прибавимъ еще «Sentimental Journey» Стерна, то получимъ группу произведеній, поразительно близкихъ между собой и по характеру, и по содержанію; эту группу мы и называемъ, по примѣру XVIII в., «сентиментальными» путешествіями [4]).

Даже изъ бѣглаго обозрѣнія этой группы литературныхъ путешествій, видно, что всѣ они написаны для небольшого сравнительно круга читателей, настроенныхъ на сентиментальный ладъ; обыкновенной «публики» они нисколько интересовать не могли; для многихъ современниковъ эти произведенія

---

[1]) Vernes, I, 128; II, 145. [2]) Ibib., II, 86. [3]) Ibid., I, 46, 78—9, II, 317—9. Vernes, «Voyage sent. á Yverdun», 39—40, 24; Jacobi, 5, 36—7 и мн. др. [4]) Кромѣ разсмотрѣнныхъ выше «сентиментальныхъ» путешествій, мы можемъ еще назвать сочиненія J. G. Schummel'я «Empfindsame Reisen durch Deutschland» (1770—2, 3 v.), съ которымъ, къ сожалѣнію, познакомиться мы не могли,—и Gorjy, «Nouveau voyageur sentimental», сочиненіе, отличающееся отъ вышеразсмотрѣнныхъ развѣ только обиліемъ разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ...

были не только скучны, но и непонятны, потому-то они нерѣдко подвергались насмѣшкамъ, вызывали пародіи...

Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ «Письма русскаго путешественника» подходятъ довольно близко къ «сентиментальнымъ» путешествіямъ. Карамзинъ — идеалистъ, какъ и авторы вышеразсмотрѣнныхъ сочиненій; онъ горячо любитъ человѣчество, надѣленъ чувствительнымъ сердцемъ, интересуется трогательными сценами и любовно относится къ природѣ,—но, вопервыхъ, все это сказывается у него гораздо блѣднѣе: онъ, напримѣръ, никогда не доходитъ до такого самообожанія, до котораго доходятъ авторы «сентиментальныхъ путешествій» и при которомъ внѣшній міръ перестаетъ существовать, — а, во-вторыхъ, онъ совершенно чистъ отъ обвиненія въ односторонности: поклонникъ «чувства», онъ никогда не проклиналъ «разума»; его «Письма» даже болѣе говорятъ разуму, чѣмъ чувству. Жизнь западной Европы, общественная и политическая, историческое прошлое ея, литература—все это составляетъ значительную часть «Писемъ русскаго путешественника», въ этомъ ихъ большая цѣна. Потому-то къ «сентиментальнымъ» путешествіямъ причислены «Письма» быть не могутъ: они писаны не для кружка, а для всего «читающаго общества».

Послѣ «сентиментальныхъ» путешествій съ одной стороны—и «описательныхъ» произведеній (путешествія, описанія, путеводители), съ болѣе или менѣе, «научнымъ» содержаніемъ—съ другой,—перейдемъ къ двумъ произведеніямъ, которыя, подобно извѣстному уже намъ произведенію Морица [1]), представляютъ соединеніе элемента «сентиментальнаго» съ элементами: «историческимъ», «политическимъ», «эстетическимъ». Авторы ихъ, подобно нашему Карамзину, равно позаботились о «сердцѣ» и о «разумѣ» читателей, — и потому ихъ сочиненія, по своему содержанію, оказались весьма близкими къ «Письмамъ русскаго путешественника». Знакомство съ этими произведеніями представляетъ для насъ немалый

---

[1]) См. выше стр. 244—251.

интересъ, тѣмъ болѣе, что съ однимъ изъ нихъ Карамзинъ, несомнѣнно, былъ хорошо знакомъ.

Dupaty «Lettres sur l'Italie en 1785» (à Paris, M.DCCIX, Nouv. éd., 3 t.) читаются и теперь съ живымъ интересомъ; эти очерки Италіи, набросанные въ высшей степени талантливо, обнаруживаютъ въ авторѣ и живое чувство, и трезвый умъ, и рѣдкую наблюдательность. Объ этомъ сочиненіи въ «Письмахъ» Карамзина говорится два раза: 1) когда приводятся слова Боннета о томъ, какіе литературные споры бываютъ у него съ женою: «Вчера, напримѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Пати* (*Lettres sur l'Italie); слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ (Боннету) фигурнымъ и принужденнымъ; она находитъ въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я—однѣ антитезы» [1]).— 2) Самъ Карамзинъ въ парижскомъ салонѣ хвалитъ Дюпати: «я хвалилъ дю-Пати»...[2]). Правда, въ обоихъ случаяхъ слава Дюпати является спорною, но для насъ важно, что Карамзинъ сталъ въ ряды ея защитниковъ. Цѣнную характеристику Дюпати, какъ автора «Lettres sur l'Italie», даетъ отзывъ о немъ одного критика, приложенный къ 3-ьему тому «Lettres»; читая этотъ отзывъ, мы невольно припоминаемъ Карамзина съ его произведеніемъ: «Il sembloit voyager avec plusieurs esprits. L'esprit philosophique marchoit le premier; il observoit tout avec finesse; il répandoit et recuilloit les idées. L'esprit littéraire suivoit, pour peindre les objets nouveaux, pour rajeunir les tableaux anciens, pour traduire les sensations en images et les récits en spectacles. L'esprit magistral n'étoit pas moins occupé à étudier les lois du pays, qu'il parcouroit... Son coeur étoit ému à l'aspect de la moindre oppression et il notait en passant les bons et mauvais juges»[3]). «Les ruines de l'antiquité et l'infortune des grands hommes le frappoient d'une sublime terreur. Il devenoit peintre et poëte aussitôt que compatissant...» [4]).

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 353. [2]) Ibid., 453. [3]) Dupaty, «Lettres sur l'Italie», III, 154—5. [4]) Ibid., 156.

Когда онъ говорилъ о «человѣкѣ»—«sa voix devenoit sonore et touchante; son regard lumineux et vaste» [1])...

Вѣроятно, подъ вліяніемъ Дюпати Карамзинъ стремился на югъ Франціи; по крайней мѣрѣ, тѣ строки, которыя онъ посвятилъ южной Франціи, кажутся намъ навѣянными именно сочиненіемъ Дюпати: «Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ! шумный пѣнистый ключъ, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу! и т. д... Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!» [2]). О Воклюзскомъ ручьѣ и о воспоминаніяхъ, связанныхъ съ нимъ, много говоритъ именно Дюпати. Приведемъ это мѣсто изъ Дюпати, какъ, между прочимъ, образецъ стиля автора, стиля, очень близкаго къ карамзинскому: «Mes premiers empressemens ont été pour la fontaine de Vaucluse. J'ai été la voir hier, je ne sais pourquoi je dis «hier», car il me semble que je la vois encore aujourd'hui. Je crois voir encore aujourd'hui s'échapper du milieu d'une chaîne de montagnes, comme du fond d'un vaste entonnoir, une rivière qui monte, s'élève et tout-à-coup se déborde avec un impétuosité, avec un tonnerre, avec un boullonnement, avec une écume, avec des chutes, que le pinceau du poëte ni celui de peintre ne rendront jamais: c'est la fontaine de Vaucluse. Un instant après, cette rivière se calme, comme un heureux naturel que la vivacité emporte d'abord et que soudain la bonté modère. Elle change alors ses flots d'argent en flots d'azur et les verse, et les roule, et les abandonne sur un tapis d'émeraude»... [3]). Глядя на потокъ, Дюпати вспоминаетъ Петрарку и Лауру: «ce souvenir de Pétrarque et de Laure anime tout le paysage: il l'embellit, il l'enchante. J'ai cherché des traces de ces amans sur tous les rochers. C'est donc ici, disois-je, qu'ils venoient s'asseoir ensemble que Pétrarque a tant aimé, a répandu tant de larmes; qu'il a poussé

---

[1]) Dupaty, III, 157. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 430. [3]) Dupaty, I, 1—2. Ср. Карамзина, Соч., II, 280, 281, 226, 228, 271 и др.

tous ces soupirs immortels que nous entendons encore! Je me suis assis sur la pente d'un rocher, et là, je me suis enivré, pendant une heure, du bruit de ces eaux, de la verdure de ces gazons, de l'azur de ce beau ciel, de la jeunesse du printemps et du souvenir de Laure» [1]). Подобныя же чувства не разъ переживалъ и нашъ писатель, посѣщая мѣста, извѣстныя ему по литературнымъ воспоминаніямъ [2]).

Близокъ Карамзинъ къ Дюпати и тѣмъ основнымъ тономъ гуманности, которымъ проникнуты его личныя чувства, которымъ освѣщенъ цѣлый рядъ картинъ въ «Письмахъ»... «L'humanité est une lumière» [3])—вотъ, девизъ Дюпати. Причисляя себя къ «чувствительнымъ людямъ» («êtres sensibles») [4]), онъ не разъ обращается съ рѣчью къ родственнымъ ему «ames sensibles» [5]); онъ дорожитъ своею чувствительностью: «j'aime les lieux souterrains, восклицаетъ онъ, là, détachée de tous ses sens, et seule avec elle, l'ame jouit alors de toute sa sensibilité; elle s'élève à une hauteur inconnue» [6]). Но онъ не замыкается въ этомъ *самосозерцаніи* — его интересуютъ вообще «profondeurs du coeur humain» [7]). И онъ изучаетъ это сердце не только на трогательныхъ «встрѣчахъ» съ несчастными—нѣтъ: онъ смотритъ на такое изученіе гораздо шире: политическая и общественная жизнь Италіи, ея историческое прошлое и настоящее, ея экономическое положеніе, — вотъ, тотъ цѣнный матеріалъ, который существеннымъ образомъ отличаетъ произведенія Дюпати отъ «сентиментальныхъ» путешествій. Судопроизводство, законодательство, средства къ исправленію и наказанію преступниковъ [8]), заботы правительствъ итальянскихъ о больныхъ [9])—постоянно привлекаютъ его вниманіе. Онъ интересуется образомъ правленія во всѣхъ итальянскихъ республикахъ, черезъ которыя лежалъ его путь [10]). Интересы историческіе въ равной степени ему присущи:

---

[1]) Dupaty, I, 3—4. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 304, 302, 211, 366, 624. 237 и др. [3]) Dupaty, I, 9. [4]) Ibid., 20. [5]) Ibid., 71, 77. [6]) Ibid., II. 88. [7]) Ibid., I, 14. [8]) Ibid., I, 5—6, 64, 77, 149, 11, 18, 40, 42, 103 и др. [9]) Ibid., I, 30, 51, 70, 92, 99 и др. [10]) Ibid., I, 5—6, 21—2, 34, 64, 75, 94 и др.

не разъ прошлое Италіи встаетъ передъ нимъ въ яркихъ живыхъ образахъ; не разъ его встревоженное воображеніе рисуетъ передъ нимъ цѣлыя историческія картины [1]). И онъ любитъ эти картины: «oui, j'aime à reculer, восклицаетъ онъ, de deux mille ans dans le passé, au milieu des ruines d'une ville grecque et parmi les Sybarites» [2]). Онъ любитъ «грустить на развалинахъ» [3]), и чувство, вызываемое въ его душѣ созерцаніемъ этихъ развалинъ, «douce tristesse», любезно ему. Всѣ эти характерныя черты сближаютъ произведеніе Карамзина съ работой Дюпати. Одинаково интересуетъ обоихъ авторовъ и искусство. Дюпати старательно посѣщаетъ дворцы итальянскихъ магнатовъ [4]), внимательно знакомится со всѣми картинными галлереями [5]), обстоятельно описывая выдающіяся картины [6]) и статуи [7]): его подробныя и талантливыя описанія стоютъ иногда цѣлыхъ поэмъ. Для Карамзина такія описанія могли сослужить свою службу, такъ какъ только у Дюпати да у Карамзина встрѣтили мы обстоятельныя и художественныя описанія произведеній искусства; другіе путешественники совершенно не касались ихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Приведемъ изъ Dupaty нѣсколько его описаній, по характеру, очень близкихъ къ карамзинскимъ. Дюпати описываетъ «Assomption» Гвидо-Рени: «...c'est là une vierge! ce sont là des anges! c'est là monter vers le ciel! au milieu des airs, en choeur, des anges plus beaux, plus charmans, les uns que les autres, se donnent la main. Sans aucune peine, sans aucun effort, ils suivent vers les cieux la Vierge, comme nous, autres mortels, nous précipiterions vers la terre! Quelle pureté sur ce front divin! Déjà ses regards ont percé le ciel et se reposent dans le sein du Dieu qui l'attend; ils sont humides d'un bonheur céleste...» [8]). Заканчиваетъ авторъ такъ: «J'ai be-

---

[1]) Dupaty, I, 125—8, 174, II, 1—3, 56—7, III, 11 и др. [2]) Ibid, III, 47. [3]) Ibid., II, 93. [4]) Ibid., I. 23, 29, 147, 154, 165, II, 66, 91, III, 18 и др. [5]) Ibid., I, 24, 83, 108, 165, III, 13 и др. [6]) Ibid., I, 25, 36, 38—9, 115, 132, 152, II, 69 и др. [7]) Ibid.. I, 109, 110, 111, 112, 121—4, 129, 130, II, 40—6, 67, 77—83, 96—108. [8]) Ibid., I, 25.

soin, que le sommeil vienne fermer mes yeux; ils sont fatigués d'admirer» [1]). Описывая бюстъ Марка Аврелія, авторъ восклицаетъ: «Cherchons son ame et son esprit dans tous ses trais... Oui, Marc-Aurèle devoit avoir cet air mélancolique: il aimoit les hommes, il vouloit les rendre heureux, et il connoissait les hommes!» [2]). Описаніе картины: «Аполлонъ, преслѣдующій Дафну»—авторъ заканчиваетъ восклицаніемъ: «Je ne peux plus ni admirer, ni regarder, ni même voir. Ma sensibilité est épuisée. Je sors» [3]). Подобныя восклицанія мы услышимъ и отъ нашего путешественника, который охотно «таялъ сердцемъ» [4]) передъ произведеніями искусства и такъ же охотно описывалъ ихъ въ своихъ «Письмахъ» [5]). Кромѣ картинныхъ галлерей, посѣщалъ Дюпати и академіи [6]), библіотеки [7]), музеи естественныхъ наукъ [8]), церкви [9])... Любознательность Карамзина направлялась, какъ извѣстно, на то же. Въ равной же степени оба интересуются могилами извѣстныхъ имъ историческихъ лицъ [10]), писателей, художниковъ... Сближался Дюпати во время путешествія съ различными выдающимися дѣятелями и оставилъ въ своихъ «Lettres» цѣлый рядъ живыхъ, типичныхъ портретовъ [11]). То же дѣлалъ и Карамзинъ. Наконецъ, при подходящей обстановкѣ, у обоихъ живо вспоминаются любимые писатели [12]).

Въ описаніяхъ природы Дюпати замѣчательно близокъ къ Карамзину; впрочемъ, нашъ писатель разнообразнѣе, такъ какъ въ его произведеніи встрѣчается много разнородныхъ пейзажей, тогда какъ Дюпати рисовалъ всегда мирный пейзажъ, озаренный заходящимъ или восходящимъ солнцемъ; въ его картинахъ много зелени, много лазури... Тихая грусть, «меланхолія» — основное чувство, освѣщающее его картины своеобразнымъ мягкимъ свѣтомъ; образчики такихъ пейзажей

---

[1]) Dupaty, I, 26. [2]) Ibid., II, 67—8. [3]) Ibid., II, 69. [4]) Карамзинъ, Соч., II, 560. [5]) Ibid., 183, 290, 560 и др. [6]) Dupaty, I, 158—165. [7]) Ibid., 84, 144. [8]) Ibid., I, 134. [9]) Ibid., 140, II, 185—9. [10]) Ibid., II, 5; III, 1, 27 и др. [11]) Ibid., I, 19, 44—50, 95—106, 139, II, 193—6. [12]) Ibid., I, 54, II, 19, 125—132 и др.

мы найдемъ и въ «Письмахъ русскаго путешественника». Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Le beau soir! Il sembloit que le jour quittoit à regret la nature! Je ne puis vous exprimer avec quel plaisir j'abandonnai mon ame, obsédée par tant d'images funestes, à tous les charmes de la saison et du lieu. Je me mis à respirer le printemps, la nature et la vie; ...oh! que les beautés de la nature sont supérieures aux beautés de l'art» [1]... «Ces monts couronnent bien cette ville! cette ville, à son tour, couronne bien ce côteau! Comme ce côteau descend doucement chargé de moissons de toute espèce! Là, un champ de blé, plus loin un verger, plus loin des treilles couvertes de vignes. Tout d'un coup, du mlieu de toutes ces riantes verdures, un fleuve impétueux s'élance et se divise en cinq fleuves... C'est sans doute ici que Properce venoit rêver, venoit composer ses vers».. [2]). «Charmante retraite! Mais quel bruit agréable et doux s'insinue insensiblement dans le silence qui m'environne! C'est le concert enchanteur du soir, des rossignols qui exhalent leurs derniers accens, des colombes, qui murmurent leurs derniers baisers, des oiseaux qui s'enfuient devant la nuit qui les menace, des zéphirs qni quittent les calices tremblans des fleurs.. enfin de toutes les eaux qui dans ce jardin immense ou ruisselent, ou jaillissent, ou tombent sur les gazons et les marbres.. [3]). Aimable paix, comme vous resterez dans cette enceinte, demeurez aussi dans mon coeur; suivez moi au milieu des passions des hommes, au milieu des maux qu'ils endurent et des maux qu'ils font souffrir..» [4]). «...Je m'arrêtai; je m'assis sur une pierre et je me mis à écouter, au clair de la lune, le bruissement de vagues qui expiroient à mes pieds. Je ne saurois vous rendre quelle profonde et délicieusse mélancolie s'empara alors de moi...» [5]). Подобныхъ картинъ мы встрѣтимъ немало и у Карамзина.. [6]). Сходство между двумя авторами можно

---

[1]) Dupaty, I. 157. [2]) Ibid., II, 18—9. [3]) Ibid., II, 182.
[4]) Ibid., 184. [5]) Ibid., III, 115—6. [6]) Карамзинъ. Соч. II, 107 108—109, 200, 205, 228, 265. 280, 333, 381, 717 и др.

найти и въ нѣкоторыхъ мелочахъ: мысль о превосходствѣ природы надъ искусствомъ приходитъ въ голову Дюпати, когда онъ осматриваетъ Флорентійскій соборъ [1]), — то же думаютъ Карамзинъ и Морицъ при осмотрѣ Лондонскаго собора [2]); описаніе садовъ Poggy [3]) у Дюпати очень сходно съ описаніями садовъ у Карамзина [4]).

Наконецъ, сходство между двумя путешественниками простирается до того, что результаты ихъ поѣздокъ оказались тожественными. Дюпати восклицаетъ: «D'autres rapporteront de Rome des tableaux, des marbres, des médailles, des productions d'histoire naturelle; moi j'en rapporterai des sensations, des sentimens et des idées: et surtout les idées, les sentimens et les sensations qui naissent au pied des colonnes antiques, sur le haut des arcs de triomphe, dans le fond des tombeaux en ruines, sur les bords mousseux des fontaines..» [5]). Совершенно то же вынесъ изъ путешествія и нашъ Карамзинъ; если онъ и не высказываетъ этого прямо въ «Письмахъ русскаго путешественника», то само произведеніе говоритъ за него.

Оканчивая этимъ разборъ произведенія Дюпати, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что «заимствованій» Карамзинъ у Дюпати никакихъ не сдѣлалъ, хотя подъ вліяніемъ его, равно какъ и Морица, несомнѣнно, находился. Тожество интересовъ обусловило внутреннее сходство произведеній обоихъ писателей, а вліяніе стиля Дюпати, вліяніе его манеры письма сблизило оба произведенія даже съ внѣшней стороны...

Нѣсколько въ иномъ родѣ другое сочиненіе, на которомъ мы сочли нужнымъ остановиться: «Briefe eines Sachsens aus der Schweiz...» (Leipzig, 1785, 2 Th.). Хотя это произведеніе и относится по своему содержанію къ тому же типу «путешествій», что и работы Морица, Дюпати и Карамзина, такъ

---

[1]) Dupaty, I, 141. [2]) Карамзинъ, Соч.. II, 702. [3]) Dupaty, I, 47—8.
[4]) К-нъ, Соч., II, 200, 601, 712. [5]) Dupaty, II, 65—6.

какъ занимаетъ среднее мѣсто между «сентиментальными» путешествіями и «научными», — тѣмъ не менѣе, интересы автора замѣтно склоняются въ одну сторону: наблюденіе за собственной чувствительной душой его интересуетъ, повидимому, больше, чѣмъ собираніе фактовъ изъ политической жизни Швейцаріи; психологическая сторона замѣтно главенствуетъ въ его произведеніи, и оно, въ полномъ смыслѣ слова, представляетъ то «зеркало души», которое видѣлъ въ своихъ «Письмахъ» нашъ Карамзинъ [1]). Именно въ этомъ отношеніи между обоими произведеніями замѣчается такая близость, что можно, кажется, предположить знакомство Карамзина съ этимъ сочиненіемъ, тѣмъ болѣе, что эта близость простирается и на нѣкоторыя детали.

«Briefe eines Sachsens» «kamen aus einem warmen freundschaftlichen und mittheilenden Herzen» [2]). Авторъ ихъ—«der Jungling mit dem scharfen Auge, mit dem lebhaften Gefühl, dem warmen Herzen und mit der schöpferischen Einbildungskraft» [3])—т. е. совершенный прототипъ нашего Карамзина. Немудрено, что содержаніе ихъ «Писемъ» оказалось очень близкимъ. «Briefe eines Sachsens» «sollen nicht als Muster von Briefen, nicht als Roman, nicht als vollständige Reisebeschreibung angesehen werden, sondern...—als einzelne, zerstreute Nachrichten über Länder, Orte und Personen, als Rapsodie, als Schweizerscenen, als Gedanken und Bemerkungen eines Mannes, die bei diesen Scenen sich ihm darboten — als Empfindungen, die dadurch veranlasst wurden» [4]). Авторъ смотрѣлъ на все «mit scharfem Blick, hörte mit Aufmerksamkeit, beobachtete, ging von Erfahrung zu Erfahrung, lernte das menschliche Herz immer besser und besser kennen» [5]),—въ результатѣ, получилось произведеніе, которое авторъ предназначилъ не для ученыхъ, а для читающей публики [6]). Поэтому онъ всѣми силами постарался сдѣлать свое произведеніе «интереснымъ»: «Man verwechsle ja

---

[1]) Карамзинъ. Соч.. II, 790. [2]) «Briefe...», I, 5. [3]) Ibid., 30—1.
[4]) Ibid., 24. [5]) Ibid.. 16. [6]) Ibid., 9.

nicht, заявляетъ онъ, den Gelehrten mit dem Publikum; dieses will zwar unterrichtet, aber es will dabei auf eine angenehme Art unterhalten sein. Dieses ist der Grund warum ich in den Briefen, die blos historische, statistische oder lokale Nachrichen enthalten, öfters mehrere Betrachtungen, allgemeine Anmerkungen und sentimentale Stellen, womit sie untermischt waren, habe stehen lassen» [1]). «Письма русскаго путешественника» представляютъ изъ себя такое же произведеніе, предназначенное для публики и богатое всевозможными отступленіями, оживляющими разсказъ.

Большое мѣсто, какъ мы уже говорили, авторъ отвелъ самонаблюденію [2]); это занятіе для него не представляетъ никакой трудности, такъ какъ у него «чувствительное сердце», которое «für alle Eindrücke offener ist, als ein anderes, das in seiner Selbstbehaglichkeit dahin lebt» [3]); онъ дорожитъ имъ, дорожитъ своею отзывчивостью и считаетъ ужаснымъ «sein Herz jeder Schwäche, jedem weichlichem sich eindringenden Gefühle verschliessen» [4]). Онъ даже признаетъ страданія благодѣтельными для сердца человѣческаго: «bei den Leiden der Seele kann einer viel Schönes aus sich hervorbringen, weil eine edle Seele (sie müsste denn ganz zu Boden gedrückt werden) immer sich sträubt und entgegen stimmt all dem Uebel, das auf sie eindringt. Diese Kraft, dieses Dagegenstreben, verbunden mit unserm eignen Werth, giebt unsrer Seele ein gewisser Gefühl von Grosse, aus dem alles Gute, Schöne und Grosse entspringt... Darum klagt Young so schön, darum weint Klopstock an Eidli» [5]). Этимъ объясняется, отчего авторъ слишкомъ носится со своими страданіями, и часто его «die ganze Seele ist unthätig und nur mit dem einzigen Gefühle des Schmerzens beschäftiget» [6]). «Ich bin ernsthaft, сообщаетъ авторъ пріятелю о состояніи своего духа, spreche wenig, habe oft Langweile, wenn ich unter Menschen bin und suche die Einsamkeit..» [7]). Карамзинъ точно такъ же увле-

---

[1]) «Briefe...». 27—8. [2]) Напр., ibid., I, 53, II, 323 и др.
[3]) Ibid., I, 53. [4]) Ibid., II, 306. [5]) Ibid., I, 304. [6]) Ibid., I, 305.
[7]) Ibid.. I, 43—4.

кался самонаблюденіемъ, такъ же охотно говорилъ о состояніи своей души и тоже не прочь былъ наслаждаться «страданіями» своего чувствительнаго сердца [1]). Впрочемъ, всетаки у Карамзина все это сказалось не такъ ярко и опредѣленно, какъ у автора «Briefe»: онъ, напримѣръ, никогда не сказалъ-бы, что мечты предпочитаетъ дѣйствительности, никогда не воскликнулъ-бы съ авторомъ «Briefe»: «ach! lieber Freund, dass diese schönen Bilder, diese süssen Träume, diese wonnige Gefühle... so oft gestört werden durch das, was alle Weisen so sehr rühmen, durch Wahrheit und Wirklichkeit!» [2])... За то не прочь нашъ писатель «помечтать» [3]), какъ это постоянно дѣлалъ авторъ разбираемаго нами сочиненія: «...so beschäftige ich mich oft, so finde ich oft im Trauern süsse Wonne und Seligkeit. Und dieses Gefühl hab'ich der Natur zu danken, die durch ihre Erscheinungen, durch ihre Zaubergesichte aus dem Innern meines Herzens es her vorlockte» [4]). Оба писателя страстно любятъ природу: всѣ картины природы въ произведеніяхъ обоихъ освѣщены одинаковымъ чувствомъ любви. Природа для нихъ обоихъ не мертва... «Nein, lieber Freund, sie ist lebendig für mich, восклицаетъ авторъ «Briefe», spricht mit tausend Zungen in mein Herz, nährt mich, füllt mich, ist mir alles. In ihr treibt meine Fantasie, und bildet sich selbst eine Welt, eine so süsse, so liebe... Alle Wesen darin sind meine eigenen Geschöpfe, so ganz nach meinem Kopfe und Herzen, so ganz, wie ich sie wünsche [5])... Оба писателя не разъ обращаются къ природѣ съ вопросами, съ восклицаніями [6]), привѣтствуютъ ее, прощаются съ нею... Оба они любятъ «помечтать» на лонѣ природы: «dies sind meine glücklichsten Augenblicke, говоритъ авторъ «Briefe»: hier kann ich mich ununterbrochen meinen Träumen und einer gewissen süssen Schwärmerei überlassen, die immer mehr über mich gewinnt, je mehr ich sie nähre» [7]). «Da ist nahe bei der Stadt,

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 3. 19, 73, 108 и др. [2]) «Briefe», II, 125.
[3]) К—нъ, Соч., II, 51, 155. [4]) «Briefe», I, 147. [5]) Ibid., I, 45—6.
[6]) Ibid., I, 55 и др.; Ср. К—на, Соч., II, 107, 265, 333 и др.
[7]) «Briefe», I, 41; Ср. К—на, Соч., II, 293, 317, 381 и др.

ám sanften Abhange eines Hügels, eine Reihe von Bäumen, die Ufer eines kleinen Baches beschatten. Da lieg'ich im Grase und träume, oder lese manchmal und schau'oft auf nach dieser und jener Seite, und unaussprechliche Wonne ist um mich her...» [1]). «Oft besuch'ich den Gipfel dieses Hügels in den Abendstunden, und überschaue ein Land umher, das Gottes Finger gemalt hat» [2]). «Ich suche jede Gelegenheit auf, aus der Stadt zu kommen und eine Zeit zu geniessen, für die wir mit jedem Jahre gefühlloser werden; denn das reine kindliche Gefühl für einen Frühlingstag, für eine lachende Aussicht, für eine grüne Wiese, für einen Baum — der volle, innige Genuss...» [3]). Именно это «kindliche Gefühl», эта чисто «дѣтская» восторженность, экспансивность и сближаетъ Карамзина съ авторомъ «Briefe». «Какія мѣста! какія мѣста! восклицаетъ нашъ путешественникъ, приближаясь къ Швейцаріи: отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и въ восторгѣ цѣловалъ землю!» [4]). То же чувство ощущалъ и авторъ «Briefe», въѣзжая въ Швейцарію; «ich freue mich, wie ein Kind..» [5]) — восклицаетъ онъ.

Восторженность, сердечность сказывается и въ отношеніи обоихъ писателей къ друзьямъ, оставшимся на родинѣ. Постоянныя обращенія къ нимъ—составляютъ одну изъ главныхъ особенностей «Briefe eines Sachsens» [6]): изъ всѣхъ прочтенныхъ нами описаній путешествій только въ этомъ произведеніи встрѣтились мы съ широкимъ употребленіемъ этого пріема. Карамзинъ, также часто вспоминающій въ своихъ «Письмахъ» о друзьяхъ, могъ ввести въ свое произведеніе подобныя обращенія отчасти подъ вліяніемъ автора «Briefe». Въ одиночествѣ чувства автора «Briefe», если не заняты природой, направлены почти всегда на друзей: «ich sehe meine Verwandte, meine Freunde, alle meine verlassenen Bekannten; ich lebe unter Euch und ich glaube Euch hier näher zu sein, eher Euch wieder zu finden, als unter Menschen» [7]). Онъ, какъ и

---

[1]) «Briefe», I, 114. [2]) Ibid. [3]) Ibid., II, 140. [4]) «Моск. Ж.» IV, 168. [5]) «Briefe», I, 38. [6]) «Briefe», I, 37, 48, 49, 118, 120, 44—5, 48, 118, 134. [7]) «Briefe», I, 45; Карамзинъ, Соч., II, 337 и др.

нашъ Карамзинъ, не разъ выражаетъ сожалѣніе, что нѣтъ съ нимъ его друзей: «wenn Sie jetzt bei mir wären! Ach, liebster Freund!» [1])... Глядя на пастушескую хижину и мечтая тамъ поселиться, авторъ восклицаетъ: «O, wie schwebt dann meine Seele Entzücken empor, wenn ich mich Herr von einer dieser Hütten denke, mit Ihnen, Geliebter, mich beschäftige, oder mit einem süssen Ideal meine Fantasie herumtreibe.. Gott, wenn Sie hie wären!» [2])... «Schon manchmal, wenn ich spatzieren ging oder einsam der Natur genoss, oder allein auf meinem Zimmer sass, dann stellte sich ihr Bild so lebhaft, so anschauend mir dar! — Wie wäre es wenn mein Freund nun mit mir ginge; mit mir theilte, mit mir genoss!» [3])... Когда долго не приходитъ писемъ отъ друзей, оба писателя начинаютъ тосковать,—за то всякое полученное письмо вызываетъ у нихъ самую живую радость: «ein Brief von Ihnen, mein Bester! Der erste, den ich von Ihnen erhalte seitdem ich hier bin!» [4]). «Theuerster meiner Freunde, was für Innigkeit, was für herzlicher Ausdruck in allem, was von Ihnen kommt und für mich geschrieben ist. Ich lese Ihre Briefe oft wieder, erhole mich daran und ich einmal recht viele beisammen habe, will ich sie heften, und wie ein Buch lesen» [5]). Впрочемъ, и «одиночество» имѣетъ для автора свою прелесть: сладкое чувство «меланхоліи» овладѣваетъ имъ только въ одиночествѣ: «aber, liebster Freund, ich bin einsam und glücklich, dass ich es bin. Wohl mir, dass ich allein bin, denn nur die Einsamkeit erweckt jene süsse Melancolie, die nicht allein durch die Natur, sondern durch die Lage der Seele, die mir mitbringen, erweckt wird. Und wer kann mehr in dieser Lage sein als ich!» [6]). «Меланхоліи» любилъ предаваться и Карамзинъ; онъ даже позднѣе воспѣлъ ее въ одномъ изъ своихъ стихотвореній [7]).

Оба писателя получили одинаковое литературное воспитаніе: Томсонъ, Геснеръ, Оссіанъ, Юнгъ, Галлеръ и другіе сентиментальные писатели — ихъ учителя; ихъ глазами глядѣлъ

[1]) «Briefe», I, 49; Карамзинъ, 228, 294 и др. [2]) Ibid., I, 51; К—нъ, 221, 333.
[3]) Ibid., I, 118; К—нъ, 228. [4]) Ibid. I, 48. [5]) Ibid., I, 118; К—нъ, 312 и др.
[6]) Ibid., I, 51—2; К—нъ, 293, 316—7, 381. [7]) К—нъ, Соч., I, 211.

*

авторъ «Briefe» на природу, ими повѣрялъ природу: «wenn ich mich wieder nach Hause komme, so suche ich das, was ich so eben verlassen habe, in Büchern auf...»[1]). У любимыхъ авторовъ находитъ онъ «alles das, was meine Fantasien nährt und meinem Herzen so wohl thut»[2]). Находясь подъ вліяніемъ этихъ писателей, и авторъ «Briefe», и Карамзинъ не могутъ взглянуть на пастушескую хижину, чтобы не вспомнить «золотого вѣка», «патріархальныхъ» временъ: «meine Aufmerksamkeit wurde besonders durch eine Menge kleiner Hütten angezogen, die auf den Wiesen umher zerstreut sind, um das Heu darin aufzubewahren, und so ein malerisches, so ein schäferisches Ansehen haben, dass es für mich unmöglich war hier nicht an eine realisirte Idylle zu denken»[3])... «Einbildungskraft bald griechische Hirten, bald die einfache Würde unserer Erzväter, da erwacht in mir die patriarchalische Idee»[4]). Совершенно тѣ же картины рисовало воображеніе и нашему Карамзину, когда увидѣлъ онъ пейзажи, воспѣтые Геснеромъ и Галлеромъ [5]). Увлекался авторъ «Briefe» и Руссо: посѣтивъ Веве, онъ вспоминаетъ, какъ и Карамзинъ, героевъ романа «Nouvelle Héloise»; Карамзинъ странствуетъ «съ Руссовой Элоизой въ рукахъ» [6]),— такъ и авторъ разбираемаго нами сочиненія гуляетъ «Héloise in der Tasche»[7]). Оба автора увлекаются Галлеромъ и приводятъ изъ его извѣстной поэмы: «Die Alpen» — длинныя выдержки [8]); оба очень интересуются Лафатеромъ и слушаютъ его проповѣди [9]); оба съ чисто-юношескою восторженностью преклоняются предъ всѣми, сколько-нибудь выдающимися, людьми, ходятъ къ нимъ на поклоненіе и потомъ съ одинаковыми чувствами описываютъ въ своихъ произведеніяхъ свои встрѣчи, бесѣды, свои впечатлѣнія [10])... Естественно, что при такой близости духовныхъ интересовъ, близости литературнаго воспитанія, при одинаковыхъ условіяхъ путешествія являются часто у обоихъ одинаковыя чувства, одинаковыя мысли.

---

[1]) «Briefe», I, 46. [2]) Ibid., I, 46. [3]) Ibid., I, 56, 76; Карамзинъ, 205, 272, 278—9. [4]) Ibid., II, 125. [5]) К—нъ, Соч., II, 211, 251.
[6]) К—нъ, Соч. II, 302. [7]) «Briefe», I, 310. [8]) «Briefe», II, 132, 142, 145, 150; К—нъ, Соч. II, 285. [9]) «Briefe», II, 209; К—нъ, 249.
[10]) «Briefe», I, 214, 216.

Такъ, напримѣръ, на вершинѣ горы чувства ихъ замѣчательно схожи: «ich kann es nicht beschreiben, wie mir wird, wenn ich mich auf dem Gipfel eines Berges sehe, wenn ich weit um mich her Städte und Dörfer und Hütten und Menschen und Thiere unter mir sehe. Wie sich mein Herz da erhebt, sich erweitert, als wollt'es aus seinem engen Käpig heraus und die ganze Gegend herum füllen» [1]). Вторая стадія этого «чувства на горѣ» — глубокое религіозное настроеніе: оба писателя познаютъ величіе Творца и склоняютъ передъ нимъ колѣна [2])... На мѣстѣ давно происходившаго сраженія оба писателя потрясены картинами давно прошедшаго [3]). Около непогребенныхъ костей давно разбитаго войска англичанъ оба переживаютъ сходное настроеніе и восклицаютъ: «aber was schaut mein Auge umher in die Ferne? Ein Schauer durchbebt mich, und mich dünkt, Gestalten aus der Vorwelt zu sehen! Ich sitze auf Schädeln und Todtenknochen; dieses schöne Grün deckt die Gebeine Erschlagener! hier, hier auf dem Platze auf dem ich sitze, fiel ein kleines Heer von Engländern, die Karln dem Kühnen aus Burgund gefolgt waren.. Ein Heer von trauer Gedanken steigt dann auf in meiner Seele; ich denke über Schicksal und Menschheit; ich sehe ein unerklärbares Dunkel um mich her, greife nach Licht und finde es nicht; und zittere, weine—und bete an!» [4])..

Съ одинаковыми чувствами смотрѣли оба автора на Швейцарію; цвѣтущій видъ ея виноградниковъ и садовъ восхищаетъ ихъ: «auf der schönen Berner Landstrasse, разсказываетъ авторъ «Briefe», fuhr ich fort, durch Felsen, Berge, Thäler, alles so lachend, so freudig wie der Frühling. Was das einem für eine Herzensfreude ist einen ewigen Garten weit um sich her zu sehen, alles so bewohnt, bebaut, kein wüster Ort, kein Fleckgen, welches von Zerstörungen Wetterschaden Armuth zeigt» [5]). Оба восторгаются трудолюбіемъ жителей [6]). Особенно много говорятъ они о характерѣ жителей, о томъ духѣ свободы, ко-

---

[1]) Briefe, I, 53, II, 109. [2]) Ibid., II, 109; Карамзинъ, Соч., II, 270—1.
[3]) Ibid., I, 116; К—нъ, 294. [4]) Ibid., II, 116; К—нъ, 294.
[5]) «Briefe», I, 57—8; К—нъ, Соч., II, 179, 183, 203, 205, 265.
[6]) Ibid., I, 53; К—нъ, 257, 264.

торый вѣялъ вокругъ нихъ въ швейцарскихъ республикахъ: оба замѣтили, что «...überall mehr Freiheit, Offenherzigkeit und ungezwungenes Wesen; kein Landmädchen schlag die Augen furchtsam nieder, wenn sie anredet, sie reden Fremde öfters selbst an, machen einen guten Spass und fürchten nicht, dass man sich über sie moquire» [1]). Нравы и обычаи горцевъ вообще интересуютъ ихъ очень; особенно «сельская свадьба», нарисованная уже Галлеромъ, Геснеромъ и другими, привлекала къ себѣ вниманіе обоихъ путешественниковъ: въ обоихъ «путешествіяхъ» мы встрѣчаемъ подробныя описанія трогательнаго зрѣлища веселія горцевъ [2])...

Но, кромѣ изображенія состоянія своей души, кромѣ трогательныхъ восклицаній по адресу друзей, кромѣ картинъ «сельской свадьбы» или природы Швейцаріи, — картинъ, манера письма которыхъ сближаетъ автора «Briefe» съ «сентиментальными» авторами вообще, мы встрѣчаемъ въ его произведеніи не мало и фактическихъ данныхъ; это, какъ мы уже говорили выше, сближаетъ его произведеніе съ «научными» путешествіями. Интересно, что тѣ-же фактическія данныя, почти всѣ, повторяются и въ «Письмахъ русскаго путешественника»: Карамзина заняло какъ разъ то же самое, что заинтересовало и автора «Briefe»: оба они описываютъ города швейцарскіе очень сходно [3]), оба говорятъ объ образѣ правленія швейцарскихъ республикъ [4]), вообще о духѣ правленія въ Швейцаріи [5]). Наконецъ, обычаи, господствующіе въ нѣкоторыхъ городахъ швейцарскихъ, изображены ими тоже очень сходно Приведемъ, напримѣръ, описаніе обычаевъ Цюриха: «...nach eilf (zehn) Uhr keine Kutsche mehr auf der Gasse fahren darf» [6])..
«..Dürfen, z. E., die Mannspersonen keine seidenen Röcke tragen.. Alles gesponnene Gold und Silberals Tressen, Knöpfe etc sind verboten..» [7])..«Jeder unterhalt sich da nach seinem Beliebten; man redet von Politik, von Stadtneuigkeiten, man trinkt Thee, raucht Tabak..» [8])..«Die Frauenzimmer auf der

---

[1]) Ibid., I, 79; Карамзинъ, 272 и др. [2]) «Briefe», I, 292, II, 292—3; К—нъ, 238, 283, 286—7. [3]) Ibid., I, 12; К—нъ, 192—3. [4]) Ibid., I, 102, 104, II, 41; К—нъ, 199. [5]) Ibid., I, 79; К—нъ, 192, 237. [6]) «Briefe», 236, К—нъ, Соч., II, 241. [7]) Ibid., 237; К—нъ, 241. [8]) Ibid.; К—нъ, 241.

andern Seite, die keine Männer in ihren Gesellschaften empfangen, überlassen, sich dem Hange zu Kleinigkeiten, sprechen von wenig andern als Kleidung und Kinder - und Gesinde-Geschichtgen, und sind folglich unter Mannspersonen stillschweigend und steif» [1]..

Наконецъ, сходство это простирается и на нѣкоторыя мелочи, встрѣчающіяся только у автора «Briefe» и у Карамзина. Такъ, напримѣръ, «попрошайничество» маленькихъ дѣтей въ Швейцаріи — единственное темное пятно въ жизни «счастливыхъ Швейцаровъ», подмѣчено обоими авторами и у обоихъ вызвало строки, полныя негодованія... [2]). Видъ Габсбурга, расположеннаго среди чудной природы, вызываетъ автора «Briefe» на размышленія, зачѣмъ человѣкъ не довольствуется малымъ и предпочитаетъ бурную политическую карьеру тихой жизни среди прекрасной природы. Карамзинъ не повторилъ этихъ размышленій, но они ему вообще сродни, и то вниманіе, съ которымъ онъ глядѣлъ на замокъ Габсбурговъ, говоритъ намъ, что за этимъ вниманіемъ скрыты, можетъ быть, тѣ же мысли и чувства [3]). Картина «Танецъ Смерти» обращаетъ на себя вниманіе обоихъ [4])..

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ «путешествій». Мы видѣли уже, что изъ всѣхъ ихъ особенно близки нашему писателю работы Морица, Дюпати и анонимнаго автора «Briefe eines Sachsen». Между этими авторами и нашимъ писателемъ мы подмѣтили удивительное духовное сродство: ихъ интересы, ихъ вкусы тожественны; ихъ литературное воспитаніе совершенно одинаково. Всѣ они предназначали свои произведенія для всей «публики», а не только для ученыхъ или для людей «сентиментальныхъ»; всѣ одинаково добросовѣстно разработали въ своихъ путешествіяхъ матеріалы, собранные ими не только въ своихъ записныхъ книжкахъ, но и въ печатныхъ «путеводителяхъ» и «путешествіяхъ»,—въ результатѣ, ихъ произведенія родственны между собой до того, что, когда читаешь ихъ, порою кажется, что онѣ написаны однимъ авторомъ: если бы

---

[1]) «Briefe», 242; Карамзинъ, 240.
[2]) Ibid., II, 80; К—нъ, 253.
[3]) Ibid., I, 88—9; К—нъ, 256.
[4]) Ibid., II, 251; К—нъ, 158, 195.

нашъ Карамзинъ путешествовалъ по Италіи, его «Письма» были бы снимкомъ съ работы Дюпати,—если бы Дюпати путешествовалъ по Европѣ, можно думать, его сочиненіе мало чѣмъ отличалось бы отъ карамзинскаго..

Въ какомъ же отношеніи былъ Карамзинъ къ работамъ перечисленныхъ авторовъ? Онъ отправился путешествовать, когда всѣ эти работы были уже напечатаны; съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ мы видѣли, онъ былъ знакомъ и ихъ одобрялъ,—естественно, изъ этого можно заключить, что онъ выбралъ образцомъ для своихъ «Писемъ» ихъ, такъ какъ они наиболѣе отвѣчали его литературнымъ вкусамъ. И, хотя мы не нашли у Карамзина ни одного такого заимствованія, какія онъ дѣлалъ, утилизируя, напримѣръ, «путеводители», «указатели» etc., но нельзя не признать, что для «Писемъ русскаго путешественника» эти произведенія имѣли громадное значеніе: они намѣтили Карамзину цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ, дали его картинамъ своеобразный тонъ, его языку — стиль...

Заключая этимъ нашъ очеркъ литературной исторіи «Писемъ», мы не можемъ, къ сожалѣнію, не признаться, что не могли возстановить въ полномъ объемѣ состава той библіотеки, которая была знакома Карамзину и могла оказать вліяніе на его «Письма»... Такъ, мы не нашли того произведенія, изъ котораго былъ переведенъ отрывокъ, помѣщенный въ «Дѣтскомъ Чтеніи» [1]), подъ названіемъ «Рейнскій водопадъ»; мы не опредѣлили, какой это «нѣмецкій романистъ» «въ журналѣ своего путешествія» оклеветалъ, по словамъ Карамзина, Мармонтеля [2]); не совсѣмъ яснымъ осталось для насъ, какой «французскій писатель» видѣлъ «хрустальные волшебные замки» въ Гринденвальдѣ [3]); наконецъ, не смогли мы выяснить, изъ какихъ критическихъ статей взялъ Карамзинъ отзывы о Гердерѣ и Рамлерѣ [4]).

Нѣкоторыхъ сочиненій, какъ мы не разъ указывали выше, мы не нашли въ петербургскихъ библіотекахъ и потому ознакомиться съ ними не могли.

---

[1]) «Дѣтское Чтеніе», М., 1789, XX, 17—22. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 517.
[3]) Ibid., 273. [4]) Ibid., 80, 139.

III.

Анализъ «Писемъ русскаго путешественника».

1.

«Письма» съ біографической точки зрѣнія.

Выше мы имѣли случай указать, что біографъ Карамзина долженъ осторожно относиться къ «Письмамъ русскаго путешественника», такъ какъ это произведеніе, во всемъ его объемѣ, не можетъ служить вполнѣ достовѣрнымъ матеріаломъ для характеристики Карамзина за время его путешествія заграницу. Очеркъ литературной исторіи «Писемъ», сдѣланный нами въ предыдущей главѣ, даетъ возможность установить, болѣе или менѣе, точно тѣ размѣры, въ которыхъ можно пользоваться произведеніемъ Карамзина, какъ біографическимъ матеріаломъ. Отдѣливъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Писемъ» рядъ литературныхъ наслоеній, которыя, въ значительной степени, должны быть отнесены къ позднѣйшей кабинетной работѣ Карамзина, отмѣтивъ нѣсколько слѣдовъ вліянія на текстъ этого сочиненія позднѣйшей жизни нашего писателя, отбросивъ, наконецъ, почти всю вторую половину «Писемъ», какъ текстъ, дающій очень слабое и, порой, невѣрное представленіе объ основномъ, до насъ не дошедшемъ,— мы, въ итогѣ, получаемъ, всетаки очень значительную сумму фактовъ, которые намъ могутъ сослужить немалую службу, такъ какъ — 1) подтверждаютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ многое сказанное нами въ видѣ догадки о Карамзинѣ-юношѣ наканунѣ его путешествія, и — 2) прибавляютъ нѣсколько новыхъ очень интересныхъ подробностей къ тѣмъ очертаніямъ карамзинскаго облика, которыя обрисовались въ

концѣ нашей первой главы послѣ разработки скудныхъ біографическихъ данныхъ.

Вотъ почему, несмотря на сдѣланныя выше большія ограниченія, мы всетаки скажемъ, что Карамзинъ имѣлъ право назвать свое произведеніе «зеркаломъ» своей души, только не за «осьмнадцать мѣсяцевъ» [1]), а за время болѣе продолжительное.. Послѣдующія строки покажутъ, что въ «Письмахъ», дѣйствительно, отразились почти всѣ главныя черты его характера, особенности его души, сказались ясно его достоинства и слабости, отчетливо выразились его интересы и стремленія...

Мы не разъ указывали выше, что наканунѣ путешествія Карамзинъ жилъ *интересами сердца и разума:* мы говорили уже, что юноша одинаково внимательно относился къ обоимъ этимъ интересамъ, — оттого, еще передъ путешествіемъ, изъ него выработался человѣкъ, съ одной стороны, искренне переживающій ту жизнь «идеальныхъ» чувствъ, которая была дорога многимъ юношамъ того времени, и, съ другой стороны, человѣкъ, всесторонне образованный, съ серьезными умственными интересами, умѣвшій сознательно отнестись къ дѣйствительности, человѣкъ «культурный», «цивилизованный».. Въ «Письмахъ русскаго путешественника» ясно сказались эти интересы, въ значительной степени, даже несовмѣстимые,— въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ, живущій *чувствами*, вѣчно наблюдающій за своей душой,—Карамзинъ вполнѣ искренне могъ воскликнуть: «что человѣку занимательнѣе самого себя?» [2]), но, какъ человѣкъ, ищущій пищи для *разума*, внимательно относящійся къ тому богатому внѣшнему міру, въ который онъ вступилъ, перейдя русскую границу, нашъ путешественникъ по небходимости часто забывалъ наблюденія за своими чувствами, обращаясь въ «любознательнаго» Анахарсиса, пріѣхавшаго только за тѣмъ, чтобы «украсить разумъ познаніями» [3])..

Путешествіе «обновляло» душу Карамзина [4]), потому что доставляло ему «новые источники удовольствія» [5]) — потому что было одинаково питательнымъ и «для духа» его, и «для

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 790. [2]) Ibid., 672. [3]) Ibid., 509.
[4]) Ibid., 183. [5]) Ibid., 184.

сердца» [1]). Изъ такого признанія равноправности сердца и разума въ своей жизни легко объяснить, почему въ своихъ «Письмахъ» Карамзинъ является то въ «роли» сентиментальнаго путешественника, пытающагося копировать Стерна и его учениковъ, съ наслажденіемъ отдающагося роскошной жизни чувства, то въ роли трезваго историка-критика-публициста, разумно и сознательно оцѣнивающаго жизнь Запада.

Эти два образа въ очень рѣдкихъ случаяхъ сливаются въ одинъ, а чаще всего стоятъ особнякомъ, нерѣдко противорѣча одинъ другому настолько, что даже дѣлятъ «Письма», по характеру ихъ, на два совсѣмъ разнородныя произведенія..

Богатая природа Карамзина, поставленная самой судьбой въ такія обстоятельства, что развитію ея эмоціальной стороны былъ предоставленъ полный просторъ, а затѣмъ систематическое воспитаніе этой стороны его души на лучшихъ образцахъ сентиментальной литературы XVIII вѣка—дали его эмоціямъ такое богатство и разнообразіе, какихъ мы не встрѣтимъ даже у нѣкоторыхъ изъ его учителей [2]). Если уже въ письмахъ юноши къ Лафатеру, а также въ нѣкоторыхъ раннихъ его произведеніяхъ отчасти отразилась эта жизнь чувства, то «Письма русскаго путешественника» проливаютъ широкій потокъ свѣта на эту сокровенную жизнь души, о которой мы до этого произведенія могли только догадываться: въ «Письмахъ» отразилась эта жизнь съ полнотой и ясностью необыкновенной,—въ этомъ отношеніи сочиненіе Карамзина представляетъ изъ себя любопытнѣйшее сочетаніе всѣхъ впечатлѣній, всѣхъ настроеній, всѣхъ чувствъ, которыми жилъ онъ до путешествія и во время его...

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 184. [2]) Вышедшее въ 1896 году въ свѣтъ сочиненіе Th. Ribot: «La psychologie des sentiments» (болѣе старое сочиненіе по этому вопросу принадлежитъ L. Dumont: «Théorie scientifique de la sensibilité», 1890) даетъ прекрасное толкованіе «жизни чувства». Любопытно, что эта первая научная попытка въ системѣ наложить теорію чувствительности почти по всѣмъ вопросамъ, въ ней затронутымъ, можетъ быть иллюстрирована выдержками изъ Карамзина и др. сентиментальныхъ писателей (особенно изъ Стерна и Руссо). Такимъ образомъ, наша наука болѣе чѣмъ на сто лѣтъ отстала отъ сентиментальныхъ писателей-психологовъ, занимавшихся самоанализомъ и давно уже сумѣвшихъ всесторонне раскрыть свою душу...

Какъ живой встаетъ передъ нами образъ юноши-путешественника, «безпокойное сердце» [1]) котораго, жаждущее впечатлѣній, увлекло его на чужбину, далеко отъ друзей и родины. Этотъ молодой идеалистъ, «другъ человѣчества» [2]), «добрый странникъ» [3]), «съ миролюбивымъ» [4]), «чистымъ сердцемъ» [5]), полонъ любви къ людямъ; онъ «рожденъ къ общежитію и дружбѣ» [6]), онъ желаетъ полюбить всякаго «со всею дружескою искренностью, свойственною его сердцу» [7]). Вотъ почему всякая холодность, неожиданно встрѣченная его довѣрчивымъ сердцемъ, просящимъ ласки, искренне огорчаетъ его, — и почему, съ другой стороны, любвеобильное сердце юноши безъ труда покоряетъ эту холодность, претворяя ее въ теплое чувство симпатіи: такъ, упрямый, грубоватый Виландъ уступилъ наивному юношѣ до того, что послѣ всѣхъ своихъ грубостей, при прощаніи, повидимому, искренне растрогался и предложилъ даже «переписываться» [9])... Безжизненное лицо почтоваго чиновника, неожиданно для всѣхъ и для него самого, освѣщается благодушной улыбкой, когда юноша-Карамзинъ, при вѣсти о томъ, что его другъ Кутузовъ уѣхалъ изъ Берлина, въ припадкѣ чисто-дѣтскаго горя, «бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать» [10])... Теплымъ чувствомъ любви проникнуты въ «Письмахъ» тѣ мѣста, гдѣ Карамзинъ вспоминаетъ своихъ московскихъ друзей [11]). Съ какою сердечностью говоритъ онъ о «добродушномъ и любезномъ Кутузовѣ» [12]), какъ искренни его тревоги, когда долго нѣтъ писемъ отъ милыхъ соотечественниковъ [13]), какъ правдивы его шумныя радости при полученіи вѣсточки изъ родныхъ краевъ! [14])... Вездѣ, куда бы ни пріѣзжалъ нашъ путешественникъ—вездѣ у него завязываются дружескія сердечныя связи, вездѣ у него въ самомъ скоромъ времени оказываются люди, дорогіе его сердцу,—и всѣ эти мимолетные друзья рисуются передъ нами такими же чистыми и любящими, какимъ былъ онъ самъ. Это и понятно,—въ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 5. [2]) Ibid., 362. [3]) Ibid., 625.
[4]) Ibid., 699. [5]) Ibid., 131. [6]) Ibid., 59. [7]) Ibid.
[8]) Ibid., 146, 212—3. [9]) Ibid., 151. [10]) Ibid., 58.
[11]) Ibid., 2, 5, 11, 19, 36, 128—9, 216. [12]) Ibid., 55; 10-ое примѣчаніе.
[13]) Напр., ibid., 189, 324, 379 и др. [14]) Ibid., 312, 440 и др.

его юномъ сердцѣ было въ то время много любви къ людямъ, много вѣры въ нихъ... Оттого съ особеннымъ вниманіемъ останавливается юный идеалистъ на «хорошихъ людяхъ», встрѣченныхъ имъ на пути, и съ чувствомъ живѣйшей радости сообщаетъ о нихъ своимъ читателямъ: вѣдь, по его понятіямъ,— «одинъ взглядъ на добраго есть счастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра!» [1]) Даже мелкій случай проявленія человѣческой доброты не ускользаетъ отъ его внимательныхъ очей: въ Лозаннѣ, напримѣръ, встрѣтивъ ночью помощь въ лицѣ сторожа, юноша въ восторгѣ «развернулъ карманную книжку свою и записалъ: такого-то числа, въ Лозаннѣ нашелъ добраго человѣка, который безкорыстно услуживаетъ ближнимъ» [2]); съ тѣмъ же чувствомъ живѣйшей радости говоритъ онъ о сердечномъ участіи цѣлаго общества къ семьѣ французскихъ эмигрантовъ въ Базелѣ [3]); полный чувствъ благодарности, растроганный до слезъ теплымъ участіемъ милаго нѣмецкаго семейства, пріютившаго его въ непогоду, двѣ страницы въ своихъ «Письмахъ» [4]) отводитъ онъ описанію «любезной семьи», «обрадованный находкою добрыхъ людей!» [5])... Съ радостью разсказываетъ онъ своимъ читателямъ, что въ Д*, жителѣ Берлина, нашелъ онъ то, «чего желалъ—любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любитъ свое отечество, и я люблю его; онъ любитъ А** (Кутузова), и я люблю его; онъ сроденъ къ откровенности, и я тоже: и такъ долго-ли было намъ познакомиться?» [6])..

Какимъ свѣтлымъ энтузіазмомъ дышатъ въ «Письмахъ» тѣ страницы, на которыхъ юный путешественникъ разсказываетъ о встрѣчѣ своей съ Вейсе, наивнымъ, простодушнымъ старикомъ, сразу открывшимъ свое сердце передъ юношей, впервые попавшимся ему на жизненномъ пути. «Путешествуйте щастливо —сказалъ на прощанье старый идеалистъ юному—и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу!»... Вѣрно, старикъ Вейсе съ двухъ словъ разсмотрѣлъ въ русскомъ путешественникѣ «чистое сердце», достойное пріязни и ласки,—

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 131. [2]) Ibid., 298. [3]) Ibid., 197.
[4]) Ibid., 6—7. [5]) Ibid., 7. [6]) Ibid., 60.

и юноша нашъ оцѣнилъ эту пріязнь и ласку и «пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ» [1])... Боннетъ «очаровалъ» молодого путешественника «своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ»: «душа его столь хороша, говоритъ Карамзинъ, столь чиста и не подозрительна, что всѣ учтивыя слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности» [2]). Въ этихъ поискахъ «искренняго», «симпатическаго сердца» [3]) и «ласки» [4]) юноша былъ очень счастливъ, главнымъ образомъ, повторяемъ, благодаря своему собственному сердцу, полному любви къ людямъ, полному трогательнаго довѣрія къ нимъ,—немудрено, что къ нему даже люди пожилые, люди опытные привязываются до того, что, напримѣръ, Лафатеръ не хотѣлъ навсегда прощаться съ юношей, говоря, что тотъ долженъ еще разъ пріѣхать къ нему [5]),—проповѣдникъ Штапферъ, «добрый Швейцаръ», даже запретилъ Карамзину «сказывать», когда будетъ выѣзжать изъ Берна («не хочетъ прощаться со мною,—чувствительный человѣкъ!» [6]),—восклицаетъ Карамзинъ); старикъ Боннетъ, которому юноша «открылъ свое горе», прощаясь, «сожалѣлъ» о немъ, «утѣшалъ» его—«и, замѣчаетъ Карамзинъ, голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было непритворнымъ» [7])... Когда затѣмъ нашъ юноша попросилъ Боннета дать и Беккеру разрѣшеніе посѣтить его, Боннетъ очень многозначительно отвѣтилъ: «онъ вашъ пріятель,—и такъ во всякое время я буду радъ ему»... «Какая душа, вырывается у Карамзина восклицаніе, и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки!.. Милый, милый Боннетъ! Философъ съ чувствомъ!» [8]) Къ легкомысленному Беккеру, ради красавицъ и земляковъ бросающему нашего путешественника, онъ привязывается такъ, что при встрѣчѣ съ нимъ, въ порывѣ живого восторга бросается къ нему въ объятья [9]), ради него даже отказывается отъ поѣздки въ южную Францію [10])... Съ нѣмцемъ барономъ В*, жившимъ въ Парижѣ, сошелся Карамзинъ самымъ тѣснымъ образомъ... «Мы роди-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 131. [2]) Ibid., 340. [3]) Ibid., 406.
[4]) Ibid., 128—9. [5]) Ibid., 253. [6]) Ibid., 293. [7]) Ibid., 381.
[8]) Ibid., Соч., II, 382. [9]) Ibid., 327. [10]) Ibid., 429.

лись съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ», говоритъ нашъ любвеобильный юноша: «увидѣлись, и три мѣсяца не разставались... всегда буду хранить нѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки... Это знакомство считаю благодѣяніемъ судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ: людямъ нѣкотораго роду надобны подобные имъ люди или сердцу ихъ будетъ грустно» [1])... Можно еще цѣлый рядъ характерныхъ фактовъ привести изъ «Писемъ русскаго путешественника», фактовъ, подтверждающихъ, съ одной стороны, ту свѣтлую, безкорыстную любовь къ людямъ, которою было полно сердце Карамзина, и въ то же время подтверждающихъ наши слова, что въ его лицѣ русское общество послало на западъ юношу-идеалиста, съ чистой душой, съ вѣрой въ людей, упорно ищущаго въ нихъ добра... Вотъ почему всякое проявленіе человѣческой любви, выразится-ли оно въ родственныхъ, дружескихъ, или, просто, гуманныхъ отношеніяхъ, возбуждаетъ искреннее восхищеніе въ душѣ Карамзина. Нигдѣ въ его «Письмахъ» не звучитъ ни одной злобной нотки: или добродушнымъ юморомъ наказываетъ юноша отрицательныя явленія, попавшіяся ему на дорогѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, обходитъ молчаніемъ то, въ немъ ничего свѣтлаго, ничего смягчающаго не нашелъ онъ, несмотря на всѣ старанія... Приведемъ примѣръ: «послѣ обѣда я былъ у графа Н*: *объ немъ ни слова!*... Австрійскій Посолъ, Князь Р*, бывшій у него въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хозяина...» [2]). Карамзинъ сознательно отказывался отъ осужденія людей, такъ какъ это осужденіе зла, борьба съ нимъ, противорѣчила его моральному кодексу, основанному на любви къ людямъ: онъ «слабостей человѣческихъ» никогда не будетъ проклинать [3]); «тотъ есть для меня истинный философъ, говоритъ онъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мысли...» [4]). Эта-же мысль выражена Карамзинымъ и въ томъ эпиграфѣ, который оказался, по его мнѣнію, достойнымъ украсить его юношеское произведеніе:

---

[1]) Карамзинъ, Соч. II, 650. [2]) Ibid., 79. [3]) Ibid., 426. [4]) Ibid., 68.

«Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собой
«Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ!..»

Этотъ «миръ съ собой» и «любовь» — и есть ближайшія проявленія того идеализма, который заставилъ насъ сблизить Карамзина съ «прекраснодушными» юношами Германіи [1]). Главная черта этого идеализма—широкое гуманное отношеніе ко всему міру, то братское чувство любви къ людямъ, которое вырываетъ у нашего сентиментальнаго юноши краснорѣчивое восклицаніе: «все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами!» [2])— или: «Гордясь именемъ швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени человѣка!» [3]).

Понятно, что съ этимъ возвышеннымъ чувствомъ любви къ «человѣку» вообще тѣсно связывалось у Карамзина отвращеніе ко всему, что возмущало это чувство: «война» вызываетъ у него самое строгое осужденіе [4]), равно какъ вообще всякая вражда и несогласія [5]); всякое насиліе, причиненное человѣку [6]), даже въ силу закона [7]), пугаетъ незлобиваго путешественника и будитъ въ его сердцѣ чувство глубокой жалости къ страдающему собрату...

Съ этимъ-же чувствомъ любви къ людямъ могутъ быть связаны и его сентиментальныя мечты объ удаленіи въ тѣсный кругъ избранныхъ друзей [8]): суета житейская, черствость людская

---

[1]) Правда, понятіе «die schöne Seele» въ Германіи не выработалось въ понятіе устойчивое, всѣми одинаково толкуемое: въ зависимости отъ различныхъ сентиментальныхъ группъ оно принимало нѣкоторые различные оттѣнки (см. Кожевникова «Философія чувства», 89—93, 370, 625—6, 636—8 и др.); но, конечно, идеализмъ чувства присущъ всѣмъ этимъ разновидностямъ... Карамзинъ, повидимому, подходилъ ближе всего къ «гёттингенцамъ» (см. Кожевникова, стр. 645—7; Шерръ, «Исторія цивилизаціи Германіи», 508—9; Шереръ, «Исторія нѣмецкой литературы», II, 104—8; Hettner, «Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhundert», III Th., III B., 1 Abschnitt, 292).

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 515. [3]) Ibid., 296, еще: 779. Этотъ сентиментальный «космополитизмъ» развился впослѣдствіи въ «національизмъ», впрочемъ, отнюдь не односторонній, а легко уживавшійся съ самымъ восторженнымъ преклоненіемъ передъ «человѣчествомъ» вообще; обыкновенно относятъ это развитіе національизма къ эпохѣ, такъ называемой, «романтической».

[4]) Ibid., 38, 50, 292, 296. [5]) Ibid., 65—6, 68, 87, 176, 214, 342.

[6]) Ibid., 2, 32, 51—2, 171—3, 311, 366—8, 393, 416, 428 [7]) Ibid., 210.

[8]) Ibid., 149, 221, 272, 333.

иногда слишкомъ сильно оскорбляли это чувство любви къ людямъ, — и прекраснодушный мечтатель предпочиталъ уйти отъ людей, чтобы не растерять своихъ грёзъ отъ столкновенія съ дѣйствительностью. Здѣсь-же кроется объясненіе его восторженной любви къ Швейцаріи и ея жителямъ: «благодѣтельные законы братскаго союза», «простота нравовъ» и зависимость отъ одного Бога [1]), создавали такую обстановку, въ которой карамзинской «любви къ человѣчеству» не предстояло никакихъ испытаній: юноша сознавалъ, что «нашъ вѣкъ не золотой» [2]), что настоящую «Аркадію» уже нельзя было найти въ современной ему шумной, суетливой Европѣ [3]),— и вотъ, онъ утѣшалъ себя мечтами, что найдетъ еще нѣкоторое подобіе «Аркадіи», слѣды золотого вѣка, среди швейцарскихъ горъ, въ странѣ «свободы и благополучія», у «добродушныхъ» пастуховъ [4]), о которыхъ онъ такъ много наслушался отъ своихъ учителей—сентиментальныхъ писателей.

Кромѣ этой восторженной «любви къ человѣчеству», не менѣе сильно владѣетъ сердцемъ юноши страстная «любовь къ природѣ». Съ какимъ благоговѣніемъ говоритъ онъ о «матери—Натурѣ», предъ которой преклоняется, какъ передъ какимъ-то прекраснымъ и могучимъ божествомъ, распростирающимъ свое обаяніе и власть на все существующее [5]). Онъ, не колеблясь, ставитъ «Натуру» рядомъ съ «Богомъ», восклицая, что удалится отъ людей туда, гдѣ «все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры!» [6])... Припомнимъ, какимъ восторгомъ переполнилось его сердце, когда, въѣхавъ въ Швейцарію, онъ оказался «въ объятіяхъ прелестной Натуры» [7]): «Ахъ! восклицаетъ онъ, естьли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ,

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 203. [2]) Ibid., 78. [3]) Ibid., 78.

[4]) Ibid., 257, 265, 272, 278—9, 283—5, 109.

[5]) Преклоняясь передъ «мудростью» природы, «нѣжный сынъ» ея, конечно, не хотѣлъ вносить смерть въ ея царство: онъ щадитъ даже змѣю, которая чуть было не умертвила его: «злобная тварь, воскликнулъ нашъ юноша, жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но естьли Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то и не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего»... (Ibid., 324).

[6]) Ibid., 221. [7]) Ibid., 204.

что она зоветъ меня къ новому счастью... И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой—когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго» [1])... Видъ прекраснаго ландшафта восхищаетъ его до того, что онъ долго «смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело!—Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа*! и болѣе ни слова!» [2]). Когда утомленная голова юноши клонится ко сну, онъ, отрывая свои глаза отъ пейзажей, считаетъ долгомъ написать нѣсколько извинительныхъ строкъ: «величественная Натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія» [3])...

Эти, на нашъ современный взглядъ, напыщенныя обращенія къ «матери-Натурѣ», возбуждающія смѣхъ у людей, не желающихъ отнестись къ нимъ съ исторической точки зрѣнія, полны, однако, самой искренней любви, полны самаго живого, правдиваго восторга... Поставимъ себя въ положеніе человѣка, у котораго внезапно прозрѣли очи, и онъ увидалъ самыя прихотливыя красоты тамъ, гдѣ раньше до него ничего не видѣли [4])... Спало покрывало—и передъ просвѣтленными

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 204. [2]) Ibid., 107. [3]) Ibid., 265.

[4]) Конечно, нельзя отрицать того, что красоты природы были доступны пониманію и болѣе раннихъ эпохъ (см. Бизе: «Историческое развитіе чувства природы»; о пониманіи природы въ древней Руси см. И. Забѣлина: «Кунцово и древній сѣтунскій станъ»), но тогда это пониманіе (вѣрнѣе. инстинктивное сочувствіе) было исключительнымъ явленіемъ, никогда не охватывало массы. будучи знакомо лишь отдѣльнымъ личностямъ... Въ XVIII вѣкѣ это преклоненіе сказалось съ такою силою, что, напримѣръ, Куно Фишеръ счелъ возможнымъ сказать по этому поводу, что «восемнадцатое столѣтіе открыло новый образъ чувствованій» («Публичныя лекціи о Шиллерѣ», 16); человѣческій міръ сдѣлался, въ глазахъ сентиментальнаго человѣка XVIII, «каррикатурой», а природа «сиревой» (Ibid., 17); природу уже не изучаютъ, а обоготворяютъ» (Ibid., 2).. См. главу: «чувствительно-элегическое направленіе въ поэзіи» въ цитованной выше книгѣ Бизе; объ этомъ-же у Забѣлина: «Кунцово...», (6, 7, 8, 9 — 10, 11, 12 — 13, 14, 28 — 9). Объ исторіи развитія этого чувства см. также у Ribot, «La psychologie des sentiments» (336—8); много говорится въ разныхъ мѣстахъ и у Коженникова («Философія чувства»)...

глазами людей XVIII в. предстала эта прекрасная богиня— природа, во всей роскоши своей красоты, со всѣми богатствами своихъ даровъ, съ прихотливымъ разнообразіемъ ощущеній, до того времени невѣдомыхъ человѣку, — немудрено, что у человѣка XVIII в. вырвался вопль восторга, когда на него нахлынули новыя чувства, когда сердце его закипѣло впервые «сладкими слезами» эстетическаго восторга! Этотъ восторгъ былъ чуждъ эпохи классицизма, онъ зародился у людей, недовольныхъ классическими трагедіями, зрѣлъ въ западной Европѣ быстро и созрѣлъ ко времени Руссо, а во второй половинѣ XVIII в. до такой степени овладѣлъ германской молодежью, что она именно и испустила этотъ восторженный крикъ... Онъ долетѣлъ до далекой Москвы и былъ подхваченъ нашимъ Карамзинымъ. Онъ — первый изъ нашихъ писателей, насладившійся красотами природы, постигшій сердцемъ все разнообразіе ея красотъ и ощущеній, ею вызываемыхъ...

Въ «Письмахъ русскаго путешественника» мы найдемъ не только одни диѳирамбы Натурѣ, не только благоговѣйныя восклицанія,—мы найдемъ также цѣлый рядъ отраженій тѣхъ чувствъ, которыя пережилъ Карамзинъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ пейзажей...

Тихій вечеръ наполняетъ его сердце глубокимъ, свѣтлымъ чувствомъ умиленія: «...на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ когда сердцу моему очень, очень весело!.. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей. А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія

буду вспоминать прошедшее!» [1]). Полдень, залитый свѣтомъ, полный жизни и движенія, будитъ въ душѣ Карамзина живое чувство безмятежнаго наслажденія жизнью: «какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, счастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое и наслаждаются имъ!» [2]) и т. д.

Съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ нашъ путешественникъ рейнскіе пейзажи: «какіе пріятные виды! восклицаетъ онъ.—Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Майнцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ величественный Рейнъ и тихой Маинъ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, которыхъ нельзя обнять глазами Любезные друзья! какъ радостно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ, вижу тебя... — вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его теченіи!» [3])... Вездѣ прекрасныя деревни—вездѣ богатые виноградные сады—вездѣ плодами обремененныя дерева—груши, яблоки и грецкіе орѣхи растутъ на дорогѣ... И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенный, винородный Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенные плоды своихъ береговъ» [4])...

Какимъ упоеніемъ звучатъ тѣ строки, въ которыхъ молодой энтузіастъ вылилъ чувства, овладѣвшія имъ при въѣздѣ въ Швейцарію: «уже я наслаждаюсь Швейцаріей, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости! Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю» [5])...

Достигнувъ вершины горы, одинъ въ безмолвной высотѣ, видя у ногъ своихъ долины, потонувшія въ голубой туманной дали, а надъ собой безмятежную синеву неба, Карамзинъ,

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 107. [2]) Ibid., 108.
[3]) Ibid., 177. [4]) Ibid., 179.
[5]) Ibid., 203. Въ 1-омъ и 2-омъ изданіи «Писемъ» сказано даже, что онъ «цѣловалъ» землю (См. выше, 213 стр.).

потрясенный величіемъ картины, ощутилъ въ своемъ сердцѣ близость Бога и въ порывѣ благоговѣйнаго трепета, одухотворенный, склонилъ свои колѣни: «чувство усталости исчезло: силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!.. Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!» [1]).

Долина Гасли, окруженная безмолвными дикими горами, полная жизни и прелести, очаровала Карамзина: «Ахъ! для чего я не живописецъ! воскликнулъ онъ: «для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ними маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ—рѣка Ара, стремящая вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и съ серебряной пѣной текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное—нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ» [2]).

Другое впечатлѣніе производитъ на Карамзина море, спокойное, залитое свѣтомъ, ласково отражающее синія небеса: элемента мечтательности въ картинѣ, нарисованной Карамзинымъ, нѣтъ и слѣда: чувствуется самое живое, бодрое, жизнерадостное восхищеніе: «я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло, какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; паруса висѣли безъ дѣйствія; корабль не шевелился; матросы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился, какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ, и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безко-

[1]) Карамзинъ. Соч., II, 270—1. [2]) Ibid., 280.

нечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта... Вотъ зеркало, достойное бога Феба!—Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего» [1])...

Но не только тихія красоты доступны пониманію Карамзина,—любитъ онъ и дикіе пейзажи, отъ которыхъ сладко сжимается сердце, побѣжденное эстетическимъ ужасомъ: «лишь только вышли мы изъ Эглизау, разсказываетъ онъ, солнце закатилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила мрачная ночь. Намъ надобно было идти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слушали—но ни одинъ листочекъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтвью. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ, и тихое неизъяснимое удовольствіе» [2]). .

Бушующее море ночью, при лунномъ освѣщеніи, тоже доставляетъ Карамзину рядъ сильныхъ ощущеній, конечно, опять-таки совершенно своеобразныхъ: «Нынѣшняя ночь, разсказываетъ онъ, была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на милліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ» [3])! Совершенно другой характеръ носитъ то чувство, съ которымъ смотрѣлъ онъ съ берега на унылыя, сѣрыя волны Балтійскаго моря; не величественной поэзіей, а уныніемъ, тоскою, щемящей сердце, проникнуты тѣ строки, въ которыхъ говоритъ онъ о картинѣ, представившейся его глазамъ: «я около часа сидѣлъ на берегу и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественный и унылый! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистый вѣтръ опрокинулъ бы челнъ его» [4])...

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 785.

[2]) Ibid., 229; еще: 390—1. [3]) Ibid., 786. [4]) Ibid., 17.

Горныя вершины, мертвые холодные граниты, на которыхъ царитъ страшное безмолвіе, наполняютъ сердце Карамзина чувствомъ, въ которомъ мы безъ труда отмѣтимъ уже другой оттѣнокъ: страхъ одиночества, ужасъ передъ отсутствіемъ жизни,—вотъ, что звучитъ въ словахъ Карамзина... [1])

Снѣжная вершина Юнгфрау, облитая луннымъ свѣтомъ, вызываетъ у Карамзина рядъ строкъ, въ которыхъ слышится какое-то нѣмое восхищеніе передъ величественной картиной: нѣтъ восклицаній,—есть только одна картина, но чувствуется, съ какимъ упоеніемъ рисовалъ ее художникъ [2]).

Гроза среди горъ тоже доставляетъ ему огромное наслажденіе: «въ нынѣшній вечеръ, разсказываетъ онъ, наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Если бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесный громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины: но онѣ стояли, и рука его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула» [3])...

Мы привели этотъ длинный рядъ цитатъ для того, чтобы доказать, насколько разнообразны были оттѣнки настроеній Карамзина, когда природа овладѣвала имъ: его пониманію доступна и прелесть зеленыхъ долинъ, и грозное величіе мертвыхъ высотъ горъ, и ужасная красота бурнаго моря... Утро, день, вечеръ, ночь, — все производитъ на Карамзина своеобразное впечатлѣніе, — оставляетъ въ его душѣ особые слѣды.

Насколько сильно природа владѣла настроеніемъ нашего путешественника, видно хотя-бы изъ цѣлаго ряда его-же признаній: «прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ», говоритъ онъ и далѣе описываетъ съ любовью картину, плѣнившую его [4]). «Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ, признается онъ въ другомъ мѣстѣ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; дерева желтѣютъ, и трава сохнетъ.

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 276.
[2]) Ibid., 269.
[3]) Ibid., 248.
[4]) Ibid., 41.

Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горесть мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ» [1]).

Зависимость эта сказывается особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ настроенія Карамзина сейчасъ-же вслѣдъ за измѣненіемъ характера вліянія природы... Глядя на величественный водопадъ Рейнскій, Карамзинъ былъ глубоко потрясенъ: «...молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ, дѣйствительно, величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ!» [2]),—но, стоило перемѣниться пейзажу, стоило Карамзину отвернуться отъ потрясающей картины, какъ напряженное настроеніе смѣняется совсѣмъ инымъ: окрестности водопада Карамзинъ уже разсматривалъ «спокойно» [3]), т. к. видѣлъ только «весьма пріятный ландшафтъ» [4]),—стоило сѣсть въ лодку и взглянуть на картины рейнскихъ береговъ, какъ опять новое настроеніе явилось на смѣну старымъ: «день склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленыя рѣшетки вѣтвистыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчеваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны..» [5]). Приведемъ еще очень характерное описаніе заката солнца на швейцарскихъ горахъ: роскошь красокъ восхищаетъ нашего чувствительнаго путешественника,—внезапно наступившая мгла наполняетъ его сердце грустью: «...сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ: «Und ein Gott ist's, der der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!» (Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ). Между тѣмъ, Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 332. [2]) Ibid., 226. [3]) Ibid.
[4]) Ibid., 227. [5]) Ibid., 228.

должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпурныхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закатилось... Мнѣ стало грустно— и мы тихими шагами возвратились въ городъ» [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что природа, дѣйствительно, доставляла Карамзину массу всевозможныхъ ощущеній, начиная съ восторга, кончая ужасомъ,—но во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ чуткій Карамзинъ замѣтилъ оттѣнокъ удовольствія. Откуда взялся этотъ элементъ удовольствія намъ не трудно объяснить: Карамзинъ переживалъ лишь «эстетическія» эмоціи, т. е. такія страданія, которыя были чужды остроты и боли, присущихъ дѣйствительнымъ...

Чуткій къ вліяніямъ «міра природы», Карамзинъ, какъ легко можно было предугадать заранѣе, оказался очень отзывчивымъ и на эстетическія воздѣйствія «міра искусствъ»: ради защиты ихъ онъ ополчается даже противъ своего любимца—Ж. Ж. Руссо: «пусть теперь доказываютъ мнѣ, восклицаетъ онъ, что изящныя искусства не имѣютъ вліянія на щастье наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствія, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!» [2]). «Все прекрасное меня радуетъ, говоритъ онъ какъ-то, гдѣ-бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его» [3])... Эта способность безраздѣльно отдаваться наслажденію «святыми, чистыми, эфирными радостями» [4]) искусства утверждаетъ убѣжденіе Карамзина, что въ его душѣ есть нѣчто «божественное, нетлѣнное» [5]). Понятно отсюда, съ какимъ сочувствіемъ долженъ былъ относиться Карамзинъ къ «жрецамъ искусства» и къ тѣмъ художественнымъ созданіямъ, которыя будили въ его душѣ дорогія ему чувства [6])...

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 261. [2]) Ibid., 73.

[3]) Ibid., 95. [4]) Ibid., 489. [5]) Ibid.

[6]) Впрочемъ, Карамзинъ никогда не претендовалъ на званіе опытнаго знатока, цѣнителя искусства,—онъ самъ глядѣлъ на себя, какъ на диллетанта: такъ, напр., онъ, по собственному признанію, только «любитель музыки» (Соч., II. 88), а въ скульптурѣ «не знатокъ» (Ibid., 188). Но этотъ диллетантъ былъ богато надѣленъ художественною чуткостью, живымъ, творческимъ воображеніемъ, и способностью легко улавливать мысль художника...

Изъ всѣхъ искусствъ поэзія была всего болѣе знакома Карамзину: онъ былъ воспитанъ на ней, — естественно, онъ долженъ былъ быть въ этой области особенно сознательнымъ судьей. Это, дѣйствительно, и сказалось на «Письмахъ»: тѣ поэты, о которыхъ мы говорили выше, въ первой главѣ, какъ учителяхъ Карамзина, не разъ восхваляются въ «Письмахъ»: подъ ихъ вліяніемъ создался у Карамзина вполнѣ ясно и опредѣленно идеалъ писателя: «Друзья мои! восклицаетъ онъ, — писателямъ открыты многіе пути къ славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; многихъ хвалитъ потомство — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ? О, вы, одаренные отъ природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но есть-ли хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!» [1])—другими словами, Карамзинъ отъ писателя требовалъ произведеній, проникнутыхъ высокимъ идеализмомъ, — только за такими авторами— признавалъ онъ право на память потомства, только предъ такими писателями искренно кадилъ онъ ѳиміамъ въ своихъ «Письмахъ», очевидно, стараясь слѣдовать имъ въ своей дѣятельности...

Музыка тоже имѣла надъ Карамзинымъ страшную силу: Напримѣръ въ католической церкви пѣніе и органъ повергаютъ нашего путешественника въ самое восторженное, благоговѣйное настроеніе: «...громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный тренетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ ангельской, и слышу гласы блаженныхъ духовъ, славославящихъ Неизреченнаго» [2])... Иное впечатлѣніе производятъ на душу Карамзина пѣсни горцевъ: «...пѣли, разсказываетъ онъ, простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными» [3])... Музыка Пи-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 253. [2]) Ibid., 106. [3]) Ibid., 389.

чини тоже доступна Карамзину и тоже встрѣчаетъ въ его лицѣ чуткаго судью: «въ композиціи, разсказываетъ онъ, есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: Vivre ou mourir, которую поютъ несчастные любовники, гонимые судьбой и ревностью жестокой Цибеллы, прекрасна, несравненна» [1])... Духовный концертъ въ Парижѣ, на которомъ Карамзину удалось слышать «Гайденову Stabat Mater, Іомелліево Miserere»—возбудилъ въ немъ страшный восторгъ: «нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами — я не отиралъ ихъ — я ихъ не чувствовалъ. Небесная музыка! наслаждаясь тобою, возвышаюсь духомъ, и не завидую ангеламъ» [2]). Еще сильнѣйшее впечатлѣніе произвела на Карамзина ораторія Генделя—«Мессія», слышанная имъ въ Лондонѣ... «Какая величественная гармонія! восклицаетъ онъ, какія трогательныя аріи! гремящіе хоры! быстрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса, вселяемаго аріею: who shall stand when he appears, вы въ восторгѣ отъ хора: arise, Shine, for thy light is come. Печаль, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара поетъ о Христѣ: he was a man of sorrows and acquamted with grief.. Я плакалъ отъ восхищенія, когда Мара пѣла арію: I know my Redeemer lives — и дуетъ съ Паккіеротти: O Death where is thy sting? O grave, where is thy victory? Я слыхалъ музыку Перголіезіеву, Іомелліеву, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ столько растроганъ, какъ Генделевымъ Мессіею. И печально, и радостно, и великолѣпно, и чувствительно!» [3])...

«...Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь пріятное, что я забылъ смотрѣть, слушалъ и млѣнялся въ глубинѣ души моей... Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ?.. Каково-же матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ» [4]).

Живопись находитъ въ Карамзинѣ такого-же страстнаго поклонника... Картины, почему нибудь обратившія на себя его вниманіе, художественно описаны въ «Письмахъ», причемъ Карамзинъ является, обыкновенно, въ роли краснорѣчиваго толкователя сюжета, выбраннаго художникомъ. Что восторгался

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 325. [2]) Ibid., 489. [3]) Ibid., 675—6. [4]) Ibid. 703

Карамзинъ не по заказу, а лишь тогда, когда какое-нибудь произведеніе, дѣйствительно, будило его чувство, видно хотя-бы изъ того, что многія лучшія произведенія европейской живописи (напр., картины Рафаэля и др.), пройдены имъ холоднымъ молчаніемъ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя малоизвѣстныя картины, поразившія его, надолго останавливаютъ его вниманіе... Приведемъ для доказательства нашихъ словъ характерное описаніе картины Лебрюна—«Магдалина»: «я хожу въ Кармелитскій монастырь, разсказываетъ Карамзинъ, для того, чтобы видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцемъ, и даже плакать!.. О, чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живую, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыя изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплоту, жаръ ихъ, вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суету міра и злополучіе страстей! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ алтаремъ Всевышняго. Не муки адскія ужасаютъ Магдалину, но мысль, что она недостойна любви Того, кто любимъ ею столь ревностно и пламенно, любви Отца небеснаго—чувство нѣжное, однѣмъ прекраснымъ душамъ извѣстное! *Прости меня*, говоритъ ея сердце. *Прости меня*, говоритъ ея взоръ... Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна...» [1]) и т. д.

Нѣсколько сходно съ этимъ описаніемъ также описаніе одной картины Рубенса, изображающей супругу Генриха IV, королеву Марію: и здѣсь мы встрѣчаемъ удивительное проникновеніе въ замыселъ художника, сживаніе Карамзина съ картиной до такой степени, что она покоряетъ его чувства: «льстецъ живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ — Историкъ, ни льстецъ. — Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи: онъ сумѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу: онъ заставляетъ меня любить Марію» [2])...

Любовь къ скульптурнымъ произведеніямъ тоже замѣтно

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 561. [2]) Ibid., 502.

сказалась въ «Письмахъ» — и здѣсь опять-таки Карамзинъ руководился, при оцѣнкѣ ихъ, исключительно своимъ чувствомъ. Такъ, ему не понравился въ Страсбургѣ «монументъ маршала, графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева» [1]), хотя, «по мнѣнію знатоковъ», художникъ «достигъ своей цѣли». «Я, не будучи знатокомъ, говоритъ, Карамзинъ, смотрѣлъ на фигуры—на ту, на другую, на третью—и былъ въ своемъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онѣ сдѣланы» [2]). Зато, если какое-нибудь произведеніе искусства будитъ въ воспріимчивомъ сердцѣ Карамзина эстетическое волненіе, онъ останавливалъ на такомъ произведеніи все свое вниманіе и охотно дѣлился съ читателями «Писемъ» своими впечатлѣніями. Такъ напримѣръ, случилось съ нимъ, когда онъ увидалъ мавзолей графу д'Аркуръ, воздвигнутый въ Notre-Dame. Разсказавъ подробно сюжетъ памятника, Карамзинъ прибавилъ: «никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ сёмъ трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ» [3]).

Въ заключеніе, укажемъ, что и орхестическое искусство нашло въ Карамзинѣ поклонника: онъ съ такимъ увлеченіемъ говоритъ о славномъ Вестрисѣ, что. безъ сомнѣнія, вынесъ изъ балета самыя живыя эстетическія впечатлѣнія: «несмотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, говоритъ онъ, Вестрисъ сіяетъ между ими, какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь, и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь — все соединяется вмѣстѣ, и естьли можно быть Риторомъ безъ словъ, то Вестрисъ, въ своемъ родѣ, Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: *люблю!* когда онъ, бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю въ свидѣтели своего блаженства» [4])...

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 187.
[2]) Ibid., 188.
[3]) Ibid., 570.
[4]) Ibid., 170.

Приведенные нами примѣры свидѣтельствуютъ, насколько былъ Карамзинъ воспріимчивъ къ вліянію изящныхъ искусствъ, — и мы видимъ, что его слова о значеніи искусствъ въ жизни человѣка, слова, выше нами приведенныя, подтверждаются этимъ рядомъ отзывовъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ искусства... Вотъ почему желанія Карамзина посвятить себя цѣликомъ «изящнымъ наукамъ», желанія устроить свою жизнь такъ, чтобы можно было «...жить въ мирѣ съ Натурой и съ добрыми, любить изящное, и наслаждаться имъ» — вовсе не пустыя слова, а вполнѣ сознательно продуманная цѣль жизни, результатъ внимательнаго изученія своей души. Любовь къ людямъ, природѣ и искусствамъ,—вотъ, что составляетъ содержаніе жизни чувствительнаго юноши, что волновало его чувства, что поддерживало его идеализмъ... Сентиментальность Карамзина, о которой многіе въ наши дни говорятъ съ усмѣшкой, коренилась въ этихъ идеальныхъ чувствахъ, которыя господствовали въ его юной душѣ и которыя заслуживаютъ не смѣха, а самаго серьезнаго къ нимъ отношенія.

Если мы прибавимъ къ этимъ чувствамъ еще «религіозныя» и «патріотическія», выраженныя въ «Письмахъ», правда, значительно слабѣе, мы составимъ себѣ полное понятіе о томъ, что давало содержаніе этой «жизни чувствомъ», которой такъ дорожилъ Карамзинъ и за которую его и назвали «сентиментальнымъ»...

Карамзина нельзя назвать «религіознымъ» въ общепринятомъ смыслѣ: для «сентиментальнаго» писателя онъ даже слишкомъ рѣдко вспоминаетъ о Богѣ, но ему, тѣмъ не менѣе, вполнѣ доступно религіозное настроеніе; оно является у него правда, несамостоятельнымъ: мысль о Богѣ всегда бываетъ у него результатомъ или восхищенія красотой природы [1]), или мысли объ удивительномъ порядкѣ, господствующемъ въ мірѣ [2]), или настроенія, вызваннаго искусственно церковной музыкой и обстановкой богослуженія [3])... Такъ, напримѣръ, видъ мирной природы наполняетъ его душу чувствомъ такого без-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 107, 270. [2]) Ibid., 204—5, 337. [3]) Ibid., 106, 676.

мятежнаго покоя, что «едва-ли когда-нибудь, по его словамъ, въ сердцѣ своемъ былъ онъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ Творца, какъ въ сіи минуты» [1]). Пораженный величіемъ картины, открывшейся его взорамъ, когда онъ достигъ вершины горы, онъ, въ порывѣ религіознаго энтузіазма, «преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія—Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно свое всемогущество, свое величіе, свою вѣчность!» [2]). «Языкъ мой, разсказываетъ, не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту» [3]).

Съ восторгомъ глядя на богатство наслажденій, которыя по волѣ Творца сдѣлались доступны человѣку, Карамзинъ примиряется съ мыслью о смерти и, видя въ жизни равновѣсіе радости и горя, обращается мыслью къ Богу, учредителю этого порядка съ мольбою о прощеніи: «прости мнѣ, Мудрое Провидѣніе, есть ли я когда-нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!» [4]). Чувствуя, что болѣзнь, томившая его, прекратилась, что опять онъ въ состояніи наслаждаться всѣми радостями бытія, онъ, обрадованный, смиряется предъ Творцемъ, посылающимъ людямъ равномѣрно горе и радость, и восклицаетъ: «друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ!—Довѣренность къ Провидѣнію—довѣренность къ той невидимой рукѣ, которая движетъ и міры, и атомы, которая бережетъ и червя, и человѣка—должна быть основаніемъ нашего спокойствія [5]). Въ церкви, какъ мы уже говорили, онъ легко подпадаетъ подъ вліяніе стройнаго, величественнаго пѣнія, церковной обстановки, благоговѣнія молящихся,—и молитвенное настроеніе ниспускается на него, чувства его подымаются къ Богу: онъ «сталъ на колѣна и молился отъ всего сердца...» [6]). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, насколько несамостоятельно было у Карамзина

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II. 107. [2]) Ibid., 270. [3]) Ibid., 271.
[4]) Ibid., 205. [5]) Ibid., 537. [6]) Ibid., 106.

религіозное настроеніе: оно у него является всегда лишь слѣдствіемъ какого-нибудь впечатлѣнія или чувства. Интересно, между прочимъ, что самое слово «Богъ» почти не употребляется Карамзинымъ: оно замѣняется у него словами, — «Провидѣніе» [1]), «Вѣчная Премудрость» [2]), «Судьба» [3]), даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слово «Натура» является какъ бы синонимомъ этого понятія [4]).

Что касается до чувствъ «патріотическихъ», то, вопреки общепринятому мнѣнію, мы думаемъ, что любовь къ отечеству очень слабо выразилась въ «Письмахъ»: Карамзинъ въ это время былъ весь увлеченъ своей философской вѣрой въ «космополитизмъ:» онъ преклонялся предъ «человѣкомъ» вообще,— все «племенное», въ его глазахъ, стояло неизмѣримо ниже «человѣческаго» [5]). Вотъ почему мысль объ «отечествѣ» у него является довольно рѣдко и то въ видѣ инстинктивной симпатіи, лишь проскальзывающей сквозь космополитическія тенденціи... Такъ иногда вырвется у него замѣчаніе, свидѣтельствующее о томъ, что слава русскаго оружія ему дорога [6]); онъ не скрываетъ своего удовольствія, когда, хотя въ мелочахъ, русскіе, по его наблюденію, стояли наравнѣ съ иностранцами [7]), онъ искренне опечаленъ, когда приходится сознаться, что Россія въ чемъ-нибудь уступаетъ западу [8]); иногда онъ, по мѣрѣ силъ, защищаетъ родину [9]), а одинъ разъ его патріотизмъ выразился очень своеобразно: мошенническая продѣлка русскаго кучера, надувшаго нѣмцевъ, вызвала юношу на неосторожное восхваленіе русской сметливости [10])... Такимъ образомъ, почти во всѣхъ случаяхъ «патріотизмъ» обнаруживается у него тоже лишь въ связи съ другими чувствами и мыслями. Такъ, его преклоненіе передъ Петромъ Великимъ за его реформы, «сломившія голову закоренѣлому русскому упрямству» [11]) во имя принципа — «все народное ничто передъ человѣческимъ» [12]), настолько сильно, что, вмѣстѣ съ Петромъ, захватываютъ и ту страну, которая породила такого генія:

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 462, 337. [2]) Ibid., 265. [3]) Ibid., 280, 312, 490. [4]) Ibid., 336. [5]) Ibid., 515. [6]) Ibid., 18, 25. [7]) Ibid., 28. [8]) Ibid., 86, 179. [9]) Ibid., 15—6, 127. [10]) Ibid., 19. [11]) Ibid., 514. [12]) Ibid., 515.

глядя на мелодраму — «Петръ Великій», Карамзинъ «отиралъ слезы свои» и радовался, что онъ — Русскій [1])... Иногда эта любовь къ отчизнѣ является у него подчиненной любви къ тѣмъ людямъ, которые были близки ему: родина, только благодаря имъ, дорога ему: если друзей не будетъ, родина потеряетъ его любовь. «Только посредствомъ васъ, обращается Карамзинъ къ своимъ друзьямъ, сообщаюсь я съ любезнымъ моимъ отечествомъ» [2])... «Есть ли васъ не будетъ на свѣтѣ, восклицаетъ онъ, то связь моя съ отечествомъ перервется — я пойду искать какой-нибудь пустыни и т. д.» [3])... «Если не будетъ ни одного сочувствующаго сердца, то я удалюсь въ эту пустыню» [4]),—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Сентиментальныя мечты его о жизни въ швейцарскихъ горахъ, — «построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ, какъ восхитительный сонъ» [5]),—отравляются не мыслью о родинѣ, а воспоминаніемъ о друзьяхъ: «но, ахъ!» здѣсь нѣтъ друзей моихъ! [6])—вырывается у него горестное восклицаніе. Уѣзжая на западъ, Карамзинъ не прощается съ отечествомъ, но лишь съ друзьями: «я еще не выѣхалъ изъ Россіи, пишетъ онъ, но давно *уже въ чужихъ краяхъ, потому что давно съ вами разстался*» [7])... Приведенныхъ цитатъ вполнѣ достаточно, чтобы подтвердить наши слова, что Карамзинъ-юноша, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшій молиться на западъ, во время своего путешествія еще не былъ «патріотомъ»: съ радостью оставилъ онъ родные предѣлы [8]), съ «отмѣннымъ» вниманіемъ смотрѣлъ онъ на все чужое [9])... Сознаніе говорило ясно юношѣ, что не за что было ему любить родину, отставшую отъ запада, но онъ всетаки не смогъ подавить въ себѣ инстинктивной любви къ отчизнѣ, и эта любовь проглянула въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Писемъ» въ видѣ нечаянныхъ обмолвокъ...

Итакъ, любовь къ людямъ, природѣ, искусствамъ и, слабѣе выраженная, любовь къ отечеству и Богу — вотъ, содержаніе той «жизни чувствомъ», которою Карамзинъ очень дорожилъ и которая ярко выразилась въ его «Письмахъ».

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 487. [2]) Ibid., 324. [3]) Ibid., 379. [4]) Ibid., 221.
[5]) Ibid., 333. [6]) Ibid. [7]) Ibid., 11. [8]) Ibid., 12. [9]) Ibid.

Конечно, возможность жить жизнью чувства обусловлена была психическими особенностями Карамзина: не всякій человѣкъ могъ съ такой любовью отдаваться этой жизни,—для этого нужны были совершенно особенныя качества души.

Во-первыхъ, необходима *отзывчивость*, воспріимчивость чувства, соединенная съ способностью отдаваться этому чувству безраздѣльно,—однимъ словомъ,—та «чувствительность», которая подчиняла человѣка внѣшнимъ и внутреннимъ впечатлѣніямъ. Уже приведенные нами въ началѣ этой главы примѣры достаточно ясно доказываютъ, насколько былъ Карамзинъ воспріимчивъ къ разнаго рода впечатлѣніямъ. Мы видѣли уже, что красота природы и искусства овладѣваетъ его душою безъ труда, и что на эти внѣшнія воздѣйствія она отзывается самымъ прихотливымъ образомъ: грусть, тоска, отчаянье, тихая радость, живое веселье, восторгъ, энтузіазмъ, — всѣ эти разнохарактерныя эмоціи, съ самыми прихотливыми оттѣнками, знакомы и вполнѣ доступны Карамзину: какъ эолова арфа— на легкое дуновеніе вѣтерка, откликается его душа мелодичными звуками чувства на всякое, даже легкое, раздраженіе, идущее къ его сердцу...

Но не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ на Карамзина и суетливый міръ людской, со всѣми его тревогами, печалями и радостями, достоинствами и недостатками [1]): въ зависимости отъ того, насколько человѣческія дѣянія приближаются или отдаляются отъ его идеаловъ любви, идеаловъ, такъ ясно выраженныхъ и послѣдовательно проведенныхъ въ «Письмахъ»,—нашъ путешественникъ то горюетъ, то радуется самымъ искреннимъ, живымъ образомъ [2]).. Всевозможные случаи, встрѣчи и приключенія, конечно, неизбѣжно связанныя съ путешествіемъ, постоянно давали богатую пищу его чувствамъ; эти постоянныя волненія сердца, эти быстрыя смѣны разнообразныхъ ощущеній были въ его глазахъ «обогащеніемъ» его души, — поэтому считалъ онъ свое путешествіе

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 32, 38, 40—1, 50, 68, 79, 87, 155, 171—3, 176, 212—3, 254, 292, 295—6, 367, 426—7, 460—3 и др.

[2]) Ibid., 6—7, 59—60, 130—1, 169, 192, 197, 232, 235, 240—1, 251, 278—9, 83, 298, 339, 349, 351—2, 354, 362, 403, 409, 458—9 и др.

«питательнымъ для духа и сердца» [1]), поэтому во время путешествія самымъ старательнымъ образомъ искалъ «занимательнаго для сердца» [2]), внимательно отмѣчая въ своей книжкѣ все трогательное, все возвышающее душу человѣка, вызывающее слезы сочувствія и любви...

Вторая характерная черта Карамзина—богатое *воображеніе*, та творческая фантазія, которой очень немного надо было пищи для того, чтобы передъ духовными очами молодого путешественника въ самое короткое время создавалась картина, набросанная такими яркими, свѣжими красками, что мало уступала дѣйствительности... Эта легкость творчества давала чувствамъ Карамзина работу всегда, когда дѣйствительность оказывалась слишкомъ бѣдной... Ему, напримѣръ, ничего не стоитъ, глядя на оружіе, латы и шишакъ Маркграфа Бранденбургскаго, задуматься о среднихъ вѣкахъ, «мрачныхъ вѣкахъ... варварства и героизма» и, незамѣтно для себя, промечтать, стоя на одномъ мѣстѣ, «около часа» [3].. Стоитъ ему вспомнить о священномъ дубѣ, уважаемомъ язычниками и срубленномъ христіанами, какъ онъ безъ труда отдается своему воображенію, — и оно рисуетъ ему живую картину древняго языческаго жертвоприношенія подъ мрачной тѣнью священнаго дерева [4])... Глядя, напримѣръ, на развалины древняго разбойничьяго замка, нашъ путешественникъ съ необыкновенной живостью воспроизвелъ картину изъ далекаго прошлаго этого замка: «тутъ, разсказываетъ онъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ, какъ голодный левъ, рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. «Ѣдетъ! ѣдетъ!» кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались — гремѣли и опять подымались—и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенныя богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь саженъ глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе,

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 184. [2]) Ibid., 159. [3]) Ibid., 32—3. [4]) Ibid., 39.

*

и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ и, смотря на сіи острыя башни, восклицалъ: «отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Несчастная мать день и ночью крушится, печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!»—«Стой, воображеніе!» [1])—обращается, наконецъ, самъ Карамзинъ къ своей фантазіи и этими словами обрываетъ цѣпь трогательныхъ образовъ, съ поразительною яркостью пролетѣвшихъ передъ нимъ... Въ сумрачномъ корридорѣ католическаго монастыря воображеніе Карамзина было встревожено до того, что мрачные ужасы средневѣковья овладѣли его воспріимчивымъ сердцемъ: «трудно описать, говоритъ онъ, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ, въ глубокой тишинѣ, по сему темному корридору, и смотря на лампады и на старыя картины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодный ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ счастью, въ самую сію минуту пришелъ мой вожатый, и фантомы моего воображенія исчезли» [2])... Приведемъ еще примѣръ: «темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался и шумѣлъ ужасно между деревами; облака неслись быстро, натекли на городъ, и пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ темнотѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтельныхъ фей—и всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кихотомъ, оживились въ моей памяти» [3])...

Указавъ, на какихъ психическихъ особенностяхъ Карамзина развилась его «жизнь чувствомъ», мы должны остано-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 52. [2]) Ibid., 155.
[3]) Ibid., 318; еще: 367, 543, 561.

виться и на выясненіи того, какъ проявлялась у него эта жизнь. Здѣсь мы встрѣчаемся съ обстоятельствомъ очень любопытнымъ: оказывается, что это *внѣшнее проявленіе* было многими современными изслѣдователями литературы принято за сущность сентиментализма: идейное и психологическое содержаніе этого направленія было не замѣчено и все вниманіе было обращено на эту оболочку, которая, конечно, въ наши дни представляетъ не мало странностей, курьезовъ и можетъ, пожалуй, вызывать даже и смѣхъ... Но вѣдь «манера», которой пользуются писатели для выраженія своихъ мыслей и чувствъ — это нѣчто до такой степени измѣнчивое, что одно, два десятилѣтія имѣютъ въ ея исторіи большое значеніе. Почти никого изъ насъ, напримѣръ, пока не коробитъ отъ фигурныхъ выраженій Гоголя, (хотя-бы въ извѣстномъ «описаніи Днѣпра»), но, можетъ быть, недалеко то время, когда школьники будутъ смѣяться надъ его ухищренными метафорами...

Обращаясь къ произведенію Карамзина, мы прежде всего наталкиваемся на *экспансивность*, съ какою выражается у него чувство: нерѣдко оно разрѣшается въ потокахъ слезъ или восторженныхъ восклицаніяхъ. Напримѣръ, глядя на драму Коцебу, Карамзинъ, оказывается, «плакалъ, какъ ребенокъ» [1].. Описывая прекрасный пейзажъ, онъ заявляетъ: «я смотрѣлъ и наслаждался, смотрѣлъ, радовался и даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело!» [2]). Видъ монумента, воздвигнутаго Геллерту, будитъ въ его душѣ восторженное чувство умиленія: «сяду подъ окномъ, восклицаетъ онъ, буду читать Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать — и, можетъ быть, плакать» [3]). Чтеніе трагедіи Шиллера «Фіеско» такъ сильно взволновало его, что, дойдя въ своемъ разсказѣ до того мѣста пьесы, гдѣ идеализмъ борется въ душѣ Фіеско съ эгоизмомъ, Карамзинъ до такой степени живо представилъ себѣ эту сцену, что воскликнулъ: «я готовъ былъ упасть передъ нимъ на ко-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 72. [2]) Ibid., 107. [3]) Ibid., 121.

лѣни и воскликнуть: избери первое!» [1]). Сидя на берегу Рейна и пробуя прекрасное рейнское вино, Карамзинъ пришелъ въ какой-то ребяческій восторгъ: «мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня, какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлостью вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ царь» [2])... Подъ первымъ впечатлѣніемъ швейцарской природы Карамзинъ пришелъ въ такое восторженное настроеніе, что разрѣшился цѣлымъ рядомъ восклицаній, въ родѣ слѣдующаго: «ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью»!.. [3]) Подобныя восклицанія довольно часто встрѣчаются въ «Письмахъ», — это обычный пріемъ Карамзина выражать свои чувства въ тѣ моменты, когда они достигаютъ особой силы... Растроганный гостепріимствомъ нѣмецкаго семейства, пріютившаго и обласкавшаго его во время бури, онъ восклицаетъ: «гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во дни наши! естьли я когда-нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои!» [4]). Вечерній пейзажъ на берегахъ Эльбы до такой степени встревожилъ любовь нашего путешественника къ природѣ, что онъ вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ: «любезная Природа! болѣе ни слова!» [5]), — и потомъ обратился съ восклицаніемъ къ рѣкѣ, лѣсамъ и холмамъ: «а вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы!... вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду вспоминать прошедшее!» [6]). Картина семейнаго счастья умилила Карамзина до того, что онъ простился съ нею трогательнымъ восклицаніемъ: «прости, уединенный домикъ! Миръ тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣтвистое дерево! долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невин-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 164. [2]) Ibid., 178. [3]) Ibid., 204.
[4]) Ibid., 7. [5]) Ibid., 107. [6]) Ibid.

ности и добродѣтели!» [1])... Радость, испытанная стариками-родителями при нечаянной встрѣчѣ со своими дѣтьми, на спасеніе которыхъ они уже не надѣялись, до такой степени переполнила свѣтлымъ чувствомъ умиленія нѣжное сердце Карамзина, что онъ, замѣтивъ, какъ всѣ были тронуты случившимся, воскликнулъ: «ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей, ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга!» [2])... Эта экспансивность, такъ легко выражающаяся въ слезахъ и въ восторженныхъ восклицаніяхъ, конечно, для насъ очень странна, неестественна. Немудрено, что многіе изслѣдователи, касавшіеся сентиментализма, заподозрѣли Карамзина въ фальши, въ какомъ-то намѣренномъ обманѣ, увѣряя, будто восклицаніями и слезами онъ прикрывалъ отсутствіе или бѣдность чувства... Этихъ недовѣрчивыхъ людей, не видящихъ за риторизмомъ живого, сильнаго чувства, трудно, конечно, убѣдить въ ошибочности ихъ взгляда, такъ какъ стать на историческую точку зрѣнія вовсе нелегкая вещь,—во всякомъ случаѣ, мы отсылаемъ ихъ къ той эпохѣ, воспитанникомъ которой былъ Карамзинъ, къ тѣмъ безчисленнымъ письмамъ и дневникамъ, которыми богата нѣмецкая литература второй половины XVIII вѣка, къ одамъ Клопштока, къ «Новой Элоизѣ» Руссо, къ «Вертеру» Гете,—тамъ они увидятъ и эти восклицанія, и эти слезы, и восклицательные знаки, и краснорѣчивыя многоточія... Въ самихъ «Письмахъ русскаго путешественника» мы находимъ, напримѣръ, письмо Галлера къ Боннету, написанное въ такомъ-же стилѣ [3]), встрѣчаемъ восторженнаго датчанина Беккера [4]), къ которому болѣе спокойный Карамзинъ относится иногда даже какъ будто съ какой-то снисходительной ироніей, встрѣчаемъ лицъ, настолько превышавшихъ своей восторженностью Карамзина, что онъ даже иронизировалъ надъ ними: «и тотъ и другой, замѣтилъ Карамзинъ про друзей Беккера, любитъ аханье и восклицанія: графъ

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 169—170. [2]) Ibid., 197; еще: 73, 177, 192, 253, 337, 430. [3]) Ibid., 372—3. [4]) Ibid., 355—360.

бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а поэтъ Багзенъ складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ-нибудь съ жаромъ» [1])... Старикъ Вейсе, философъ Боннетъ, поэтъ Матисенъ, — все это люди такого же покроя: сердца у нихъ легко открываются предъ симпатичнымъ человѣкомъ, рѣчь ихъ легко переходитъ въ восторженныя выраженія, чуждыя современному уху...

Кромѣ *восторженности* бросается намъ въ глаза при чтеніи «Писемъ» *манерность* нѣкоторыхъ выраженій. Очевидно, Карамзину иногда не хватало силъ выразить въ простыхъ словахъ всю роскошь и богатство тѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, которые видоизмѣняли его настроеніе, — и, надо сознаться, что ему иногда, дѣйствительно, удается передать такое сложное настроеніе, которое недоступно пониманію всякаго даже въ наши дни... Напримѣръ, очарованный красотами Швейцаріи, подъ конецъ даже утомленный этой массой нахлынувшихъ радостныхъ впечатлѣній, Карамзинъ рѣшаетъ, что надо отдохнуть,—и, вотъ, онъ выбираетъ Женеву, которая, въ свою очередь, обѣщаетъ ему множество развлеченій и радостей... Такое огромное количество счастья наполняетъ Карамзина какимъ-то упоеньемъ, отъ котораго кружится его голова,— и онъ до самозабвенія отдается этому потоку счастья, — это для него «тонкой, сладостный сонъ на персяхъ любезной Природы» [2])... Очень удачно выразилъ также Карамзинъ то состояніе духа, когда острая печаль уже улетѣла изъ человѣческаго сердца, когда оно уже становится воспріимчивымъ къ радостямъ бытія, но слабый остатокъ прежняго горя изрѣдка легкой дымкой проносится еще надъ успокоившимся человѣкомъ: «начинаю наслаждаться путешествіемъ,—разсказываетъ онъ: иногда, думая о васъ, вздохну; но легкой вѣтерокъ струитъ воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое» [3])... Пастушеская идиллія, разыгравшаяся въ воображеніи Карамзина, тоже отличается манерностью [4]), но, тѣмъ не менѣе, она прекрасно передавала настроеніе Карамзина. Чувство одиночества, сознаніе того, что нѣтъ около ни одного любящаго

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 250—1; еще: 327—331, 371, 307. [2]) Ibid., 313.
[3]) Ibid., 36. [4]) Ibid., 108—9.

сердца прекрасно выразилось у Карамзина, хотя бы, въ слѣдующей фразѣ: «никто не хватится меня завтра, естьли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ничей вздохъ не полетитъ въ слѣдъ за мною»[1]... «Наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу!» — послалъ старикъ Вейсе Карамзину на дорогу сердечный привѣтъ. «А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни!» — нашелся нашъ путешественникъ и, повидимому, остался своимъ фигурнымъ выраженіемъ очень доволенъ[2]... Да и, дѣйствительно, это изысканное выраженіе вполнѣ подходило къ старику Вейсе, какимъ онъ рисуется въ «Письмахъ русскаго путешественника»... Всѣ обращенія нашего путешественника къ «матери-Натурѣ», къ деревьямъ, бесѣды со змѣей, — все это неестественно, съ нашей точки зрѣнія, все это, дѣйствительно, отзываетъ фальшью,—наивное заявленіе, что авторъ, въ порывѣ сочувствія чужому горю, «пошелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ»[3], конечно, смѣшно, — но стоитъ вспомнить, что тогда сотни писателей взывали къ Природѣ въ такихъ-же выраженіяхъ, и «ходили въ свой карманъ за платкомъ» не рѣже Карамзина, — и мы поймемъ, что упрекать Карамзина и за *манерность* мы не имѣемъ права, если станемъ на историческую точку зрѣнія.

Наконецъ, третье, что обращаетъ на себя вниманіе въ «Письмахъ»,—это возня автора съ своимъ собственнымъ «я», со своимъ чувствительнымъ сердцемъ... Смотритъ-ли авторъ на какое-нибудь трогательное событіе или на пейзажъ,—вниманіе его чаще всего сводится въ концѣ къ самонаблюденію; оттого, вмѣсто спокойнаго описанія красотъ природы, — мы, бо́льшею частью, встрѣчаемъ повѣствованіе о настроеніи, вызванномъ у автора этими красотами,—вмѣсто чисто-эпическаго, объективнаго разсказа о внѣшнемъ мірѣ, мы имѣемъ дѣло съ сильной примѣсью субъективной окраски, вносящей лирическій элементъ часто въ такія картины, которыя, съ современной точки зрѣнія, только бы выиграли, если бы остались чистыми отъ этой примѣси... Для примѣра, приведемъ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 129. [2]) Ibid., 131. [3]) Ibid., 207.

одно описаніе пейзажа, который совершенно ускользаетъ отъ насъ благодаря вмѣшательству Карамзина въ свою картину: реальные образы до такой степени затуманены чувствами и мечтами автора, что нѣтъ силъ справиться съ этимъ субъективнымъ элементомъ: «какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя — разсказываетъ нашъ путешественникъ. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами — думалъ я — веселъ и щастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностью его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтетъ душа его.—Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою пастушкой. Она спѣшитъ къ своему пастуху—думалъ я—который ожидаетъ ее подъ тѣнью каштановаго дерева,—тамъ, на правой сторонѣ, близъ виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Пастушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе—и бросается въ отверзтыя объятія милаго своего пастуха. Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни каштановаго дерева. Они цѣловались, какъ нѣжныя горлицы» [1].. Очевидно, мирный свѣтлый пейзажъ напомнилъ Карамзину идилліи Геснера, и, подъ ихъ вліяніемъ, онъ пришелъ въ такое сентиментальное настроеніе, что всѣ реальные образы окрасились, благодаря его живому воображенію, въ идиллическій колоритъ, — въ результатѣ, получилась картина, которая говоритъ намъ о настроеніи Карамзина, но почти ничего не говоритъ о реальности... Приведенный нами выше разсказъ

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 108—9.

Карамзина о тѣхъ чувствахъ, которыя овладѣли имъ, когда онъ очутился одинъ въ темномъ коридорѣ католическаго монастыря, — по характеру своему, вполнѣ годится для доказательствъ нашихъ словъ: сказавъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ корридора, Карамзинъ сейчасъ-же переходитъ къ себѣ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы передать читателю тотъ ужасъ, который овладѣлъ его душой [1]). Разсказавъ объективно о встрѣчѣ французскими эмигрантами своихъ дѣтей, безъ вѣсти пропадавшихъ, Карамзинъ съ особой любовью и вниманіемъ останавливается на изображеніи настроенія своего и своихъ сосѣдей [2]),—очевидно, для него трогательное событіе не только само по себѣ имѣетъ цѣну, — оно для него цѣнно также, какъ предлогъ для того, чтобы лишній разъ заглянуть въ глубь своего чувствительнаго сердца, лишній разъ прислушаться къ тому внутреннему голосу, который у него, чувствительнаго путешественника, раздается иногда до того громко, что заглушаетъ житейскій шумъ (особенно у Стерна) [3])... Какъ всѣ сентиментальные писатели, онъ дорожитъ этимъ голосомъ, ищетъ всякаго случая, чтобы его услышать,—вотъ почему отправляется онъ на поиски могилы нѣжныхъ любовниковъ, чтобы пролить надъ ними «нѣжную слезу», и искренне огорченъ, когда не можетъ найти ея: «спрашивалъ—но французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности!» [4]); онъ досадуетъ, что эта случайная житейская возня, эти уличные скандалы, порою смѣшные и нелѣпые, отвлекаютъ людей отъ поклоненія передъ вѣчными чувствами любви...

Такой упорный самоанализъ, соединенный съ откровенностью, надоѣдающей современному читателю, конечно, въ современной литературѣ почти не встрѣчается, — но въ сентиментальной литературѣ конца вѣка мы встрѣтимъ часто подобныя произведенія. Мы видѣли выше, что между ними есть даже такія, въ которыхъ изображеніе внѣшняго міра совершенно отсутствуетъ: авторъ занимается только своей душой, только смѣной своихъ настроеній, только «жизнью чувства»...

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 155. [2]) Ibid., 197. [3]) Ibid., 107, 164, 169, 177, 192, 204—5, 261, 270, 295—6, 332, 366, 392, 489 и др. [4]) Ibid., 424.

Очевидно, это было увлеченіе, подобное тому, которое овладѣло людьми XVIII в., когда они поняли природу, когда ихъ пониманію сдѣлались доступны ея разнообразныя красоты,—здѣсь открылась сознательному наблюденію не менѣе обширная и богатая область—«собственная душа», съ прихотливой жизнью чувства... Немудрено, что въ XVIII в. нѣкоторые поклонники чувства увлеклись наблюденіемъ за собственнымъ внутреннимъ міромъ до того, что отказались совершенно отъ міра внѣшняго: такимъ былъ Стернъ и его ближайшіе ученики въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ [1]... Нашъ Карамзинъ только отчасти можетъ быть названъ ученикомъ Стерна: несомнѣнно, онъ очень увлекался жизнью чувства, но онъ не отдался ей безраздѣльно: въ его душѣ жили интересы разума, ему нуженъ былъ внѣшній міръ, съ его дѣйствительной, реальной жизнью... Порою у него жизнь чувствомъ далеко отступаетъ назадъ передъ этой жизнью разумомъ, и нашъ путешественникъ забываетъ совершенно о своихъ чувствахъ, забываетъ самоанализъ и жадно всматривается въ чуждую ему жизнь, набирая пищи своему разуму, копя впечатлѣнія, какъ молодой Скиѳъ, пріѣхавшій въ Аѳины, «чтобы украсить разумъ познаніями» [2]...

«Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его» [3],—говоритъ самъ Карамзинъ... Что-же влекло его въ эти центры умственной жизни Европы,—желаніе-ли восторгаться природой, мечтать о пастушескихъ нравахъ, — или желаніе украсить свой разумъ познаніями? Думается намъ, что для жизни чувствомъ Карамзинъ, сочиняя «планъ путешествія», отвелъ тѣ мѣстности, которыя были ему знакомы изъ сентиментальной литературы: нѣмецкія зеленыя равнины берега Рейна, швейцарскія горы и озера,—а для «жизни разумомъ»—отвелъ именно тѣ центры, въ которыхъ онъ могъ познакомиться съ плодами вѣковой европейской цивилизаціи.

Въ этой новой роли наблюдателя европейской жизни, настоящей и прошлой, Карамзинъ рисуется передъ нами уже съ другой стороны: теперь онъ больше не живетъ въ мірѣ на-

---

[1]) См. выше, стр. 242—4, 363—75. [2]) Карамзинъ, Соч., II, 509. [3]) Ibid.

стушескихъ идиллій, не предается сладкимъ мечтамъ, не наслаждается своими нѣжными чувствами,—онъ «съ отмѣннымъ вниманіемъ» [1]) смотритъ на жизнь тѣхъ странъ, гдѣ въ то время, по его выраженію, «законы разума всенародно возглашались и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространялось» [2])... Западъ былъ для него обѣтованной землею, и юноша, благодаря счастливой случайности получившій на родинѣ разностороннее образованіе и сознававшій поэтому, что ему «открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіемъ», жадно всматривался во все, попадавшееся ему на пути. Мы видѣли уже, сколько «душевныхъ удовольствій» получилъ онъ за время своего путешествія,—что-же онъ сдѣлалъ для «утонченія разума?» — Помня, что «избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго», онъ внимательно и осторожно отнесся къ западной цивилизаціи; преклоненіе передъ нею не помѣшало ему все время оставаться въ роли наблюдателя,—къ тому же всестороннее образованіе его, размѣры котораго намъ удалось опредѣлить лишь приблизительно, дало ему возможность ко всѣмъ сторонамъ западной цивилизаціи отнестись сознательно, — въ результатѣ, его путешествіе должно было имѣть большое значеніе въ жизни Карамзина послѣ возвращенія на родину.

Конечно, при такомъ раздвоеніи его чувство не разъ должно было сталкиваться съ разумомъ,—и, дѣйствительно, мы встрѣтимся въ «Письмахъ» съ цѣлымъ рядомъ любопытныхъ противорѣчій... Какъ примирить, напримѣръ, сентиментальныя мечты нашего путешественника о беззаботной жизни въ одиночествѣ, вдали отъ житейскаго шума — съ приговоромъ, который былъ имъ произнесенъ надъ монахами: «странная жизнь! — вырывается восклицаніе у него: учредители сего ордена худо знали нравственность человѣка, образованную, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ, но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству... Всѣ благородныя

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 12. [2]) Ibid., 137.

побужденія въ сердцѣ нашемъ засыпаютъ, и человѣкъ съ первой степени земного творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей» [1])... Какъ примирить сентиментальное восклицаніе: «для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями!» [2]) — съ ироническимъ: «когда же?» [3]), прибавленнымъ внизу, въ подстрочномъ примѣчаніи?.. «Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золотой» [4]),— вотъ, голосъ разсудка, къ которому Карамзинъ прислушивался очень часто во время своего путешествія. Этотъ голосъ указалъ Карамзину на «заблужденія» Руссо [5]), онъ-же помѣшалъ ему сдѣлаться слѣпымъ поклонникомъ женевскаго философа, на котораго многіе тогда молились въ Европѣ [6]); этотъ-же голосъ помогъ ему признать значеніе Вольтера [7]), котораго проклинали сентиментальные писатели... Юноша порою до того отдѣлывался отъ своей сентиментальности, что не прочь былъ даже посмѣяться надъ нею: развѣ, напримѣръ, не ироніей звучатъ, хотя-бы, слѣдующія слова его: «двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ» [8])?.. «Мольтке, смотря на Бѣлую гору, подымалъ руки, — громкими восклицаніями изъявлялъ восторгъ свой,—увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ намостить большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что графъ любитъ исполинскія мысли!» [9])... «Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ-нибудь съ жаромъ» [10])...

Насколько разошлись въ Карамзинѣ чувство и разумъ, видно, хотя-бы, изъ отношенія его къ Швейцаріи. Припомнимъ, съ какимъ энтузіазмомъ бросился онъ цѣловать землю «свободы

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 412. [2]) Ibid., 278—9. [3]) Ibid., 279.
[4]) Ibid., 78. [5]) Ibid., 631. [6]) Ibid., 633. [7]) Ibid., 320.
[8]) Ibid., 272. [9]) Ibid., 371. [10]) Ibid., 250—1.

и благополучія», когда впервые его нога ступила въ ея предѣлы. «Счастливые Швейцары! восклицаетъ онъ восторженно, всякой-ли день, всякой-ли часъ благодарите вы небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ *благодѣтельными законами братскаго союза*, въ простотѣ нравовъ, и *служа одному Богу?*»... Въ этомъ восклицаніи слышится заочное преклоненіе юноши передъ республиканскимъ правленіемъ швейцарцевъ, — но, стоило ему присмотрѣться, къ быту швейцарцевъ, прислушаться къ голосу своего разсудка, стоило сознательнѣе отнестись къ своимъ впечатлѣніямъ, — и возвышенныя мечты растворились въ дѣйствительность, довольно пошлую. Правда, не въ духѣ миролюбиваго Карамзина было говорить о чемъ-бы то ни было со злобой—ирония и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, грусть,—вотъ, единственно, чѣмъ пользовался нашъ путешественникъ для выраженія своего отношенія къ отрицательнымъ явленіямъ... Разочаровавшись въ Швейцаріи, онъ, однако, не обрушился на нее упреками, — онъ написалъ въ своей книжкѣ лишь слѣдующее: «живучи здѣсь я часто досадовалъ на Женевцовъ и нѣсколько разъ хотѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвѣтлыми красками; но теперь, на прощанье, не могу сказать объ нихъ ничего худого. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть цвѣтетъ маленькая область ихъ подъ сѣнью Юры и Солева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства и промышленности! Да разсуждаютъ спокойно въ Серкляхъ своихъ о происшествіяхъ мира и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть всѣ Европейцы съ сѣвера и юга пріѣзжаютъ къ нимъ на вечеринки, играть въ вискъ по гривнѣ за партію и пить чай и кофе! Да будетъ ихъ республика многія, многія лѣта прекрасною игрушкою на земномъ шарѣ!» [1].. Въ этихъ словахъ много добродушія, но много и ироніи: Карамзинъ старательно подчеркнулъ все хорошее въ жизни Женевы, но нѣсколькими лукавыми чертами далъ понять, что въ этой жизни много пошлаго, мелкаго... Если «чувство» подсказывало Карамзину

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 204.

при его въѣздѣ въ Швейцарію энтузіазмъ, и онъ воображалъ себѣ жизнь «счастливыхъ швейцаровъ» не иначе, какъ «пріятнымъ сновидѣніемъ»,—то «разумъ» вызвалъ у него на устахъ ироническую усмѣшку, когда Женевскую республику, съ ея суетливой жизнью, съ ея «великолѣпными синдиками», онъ окрестилъ—«прекрасной игрушкой» [1]). То же самое отношеніе было, повидимому у Карамзина и къ французской революціи... Правда, онъ высказался о ней лишь въ 1801 году, но мы съ полнымъ правомъ будемъ утверждать, что юноша-энтузіастъ, поклонникъ республиканской формы правленія, сладко замиравшій при словахъ: «братство», «равенство», «свобода», — долженъ былъ быть глубоко уязвленъ въ своемъ чувствительномъ сердцѣ, когда увидалъ буйство черни и безпринципность многихъ вожаковъ... И, всетаки, ни одного слова осужденія не произнесъ юноша по адресу французской революціи въ 1791 — 4 годахъ,—лишь грустью звучитъ его рѣчь, когда онъ говоритъ о чемъ-нибудь, касавшемся этого движенія. Въ 1801-же году онъ высказалъ два обвиненія по адресу французской революціи: 1) нарушеніе порядка вещей, установленнаго исторіей, 2) касающееся собственно не революціи, а дѣятелей ея, — онъ упрекнулъ ихъ за ихъ «порочныя души»... Если первое обвиненіе должно быть отнесено къ 1801 году, когда «консерватизмъ» Карамзина обозначивался все яснѣе, то второе, несомнѣнно, созрѣло въ сознаніи Карамзина еще во время путешествія: несомнѣнно, его уже тогда тяжело поразило, что, за знамя со «святыми» словами взялись грязныя руки «республиканцевъ съ порочными сердцами»... Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, нравиться нашему юношѣ, «съ прекрасной душой», — маркизъ-заика, который своимъ негодующимъ друзьямъ очень мило объяснилъ свое присутствіе въ рядахъ возмутителей: «que faire? j'aime les te-te-troubles!» [2])... Развѣ, въ глазахъ нашего мечтателя могли быть хорошими гражданами идеальной республики люди, проявлявшіе свою дѣятельность въ уличныхъ скандалахъ... Какая-то старушка подралась на улицѣ со старикомъ; пономарь вступился за него...

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 381. [2]) Ibid., 461—2.

Произошла свалка, — и пономаря повели à la lanterne... «Народъ кричалъ: à la lanterne! à la lanterne! Бабы торговки кричали: à la lanterne» [1]),—вотъ, картинка, въ которой слышатся «слезы сквозь смѣхъ»,—вотъ, дѣятели изъ «эпохи такъ называемой французской свободы» [2]); ясно, что къ нимъ не могъ относиться съ сочувствіемъ нашъ путешественникъ: онъ увидѣлъ въ этой толпѣ стремленіе къ ненавистному для него «деспотизму». Но, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, долго еще не рѣшался юноша высказать рѣшительнаго, рѣзкаго осужденія этой толпѣ: онъ предпочелъ молчаніемъ обойти это движеніе, не забрасывая его грязью, какъ это дѣлали многіе его современники...

Изъ приведенныхъ примѣровъ, думаемъ, достаточно будетъ ясно, что Карамзинъ не разъ ощущалъ разладъ въ своей внутренней жизни между чувствомъ и разумомъ, но всегда онъ внимательнѣе прислушивался къ голосу разума, такъ какъ серьезному, трезвому отношенію къ жизни придавалъ большое значеніе.

Такое трезвое отношеніе къ дѣйствительности сказалось и во внимательномъ отношеніи Карамзина къ *политической* жизни современнаго ему запада: очень интересовался онъ устройствомъ швейцарскихъ республикъ и, можно думать, англійскою конституціею [3]). По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что ему было хорошо знакомо устройство Базельской республики, Цюрихской, Бернской [4])... Онъ внимательно относился даже къ мелкимъ перипетіямъ ихъ политической жизни, и изъ цѣлаго ряда фактовъ можно усмотрѣть, что многое въ этой жизни его не удовлетворяло: онъ свысока посмотрѣлъ на эти «игрушечныя республики», съ ихъ комическими, по своей мелочности, раздорами и волненіями, съ уморительнымъ самомнѣніемъ гражданъ... Сравненіе Женевы съ Іерусалимомъ, сравненіе, сдѣланное съ церковной каѳедры, необыкновенная торжественность при выборѣ Синдиковъ, обидчивость народа на согражданина, который «въ пьянствѣ передъ цѣлымъ свѣтомъ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II. 428. [2]) Ibid. [3]) Ibid. 778.
[4]) Ibid., 199, 248—9, 293.

сказалъ, что онъ плюетъ на *націю*»,—все это разсказывается Карамзинымъ съ еле-сдерживаемымъ смѣхомъ... О взглядахъ Карамзина на англійскую конституцію мы съ увѣренностью говорить не можемъ, такъ какъ взгляды его на политическое устройство Англіи въ 1801 году должны были, *несомнѣнно*, радикальнымъ образомъ отличаться отъ тѣхъ, какихъ онъ придерживался во время своего путешествія: мы знаемъ, что до путешествія онъ преклонялся предъ той страной, на которую, по собственному признанію, «въ младенчествѣ» чуть не молился,—а потому можно предположить съ полнымъ правомъ, что въ первоначальномъ наброскѣ «Писемъ» конституціи Англіи было удѣлено Карамзинымъ больше вниманія. Въ 1801-же году онъ счелъ возможнымъ удержать въ своихъ «Письмахъ» только сочувственное отношеніе къ суду присяжныхъ [1]), а изъ конституціонной жизни Англіи сохранилъ лишь безразличное описаніе выборовъ въ парламентъ [2]), да прибавилъ небольшое наставленіе на тему: «что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ» [3]). Правда, нѣкоторыя злоупотребленія въ политической жизни Англіи могли быть замѣчены Карамзинымъ и во время его путешествія [4]), но онъ вернулся на родину еще ярымъ либераломъ [5]), — а это заставляетъ насъ утверждать, что его преклоненіе передъ Англіей въ первомъ наброскѣ «Писемъ» было еще въ полной силѣ...

Не только политическая жизнь Европы встрѣтила въ лицѣ Карамзина внимательнаго наблюдателя: онъ съ такимъ-же вниманіемъ всматривался и въ жизнь *общественную*: въ Германіи онъ даже посѣщаетъ вожаковъ этой жизни... Поэты, философы, ученые, педагоги, общественные дѣятели,—всѣ привлекаютъ его вниманіе: онъ съ жадностью вслушивается въ каждое ихъ слово, наводя разговоры на интересующіе его вопросы... Съ удивительнымъ для юноши безпристрастіемъ прислушивается онъ къ самымъ противорѣчивымъ толкамъ, посѣщая людей различныхъ лагерей. Такъ, онъ посѣщаетъ Виланда, котораго «проклинала» современная ему молодежь

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 686—8. [2]) Ibid., 725—729. [3]) Ibid., 779.
[4]) Ibid., 778. [5]) Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», I, 168.

германская, идеально настроенная; посѣщаетъ вольтерьянца Николаи, отъ котораго ѣдетъ къ его заклятому врагу Штарку. Въ Швейцаріи онъ сближается съ мѣстными жителями, являясь въ тамошніе «серкли» на вечеринки[1]), принимая горячее участіе въ мѣстныхъ интересахъ и развлеченіяхъ [2]). Въ Парижѣ онъ торопится познакомиться съ вымиравшими уже въ то время «салонами» [3]), но въ то-же время интересуется и кабачкомъ [4]), гдѣ прислушивается къ говору черни; въ Англіи онъ является гостемъ въ семьѣ богатаго англичанина [5]) и такъ же внимательно присматривается къ общественной жизни [6])... Жизнь Европы онъ изучаетъ въ театрахъ [7]), во дворцахъ [8]), въ университетахъ [9]), на загородныхъ гуляньяхъ [10]), въ монастыряхъ [11]), на шумной улицѣ [12]), въ кабинетѣ ученаго [13]) и въ тихой семейной обстановкѣ [14])... Салонныя парижскія дамы [15]), остроумные аббаты [16]), уличные крикуны [17]), поэты [18]), художники [19]), ученые [2]), прусскіе офицеры [21]), англійскіе купцы [22]), нѣмецкіе студенты [23]),—вся эта пестрая, шумная толпа привлекаетъ вниманіе Карамзина и со всей этой обильной нивы собираетъ онъ богатую жатву, не теряясь отъ обилія матеріала, находя во всемъ существенное, характерное... Не ускользаютъ отъ его вниманія иногда и мелкія черты, несущественныя, но почему-нибудь обратившія на себя его вниманіе.

Экономическая жизнь запада также интересуетъ его: матеріальное положеніе крестьянъ [24]), экономическое процвѣтаніе

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 232, 311, 314, 315—6, 323 и др. [2]) Ibid., 323—4, 234, 221—2, 342—3, 369, 380 и др. [3]) Ibid., 452—4, 456—7, 583—589 и др. [4]) Ibid., 546—7 и др. [5]) Ibid., 685 и др. [6]) Ibid., 682—3, 696, 727 и др. [7]) Ibid., 72—3, 87, 406—7, 395—6, 467—490, 732. [8]) Ibid., 76, 458—460, 594—599, 709. [9]) Ibid., 122—4. [10]) Ibid., 63, 124—5, 465, 552—4, 720—723, 724—5 и др. [11]) Ibid., 155, 412—3, 414—6. [12]) Ibid., 60, 439—40, 441—2, 673 и др. [13]) Ibid., 29—32, 64—8, 84—6, 118, 139—141, 126—7. [14]) Ibid., 97—8, 148, 169, 240 и др. [15]) Ibid., 453, 583—6. [16]) Ibid., 426—8. [17]) Ibid., 427—8. [18]) Ibid. 80—1, 406 и др. [19]) Ibid., 407—8. [20]) Ibid., 29, 64, 84, 139, 126, 127—8, 247, 509—10, 511 и др. [21]) Ibid., 29, 22—6, 37—8, 46, 48—9, 190. [22]) Ibid., 684—5. [23]) Ibid., 52—3, 109, 112, 113—5. [24]) Ibid., 8—9, 41—2, 257, 369, 179, 191 и др.

или бѣдность народонаселенія [1])—все это будитъ его мысль, вызываетъ на соображенія, сравненія, заключенія...

Мелькомъ бросаетъ онъ взглядъ и на этнографическія черты европейскихъ народностей [2]): типичныя черты [3]) ихъ, обычаи и нравы [4]), костюмъ [5]), — все это иногда отмѣчается Карамзинымъ на страницахъ его записной книжки...

Города, большіе и малые, чрезъ которые лежалъ его путь,— всѣ привлекли на себя его вниманіе. Онъ изучаетъ эти города и по книгамъ, и при помощи непосредственныхъ впечатлѣній... Парижъ [6]), Лондонъ [7]), Лейпцигъ [8]), Берлинъ [9]), Потсдамъ [10]), швейцарскіе города [11]), — всѣ отразились болѣе или менѣе, своеобразно на его сознаніи. Характеръ англичанъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, французовъ опредѣленъ имъ чертами совершенно своеобразными. Насколько самостоятеленъ былъ при этомъ Карамзинъ, видно, хотя-бы, изъ того, что о многомъ онъ составляетъ свое собственное понятіе: если въ швейцарцахъ онъ, подъ вліяніемъ сентиментальной литературы, разсчитывалъ встрѣтить какихъ-то идиллическихъ пастуховъ - «братьевъ», то уѣхалъ отъ нихъ съ сознаніемъ, что «нѣкоторая жестокость и холодность» имъ свойственны [12]); если онъ съ предубѣжденіемъ, отчасти подъ вліяніемъ Руссо, ѣхалъ во Францію, гдѣ не искалъ, по собственному признанію, ни искренности, ни симпатическаго сердца [13]), — то уѣхалъ оттуда полный симпатій къ французамъ [14]), несмотря на то, что засталъ ихъ въ тяжелую эпоху междуусобицы... Передъ англичанами онъ преклонялся [15])—уѣхалъ, можно

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 43, 241—2 и др. [2]) Ibid., 8, 89, 267 и др. [3]) Ibid., 200, 443, 646—7, 774—782. [4]) Ibid., 88, 124, 240, 292, 314, 465—6, 494—6, 562—6, 682, 684, 739—41, 752—3, 777 и др. [5]) Ibid., 8, 189, 241, 254.

[6]) Ibid., 441—3, 446—52, 494—6, 562—6; также описанія парижскихъ улицъ: 526—38,—достопримѣчательностей: 548—52, 559—62, 567—8, 569—83, 620—2, 496—508, 520—26,—театровъ: 467—90,— окрестностей: 592—605, 607—20, 624—35. [7]) Ibid., 668—675, 679—82. [8]) Ibid., 116—8.

[9]) Ibid., 61—2, 72—3, 82—3. [10]) Ibid., 74—7, 87—90. [11]) Ibid., Базель: 193—6, 199—200; Цюрихъ: 210—2, 218, 239—42, 248; Баденъ: 254—6; Бернъ 258—61, 292—4; Лозанна: 297—9, 300—1, 311—2; Женева: 313—4, 325, 380.

[12]) Ibid., 311. [13]) Ibid., 406. [14]) Ibid., 646—7, 641—9.

[15]) Ibid., 659, 773.

думать нѣсколько разочарованнымъ: ни страна, ни характеръ ея жителей его не удовлетворили [1]). Только одна Германія, несмотря на всѣ ея курьезы, подмѣченные Карамзинымъ, осталась такой страной, къ которой его сочувственное отношеніе не измѣнилось: живя долго «въ объятіяхъ прелестной Натуры», у «счастливыхъ Швейцаровъ», нашъ путешественникъ всетаки уносился мыслью въ предѣлы любезной страны и не разъ взывалъ: «любезная Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?» [2])...

Съ большимъ вниманіемъ и любовью отнесся Карамзинъ и къ прошлому западной Европы. Онъ самъ заявилъ, въ «Письмахъ» что любитъ глядѣть на «остатки древностей», «знаки минувшихъ столѣтій» [3]), любитъ «разсматривать памятники славныхъ людей и представлять себѣ дѣла ихъ» [4]),—для широко образованнаго юноши на каждомъ шагу попадались такіе памятники; немудрено, что для него эти обломки давно минувшихъ цивилизацій были краснорѣчивыми страницами, полными и жизни, и смысла. Пытливый взоръ юноши устремлялся на все, надъ чѣмъ трудилась человѣческая мысль много лѣтъ тому назадъ, въ чемъ выразились плоды вѣковой европейской цивилизаціи, съ чѣмъ связаны были имена великихъ тружениковъ человѣчества...

Иногда его сочувствіе къ прошлому сказывается до такой степени живо, что въ воображеніи его воскресаетъ цѣлая картина, полная движенія [5]); иногда, подъ ея вліяніемъ, пробуждается въ Карамзинѣ и жизнь чувства [6]), опредѣляя его настроеніе...

Это наблюденіе надъ жизнью настоящею и прошлою вызывало иногда Карамзина и на «философскія» заключенія [7]),—но ихъ нельзя всецѣло отнести къ жизни разумомъ, такъ какъ у Карамзина они являются чаще всего подъ ближайшимъ впечатлѣніемъ какого-нибудь настроенія, глубоко имъ прочувствованнаго, — оттого то мы и не вынесемъ изъ знакомства съ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 773—782. [2]) Ibid., 323. [3]) Ibid., 414. [4]) Ibid., 62.
[5]) Ibid., 38—9, 51—2, 155, 294—5, 362—4, 366, 530—1.
[6]) Напр., Ibid., 164, 296, 368, 531 и др.
[7]) Ibid., 68, 176, 180, 297, 335, 432—3, 493.

«Письмами» яснаго понятія о тогдашней «философіи» Карамзина... Изъ этой неопредѣленности его философскихъ вѣрованій вытекали и тѣ «сомнѣнія», которыя мучали Карамзина до его путешествія[1]): онъ, оказывается, колебался между пессимизмомъ и оптимизмомъ, между ропотомъ противъ господствующаго порядка вещей и довѣренностью къ Промыслу[2])... Въ тяжелыя минуты онъ не прочь «отъ всего сердца жаловаться на несчастный жребій человѣчества»[3]), не прочь, «какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады», роптать «на жребій человѣка»[4]),— но стоитъ умчаться печали, стоитъ Карамзину ощутить въ сердцѣ присутствіе живой радости, — и онъ сейчасъ-же приходитъ съ повинной: онъ примиряется быстро съ порядкомъ вещей на землѣ и отдается безпрекословно волѣ Творца, ведущаго его къ невѣдомой цѣли: «прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, восклицаетъ онъ: теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!»[5]); земныя радости примиряютъ его съ печалями[6]), — и молодой философъ бодро взываетъ къ друзьямъ: «Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ!—Довѣренность къ Провидѣнію—довѣренность къ той невидимой рукѣ, которая двигаетъ и міры, и атомы, которая бережетъ и червя, и человѣка—должна быть основаніемъ нашего спокойствія»[7])... При такомъ запасѣ оптимизма мрачныя мысли недолго держались у Карамзина, но всетаки онѣ слишкомъ замѣтны, чтобы мы могли назвать Карамзина безусловно оптимистомъ: его порою страшитъ будущее и мѣшаетъ безмятежно наслаждаться наличнымъ счастьемъ: «если-бы человѣку, самому благополучному, говоритъ онъ вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!»[8]). Пугаетъ юношу и «тлѣнность» всего земного: взглянувъ на горы, только что залитыя свѣтомъ и сразу померкнувшія послѣ за-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 32, 381, еще см. и др. «Письма Карамзина къ Лафатеру», 16, 20, 26—8. и др. [2]) Ibid., 337, 204—5. [3]) Ibid., 4. [4]) Ibid. 205. [5]) Ibid., [6]) Ibid., 204—5. [7]) Ibid., 337. [8]) Ibid., 2—3.

хода солнца, нашъ юноша «былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ воскликнуть: «такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ святильникъ жизни!» [1])... «Мнѣ стало грустно, продолжаетъ Карамзинъ— и мы тихими шагами возвратились въ городъ» [2]). Отравляло оптимизмъ Карамзина также сдѣланное имъ открытіе, что горя много разсѣяно по всей землѣ: «гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ женъ рожденныхъ?—задаетъ юноша вопросъ—гдѣ небо грозными тучами не покрывается? гдѣ слезы горести не льются»? [3])... Глядя на развалины Авентинума, Карамзинъ восклицаетъ: «гдѣ великолѣпіе сего города, который былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жители? Исчезаютъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!... Гдѣ будутъ стоять гробы наши»? [4])..

«Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ... и сколько бѣдствія въ нравственномъ!» — вырывается у него возгласъ. «Можетъ-ли нещастный, угнетенный бременемъ бытія своею, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ — можетъ-ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится; всегда, вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь, сокрой его! Шумящая буря, унеси его... туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ» [5])... Въ этомъ характерномъ восклицаніи слышится уже не сентиментальный юноша, живущій въ мірѣ иллюзій — слышится, повидимому, глубокій пессимистъ, замѣтившій противорѣчіе между жизнью человѣка и природы, отмѣтившій ея равнодушіе, ея холодность, — слышится безотрадная мысль о неизвѣстномъ будущемъ, какой-то «темной ночи», которая унесетъ насъ куда-то «туда», гдѣ ждетъ всѣхъ страдальцевъ могильный «покой»... Но, повторяемъ, обобщать это восклицаніе мы не смѣемъ: оно вырвалось у нашего чувствительнаго философа подъ вліяніемъ особенно тяжелаго временнаго па-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 261. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 180.
[4]) Ibid., 297. [5]) Ibid., 193.

строенія; онъ недолго остается «пессимистомъ», и, чаще всего, спасаетъ свой оптимизмъ надеждами на лучшее будущее. Окрыленный этими надеждами, онъ даже готовъ «со слезой любви» упасть «во всеобъемлющее лоно Природы», т. е. умереть, съ вѣрою въ то, что ждетъ его впереди «новое счастье» [1]), что «измѣненіе существа есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее» [2])... Эта же надежда на далекое будущее поддерживала Карамзина, когда онъ устремлялъ свои взоры на широкіе горизонты исторіи человѣчества: тамъ видѣлъ онъ многое, что противорѣчило его оптимизму, видѣлъ смерть цивилизацій и народовъ, но спѣшилъ утѣшить себя мыслью, что на ихъ мѣстѣ расцвѣтутъ новыя; взглядъ на Францію, съ ея анархіей, внушаетъ опасеніе Карамзину за судьбу ея вѣковой цивилизаціи, но онъ не даетъ укорениться этой мысли и говоритъ: «одно утѣшаетъ меня—то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ—и естьли запустѣетъ Европа, то въ серединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества» [3]).

Впрочемъ, подобные полеты въ отвлеченныя области широкихъ обобщеній, сдѣланныхъ надъ исторіею жизни человѣческой, сравнительно рѣдки у Карамзина: чаще онъ просто наблюдаетъ жизнь, давая себѣ ясный отчетъ по поводу видѣннаго... Такое живое соприкосновеніе съ жизнью обнаружило въ Карамзинѣ способность *юмористически* относиться къ отрицательнымъ явленіямъ дѣйствительности... Эта черта *почти* не нашла выраженія въ тѣхъ матеріалахъ, на основаніи которыхъ составили мы выше характеристику Карамзина до путешествія[4]),—въ «Письмахъ» же она отразилась очень замѣтно. Недаромъ Карамзинъ рекомендовалъ себя однажды «рыцаремъ веселаго образа» [5]), — онъ не разъ во время пути чувствовалъ приступы самой живой, неподдѣльной веселости... Тогда забывалось имъ наблюденіе надъ своей чувствительной душой, за-

---

[1]) Карамзинъ Соч. II., 204. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 433.
[4]) См. выше стр. 140 и 146. [5]) Ibid., 19.

бывались образовательныя цѣли путешествія, — и онъ оставался лицомъ къ лицу съ будничной жизнью запада... Мы имѣли уже случай говорить выше, что юный «другъ человѣчества» обладалъ слишкомъ мягкой душой, чтобы въ нее когда-нибудь могла забраться злоба, — юморъ юноши не опровергаетъ нашихъ словъ: этотъ юморъ до такой степени добродушенъ, мягокъ, что никого не колетъ; лишь изрѣдка въ немъ услышишь скрытыя слезы, слезы человѣка, оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ...

Пошлость людская, ограниченность, мелочность, самомнѣніе, — вотъ, излюбленные поводы для возбужденія этого юмора, — вотъ, единственно когда юноша считалъ себя въ правѣ не сдерживать своего остроумія и считаться съ пошлой дѣйствительностью оружіемъ, ея достойнымъ. Для біографа Карамзина очень важно, что, выступая въ роли юмориста, нашъ путешественникъ, несмотря на свой сентиментализмъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ разглядѣть реальную будничную жизнь: его взглядъ, оказывается, не всегда скользилъ по житейскимъ картинкамъ, а иногда подолгу останавливался на нихъ... Мы видимъ, напримѣръ, что онъ замѣтилъ, «какъ пожилая курносая нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ [1]), — онъ обратилъ вниманіе на то, какая «необыкновенная физіономія» была у толстаго часоваго, у котораго «подъ брюхомъ моталась маленькая шпаженка», — со смѣхомъ разсказываетъ онъ о томъ, какъ, «поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ» дѣлалъ этотъ каррикатурный часовой ему допросъ [2])... Глядя на англичанина, «съ важнымъ видомъ болтавшаго въ рѣчкѣ воду длинною своею тростью», юноша вспоминаетъ «тѣхъ Духовъ въ Багватгетѣ, которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло» [3])... Эта способность всматриваться въ картинки, ничего общаго не имѣющія съ тѣмъ идеальнымъ міромъ, къ которому лежали всѣ его симпатіи, способность находить въ своей памяти образы, соотвѣтствующіе своимъ комизмомъ этимъ картинамъ, — доказываетъ, что въ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 13. [2]) Ibid., 21. [3]) Ibid., 43—12.

душѣ Карамзина жила потребность того смѣха, который освѣщаетъ жизнь правдивымъ свѣтомъ реализма.

Припомнимъ, напримѣръ, «смотръ берлинскихъ гражданъ», картинка, на которую нашъ путешественникъ смотрѣлъ, вѣроятно, не сдерживая своего смѣха. «Нынѣ пріѣхалъ сюда король съ своею гостью, Штатгальтершею — разсказываетъ онъ. Не можете вообразить, что за пышная была ей встрѣча! Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья стая не можетъ такъ пестриться, какъ пестрился этотъ фрунтъ. Въ ожиданіи Штатгальтерши тянули они всѣмъ фрунтомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые стукались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ отмахнуть на караулъ мастерски. «И, конечно, конечно! кричали они: мы не ударимъ себя лицомъ въ грязь!». Нельзя было не смѣяться этому фарсу» [1])... Вотъ, сценка препирательства тупого самонадѣяннаго Магистра со студентомъ, сценка, давшая много пищи юмору Карамзина: «Магистръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. «Наконецъ, я долженъ вспомнить, сказалъ онъ, потирая рукою свой красный лобъ,—что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ который ничего влить нельзя; или желѣзному шару, въ который ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ». — «И такія головы, перервалъ студентъ, часто бываютъ покрыты рыжими париками и торчатъ на каѳедрахъ». — «Государь мой! закричалъ магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите?» — «О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали», спокойно отвѣчалъ студентъ» [2]).

Подобныя сцены не разъ попадались Карамзину во время его путешествія (особенно по Германіи и Швейцаріи), и, можно думать, въ нихъ Карамзинъ всматривался съ такимъ же вниманіемъ, какъ и въ то, что возвышало его чувства, обогащало разумъ... Оттого жизнь запада оказалась имъ изученной со всѣхъ сторонъ: онъ сумѣлъ разобраться даже въ отри-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 72. [2]) Ibid., 113.

цательныхъ явленіяхъ западной жизни и выразилъ типическія черты ея въ своихъ «Письмахъ». Иногда стоитъ Карамзину уловить нѣсколько словъ, и, если они характерны, онъ съ удивительнымъ чутьемъ остановится на нихъ... Вотъ, напримѣръ, слова одного тупого, невѣжественнаго нѣмца, съ которымъ разговорился нашъ путешественникъ: «кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ нѣмецъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!»—«Хорошъ гусь!» [1]),—прибавляетъ иронически Карамзинъ. Разговоръ продолжался, судя по разсказу Карамзина, довольно долго, но онъ съ особымъ вниманіемъ отнесся, именно, къ цитованнымъ словамъ, какъ особенно характернымъ, прекрасно отражающимъ тупое самодовольство невѣжды. «Нѣмецъ, который въ Роттердамѣ сталъ человѣкомъ,—иронизируетъ дальше Карамзинъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ французскій языкъ и забылъ его весьма недавно; а чтобы еще болѣе увѣрить въ этомъ меня и товарища своего, то, при всякомъ поклонѣ француженкѣ, говорилъ онъ: «оплише, матамъ!» [2])... Комичный отставной поручикъ, болтавшій много вздору, сразу раскрываетъ передъ нашимъ внимательнымъ путешественникомъ свою хлестаковскую природу, высказавъ ему пожеланіе, чтобы онъ «путешествовалъ съ пользою такъ, какъ извѣстный баронъ Тренкъ *(герой романа)*, съ которымъ онъ будто бы очень друженъ» [3]). Съ невозмутимымъ спокойствіемъ передаетъ это глупое хвастовство Карамзинъ, но, при чтеніи, чувствуется, какъ дрожь внутренняго смѣха овладѣвала имъ и какъ внимательно глядѣлъ онъ въ душу ничего неподозрѣвавшаго господина поручика...

Впрочемъ, эти вспышки юмора часто смѣняются грустью или усиленной тоской. Если и на пошлыхъ людяхъ, ничтожныхъ, мелкихъ останавливалъ юноша довольно часто пытливый взглядъ, то это было чѣмъ-то въ родѣ любопытства, которое, какъ будто, конфузило его самого. «Чего не напишешь

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 15—16. [2]) Ibid., 17. [3]) Ibid., 27.

въ минуты безсонницы!» [1]),—говоритъ онъ, точно извиняясь за то, что долго останавливалъ свое вниманіе на пошлой сторонѣ человѣческой жизни... «Нельзя было не смѣяться этому фарсу!» [2]), — оправдываетъ юноша свой юморъ непобѣдимою силой смѣха, котораго, очевидно, у него былъ достаточный запасъ. Но смѣхъ Карамзина непродолжителенъ: нашъ путешественникъ не смѣшного искалъ на западѣ, и потому оно скоро ему надоѣдаетъ... «Я не поблагодарилъ бы судьбы, есть-ли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми» [3]),— вырывается у него восклицаніе послѣ бесѣды съ съ веселыми прусскими офицерами... Онъ иногда даже съ досадой всматривается въ смѣшныя сцены. Вотъ, напримѣръ, комическая сценка: «...Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ парикѣ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ; первый игралъ очень худо, и сердился, — а другой *хотѣлъ* надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрерывно свой толстый, запачканный галстукъ. Каррикатура за каррикатурой приходила въ трактиръ, и всякая каррикатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно» [4])... Но стоило Карамзину столкнуться съ смѣшнымъ проявленіемъ человѣческой мелочности или глупости, отъ которыхъ, однако, ставится въ зависимость жизнь человѣка, — и юморъ его принимаетъ болѣе тревожную окраску: въ немъ уже слышится глубокая грусть, грусть человѣка, съ возвышенными идеалами, натолкнувшагося на житейское противорѣчіе. Въ одномъ мѣстечкѣ, напримѣръ, Карамзинъ увидалъ большое стеченіе народа, полюбопытствовалъ о причинѣ его и узналъ слѣдующее: «Андрей, содержатель трактира подъ вывѣскою Креста, сказалъ въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ* (!) что онъ плюетъ *на націю*. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь, наконецъ, умилостивились: дали ему проспаться, и принудили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ просить

---

[1]) Карамзинъ, Соч. [2]) Ibid., 72. [3]) Ibid. II, 52. [4]) Ibid., 41.

прощенія у милосердаго Господа». — «Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!» [1]), — оканчиваетъ Карамзинъ грустнымъ восклицаніемъ юмористическій разсказъ о той бурѣ въ стаканѣ воды, которая поднялась изъ-за глупого мелочного патріотизма, чуть было не сгубившаго человѣческую жизнь. Въ восклицаніи Карамзина слышится болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ оно, повидимому, выражаетъ... «*Жаль человѣка!*», который изъ-за глупости людской столько выстрадалъ — вотъ, что слышится въ этихъ словахъ... Тотъ же тонъ грусти окрашиваетъ комичную сцену въ одной изъ ліонскихъ улицъ, когда изъ-за драки старика со старухой произошла безобразная свалка и раздался безсмысленный, но ужасный крикъ: «à la lanterne!» [2]).

Изъ произведеннаго нами анализа «Писемъ» видно, что въ нихъ, дѣйствительно, полно отразилась душа Карамзина, отразились ея интересы и стремленія. Почти все, что мы сказали выше, подводя итоги біографіи Карамзина [3]), находитъ богатое подтвержденіе въ «Письмахъ». Жизнь чувствомъ и разумомъ и, на ряду съ этимъ, способность чутко воспринимать отрицательныя явленія жизни, освѣщая ихъ съ юмористической точки зрѣнія, — вотъ, главное содержаніе духовной жизни Карамзина, — вотъ, что онъ самъ сознавалъ за собой и что сознательно выразилъ въ своемъ произведеніи. Припоминая жизнь Карамзина до его путешествія, мы безъ труда отыщемъ источники этихъ стремленій... Обстоятельное знакомство съ корифеями сентиментальной литературы дало развитіе его чувству, отъ природы богатому: отъ этого литературнаго воспитанія, еще въ Москвѣ полученнаго Карамзинымъ всецѣло зависятъ богатство и разнообразіе оттѣнковъ его чувства; первые литературные опыты юноши доказываютъ уже, что зерна сентиментализма упали на почву, хорошо подготовленную идеализмомъ русскаго общества, — въ «Письмахъ» эти зерна дали уже цвѣтокъ... Разностороннее образованіе, полученное въ Москвѣ, въ кругу новиковской молодежи, пріучило нашего путешественника разумно относиться къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя должны

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 393—4. [2]) Ibid., 428. [3]) См. выше, стр. 146—7.

были говорить о многомъ его разуму — оттого жизнь Карамзина «разумомъ» выразилась въ «Письмахъ» довольно обстоятельно. Наконецъ, способность юмористически смотрѣть на реальную жизнь, — могла развиться у Карамзина, опять-таки подъ литературнымъ вліяніемъ: мы знаемъ, какимъ поклонникомъ Стерна былъ нашъ путешественникъ, какъ охотно вспоминаетъ онъ его остроты, какъ старается даже ставить себя во время путешествія на мѣсто англійскаго юмориста,—кромѣ того, мы изъ его біографіи знаемъ, что еще во время петербургской жизни, у него въ рукахъ были уже книги «натуралистической» школы (напр., «Томъ Джонсъ» Фильдинга), знаемъ, что онъ зачитывался Вольтеромъ, что хвалилъ Виланда за его «комическія повѣсти» [1]), что въ кругу друзей слылъ «веселымъ» юношей [2]), — все это должно насъ привести къ убѣжденію, что Карамзинъ не былъ одностороннимъ человѣкомъ, что, напитываясь сентиментализмомъ, онъ сумѣлъ воздержаться отъ той безусловной идеализаціи, которая является характернымъ признакомъ чисто-сентиментальнаго направленія,— онъ, оказывается, находилъ удовольствіе и въ той литературѣ, которая отрицала всякую идеализацію въ изображеніи жизни, которая проповѣдывала реализмъ творчества (Фильдингъ, отчасти Ричардсонъ): онъ увлекался юмористическими изображеніями этой реальной жизни (Стернъ), — его, привлекала къ себѣ всякая ѣдкая острота, веселое слово, комическое происшествіе (Вольтеръ и Виландъ). Этотъ значительный элементъ смѣха, отмѣченный нами въ «Письмахъ», позволяетъ пополнить біографію Карамзина до путешествія слѣдующимъ предположеніемъ:

Въ виду того, что главное вниманіе Карамзина во время путешествія направлено было на жизнь чувствомъ и разумомъ, а смѣхъ его является какъ бы случайной примѣсью къ «Письмамъ», порой смущающей даже самого автора,—мы, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, можемъ утверждать, что накапунѣ самаго путешествія интересы Карамзина были заняты жизнью своего чувства и разума, что юмористическое отношеніе къ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 151. [2]) См. выше, стр. 140.

дѣйствительности могло быть лишь откликомъ болѣе ранняго времени, когда онъ читалъ «все безъ разбору», «увлекался Вольтеромъ», былъ веселымъ кавалеромъ и бойкимъ игрокомъ въ карты. Это—періодъ жизни въ Петербургѣ съ И. Дмитріевымъ и особенно на просторѣ въ Симбирскѣ, періодъ, который отличался обиліемъ смѣха, самымъ беззаботнымъ наслажденіемъ жизнью и вообще самымъ непосредственнымъ, безхитростнымъ отношеніемъ къ ней. Время это было, какъ охарактеризовалъ его Карамзинъ,—«питье нектара изъ полной олимпійской чаши» [1])... Когда-же юноша попалъ въ аскетическій кругъ масоновъ, жизнерадостный смѣхъ замеръ у него на устахъ... Юноша дѣлается на первыхъ порахъ усерднымъ «ученикомъ мудрости», заботится о самосовершенствованіи, переводитъ мистическія сочиненія. Затѣмъ могучее увлеченіе сентиментальной литературой отвлекаетъ его отъ масонскаго мистицизма въ экзотическое царство «идеальныхъ чувствъ»,—но, стоитъ ему вырваться на широкій просторъ дѣйствительной жизни, какъ просыпается его юношескій смѣхъ, и трезвое, сознательное отношеніе къ жизни проглядываетъ сквозь идеализацію, принесенную сентиментализмомъ...

Что касается до фактической стороны, то «Письма» представляютъ для біографа Карамзина очень мало интереса: нѣсколько фактовъ изъ дѣтства и юности, нѣсколько намековъ на планы въ будущемъ,—вотъ, все, что можно извлечь изъ «Писемъ», — но, съ психологической стороны, это произведеніе повторяемъ, памятникъ драгоцѣнный, такъ какъ къ образу Карамзина они прибавляютъ нѣсколько интересныхъ чертъ.

Такъ, прежде всего бросается въ глаза «*жизнерадостность*» нашего путешественника: хотя и со слезами, но, тѣмъ не менѣе, бодро полетѣлъ онъ въ далекій путь; юноша былъ полонъ энергіи и надеждъ, и мимолетныя неудачи, невзгоды, всякія «сомнѣнія» не на долго омрачаютъ синеву тѣхъ небесъ, подъ которыми онъ почти всегда странствовалъ... *Энергія* его и *неутомимость* удивительны: огромное путешествіе онъ дѣлалъ шутя, на все глядѣлъ бодрымъ, яснымъ взглядомъ и лишь подъ

[1]) См. выше стр. 146—7.

конецъ, видимо, сталъ чувствовать утомленіе. *Наивность* и *простодушіе*—тоже очень характерныя черты нашего путешественника: тогда онъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ вѣрилъ въ людей.. *Открытый характеръ* скоро располагалъ его къ «откровенности» и сближенію съ людьми, а *сердечность* предоставляла въ его распоряженіе такой запасъ симпатіи, что онъ готовъ былъ на все смотрѣть съ чувствомъ любви.

Въ увлеченіяхъ своихъ онъ порою неумѣренъ, какъ впечатлительный ребенокъ, — но юность его души не мѣшаетъ ему сознавать цѣну своихъ духовныхъ богатствъ, — порою онъ не прочь полюбоваться собою, и тогда его *самолюбіе* сказывается очень замѣтно.

У него *«чистое сердце»*, какъ это замѣтилъ Вейсе, и потому всѣ попытки пофантазировать à la Стернъ остаются только попытками, такъ какъ цѣломудренное воображеніе юноши рѣшительно отказывается служить ему въ этихъ случаяхъ.

Наконецъ, нельзя не признать за Карамзинымъ и значительной доли добродушнаго *лукавства*, которое проскальзываетъ, главнымъ образомъ, въ его безобидномъ,веселомъ юморѣ...

Нельзя, наконецъ, не сказать, что «Письма русскаго путешественника» оказались настолько чуткими къ субъективнымъ воздѣйствіямъ ихъ автора, что десять лѣтъ промежутка между появленіемъ въ свѣтъ первой половины ихъ и второй, замѣтно отразились на нихъ: «Письма» состарились вмѣстѣ съ ихъ творцомъ.. Во второй половинѣ «Писемъ» преобладаетъ уже жизнь «разумомъ», сентиментализмъ-же еле замѣтенъ.. Карамзинъ холоднѣе смотритъ на все и пользуется своимъ «произведеніемъ» уже для проведенія въ публику своихъ позднѣйшихъ взглядовъ, чувствъ и интересовъ... Онъ враждебно относится къ французской революціи, холодно къ англійской конституціи,—за то теплѣе и сознательнѣе дѣлаются его чувства къ родинѣ; интересы его къ «разсужденію» выражаются гораздо замѣтнѣе и наблюденіе надъ живымъ теченіемъ современной человѣческой жизни замѣняется особенно внимательнымъ отношеніемъ къ прошлому [1]).

---

[1]) Такимъ образомъ, хотя «Письма», дѣйствительно, могутъ быть названы

Наконецъ, «Письма» помогаютъ выяснить, какое значеніе въ жизни Карамзина имѣло его путешествіе. Для рѣшенія этого вопроса очень цѣнны нѣкоторыя восклицанія, вырвавшіяся у Карамзина, когда онъ присмотрѣлся къ жизни запада: «гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ женъ рожденныхъ? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ слезы горести не льются?» [1].. «Гдѣ люди, — тамъ пристрастіе и зависть!» [2]), — въ этихъ тоскливыхъ словахъ слышится разочарованіе, очень характерное для юноши-идеалиста, «друга человѣчества» и къ тому-же поклонника западной цивилизаціи... Много пошлости, мелочности встрѣтилъ Карамзинъ въ «обѣтованной» странѣ, и такое открытіе должно было очень тяжело подѣйствовать на его впечатлительное сердце. Въ этомъ отношеніи сентиментальное воспитаніе сослужило Карамзину дурную службу: юный психологъ слишкомъ привыкъ всматриваться въ отдѣльнаго *человѣка*, привыкъ преувеличивать значеніе частнаго явленія,—и оттого, видя, напримѣръ, республиканцевъ, *«съ порочными сердцами»*, легко терялъ вѣру вообще въ республику... Напрасно разумъ совѣтовалъ юношѣ глядѣть на жизнь шире, убѣждая его, что «случайному» не надо придавать большого значенія,—Карамзинъ, съ его сентиментальными идеалами, былъ слишкомъ разочарованъ тѣмъ «случайнымъ», что попалось ему на пути въ Европѣ,—и ореолъ, которымъ онъ заочно украсилъ западъ, сталъ потухать съ каждымъ годомъ... Сначала, какъ мы знаемъ, онъ идеализировалъ всю жизнь запада: до путешествія былъ ярымъ поклонникомъ европейской цивилизаціи, ради нея непрочь былъ «свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству» [3]),—но стоило ему всмотрѣться въ жизнь запада,—и увлеченіе его всѣмъ чужимъ скоро стало утихать.. Германскій патріотизмъ, съ бурными проявленіями котораго столкнулся Карамзинъ во время путешествія, смѣшная, но тро-

«зеркаломъ» души Карамзина, но изслѣдователь долженъ очень осмотрительно относиться къ этому зеркалу, чтобы не приписать, съ одной стороны, Карамзину того, что взято имъ цѣликомъ у другихъ,—а, съ другой стороны, чтобы не смѣшать взглядовъ Карамзина, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни.

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 180. [2]) Ibid., 522.

[3]) Ibid., 514.

гательная привязанность Швейцарцевъ къ родинѣ, наконецъ, національная гордость англичанъ,—все это, на ряду съ охлажденіемъ къ западу, должно было привести Карамзина къ усиленію его душѣ патріотическихъ чувствъ, къ изученію историческихъ основъ русской жизни.. И вотъ, результатомъ этого новаго отношенія къ Россіи являются слова: «что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ», сказанныя въ 1801 году. Этого не сказалъ-бы нашъ путешественникъ до путешествія, когда онъ преклонялся передъ Петромъ за то, что великій преобразователь рѣшительно ломалъ голову «закоренѣлому русскому упрямству»...

Изъ анализа біографической стороны «Писемъ» видно, что идеалы той школы, которая воспитала нашего Карамзина, вполнѣ сжились съ нимъ: стоитъ сравнить все то, что говорилось нами выше въ главѣ, посвященной характеристикѣ Карамзина до его путешествія, съ тѣмъ образомъ юнаго путешественника, который такими ясными чертами рисуется передъ нами при чтеніи «Писемъ»,—и мы должны будемъ признать вліяніе сентиментальныхъ писателей на Карамзина очень значительнымъ: подъ ихъ вліяніемъ сложилась его личность, ихъ идеями и чувствами напиталась его душа...

Въ свою очередь, «личность» Карамзина не осталась безъ вліянія на его современниковъ: сейчасъ-же послѣ него является въ русской жизни цѣлый рядъ «чувствительныхъ», «прекраснодушныхъ» юношей, живущихъ тѣми-же идеалами, какими жилъ Карамзинъ: у этихъ юношей часто буквально повторяются всѣ черты карамзинскаго духа, собранныя нами выше и на основаніи біографическихъ данныхъ, и на основаніи «зеркала» его души — «Писемъ русскаго путешественника»: всѣ эти ученики Карамзина—«друзья человѣчества», всѣ они полны самаго чистаго идеализма, преклоняются передъ природой и предъ жизнью своего чувства...

Чтобы понять, насколько широко и глубоко было вліяніе идейной стороны «Писемъ» на современное Карамзину общество, мы должны, хотя бѣгло, познакомиться—1) съ критическими отзывами тѣхъ современниковъ, которые цѣнили Ка-

рамзина, какъ *личность*, художественнымъ путемъ воплощенную въ «Письмахъ»,—и 2), съ нѣкоторыми представителями русской послѣкарамзинской литературы, которые оказались подъ такимъ вліяніемъ юнаго путешественника, что сжились съ многими чертами его души, съ его идеями и чувствами, перевоплотивъ, такимъ образомъ, личность Карамзина въ своихъ сочиненіяхъ. Знакомство съ отзывами критики «Писемъ» укажетъ намъ, насколько сознательно отнеслись современники къ появленію въ ихъ рядахъ «прекраснодушнаго» юноши-литератора, — знакомство-же съ подражательной литературой выяснитъ намъ, насколько органически слилась дѣятельность Карамзина съ современной ему жизнью...

Что касается до отзывовъ современной критики о Карамзинѣ, то мы заранѣе можемъ себѣ сказать, что не найдемъ среди этихъ отзывовъ сколько-нибудь обстоятельной оцѣнки его личности... Время, къ которому относятся эти критическіе отзывы, было еще зарей новой русской литературы, — тогда еще начала только образовываться въ Россіи читающая публика, только зарождалась еще критика — истолковательница литературныхъ явленій для этой публики. Припомнимъ, что еще недалеко было то время, когда передовые люди оказались совершенно безсильными при оцѣнкѣ такого произведенія, какъ «Россіада» Хераскова: М. Дмитріевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что, «когда Херасковъ написалъ *Россіаду*», нѣсколько Петербургскихъ литераторовъ и любителей литературы собирались нѣсколько вечеровъ сряду у Н. И. Новикова, чтобы обдумать и написать разборъ поэмы, но не могли: тогда еще было не по силамъ обнять столь большое произведеніе поэзіи! — Оставались одно безотчетное удивленіе и похвала восторга!» [1])... Вотъ почему скудость обстоятельныхъ отзывовъ о «Письмахъ» не должна насъ смущать: во-первыхъ, значеніе «Писемъ» отъ этого не дѣлается менѣе для русской публики—разъ намъ удастся доказать, что приняты они были съ восторгомъ, — а, во вторыхъ, изъ цѣлаго ряда мелкихъ и отрывочныхъ замѣчаній и отзывовъ — составляется всетаки

[1]) М. Дмитріевъ. «Мелочи...» 31—2.

*

очень краснорѣчивая оцѣнка «Писемъ»... Правда, она складывалась медленно, въ теченіе 10—12 лѣтъ (1797—1809 г. [1]) на страницахъ многихъ журналовъ, но это не мѣшаетъ ей имѣть большое значеніе: хотя съ трудомъ, но вѣрнымъ путемъ добирались современники Карамзина до истолкованія его произведенія [2]).

Прежде всего въ критическихъ отзывахъ о Карамзинѣ бросается въ глаза обиліе хвалебныхъ эпитетовъ, которыми украшался нашъ путешественникъ: онъ оказывается «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ нашимъ Стерномъ» [3]) «любезнымъ» [4]), «почтеннымъ и любезнымъ для сердца» [5]), «знаменитымъ писателемъ нашимъ» [6]), у котораго «нѣжное перо» [7]); его проза — «милая» [8]); онъ — «любезный всѣмъ пѣвецъ» [9]), «давно» сумѣлъ «всѣхъ заставить безсмертный сплесть себѣ вѣнецъ» [10]); онъ—«любимѣйшій русскій писатель» [11])... «Нѣжной писатель! Кто сравнится съ тобою! [12]) — восклицаетъ одинъ поклонникъ; другой посвящаетъ любимому писателю слѣдующія строки:

---

[1]) Этимъ годомъ ограничили мы собираніе критическихъ отзывовъ *современниковъ* о «Письмахъ», въ виду того, что литераторы 20-хъ годовъ современниками «Писемъ» названы быть уже не могутъ: они смотрѣли на это произведеніе уже скорѣе съ *исторической* точки зрѣнія.

[2]) Такое медленное проникновеніе публики въ пониманіе литературныхъ произведеній обратило на себя вниманіе одного русскаго писателя и онъ, вспоминая, что, кромѣ отдѣльныхъ замѣчаній, отзывовъ, русскіе читатели не имѣютъ ни одного обстоятельнаго критическаго отзыва о дѣятельности Карамзина, разражается скорбными словами: «бездна книгъ, у насъ не разсмотрѣнныхъ, оставлены на произволъ читателей... Скажите, напримѣръ, кто разсматривалъ у насъ критически *Письма русскаго путешественника*, *Аглаю*, *Наталью* и пр., между тѣмъ, какъ ихъ критикуютъ отъ Шотландіи до Парижа* (*См. Edinbourg review и Journal de la litterature etrangère, an IX (1801) № 3). Между тѣмъ, какъ въ чужихъ земляхъ даютъ цѣну нашимъ книгамъ, мы молчимъ *законопреступно*» («Сѣв. Вѣстникъ», 1804, VI, 292). Какъ это, дѣйствительно, ни странно, но и о Херасковѣ первая обстоятельная критика написана иностранцами (М. Дмитріевъ, «Мелочи», 32), да, позднѣе, о Пушкинѣ первое серьезное слово сказано нѣмцемъ Фаригагенъ-фонъ-Энзе (см. нашу работу: «Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ», 6).

[3]) «Пріятное и полезное препр. времени», ч. II, 230. [4]) Ibid., ч. III, 144.

[5]) Ibid., ч. V, 173. [6]) «Моск. Курьеръ», ч. IV, 161. [7]) Ibid., II, 179.

[8]) «Корифей», ч. II, 174. [9]) «Журналъ для пользы и удовольствія», II, 117. [10]) Ibid. [11]) «Журналъ россійской словесности», ч. I, 54.

[12]) «Моск., Курьеръ» II, 267.

«Прекрасный!» Граціи сказали,
«Когда родился ты — и тотчасъ клятву дали
«Другъ дружкѣ воспитать любимца своего
«Украсить сердце, умъ его —
«И клятву милыя богини сохранили!
«Онѣ талантами тебя обогатили!» [1]).

Уже изъ этихъ немногочисленныхъ отзывовъ мы можемъ однако сдѣлать нѣкоторыя заключенія: прежде всего, несомнѣнно, дѣятельность Карамзина вызвала у многихъ самое трогательное сочувствіе: поклонники не могутъ подобрать достаточное количество ласкательныхъ словъ для полнаго выраженія своихъ симпатій... Затѣмъ—онъ «талантливый» человѣкъ, «сердце и умъ котораго украшено» по волѣ Музъ,—и, наконецъ, главное, онъ — «чувствительный», «нѣжный» писатель, внесшій новый элементъ въ русскую литературу: одинъ почитатель Карамзина опредѣленно указалъ на эту заслугу Карамзина въ словахъ:

«Гремѣлъ великій Ломоносовъ
«И восхищалъ сердца побѣдоносныхъ Россовъ
«Гармоніею струнъ своихъ.
«Въ твореніяхъ теперь у нихъ
«Пусть нѣжность улыбнется,
«Въ сердца чувствительныхъ прольется!»—
«Сказали Граціи — и полилась она
«Съ пера Карамзина [2])...

«Господинъ Карамзинъ, читаемъ въ другомъ отзывѣ, былъ первый, есть-ли не ошибаемся, который перенесъ въ свое отечество сіи новые цвѣтки изящной словесности» [3])... Сравнивъ эти слова съ вышеприведенными отзывами, мы можемъ заключить, что современники, противопоставляя «нѣжнаго» Карамзина «гремящему» Ломоносову (а, стало быть, и его многочисленнымъ ученикамъ), отмѣчая новизну того духа, который былъ внесенъ къ намъ съ его дѣятельностью, видѣли его заслугу главнымъ образомъ, въ прививкѣ «сентиментализма» къ нашей литературѣ. Что-же понимали

[1]) «Московскій зритель», ч. I, 44—5. [2]) «С.-Петерб. Журналъ», ч. II, 122.
[3]) «Патріотъ», II, 207.

они подъ этимъ «сентиментализмомъ»?.. Думается намъ, что ими лучше, глубже было понято идейное содержаніе этого понятія, чѣмъ многими изъ современныхъ намъ критиковъ [1]),— отзывы критиковъ доказываютъ намъ, что въ пониманіи сентиментализма они близки были именно къ той точки зрѣнія, которую мы не разъ пытались установить въ нашей работѣ: послѣ эпитетовъ «нѣжный», «чувствительный», «трогательный», которыми украшалось имя Карамзина, критики объясняютъ намъ довольно опредѣленно, что понимали они подъ его «нѣжностью», «чувствительностью»: живую любовь къ людямъ и ко всему міру,—вотъ,что усмотрѣли современники нашего писателя за его сентиментальностью, — вотъ, за что превозносили его: въ ихъ глазахъ онъ былъ учителемъ «гуманности»... «Дѣти! не забудьте Стерна, Стерна и Карамзина!» [2]) — слышимъ мы восклицаніе послѣ самой страстной защиты «несчастныхъ»... По мнѣнію другого критика, сочиненія Карамзина сдѣлали «эпоху въ Русской Словесности» потому, что принадлежали перу писателя, «сильно и убѣдительно говорящаго человѣческому сердцу»)... «Послѣдуйте примѣру Карамзина», взываетъ къ читателямъ одинъ поклонникъ нашего писателя— будьте ходатаемъ за нещастныхъ, разбуждайте чувствительность согражданъ» [4])... Дѣятельность Карамзина, по признанію другого, «развила, подобно благотворнымъ лучамъ солнца— чувства души» [5]) его.. Потому-то для многихъ «Письма» Карамзина были «собраніемъ всего трогательнаго и превосходнаго» [6]).

Кромѣ «сентиментализма», замѣчена была и другая, не менѣе цѣнная сторона въ дѣятельности Карамзина, та сто-

---

[1]) Можетъ быть, виною этого то обстоятельство, что ни одно «понятіе» не остается навсегда равнымъ себѣ: со временемъ, оно то сужается, то расширяется, то освѣщается какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, — и потому думается намъ ошибка позднѣйшихъ критиковъ состоитъ въ томъ, что *современное*, болѣе узкое, толкованіе понятія «сентиментальный» они примѣнили къ эпохѣ, когда оно употреблялось въ болѣе широкомъ смыслѣ, а оттого были упущены многія стороны этого понятія, замѣтныя даже людямъ прошлаго вѣка.

[2]) «Муза», ч. II, 59. [3]) «Журналъ росс. словесности», ч. I, 141.

[4]) «Московскій зритель», ч. I, 34. [5]) Ibid., № 3, 13.

[6]) «Моск. Курьеръ», II, 179—180.

рона, которая удовлетворяла интересамъ его «разума», которая была связана съ просвѣтительными цѣлями его путешествія и отчетливо выразилась въ «Письмахъ» въ цѣломъ рядѣ живыхъ и содержательныхъ очерковъ... И, вотъ, оказывается, этотъ дуализмъ сердца и разума подмѣченъ былъ уже современниками нашего писателя... «Письма русскаго путешественника» развѣ не указываютъ, спрашиваетъ одинъ критикъ, что можно соединить цвѣты литературы, поэтическія описанія живописной Природы и чувствительность съ истиной; что можно въ одно и то же время писать и для *сердца*, и для *ума*, и для *воображенія*, и для *пользы?*» [1]). «И *сердце*, и *разумъ* Карамзина былъ въ равной мѣрѣ украшены рукою Музъ» [2]), а потому немудрено, что его «Путешествіе», по замѣчанію кн. Шаликова, сдѣлалось «драгоцѣннымъ хранилищемъ идей, чувствованій, картинъ и описаній» [3])...

Обращаясь теперь къ «литературѣ путешествій», написанныхъ въ подражаніе Карамзину, мы безъ труда у большинства авторовъ найдемъ такія черты, которыя невольно напомнятъ намъ *личность* Карамзина, его идеалы, его чувства и мысли...

Всякій крупный историческій дѣятель всегда бываетъ окруженъ толпою болѣе мелкихъ—они идутъ и *впереди* его, и *рядомъ* съ нимъ, и длинною вереницею тянутся за нимъ *позади*. Только знакомство съ предшественниками (которые, однако, не всегда бываютъ его учителями) интересующаго насъ писателя, съ его товарищами и учениками, дастъ намъ возможность вѣрно опредѣлить мѣсто крупному дѣятелю на страницахъ исторіи, выяснить истинную цѣну и размѣры его дѣятельности. Вопросомъ, о «предшественникахъ» Карамзина уже занимались въ нашей литературѣ; мы можемъ указать на двѣ интересныя статьи въ «Дѣлѣ» [4])—«Русская литература XVIII столѣтія и ея исторія», авторъ которыхъ очень внимательно отмѣчаетъ въ русской драмѣ XVIII в. такія черты, которыя ха-

---

[1]) «Моск. Меркурій», I, 38. [2]) «Моск. Зритель», ч. I, 44—5.
[3]) «Аглая», II, 57. [4]) «Дѣло», 1866 г. № 2; 1867, № 3.

рактерны для дѣятельности Карамзина; выше, въ «Введеніи» и въ I-ой главѣ, мы нѣсколько разъ говорили о «романахъ», на которыхъ воспитывалось русское общество XVIII в. [1]); укажемъ, въ добавленіе къ этому, на журналистику 80-ыхъ годовъ, съ ея настойчивой проповѣдью все того же идеализма, — и мы возсоздадимъ въ общихъ чертахъ атмосферу, въ которой понемногу складывались, развивались, опредѣлялись черты, родственныя карамзинской душѣ... Правда, эти черты разбросаны между многими личностями, часто кажутся намъ случайными, намѣчены онѣ слабо, неясно,—но, тѣмъ не менѣе, безспорно, онѣ уже за нѣсколько десятилѣтій начали проявляться въ русскомъ обществѣ, постепенно зрѣть для того, чтобы, наконецъ, въ лицѣ Карамзина слиться въ одинъ образъ, ясный, послѣдовательный... Природныя дарованія и счастливыя условія жизни помогли нашему юношѣ выдѣлиться изъ сѣрой тысячной толпы современниковъ; его ясный, рѣшительный голосъ звонко прозвучалъ среди смутнаго говора толпы, его окружавшей, — и общее вниманіе было привлечено на него; онъ для многихъ оказался «первымъ» [2]), заговорившимъ о жизни чувства, объ идеализмѣ «прекрасной души»...

---

[1]) Еще о романѣ въ этомъ отношеніи см. нѣкоторыя данныя въ статьѣ Ключевскаго: «Воспоминанія о Новиковѣ», «Р. Мысль, 1895», № 1; Бѣлозерской: «Вліяніе переводнаго романа на русское общество XVIII в», «Р. Стар.» 1895, № 1, ея-же: «В. Н. Нарѣжный»; Щепкиной: «Популярная литература въ срединѣ XVIII в., «Ж. М. Н. Пр.», 1891 г. CCXLIV; Лященко: «Къ исторіи русскаго романа» (1898 г.).

[2]) См. выше стр. 453 Всякое «новаторство»—конечно, понятіе очень относительное,—вотъ почему «развѣнчать» любого дѣятеля, государственнаго или литературнаго, повидимому, не трудно,—стоитъ только найти ему «предшественниковъ»... Но, отнюдь не сочувствуя «культу героевъ», мы никогда, даже послѣ самыхъ добросовѣстныхъ изысканій, не согласимся отрицать въ исторіи значеніе великаго человѣка, хотя-бы по той простой причинѣ, что онъ, будучи въ глазахъ своихъ современниковъ «великимъ», всегда направляетъ современную жизнь на *ясно означенную дорогу*, а этимъ ускоряетъ движеніе исторической жизни. Преклоненіе современниковъ передъ нимъ, какъ передъ новаторомъ, объясняется, намъ кажется, тѣмъ, что отъ массы обыкновенно бываетъ скрыта долгая, безымянная и полубессознательная работа жизни надъ вызрѣваньемъ извѣстныхъ идей. Всякое же талантливое проявленіе уже созрѣвшаго рѣзко бросается въ глаза всѣмъ, такъ какъ оно обыкновенно сразу освѣщаетъ все общество, уясняетъ ему многое изъ того, что уже давно живетъ въ его душѣ,—и вотъ, *неясный* долголѣтній го-

Но, конечно, при обозрѣніи дѣятельности какого угодно историческаго лица, не слѣдуетъ обходить молчаніемъ и тѣхъ современниковъ его, которые, до нѣкоторой степени, облегчали его трудъ, образуя изъ себя дружину единомышленниковъ. Изъ наиболѣе видныхъ товарищей Карамзина на его литературномъ пути былъ В. Подшиваловъ, журналистъ, критикъ и поклонникъ Карамзина: его журналъ «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», начавшій свое существованіе въ одинъ годъ съ «Московскимъ Журналомъ» (1791 г.) и преслѣдовавшій одинаковыя съ нимъ цѣли,—прекрасный показатель того, что Карамзинъ не былъ одинокимъ дѣятелемъ, что работа его была отвѣтомъ на дѣйствительно живые запросы общества. Почти всѣ сотрудники журналовъ Подшивалова, и, конечно, самого Карамзина могутъ быть тоже причислены къ его единомышленникамъ-товарищамъ. Но, если у «современниковъ» найдемъ мы много общаго съ извѣстнымъ дѣятелемъ ихъ времени, то лишь у «учениковъ» встрѣтимъ мы полное и послѣдовательное повтореніе его характерныхъ чертъ, — вотъ, почему изученіе «подражательной» литературы представляетъ большой интересъ для изслѣдователя, — оно укажетъ намъ ясно то теченіе общественной жизни, которое опредѣлилось благодаря дѣятельности интересующаго насъ лица.

Обращаясь къ ученикамъ Карамзина, мы наталкиваемся на цѣлый рядъ «прекраснодушныхъ» юношей, чуждыхъ до-карамзинской литературѣ. Часто услышимъ мы отъ нихъ имя Карамзина [1]),

---

хоръ толпы превращается въ *стройный хоръ* «послѣдователей» и «подражателей»,—а историку приходится только констатировать интересный фактъ взаимодѣйствія общества и общественнаго дѣятеля, двухъ силъ, одинаково достойныхъ вниманія и уваженія.

[1]) Напр., см. «Филонъ», «Муза», ч. II, 59; И. Ложечниковъ, «Походныя записки русскаго офицера», Спб., 1820 г., 140, 274, 282, 312; М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 г.», М., 1803, IV—V; кн. П. Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», М., 1803, эпиграфъ, предисловіе, 6—8, 39, 45, 170, 193—4; «Путешествіе въ Кронштадтъ». 12, 20; Лубяновскій, «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи», 3 ч., Спб., 1805 г., I, 16; Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ съ 1802 по 1806 годъ», М., 1808, III, 152.

также Стерна [1]), Руссо [2]), Дюпати [3]), Морица [4]), Верна [5]), — а, если не услышимъ, то сами безъ труда поймемъ, подъ чьимъ вліяніемъ воспитались эти молодые писатели...

Вотъ, передъ нами, напримѣръ, В. Измайловъ, ближайшій и общимъ мнѣніемъ признанный ученикъ Карамзина... Оказывается, онъ «путешественникъ съ чувствомъ» [6]); у него «душа мирная и ясная» [7]), «романическая», «чувствительное сердце» [8]); онъ — «поклонникъ романической чувствительности» [9])... Понятно поэтому, что онъ долженъ былъ быть «другомъ человѣчества» [10]), «другомъ терпимости» [11]), «истиннымъ христіаниномъ» [12])... Кромѣ Измайлова, обладателямъ «чувствительной души» оказывается еще, напримѣръ, Ѳ. Глинка [13]), у котораго къ тому-же и «нѣжное сердце» [14])... «Нѣжная душа» у Лубяновскаго [15]); «чувствительное сердце» у Макс. Невзорова [16])... «Друзьями человѣчества», кромѣ Измайлова, рекомендуютъ себя еще Ложечниковъ [17]) и Лубяновскій [18])...

Другіе авторы, если этого прямо о себѣ не говорятъ, то доказываютъ это своимъ глубокимъ сочувствіемъ ко всѣмъ

---

[1]) Напр., В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуденную Россію», II, 14; «Муза» «Филонъ», II, 59; Ѳ. Глинка, «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи», 2 ч., М., 1808, I, 11; гр. Д. Хвостовъ, «Путешествіе къ рѣчкѣ Пашѣ», 1820, 4; К. Г., «Новый чувствительной путешественникъ или моя прогулка въ А*», россійское сочиненіе, М., 1802, V; Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», предисловіе.

[2]) Напр., В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуденную Россію» I, 57, 69, 84, 99, II, 14; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера о Польшѣ, Австр. влад. и Венгріи» I, 42; кн. Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 170—1; Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ съ 1802 по 1806 годъ», II, 21, 29—36, III, 142. [3]) Напр., В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 14 кн. Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», предисловіе.

[4]) Напр., В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», III, 78.

[5]) Напр., К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», VI.

[6]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», III, 6.

[7]) Ibid., I, 3. [8]) Ibid., II, 133. [9]) Ibid. I, 98. [10]) Ibid., II, 51, 58.

[11]) Ibid., I, 85, II, 51. [12]) Ibid.

[13]) Ѳ. Глинка, «Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австр. влад. и Венгріи». I, 43. [14]) Глинка, «Письма р. офицера», I, 44.

[15]) Лубяновскій, «Путешествіе по Саксоніи. Австріи и Италіи», I, 7.

[16]) М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ», 12.

[17]) Ложечниковъ, «Походныя записки русскаго офицера», 9.

[18]) Лубяновскій, «Путешествіе по Саксоніи», 137.

«несчастнымъ» людямъ, всѣмъ «униженнымъ и оскорбленнымъ», къ которымъ они во время своихъ путешествій старательно приглядываются и на улицахъ, и въ деревняхъ, и въ больницахъ, и въ тюрьмахъ. Оттого мы у всѣхъ этихъ авторовъ встрѣтимъ самое внимательное отношеніе къ различнымъ трогательнымъ эпизодамъ [1]),—ихъ путевые журналы—краснорѣчивая лѣтопись человѣческихъ страданій [2]). Да это и понятно: по собственному признанію этихъ авторовъ, всякое волненіе сердца, растроганнаго хорошими чувствами, доставляло имъ наслажденіе,—для многихъ изъ нихъ «подавать ближнему руку помощи» было «небесною радостью» [3]). «Сладко раздѣлять и самыя жестокія другихъ несчастія!»—восклицаетъ одинъ «чувствительный» путешественникъ [4])... «Мы чувствовали всю сладость участія, разсказываетъ онъ же,—и, несмотря на текущія слезы, сердце наше тайно восхищалось, видя себя къ тому способнымъ!» [5])... «О, вы, которые въ теченіе суетной жизни вашей не исторгли изъ очей своихъ ни одной слезы, плѣняющей духъ нашъ!—восклицаетъ другой путеше-

---

[1]) Напр., В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россіи», I, 46, II, 58, 108. III, 76; «Филовъ», «Муза», I, 150, 155, II, 60, 227, 235, III, 147, 140; III, 213, IV, 58—9, 67 и др.; Ложечниковъ, «Походныя записки», 9, 44; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 16, II, 1, 53, 118; «Путешествіе къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ въ 1803 году» (М., 1804), 141, 144; М. Гладкова, «15-ти дневное путешествіе, 15-ти лѣтнею писанное въ угожденіе родителю и посвящаемое 15-лѣтнему другу», (Спб., 1810), 28—9, 96, 117; П. Сумароковъ, «Досуги Крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду» (2 ч., 1803, Спб.), I, 32; «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель Словесности», IV, № 12, 178; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 206; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 17—19, 33—35, 38, 65—82, 87; М. Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію»; 114, 152—3; Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», 127; Конысской, «Путевыя записки въ проѣздъ Польши», 17.

[2]) Напр., В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россію», I, 46, II, 25, 40—1, 104, 106, 110. «Филовъ», «Муза», I, 150, II, 57, 60, 327, 235, III, 147, 140, 213, IV, 58; Ложечниковъ, «Походныя записки русск. офицера», 146, 315; Ѳ. Глинка, «Письма русскаго офицера», I, 126, II, 48—37; «Путешествіе къ Липецкимъ водамъ», 141, 144; К. Г., «Новый чувствительный путешественникъ», 17—19, 33—5, 39—54, 58—61, 65—82, 87, 92—102; Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», 114; Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ съ 1802 по 1806 г.» (М., 1808), I, 217.

[3]) Гересевановъ, «Дорожныя записки 1817 г.» (М., 1819), 28.

[4]) «Филовъ», «Муза», 154. [5]) Ibid., II, 58.

ственникъ, — сколь соболѣзную объ окаменѣлости сердца вашего! Оно одно намъ даетъ чувствовать нѣкоторое услажденіе въ нашихъ горестныхъ нещастіяхъ и даже въ нашихъ страстяхъ!» [1])...

Кромѣ «наслажденія» «сочувствіе къ людямъ» приносило этимъ ученикамъ Карамзина и «пользу»: симпатическія эмоціи улучшали ихъ душу, — «восторгъ», «благоговѣніе», которыя испытывалъ одинъ путешественникъ при посѣщеніи больницы, были для него «практикой благости, добродѣтели, человѣколюбія» [2])...

Приведемъ еще характерное «обращеніе къ дѣтямъ», встрѣченное нами въ одномъ «чувствительномъ» путешествіи: «...повѣрьте мнѣ, восклицаетъ авторъ, — для нравственной вашей жизни довольно только чувствовать, поражаться. Ищите трогательныхъ явленій; принудьте себя быть оныхъ свидѣтелями. Часто изъ школы угрюмаго учителя выходимъ мы съ пустымъ, хладнымъ сердцемъ; а на лицѣ нещастнаго читаемъ наставленіе, которое печатлѣется глубоко въ нашемъ чувственномъ составѣ [3]). Я вижу страдальца, страдалицу. Мое существо потрясается, я дѣлаюсь либо благодѣтелемъ, либо участникомъ; или моя рука закрываетъ рану, или моя слеза падаетъ на сію рану и обманываетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время боль оной» [4])... Потому-то во всѣхъ этихъ «путешествіяхъ» встрѣчаемъ мы самую энергичную проповѣдь альтруизма, сочувствія къ страдающему собрату... «Помнить, что я — человѣкъ», т. е. существо, надѣленное сердцемъ, почти всѣмъ этимъ ученикамъ Карамзина казалось необходимымъ [5]).

Эта способность переживать симпатическія эмоціи, эта «чувствительность», воспріимчивость сердца, вызываетъ у многихъ изъ нихъ цѣлую бурю восторга: «О, чувствительность! —

---

[1]) К. Г., «Новый чувствительный путешественникъ», 108.

[2]) «Путешествіе на богомолье», «Моск. Зритель», 1806, № 2, 39.

[3]) «Филонъ», «Муза», I, 58. [4]) Ibid.

[5]) Напр., П. Сумароковъ, «Досуги Крымскаго судьи», I, 3; Ѳ. Глинка, «Письма русскаго офицера», II, 53; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе 15-ти лѣтнею писанное», 117; Герсевановъ, «Дорожныя записки», 28 и др.

восклицаетъ одинъ,—мало-ли ты имѣешь пѣстуновъ на свѣтѣ и всѣ однакожъ прибѣгаютъ къ твоимъ жертвенникамъ; ты—мать нашихъ удовольствій, нашихъ горестей» [1])... «Хвала вамъ, чувствительныя сердца!»,—даже въ 1820 году слышимъ мы характерное восклицаніе [2]).

Понятно, съ какою радостью отмѣчаютъ всѣ эти писатели всякое доброе дѣло, всякаго хорошаго человѣка, попавшагося имъ на пути: «веселись, торжествуй добродѣтель!—встрѣчаемъ мы любопытное восклицаніе,—есть люди, ищущіе случая оказать помощь ближнему, есть сердца, чувствующія страданіе; есть сердца, скорбящія о несчастныхъ!» [3]). Такой восторженный привѣтъ добродѣтели мы не разъ еще услышимъ въ этой литературѣ [4])... По примѣру Карамзина, заносятъ его ученики въ свои «записныя книжки» подвиги человѣколюбія: въ ихъ глазахъ, люди гуманные, служащіе на пользу человѣчества, стоятъ выше героевъ, стяжавшихъ громкую славу на полѣ ратномъ» [5]).

Но, конечно, ихъ любовь распространяется не только на людей, обиженныхъ судьбой: друзья тоже дороги имъ, вѣчно тѣснятся въ ихъ памяти... «Дружба! восклицаетъ кн. Шаховъ,—животворный нектаръ сердца! да будутъ дни мои до послѣдняго осыпаны твоими благами!». [6]). «Ты не повѣришь, — пишетъ Бантышъ-Каменскій своему другу,—какъ я начинаю скучать въ отдаленіи отъ всѣхъ милыхъ сердцу моему; каждую минуту безпокоюсь я о нихъ; не знаю, что они дѣлаютъ; здоровы-ли, думаютъ-ли о своемъ другѣ, помнятъ-ли, какъ онъ любилъ и не престанетъ любить ихъ, — и тогда, какъ я помышляю о семъ, сердце мое очень тоскуетъ и сильно бьется, какъ будто хочетъ вырваться и полетѣть къ нимъ» [7]).

---

[1]) «Филонъ», «Муза», I, 146. [2]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 42.

[3]) «Путешествіе къ Липецкимъ водамъ», 146.

[4]) Напр., «Филонъ», «Муза», I, 55; Ложечниковъ, «Походныя записки», 65 Ѳ. Глинка, «Письма русскаго офицера», I, 33, 71; М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань», 11; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 108; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 82; «Путеш. въ Кронштатъ», 23. [5]) Напр., В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россію», II, 10, III, 7; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», II, 54. [6]) Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», 158.

[7]) Бантышъ-Каменскій, «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію» (М.,

Идиллія семейной жизни восхищаетъ этихъ «друзей человѣчества» [1]), сельская жизнь, съ чистыми «простодушными поселянами», близкая къ природѣ, конечно, тоже представляется этимъ мечтателямъ-идеалистамъ въ самомъ заманчивомъ освѣщеніи [2])... Жители Швейцаріи восхищаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: «видѣлъ счастливыхъ жителей благотворной страны, разсказываетъ Горихвостовъ,—превозносилъ ихъ жребій» [3])... В. Измайлова прельщаютъ крымскіе татары, — онъ, кажется, видитъ въ нихъ тѣхъ же «Швейцаровъ», именуя ихъ счастливымъ, «невиннымъ народомъ» [4]). Понятно, что при такомъ богатствѣ симпатій къ счастливой, мирной жизни, — ужасы войны постоянно возмущаютъ ихъ сострадательное сердце [5]).

Этотъ рѣзко выраженный «альтруизмъ», который бросается въ глаза, какъ нѣчто очень характерное для русской литературы конца XVIII вѣка, начала XIX вѣка, былъ ей почти незнакомъ до Карамзина: у предшественниковъ нашего писателя встрѣтимъ мы лишь слабые слѣды его и только послѣ него, у его учениковъ, этотъ альтруизмъ вошелъ, такъ сказать, въ плоть и кровь нашей литературы, сдѣлался душой цѣлой серіи произведеній, очевидно, сплоченныхъ единствомъ литературной школы...

1810), 118, еще: В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россію», I, 129—30, 137, Ш, 58, II, 46; «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель Словесности», ч. IV, № 12, 68; «Нѣсколько писемъ Русскаго Путешественника изъ Англіи», «Моск. Курьеръ», ч. I, 49—50, 227; «Потерянный чемоданъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», т. I, 27, 31; Бантышъ-Каменскій, «Путешествіе въ Молдавію», 158, 179; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 17, 29; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 9—10, 16—17; Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», посвящ., 154, 155—8, 10—12, 16, 215; Ложечниковъ, «Походныя записки», 76; Шаликовъ, «Путеш. въ Кронштатъ», 32, 9; Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 13, II, 56.

[1]) «Филонъ», «Муза», IV ч., 144—5; Ѳ. Глинка, «Письма русск. офицера», II, 94; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 71; К. Г., «Новый чувствит, путешественникъ», 9—10; В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 61.

[2]) Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 19, 99; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 180; Ложечниковъ, «Походныя записки», 90; В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 128, II, 29, Ш, 37, 77; М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань», 50—4,.

[3]) Горихвостовъ, «Письма Россіянина», Ш, 138—9. [4]) В. Измайловъ. «Путеш. въ полуд. Россію», Ш, 77. [5]) Напр. Ibid., Ш, 72;

Такою же новостью было для русской литературы и преклоненіе передъ «природой»: почти всѣ уже цитованные нами писатели не находятъ хвалебныхъ словъ для того, чтобы въ достаточной степени превознести прекрасную «Натуру», которая имъ представлялась, то въ видѣ «нѣжной, сострадательной матери Природы» [1]), то въ видѣ неземной, «плѣнительной» [2]) красавицы, всѣхъ ихъ, чувствительныхъ людей, призывавшей въ свои объятья... «О, природа! восклицаетъ Ѳ. Глинка, — сколь ты прекрасна въ дикихъ одѣяніяхъ своихъ! Съ чѣмъ сравнить истинныя красоты твои? Смертные только искажаютъ ихъ!» [3]). Другой путешественникъ заявляетъ своимъ читателямъ: «становлюсь болѣе и болѣе почитателемъ Натуры. — О! сколь она милостива, даровавъ человѣку наслажденіе таковыми дарами» [4])... «Природа, природа! вырывается у Шаликова,—что лучше, что милѣе тебя? Съ тобою, въ объятіяхъ твоихъ все совершеннѣе!» [5]). «Дивныя красоты» ея восхищаютъ и К. Г., «новаго чувствительнаго путешественника» [6])... «Чувства наши, разсказываетъ одинъ авторъ своимъ друзьямъ,—обвороженныя красотою природы и ароматичнымъ благоуханіемъ отъ травъ, будучи услаждены, заняты одною только ею, предавъ забвенію всѣ суетности; мы ощущали въ себѣ нѣчто такое, что объяснить тебѣ, мой другъ, я не въ состояніи» [7])... «Ахъ! какъ природа прелестна!» [8]),— восклицаетъ восторженная 15-тилѣтняя дѣвица Гладкова [9]). Конечно, такимъ же поклонникомъ природы былъ и В. Измай-

---

[1]) «Филонъ», «Муза», III, 142. [2]) Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 77. [3]) Ibid., II, 58. [4]) «Путешествіе къ Липецкимъ водамъ», 89—90.

[5]) Кн. Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», 57. [6]) К. Г., «Новый чувствительный путешественникъ», 35. [7]) «Путеш. къ Липецкимъ водамъ», 134. [8]) Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 134.

[9]) Еще, напр., Бантышъ-Каменскій, «Путеш. въ Молдавію», 28; П. Сумароковъ, «Путешествіе по всему Крыму въ 1799 г.» (М., 1800), 17; П. Сумароковъ, «Досуги Крымскаго судіи», 10—11; Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», I, 81; «Путеш. къ Липецкимъ водамъ», 154; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 73—4; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 32; Горяхвостовъ, «Письма Россіянина», III, 88; Герсевановъ «Дорожныя записки», 16; Копыской, «Путевыя записки въ проѣздъ Польши», 18; «Филонъ», «Муза», III, 214; В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 29, 128—9. II, 100, III, 8, 11; Шаликовъ, «Путеш. въ Кронштатъ», 2 и др.

ловъ: онъ себя, напр., рекомендуетъ «любителемъ натуры» [1]); мирная природа приводитъ его въ умиленіе [2]),—дикая наполняетъ его сердце «пріятнымъ ужасомъ» [3]); природа его «утѣшаетъ» [4]), доставляетъ ему наслажденія «неистощимыя» [5])... Вотъ почему всѣ эти многочисленные поклонники Натуры» охотно и съ любовью описываютъ въ своихъ дорожныхъ тѣ красоты природы, которыя, почему бы то ни было, привлекли на себя ихъ вниманіе,—въ результатѣ, передъ нами цѣлая галлерея всевозможныхъ пейзажей, написанныхъ, бо́льшею частью, въ стилѣ Карамзина [6]).

Встрѣтимъ мы у этихъ авторовъ и преклоненіе передъ тѣми чувствами, которыя рождались въ ихъ душѣ, когда «искусства» будили въ ней эстетическое наслажденіе, воспитывая «любовь къ изящному» [7]). Съ легкой руки Карамзина эстетическія радости нашли среди пишущей братіи не мало почитателей; для многихъ это «сластолюбіе ума» оказалось «во сто разъ тонѣе всякаго сластолюбія на свѣтѣ [8])... «Предметы изящнаго искусства, замѣчаетъ одинъ поклонникъ «изящнаго», имѣютъ сильное вліяніе на чувства и душу... Онѣ поражаютъ, возвышаютъ и восхищаютъ ихъ столько, сколько сіи способны принимать и чувствовать рѣдкое и изящное» [9]). Почти всѣ эти ученики Карамзина признаютъ себя «доросшими до умственной роскоши, которая требуетъ въ разговорѣ тонкихъ чувствъ и живыхъ мыслей, любитъ зани-

---

[1]) В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуденную Россію», I, 128. [2]) Ibid., III, 8. [3]) Ibid., III, 11, [4]) Ibid., I, 129. [5]) Ibid., II, 31, 99.

[6]) Напр., «Филонъ», «Муза», II, 69, III, 214—5, 228—9; «Нѣсколько писемъ русскаго путешественника изъ Англіи въ Россію», «М. Курьеръ», 1805, ч. I, 231; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 36—7, II, 17—18; «Путеш. къ Липецкимъ водамъ», 75, 76—7, 91—2, 94; Хвостовъ, «Путеш. къ рѣкѣ Пашѣ», 6; Бантышъ-Каменскій, «Путеш. въ Молдавію», 13; Гладкова, «15-ти дневное путеш.», 46—7, 18—9, 77; П. Сумароковъ, «Путешествіе по всему Крыму», 15, 44, 47, 83, 99; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 35; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 7, 15, 61—3; Шаликовъ, «Путеш. по Малороссіи», 53—61, 166—9; Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», I, 15; Горихвостовъ, «Письма Россіянина», III, 88—9; Герсевановъ, «Дорожныя записки», 56; Копыской, «Путевыя записки въ проѣздъ Польши», 3; Шаликовъ, «Путешествіе въ Кронштадтъ», 29, 36 и др. [7]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россіи», I, 7. [8]) Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 193.

[9]) Копыской, «Путевыя записки въ проѣздъ Польши...» 17.

маться изящными искусствами, утонченными удовольствіями и всѣми благородными страстями сердца, однимъ словомъ, хочетъ жить въ томъ кругу, гдѣ улыбка Грацій, взглядъ Гомера и чувство Стерна творятъ новый міръ и новый источникъ наслажденій» [1]). Эти любители «изящнаго» сумѣли объяснить себѣ и происхожденіе эстетическихъ эмоцій: «чувствовать при разсматриваніи естественныхъ и искусственныхъ красотъ, — замѣчаетъ одинъ изъ поклонниковъ «сластолюбія ума»,—зависитъ отъ внутренняго расположенія нашего, когда воспитаніе развило способность къ чувству изящнаго» [2]).. Между ними нѣтъ присяжныхъ цѣнителей: они—по собственному признанію—«не знатоки», но «любители всего хорошаго» [3])— и, въ большинствѣ случаевъ, прибавимъ отъ себя, любители очень чуткіе, отзывчивые, умѣющіе дать себѣ ясный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ [4])...

Иногда искусство и природа заразъ дѣйствуютъ на ихъ воспріимчивыя сердца, и тогда наслажденіе, ими переживаемое, становится еще болѣе сложнымъ и интенсивнымъ..—Какъ примѣръ, приведемъ, хотя-бы, слѣдующія слова Шаликова: «въ тихія, нѣжныя минуты вечера, въ уединенной комнатѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, томные звуки фортепіано, производимые женщиною въ слезахъ... ничего не знаю трогательнѣе этого!» [5]).

Не такъ ясно выразились въ этой литературѣ «путешествій» чувства «религіозныя» [6]) и «патріотическія» [7])... Какъ въ духовной жизни Карамзина, такъ и въ жизни учениковъ его эти чувства далеко не занимаютъ перваго мѣста, хотя, казалось-бы, для

---

[1]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 95.

[2]) Горихвостовъ, «Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ...», II, 9.

[3]) Напр., Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи...», 7.

[4]) Напр., Горихвостовъ, «Письма Россіянина..», II, 8, 9; Ложечниковъ, «Походныя записки», 117; «Путеш. къ Липецкимъ водамъ...», 22; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань...», 78.

[5]) Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію..», 185.

[6]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 14, 17. III, 3—4, IV, 59; «Филоѳъ», «Муза», II, 63 и др.: Горихвостовъ, «Письма Россіянина», 48.

[7]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 120—7; Ложечниковъ, «Походныя записки», 139, 162; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 83—6, Герсевановъ, «Дорожныя записки», 5; Бошняковъ, «Дневныя записки путешествія въ 1813 г.» (М. 1821 г. 2 ч.), I, 27.

«патріотизма» эпоха уже наступившихъ наполеоновскихъ войнъ могла дать въ то время довольно пищи [1]..

Такъ какъ сентиментализмъ, въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ, присущъ всѣмъ этимъ путешественникамъ, ученикамъ Карамзина, то, конечно, и характерныя черты его «чувствительной души» оказались нечужды очень многихъ изъ нихъ: такъ, *«чувство»* играетъ въ ихъ духовной жизни первую роль,— отъ него часто цѣликомъ зависитъ настроеніе автора, безъ труда отдающагося сильнымъ душевнымъ волненіямъ [2]), причемъ даже для бурнаго состоянія души не нужно имъ особенно сильныхъ воздѣйствій: достаточно, напримѣръ, стиховъ Карамзина или Жуковскаго, чтобы у нихъ уже «дрожало сердце», чтобы они приходили въ «изступленіе» [3]..

Конечно, при такой необыкновенно-сильной воспріимчивости сердца, настроеніе у нихъ не можетъ быть устойчивымъ: и потому, пожалуй, многіе изъ нихъ подписались-бы охотно подъ словами К. Г., «новаго чувствительнаго путешественника», который такъ характеризуетъ быструю смѣну своихъ настроеній: «итакъ съ печали въ грусть, съ грусти въ уныніе и къ добродѣтели, наши сердца занимались сладкою химерою..» [4].. Особенно владѣетъ ихъ настроеніемъ природа: осенью, конечно, они грустятъ: «...прихожу сюда внимать бурямъ осеннимъ, разсказываетъ Ложечниковъ, и смотрѣть, какъ черныя тучи несутся надъ головой моей, какъ вихрь рветъ желтые листья и мчитъ ихъ по крутому берегу.. Печальна окрестность: мрачна и душа моя!» [5].. Въ дурную погоду они обыкновенно сидятъ, какъ Карамзинъ,

---

[1]) См. 11-ое примѣчаніе.

[2]) Напр., Ложечниковъ, «Походныя записки», 144 — 5, 148; Ѳ. Глинка, «Письма русс. офицера», I, 31; П. Сумароковъ, «Путеш. по всему Крыму..», 5; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 151, 186; Бошнякъ, «Дневныя записки», I, 27, 37; Горихвостовъ, «Письма Россіянина» 92.

[3]) Ложечниковъ, «Походныя записки р. офицера», 74. 73; еще: Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 45.

[4]) «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любит. Словесности», 1806, IV, № 12, 164; Ложечниковъ, «Походныя записки», 218, 257; Горихвостовъ, «Письма Россіянина», II, 9.

[5]) К. Г., «Новый чувств. путешественникъ», 105; еще: Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 29, 129, III, 8; Ложечниковъ, «Походныя записки». 5.

«подгорюнившись» [1]), потому что, по замѣчанію другого путешественника, «дождливое и ненастное время тяготитъ каждаго... Вниманіе къ окружающимъ предметамъ совершенно слабѣетъ; душа погружена въ какую то мрачность и томность; сердце стѣснено и недовольно» [2])... За то, какое восторженное настроеніе ниспускается на ихъ сердца, когда овладѣваетъ ими «масса живыхъ впечатлѣній, тѣхъ радостныхъ восхищеній, которыя при созерцаніи природы въ прекрасный день трогаютъ и восторгаютъ душу къ сладостнѣйшему наслажденію и высочайшему удовольствію» [3])... «Природа все дѣлаетъ изъ насъ, что захочетъ... — сообщаетъ дѣвица Гладкова. — Мы смѣемся и плачемъ, радуемся и печалимся съ нею» [4])... «Бѣденъ человѣкъ! — восклицаетъ Шаликовъ, одна перемѣна въ атмосферѣ можетъ сдѣлать его щастливымъ и нещастнымъ!» [5])..

Воображеніе имѣетъ надъ ними огромную силу: порою оно доводитъ ихъ положительно до галлюцинацій... «Во время моихъ путешествій, разсказываетъ одинъ путешественникъ,— вотъ, что происходитъ...Когда я не вижу и не слышу ничего чрезвычайнаго, то позволяю душѣ моей представлять то то, то другое изображеніе, и занимаюсь тѣмъ, сколько умѣю» [6])... Насколько живы бывали иногда тѣ картины, которыя рисовались этимъ ученикамъ Карамзина ихъ воображеніемъ, видно, хотя бы, изъ слѣдующихъ словъ кн. Шаликова: «...ходилъ я по Кронштату съ неутомимымъ любопытствомъ—душею путешественника и съ романическими мечтами—прелестью воображенія... Островъ, море, корабли.. Какая пища для мыслей, для чувства! Алжиръ, Тунисъ, корсары, неволя, цѣпи, кинжалы, страждущая любовница, отчаянный любовникъ—все это оживится въ памяти, со всѣми своими ужасами и чудесами» [7])... Эти «сладкія мечты воображенія» [8]) иногда въ ихъ глазахъ совершенно «переиначиваютъ предметы» [9])

[1]) Бантышъ-Каменскій. «Путеш. въ Молдавію», 97. [2]) Копыской, «Путевыя записки», 7. [3]) Ibid., 8. [4]) Гладкова, «15-ти дневное путеш.», 99.
[5]) Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 28—9; еще: Горихвостовъ. «Письма Россіянина», 8. [6]) «Потерянный чемоданъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій». I. 26—39. [7]) Шаликовъ, «Путешествіе въ Кронштатъ», 22.
[8]) Лажечниковъ, «Походныя записки», 53. [9]) Горихвостовъ, «Письма. Россіянина..» III, 255.

до неузнаваемости, набрасывая на все романическое освѣщеніе: глядя, напримѣръ, на монаховъ, одинъ изъ такихъ путешественниковъ-мечтателей «хотѣлъ, по его словамъ, знать каждаго изъ нихъ исторію, мечталъ..., что исторія каждаго есть цѣпь горестей» [1]),—также и В. Измайлову монахи представляются не иначе, какъ людьми, испытавшими много горя въ жизни: «сердца чувствительныя и страждущія!» [2])—обращается онъ къ нимъ съ восклицаніемъ... Конечно благодаря такой силѣ воображенія сближаетъ онъ казаковъ, не болѣе ни менѣе, какъ съ Мальтійскими рыцарями [3]), крымскихъ татаръ — съ «счастливыми Швейцарами»: «добрые татары!» — восклицаетъ нашъ мечтатель—«невинный народъ!» [4])..Иногда воображеніе рисуетъ передъ ними картины изъ сѣдой старины,—и большинству эти живые образы доставляютъ не мало наслажденія: «сколь сладостно на крыліяхъ воображенія прелетать въ глубокую древность!» [5]) — восклицаетъ одинъ изъ такихъ путешественниковъ. Обыкновенно такіе полеты фантазіи совершаются въ подходящей обстановкѣ: темные лѣса напоминаютъ имъ о друидахъ и бардахъ, мѣсто давно бывшаго сраженія — о героѣ, отличившемся въ битвѣ...

Многіе изъ этихъ авторовъ, по собственному ихъ признанію,—«меланхолики»: или съ самаго малолѣтства видятъ все «въ черни» [6]), или знаютъ припадки меланхоліи лишь временами,—чаще всего при посѣщеніи кладбищъ [7])... Впрочемъ, для сентиментальнаго человѣка XVIII в. это меланхоличное настроеніе не

---

[1]) Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію» 153; еще: ibid., 150; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 28. [2]) В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россію«, I, 29. [3]) Ibid., I, 138.

[4]) Ibid., III, 77, еще о силѣ воображенія: ibid., I, 43—8, 59, III, 14—15; «Потерянный чемоданъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», I, 31, 38; Ложечниковъ, «Походныя записки...» 107, 131; П. Сумароковъ, «Путеш. по всему Крыму», 65; П. Сумароковъ, «Досуги крымскаго судьи», 18, 33; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 9—10; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 6; Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 9; «Вояжъ моего друга», «Пріятн. и полезн. препровожд. времени», ч. XVII, 109; Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», 7, 125; «Путешествіе въ Москву во время пребыванія въ оной французовъ» (М. 1813), 7. [5]) Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», 28—9.

[6]) «Филонъ», «Муза«, II, 15.

[7]) «Нѣсколько писемъ русскаго путешественника изъ Англіи», «Моск. Курьеръ», 1805, ч. I, 226; Ложечниковъ, «Походныя записки» 193; «Путеш. къ Липецкимъ водамъ», 9, 10; Шаликовъ «Путеш. въ Кронштатъ», 34.

имѣло, повидимому, въ себѣ ничего тягостнаго: это — «*сладкая* грусть», то элегически-созерцательное настроеніе, когда ни одна способность души не угнетена, а, напротивъ, работаютъ и воображеніе, и чувства, и мысли, а поэтическія грезы тихо роятся вокругъ задумчиваго чела сентиментальнаго мечтателя, — вся поэзія Жуковскаго вылилась изъ такого настроенія... «Тишина сего мѣста вѣчный сонъ мертвыхъ, мысль о семъ послѣднемъ предѣлѣ, гдѣ кончатся всѣ заботы человѣческія, занимали душу мою около двухъ часовъ» [1])—разсказываетъ о своемъ настроеніи В. Измайловъ. «Уединенное мѣсто, окружаемое густымъ лѣсомъ, — описываетъ другой путешественникъ кладбище, — и удаленное отъ проходящихъ, поселило въ чувствахъ нѣкоторое меланхолическое впечатлѣніе, и, вообрази, что мы пришли на кладбище... Ходя по грунту земли, составленному изъ праха мнѣ подобныхъ, представлялъ я себя странникомъ въ мірѣ семъ, а смерть — цѣлью путешествія» [2]).. Конечно, всѣ эти меланхолики потому и просиживали по два часа на кладбищахъ, что находили «нѣчто питательное для сердца въ семъ опустѣніи, въ семъ уныніи»..

По этой-же причинѣ и жизнь въ «уединеніи» для многихъ была заманчивой мечтой: суетный, пошлый міръ людской мѣшалъ имъ оставаться наединѣ съ тѣми чувствами, которыми жила ихъ «прекрасная душа» [3]), — и они стремились въ деревню, на лоно природы, въ тѣсный кругъ друзей...

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что «идеалы жизни» должны были у всѣхъ этихъ воспитанниковъ Карамзина сложиться по образцу «идеаловъ» ихъ учителя: «тихая жизнь», «миръ съ Натурой и добрыми», «занятія изящными науками»,—вотъ, что манило къ себѣ этихъ путешественниковъ. «Книги, хорошая компанія и добрый другъ — что̀ можетъ быть блаженнѣе для честнаго человѣка?» [4])—вопрошаетъ читателя «новый чувствительный путешественникъ»... «Деревня есть наи-

---

[1]) «Путешествіе къ Липецкимъ водамъ», 117.

[2]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россіи», III, 103.

[3]) Напр., «Филонъ», «Муза», III, 216; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», II, 60; Н. Сумароковъ, «Путеш. по всему Крыму». 92—3, К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 24. [4]) К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 2.

блаженнѣйшее жилище для человѣка, которой уже рѣшился заниматься не пустою суетностью большого общества, но вкушать всѣ прелести обширной Природы. Утѣшаться величественными созданіями Всевышняго Творца, помогать ближнему, имѣть состраданіе къ нещастнымъ: суть добродѣтели, которыя вѣнчаютъ существо наше» [1])... Или, вотъ, сочувственное описаніе жизни «счастливаго» человѣка, — очевидно, такое счастье улыбается и автору: «нѣжный вкусъ и чувствительное сердце его не могли выбрать лучшаго мѣста для философскаго жилища. Онъ любитъ чтеніе, имѣетъ изрядную библіотеку, выписываетъ новыя книги—и довольно.—«Я щастливъ столько»—писалъ онъ отсюда ко мнѣ въ Москву—сколько желалъ быть щастливымъ» [2])... «Идеалы» В. Измайлова выражаются еще болѣе опредѣленно: для счастья ему многаго не надо, — жребій героя не внушаетъ ему зависти — [3]).

«...буду, буду въ скромной долѣ
«Безъ шума, блеска и оковъ
«Любить, мечтать и пѣть на волѣ
«Подъ токомъ рѣчекъ и стиховъ [4])—

восклицаетъ онъ. Его радуетъ видъ человѣка, сумѣвшаго устроить свое счастье по карамзинскому рецепту: «я восхищался, разсказываетъ онъ, радовался, что вижу человѣка, которой въ тихомъ уголкѣ свѣта умѣетъ наслаждаться жизнью, натурою и умомъ своимъ» [5]). Человѣкъ, по понятіямъ Измайлова, счастливъ, если съ нимъ «прекрасная Натура», а у него самого «сердце доброе и неиспорченное» [6]): «первое удовольствіе» въ мірѣ—«быть другомъ Природы, человѣчества и совѣсти своей» [7])..

Если, такимъ образомъ, «интересы сердца» у всѣхъ этихъ писателей направлялись туда, гдѣ искало удовлетворенія себѣ «сердце» Карамзина, — то и «интересы разума» у нихъ выразились точно такъ же, какъ и у Карамзина.

---

[1]) К. Г. «Новый чувствит. путешественникъ», 24.

[2]) Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 148.

[3]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 10, III, 7, 81, 97; еще Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 16. II, 54.

[4]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», III, 81. [5]) Ibid., II, 32:

[6]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 61. [7]) Ibid., III, 97.

Почти всѣ они, напримѣръ, не прочь были и «пофилософствовать», но, конечно, въ духѣ сентиментальныхъ писателей: мысли о «тлѣнности» всего существующаго, объ «истинномъ счастьѣ», о «происхожденіи зла», о «цѣли жизни»—вотъ, что ихъ интересовало, о чемъ они охотно задумывались [1])... Всѣ эти вопросы занимали ихъ, конечно, потому, что ничего общаго не имѣли съ «философіей холодной», «мудростью сухой, отвлеченной» [2]), а относились къ той широкой области созерцательнаго, образнаго мышленья, въ которой отведено много мѣста и чувствамъ, и воображенію, и мечтамъ...

Особенно интересуются эти писатели жизнью свой души и, слѣдя внимательно за всѣми ея проявленіями, иногда удачно объясняютъ себѣ тѣ вліянія, въ зависимости отъ которыхъ она складывается... Впрочемъ, у огромнаго большинства этихъ авторовъ самоанализъ не переходитъ въ крайность: они не закрываютъ глазъ и на міръ внѣшній,—въ этомъ отношеніи Карамзинъ далъ имъ хорошій урокъ.

При изученіи дѣйствительной жизни, они опять-таки повторяютъ Карамзина: что интересовало его, то привлекло къ себѣ и ихъ вниманіе: они присматриваются къ людямъ, съ которыми ихъ свела судьба, знакомятся охотно съ «замѣчательными людьми», не брезгуютъ и обыкновенными людьми, изучаютъ и описываютъ обычаи и нравы тѣхъ обществъ, съ которыми имъ пришлось познакомиться во время путешествія [3]);

---

[1]) Напр., В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 15, 64, 105, II, 5, 31, 79, 90, III, 18, 68, 70; еще: «Филонъ», «Муза», II, 225, 240; Ложечниковъ, «Походныя записки», 8—9; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 20—1, 62, 79; «Путеш. къ Ливонскимъ водамъ», 70; Бантышъ-Каменскій, «Путеш. въ Молдавію», 166, 179; Н. Сумариковъ, «Досуги крымскаго судьи», 2, 19; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 59—66; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 7—8; 28—31; Шалыкинъ, «Путеш. въ Малороссію», 4, 46—52; Горихвостовъ, «Письма россіянина», III, 180—1; Шаликовъ, «Путеш. въ Кронштатъ» 37—38.

[2]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 14, 51—2.

[3]) Напр., В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 73—5, 76—8, 79, II, 31, 118, I, 4, 53—4, 70, 93, 99—100, II, 16—18, III, 100, 136—142; IV, 25—47, 81—97; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 48—50, 64; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 33; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 117, 122—126, 139—142, 253—69; Лубяновскій, «Путешествіе по Саксоніи» (много); Горихво-

присматриваются къ достопримѣчательностямъ городовъ [1]), посѣщаютъ учебныя заведенія, больницы, тюрьмы, театры, осматриваютъ соборы, памятники и пр.

Наконецъ, подобно Карамзину, не прочь они иногда отдаться историческимъ воспоминаніямъ: такіе экскурсы въ область прошлаго тоже были имъ дороги, такъ какъ знакомили ихъ съ жизнью давно минувшей старины...

Заключая этимъ главу о біографическомъ значеніи «Писемъ русскаго путешественника», мы не можемъ не указать еще разъ на то, что образованіе личности Карамзина, помимо природныхъ данныхъ его и историческихъ условій русской жизни, въ значительной степени зависѣло и отъ той литературной школы, о которой не разъ говорили мы въ 1-ой главѣ: писатели сентиментальнаго направленія, несомнѣнно, во многихъ отношеніяхъ дали Карамзину цѣлый рядъ шаблоновъ.. Впрочемъ, хотя онъ повто-

---

стовъ, «Письма россіянина», I, 86—89, II, 68, 56, 62, 73; Копыской. «Путевыя записки», 21; Герсевановъ, «Дорожныя записки», 11, 44.

[1]) Напр. В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 19, 20—1, 30—1, 116; II, 81—2, III, 21, IV, 76; «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель Словесности», 1806, IV, № 12, 169, 172—3, 178—83; Ложечниковъ, «Походныя записки»... 264, 265 и др.; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 54; «Путеш. къ Липецкимъ водамъ», 26, 30, 128; Бантышъ-Каменскій, «Путеш. въ Молдавію», 17, 166 и мн. др.; «Путешествіе на богомолье», «Моск. Зритель», 1806, № 2, 39; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 54, 80—1, 108—9 и др.; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 76—85, 88; Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», 127 и мн. др.; Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 25, 40, 41, 45—6, II, 40, 62—5, 73—81 и мн. др.; Герсевановъ, «Дорожныя записки», 10—11, 38, 43, 49 и мн. др.; Копыской, «Путевыя записки»; Шаликовъ, «Путеш. въ Кронштадтъ», 14, 16, 17 и мн. др.

[2]) Напр., В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россію», I, 22, 3, 34—5, 38—9, 43—8, 86, 116, 120—7, III, 135; «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любит. Словесности», 1806, IV, № 12, 164; Ложечниковъ, «Походныя записки», 289, 91 и др. «Путеш. къ Липецкимъ водамъ», 13, Хвостовъ, «Путеш. къ рѣкѣ, Пашѣ», 8; Бантышъ-Каменскій, 179 и др.; Гладкова, «15-ти дневное путеш.», 25, 25—6, 30—3; 42—3, 70, 100—1, 102—5; П. Сумароковъ, «Путеш. по всему Крыму; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 97, 129; Горихвостовъ, «Письма россіянина, III, 49—61; Герсевановъ, «Дорожныя записки», Шаликовъ, «Путеш. въ Кронштадтъ», 34; П. Сумароковъ, «Досуги Крымскаго судьи», 54, М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 19, 24—8, 74, 78, 143—7, 133 и др.; Копыской, «Путевыя записки», 34.

рилъ ихъ въ своихъ «Письмахъ»—это не должно насъ приводить къ заключенію, что онъ былъ «плагіаторомъ», что онъ сознательно втискивалъ себя въ рамки, которыя были предоставлены ему литературной школою: онъ не ломалъ своей личности, онъ не приписывалъ себѣ того, чего въ ней не было: онъ былъ правдивъ въ своихъ «Письмахъ»... И если иногда въ изображеніи его личности мы встрѣчаемъ у него поразительныя сходства съ характерными чертами его учителей,—то здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ результатами того сильнаго вліянія, какое имѣли на него его учителя: они опредѣлили все характерное въ его личности, они раскрыли передъ нимъ его внутренній міръ, они помогли ему развить и высказать чувства и идеи, которыя уже жили, хотя и смутно, въ его собственномъ сердцѣ...

То же самое можемъ мы сказать и по поводу той подражательной литературы, бѣглый очеркъ которой сдѣлали мы выше.. Конечно, мы не можемъ говорить о томъ, что *одинъ* Карамзинъ былъ ея вдохновителемъ: многіе изъ дѣятелей этой литературы могли черпать да и, дѣйствительно, черпали изъ тѣхъ-же источниковъ, что и Карамзинъ, — такимъ образомъ, онъ не былъ ихъ *единственнымъ* учителемъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, въ ихъ духовной жизни играетъ слишкомъ видное мѣсто для того, чтобы мы могли разрывать связь между нимъ и этой толпой «путешественниковъ» послѣ него: онъ *первый у насъ* нарисовалъ рѣзкими чертами образъ «чувствительнаго», «прекраснодушнаго» юноши, живущаго полною жизнью души,—этотъ образъ, слабо мелькавшій передъ многими его современниками, нашелъ *впервые у него* полное, ясное, притомъ русское выраженіе и вызвалъ къ литературному воплощенію цѣлый рядъ родственныхъ образовъ...

Въ слѣдующей главѣ мы попытаемся укрѣпить связь между Карамзинымъ и его послѣдователями — при помощи *литературныхъ* сравненій и сопоставленій.

2.

«Письма» съ историко-литературной стороны.

Въ предыдущей главѣ мы указали, насколько полно выразилась въ «Письмахъ» *личность* Карамзина со всѣми ея характерными особенностями, мы указали на отношеніе къ нимъ современниковъ и отмѣтили цѣлый рядъ повтореній этихъ особенностей у «послѣдователей» Карамзина. Мы видѣли, какъ, благодаря его дѣятельности, окончательно прояснились въ русской жизни характерныя черты вполнѣ опредѣленнаго типа юноши — «die schöne Seele»...

Теперь у насъ на очереди вопросъ, какое значеніе имѣли «Письма русскаго путешественника» въ *литературномъ* отношеніи, — другими словами, что внесено было этимъ произведеніемъ въ *жизнь русской литературы*.

Въ ряду русскихъ писателей Карамзинъ—одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ: его именемъ названъ даже цѣлый періодъ, обнимающій нѣсколько десятилѣтій, заключающій въ себѣ дѣятельность цѣлаго ряда писателей, между которыми встрѣчаемъ мы имена Жуковскаго, Батюшкова и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, Крылова, Дмитріева, Озерова... Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса, насколько вообще раціонально дѣленіе литературы на такіе періоды, въ разграниченіи которыхъ часто смѣшиваются литературная и хронологическая точка зрѣнія,—мы остановимся лишь на томъ характерномъ фактѣ, никѣмъ не оспариваемомъ, что во главѣ извѣстной литературной эпохи мы встрѣчаемъ имя Карамзина... Почему же конецъ XVIII в. и начало XIX в. въ русской литературѣ не названы именемъ Крылова или Дмитріева? Почему позднѣе Жуковскій отнесенъ былъ къ карамзинскому періоду, а не началъ собою новаго?—Отвѣтъ найти не трудно—потому, что въ дѣятельности этихъ писателей современники, а за ними и историки, увидѣли *только продолженіе* предыдущей литературы, увидѣли *развитіе* или даже *завершеніе* извѣстнаго направленія, вполнѣ для всѣхъ выяснившагося,—Карамзинъ же, сравнительно съ Сумароковымъ, Херасковымъ, Державинымъ, писателями ло-

моносовскаго періода, сказалъ *новое* [1]), да еще на *новый* ладъ: и содержаніе, и форма его произведеній поразили читателей своею новизной,—онъ сдѣлался, въ глазахъ многихъ, литературнымъ реформаторомъ, а потому, какъ всегда водится, сейчасъ же явились у него враги и друзья: враги отстаивали старое, отвергнутое имъ, друзья утверждали, что началась новая эпоха, и, словно въ подтвержденіе своихъ словъ, создавали подражательную литературу, — историкамъ русской литературы пришлось только констатировать тотъ фактъ, что за Карамзинымъ стоитъ многочисленная группа подражателей и послѣдователей, что дѣятельность его замѣтной струею влилась въ исторію русской литературы и новые элементы, внесенные имъ, вошли въ плоть и кровь не только группы ближайшихъ къ нему писателей, но и вообще всей послѣдующей русской литературы.. Вотъ почему общимъ голосомъ Карамзинъ былъ выдѣленъ изъ толпы второстепенныхъ писателей и поставленъ, не болѣе не менѣе, какъ между Ломоносовымъ и Пушкинымъ...

Вступая на литературное поприще, Карамзинъ сознательно разрывалъ всякую связь съ русской литературой XVIII вѣка,—онъ прямо отрицалъ ея существованіе: такъ, въ письмѣ къ Лафатеру онъ заявляетъ, что только Херасковъ да Ключаревъ могутъ быть у насъ названы писателями [2]), упоминая, очевидно, лишь изъ приличія [3]) объ этихъ двухъ поэтахъ-мистикахъ, тогда близко къ нему стоявшихъ. Разговаривая съ Морицемъ, нашъ путешественникъ только глубоко вздохнулъ, когда рѣчь зашла о русской литературѣ [4]); въ ряду поэтовъ, воспѣтыхъ имъ въ «Поэзіи», нѣтъ ни одного русскаго—прославляются только нѣмцы да англичане. Наконецъ, въ извѣст-

[1]) Беремъ это понятіе въ томъ условномъ смыслѣ, какой придали ему выше на стр. 150.

[2]) «Мы еще бѣдны писателями. У насъ есть лишь нѣсколько писателей, заслуживающихъ быть читаемыми: первый и лучшій изъ нихъ—Херасковъ. Онъ сочинилъ двѣ поэмы: «Россіада» и «Владиміръ»; послѣднее и лучшее произведеніе что остается еще непонятымъ моими соотечественниками. 14 лѣтъ назадъ тому Новиковъ прославился своими остроумными сочиненіями, но теперь онъ болѣе ничего не хочетъ писать. Въ господинѣ Ключаревѣ мы имѣемъ теперь поэта-философа, но онъ пишетъ немного» (Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 20).

[3]) См. 12-ое Примѣчаніе.

[4]) Карамзинъ, Соч., II, 86.

помъ стихотвореніи—«Поэзія» встрѣчаемъ мы такія любопытныя строки:

«О Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
«Поэзія *начнетъ* сіять, какъ солнце въ полдень!
«*Исчезла нощи мгла.* Уже Авроры свѣтъ
«Въ (Москвѣ) блеститъ [1])...

Изъ такого рѣшительнаго отрицанія всей предшествовавшей литературы, которую юноша назвалъ «мглою нощи», мы можемъ заключить съ полнымъ правомъ, что за свое литературное воспитаніе юноша былъ благодаренъ исключительно западу, что онъ не замѣчалъ въ родной литературѣ уже проявившихся родственныхъ ему мотивовъ и, наконецъ, что приступалъ онъ къ литературной дѣятельности съ самыми широкими реформаторскими планами. Поэтому въ первомъ же его произведеніи мы должны будемъ непремѣнно встрѣтиться съ «новымъ словомъ»; конечно, въ крупномъ произведеніи это слово должно было найти наиболѣе полное и ясное выраженіе,—«Письма русскаго путешественника» были этимъ первымъ крупнымъ произведеніемъ, въ которомъ высказалъ Карамзинъ вполнѣ опредѣленно свое profession de foi; именно это произведеніе создало значеніе его, какъ литератора, такъ какъ послѣдующая дѣятельность его, какъ журналиста, автора повѣстей и «Исторіи Государства Россійскаго», уже намѣчена въ первыхъ «Письмахъ русскаго путешественника» штрихами вполнѣ ясными...

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ касаться особенностей той «новой поэзіи», которая, подъ вліяніемъ Карамзина, почти вытѣснила у насъ къ концу XVIII в. французскій классицизмъ.. Какъ извѣстно, самымъ характернымъ признакомъ этой англо-нѣмецкой поэзіи былъ глубокій интересъ къ «жизни чувства». Въ тѣсной зависимости отъ этого интереса находились и тѣ повшества, которыя внесены были сентиментальнымъ направленіемъ въ литературу всеобщую, а нашимъ Карамзинымъ — въ литературу русскую.

Внимательное изученіе «чувства» своего и чужого вело сентиментальныхъ писателей къ наблюденію за жизнью души своей и

---

[1]) См. 2-ое Приложеніе, «Матеріалы...», 35.

чужой,—и, въ результатѣ, ими былъ завоеванъ для литературы *внутренній міръ человѣка*. Конечно, съ расширеніемъ предѣловъ творчества, нужны были и новые пріемы, — и вотъ, мы видимъ, что, вмѣстѣ съ сентиментализмомъ былъ введенъ въ новую литературу *сознательный психологическій анализъ*. Разумѣется, для этого анализа не годился ходульный герой классической трагедіи, созданный искусственнымъ подборомъ подходящихъ качествъ,—нуженъ былъ человѣкъ, взятый изъ жизни, съ дѣйствительными достоинствами и недостатками.. Чтобы узнать такого человѣка, необходимо было наблюденіе надъ *дѣйствительною* жизнью, а чтобы правдиво изобразить живого, дѣйствительнаго человѣка, надо было воспроизвести литературнымъ путемъ реальную жизнь, — отсюда у писателей сентиментальной школы *сознательное стремленіекъ реализму творчества*.

Конечно, геніальные писатели всѣхъ вѣковъ не разъ блестящимъ образомъ разрѣшали обѣ эти задачи [1]), но для историка важно, что въ европейской литературѣ писатели сентиментальнаго направленія особенно настойчиво предложили ихъ, какъ необходимыя условія художественнаго творчества. Эти писатели первые сдѣлали серьезную попытку примѣнить новыя требованія къ своей дѣятельности и, въ результатѣ, оставили намъ образцы, правда, не удовлетворяющіе читателя нашихъ дней, избалованнаго блестящимъ расцвѣтомъ психологической и реальной литературы XIX вѣка, но восхитившіе читателя конца XVIII вѣка. Эти произведенія, съ нашей современной точки зрѣнія, блѣдны, слабы, даже смѣшны, но для своего времени были откровеніемъ, блестящимъ рѣшеніемъ новыхъ задачъ литературнаго искусства.

Насколько сильно у людей конца вѣка сказались психологическіе интересы, видно изъ того, что они овладѣли всѣми литературными жанрами: въ романѣ и драмѣ психологическій элементъ вытѣснилъ сложную фабулу, раньше составлявшую главный интересъ, и выдвинулъ на первый планъ анализъ личности героя; въ сентиментальной лирикѣ все вниманіе

[1]) Отсылка, между прочимъ, и преклоненіе «сентиментальныхъ» писателей, первъ Шекспиромъ.

устремилось на личность поэта, на подробнѣйшее раскрытіе его душевнаго міра; даже во многихъ мемуарахъ конца прошлаго вѣка безъ труда можно отыскать этотъ психологическій элементъ, — изъ лѣтописца авторъ мемуаровъ обращается въ психолога своей души: его «я» играетъ главную роль, теперь уже около него происходятъ событія, онъ уже не теряется, какъ прежде, въ жизни современниковъ...

«Письма русскаго путешественника» даютъ намъ цѣлый рядъ самыхъ любопытныхъ данныхъ для подтвержденія нашихъ словъ. Такъ мы знаемъ, что Карамзинъ, какъ всѣ сентиментальные писатели, любилъ внимательно приглядываться къ своей душѣ,—онъ дѣлалъ это съ цѣлью изучить свой внутренній міръ. Уже въ письмахъ къ Лафатеру сказалась вполнѣ опредѣленно эта мучительная жажда самопознанія: своимъ невѣдѣніемъ [1]) юноша томился давно и не зналъ, какъ выйти изъ своихъ «сомнѣній». Путешествіе было предпринято имъ, между прочимъ, именно съ цѣлью «познать себя»: онъ ждалъ массы разнообразныхъ впечатлѣній [2]), а потому старательно искалъ «занимательнаго для сердца» [3]), разсчитывая такимъ путемъ произвести рядъ экспериментовъ надъ своей душой. «Что человѣку занимательнѣе самого себя?»,—восклицаетъ онъ, обуреваемый желаніемъ узнать свою душу [4]).. Вотъ почему онъ отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ всякій разъ, когда испытывалъ какое-нибудь волненіе: эти волненія были «питательны для духа и сердца» юнаго путешественника [5]), — а книжка должна была служить «зеркаломъ души» во время его пути; «всѣмъ системическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ» предпочиталъ юноша подобныя «зеркала души» — «Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser» [6])...

Мы видѣли уже, насколько разнообразна и богата была у Карамзина «жизнь чувствомъ»: природа, искусства, гуманныя идеи, — все это волнуетъ нашего путешественника, все это настраиваетъ его на извѣстный ладъ, вызываетъ соотвѣтственныя отзвучія въ его чувствительной душѣ.

---

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Лафатеру», 26, 28, 30, 32, 34.
[2]) Карамзинъ, Соч., II, 149. [3]) Ibid., 159. [4]) Ibid., 790.
[5]) Ibid., 184. [6]) Ibid., 84.

Конечно, эта сложная «жизнь чувствомъ» изображена нашимъ писателемъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» не безсознательно, — нѣтъ, онъ наблюдалъ за собой зорко и каждый оттѣнокъ, каждое измѣненіе своего настроенія старался уловить, понять, опредѣлить его причины... Всѣ такія наблюденія надъ собственной душой почти всегда удаются Карамзину; къ тому же онъ безъ труда находитъ художественную форму для маскировки этихъ наблюденій, — и, въ результатѣ, передъ читателемъ всегда раскрыта душа юнаго путешественника, словно черезъ стекло виденъ его внутренній міръ... Намъ кажется сначала, что мы вполнѣ самостоятельно проникли въ сердце юноши, но стоитъ присмотрѣться хорошенько,—и мы увидимъ, что юный психологъ *самъ* раскрылъ себя передъ читателями, что онъ вникалъ въ свою внутреннюю жизнь раньше критика-біографа, — мы увидимъ, какъ онъ *старался*, чтобы всѣ поняли жизнь его сердца и какъ достигъ своего благодаря психическому самоанализу и удачной художественной формѣ, прикрывающей эту внутреннюю работу... Приведемъ нѣсколько образчиковъ такой психологической работы надъ собой: вотъ, напримѣръ, передъ нами одинокій юноша, оторванный отъ друзей, «осиротѣвшій въ мірѣ» [1]), разсказываетъ о своей грусти,—и въ разсказѣ его, дѣйствительно, дрожатъ слезы, и вполнѣ понятно намъ дѣлается то трудно: побѣдимое желаніе «выплакать сердце свое» [2]), которое испытывалъ онъ на первыхъ порахъ разлуки съ друзьями... Вотъ, передъ нами юноша-идеалистъ на могилѣ своего учителя Геллерта: полный свѣтлаго умиленія, весь отдавшійся внезапно воскресшимъ идеальнымъ мечтамъ, покоренный чистыми дѣтскими воспоминаніями, онъ испытываетъ возвышенный восторгъ въ своемъ сердцѣ при чтеніи трогательной надписи на монументѣ [3]).

Вотъ онъ, пораженный извѣстіемъ, что его друга нѣтъ въ Берлинѣ, потерялъ способность шумно выражать свое отчаяніе, и «въ самыхъ горестныхъ размышленіяхъ» идетъ «по берлинскимъ улицамъ», весь уйдя въ «меланхолическую за-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 2. [2]) Ibid., 3. [3]) Ibid., 121.

думчивость» [1]): «я самъ себѣ казался жалкимъ сиротою, бѣднымъ, нещастнымъ»,—разсказываетъ онъ.. Совсѣмъ иное настроеніе переживало его сердце, когда онъ въ записную книжку заносилъ, хотя-бы, слѣдующія строки: «Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе, миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселіе и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое и наслаждаются имъ!..» [2]) и т. д.—сердце его въ эти минуты, полное безмятежной, безоблачной радости, ликовало, пѣло чудную пѣснь юной жизни...

Впрочемъ, Карамзинъ иногда прямо даетъ понять читателю, что онъ присматривается къ своему внутреннему міру: онъ признается, напримѣръ, что «на самомъ себѣ испыталъ справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ...» Всѣ его заявленія, въ родѣ слѣдующихъ: «прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ», «осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ», разсказы о томъ, какое впечатлѣніе производятъ искусства на его настроеніе, какъ волнуетъ его природа, въ какое возбужденіе приходитъ онъ, когда проносятся въ его мозгу нѣкоторыя мысли,—все это нечаянно открывшіеся слѣды внутренней работы психологическаго самоанализа...

Не менѣе старательно всматривался Карамзинъ и въ чужую душу, и иногда ему удается прочесть ее, повидимому, вполнѣ вѣрно, подмѣтивъ «характерныя черты» [3]), «отличительные знаки людей, то, что, собственно называется характеромъ» [4]).. Стоитъ припомнить, хотя бы, посѣщеніе нашимъ путешественникомъ старика Вейсе, съ которымъ онъ познакомился еще на родинѣ по его сочиненіямъ [5]),—и мы, вслушиваясь въ разсказъ юноши, прослѣдимъ шагъ за шагомъ, какъ вчитывался онъ въ чужую душу и какъ кропотливо собиралъ интересныя для него данныя... Еще задолго до сви-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 58. [2]) Ibid., 108.
[3]) Ibid., 352. [4]) Ibid., 672. [5]) Ibid., 129.

данія онъ «съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ» Вейсе [1]), вѣроятно, стараясь составить себѣ о немъ заочное представленіе... Первое впечатлѣніе было очень благопріятно: «во всякой чертѣ лица его видна добрая душа...» [2]) — говоритъ нашъ физіогномистъ-психологъ. Далѣе изъ его разсказа нетрудно замѣтить, какъ это первое впечатлѣніе все подтверждалось новыми данными, уловленными его внимательнымъ взоромъ: Вейсе «обошелся со мною *ласково, сердечно и просто*», — новыя три характерныя черты подмѣчены Карамзинымъ. Нужно ихъ чѣмъ-нибудь доказать: «... жалѣлъ, что *я* пришелъ къ нему, а *не онъ* ко мнѣ — и въ такой жаръ...» [3]), — вотъ, характерный фактъ, дѣйствительно, подтверждающій и ласковость, и сердечность, и простоту Вейсе... Далѣе обратилъ вниманіе нашъ психологъ на то, что «Вейсе съ великою *скромностью* говоритъ о своихъ сочиненіяхъ; однакожь *безъ всякаго притворнаго смиренія*, которое для меня такъ же противно, какъ и самохвальство» [4]), — еще черта характера Вейсе подмѣчена Карамзинымъ и подмѣчена довольно тонко! — Далѣе: «съ какимъ чувствомъ описываетъ Вейсе семейственное свое щастье! «Благодарю Бога,—сказалъ онъ сквозь слезы,— благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать щастіе совершеннымъ, естьлибы Небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей не помогаетъ» [5])... Эта душевная кротость, мягкость, свѣтлый оптимизмъ поняты и оцѣнены Карамзинымъ,—и онъ считаетъ свой анализъ оконченнымъ, заявляя: «однимъ словомъ, естьли я любилъ Вейсе, какъ автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ, какъ человѣка...» [6]). Но не всѣ наблюденія были сдѣланы Карамзинымъ такъ легко: Кантъ, напримѣръ, совсѣмъ не поддался юному психологу и остался для него и для читателей «Писемъ» только «маленькимъ, худенькимъ старичкомъ, отмѣнно бѣлымъ и нѣжнымъ» [7]), очень вѣжливымъ, но такимъ же непроницаемымъ, какъ и его Метафизика [8])... Лафатера Карамзинъ тоже не смогъ разсмотрѣть

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 130. [2]) Ibid. [3]) Ibid. [4]) Ibid., 130—1.
[5]) Ibid., 131. [6]) Ibid., 131. [7]) Ibid., 29. [8]) Ibid., 32.

сразу: юноша представлялъ себѣ цюрихскаго мудреца иначе,— ждалъ, что, услышавъ имя Карамзина, тотъ бросится немедленно въ объятья къ своему юному московскому другу, — но этого совсѣмъ не случилось, и Карамзинъ увидѣлъ, что понять цюрихскаго мудреца — работа не одного дня: «вы, конечно, не потребуете, пишетъ онъ друзьямъ, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать *единственно* то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лицо, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительное или повелительное, происшедшее, конечно, отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія...» [1]). Изъ этой длинной выписки мы видимъ, какимъ труднымъ и медленнымъ путемъ добивался Карамзинъ проникновенія въ чужую душу: послѣ перваго дня знакомства съ Лафатеромъ нашъ путешественникъ рѣшился увѣренно говорить лишь о своихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, такъ какъ болѣе существенныя черты, подмѣченныя имъ у цюрихскаго мудреца, были для того невыгодны, а нашъ юноша, вообще, изъ принципа, не любившій осуждать людей, былъ къ тому же слишкомъ осторожнымъ, чтобы считать себя непогрѣшимымъ судьею людскихъ слабостей, — и вотъ, мы видимъ, что онъ не только не рѣшился подчеркивать несимпатичныхъ ему сторонъ Лафатеровой души, а, напротивъ, постарался найти для нихъ смягчающія объясненія: «признаюсь вамъ, друзья мои, говоритъ онъ, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія» [2]), — и сейчасъ же находитъ объясненіе этому не въ высокомѣріи или холодности Лафатера, а въ самомъ себѣ: онъ, оказывается, виноватъ самъ,— ждалъ пріема не по заслугамъ: «улыбнитесь про себя насчетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго и предайте забвенію слабость вашего друга...» [3])... Не поправи-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 215, 147. [2]) Ibid., 212. [3]) Ibid., 213.

лось ему и «нѣчто учительное и повелительное» въ тонѣ Лафатера, но юноша еще не рѣшился говорить о «самомнѣніи» Лафатера, а поспѣшилъ заявить, что эта докторальность, по его мнѣнію, произошла отъ «навыка говорить проповѣди» и, къ тому же, смягчалась «видомъ непритворной искренности и чистосердечія...» [1]). Стоитъ перечитать далѣе всѣ тѣ страницы «Писемъ», на которыхъ говорится о Лафатерѣ, — и мы увидимъ, что Карамзинъ заносилъ въ свою записную книжку лишь факты, дѣйствительно, сколько-нибудь характерные, которые хоть что-нибудь говорили ему о душѣ Лафатера... Гораздо легче было Карамзину распознать Боннета: «Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ — разсказываетъ нашъ путешественникъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною, какъ съ равнымъ себѣ, и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностью. *Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что всѣ учтивыя слова кажутся ему языкомъ сердца*» [2]). Стоило Карамзину добраться до этого послѣдняго заключенія, — и для него почти все было найдено: старикъ Боннетъ, довѣрчивый, добрый, простодушный, сразу освѣтился передъ нимъ съ такой симпатичной стороны, что дальнѣйшее наблюденіе за его душой, въ глазахъ Карамзина, повидимому, является уже лишнимъ... Послушаемъ, что сказалъ Карамзинъ о женѣ Боннета: «она также обласкала меня; и, между тѣмъ, какъ Боннетъ ѣлъ супъ, хвалила *тихонько* (Боннетъ плохо слышалъ) доброту его сердца... «О чемъ вы говорите?» спросилъ Боннетъ, перемѣнивъ тарелку. «*О хорошей погодѣ*», отвѣчала госпожа Боннетъ и утерла платкомъ глаза свои...» [3]). Очевидно, этотъ коротенькій эпизодъ показался характернымъ для Карамзина, если онъ занесъ его въ свою книжку, — и, дѣйствительно, въ этихъ немногихъ словахъ сказано очень многое: о цѣлой жизни, тихой, счастливой, о безоблачной любви двухъ состарившихся существъ, о предчувствіи скорой разлуки говорили эти слова...

Такихъ эпизодовъ, которыми можно доказать умѣнье Ка-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 215. [2]) Ibid., 339—40. [3]) Ibid., 351.

рамзина читать въ душѣ лицъ, попадавшихся ему на пути, можно набрать въ «Письмахъ» сколько угодно. Вотъ, напримѣръ, пріѣзжаетъ Карамзинъ въ трактиръ г. Мемеля... «Комната у меня чиста и свѣтла, разсказываетъ онъ, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, разсказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ, — о своемъ безкорыстіи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которые жили у меня—говорилъ онъ — были мною довольны. Я получаю, конечно, немного барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; да за то у меня совѣсть чиста и покойна, а у кого покойна совѣсть, тотъ щастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ». — Въ самую сію минуту грянулъ громъ,—и г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ...» [1]). Прошла гроза,—«солнце снова освѣтило небо и землю, а трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ покойную совѣсть...» [2]). Изъ этого короткаго разсказа мы видимъ, что лукавство г. Мемеля прекрасно понято нашимъ юношей. Такъ же удачно, безъ всякаго усилія, безъ всякихъ рѣзкихъ подчеркиваній, словно мимоходомъ, освѣщаетъ нашъ психологъ цѣлый рядъ человѣческихъ образовъ, промелькнувшихъ передъ нимъ во время путешествія [3]), почти всегда вѣрно схватывая все характерное изъ внѣшнихъ чертъ интереснаго для него человѣка, изъ бесѣды съ нимъ, изъ его поведенія...

Не только отдѣльныя личности бывали объектомъ наблюденій Карамзина,—иногда ему удается уловить настроеніе цѣлаго общества: такъ, напримѣръ, когда ему привелось быть свидѣтелемъ трогательнаго свиданія престарѣлыхъ родителей съ пропадавшими безъ вѣсти дѣтьми, нашъ путешественникъ внимательно всмотрѣлся въ очевидцевъ этого свиданія и удачно изобразилъ ихъ настроеніе: — «Глубокое молчаніе въ залѣ—всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку, и остался

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 115.) Ibid., 116.

[3]) Ibid., 6—7, 15—16, 22—7, 34, 37—8, 46, 48—9. 52—3, 58—9, 113, 118, 128, 142, 151, 162 и др.

неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу...» [1]). Карамзинъ во всемъ этомъ прочелъ «чувствительность людей» и своимъ любящимъ сердцемъ оцѣнилъ ту неожиданную вспышку симпатіи, съ которой не можетъ справиться никто и которая иногда освѣщаетъ людей, вообще равнодушныхъ... Душа «толпы» занимаетъ его не менѣе сильно, чѣмъ душа отдѣльнаго человѣка: онъ, напримѣръ, всматривается въ парижскую толпу и заноситъ въ свою записную книжку слѣдующее наблюденіе: «теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ француза, парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить» [2]),—и сейчасъ же припоминаются Карамзину «важные швейцары», наблюдая которыхъ, нашъ психологъ сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: «ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ!» [3]). Отъ такихъ наблюденій надъ толпой Карамзинъ переходитъ къ наблюденіямъ надъ цѣлою націею,—и вотъ получается, въ результатѣ, характеристика французовъ, англичанъ... [4])

Попадаются въ «Письмахъ» не только психологическія наблюденія надъ живыми людьми, но и возсозданіе психической жизни лицъ, давно сошедшихъ въ могилу... Для будущаго изслѣдователя «повѣстей» и «Исторіи Государства Россійскаго» очень важны эти психологическіе эскизы изъ исторіи: они говорятъ намъ о силѣ творчества Карамзина, о способности сживаться съ жизнью своихъ героевъ. Лучшимъ примѣромъ по-

[1]) Карамзинъ, Соч., II. 193. [2]) Ibid., 443. [3]) Ibid.
[4]) Ibid., 146—7, 771—782.

добнаго возсозданія чужого внутренняго міра, единственно при помощи творческой фантазіи, можетъ служить «Исторія Танкреда». Карамзинъ указалъ самъ, откуда онъ взялъ эту исторію: онъ прочелъ ее въ «Histoire de Tankrède» [1]). Эта небольшая книжечка представляетъ изъ себя сухой разсказъ о судьбѣ Танкреда: переданы только факты, безъ малѣйшаго старанія художественно воспроизвести несчастную жизнь героя. Карамзинъ воспользовался собранными фактами, освѣтилъ ихъ психологическимъ анализомъ, ввелъ разговоры, прибѣгъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ художественному вымыслу,— и получилась картинка, полная жизни... Приведемъ, хотя бы, слѣдующій примѣръ: какъ извѣстно, Танкредъ, юноша очень знатнаго рода, былъ отданъ на воспитаніе одному мѣщанину и выросъ у него, считая его за отца. Однажды юноша узнаетъ тайну своего происхожденія.—«Танкредъ услышалъ о своемъ родѣ, и казался равнодушнымъ; услышалъ о смерти отца своего, и пролилъ слезы; услышалъ о матери, объ ея нетерпѣніи видѣть милаго сына, и, схвативъ присланнаго за руку, сказалъ ему: «поѣдемъ къ ней!»,—увидѣлъ горесть воспитателя своего, горесть его жены и дѣтей, и бросился обнимать ихъ. «Никогда, никогда васъ не забуду!» сказалъ онъ съ нѣжностью: «никогда не перестану называть тебя отцемъ моимъ, тебя — матерью, васъ — братьями и сестрами! Теперь простите: если мнѣ хорошо будетъ въ Парижѣ, то я отпишу къ вамъ, чтобы и вы туда пріѣхали». Танкредъ поѣхалъ и всякую минуту спрашивалъ: «скоро ли увижу мать мою»? и т. д. [2])... Все это мѣсто, приведенное нами, — импровизація Карамзина, такъ какъ ничего подобнаго не нашли мы въ «Histoire de Tankrède» [3]).

Наконецъ, психологическія наблюденія иногда выражаются въ «Письмахъ» прямо въ видѣ теоретическихъ размышленій. «Въ человѣческой натурѣ — говоритъ нашъ юный психологъ, — есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привя-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 365. [2]) Ibid., 363.

[3]) Повидимому, многое должно быть отнесено къ области творчества, напримѣръ, и въ разсказѣ нашего путешественника о судьбѣ Бубенберговъ (Соч., II, 266).

зываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ, любовію къ новостямъ*, а другую *привычкой*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожъ, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ, или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша все то же, грубѣетъ въ чувствахъ и, наконецъ, засыпаетъ душею» [1]) и т. д. Весьма возможно, что подобное разсужденіе навѣяно было Карамзину со стороны, хотя мы этого утверждать не можемъ, за неимѣніемъ данныхъ, — но для насъ важенъ самый фактъ появленія въ русской литературѣ подобныхъ этюдовъ, какъ явленіе у насъ совершенно новое и, несомнѣнно, говорящее о психологическихъ интересахъ автора...

Что касается второй особенности сентиментальной литературы—*стремленія къ реализму творчестви*, то и она сказалась у Карамзина очень замѣтно. Конечно, нельзя отрицать присутствія реалистическихъ элементовъ и въ предшествовавшей ему литературѣ (напр., въ сатирѣ XVIII в., комедіи и пр.), но тамъ этотъ реализмъ совсѣмъ не имѣлъ самостоятельнаго значенія: онъ неизбѣжно вытекалъ изъ стремленія автора рѣзче подчеркнуть безобразіе какого-нубудь отрицательнаго явленія и немедленно испарялся, когда приходилось писателю браться за изображеніе положительной стороны жизни. Съ этимъ, такъ сказать, «тенденціознымъ» реализмомъ, ничего общаго не имѣетъ тотъ художественный реализмъ, начинателемъ котораго явился у насъ Карамзинъ: у него и его учениковъ реализмъ ихъ творчества стремился охватить *всю* жизнь человѣка,—и ея положительныя, и отрицательныя стороны... Притомъ это желаніе изобразить дѣйствительную жизнь было у Карамзина вполнѣ *сознательнымъ*, что видно изъ цѣлаго ряда данныхъ: главная заслуга *нѣмецкихъ* драматическихъ

[1]) Карамзинъ, Соч., 335.

авторовъ, по его мнѣнію, заключалась въ томъ, что они «представляютъ въ драмахъ своихъ *человѣка, каковъ онъ есть*» [1]); *англійскіе* романисты почитались имъ высоко за то, что «выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы, какъ *исторію жизни*» [2])... Вотъ именно это стремленіе, изобразить жизнь безъ всякихъ прикрасъ, воспроизвести художественнымъ путемъ *обыкновеннаго* человѣка, не героя, а простого смертнаго, съ его дѣйствительными достоинствами и недостатками— и было тѣмъ художественнымъ реализмомъ, передъ которымъ преклонялся Карамзинъ, за который онъ предпочиталъ въ литературѣ нѣмцевъ и англичанъ—французамъ, съ ихъ псевдоклассицизмомъ... Въ предисловіи ко второму изданію своихъ «Писемъ» Карамзинъ вполнѣ сознательно выступилъ на защиту этого реализма, выражавшагося въ стремленіи изобразить жизнь такой, какова она есть на самомъ дѣлѣ, со всѣми ея мелочами и обыденной обстановкой. «Много неважнаго и мелочи» находили въ «Письмахъ» нѣкоторые суровые критики, не пріученные псевдоклассиками къ «трактирнымъ счетамъ», къ «препирательствамъ у заставы», къ комическимъ происшествіямъ самаго обыденнаго свойства... Карамзинъ «согласился» съ справедливостью этого упрека, но, въ оправданіе свое, указалъ, что вина не его: жизнь полна мелочей, а вѣдь онъ — только художникъ жизни. «Естьли, говоритъ онъ, въ Ричардсоновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы—напримѣръ, что Грандисонъ всякій день пилъ два раза чай съ любезной Миссъ Биронъ, что Томъ Джонесъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ, то для чего-же и путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей?» [3])...

Мы имѣли уже случай въ предыдущей главѣ говорить о томъ, что Карамзинъ умѣлъ всматриваться въ дѣйствительную жизнь, подмѣчать всѣ особенности этой жизни, даже мелкія, но характерныя, — «Письма» доказываютъ, что онъ умѣлъ и воспроизводить эту жизнь чертами яркими, образами живыми... Передъ нами, при чтеніи «Писемъ», проносится цѣ-

---

[1]) Карамзинъ, Соч. II, 73. [2]) Ibid., 749. [3]) Предисл. къ изд. 1797 г., VI.

лый рядъ жанровыхъ картинокъ, набросанныхъ то спокойно, то съ легкой грустью, то съ веселымъ юморомъ... Жизнь запада, семейная, городская и общественная, цѣлыя группы людей и отдѣльныя лица, — все это, большею частью, очень удачно обрисовано Карамзинымъ, живетъ передъ нами, движется, быстро чередуясь одно за другимъ...

Пріемы, которыми пользовался Карамзинъ для болѣе реальнаго воспроизведенія дѣйствительности, различны въ зависимости отъ того, что́ онъ берется описывать. Когда ему приходится вырисовывать отдѣльную фигуру, и притомъ онъ хочетъ дать по возможности, полное воспроизведеніе реальности, онъ сознательно пользуется пріемомъ англійскихъ писателей вырисовывать *мелочи* [1]). Стернъ былъ большой искусникъ въ этомъ отношеніи, и мы находимъ въ «Письмахъ» нѣсколько сознательныхъ поддѣлокъ подъ стерновскую манеру выписывать детали... «Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, остановясь въ концѣ длинной липовой аллеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ тихомъ великолѣпіи сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазоревомъ небѣ и въ душѣ своей; и тростью своею провелъ на пескѣ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамѣ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. VI, chap. XXIV), говоря о пріятностяхъ свободы» [2]). Еще подобное же подражаніе находимъ мы въ слѣдующемъ мѣстѣ: «...тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Норикъ. — А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ, — старѣе меня пятью годами» — отвѣчала она, и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней рѣсницѣ лѣваго глаза* ея» [3])... Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ злоупотребленіемъ въ выписываніи деталей — это была слабость Стерна, подмѣченная Карамзинымъ, и въ видѣ пародіи имъ воспроизведенная, — но мы имѣемъ въ «Письмахъ» много случаевъ убѣдиться, что эта детальная вырисовка не разъ давала Карамзину

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 716. [2]) Ibid., 91. [3]) Ibid. II. 207.

возможность набросать, дѣйствительно, удачныя сценки и портреты... Приведемъ для примѣра, хотя-бы, граціозную картинку семейнаго счастья, картинку, на которой не остановилъ бы вниманія писатель-псевдоклассикъ и которая можетъ произвести желаемое впечатлѣніе только при самомъ внимательномъ къ ней отношеніи. «Уединенный домикъ съ садикомъ, недалеко отъ большой дороги, прельстилъ меня,—разсказываетъ нашъ путешественникъ,—и я пошелъ къ нему по узенькой тропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на травѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но, закричавъ: «это не онъ! это не Каспаръ!»,—побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минутъ черезъ пять мальчики выбѣжали, а за ними вышла женщина, лѣтъ въ тридцать, пріятная лицемъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ и смотрѣла съ улыбкою на играющихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ платкомъ, и они пустились, какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери и, закричавъ: «я первый!» — бросился цѣловать ее» [1])... Вся эта милая картинка состоитъ изъ деталей, мелочей, и всѣ, однако, имѣютъ, и смыслъ, и цѣну... Такая манера «выписывать» картину даетъ Карамзину возможность, напримѣръ, очень правдиво изобразить группу людей, повергнутыхъ въ полнѣйшее изумленіе неожиданностью: «...глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу» [2])... Иногда нашъ путешественникъ набрасываетъ, благодаря такой манерѣ письма, сценку, полную движенія. Напримѣръ, вмѣсто

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 169. [2]) Ibid., 197.

того, чтобы разсказать: въ комнату вошелъ незнакомецъ, взглянулъ на насъ и поздоровался съ хозяйкой — Карамзинъ представляетъ цѣлую сценку, въ которой всѣ дѣйствующія лица живутъ: «...черезъ полминуты вошелъ человѣкъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ, подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ — на француженку, занятую вечернимъ туалетомъ; на итальянца, разсматривавшаго мою дорожную ландкарту, и на меня, пившаго чай — скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго вечера, и, оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказалъ...» [1]), — дальше слѣдуетъ бесѣда между пріѣзжимъ и хозяйкой, бесѣда, занимающая почти шесть страницъ и записанная Карамзинымъ съ сохраненіемъ всѣхъ характерныхъ деталей... Подобныхъ примѣровъ сколько угодно можно найти въ «Письмахъ» [2]): они не бросаются въ глаза намъ только потому, что мы, люди XIX столѣтія, съ дѣтства пріучены уже къ этой манерѣ современной литературой,—и потому она не бьетъ намъ въ глаза.

Но не всегда Карамзинъ кропотливо выписываетъ детали... Когда ему приходится изображать стремительный потокъ человѣческой жизни или быстро смѣняющійся рядъ картинъ, онъ пишетъ широкою кистью, стараясь схватить лишь общее впечатлѣніе,—и тогда передъ нами живой волной, пестрой и шумной проносятся слегка очерченные образы, составляя въ нашемъ представленіи то, что мы называемъ «общимъ впечатлѣніемъ»... Этой манерой Карамзинъ пользовался такъ же сознательно, какъ и первой; объ этомъ мы можемъ заключить, хотя бы, изъ слѣдующихъ словъ: «мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долговременное пребываніе: *занимаясь частями, теряемъ чувство цѣлаго*. Свѣжее любопытство ловитъ главные отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что, при долгомъ, повторительномъ разсматриваніи, затемняется въ душѣ наблюдателя» [3])... Вотъ, напримѣръ, описаніе старыхъ парижскихъ

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 22. [2]) Напр., ibid., 21, 41, 56, 114 и др.
[3]) Ibid., II, 672.

бульваровъ: «...видите предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностью для занятія праздности — здѣсь комедія, тутъ опера; здѣсь блестящіе таланты, тутъ гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшанный зелеными гирляндами, тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькій пріятный лѣсочекъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая нимфа, или какой-нибудь фигляръ забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются вамъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы американскія, звѣри африканскіе, колибри и страусы, тигры и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирцея, смотритъ на васъ томными глазами, кладетъ руку на сердце и, видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говоритъ со вздохомъ: «нечувствительный! жестокій!»—тутъ молодой растрепанный франтъ встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно напудреннымъ петиметромъ, смотритъ на него съ усмѣшкой и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ, характерныхъ чертахъ — и, наконецъ, маршируетъ отрядъ національной гвардіи...» [1]).

Эта пестрота, сутолока парижской уличной жизни изображена весьма удачно: даже при чтеніи у читателя пестритъ въ глазахъ отъ этого обилія разноцвѣтныхъ образовъ, быстрою вереницею несущихся одинъ за другимъ... Реальность изображенія выигрываетъ особенно отъ того, что авторъ детально обрисовалъ нѣсколько фигуръ, выхвативъ ихъ изъ массы слегка очерченныхъ образовъ: какъ правдиво набросанъ, напримѣръ, этотъ молодой растрепанный франтъ, съ усмѣшкою глядящій на пожилого нѣжно-напудреннаго петиметра!.. Приведемъ еще описаніе Палерояля: «вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ про-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 450.

изведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда-нибудь царская пышность украшалась; все, изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!.. И все это для привлеченія глазъ разложено прекраснѣйшимъ образомъ и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. Вообразите себѣ множество людей, которые тѣснятся въ сихъ галлереяхъ, и ходятъ и взадъ, и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! Тутъ видите вы и кофейные дома, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи...»[1]). Въ этомъ описаніи мы не видимъ медленной работы съ микроскопомъ — авторъ торопится сразу охватить массу впечатлѣній, сверкающихъ, шумныхъ, перебиваемыхъ одно другимъ,— и собрать все это въ рамки одной картины; частности, мелочи отброшены имъ: «чувство цѣлаго» — вотъ, что онъ хочетъ передать своему читателю...

Литературнымъ новшествомъ въ «Письмахъ» были также искры того *«юмора»*, которымъ проникнуты нѣкоторыя страницы и строчки въ произведеніи Карамзина. Русскіе читатели знали въ литературѣ смѣхъ веселый, «въ улыбательномъ родѣ», знали смѣхъ и гнѣвный, смѣхъ серьезныхъ сатириковъ XVIII вѣка,—но не знали они еще смѣха, скрывающаго внутреннія слезы, смѣха, освѣщеннаго теплой любовью къ человѣчеству... Карамзинъ *первый* у насъ засмѣялся такимъ смѣхомъ. Прекраснодушный юноша, пропитанный высокими мечтами, онъ летѣлъ на западъ, въ надеждѣ напиться идеализма изъ самаго его источника,— и вдругъ натолкнулся на массу явленій, смѣшныхъ и своею мелочностью, и пошлостью... Едва-ли онъ, отправляясь, въ путь, разсчитывалъ на то, что ему придется не разъ смѣяться надъ многимъ въ обѣтованной странѣ! А разъ пришлось ему смѣяться, то, конечно, нетрудно опредѣлить, каковъ будетъ этотъ смѣхъ у юноши, который въ одно время можетъ «и смѣяться, и жалѣть» того[2]), кто вызывалъ этотъ смѣхъ, — это будетъ именно стерновскій смѣхъ съ невидимыми слезами... Вотъ почему мы часто услы-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 141—2. [2]) Ibid., 46.

шимъ отъ нашего юноши послѣ самаго, повидимому, веселаго разсказа, гоголевское: «скучно жить на божьемъ свѣтѣ, господа!» [1])... Въ Германію, напримѣръ, онъ стремился, очевидно, идеализировавъ ее, — и вдругъ наткнулся на массу пошлости: вмѣсто людей, онъ частенько встрѣчалъ карикатуры на людей [2]), — немудрено, что ему было часто «очень скучно» [3])...

Не менѣе интересенъ также и вопросъ о литературномъ составѣ «Писемъ». Въ этомъ отношеніи у насъ Карамзинъ былъ тоже новаторомъ: въ эпоху классицизма, когда и мысли, и чувства сковывались въ узкія рамки условныхъ «правилъ» и приличій, не было у насъ ни одного произведенія, въ которомъ бы такъ полно отразилась жизнь человѣческая во всемъ ея разнообразіи, какъ въ «Письмахъ» Карамзина: смѣхъ и слезы, мечты и дѣйствительность, жизнь внѣшняя и внутренняя, — все это, составляющее содержаніе дѣйствительной человѣческой жизни, нашло выраженіе въ «Письмахъ», умѣстилось на страницахъ этого произведенія... Оттого и составъ «Писемъ» отличается большимъ разнообразіемъ: шумная жизнь городовъ, картины мирной природы, комическій эпизодъ, выраженіе своихъ чувствъ, идиллія изъ дѣтской жизни, яркая страница изъ исторіи, отвлеченная мысль, — все это входитъ въ составъ «Писемъ».

Живое увлекательное повѣствованіе у Карамзина часто смѣняется описаніемъ природы, нерѣдко онъ дѣлаетъ лирическое отступленіе или вводитъ разсужденіе... Надъ «Письмами» не тяготѣетъ никакихъ правилъ,—Карамзинъ до такой степени хозяинъ своего произведенія, что варіируетъ составные его элементы съ легкостью, почти непримѣтной для глаза. Это разнообразіе состава «Писемъ» позволяетъ намъ видѣть въ нихъ соединеніе элементовъ *лирическаго, описательнаго, повѣствовательнаго* и *разсужденія*.

Останавливаться подробно на разсмотрѣніи *лирическаго* элемента мы не будемъ, такъ какъ уже говорили выше не разъ о томъ, какъ выразилась въ произведеніи Карамзина жизнь его

[1]) Напр., ibid., 27, 316, (ср. 380). 428 и др.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 41. [3]) Ibid.

чувства,—объ этой жизни говоритъ онъ очень много и часто, давая о ней понятіе читателю то въ нѣсколькихъ строчкахъ [1]), то цѣлыя страницы отводя на лирическія отступленія [2])... Иногда эти отступленія принимаютъ характеръ небольшихъ «стихотвореній въ прозѣ», литературной формы, до Карамзина не имѣвшей въ русской литературѣ правъ гражданства...

Не разъ говорено было нами выше и объ *описаніяхъ*, входящихъ въ «Письма»; цѣлый рядъ примѣровъ уже приведенъ нами въ предыдущей главѣ, когда мы говорили о способности Карамзина относиться внимательно къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра.

По характеру своему описанія эти распадаются на двѣ группы,—къ одной относятся такія, которыя отличаются бо́льшей или меньшей примѣсью субъективизма, къ другой — совершенно объективныя. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, главнымъ образомъ, съ изображеніемъ настроенія Карамзина, создавшагося подъ вліяніемъ какой-нибудь картины, во второмъ — мы имѣемъ дѣло съ объективнымъ художественнымъ воспроизведеніемъ явленія или событія внѣшняго міра. Правда, Карамзинъ рѣдко могъ удержаться отъ того, чтобы послѣ подобной картины не сказать, какое впечатлѣніе произвела она на его душу, — но, тѣмъ не менѣе, въ этихъ случаяхъ самонаблюденіе не слилось у него съ художественными изображеніями дѣйствительности, и потому они оказались свободными отъ неумѣстнаго лиризма.

Какъ наиболѣе яркій примѣръ описанія, съ сильною окраскою субъективизма, можно привести уже не разъ нами цитованныя строки: «какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность...» [3]) и т. д. Здѣсь параллельно идетъ описаніе пейзажа и тѣхъ чувствъ, которыя волновали душу Карамзина,— въ результатѣ, эта примѣсь лиризма мѣшаетъ ему дать кар-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 2—3, 106, 129, 177, 261, 332, 337 и др.
[2]) Ibid., 107, 108—9, 135, 203—5, 216, 270 и др. [3]) Ibid., 108.

тину колоритную, художественную... Гораздо интереснѣе поэтому для насъ тѣ описанія, которыя набросаны объективно, въ которыхъ дѣйствительность выступаетъ на первый планъ. Подобныхъ описаній можно немало найти въ «Письмахъ»,—и, перечитывая ихъ, нельзя не признать въ Карамзинѣ способности художественно воспроизводить внѣшній міръ. Конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ среди этихъ «объективныхъ» описаній занимаетъ «Рейнскій водопадъ», попадающій даже въ хрестоматіи нашихъ дней, въ качествѣ классическаго образца: «...теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію и, наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и, въ паденіи своемъ, превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли...» [1]) и т. д. Или, вотъ, описаніе долины Гасли: «...для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая, въ видѣ прекраснѣйшаго, цвѣтущаго сада, представилась глазамъ моимъ, между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ними маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ—рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ и съ серебряной пѣной текущихъ по бархатной муравѣ...» [2]) и т. д. Въ нѣсколькихъ строкахъ набрасываетъ онъ унылый пейзажъ горныхъ вершинъ, мертвыхъ, холодныхъ, нѣмыхъ: «...нельзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земного творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни—нѣтъ ни деревъ, ни травъ, — гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ. Иногда надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь вели-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 226. [2]) Ibid., 280.

чайшая изъ птицъ, Альпійскій орелъ» [1])... Этотъ орелъ, заканчивающій собою пейзажъ, не нарушаетъ его характера: величественная птица, одинокая среди голыхъ утесовъ, царящая безраздѣльно среди этихъ мертвыхъ высотъ, до которыхъ не доходитъ жизнь—это очень удачно вставленная въ картину фигура, еще болѣе сгущающая тоскливое чувство одиночества... Такъ же удачно набросанъ Карамзинымъ ночной видъ на Юнгфрау: «свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, вызвышаетъ густую зелень сосенъ и блистаетъ на вершинѣ Юнгферы, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные, составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земного творенія!» [2])... Иногда въ нѣсколькихъ строчкахъ набрасываетъ Карамзинъ небольшой эскизъ съ натуры, и изъ этихъ немногихъ словъ часто выходитъ картинка, вполнѣ законченная: «...луна взошла надъ нами; ясный свѣтъ ея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упитанъ былъ благовонными испареніями липъ—... мать-Природа дышала ароматами вокругъ меня» [3])...

Всѣ подобныя описанія были тоже новостью для русской публики: напрасно станемъ мы искать въ докарамзинской литературѣ такое полное и глубокое пониманіе красотъ природы и такое художественное воспроизведеніе ихъ. Эти описанія, составляющія неизмѣнную принадлежность современной намъ литературы, введены въ общее пользованіе сентиментальными писателями. И мы знаемъ, что нашъ Карамзинъ вполнѣ сознательно относился къ этому нововведенію: въ «Письмахъ» мы найдемъ прямое указаніе на источникъ, изъ котораго почерпнулъ нашъ путешественникъ свою манеру описывать природу: «литтература Англичанъ, говоритъ онъ, по-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 276. [2]) Ibid., 269. [3]) Ibid., 78.

добно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности*, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество *живописной* поэзіи (poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать *самыя мелкія черты* въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ натуры. Сенъ-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей поэмѣ кажется мнѣ парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ-нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ...» [1]). Весьма возможно, что эти строки были написаны Карамзинымъ въ 1801 г., но, несомнѣнно, и раньше симпатіи его всегда были на сторонѣ англо-нѣмецкихъ пріемовъ живописать природу. Въ «Письмахъ» мы имѣемъ образцы и старой «классической» манеры описывать пейзажи: таково описаніе Виндзорскаго парка, переведенное изъ Попа [2]), таково описаніе Версаля и Марли, написанное Делилемъ [3])... Стоитъ сравнить, хотя бы, слова Попа: «Здѣсь являются боги во всемъ своемъ великолѣпіи; здѣсь Панъ окруженъ безчисленными стадами, Помона разсыпаетъ плоды свои, Флора цвѣтитъ луга, и дары Цереры волнуются, какъ необозримое море...» [4]) — съ тѣми описаніями, которыя мы встрѣчаемъ у Томсона, Карамзина — и мы поймемъ, въ чемъ было главное отличіе новой манеры письма: писатели сентиментальной школы описывали только свои зрительныя и слуховыя впечатлѣнія, срисовывая пейзажи съ натуры, «классики» же были до такой степени въ зависимости отъ вліяній классическаго міра, понимаемаго къ тому же очень узко, что живое, непосредственное отношеніе къ природѣ у нихъ трудно разсмо-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 746.
[2]) Ibid., 712—4.
[3]) Ibid., 601—2, 617—8.
[4]) Ibid., 712.

трѣть изъ-за цѣлаго слоя олицетвореній, изъ-за вѣчныхъ обращеній къ образамъ, сравненіямъ, даже эпитетамъ классической литературы... Лучшимъ выраженіемъ отношенія классицизма XVII вѣка къ природѣ служатъ такъ называемые «французскіе» сады. «Среди этой искусственной, манерной, искаженной природы, говоритъ о нихъ Бизэ, размѣщалась вся соединенная греческая миѳологія; весь аппаратъ Олимпа былъ приведенъ въ движеніе, чтобы наполнить зеленыя ниши и стѣны...» и т. д. [1]).

Нашъ юный путешественникъ не такъ относился къ природѣ,—онъ съ любовью наблюдалъ ея дѣйствительную жизнь, онъ «изучалъ» ее, такъ какъ, по его собственному признанію, онъ искалъ «отличительныхъ знаковъ» не только *людей*, но и *мѣста* [2]), всегда старался уяснить себѣ *«характеръ»* [3]) того пейзажа, который былъ передъ его глазами. И, думается намъ, эта трудная задача, блестяще выполненная лишь въ нашемъ столѣтіи, — въ лицѣ Карамзина встрѣтила человѣка, который подошелъ очень близко къ ея разрѣшенію... Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ сравнить, хотя бы, нѣмецкіе пейзажи въ «Письмахъ» съ швейцарскими, стоитъ припомнить легкій набросокъ природы южной Франціи, — и мы безъ труда признаемъ, что couleur locale, которому такъ повезло въ XIX столѣтіи, въ Карамзинѣ нашелъ у насъ одного изъ первыхъ провозвѣстниковъ... Припомнимъ, для примѣра, маленькую картинку *русской* весны, характеръ которой Карамзинъ противопоставляетъ характеру весны *французской*: «бѣлая одежда зимы, наконецъ, утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, — и звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной... рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и

[1]) Бизэ, «Историческое развитіе чувства природы», 218. Объ отношеніи *французскаго* міра къ природѣ, см. тамъ же: 16, 18—9 и др. и подробнѣе: его-же «Die Entwickelung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern» (Kiel, 1882—4). [2]) Карамзинъ, Соч., II, 672. [3]) Ibid.

*

дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи...» [1]). За эту пѣснь жаворонка, блѣдную зелень русскихъ березъ, и, особенно, за ароматъ черемухи — мы прощаемъ Карамзину нѣсколько напыщенный тонъ описанія, прощаемъ «участіе Зефира» и, присутствіе нѣкоторыхъ другихъ осадковъ старой школы письма, — несомнѣнно, Карамзинъ живо сумѣлъ уловить характерные признаки именно *русской* весны, понялъ couleur locale и нашелъ ему выраженіе въ своемъ произведеніи...

Повѣствовательный элементъ въ «Письмахъ» очень значителенъ; остановиться на немъ подольше слѣдуетъ, особенно въ виду будущей дѣятельности Карамзина, какъ автора повѣстей и «Исторіи Государства Россійскаго»... Поэтому мы прямо обратимся къ тѣмъ «вставнымъ» эпизодамъ-повѣстямъ, которыхъ можно немало насчитать въ «Письмахъ».

Эти повѣсти-анекдоты распадаются, по своему характеру, на *юмористическія*, *сентиментальныя* и *историческія*... Первыя были результатомъ внимательнаго отношенія Карамзина къ впечатлѣніямъ реальной жизни, — поэтому, конечно, они отличаются бо́льшею жизненностью, чѣмъ, напримѣръ, сентиментальныя, герои которыхъ, вслѣдствіе стремленія автора къ идеализаціи, оторваны отъ реальной жизни и приподняты надъ землей...

Изъ наиболѣе удачныхъ «юмористическихъ» повѣстей-анекдотовъ мы назовемъ, хотя-бы, слѣдующія: «бесѣда двухъ нѣмцевъ», [2]), «прусскій поручикъ» [3]), «нѣмецкій студентъ со шпорами» [4]), «берлинскій трактирщикъ Блумъ» [5]), «студентъ и магистръ» [6]), «приключеніе датчанина Б*» [7]), «оперное знакомство» [8])... Изъ «сентиментальныхъ» повѣстушекъ наиболѣе интересными надо назвать: «повѣсть о графѣ Глейхенѣ» [9]), «встрѣча кавалера св. Людовика со своими дѣтьми [10]). «гибель Леонарда и Амаліи» [11]), «сельская свадьба» [12]), «по-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 590—1. [2]) Ibid., 15. [3]) Ibid., 22.
[4]) Ibid., 53. [5]) Ibid., 59. [6]) Ibid., 113. [7]) Ibid., 410.
[8]) Ibid., 538. [9]) Ibid., 156. [10]) Ibid., 196. [11]) Ibid., 266.
[12]) Ibid., 283.

вѣсть о прекрасной женѣ [1]), «бракосочетаніе дѣвицы Галлеръ» [2]), «письмо датчанина Б*» [3]) «смерть аббата Н*» [4]), «гибель Лизеты и Жана» [5]), «повѣсть объ Амандусѣ и Амандѣ» [6]), «смерть Фальдони и Терезы» [7]), встрѣча со старухой въ Булонскомъ лѣсу» [8]), «источникъ любви въ Парижѣ» [9]), «смерть лорда О*» [10]), «встрѣча съ нищимъ» [11]) и нѣсколько другихъ...

Къ «историческимъ» повѣстямъ относимъ мы, напримѣръ; «смерть Клейста» [12]), «исторію жизни Шрепфера» [13]), «заговоръ въ Базелѣ» [14]), «гибель рода Бубенберговъ» [15]), «гибель Карла Бургундскаго» [16]), «исторію Танкреда» [17]), содержаніе оперы «Петръ Великій» [18]), разсказъ о «Желѣзной Маскѣ» [19]), «жизнь Лебрюнь» [20]) и др.

О повѣстяхъ перваго рода говорить много не приходится: мы имѣли уже случай указывать на присущую Карамзину способность внимательно относиться къ жизни и схватывать ея проявленія не только положительнаго характера, но и отрицательнаго; въ указанныхъ нами повѣстяхъ-анекдотахъ выразилась опредѣленно эта способность Карамзина освѣщать живымъ, симпатичнымъ юморомъ все то, что не могло умилить его идеально-настроенной души...

Что-же касается до повѣстей «сентиментальныхъ», то на нихъ стоитъ остановиться нѣсколько времени... Нѣкоторыя изъ нихъ своимъ содержаніемъ обязаны случаямъ, дѣйствительно, происшедшимъ на глазахъ Карамзина, другія переданы имъ, такъ сказать, съ чужого голоса, будучи взяты имъ изъ слышанныхъ повѣствованій, или изъ литературныхъ произведеній... Оттого, по характеру своему, эти повѣсти замѣтно распадаются на двѣ группы: въ произведеніяхъ первой преобладаетъ чувство, болѣе искреннее и правдивое, во второй — иногда мелькаетъ, какъ будто, не совсѣмъ правдивое

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 289. [2]) Ibid., 329. [3]) Ibid., 355. [4]) Ibid., 375.
[5]) Ibid., 389. [6]) Ibid., 424. [7]) Ibid., 425. [8]) Ibid., 491.
[9]) Ibid., 526. [10]) Ibid., 666. [11]) Ibid., 734. [12]) Ibid., 70—71.
[13]) Ibid., 174. [14]) Ibid., 198. [15]) Ibid., 215. [16]) Ibid., 294.
[17]) Ibid., 362. [18]) Ibid., 480. [19]) Ibid., 557. [20]) Ibid., 561.

«сентиментальное» освѣщеніе, отзвукъ чужого волненія, чужихъ встревоженныхъ чувствъ...

Образчикомъ повѣстей первой группы мы назовемъ, напримѣръ, «встрѣчу кавалера св. Людовика со своими дѣтьми». Содержаніе этого небольшого разсказа несложно: въ Базелѣ, за табль-д-отомъ, Карамзинъ обратилъ вниманіе на двухъ престарѣлыхъ супруговъ, очевидно, знатнаго происхожденія. «На лицахъ ихъ изображались горесть и блѣдность изнеможенія» [1]); они не принимали участія въ общемъ разговорѣ, сидѣли въ сторонѣ и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза» [2]). Вдругъ, къ концу обѣда, вошли въ комнату молодой человѣкъ съ дѣвицей,—и, едва старики увидали ихъ, а молодые—стариковъ, какъ и тѣ, и другіе бросились обнимать другъ друга... Оказалось, что старики были знатные эмигранты, бѣжавшіе отъ революціи, а молодые люди были ихъ дѣтьми; разлучившись съ ними во время бѣгства, старики очень безпокоились объ ихъ участи... Трогательная картина старца, обнимающаго своихъ дѣтей, и рѣчь его, нѣсколько, на современный взглядъ, театральная, обращенная къ зрителямъ его радости: «Простите, государи мои, простите радостному испуленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ... Мы лишились своего имѣнія и отечества; но, когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе!» [3])—должна была произвести на чувствительнаго Карамзина огромное впечатлѣніе; — и, дѣйствительно, описывая, какъ всѣ присутствующіе вдругъ замолкли при этомъ трогательномъ зрѣлищѣ свиданія родителей съ дѣтьми, онъ восклицаетъ: «ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга!» [4])... Что Карамзинъ, дѣйствительно, пережилъ чувства, о которыхъ говоритъ, въ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 197. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 198.
[4]) Ibid., 197.

этомъ сомнѣваться нельзя: слишкомъ отзывчиво было его хорошее, чувствительное сердце на подобныя впечатлѣнія, но что на приведенной нами повѣсти изъ «Писемъ» видна литературная отдѣлка, — тоже несомнѣнно: передъ нами не простая передача видѣннаго и слышаннаго, — передъ нами небольшое литературное произведеніе, съ нѣсколько выправленными рѣчами дѣйствующихъ лицъ, съ замѣтной тенденціей автора подчеркнуть хорошія черты человѣчества: съ одной стороны любовь родительскую и сыновью, — съ другой — ничѣмъ непобѣдимую силу любви къ человѣчеству, любви, присущей всѣмъ людямъ...

Типичной повѣстью другой группы можно назвать «повѣсть объ Амандусѣ и Амандѣ» [1]). Карамзинъ познакомился съ этой повѣстью изъ сочиненія Стерна «Тристрамъ Шанди» [2]),— и, проѣзжая черезъ Ліонъ, рѣшился поискать могилу несчастныхъ любовниковъ. Содержаніе этой повѣстушки, разсказанной Карамзинымъ «съ чужого голоса», слѣдующее: нѣжный Амандусъ по волѣ злого рока былъ разлученъ съ нѣжной Амандой, скитался вокругъ свѣта, двадцать лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, отвергая любовь Марокской принцессы. Аманда въ эти 20 лѣтъ, босая, съ распущенными волосами обходила «всю Европу, Азію, Африку», съ горестными воплями: «Амандусъ! Амандусъ!» [3]). И вотъ, послѣ 30 лѣтъ разлуки, они свидѣлись въ Ліонѣ, «обнялись и упали мертвые — душа ихъ на крыльяхъ радости улетѣла на небо!» [4])... Стернъ искалъ ихъ могилу и, опредѣливъ ее приблизительно, воскликнулъ: «нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно, давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; пріимите ихъ отъ чувствительнаго сердца!». Карамзинъ тоже попробовалъ поискать могилу любовниковъ, но и онъ не нашелъ ея: «увы! и я не могъ найти ея! — восклицаетъ онъ,—спрашивалъ—но французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности!» [5]). Уже изъ одного пересказа этого произведенія можно видѣть, что чувство Карамзина не было особенно глубоко за-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 424. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 424.
[4]) Ibid., 424. [5]) Ibid.

тронуто исторіей двухъ вѣрныхъ любовниковъ, такъ какъ она, взятая изъ вторыхъ рукъ, теряла для Карамзина значительную долю аромата реальности... Какъ воспитанникъ идеалистической сентиментальной литературы, Карамзинъ естественно, искалъ въ жизни все, что могло бы поддержать его идеалистическое воззрѣніе на жизнь, а потому онъ счелъ долгомъ остановиться на этомъ разительномъ примѣрѣ любви, уже указанномъ другими и подтверждавшемъ его вѣру въ людей, — но, едва-ли это повтореніе Стерна было слѣдствіемъ движенія его души... Самая фраза: «французы думають нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности!» — фраза, много пищи давшая для остроумія литературныхъ враговъ Карамзина, тоже, можетъ быть, шла не прямо изъ сердца Карамзина, а отчасти была «общимъ мѣстомъ» сентиментальной литературы, соблюденіемъ «приличія»: «прекраснодушный» юноша *долженъ* былъ выразить свое сочувствіе при воспоминаніи о вѣчной чистой любви Амандуса и Аманды, — онъ *долженъ* былъ пойти поклониться праху этихъ «идеальныхъ людей», долженъ былъ выразить свое неудовольствіе при видѣ того, какъ вѣчное-прекрасное забывается ради временнаго-мелкаго, часто пошлаго...

Наконецъ, среди этихъ «сентиментальныхъ» повѣстей можно найти и такія, которыя занимаютъ среднее мѣсто между двумя означенными группами: содержаніемъ своимъ онѣ обязаны фактамъ, дѣйствительно, случившимся во время путешествія Карамзина, но освѣщеніе онѣ заимствовали цѣликомъ изъ тѣхъ сентиментальныхъ произведеній, въ которыхъ подобные факты уже изображались. Къ такимъ повѣстямъ надо отнести, напримѣръ: «встрѣчу Карамзина со старухой въ Булонскомъ лѣсу» [1]), «встрѣчу Карамзина съ нищимъ» и нѣкоторыя [2]) другія въ этомъ же родѣ...

Всѣ эти встрѣчи съ «нищими», «калѣками», несчастными — сдѣлались «общимъ мѣстомъ» сентиментальныхъ произведеній, особенно путешествій: почти нѣтъ ни одного, въ которомъ-бы авторъ не растратилъ значительной доли сочувствія къ

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 491. [2]) Ibid., 734.

этимъ людямъ, жертвамъ рока или человѣческой жестокости... Встрѣчаются подобныя происшествія и у Карамзина, — и онъ, блестяще доказавшій свою способность всматриваться въ жизнь, безъ прикрасъ, въ этихъ случаяхъ часто терялъ власть надъ собой и подчинялся манерѣ сентиментальнаго письма—опять шли «общія мѣста», тѣ же эпитеты, тѣ же восклицанія, тѣ же мысли, что высказывались другими сентиментальными писателями... Въ этомъ отношеніи нашъ Карамзинъ только повторялъ своихъ учителей: отдаваясь порой живымъ впечатлѣніямъ реальности, сознательно исповѣдуя литературный реализмъ, они, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, цѣликомъ были во власти своей мечты, идеализирующей дѣйствительность до неузнаваемости... Только послѣдующія поколѣнія литераторовъ сумѣли освободиться отъ этой фальши сентиментальныхъ писателей, удержавъ завѣщанный ими реализмъ...

«Историческія» повѣсти заслуживаютъ не менѣе внимательнаго къ нимъ отношенія... Онѣ тоже распадаются на двѣ группы: къ одной мы отнесемъ сухіе пересказы прочитаннаго или слышаннаго Карамзинымъ; часто это просто перифразы изъ какихъ-нибудь путеводителей,—о нихъ говорить долго не приходится. Ко второй группѣ мы относимъ такіе историческіе разсказы, которые являются результатомъ художественнаго вдохновенія Карамзина на какую-нибудь историческую тему...

Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ произведеній второй группы можно считать разсказъ о судьбѣ Танкреда [1])—произведеніе, въ значительной своей части, представляющее изъ себя плодъ творческой фантазіи Карамзина [2]). Не менѣе интересенъ другой разсказъ — о походѣ и сраженіи Карла Бургундскаго... Рѣшительно скажемъ, что, навѣрно, оригиналъ этого разсказа, давшій пищу для художественнаго творчества Карамзина — былъ блѣднѣе, суше картины, написанной нашимъ путешественникомъ: «...Двинулось его воинство, разноцвѣтныя знамена возвѣялись, и земля застонала подъ тяжестью его огнестрѣльныхъ орудій! Уже полки бургундскіе во много-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 362. [2]) См. подробнѣе выше на стр. 485—6.

численныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муртенскаго озера, и Карлъ, завистливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ * (* посредствомъ сигналовъ) разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставивъ хижины и стада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились и, при гласѣ трубъ, и, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздававшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ... Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары, сквозь дымъ и мракъ, ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и ряды ихъ исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою» [1])... Можно думать, что эта блестящая картинка, богатая образами, написанная стилемъ яркимъ, энергичнымъ — не пересказъ какого-нибудь историческаго сочиненія, а плодъ творчества Карамзина, разыгравшагося, подъ впечатлѣніемъ разсказа швейцарскаго кучера, провозившаго Карамзина мимо мѣста пораженія Карла [2]).

Всѣ эти вводныя повѣстушки въ исторіи литературной жизни Карамзина—явленія въ высокой степени важныя: въ нихъ мы ясно видимъ зачатки будущихъ трудовъ его надъ повѣстями, въ родѣ «Бѣдной Лизы», «Натальи», «Марѳы Посадницы», и надъ «Исторіей Государства Россійскаго»... Важны эти вставныя повѣсти, особенно «сентиментальныя», также и потому, что сыграли, несомнѣнно, большую роль въ исторіи европейскаго романа вообще, а русскаго въ частности... Судьбѣ было угодно, чтобы сентиментализмъ впервые ярко и сознательно выразился въ произведеніи Стерна: «Сентиментальное путешествіе»,—между тѣмъ, Стернъ первый прибѣгъ къ такимъ вводнымъ повѣстушкамъ: онѣ нужны были ему, какъ иллюстраціи для изображенія жизни своего сердца... «Путешествію» его повезло: во всей Европѣ стали этому произведенію усердно подражать,—и вотъ, «вводныя» повѣсти стали появляться и у другихъ «сентиментальныхъ» путешествии-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 294. [2]) Ibid., 294—5.

ковъ; эти повѣсти переживаютъ своего рода эволюцію: сначала краткія, имѣющія видъ, скорѣе, анекдота, онѣ, съ теченіемъ времени, все растутъ и все болѣе отрываются отъ содержанія «путешествія»,—еще одинъ шагъ—и появляется самостоятельная сентиментальная повѣсть, страницъ въ 20—30, ничего общаго не имѣющая ни по содержанію, ни по характеру съ типичнымъ произведеніемъ предыдущей эпохи — многотомнымъ романомъ «приключеній»... Если эта эволюція едва-ли можетъ быть вполнѣ убѣдительно доказана въ примѣненіи къ дѣятельности Карамзина, такъ какъ у него были уже готовые образцы и для «вводныхъ» повѣстей, и для «самостоятельныхъ», — то историкъ литературной дѣятельности Карамзина всетаки долженъ указать на возможные корни его будущихъ произведеній [1])...

«Эпистолярная» форма, которую выбралъ Карамзинъ для описанія своего путешествія, въ XVIII в. была одной изъ наиболѣе излюбленныхъ: «въ письмахъ» описывались не только путешествія, но сочинялись и многотомные романы. Конечно, и сентиментальные писатели, особенно «путешественники» охотно пользовались этой формой, какъ особенно удобной для анализа своей и чужой души.. Въ самомъ дѣлѣ, если *романы* «въ письмахъ» теперь кажутся намъ неестественными, то для описанія *путешествія* эта форма подходила и подходитъ вполнѣ: путешествіе вообще богато самыми разнообразными случайностями, приключеніями,—подъ вліяніемъ постоянной смѣны внѣшнихъ впечатлѣній всякій путешественникъ (а особенно, конечно, сентиментальный) неизбѣжно переживаетъ цѣлый рядъ быстро смѣняющихся настроеній: какая-нибудь встрѣча вызываетъ въ немъ новое чувство, — взглядъ на какой-нибудь памятникъ рождаетъ новую мысль, — новый пейзажъ заста-

[1]) Конечно, мы можемъ услышать возраженіе, что большинство этихъ «вводныхъ» повѣстей появилось въ печати позже «Бѣдной Лизы» и другихъ подобныхъ произведеній, а, стало быть, «вводныхъ» повѣстей нельзя считать литературными предками повѣстей «самостоятельныхъ»,—но на это мы возразимъ, что сложились онѣ въ головѣ Карамзина, вѣроятно, еще во время его путешествія, т. е. раньше сочиненія «Бѣдной Лизы» и другихъ большихъ повѣстей, — и, можетъ быть, въ записной книжкѣ его были набросаны уже въ 1789—90 гг...

вляетъ забывать старый,... Чтобы передать болѣе правдоподобно этотъ вихрь разноцвѣтныхъ видѣній, самой удобной формой, конечно, были «письма» или «дневникъ», т. е. такія литературныя формы, которыя наиболѣе удобны для объединенія отдѣльныхъ эскизовъ, часто мало связанныхъ по содержанію. «Дневникъ» въ тѣ дни еще не завоевалъ себѣ мѣста въ ряду литературныхъ жанровъ, — «письма» же были въ самомъ широкомъ употребленіи: и Ричардсонъ, и Руссо, и Гете свои романы сочиняли въ «письмахъ»—путешественники же, какъ мы имѣли выше случай подробнѣе говорить объ этомъ, почти исключительно выбирали эту форму, — немудрено, что и Карамзинъ воспользовался ею и, конечно, отчасти благодаря этому, сумѣлъ свое путешествіе передать, дѣйствительно, съ полной художественной правдой: передъ нами дружеская, откровенная бесѣда съ далекими друзьями, бесѣда, изъ которой посторонній слушатель-читатель выноситъ живое представленіе о томъ, что «видалъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ», о чемъ «мечталъ» [1]) нашъ юный путешественникъ...

Стиль Карамзина гибокъ, эластиченъ: онъ такъ же легко примѣняется къ картинѣ жизни мирной, смѣющейся, какъ и къ изображенію жизни печальной, разгнѣванной, мрачной... Вотъ почему картины самыя разнообразныя, выходятъ одинаково удачно изъ-подъ пера Карамзина: въ стилѣ его есть и мягкость, и нѣжность,—есть и энергія, и сила... Конечно, повторяемъ, теперь этотъ стиль значительно устарѣлъ: намъ онъ кажется не въ мѣру ухищреннымъ, манернымъ, но въ свое время онъ имѣлъ большое значеніе, — припомнимъ, что многимъ тонкимъ ощущеніямъ Карамзинъ первый сумѣлъ на русскомъ языкѣ найти словесное выраженіе...

Словарный матеріалъ, находившійся въ употребленіи Карамзина, такъ же разнообразенъ и богатъ. Не входя въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, заслуживающаго самаго внимательнаго изученія спеціалистовъ, мы ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые факты, немаловажные при рѣшеніи этого вопроса.

---

[1]) Объявленіе объ изданіи журнала, «Моск. Вѣд.», 1790, № 89.

Прежде всего, несомнѣнно, любопытно то обстоятельство, что самъ Карамзинъ смотрѣлъ на себя въ этомъ отношеніи, какъ на «новатора»: собираясь переводить сочиненія Бонне на русскій языкъ, онъ заранѣе приготовлялся «составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли ихъ нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ» [1]); отдавая должное «богатству» русскаго языка въ качественномъ отношеніи, нашъ путешественникъ признавалъ его бѣдность—въ количественномъ... Вотъ почему, начиная съ переводовъ Жанли, Карамзинъ старательно вводилъ въ русскую литературную рѣчь «неологизмы» и «барбаризмы», т. е. или «выдумывалъ» новыя слова, или «составлялъ» изъ иностранныхъ русскія, руссифицировалъ ихъ... «Письма русскаго путешественника» изобилуютъ цѣлымъ рядомъ попытокъ въ этомъ направленіи...

Изъ «неологизмовъ» Карамзина, конечно, особенно интересенъ въ «Письмахъ» — слово «промышленность».. Въ первомъ изданіи своего сочиненія молодой авторъ, употребляя это необычное для того времени слово, нерѣшительно добавляетъ въ подстрочномъ примѣчаніи: «не можетъ-ли это слово означать Латинскаго industria или французскаго industrie?» [2])... Во второмъ изданіи—«не можетъ-ли это слово означать industrie?» [3]), и, наконецъ, въ третьемъ—«это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ, авторъ употребилъ его первый» [4])... Весьма возможно, что подобнымъ же «неологизмомъ» могло быть, напримѣръ, и слово «носильщикъ» (въ смыслѣ современнаго «комиссіонеръ», «разсыльный»),—слово, отмѣченное у Карамзина курсивомъ [5]) и поясненное французскимъ «porte-faix» [6]). Слово «достижимый» употреблено впервые Карамзинымъ въ новомъ и теперь общепринятомъ смыслѣ: «Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово» — поясняетъ онъ [7]). «Обгерма-

---

[1]) Карамзинъ, Соч. II, 345. [2]) «Моск. Журн.», III, 298. [3]) «Письма р-бут., 1797, II, 165. [4]) Собр. соч., 1803, II, 301 (Смирд., изд. II, 168).

[5]) Вообще курсивомъ Карамзинъ, повидимому, обозначалъ и въ «Письмахъ» и въ журналѣ не совсѣмъ обычныя выраженія,—обстоятельство, очень важное при рѣшеніи вопроса о словарномъ матеріалѣ у него.

[6]) Карамзинъ, Соч., II, 565. [7]) Ibid., 243.

нился»—очевидно, слово, тоже созданное Карамзинымъ искусственно [1])...

Гораздо замѣтнѣе, конечно, «варваризмы» карамзинскаго языка, — отмѣтить ихъ легче, между прочимъ, и потому, что иногда самъ Карамзинъ или прямо указывалъ на источникъ, откуда онъ заимствовался даннымъ оборотомъ рѣчи, или подробно объяснялъ смыслъ своего варваризма русскому читателю. Напримѣръ, сказавъ: «трепетали о жизни милыхъ своихъ» — Карамзинъ прибавляетъ: *«слово въ слово съ французскаго*; но галлицизмы такого рода простительны» [2]); «это у него, *какъ нѣмцы говорятъ*, дѣло постороннее» [3]); «онъ проповѣдывалъ глухимъ ушамъ, *какъ говорятъ нѣмцы»* [4]); «убивать время *(простите мнѣ этотъ Галлицизмъ)*» [5]) и др. Какъ примѣры «объясненій» варваризма, приведемъ, хотя бы, слѣдующіе случаи: употребляя слово «отель», нашъ путешественникъ поясняетъ своимъ соотечественникамъ, что это — «наемный домъ, гдѣ, кромѣ комнаты и услуги», ничего нельзя имѣть: «кофе и чай приносятъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира» [6])... «Баваруазъ» — это «ароматическій сиропъ съ чаемъ» [7])... «Потаты» [8]) — «земляныя яблоки» [9]). Иногда онъ переводитъ иностранное слово на русское, для чего ему приходится или придавать особый оттѣнокъ общепринятому значенію слова или даже складывать новое слово по образцу иностраннаго; напримѣръ: «вкусъ» — въ смыслѣ эстетическаго чутья [10]), «пользоваться» [11]), «радость бытія» (Daseynsfrohheit) [12]), «самочувствованіе» [13]), «существеннѣе» (existenter) [14]), «любящѣе» (liebender) [15]), «отношеніе» (Anwendung) [16])... Мы могли бы значительно увеличить число подобныхъ примѣровъ [17]), но считаемъ, что и приведенныхъ вполнѣ достаточно для тѣхъ скромныхъ цѣлей, которыя преслѣдовали мы, начавъ говорить о «поваторствѣ» Карамзина въ области языка, — а потому перейдемъ къ тому, очень важному, факту,

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 34. [2]) Ibid., 198. [3]) Ibid., 30.
[4]) Ibid., 45. [5]) Ibid., 241. [6]) Ibid., 495. [7]) Ibid., 496.
[8]) Англійское «potato» — «картофель» [9]) Ibid., 685. [10]) Ibid., 122.
[11]) Ibid., 126. [12]) Ibid., 243. [13]) Ibid. [14]) Ibid. [15]) Ibid., 244.
[16]) Ibid. [17]) См. выше: стр. 174—6, 216—7, 229—230, 237.

что нашъ писатель очень рано сталъ внимательно относиться къ введенію иностранныхъ словъ въ свой родной: признавая, съ одной стороны, необходимость обогащать языкъ иностранными словами, онъ, тѣмъ не менѣе оказывается, осудилъ Лафатера за галлицизмы, частые и безполезные [1]), обвинилъ прусскихъ офицеровъ въ злоупотребленіи «французскими словами» [2]) — и, наконецъ, еще до нападенія Шишкова, самъ произвелъ чистку своихъ «Писемъ», чистку очень серьезную, при которой по страдали даже такія слова, которыя въ наши дни сдѣлались вполнѣ употребительными: напр., діалогъ, партія (въ смыслѣ группы людей), процессъ, публиковать, натуральный, интересный, рекомендовать, энтузіазмъ, моментъ, визитъ, руины, пара, сумма, патетическій, гигантскій, короновать, жесты, церемонія и пр. [3]).

Остановимся, наконецъ, на одномъ мелкомъ и случайномъ фактѣ, который, однако, имѣютъ нѣкоторую цѣну: на переплетахъ экземпляра «Писемъ», имѣвшихся у насъ въ рукахъ (Имп. Публ. библ.), мы встрѣтили перечни варваризмовъ, сдѣланные почеркомъ XVIII-го, начала XIX-го вѣка; на нѣкоторыхъ томахъ эти перечни, сдѣланные карандашемъ, почти недоступны для прочтенія, но одинъ, написанный чернилами, даетъ намъ возможность судить о томъ, какія слова остановили на себя вниманіе читателя, современнаго Карамзину, И вотъ, въ этомъ довольно длинномъ спискѣ встрѣчаемъ мы, напримѣръ, слѣдующія слова: ешафотъ, декорація, балетъ, оркестръ, спектакль, актеръ, жесты, декламація, кокетство, труппа, авансцена, концертъ, барельефъ, перистиль, терасса, балюстрада, павильонъ, экспериментъ, реверберъ, мина золотая, интересный, порталъ, артисты, медальонъ, топъ сочиненія, сфера, буфонство, плафонъ, алькофъ, феноменъ, ничто иное, какъ; за неимѣненіемъ... и пр. Такое вниманіе читателя къ цѣлому ряду иностранныхъ словъ и оборотовъ, попадающихся въ «Письмахъ», указываетъ, думается намъ, на то, что

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 243. [2]) Ibid., 52.

[3]) Не указываетъ ли это обстоятельство хотя приблизительно, на время, когда они были введены въ русскій языкъ? — при Карамзинѣ они были, значитъ, настолько еще новы, что даже ему рѣзали слухъ...

нашъ Карамзинъ ввелъ въ широкій кругъ читающей публики цѣлый рядъ понятій, до него или совсѣмъ не существовавшихъ, или жившихъ лишь въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ: въ перечнѣ, сейчасъ приведенномъ, мы встрѣтились съ цѣлымъ рядомъ *архитектурныхъ* терминовъ, *театральныхъ*, нѣсколько выше мы познакомились, какъ переводилъ Карамзинъ на русскій языкъ термины *психологическіе* («самочувствіе» и др.) или относящіеся къ *обиходной* сторонѣ культурной жизни запада («отель», «ресторатеръ», «дилижансъ», и др.).

Въ литературной жизни Карамзина «Письма» имѣли большое значеніе: они не только дали рядъ эскизовъ для будущихъ повѣстей и «Исторіи»—они повліяли на характеръ и составъ «Московскаго Журнала», а черезъ него и на всю русскую журналистику. Какъ это произошло, объяснить не трудно: еще до путешествія или въ самомъ началѣ его Карамзинъ рѣшилъ уже издать въ печать описаніе своей поѣздки [1]), а потому характеръ будущаго произведенія складывался у него давно; мысль объ изданіи журнала явилась у него приблизительно въ то же время [2]); немудрено, что и въ «Письмахъ», и въ журналѣ выразились одинаковые интересы и даже оказалось полное тожество состава: повѣсти, описанія, серьезныя статьи, лирическія отступленія, стихи, трогательное и смѣшное въ соединеніи съ серьезнымъ и научнымъ,— вотъ, содержаніе и «Писемъ», и журнала... Къ тому-же изъ словъ самого Карамзина мы знаемъ, что его «Московскій Журналъ» не былъ сколкомъ съ одного какого-нибудь иностраннаго прототипа: «много журналовъ, говоритъ онъ, въ предисловіи къ новому изданію, лежитъ предо мною, но ни одного не возьму я образцемъ, но буду пользоваться всѣми:..» [3]). Эта оригинальность въ выборѣ «типа» журнала еще разъ позволяетъ намъ сблизить журналъ съ «Письмами», — оба

---

[1]) Въ письмѣ къ Лафатеру (Женева, 17 декабря 1789 г.) Карамзинъ прямо говоритъ объ этомъ: «мнѣ нужно издать что-нибудь о своемъ путешествіи — это я *обѣщалъ*» (58 стр.). Очевидно, обѣщаніе было дано кому-то (Петрову?) еще до путешествія.

[2]) Въ письмѣ къ Лафатеру (Цюрихъ, 21 августа 1789 г.): «по возвращеніи въ Москву я тотчасъ предприму періодическое изданіе» (52 стр.).

[3]) «Моск. Журналъ», I, (предисл.).

изданія отразили только тѣ интересы, которыми, дѣйствительно, жилъ Карамзинъ, а такъ какъ, вѣроятно, и содержаніе, и характеръ «Писемъ» опредѣлились для Карамзина раньше, чѣмъ онъ вполнѣ выяснилъ себѣ идею будущаго журнала, то поэтому, думается намъ, «Письма» могли имѣть вліяніе и на журналъ... Разнообразіе содержанія, занимательность, изящество рѣчи, наконецъ, главное,—ясный и послѣдовательный идеализмъ,—вотъ, что плѣнило читателей и въ «Письмахъ», и въ «Московскомъ журналѣ»... Немудрено, что онъ почти совсѣмъ убилъ у насъ прежній типъ «сатирическаго» и «правоучительнаго» журнала и вызвалъ массу подражаній, переходящихъ въ XIX столѣтіе... Любопытно, что въ этомъ отношеніи даже литературные враги Карамзина поддались въ его вліянію: между «Почтой духовъ» Крылова (даже «Зрителемъ») и «Петербургскимъ Меркуріемъ»—цѣлая пропасть.

«Литературная» сторона «Писемъ» обратила на себя вниманіе русской критики: мы имѣемъ очень любопытную статью Крылова въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи»: «Похвальная рѣчь Ермалафида, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей»... Крыловъ, какъ извѣстно, получилъ совсѣмъ иное литературное воспитаніе, чѣмъ Карамзинъ [1]): онъ — ученикъ петербургскихъ литераторовъ, псевдо-классиковъ, отъ нихъ перенявшій симпатіи къ французской поэзіи... Вотъ почему и въ критикѣ своей судитъ онъ Карамзина съ точки зрѣнія своей школы: передъ нами—убѣжденный «старовѣръ», который, несмотря на свою молодость, нападаетъ на «*молодыхъ*» писателей, возмущается отъ души новшествами нѣмецкой литературной школы... Въ лицѣ Карамзина онъ упрекаетъ современную литературную молодежь за то, что она пишетъ «не думавши», стоитъ за «свободу словесныхъ наукъ» [2]), отрицаетъ необходимость слѣдовать «правиламъ» [3]) и «подражать» знаменитымъ авто-

---

[1]) См. нашу статью: «Загадочный писатель» (И. А. Крыловъ), «Образованіе», 1896 г., № 1. [2]) «С.-Петербургскій Меркурій», II, 28.

[3]) Ibid., еще: «у него одно только правило свято — и оно состоитъ въ томъ, чтобы не слѣдовать никакимъ правиламъ» (50).

рамъ, руководясь тѣмъ ошибочнымъ убѣжденіемъ, что «великой умъ никогда ничему не слѣдуетъ» [1])... Изъ такой постановки вопроса мы видимъ ясно, что̀ обезпокоило русскихъ «классиковъ» въ «Письмахъ русскаго путешественника», — они обратили все свое вниманіе на *духъ* этого произведенія, духъ, совершенно чуждый кодексу ихъ литературныхъ вѣрованій, а потому, «Письма» показались имъ первой ракетой, пущенной изъ лагеря «моло*дыхъ* писате*лей*» и послужили для Крылова поводомъ вызвать на борьбу все молодое поколѣніе литераторовъ, чуждое ему по духу, враждебное по идеямъ и цѣлямъ творчества. И что-же? Въ этомъ вызовѣ услышали мы то, что говорилось въ Германіи запоздалыми стариками-классиками по адресу молодого поколѣнія «геніевъ» Sturm-und-Drang'a... Итакъ, хотя Карамзинъ и очень слабо соприкоснулся съ этимъ движеніемъ, его «Письма» для Россіи оказались «проповѣдью» оригинальности, самобытности, свободы творчества!..

Крыловъ не оставляетъ безъ вниманія и другія особенности «Писемъ», особенности, рѣзавшія его глазъ и ухо... онъ потѣшается, напримѣръ, надъ «богатствомъ воображенія» [2]) Ермалафида, качествомъ души, совершенно безполезнымъ для классика, подчиненнаго «правиламъ»; онъ иронизируетъ надъ «глубокомысліемъ» своего противника: «Ермалафидъ, — разсказываетъ онъ, — если, спустя десять дней вздумаетъ прочесть свое сочиненіе, то уже не понимаетъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать...» [3]). Въ этомъ можно было упрекнуть нѣмецкихъ «штюрмеровъ», которые часто до такой степени подпадали подъ вліяніе «чувства», что забывали голосъ «разсудка»,—но нашъ Карамзинъ, какъ мы пытались выше доказать, является чистымъ отъ такого обвиненія, — и потому упрекъ Крылова доказываетъ, какъ намъ кажется, еще разъ, что литературный элементъ, внесенный нашимъ писателемъ въ жизнь русской литературы, элементъ живого «чувства» — былъ до такой степени новъ, такъ бросался въ глаза, что значеніе его было преувеличено современниками...

---

[1]) «С.-Петербургскій Меркурій», II, 29 еще: 32. [2]) Ibid., 34. [3]) Ibid., 34.

Въ глазахъ Крылова, Ермалафидъ удивителенъ еще потому, что, надо «знать его природу» [1])—и тогда уже судить о его сочиненіяхъ,—указаніе любопытное, доказывающее, что живая, правдивая «исповѣдь души», какою были «Письма», тоже была новинкой для русскихъ писателей, пріученныхъ классиками къ бездушному, безличному изображенію условныхъ чувствъ.

Поражаетъ Крылова и разнообразіе содержанія «Писемъ»: для него, воспитаннаго на литературныхъ образцахъ, въ которыхъ чинность и порядокъ были непремѣнными условіями, было непонятно, какъ это можно говорить «о Гомерѣ, потомъ о дровахъ, то о Юнгѣ, то объ одеждѣ нѣмцевъ...» [2]).

«Учиться» — нужно было Карамзину, по мнѣнію Крылова, а не «учить» другихъ... Самонадѣянность и отсутствіе надлежащаго литературнаго воспитанія, — вотъ, гдѣ, по понятіямъ Крылова, источники грѣховъ Карамзина... Отъ имени нашего писателя Крыловъ произноситъ слѣдующую характерную тираду: «...довольно долго страдала республика ученыхъ, стѣсненная правилами: я родился ихъ разрушить и для того хочу развязать своимъ примѣромъ молодые умы; хочу писать безъ правилъ и доказать на самомъ дѣлѣ, что словесность есть свободная наука, не имѣющая никакихъ законовъ, кромѣ воли и воображенія...» [3]). Крыловъ, конечно, не подозрѣвалъ, что подъ его «вышучиваньемъ» Карамзина охотно подпишется современный историкъ литературы, какъ подъ приговоромъ справедливымъ, оправданнымъ исторіею... И большое спасибо суровому критику, указавшему на такое «освободительное» значеніе произведенія Карамзина для русской литературы: говорить объ этой сторонѣ «Писемъ» мы не осмѣлились бы, не имѣя подъ руками его отзыва... Вѣдь съ *общепринятой* точки зрѣнія, «Письма», въ сущности, произведеніе довольно безобидное, скорѣе примиряющее въ себѣ интересы предшествующей литературы съ интересами послѣдующей, — и вдругъ, оказывается, съ появленіемъ въ свѣтъ, они сдѣлались, ни болѣе ни менѣе, какъ предлогомъ для «маленькой войны» россійскихъ классиковъ съ «романтиками»!..

---

[1]) «С.-Петербургскій Меркурій», II, 35. [2]) Ibid., 35—6. [3]) Ibid., 43.

*

Добавимъ, въ заключеніе, что Крыловъ очень оскорбился и отношеніемъ Карамзина къ великимъ французскимъ писателямъ XVII в.: онъ заступается за Мольера, Расина и Буало, защищаетъ Корнеля, трагедіи котораго Ермалафидъ смотрѣлъ «съ равнодушіемъ» [1]), упрекаетъ его въ непониманіи истинно-трагическаго [2]) и комическаго [3]), ставитъ ему въ вину то, что онъ не признавалъ дѣленія поэтическихъ произведеній «по родамъ»...

Изъ переписки Карамзина съ Дмитріевымъ мы знаемъ, какъ послѣдовательны и упорны были въ своей враждѣ къ автору «Писемъ» Крыловъ и его друзья... Такъ какъ всѣ обвиненія, направленныя Крыловымъ противъ «Ермалафида», могутъ быть приложены къ «Письмамъ русскаго путешественника», — то нѣтъ сомнѣнія, что «Ермалафидъ»—не праздное измышленіе Крылова, а живое лицо, авторъ «Писемъ русскаго путешественника».

Итакъ, повторяемъ, для литературныхъ старовѣровъ Карамзинъ показался опаснымъ новаторомъ, «геніемъ», ничего не признающимъ; къ тому же онъ стоитъ во главѣ общества «молодыхъ писателей», стало-быть, цѣлой литературной школы; въ своей дѣятельности онъ—ярко очерченный индивидуалистъ: вмѣсто безличной, холодной псевдоклассической поэзіи, онъ даетъ читателю зеркало своей оригинальной души, въ которое тому надо вглядываться; онъ, наконецъ, не подчиняется никакимъ «теоріямъ» [4]), — передъ нами «свободный» художникъ, покорный только своей творческой силѣ...

Кромѣ критики Крылова любопытенъ также одинъ стихотворный памфлетъ [5]), направленный противъ Карамзина; правда, онъ не столь важенъ, какъ отзывъ Крылова, такъ какъ вовсе не такъ содержателенъ, — но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ историка литературы имѣетъ и онъ свою цѣну. Анонимный авторъ хвалитъ своего друга за то, что въ немъ не находитъ тѣхъ недостатковъ, что у Карамзина: такимъ образомъ, онъ косвенно упрекаетъ Карамзина за такія провинности,

---

[1]) «С.-Петербургскій Меркурій», II, 53. [2]) Ibid., 44—5. [3]) Ibid., 48.
[4]) Ibid., 49. [5]) «Ода въ честь моему другу», «Иппокрена», 1799 г., IV.

отъ которыхъ нашъ писатель, собственно говоря, былъ совсѣмъ свободенъ: нужно быть очень несправедливымъ, чтобы обвинить Карамзина въ тщеславіи [1]), болтливости [2]), вздорности [3]), наконецъ, въ неразумномъ отношеніи къ путешествію, — своего же друга авторъ превозноситъ, восклицая,—

«Хоть ты и ѣздилъ въ земли чужды,
«Но не *трактировъ* тамъ смотрѣлъ,
«Не видѣлъ въ томъ ни малой нужды,
«Чтобъ знали, *что ты пилъ и ѣлъ*» [4]).

Такимъ образомъ, тѣ реалистическія черты, которыя казались Карамзину если не необходимыми, то вполнѣ извинительными, такъ какъ сближали его произведеніе съ жизнью [5]), — для нѣкоторыхъ читателей его времени казались совершенно излишними, тривіальными... Не сказался-ли въ словахъ этого критика аристократизмъ воспитанника псевдоклассиковъ, мирившихся только съ лощенной жизнью и не понимавшихъ цѣны реализма?

Этотъ анонимный критикъ упрекаетъ нашего писателя и въ излишней сладости стиля, совсѣмъ ненужной для изображенія истины [6]), въ порчѣ русскаго языка внесеніемъ иностранныхъ словъ [7]), — и, наконецъ, что особенно важно, въ стремленіи *поддѣлаться* подъ модное литературное теченіе ради угожденія молодежи [8])... Такимъ образомъ, въ глазахъ этого критика, Карамзинъ, оказывается, не *создаетъ модное* теченіе, а «поддѣлывается» подъ извѣстные вкусы, уже жившіе до него въ русской публикѣ... Если мы, къ тому-же, вспомнимъ крыловскаго Ермалафида, ораторствующаго въ обществѣ «молодыхъ писателей»,—то принуждены будемъ признать, что, въ глазахъ нѣкоторыхъ современниковъ, Карамзинъ былъ порожденіемъ русской жизни, выраженіемъ ея «модныхъ» вкусовъ...

Этими двумя отзывами исчерпываются всѣ сколько-нибудь интересныя «осужденія» Карамзина, сдѣланныя литературнымъ путемъ.

---

[1]) «Иппокрена», IV, 18. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 19. [4]) Ibid.
[5]) См. выше, стр. 488. [6]) «Иппокрена», 21. [7]) Ibid., 21—2. [8]) Ibid., 22

Многочисленные благопріятные отзывы о дѣятельности Карамзина доказываютъ справедливость указанія, сдѣланнаго литературными врагами нашего писателя: онъ — центральное лицо въ новомъ теченіи молодой русской литературы, по стольку же порожденіе этого теченія, поскольку и талантливый выразитель и двигатель его...

Уже въ началѣ своей дѣятельности Карамзинъ безъ труда дѣлается «любимѣйшимъ русскимъ писателемъ» [1]), съ которымъ «никто сравниться не можетъ» [2]), онъ — «судья молодыхъ литераторовъ» [3]), предъ которымъ тѣ преклоняются [4]).

Мѣсто ему отведено въ ряду немногочисленныхъ корифеевъ тогдашней литературы настолько почетное, что, напримѣръ, его безъ долгихъ колебаній сопоставляютъ съ Ломоносовымъ:

«Гремѣлъ великій Ломоносовъ
«И восхищалъ сердца побѣдоносныхъ Россовъ
«Гармоніею струнъ своихъ...
«Въ твореніяхъ теперь у нихъ
«Пусть нѣжность улыбнется,
«Въ сердца чувствительныхъ прольется!» —
«Сказали Граціи — и полилась она
«Съ пера Карамзина» [5])...

Рядомъ съ Ломоносовымъ и Державинымъ ставитъ Карамзина также критикъ лирическихъ сочиненій Востокова [6])... Сопоставленіе съ Державинымъ найдемъ мы еще, хотя бы, въ словахъ:

«Слышны двое тамъ (въ Россіи) Орфеевъ,—
«Первый, умный Мандаринъ
«Пѣлъ Фелицу всѣмъ на диво;
«А другой, рѣзвясь счастливо,
«Движетъ Стерновъ клавесинъ [7])...

---

[1]) «Журналъ росс. словесности», ч. I, 54. [2]) «Московскій Курьеръ». ч. II, 267. [3]) «Пріятное и полезное препровожденіе времени», ч. II, 230.

[4]) Такъ, напримѣръ, какой-то молодой піита, помѣстившій стишки въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», заключаетъ ихъ трогательнымъ обращеніемъ къ Карамзину: «естьли чувствительный, нѣжной, любезной и привлекательной панъ Стервъ, читая ихъ, произнесетъ: изрядно — больше ничего не надо поэту! (Ibid.)». [5]) «С.-Петербургскій Журналъ», ч. II, 122.

[6]) «Любитель словесности», ч. I. [7]) «Сѣверный Вѣстникъ», II, 110.

Какой-то россійскій поэтъ «моднаго направленія», перечисляя своихъ любимыхъ писателей русскихъ, на первомъ планѣ ставитъ Карамзина:

«Карамзинъ, Херасковъ, Шаликовъ —
«Вотъ — кому судьбы назначили
«Услаждать вкусъ восхищаючи [1]).

Другой, вспоминая о своемъ литературномъ воспитаніи, дѣлаетъ слѣдующія интересныя признанія:

«Херасковъ, Карамзинъ, Державинъ и Петровъ
«Изъ рукъ у насъ тогда не выходили...
«Плѣняясь красотой, талантомъ сихъ творцовъ,
«Мы съ ними райское веселіе находили...
«Словесность русскую всѣмъ сердцемъ полюбя,
«Мы стали, наконецъ, испытывать себя!» [2]).

Такимъ образомъ, дѣятельность Карамзина увлекала, судя по этимъ словамъ, къ литературнымъ занятіямъ, заставляла полюбить художественное русское слово... Это признаніе не единственное: «Сколько я обязанъ Аглаѣ!—восклицаетъ одинъ поклонникъ Карамзина,—она образовала вкусъ мой, развила, подобно благотворнымъ лучамъ солнца, чувства души моей, открыла въ ней способность и силу (какая услуга!) излагать сіи чувства въ нѣкоторой гармоніи, съ нѣкоторымъ искусствомъ — вотъ ея первыя мнѣ благодѣянія!» [3]).

«Письма русскаго путешественника», по словамъ какого-то критика, были первымъ произведеніемъ юнаго таланта и «сдѣлали уже впечатлѣніе въ публикѣ» [4]), — съ нихъ начинается оживленіе русской литературы: «съ тѣхъ поръ, какъ показались въ свѣтъ сочиненія Карамзина, умножилось число и читателей и авторовъ» [5]) — читаемъ въ одномъ отзывѣ. «*Нынѣ* трудно быть журналистомъ, говоритъ какой-то литераторъ на

---

[1]) «Московскій Курьеръ», II, 29.

[2]) «Аглая», III, 59. Благодаря дѣятельности Карамзина Москва становится центромъ новой литературной жизни: она въ глазахъ молодыхъ писателей, сравнивалась «храмомъ вкуса, любви и нѣжности» (К. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 79). Это-же подтверждаетъ Гречъ: «...въ то время Москва, въ литературномъ отношеніи стояла, гораздо выше Петербурга.. Тамъ было средоточіе учености и русской литературы...» (Записки, 204). [3]) «Московскій Зритель», № 3, 13. [4]) «Патріотъ», III, 109. [5]) «Аглая», II, 58—9.

страницахъ «Московскаго Зрителя»: вкусъ очистился болѣе, сужденіе стало разборчивѣе, взыскательнѣе» [1])...

Понятно, поэтому, что, въ глазахъ современниковъ, Карамзинъ сдѣлался «классическимъ» [2]): дѣло дошло до того, что они, наконецъ, дерзнули «милую прозу» Карамзина поставить «въ ряду лучшихъ европейскихъ произведеній» [3]): Карамзинъ былъ, по понятіямъ его поклонниковъ, первымъ писателемъ, который сроднилъ Россію съ западомъ, такъ какъ при помощи его произведеній русская публика познакомилась съ «предметами и слогомъ, общими всему просвѣщенному свѣту» [4]); этимъ объясняли современники нашего писателя и причину того, что онъ, первый русскій писатель, переведенъ былъ на всѣ европейскіе языки: онъ, стало-быть, принадлежалъ не одной русской, но и всеобщей литературѣ...

Послѣ цѣлаго ряда этихъ хвалебныхъ отзывовъ невольно хочется уяснить себѣ, насколько сознательно превозносили Карамзина его современники? Было-ли имъ понятно, чѣмъ заставилъ» онъ «всѣхъ» сплесть себѣ «безсмертный вѣнецъ?» [5])... Думается намъ, что современники лучше поняли Карамзина, чѣмъ послѣдующая критика, до нашихъ дней живущая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ историческими «грѣхами» Бѣлинскаго [6]). Правда, отъ литературныхъ судей Карамзина, современныхъ ему, мы услышимъ только отдѣльныя, отрывочныя мнѣнія и замѣчанія, но, при всей ихъ незначительности, они дадутъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, насколько сознательно отнеслись «теоретики»-литераторы къ литературной сторонѣ «Писемъ».

---

[1]) «Моск. Зритель», I, 20—1. [2]) «Аглая», II, 58. [3]) «Корифей», II, 174. [4]) «Сѣверный Вѣстникъ», I, 63, 114. [5]) «Журналъ для пользы и удовольствія», II, 117. [6]) Къ такимъ грѣхамъ Бѣлинскаго относится, напр., опредѣленіе карамзинской «сентиментальности»: «Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, приторная, есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры: такая чувствительность очень хорошо (?) выражается словомъ «сентиментальность» (Соч., VI, 35). Это блѣдное и невѣрное объясненіе понятія не выдерживаетъ критики, ни съ исторической, ни съ психологической стороны, а, между тѣмъ, многіе до сихъ поръ держатся такого толкованія слова «сентиментальный», забывая, что *современное* пониманіе его расходится съ пониманіемъ его у насъ въ XVIII в., и что на западѣ это понятіе имѣетъ совсѣмъ другое значеніе (ср. Шиллера, «О наивной и сентиментальной поэзіи»).

Оказывается, что уже въ 1796 году даровитѣйшій критикъ, того времени В. Подшиваловъ «чувствительность» признаетъ необходимымъ условіемъ литературнаго творчества [1])... Правда, онъ говоритъ въ данномъ случаѣ только объ «истинной» чувствительности, нападая энергично на «причудливость», искусственность чувства, — но, вѣдь «ложная» и «истинная» чувствительность — понятія относительныя, а потому и самое ограниченіе имѣетъ для насъ очень мало цѣны и, во всякомъ случаѣ, нисколько не уменьшаетъ историческаго значенія его взглядовъ на «чувствительность», какъ необходимое условіе литературнаго творчества...

Изъ того обстоятельства, что большинство поклонниковъ было пріобрѣтено Карамзинымъ, благодаря сентиментализму «Писемъ» [2]), благодаря изображенію жизни «чувства», мы можемъ, съ нѣкоторою увѣренностью, высказать предположеніе, что читателей заинтересовалъ и «самоанализъ» Карамзина, заняла *психологическая* сторона его произведенія...

Думается намъ, что и *реализмъ* карамзинскихъ «Писемъ» былъ тоже замѣченъ: это видно, какъ изъ указаній поклонниковъ, что Карамзинъ сумѣлъ правдиво изобразить жизнь, такъ и изъ упрековъ суровой критики въ ненужномъ натурализмѣ «Писемъ»...

Наконецъ, несомнѣнно, обратили на себя вниманіе и его описанія природы.. «Я читалъ въ сію ночь «Письма русскаго путешественника»,—сообщаетъ читателямъ одинъ литераторъ,— и Рейнской водопадъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе въ моемъ воображеніи» [3]).. Благодаря «картинамъ» [4]), «поэтическимъ описаніямъ живописной природы» [5]). Карамзинъ для многихъ сдѣлался такимъ-же истолкователемъ ея, какими для него

[1]) «Чувствительность и причудливость», «Пріятное и полезное препровожд. врем.», 1796, XI.

[2]) Любопытно, между прочимъ, слѣдующее свидѣтельство: «Die Briefe eines russischen Reisenden erhielten gleich bey ihrer ersten Erscheinung im Moskowischen Journal einen ausgezeichneten Beyfall, und sie waren es vorzüglich, die den Ruf des Verfassers, als Schriftsteller, gründeten. Sie zeichen sich besonders durch zarte Empfindung und eine gewisse Naivetät der Darstellung aus, die immer Kennzeichen einer schönen Seele sind».. (Vorbericht нѣмецкаго перевода Писемъ, сдѣланный переводчикомъ И. Рихтеромъ, III).

[3]) «Пріятное и полезное препровож. времени, ч. XIII, 191.

[4]) «Аглая», II, 57. [5]) «Моск. Меркурій», ч. I, 38.

были западные писатели, — теперь, оказывается, молодые писатели, «съ Карамзинымъ» въ рукахъ, ходятъ наслаждаться природой:

«Въ тѣнь густосплетшихся лѣсовъ
«Съ любезнымъ Томсономъ иль Клейстомъ,
«*Съ Карамзинымъ*, иль съ Сент-Ламбертомъ..
«И тамъ картины ихъ сличить
«Съ картинами живой Природы —
«Сличить — и съ чувствомъ подивиться
«Искусству нѣжной кисти ихъ!» [1]) —

Наконецъ, что, несомнѣнно, также обратило на себя общее вниманіе современниковъ, — это «пріятный слогъ» «нѣжнаго пера» [2]) карамзинскаго, «которымъ украшены «Письма русскаго путешественника» [3]), — «слогъ г. Карамзина составилъ новую эпоху въ русскомъ языкѣ» [4]),— замѣчаетъ одинъ критикъ.

Приводимъ, въ заключеніе, самый цѣнный отзывъ о дѣятельности Карамзина, отзывъ, одиноко стоящій, по своей цѣльности и полнотѣ, среди отрывочныхъ замѣчаній, случайныхъ указаній и многочисленныхъ восторговъ другихъ критиковъ... Изъ этого отзыва мы узнаемъ, что сочиненія Карамзина украшены живописью разсказа, красивостью выраженій, легкостью кисти, картинами прозаической живописи, вѣрными изображеніями общества, наконецъ, всѣми цвѣтами воображенія и всѣми прелестями слога,— «достоинство, тѣмъ разительнѣйшее, что автору надлежало бороться съ необработаннымъ языкомъ, смягчая его для нѣжныхъ выраженій и дѣлая гибкимъ для легкихъ оборотовъ» [5].. Критикъ признаетъ славу Карамзина вполнѣ заслуженною, отводитъ ему видное мѣсто между лучшими авторами въ Россіи; указываетъ степень вліянія его на характеръ, вкусъ и языкъ нашей литературы [6].. Такимъ образомъ, въ своихъ двухъ статьяхъ охватываетъ онъ не только многія, дѣйствительно, существенныя черты литературной дѣятельности Карамзина, но вѣрно опредѣляетъ и историческія заслуги нашего писателя.

---

[1]) «Муза», III, 192. [2]) «Московскій Курьеръ», II, 179—180. [3]) Ibid.
[4]) «Аглая», II, 58. [5]) «Патріотъ», II, 207—8. [6]) Ibid., III, 407.

Эти отзывы, бѣдные числомъ, теряютъ, однако, свой случайный характеръ, когда мы обратимся къ «подражательной» литературѣ: если критики не смогли вполнѣ оцѣнить «Писемъ», то «практики»-писатели дали въ своихъ произведеніяхъ цѣлый рядъ многочисленныхъ и всесторонныхъ перевоплощеній произведенія Карамзина.. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ полно и ярко отразилось на русской жизни его личность, — теперь мы увидимъ, каковы были въ литературѣ слѣды «Писемъ»...

Но прежде, чѣмъ выяснять эти литературные слѣды «Писемъ», мы скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ въ нашей литературѣ того жанра, къ которому принадлежитъ произведеніе Карамзина... Конечно, не выходя изъ предѣловъ одного типа произведеній, мы съ бо́льшимъ удобствомъ выяснимъ значеніе «Писемъ русскаго путешественника». Къ тому же разсматривать *всю предшествовавшую*, докарамзинскую, и *всю послѣдующую* литературу мы не имѣемъ права, такъ какъ наше изслѣдованіе пока было сосредоточено только на *одномъ* произведеніи Карамзина, въ которомъ, если и намѣчены всѣ черты его разнородной дѣятельности, то, во всякомъ случаѣ, не въ такой степени, чтобы мы могли ставить вопросъ вообще о значеніи его дѣятельности.

«Путешествія» были давно знакомы русской читающей публикѣ: переводы всевозможныхъ путешествій «вокругъ свѣта» или въ отдѣльныя, какія-нибудь страны, начали появляться на русскомъ языкѣ еще съ половины XVIII вѣка [1]). Приблизительно около этого же времени начинаются и русскія оригинальныя «путешествія», «путевыя записки», всевозможныя «описанія» разныхъ странъ и жителей... Всѣ эти произведенія, главнымъ образомъ, дѣловыя,—авторы ихъ чаще всего ученые люди, или моряки; въ путь они отправлялись съ точно опредѣленными цѣлями, и, если нѣкоторые изъ этихъ

---

[1]) Для примѣра, назовемъ, хотя-бы, авторовъ, «путешествія» которыхъ появились въ русскомъ переводѣ: Ансона (1751), Балтимура (1778), Брюкнеля (1790), Клеемана, (1773), Кука (1786), Мирса (1789), кн. Радзивилла (1787), графа Крое (1789), Дюгальда (1774—7), Паллере (1790), Фіектонга (1789), и др.

путешественниковъ сумѣли возбудить въ читающей публикѣ такой интересъ, что ихъ сочиненія были переведены на русскій языкъ и даже выдерживали по нѣскольку изданій,—то, во всякомъ случаѣ, къ «произведеніямъ литературнымъ» отнесены они быть не могутъ.. Они были результатомъ любознательности, развившейся у русскаго человѣка XVIII вѣка, — и вотъ, съ нихъ началась литература путешествій. Въ большомъ числѣ эти путешествія продолжали появляться и во время Карамзина, и послѣ него, и, конечно, никогда не перестанутъ печататься и находить себѣ любителей... Благодаря имъ, русскій читатель XVIII вѣка получилъ, болѣе или менѣе, вѣрныя свѣдѣнія о жизни всего остального міра: не только западная Европа, но и Америка, Африка, Азія—сдѣлались такимъ путемъ знакомы нашимъ предкамъ... Мы встрѣчаемъ въ ней описанія Греціи, Турціи, Италіи, Сиріи, югославянскихъ земель, Индіи, Китая, Египта, Сибири, Камчатки, Кавказа и мн. другихъ странъ, мѣстностей и государствъ...

Конечно, между этими описаніями могли попадаться и такія, которыя давали немало пищи фантазіи русскаго читателя, воспитаннаго на романахъ «съ приключеніями» [3]), но едва-ли найдется между ними хоть одно, которое-бы въ такой мѣрѣ, какъ «Письма русскаго путешественника» удовлетворяло запросамъ «сердца» и «разума»... Въ этомъ отношеніи у Карамзина нѣтъ предшественниковъ въ русской литера-

---

[1]) Напр. Гмелина (1773—1785), Екатерины (1787), Палласа (1773—85), Багашева (1786), Чеботарева (1776), Миллера (1750), Лепехина (1771—80), Плещеева (1773), Зуева (1787), Крашенинникова (1755).

[2]) Напр., Барингтона (1809), Бартелеми (1803), Биллингса (1811), Вальяна (1793), Вольнея (1791), Гуна (1806), Кравенъ (1795), Ла-Перуза (1800), Лессепса (1801), Макартнея (1804—5), Мунго-Парка (1806—8), Пажеса (1811), Сонинія (1809), Сюрвиля (1797), Херна и Макензія (1808). Кинсбергена (1793), Латенъ (1805) (и др. Изъ русск. путешественниковъ можно назвать, хотя-бы, Хвостова и Давыдова (1810—12), Лисянскаго (1812), Озерецковскаго (1792), Сарычева (1802), Фомина (1797), Краевскаго (1800), Сенергина (1802).

[3]) Особенно любопытны въ этомъ отношеніи: «Странныя приключ. Дим. Магуникина» (2 ч. 1796 М.), «Нещастныя приключ. Василія Баранщикова, мѣщанина Нижняго Новгорода въ 3-хъ частяхъ свѣта.. съ 1780—87 гг.» (Спб. 1793), «Странствованія надворнаго совѣтника Ефремова въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію» (Спб. 1794).

турѣ, — ихъ надо искать, какъ это мы и сдѣлали, въ западной.. Но, если не было у насъ до «Писемъ» другого произведенія, въ которомъ-бы такъ всесторонне удовлетворялись человѣческіе запросы, то найдутся такія произведенія, въ которыхъ, хотя и слабо, но уже намѣчены тѣ элементы, изъ которыхъ сложились «Письма»...

Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ въ «Собесѣдникѣ любителей россійской словесности» небольшое произведеніе «Пріятное путешествіе», доказывающее, что у насъ уже въ 1783 году были «сентиментальные путешественники», ревниво слѣдившіе за жизнью своего чувства... Анонимный авторъ этого маленькаго произведенія отличается всѣми характерными особенностями сентиментализма: природа вліяетъ на его настроеніе, то приводя его въ «пріятную задумчивость» [1]), то наполняя его сердце восторгомъ [2])... «Мѣста, положеніемъ своимъ меня прельщая, производили во мнѣ пріятную задумчивость» [3]) — разсказывалъ авторъ: «Какое пріятное зрѣлище! — восклицаетъ онъ, Какое услажденіе сердцамъ чувствительнымъ! Углубленный въ созерцаніе сихъ разнообразныхъ красотъ природы, преисполненъ я былъ наисладчайшимъ чувствованьемъ—чувствованьемъ, всякое другое превосходящимъ» [4])... Какъ всѣ «сентиментальные» люди, авторъ полонъ любви къ друзьямъ [5]), ко всему человѣчеству [6]); слезы — постоянный спутникъ его волненій; у его «добродѣтельная душа» [7]) и «нѣжное сердце» [8])... Уединеніе и тишина сельской жизни манитъ его къ себѣ [9])...

Откуда взялся у насъ ясно-выраженный сентиментализмъ до Карамзина, всѣми признаваемаго за отца чувствительнаго направленія въ русской литературѣ?.. Объяснить это нетрудно: не говоря уже о томъ, что со многими произведеніями западной литературы русскіе люди знакомились въ оригиналѣ, мы укажемъ и на то, что почти всѣ главные корифеи западной сентиментальной литературы начали появляться въ русскомъ переводѣ задолго до Карамзина: произведенія

[1]) «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова», ч. I. 1783, 39.
[2]) Ibid., 40. [3]) Ibid., 42. [4]) Ibid., 41. [5]) Ibid., 49—50.
[6]) Ibid., 44, 41. [7]) Ibid., 43. [8]) Ibid., 43. [9]) Ibid. 43.

Геснера начали переводиться съ 1774 года [1]), Галлера — съ 1781 г. [2]), Клопштока — съ 1785, Геллерта — съ 1773 [3]), Ричардсона — съ 1787, Руссо — съ 1768 [4]), («Новая Элоиза» въ 1769), Гете — съ 1780 («Вертеръ» въ 1781), Стерна — съ 1789, Юнга — съ 1777, Оссіана — съ 1788... Интересъ ко всѣмъ этимъ писателямъ доказываетъ, что сентиментализмъ уже жилъ въ русскомъ обществѣ до начала дѣятельности Карамзина: онъ довольно ясно выразился въ «русскихъ» романахъ XVIII в., трагедіяхъ, операхъ, въ лирическихъ піесахъ («пѣсни» и «элегіи»)... Немудрено поэтому, что до Карамзина оказались у насъ и «сентиментальные путешественники»... Такимъ образомъ, интересное указаніе Крылова о молодыхъ писателяхъ, сочувствующихъ Карамзину-Ермалафиду, равно какъ и приведенное нами выше обвиненіе однимъ памфлетистомъ Карамзина въ желаніи «поддѣлаться» подъ модное теченіе, — находитъ рядъ данныхъ «подтверждающихъ» существованіе у насъ «новой», «молодой», «сентиментальной» литературы, правда, слабо намѣченной, случайной, не выразившейся еще въ литературной школѣ...

Найдемъ мы до Карамзина и русскихъ «Анахарсисовъ», которые ѣздили въ чужія страны не съ политическими порученіями и не съ ученой цѣлью, а такъ же, какъ Карамзинъ,— въ качествѣ просвѣщенныхъ туристовъ, цѣнителей европейской культуры... Въ подтвержденіе нашихъ словъ, укажемъ, хотя-бы, на очень любопытный «Журналъ путешествія Его Высокородія Г. ст. совѣтника Н. А. Демидова по иностраннымъ государствамъ съ 1771—73 г.»... Авторъ побывалъ въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англіи; на все смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ, внимательно осматривалъ разныя достопримѣчательности: соборы, музеи, театры, больницы, картинныя галлереи... Порою его вниманіе останавливается и на картинахъ природы... Описанія его, то краткія, то болѣе подробныя, иногда своимъ характеромъ напоминаютъ

---

[1]) Мы говоримъ о переводахъ, появившихся отдѣльными изданіями (хронологія по Сопикову); въ журналахъ же отдѣльныя произведенія Геснера стали появляться позднѣе съ 1779 (по Неустроеву). [2]) Въ журналахъ съ 1761. [3]) Въ журналахъ съ 1755. [4]) Въ журналахъ съ 1762.

уже карамзинскія... Особенно много сходства между обоими писателями, когда говорятъ они объ Англіи, ея особенностяхъ и достопримѣчательностяхъ,—можно подумать, что оба, обработывая свои путевыя записки, пользовались для ихъ пополненія одинаковыми путеводителями... Приведемъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ изъ «Журнала» Демидова: они дадутъ намъ нѣкоторое представленіе о духѣ всего сочиненія, о литературныхъ пріемахъ и, вообще, о степени литературности названнаго произведенія... Вотъ, напримѣръ, описаніе водопада: вода «падаетъ съ великимъ стремленіемъ и шумомъ, и, ударяясь о выпуклые камни, подъ нею лежащіе, далече мечетъ съ пѣною брызги и внизу, извиваясь около зеленѣющихъ луговъ, составляетъ другую рѣчку» [1])... Живопись тоже останавливаетъ на себѣ его вниманіе: «Снятіе со креста, разсказываетъ Демидовъ, столь живо изображено, что каждаго въ удивленіе привесть можетъ» [2])... Описаніе театральнаго представленія: «20-го были въ Итальянской комедіи, гдѣ игранъ Дезертеръ называемой. Піеса чрезвычайно хороша печальнымъ содержаніемъ и соотвѣтствующей словамъ музыкою, которая насъ чрезвычайно тронула; а болѣе всего своею искусною игрою несравненный Каіо приводилъ насъ въ восхищеніе. Не меньше поразила насъ и Г. Тріяль: когда, получивъ отъ короля прощеніе своему любовнику, выбѣжала она на театръ отъ радости внѣ себя, съ растрепанными волосами и блѣднымъ лицомъ, и, выговоривъ только, «Алексѣй!», — имя своего любовника, упала въ обморокъ ему почти на руки... Она здѣсь столь натурально сыграла, что лучше желать невозможно» [3])... Иногда авторъ вводитъ въ свой «Журналъ» разговоры, иногда даже шутки, — такимъ образомъ, его произведеніе, несмотря на нѣкоторые архаизмы, въ общемъ, представляетъ изъ себя попытку живо изобразить дѣйствительную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

---

[1]) «Журналъ путешествія Его Высокородія Г. Ст. Сов. Н. Ак. Демидова по иностраннымъ государствамъ съ 1771—1773». (Москва, 1786). 11—12.

[2]) Ibid., 15.

[3]) Ibid., 39.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе другихъ подобныхъ произведеній, въ которыхъ намѣчены нѣкоторыя стороны «Писемъ русскаго путешественника», такъ какъ считаемъ достаточнымъ и двухъ примѣровъ для доказательства нашей мысли, что «интересы сердца и разума» русскихъ людей еще до Карамзина находили себѣ выраженія даже въ литературной формѣ, аналогичной «Письмамъ ... Если общее мнѣніе и современниковъ, и историковъ литературы назвало Карамзина «вожакомъ» новаго направленія въ русской литературѣ, такъ это можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что Карамзину суждено было явиться талантливымъ выразителемъ идей и чувствъ, незамѣтно копившихся въ русской жизни задолго до него: въ его дѣятельности западный сентиментализмъ, со всѣми его особенностями, идейными, психологическими и эстетическими, органически слился съ русской жизнью, нашелъ себѣ полное и изящное выраженіе въ русской рѣчи... Соки, долго жившіе въ организмѣ растенія, дали цвѣтокъ, — Карамзинъ былъ такимъ цвѣткомъ... Онъ расцвѣлъ на русской почвѣ, разрыхленной руками иностранцевъ, — расцвѣлъ ярко, затемнивъ собою малозамѣтную работу своихъ предшественниковъ...

Появленіе въ свѣтъ «Писемъ русскаго путешественника» послужило сигналомъ къ возникновенію у насъ обширной литературы въ ихъ духѣ: если «предшественники» Карамзина считаются единицами, то его «послѣдователей» придется считать десятками... Конечно, не всѣ ихъ произведенія могутъ быть названы сколкомъ съ «Писемъ»,—между ними мы встрѣчаемъ разновидности отъ глубоко- и исключительно сентиментальныхъ до такихъ, въ которыхъ сентиментализма уже нѣтъ и слѣда, но которыя могутъ быть сближены съ «Письмами» литературной стороной своего содержанія.

Такимъ образомъ, эволюція «путешествія» въ русской литературѣ намѣчается слѣдующими моментами: ранніе представители этого литературнаго жанра, какъ вся вообще петровская литература, имѣютъ практическій, прикладной характеръ; рядомъ съ этими произведеніями позднѣе начинаютъ привлекать къ себѣ интересъ читателя XVIII в. путешествія,

съ развитой фабулой, съ приключеніями... Затѣмъ интересы отъ фабулы постепенно переходятъ къ внутреннему міру человѣка,—и является «сентиментальное» путешествіе... Лучшій представитель чувствительныхъ путешественниковъ у насъ — Карамзинъ: онъ сумѣлъ удержаться отъ односторонности Стерна, и потому его «Письма» одинаково служатъ интересамъ сердца и разума... Послѣ первыхъ подражаній «Письмамъ» скоро начинается освобожденіе русской литературы отъ сентиментальной манеры письма, — русскихъ писателей отъ сентиментальнаго міровоззрѣнія... Зато чисто литературные элементы, которые ясно намѣчены въ «Письмахъ», выдвигаются, мало по малу, на первое мѣсто — и къ 30-ымъ годамъ ярко расцвѣтаютъ въ пушкинской литературѣ.

Обращаясь теперь къ обозрѣнію обширной послѣ карамзинской литературы «путешествій», мы безъ труда замѣтимъ, какъ много общаго у ней съ «Письмами русскаго путешественника» и въ характерѣ, и въ содержаніи, и въ формѣ... Начать съ того, что всѣ эти «путешествія» — произведенія чисто *литературныя*, — то, что Карамзинъ называлъ: «belles lettres»; авторы ихъ—люди не дѣловые, а почти всегда обыкновенные туристы, путешествующіе «болѣе для удовольственныхъ видовъ, нежели для ученой цѣли» [1])... Понятно отсюда, что и на свои путевые журналы смотрѣли они глазами своего учителя... Ихъ «путешествія» — живыя картины дѣйствительной жизни, изображенія души автора... «Буду писать только о томъ, — заявляетъ одинъ изъ нихъ, что̀ со мною случится; ибо, кажется, не буду имѣть времени для топографическихъ и географическихъ путешествій...» [2]). Вотъ почему, бо̀льшая часть этихъ путешествій—«исповѣдь о себѣ» [3]), «о тѣхъ пріятныхъ чувствованіяхъ», которыми путешественники «одушевлялись въ продолженіе пути...» [4]). Это — «простодушное приношеніе сердца чувствительнаго» [5]), «бесѣда съ самимъ собою» и «съ

[1]) Д. Горяхвостовъ, «Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ съ 1802 по 1806 г.», пред.

[2]) «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель Словесности», IV, № 12, 163. [3]) К. Г., «Новый чувствительный путешественникъ», пред.

[4]) Ibid., пред. [5]) П. Сумароковъ, «Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г.», 4.

друзьями о происшествіяхъ міра, о судьбѣ земныхъ народовъ, о собственныхъ чувствахъ» [1])... Это — живой, интересный разсказъ «о путешествіи, о жизни, о наукахъ, которыя бываютъ главными пріятностями жизни, и, наконецъ, о природѣ, которая приноситъ неистощимыя наслажденія душамъ чувствительнымъ и представляетъ великіе предметы наблюденія для умовъ дѣятельныхъ» [2])... Это — искренняя повѣсть о томъ, «что видѣла, слышала, чувствовала и думала» путешественница, «въ подлинномъ изображеніи свободнаго описанія» [3])... «О чемъ писать?» — недоумѣваетъ эта же путешественница — и утѣшаетъ себя: «глупенькая!.. пиши, что̀ чувствовать будешь!» [4])... Выбирая литературную форму для описанія своего путешествія, М. Невзоровъ останавливается на «письмахъ», такъ какъ эта форма наиболѣе удобна для свободнаго выраженія всякаго рода мыслей и чувствованій [5]), «чувствъ и движеній сердечныхъ» [6])... «Буду сказывать Вамъ, обѣщаетъ онъ друзьямъ, какія во мнѣ родятся чувства при видѣ той или другой вещи, при слышаніи какого-нибудь разговора или шума, при въѣздѣ въ какое-нибудь мѣсто или при выѣздѣ...» [7]). Ему хочется быть заразъ—«живописцемъ, художникомъ, вѣрнѣйшимъ историкомъ, глубокимъ философомъ, краснорѣчивѣйшимъ риторомъ и великимъ поэтомъ, быть Флоріаномъ и Бюфономъ, Дюпати и Делилемъ, Томсономъ и Юнгомъ» [8])... «Путешествіе мое не напомнитъ вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова — большое разстояніе! — скромничаетъ кн. Шаликовъ, — но вы найдете въ немъ вашего друга, съ пламенною любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми новыми мыслями, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами!» [9]). — Однимъ словомъ, сколько бы мы ни умножали число подобныхъ литературныхъ характеристикъ, сдѣланныхъ самими

---

[1]) В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуденную Россію», I, 15.
[2]) Ibid., II, 31.
[3]) М. Гладкова, «15-ти дневное путешествіе 15-ти лѣтнею писанное», пред.
[4]) Ibid., 11. [5]) М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань», предисловіе.
[6]) Ibid., 8. [7]) Ibid., 5. [8]) Ibid., 7—8.
[9]) Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», пред.

авторами, мы всегда будемъ имѣть передъ глазами «Письма русскаго путешественника»...

Такое содержаніе обусловило, конечно, и другія особенности всѣхъ этихъ «путешествій»: въ дружеской бесѣдѣ съ нѣжно-любимыми друзьями возможна была только рѣчь живая, разговорная,—и, дѣйствительно, во всей этой обширной литературѣ мы рѣдко натолкнемся на сухой архаическій стиль докарамзинской литературы, — чаще всего, передъ нами живымъ потокомъ льется рѣчь, то грустная, то восторженная, то спокойная, то веселая... Передъ нами — то живой разсказъ, спокойно передающій внѣшнія впечатлѣнія автора, то этотъ разсказъ переходитъ въ горячую задушевную исповѣдь сердца, то въ немъ слышится смѣхъ...

Описывая то, что «видѣли», «чувствовали» и «мыслили», авторы этихъ путешествій, конечно, неизбѣжно сталкивались съ дѣйствительною жизнью... А чтобы доказать правдивость своихъ чувствъ, основательность своихъ мыслей, авторы должны были сознательно стремиться къ вѣрному изображенію этой дѣйствительности,—оттого во всѣхъ этихъ произведеніяхъ встрѣтимся мы съ тѣмъ *реализмомъ*, родоначальникомъ котораго въ русской литературѣ мы назвали выше Карамзина... «Писатели романовъ! — обращается, напримѣръ, Измайловъ къ литераторамъ стараго пошиба — не утомляйте вымыслами вашего воображенія, ищите подобныхъ примѣровъ добродѣтели, и опишите ихъ намъ краснорѣчивымъ перомъ Стерна и Жанъ-Жака!» [1]) — другими словами: «изучайте дѣйствительную жизнь, гораздо болѣе назидательную, чѣмъ жизнь вымышленная!»... Такую же правду искали эти ученики Карамзина и въ собственномъ сердцѣ: имъ дорога дѣйствительная, а не вымышленная жизнь этого сердца,—вотъ почему всѣ они смотрѣли на свои произведенія, какъ на «зеркала души»,—почему никто изъ нихъ не смущался быстрыми измѣненіями своего настроенія: «наилучшее сердце», по ихъ понятію, было то, которое «расширялось и сжималось», когда было для этого какое-нибудь основаніе: «хотя бы въ запискахъ моихъ,—восклицаетъ

[1]) В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуденную Россію», II, 45.

одинъ путешественникъ, нашлось противорѣчіе въ чувствованьяхъ чрезъ двѣ строки, я не долженъ отдавать въ томъ отчета... Безпритворство! друзья мои, безпритворство и простота да будетъ нашимъ компасомъ!» [1])... Это «безпритворство и простота», вмѣстѣ съ сознательнымъ стремленіемъ изображать жизнь такою, какова она въ дѣйствительности, раскрыли этимъ новымъ путешественникамъ для пониманія весь міръ, начиная отъ великаго-грандіознаго до смѣшнаго-мелкаго... Если псевдоклассики считали лишь очень немногое въ жизни достойнымъ увѣковѣченія литературнымъ путемъ, то для сентиментальнаго писателя *въ принципѣ* не было никакихъ рамокъ для художественной работы... Такъ, напримѣръ, авторъ одного «чувствительнаго» путешествія начинаетъ свое произведеніе съ рѣшительнаго заявленія, что «писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики» [2])...

Повторяемъ, — если у Карамзина и у его учениковъ этотъ *реализмъ* часто затемнялся сентиментальнымъ колоритомъ, результатомъ излишней идеализаціи, — то въ исторіи русской литературы, всетаки, важнымъ остается фактъ, что Карамзинымъ и его учениками впервые было высказано требованіе изображать жизнь безъ прикрасъ, безъ выбора, изображать такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, не гнушаясь мелкими проявленіями ея, не боясь упрековъ со стороны литературныхъ старовѣровъ... Потому-то цѣлый рядъ картинокъ изъ жизни встрѣчаемъ мы въ этихъ «путешествіяхъ», — на многихъ изъ нихъ нѣтъ и слѣда сентиментальной идеализаціи... Вотъ, напримѣръ, передъ нами несчастная деревенская баба, не вынесшая побоевъ мужа и ушедшая изъ дому [3]),—вотъ, корыстолюбивый исправникъ, любящій подношенія, отъ которыхъ стонетъ небогатая деревня [4]), — вотъ, пьяный, лежащій въ забытьѣ [5]),—вотъ, картинка безотрадной деревенской жизни [6]),— вотъ, наконецъ, поле послѣ сраженія, покрытое изуродован-

---

[1]) «Филонъ», «Муза», II, 237. [2]) «Потерянной чемоданъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», I, 26. [3]) К. Г., «Новый чувствительный путешественникъ», 33—5. [4]) Ibid., 57. [5]) Ibid., 90.
[6]) М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань», 106—12.

ными трупами [1])... И передъ этими картинами постоянно стоитъ самъ авторъ, взволнованный сочувствіемъ ко всѣмъ страдающимъ, не скрывающій своихъ слезъ, не сдерживающій восклицаній... Все это найдемъ мы и въ новѣйшей русской литературѣ, — только въ ней эти картины исполнены гораздо художественнѣе, кромѣ того, онѣ сами будятъ въ душѣ читателя тѣ слезы и тѣ восклицанія, которыя читатель XVIII в. слышалъ непосредственно отъ автора...

Другая характерная черта «Писемъ русскаго путешественника» — *психологическій* элементъ — тоже въ одинаковой мѣрѣ присущъ всѣмъ этимъ произведеніямъ: авторы ихъ охотно разсказываютъ о жизни своего чувства, внимательно приглядываются къ ней, замѣчаютъ всѣ малѣйшіе оттѣнки ея видоизмѣненій, стараются описать эту жизнь, доискаться причинъ, вліяющихъ на нее... Примѣровъ такого «самоанализа» привести мы могли бы безконечное количество, такъ какъ почти всѣ эти «путешествія» цѣликомъ представляютъ изъ себя авторскія «исповѣди», — остановимся, для образчика, хотя-бы, на такомъ замѣчаніи одного психолога-путешественника: «человѣкъ чувствительный, говорятъ, ощущаетъ какое-то новое движеніе души, когда въ первый разъ оставляетъ любезное ему отечество — и я узналъ сію психологическую истину на опытѣ; духъ мой сдѣлался безпокоенъ, какое-то уныніе поселилось въ моемъ сердцѣ» [2])... Недовольствуясь наблюденіемъ *своей* чувствительной души, эти ученики Карамзина всматриваются съ такимъ-же вниманіемъ и въ жизнь *чужой* души [3])...

---

[1]) Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 105—6.

[2]) Герсеванонъ, «Дорожныя записки 1817 года», 5; еще: В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуденную Россію», II, 7, 15, 143; III, 103, 25, 59; IV, 58 и др.; «Филонъ», «Муза», II, 65, 232; «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель словесности», IV, № 12, 163; «Нѣсколько писемъ Русскаго путешественника изъ Англіи въ Россію», 49; М. Невзоровъ, «Путешествіе въ Казань», 72; Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію», 6; Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ», I, 11; II, 11—13; Копыской, «Путевыя записки», 12.

[3]) Напр., «Филонъ», «Муза», 56—7; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію» 125, 152—3; Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 23 и мн. др.

«Юморъ» Карамзина почти не выразился въ этой литературѣ; если мы найдемъ нѣсколько мѣстъ «смѣшныхъ», нѣсколько положеній курьезныхъ [1]), — мы, всетаки, не увидимъ за этимъ смѣхомъ карамзинскихъ слезъ...

Очень приближаются къ «Письмамъ» эти произведенія и по содержанію. Мы видѣли уже, что «интересы сердца» дороги большинству этихъ учениковъ Карамзина — добавимъ теперь, что и «интересы разума», въ одинаковой мѣрѣ, цѣнились многими изъ нихъ... Въ этомъ отношеніи Карамзинъ точно также является ихъ наставникомъ: въ своихъ «Письмахъ» онъ разработалъ цѣлую программу того, что̀ должно было давать пищу разуму, не спеціальному—тяжелому и одностороннему,— а тому, который украшаетъ всякаго культурнаго человѣка, съ широкимъ, свободнымъ и живымъ взглядомъ на жизнь...

Въ результатѣ, мы видимъ, что послѣдователей Карамзина интересуетъ какъ разъ то, чѣмъ раньше интересовался онъ: мѣняется лишь матеріалъ, надъ которымъ дѣлались наблюденія, — вмѣсто западной Европы чаще всего появляется на сцену русская провинція, вмѣсто заграничныхъ достопримѣчательностей появляются россійскія, вмѣсто иностранныхъ великихъ людей — наши захолустные, доморощенные (часто за нихъ сходятъ даже мѣстные губернаторы и архіереи)... Такимъ образомъ, «типъ» путевыхъ записокъ, удовлетворяющихъ интересамъ сердца и разума, выработался у насъ благодаря Карамзину и прекрасно усвоенъ былъ русской литературой...

Даже по составу, эти произведенія близки къ «Письмамъ»: почти всѣ они, напримѣръ, начинаются съ выраженія грусти автора при разлукѣ съ друзьями, родными или отечествомъ [2]);

---

[1]) Напр., Лубяновскій, «Путешествіе по Саксоніи», I, 19, 23, 52; «Филонъ», «Муза», IV, 69; II, 220; «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель Словесности», IV, № 12, 166—7, «Потерянный чемоданъ», «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», I, 28. и др.

[2]) Напр.,«Филонъ», «Муза» (начало); «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель словесности», IV, № 12, 161—2; «Нѣсколько писемъ русскаго путешественника изъ Англіи», «Моск. Курьеръ», I, 52; И. Ложечниковъ, «Походныя записки», 3—4; Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», 15 — 16; Бантышъ-Каменскій, «Путешествіе по Молдавіи», 5, 10; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе.», 12, 13; М. Невзоровъ, «Путеш. въ Казань», 13—14. Шаликовъ, «Путешествіе въ Малороссію» 3, 6 и т. д.

затѣмъ идетъ повѣствованіе, съ такою-же прихотливой смѣсью разсужденій, описаній, повѣствованій и лирическихъ отступленій. Вставные эпизоды, разростающіеся порою до цѣлыхъ повѣстей [1]), иногда живой діалогъ [2]), нерѣдко стихи [3]),—все это вноситъ въ теченіе разсказа еще бо́льшее разнообразіе и оживленіе... Попадаются на страницахъ этихъ путешествій и комическія сцены и остроты,—конечно, онѣ еще болѣе оживляютъ разсказъ, не даютъ утомиться чувству читателя, отвлекая его отъ возни со своимъ внутреннимъ міромъ... Однимъ словомъ, всѣ эти произведенія, какъ и «Письма русскаго путешественника», представляютъ изъ себя попытку воспроизвести жизнь во всемъ ея объемѣ и разнообразіи, со всѣми ея печалями и радостями, правдой и мечтами...

Остановимся, наконецъ, на перечнѣ тѣхъ мелкихъ частностей, которыя въ этой литературѣ «путешествій» являются повтореніемъ «Писемъ». Конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, эти «заимствованія» были плодомъ «безсознательной реминисценціи», но, тѣмъ не менѣе, фактъ ихъ существованія очень важенъ, такъ какъ наглядно доказываетъ, насколько сильно овладѣли «Письма русскаго путешественника» мыслями и чувствами современниковъ.

«Философскія» размышленія всѣхъ этихъ путешественниковъ обыкновенно представляютъ близкое повтореніе размышленій Карамзина: чаще всего задумывались они надъ «тлѣнностью» всего существующаго, причемъ, для подтвержденія своихъ разсужденій, нерѣдко приводили указаніе Карамзина на тѣ города, которые когда-то процвѣтали, потомъ исчезли съ лица земли [4]). Когда чувствами этохъ путешественниковъ овла-

[1]) Напр., «Филонъ», «Муза», I, 154, II, 60, 227, III, 140, 147; К. Г. «Новый чувствит. путешественникъ», 39, 58, 65, 87, 92; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію». 114 и др.

[2]) Напр., «Филонъ», «Муза», II, 55; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 5 и др.

[3]) Напр., «Филонъ», «Муза», II, 67—8; «Путеш. къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ», 24; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 65—73, 90—1, 133, 223—8; «Вояжъ моего друга», «Пріятн. и полезн. препровожд. времени», ч. XVII, 99, 109; Шаликовъ, «Путеш. въ Кронштатъ», 41 и др.

[4]) См. выше, стр. 471—1. Еще; В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», III, 18, 70, 105.

дѣвала церковная обстановка [1]), они тоже часто переживали настроеніе Карамзина. Въ синагогѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ волнуютъ тѣ же мысли, что и Карамзина [2]). Подъѣзжая къ какимъ-нибудь городамъ, особенно интереснымъ для нихъ они испытываютъ часто тѣ же чувства, какія волновали и Карамзина, когда онъ подъѣзжалъ къ Парижу [3])... Когда они говорятъ о «прелестныхъ обитательницахъ» какого-нибудь города, мы вспоминаемъ то, что́ говорилъ раньше Карамзинъ объ англичанкахъ [4])... Противопоставленіе роскоши и нищеты [5]), мысли о значеніи монумента [6]), восхваленіе путешествія [7]), жалобы на «безпокойство» души, заставляющее человѣка искать новизны [8]), указаніе на двѣ характерныя черты человѣка—«непостоянство» и «привычку» [9]),—все это опять очень близкія повторенія Карамзина.

Иногда мы встрѣчаемъ у этихъ путешественниковъ вставной эпизодъ, словно перенесенный изъ «Писемъ русскаго путешественника», (напр., «слѣпой нищій и собака» [10]), «просвѣщенный жидъ») [11]), иногда промелькнутъ передъ нами картина природы, написанная стилемъ Карамзина [12]), описаніе достопримѣчательностей, нерѣдко описанныхъ уже у него [13]), сравненія, напоминающія тѣ, какія попадаются въ «Пись-

---

[1]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 153, Бантышъ-Каменскій, «Путешествіе въ Молдавію», 157; «Путешествіе на богомолье», «Моск. Зритель», 1806, № 2, 38; Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 48.

[2]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 31—2.

[3]) В. Измайловъ, «Путешествіе въ полуд. Россію», I, 64—5; Герсевановъ, «Дорожныя записки», 35.

[4]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 99—100. [5]) Ѳ. Глинка.

[6]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 35; В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», I, 24. [7]) Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина...», III, 261—2.

[8]) Бантышъ-Каменскій, «Путешествіе въ Молдавію», 5.

[9]) Напр., Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 85—6.

[10]) Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 217.

[11]) Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 35; еще найдется множество повтореній другихъ произведеній Карамзина: напр., «Флоръ Силинъ»—ср. К. Г., «Новый чувствительный путешественникъ», 58—61; «Бѣдная Лиза»—ibid., 65—82 и мн. др. [12]) См. выше, стр. 463—4. Еще: «Нѣсколько писемъ русскаго путешественника изъ Англіи въ Россію», «Моск. Курьеръ», ч. I, 226; Д. Горихвостовъ, «Письма россіянина», III, 6, 83—5, 88—9, 103—4, 112, 119, 120, 124, 129, 130, 135 и др. [13]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 264, 265; Д. Горихвостовъ, «Письма Россіянина», I, 25, 41, 45—6 и мн. др.

махъ» [1])... «Рейнское вино» интересуетъ юныхъ путешественниковъ такъ же, какъ и Карамзина [2]); «нѣмая сцена» близко повторяетъ ту, о которой намъ нѣсколько разъ пришлось говорить выше [3])... Наконецъ, встрѣтимъ мы порою буквальныя повторенія словъ и выраженій Карамзина, безъ указанія, откуда они взяты: «стой воображеніе!» [4]),—восклицаетъ одинъ; «будущее неизвѣстно» [5]),—встрѣчаемъ у другого путешественника, отправляющагося въ путь и томимаго тѣми же чувствами, что и Карамзинъ... «Человѣкъ—средоточіе всего..» [6]),—заявляетъ В. Измайловъ, забывая, вѣроятно, что подобная мысль уже высказана была до него... Особенно пользуется «Письмами» Гладкова: «наконецъ, ты поѣдешь!» [7]), — съ радостью говоритъ она себѣ, отправляясь въ путь; «о сердце, сердце, чего ты хочешь?» [8]),—горестно спрашиваетъ она свое сердце; «пріятныя мысли мои затмились!» [9]), «разлука уже не такъ горестна» [10]), — разсказываетъ она своему другу. пользуясь опять-таки карамзинскимъ оборотомъ рѣчи; крестьянкамъ предлагаетъ она совмѣстно съ ними жить и «доить коровъ» [11])... Мы могли бы значительно увеличить число такихъ сопоставленій, но и сдѣланныхъ считаемъ достаточнымъ для подтвержденія нашихъ словъ, что содержаніе послѣ карамзинской литературы «путешествій» органически сливалось съ содержаніемъ «Писемъ», что молодые русскіе путешественники начала XIX в. могутъ быть, съ полнымъ правомъ, названы его близкими учениками...

Кромѣ этихъ «учениковъ», только повторявшихъ своего учителя, мы можемъ назвать нѣсколько писателей, тоже вышедшихъ изъ школы Карамзина, но ушедшихъ дальше своего учителя.

Сентиментализмъ въ ихъ «путешествіяхъ» почти вывѣтрился, зато на первое мѣсто выступило правдивое изображеніе дѣй-

---

[1]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 115.

[2]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 325.

[3]) «Филонъ». «Муза», II, 57. [4]) Ложечниковъ, «Походныя записки», 57.

[5]) Бантышъ-Каменскій, «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію», 8.

[6]) В. Измайловъ. «Путешествіе въ полуденную Россію», I, 40.

[7]) Гладкова, «15-ти дневное путешествіе», 13. [8]) Ibid., 16.

[9]) Ibid., 39. [10]) Ibid., 65. [11]) Ibid., 69.

ствительности,—охладѣлъ интересъ къ самонаблюденію, нѣтъ восторженныхъ восклицаній по адресу «матери-Натуры», — есть спокойное повѣствованіе о своихъ впечатлѣніяхъ, есть живое сочувствіе къ природѣ и человѣческой жизни... Такимъ образомъ, оба литературные элемента, на которые указывали мы выше, какъ введенные въ нашу литературу Карамзинымъ,— «реализмъ», и «психологизмъ»—свято сохранены и этими учениками Карамзина, — отброшена лишь карамзинская *манера* описывать внѣшній и внутренній міръ...

Изъ наиболѣе интересныхъ «путешествій» этого типа, укажемъ, хотя бы, на произведенія К. Батюшкова: — «Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи», (1809) [1]), его же — «Прогулка по Москвѣ» (1810) [2]), «Путешествіе въ замокъ Сирей» (1814) [3]), Н. Бестужева, — «Записки о Голландіи» (1815), В. Жуковскаго,—«Отрывки изъ двухъ писемъ о Саксоніи» (1821) [4]), «Путешествіе по Саксонской Швейцаріи» (1821) [5]), и, наконецъ, А. Пушкина,—«Путешествіе въ Арзрумъ» (1836) [6]).

Изъ нихъ особенно интересны «письма» Батюшкова, по времени наиболѣе приближающіяся къ Карамзину. Конечно, этой хронологической близостью объясняется то, что на нихъ еще сказалось вліяніе старой манеры письма: на ряду съ замѣчательно тонкимъ пониманіемъ природы, на ряду съ проблесками реализма, мы встрѣчаемъ въ нихъ нѣкоторую приподнятость стиля, излишнюю, съ современной точки зрѣнія, поэтизацію, искусственность въ группировкѣ впечатлѣній... Авторъ еще не такъ спокойно наблюдаетъ природу, какъ современный художникъ, — восклицаніе готово слетѣть съ его устъ; природа еще вліяетъ на его настроеніе слишкомъ сильно [7]); воображеніе еще черезчуръ волнуетъ его [8])—однимъ словомъ,

---

[1]) К. Батюшковъ, Соч., II, 1 (изд. 1887). [2]) Ibid., 19. [3]) Ibid., 61.
[4]) В. Жуковскій, Соч., V, 421, 438 (изд. 1885). [5]) Ibid., 427.
[6]) А. Пушкинъ, Соч., IV, 412 (изд. 1887).
[7]) Батюшковъ, Соч., II, 1, 2, 4, 7, 66, 70.
[8]) Ibid., 2, 4, 5, 6, 72, «Прогулка по Москвѣ» напоминаетъ намъ Мерсье, а, стало быть, до нѣкоторой степени. и тѣ мѣста въ «Письмахъ русскаго путешественника», на которыхъ сказалось вліяніе Мерсье. (См. выше, стр. 262—272).

авторъ еще не отдѣлался отъ вліяній литературной школы, хотя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, ушелъ дальше ея... «Записки о Голландіи» Бестужева представляютъ изъ себя произведеніе, уже болѣе удовлетворяющее современнымъ литературнымъ требованіямъ: только единственный разъ не удержалъ авторъ восторженнаго восклицанія [1]),—во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ — правдивый, спокойный, хотя и не холодный, наблюдатель дѣйствительности, понимающій и любящій жизнь людей и жизнь природы, умѣющій въ живыхъ очеркахъ дать интересный отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ... «Письма» Жуковскаго, написанныя имъ въ 1821 году, очень мало отмѣчены сентиментализмомъ: это—правдивое изображеніе жизни, вполнѣ художественное съ литературной стороны. Впрочемъ, «воображеніе» еще имѣетъ надъ авторомъ нѣкоторую власть [2]); его внутренній міръ раскрывается передъ читателемъ откровеннѣе, чѣмъ это принято въ наши дни [3]); природа описана имъ, хотя и безъ особыхъ восторговъ, но, во всякомъ случаѣ, съ значительною долею субъективизма старой сентиментальной манеры [4])..

Наконецъ, «Путешествіе» Пушкина еще дальше отходитъ отъ «Писемъ русскаго путешественника»,—передъ нами вполнѣ объективный, даже суховатый разсказъ, реализмъ котораго уже нисколько не затемненъ сентиментализмомъ... Тѣ литературные элементы, на которые мы указывали выше, какъ внесенные въ русскую литературу Карамзинымъ, у Пушкина расцвѣтаютъ блестящимъ цвѣтомъ, а *манера письма* и *освѣщеніе*, которыя мы отмѣтили у Карамзина (хотя и слабѣе выраженными, чѣмъ у настоящихъ сентиментальныхъ писателей)—окончательно умираютъ въ русской литературѣ съ дѣятельностью Пушкина...

---

[1]) Н. Бестужевъ, «Записки о Голландіи», 1815 г., 30.

[2]) В. Жуковскій, Соч., V, 421, 426—7, 434. [3]) Ibid., 426, 428 и др.

[4]) Ibid., 426, 428—9, 435. Если бы Жуковскому пришлось писать свои путешествія въ 1803 году, когда онъ восхищался Шаликовымъ (см. «О путешествіи въ Малороссію кн. Шаликова», Соч., V, 230), конечно, мы имѣли бы самое чистое «сентиментальное» путешествіе.

3.

Письма съ историко-культурной точки зрѣнія [1]).

Всякое литературное произведеніе есть порожденіе извѣстной общественной группы («среды»), характерныя черты которой до нѣкоторой степени опредѣляются «историческимъ моментомъ»... Поэтому *историческое* значеніе литературнаго дѣятеля измѣряется прежде всего тѣмъ, насколько полно и ясно отражаетъ онъ въ себѣ душу общественной группы, его воспитавшей,—насколько вѣренъ онъ, какъ показатель «историческаго момента», какъ истолкователь современной ему жизни... Но, конечно, ни одинъ, сколько-нибудь талантливый, человѣкъ не удовольствуется скромною ролью «зеркала», — онъ непремѣнно будетъ искать случая повліять на общество, увлечь его за собой... Съ этого момента можно ставить себѣ вопросъ о его *культурномъ* значеніи... Размѣры такого значенія опредѣляются силою толчка, сообщеннаго имъ «средѣ», — равно какъ и степенью воздѣйствія его на жизнь. Такимъ образомъ, мы уяснимъ себѣ историческое и культурное значеніе «Писемъ русскаго путешественника» тогда, когда опредѣлимъ *степень отраженія жизни русскаго общества на этомъ литературномъ произведеніи* и затѣмъ *силу воздѣйствія его на современную ему русскую жизнь.*

Историческое значеніе (степень «отраженія» жизни) литературнаго произведенія лучше всего выясняется изъ отношенія къ нему современниковъ: съ восторгомъ принимаютъ они произведеніе, въ которомъ впервые встрѣчаютъ живое воплощеніе идейнаго содержанія жизни своего времени,—холодно встрѣчаютъ они автора, который не доросъ до нихъ или переросъ—и потому не сумѣлъ или не захотѣлъ заглянуть въ ихъ сердце и не выразилъ духа эпохи. Наконецъ,

---

[1]) Въ этой заключительной главѣ, посвященной выясненію историко-культурнаго значенія «Писемъ» Карамзина, намъ придется иногда повторять то, что говорилось выше о Карамзинѣ, какъ о человѣкѣ и литераторѣ... Не желая обременять работу подробными повтореніями фактовъ, мы здѣсь ограничимся одними выводами, разработавъ подробнѣе лишь отдѣлы, слабо освѣщенные въ предыдущихъ очеркахъ.

враждебно относятся они къ автору, отважно идущему наперекоръ моднымъ «вѣяньямъ» эпохи, возвѣщающему такое «новое» слово, котораго онъ не подслушалъ въ тихомъ, неясномъ шепотѣ окружающей его толпы [1]).

Что же касается до вопроса о культурномъ значеніи какого-нибудь писателя (сила «воздѣйствія» его на жизнь), то, конечно, разрѣшить этотъ вопросъ всего легче можно при помощи изученія произведеній его «учениковъ» и «продолжателей»: они отвѣтятъ намъ, насколько глубоко въ жизнь шло вліяніе интересующаго насъ литературнаго дѣятеля.

Обращаясь теперь къ выясненію историческаго и культурнаго значенія «Писемъ», мы остановимся пока на вопросѣ, мало освѣщенномъ нами въ предыдущихъ очеркахъ,—вопросѣ о томъ, насколько полно отразились въ «Письмахъ» тѣ *либеральныя* идеи, которыя жили въ русскомъ обществѣ конца XVIII вѣка...

Мы имѣли уже случай и въ «Введеніи» къ нашей работѣ, и въ статьѣ о Новиковѣ говорить о томъ антиправительственномъ настроеніи, которое обозначилось очень замѣтно въ новиковскомъ движеніи. Невольно съ этимъ фактомъ хочется сопоставить то несомнѣнно-холодное отношеніе Карамзина къ Екатеринѣ, которое ясно замѣчается въ «Письмахъ»: среди русскихъ людей, окружающихъ престолъ «Россійской Минервы» облаками ѳиміама, юноша остался равнодушный и холодный, — онъ не только не обмолвился ни однимъ хвалебнымъ словомъ по адресу Екатерины, но даже косвенно напалъ на нее очень энергично...

Такъ, напримѣръ, онъ не захотѣлъ назвать «великимъ»

---

[1]) Здѣсь мы наталкиваемся на одно обстоятельство, которое значительно усложняетъ вопросъ объ отношеніи современниковъ къ какому-нибудь произведенію: конечно, *полнаго единства* отзывовъ мы никогда не встрѣтимъ. Причина этого ясна: еще въ «Введеніи» указали мы на то, что «ни въ одной странѣ въ одно время не увидимъ мы единства интересовъ и стремленій»,—напротивъ, мы «встрѣтимся съ разнообразіемъ общественныхъ группъ, которыхъ интересы и стремленія чаще всего даже сталкиваются между собой» (см. выше, стр. 2)... Поэтому вопросъ объ отношеніи современниковъ можно рѣшить лишь на основаніи преобладанія однородныхъ отзывовъ.

Фридриха за то, въ чемъ можно было обвинить и Екатерину: стоя передъ монументомъ Фридриха-Вильгельма, нашъ путешественникъ сказалъ: «не знаю, кого справедливѣе можно назвать *великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ *безъ разбору величаютъ*. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для государства — *не на ученость, не на острыя слова*, не *на авторство*... Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? *Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей для того, чтобы его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ?*» [1])... Нетрудно предположить, что подобныхъ заслугъ не считалъ Карамзинъ и за Екатериной,—поэтому ея онъ не считалъ «великою»... За то какъ демонстративно-восторженно, словно въ пику монархинѣ, восхвалялъ юноша Петра Великаго!..

Повторилъ Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ» и отношеніе либераловъ къ іезуитамъ; припомнимъ, что за іезуитовъ въ то время энергично вступилась сама Екатерина,—такимъ образомъ, литературная выходка Карамзина противъ нихъ была въ тоже время выходкой и противъ императрицы. Изъ разговора нашего путешественника съ Николаи выяснилось, что онъ одобрялъ борьбу съ іезуитами, но не соглашался лишь съ тѣми крайностями, въ которыя были вовлечены этой борьбой Николаи и его единомышленники. «*Все это хорошо!*—сказалъ нашъ путешественникъ,—но зачѣмъ же съ такою жестокостью писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно, что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ іезуитовъ?» [2]). Разсказъ о шарлатанѣ Шрепферѣ Карамзинъ заключилъ ироническимъ обращеніемъ къ «Господамъ тайнымъ іезуитамъ» [3]), увѣряя ихъ, «что они напрасно льстятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ» [4])...

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 50. Послѣ французской революціи и царствованія Павла отношеніе Карамзина къ Екатеринѣ круто мѣняется: «Похвальное слово» его—лучшее выраженіе этой перемѣны во взглядахъ, хотя извѣстная «Записка» его, всетаки, доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ никогда не примирился съ императрицею. [2]) Ibid., 67. [3]) Ibid., 137. [4]) Ibid.

Говоря о Каліостро, котораго тоже считали въ то время тайнымъ іезуитомъ, Карамзинъ иронизируетъ надъ его миссіею, тайна которой была, по его мнѣнію, въ рукахъ іезуитовъ: «Вѣроятно, — говоритъ онъ, что Святая Инквизиція допыталась до истины и узнала, откуда несчастный шарлатанъ, самимъ собою или другими обманутый, бралъ свои бриллiанты и золото. Жаль только, что Святая Инквизиція, со всѣми дѣлами своими есть для насъ непроницаемая тьма, и что мы отъ нея никогда не узнаемъ показанія Каліострова» [1]).

Либерализмъ Карамзина сказался также въ преклоненіи передъ «свободой» вообще. Самое слово это, повидимому, представляло для юноши нѣчто неотразимо-привлекательное: «свобода и щастье», — эти два понятія почти сливаются въ его представленіи: въѣзжая въ Швейцарію, страну «свободы и щастья» [2]), нашъ путешественникъ, по его признанію, переродился: «дыханье мое стало легче и свободнѣе, станъ мой расправился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и *я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ*» [3])... «Nothing can do so sweet as liberty»,—повторяетъ онъ охотно изрѣченіе Стерна,—«кто *еще не запертъ въ клѣтку*,—кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, тамъ и здѣсь—тотъ можетъ наслаждаться бытіемъ своимъ и можетъ быть счастливъ и долженъ быть счастливъ» [4])...

«Свобода», по мнѣнію Карамзина, необходима для процвѣтанія государства,—отсюда его сочувствіе къ вольному городу Данцигу, утратившему свой блескъ съ потерей свободы: «торговля, любящая *свободу*,—говоритъ онъ,—болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго» [5])... О «свободѣ» швейцарцевъ Карамзинъ очень безпокоится: то онъ указываетъ, чѣмъ объясняется простота нравовъ цюрихскаго общества, говоря, что «роскошь бываетъ гробомъ *вольности* и добрыхъ нравовъ» [6]), — то предупреждаетъ швейцарцевъ, чтобы они обратили вниманіе на попрошайничество деревенскихъ дѣтей, предупреждая, что отъ этого «умираетъ *свобода*

---

[1]) «Моск. Журналъ», III, 64. [2]) Ibid., IV, 65. 192. [3]) Ibid., 192.
[4]) Карамзинъ, Соч., II, 91. [5]) Карамзинъ, Соч., II; 43. [6]) Ibid., 241.

въ республикахъ» [1]),—то, наконецъ, восторгается богатствомъ швейцарскихъ крестьянъ, связывая это богатство съ политической свободой: «сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ, говоритъ онъ, наиболѣе отъ того, что они не платятъ почти никакихъ податей и *живутъ въ совершенной свободѣ* и независимости» [2]).

Будучи поклонникомъ «свободы», Карамзинъ, естественно, былъ сторонникомъ и той формы правленія, которая давала больше всего свободы гражданину, т. е. республиканской. Этимъ объясняется и преклоненіе нашего путешественника передъ Швейцаріею: на нее смотрѣлъ юноша, какъ на «идеальную республику», основанную на благодѣтельныхъ законахъ братскаго союза» [3]),—оттого-то, въѣзжая въ страну, гдѣ не было господъ, кромѣ *одного Бога* [4]), онъ «съ *гордостью* помышлялъ о своемъ человѣчествѣ» [5])... При такихъ политическихъ убѣжденіяхъ, конечно, не могъ онъ симпатизировать Людовику XIV, котораго вовсе не считалъ «великимъ» [6]), ни, тѣмъ болѣе, Ришелье, котораго онъ называетъ «жестокимъ министромъ», «недостойнымъ хвалы» [7])... За то, съ какимъ благоговѣніемъ относится онъ къ памяти Генриха IV [8]), правленіе котораго не было гнетомъ для народа; съ живымъ сочувствіемъ смотритъ онъ на людяхъ, защищавшихъ права своихъ ближнихъ отъ тяжелой руки насилія: — вотъ почему онъ съ увлеченіемъ повторяетъ хвалебныя слова Платнера, сказанныя по адресу Франклина: «видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его, текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества!» [9])...

Выше мы не одинъ разъ говорили уже объ отношеніи Карамзина къ французской революціи [10]). Поклонникъ свободы, другъ человѣчества и его правъ, юноша-идеалистъ издали

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 254. [2]) Ibid., 257. [3]) Ibid., 201. [4]) Ibid. [5]) Ibid., 192. [6]) Ibid., 402—3. [7]) Ibid., 520—1. [8]) Ibid., 530—1. [9]) Ibid., 123. [10]) См. выше, стр. 160—1, 162—5, 432—3 и др.

привѣтствовалъ занимавшуюся зарю новой свободы... Кромѣ его собственнаго признанія о своемъ сочувствіи въ юности къ революціи [1]), можно привести изъ «Писемъ» нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя дадутъ намъ возможность еще разъ подтвердить сказанное: можно думать, напримѣръ, что самый кличъ революціонный: «свобода, равенство и братство»—увлекалъ Карамзина—по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, въ первомъ изданіи «Писемъ» онъ употребилъ этотъ лозунгъ революціи почти дословно во фразѣ: «роскошь бываетъ гробомъ вольности, равенства и добрыхъ нравовъ» [2]).—А вѣдь это понятіе: «добрые нравы», въ глазахъ Карамзина, было синонимомъ понятія: «братство» людей,—что видно, хотя бы, изъ восхваленій имъ швейцарскихъ пастуховъ [3])... О «равенствѣ» же людей высказался нашъ путешественникъ не менѣе опредѣленно, когда разсказывалъ, напримѣръ, о дѣвичьей школѣ въ Цюрихѣ: его, оказывается, восхитило, что, напримѣръ «дочь богатѣйшаго Цюрихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего и научается уважать достоинство, а не богатство» [4])...

Насиліе, нарушающее свободу и права человѣка, возмущаетъ нашего «свободолюбиваго» путешественника до того, что для выраженія своего негодованія пользуется онъ такими сильными выраженіями, какъ, напримѣръ: «тиранъ кровожаждущій» [5]), или: «явится чудовище насилія и загремитъ цѣпями!» [6]), — выраженіями, излюбленными въ революціонной литературѣ.

«Свободомыслящимъ» человѣкомъ показалъ себя Карамзинъ и въ вопросахъ, касавшихся религіи: въ этомъ случаѣ къ нему примѣнимы многія обвиненія, которыми враги осыпали масоновъ,—такъ, онъ замѣтно склоняется на сторону протестантовъ противъ католиковъ, подтверждая своимъ согласіемъ слова Николаи: «духъ Католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ и налагаетъ цѣпи на разумъ».. [7]); онъ интересуется «сектантами», причемъ, напримѣръ, находитъ «много хорошаго» у анабаптистовъ [8]); въ Лондонѣ онъ, судя по его

[1]) См. выше: 163—4. [2]) «Моск. Журн.», IV, 308. [3]) Карамзинъ, Соч., II, 278.
[4]) Ibid., 240. [5]) «Моск. Журналъ», V, 374. [6]) Ibid., 17.
[7]) Карамзинъ, Соч. II, 66. [8]) Ibid., 42.

словамъ, интересовался богослуженіями различныхъ сектъ: «мнѣ, говоритъ онъ, хочется видѣть служеніе каждой секты» [1].. Кромѣ того, требовалъ Карамзинъ полной вѣротерпимости— вотъ почему онъ заступается въ своихъ «Письмахъ» за реформатовъ, которымъ во Франкфуртѣ запрещено было всенародно отправлять свое богослуженіе: «такая нетерпимость, прибавляетъ онъ, конечно, не служитъ къ чести франкфуртскаго Правительства» [2]); онъ искренне сожалѣетъ евреевъ [3]) и, на жалобы одного изъ нихъ, по собственному признанію, «не могъ отвѣчать ни слова, пожалъ руку его и вышелъ вонъ» [4]); наконецъ, Вольтера онъ восхвалялъ за то, что тотъ «распространялъ взаимную терпимость въ Вѣрахъ» [5]), и «наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмаго-на-десять вѣка приносились рковавыя жертвы въ нашей Европѣ» [6]).

Впрочемъ, и самъ Карамзинъ энергично напалъ на религіозный фанатизмъ, называя его, между прочимъ, «гнуснымъ чудовищемъ» [7]); потому-же осудилъ онъ и средніе вѣка,—эпоху, когда не было свободы религіозной мысли [8])... Рѣшительно напалъ онъ и на монашескую жизнь... Припомнимъ, какой ироніей звучатъ слова его разсказа о посѣщеніи имъ одного католическаго монастыря: «*толстый* отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ» [9]).. Прямое осужденіе монастырскаго строя жизни находимъ и мы въ слѣдующихъ словахъ, относящихся къ монахамъ: «странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, образованную, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни щастія.. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству.. Человѣкъ съ первой степени земного творенія ниспадаетъ въ сферу бездушныхъ тварей» [10])!

Можно думать, что къ *внѣшней* сторонѣ религіи Карамзинъ былъ въ то время совершенно равнодушенъ,—по крайней мѣрѣ, мимо католическихъ реликвій онъ прошелъ не только безъ благоговѣнія, но даже безъ всякаго почтенія, не сдер-

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 696. [2]) Ibid., 171. [3]) Ibid. 173.
[4]) Ibid. [5]) Ibid., 320. [6]) Ibid. [7]) Ibid., 155.
[8]) Ibid., 32, 292. [9]) Ibid., 155. [10]) Ibid., 413.

жавъ насмѣшливаго слова: въ Майнцѣ, въ церкви св. Іаонна, ему предложили показать кишки св. Бонифація, но нашъ путешественникъ наотрѣзъ отказался отъ этого зрѣлища: «хотя св. Бонифацій,—замѣтилъ онъ—былъ добрый человѣкъ и обратилъ въ христіанство Баварцевъ, однакожь кишки его не имѣютъ для меня никакой прелести» [1]). Такъ же точно отнесся Карамзинъ и къ статуѣ Богородицы въ Майнцѣ... «Тутъ бросилась мнѣ въ глаза,—разсказываетъ онъ,—статуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. «Часто-ли шьютъ ей обновы? спросилъ я» [2])...

Въ статьѣ о Новиковѣ, приложенной къ нашей работѣ, мы пытались примирить такой-же либерализмъ масоновъ съ ихъ религіозностью [3]), — преклоненіе ихъ передъ Вольтеромъ одновременно съ порицаніемъ его... «Письма русскаго путешественника» даютъ намъ факты, помогающіе остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи этого вопроса,—Карамзинъ, какъ было сказано выше, уважалъ Вольтера за распространеніе «терпимости въ Вѣрахъ», за посрамленіе «гнуснаго лжевѣрія», но въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ онъ счелъ нужнымъ прибавить: «я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ» [4])... Стоитъ сравнить съ этими словами замѣчаніе Лабзина, что Шварцъ умѣлъ находить хорошее въ философской французской литературѣ, хотя, въ концѣ концовъ, «вырвалъ изъ рукъ молодежи безбожныя творенія новѣйшихъ философовъ», — и мы поймемъ, что Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ» повторилъ то, что слышалъ онъ отъ своихъ учителей: французская философія XVIII в. имѣла большое значеніе, какъ сила разрушающая, но она не годилась для роли руководительницы въ жизни,—она очистила почву для идеализма и этимъ окончилась ея историческая роль.. Вотъ почему Карамзинъ съ уваженіемъ относится къ XVIII вѣку, когда «законы разума всенародно возглашаются и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется, просвѣщеніе, котораго одна искра

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 178.
[2]) Ibid., 171.
[3]) См. 1-ое Прилож. 17—8, 21.
[4]) Ibid., 320.

можетъ освѣтить бездну заблужденій» [1]), — но на этомъ восхваленіи «законовъ разума» юноша не останавливается, такъ какъ не «въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ философовъ» надо было, по его мнѣнію, искать истины, а въ «сердцѣ» [2])...

Для историка очень цѣнны всѣ вышеприведенныя нами идеи Карамзина: во первыхъ, онѣ вполнѣ согласуются съ тѣми убѣжденіями, которыми, судя по отзывамъ современниковъ, жили московскіе масоны,—что даетъ право говорить о вѣрномъ отраженіи «передовыхъ» идей русскаго общества въ «Письмахъ», — а, во вторыхъ, идеи эти, очевидно, у Карамзина органически срослись со всѣмъ его міросозерцаніемъ:— для него это не чужія мысли, красивыя и модныя, взятыя лишь напрокатъ,—а его «убѣжденія», съ которыми онъ самъ такъ сроднился, сжился, что даже не считаетъ нужнымъ ихъ подчеркивать,—высказываетъ совершенно непроизвольно, роняетъ, словно нечаянно..

Если, такимъ образомъ, Карамзинъ вѣрно отразилъ въ себѣ тѣ «передовыя» идеи, которыми жили русскіе люди, то, думается намъ, «отразилъ» онъ въ себѣ не менѣе вѣрно и тѣ «нравственныя» черты, которыя ко второй половинѣ XVIII столѣтія стали намѣчаться довольно ясно у лучшихъ представителей тогдашняго общества... Въ «введеніи» къ нашей работѣ мы говорили уже о стремленіи къ «идеализму», стремленіи, которое кладетъ своеобразный отпечатокъ на русскую жизнь той эпохи, когда подросталъ Карамзинъ; мы указывали уже, что ради утоленія этой жажды «положительнаго» люди XVIII вѣка охотно шли смотрѣть театральныя пьесы, съ «идеальными» героями и героинями, зачитывались романами «приключеній», всей душою сочувствуя «добродѣтельнымъ» страдальцамъ, гонимымъ судьбой,—наконецъ, не скучали и за многочисленными, часто многотомными «нравоучительными» сочиненіями.. Неудача, постигшая у насъ «сатирическія» изданія, и быстрый успѣхъ масонства, — еще два характерныхъ показателя тѣхъ желаній, которыя волновали тогдашнее общество.. Масонство было первой попыткой дать

---

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 137. [2]) Ibid., 110.

исходъ этимъ исканіямъ идеализма, — «вольные каменщики» катехизировали, привели въ сознаніе этотъ дремавшій идеализмъ,—и ложи ихъ быстро наполнились ищущими истины..

Карамзинъ, какъ *личность*, какъ представитель извѣстныхъ нравственныхъ убѣжденій, сложился цѣликомъ изъ элементовъ этой «новой» жизни русскаго общества: съ дѣтства онъ находился подъ воздѣйствіемъ нѣсколькихъ «передовыхъ», людей того времени (матери, Пушкиной, отца, друзей отца); Шаденъ и масоны своимъ вліяніемъ докончили его воспитаніе, сдѣлавъ изъ него юношу, жадно стремящагося къ идеализму... Сначала искалъ онъ истины у масоновъ, но скоро отошелъ отъ нихъ, недовольный и разочарованный, отошелъ къ идеалистической сентиментальной литературѣ, — она удовлетворила его больше,—и, взявъ отъ нея все существенное, юноша, съ «новымъ вѣроученіемъ», предсталъ предъ русскимъ обществомъ.. Многое изъ этого ученія было уже въ отрывкахъ знакомо русскимъ людямъ, много въ немъ было общаго съ символомъ масонской вѣры, наконецъ, все отвѣчало уже отмѣченнымъ выше запросамъ времени,—немудрено, что русское общество приняло Карамзина съ распростертыми объятіями... Благодаря таланту и глубокому проникновенію въ свои идеалы Карамзинъ сумѣлъ обставить свою проповѣдь съ самой выгодной стороны, — къ тому же она была безконечно проще масонской, была свободна отъ всѣхъ побочныхъ, затемняющихъ условій и требованій, — не навязывала слушателямъ отвлеченныхъ моральныхъ правоученій, а увлекала ихъ исключительно живыми этюдами изъ жизни «прекрасной души»... Юный писатель-идеалистъ рисовалъ только *себя*, правдиво и безъ рисовки, — и самая «личность» его неотразимо влекла къ себѣ сердца современниковъ: «зеркало» его души незамѣтно для всѣхъ дѣлалось «проповѣдью» идеализма... Вотъ почему на страницахъ нашей работы мы старались уяснить прежде всего «личность» Карамзина, хотя общими чертами обрисовать образъ нашего юноши-«die schöne Seele»... Вникнемъ въ этотъ образъ,—и мы безъ труда поймемъ, насколько цѣнно для историка появленіе такихъ дѣятелей въ рядахъ общества, — Карамзинъ, какъ *личность*, заставляетъ насъ съ

бо̀льшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ смотрѣть на русскихъ людей XVIII в..

Какъ *литераторъ*, Карамзинъ былъ тоже вѣрнымъ отраженіемъ вкусовъ современнаго ему общества... Мы видѣли уже, что сентиментализмъ, введеніе котораго въ русскую литературу было нашими историками приписано исключительно ему, жилъ у насъ задолго до него, выражаясь и въ переводахъ западныхъ сентиментальныхъ писателей, и въ творчествѣ подъ ихъ вліяніемъ... Впрочемъ, этотъ докарамзинскій сентиментализмъ выражался случайно, бѣгло, — онъ не создалъ литературнаго направленія, не нашелъ среди русскихъ писателей ни одного виднаго дѣятеля... Потому-то, думается намъ, Карамзинъ и игнорировалъ въ своихъ отзывахъ о русской литературѣ эти искры родного сентиментализма: нашъ писатель черпалъ свое вдохновеніе непосредственно изъ первоисточника—изъ литературы западноевропейской; оттого и мы, вслѣдъ за нимъ, обратились прямо къ изученію западноевропейскихъ образцовъ, ограничившись лишь бѣглымъ указаніемъ на существованіе русской сентиментальной литературы и до Карамзина.

Во всякомъ случаѣ, если для самого Карамзина, а, можетъ быть, и для его современниковъ незамѣтна была связь его съ родной почвой, то для насъ вполнѣ ясно, что онъ, какъ литераторъ, былъ отраженіемъ вкусовъ современнаго ему общества: со своими произведеніями онъ явился передъ толпой, изъ которой только что вышелъ самъ и которая его литературными предшественниками была уже подготовлена къ восторгамъ самымъ шумнымъ...

Пусть современники привѣтствовали въ Карамзинѣ «новое» явленіе,—мы имѣли уже случай говорить [1]), какъ складывается «общее мнѣніе» о всякомъ «новаторствѣ»... Карамзинъ, повторяемъ, прежде всего полное отраженіе русской жизни конца XVIII вѣка, воспитанникъ той части русскаго общества, которое къ концу царствованія Екатерины ощутило въ себѣ стремленіе идти впередъ самостоятельно... На глазахъ юноши «развернулась эта жизнь; ея стремленія и интересы были той

---

[1]) См. выше: стр. 456.

атмосферой, въ которой онъ выросъ и опредѣлился. Волею судебъ онъ попалъ въ самую середину этого потока, увлекавшаго русское общество впередъ къ той жизни, въ которой все яснѣе и сознательнѣе сказывались «эстетическія», «идеалистическія» и «политическія» стремленія... Эта новая жизнь положила свои неизгладимыя, несмываемыя печати на духовный обликъ Карамзина и на всю его литературную дѣятельность» [1])...

Для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ справедливости этого утвержденія, — обратимся къ отзывамъ современниковъ о Карамзинѣ и его. «Письмахъ»... Выше мы не разъ говорили уже о томъ, съ какимъ восторгомъ отнеслись къ «Письмамъ» молодые литераторы, ученики Карамзина, — такимъ образомъ, у насъ уже имѣется цѣлый рядъ самыхъ сочувственныхъ отзывовъ... Но, конечно, только этими «литературными» восхваленіями не доказать еще органической связи писателя съ современной ему жизнью, — намъ нужно взять не только мнѣнія, высказанныя въ «литературѣ», — намъ надо прислушаться къ широкому кругу обыкновенной публики, — не въ хвалебныхъ стихахъ, не въ «чувствительныхъ» путешествіяхъ будемъ мы собирать эти отзывы, а въ «перепискахъ», «дневникахъ»...

Но эти отзывы сдѣлаются для насъ вдвойнѣ интереснѣе, если мы предварительно установимъ отношеніе къ «Письмамъ» русскаго правительства... Сдѣлать это нетрудно благодаря бумагамъ, открытымъ нами въ петербургскихъ архивахъ: Сенатскомъ и Государственнаго Совѣта, — это почти полное собраніе документовъ по исторіи русской цензуры за екатерининское и павловское время [2]).

Введенная въ Россію для борьбы съ «революціонной» литературой, шедшей къ намъ съ запада, цензура въ тяжелое правленіе Павла сдѣлалась для русскаго общества чѣмъ-то устрашающимъ: привозъ «опасной» книги былъ пріостано-

---

[1]) См. выше 15 стр.

[2]) См. подробнѣе въ нашей статьѣ: «Изъ прошлаго русской цензуры», «Русск. Стар.», 1899, № 3.

вленъ, но, съ нею за одно, гоненія были открыты на всякое произведеніе, въ которомъ блистала хоть искорка либерализма; запрещались иногда самыя невинныя книги, по мотивамъ до того курьезнымъ, что эти мотивы вызываютъ невольную улыбку у современнаго читателя этихъ отзывовъ. Немудрено, что цѣлый рядъ безобиднѣйшихъ писателей оказался «опасными». И вотъ, мы видимъ, что въ число «гонимыхъ» попали многіе такіе авторы, предъ которыми нашъ Карамзинъ преклонялся, знакомства съ которыми онъ искалъ, сочиненія которыхъ превозносилъ въ своихъ «Письмахъ»...

Такъ, «запрещенными» оказались, напримѣръ, нѣкоторыя сочиненія *Виланда* [1]), *Гете* [2]), *Шиллера* [3]), *Канта* [4]), *Вольтера* [5]), *Руссо* [6]), *Гердера* [7]) и *Клопштока* [8]). Кромѣ того, среди опасныхъ именъ встрѣчаемъ имена *Архенгольца* [9]), *Николаи* [10]), *Мабли* [11]), *Музеуса* [12]), *Энгеля* [13]), *Левека* [14]), *Лафатера* [15]).

Послѣ этого курьезнаго перечня, остановимся на тѣхъ *идеяхъ*, которыя внушали опасенія русской цензурѣ прошлаго вѣка. Конечно, мы оставимъ въ сторонѣ книги, дѣйствительно, неприличныя, возмутительныя, недоступныя печати даже и

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта: «Дѣла Совѣта Его Величества» (отзывы цензуръ о поступившихъ книгахъ), 1796—98 гг., Рижск. ценз., № 49, Л. 27: «ни рожденія, ни воспитанія не считаетъ привязанностью къ отечеству потому даетъ свободу, каждому бродить и селиться, гдѣ кто хочетъ». Еще: № 271, Л. 118а,— между прочимъ, за то. что «якобы тотъ умный человѣкъ, кто славу и хвалу въ подвигахъ презираетъ»... Еще: № 391, Л. 186—7; № 574, Л. 234, №№ 683, 685, Л. 330а. [2]) Ibid., № 57, Л. 36. Еще: № 271, Л. 118а. № 581, Л. 237а. [3]) Ibid. № 440, Л. 214а.

[4]) Ibid., № 21, Л. 13. Оказывается, «сочиненіе мужа, котораго нынѣ считаютъ преобразователемъ философіи и ученѣйшимъ своихъ предшественниковъ» запрещено по многимъ основаніямъ: «оспариваетъ существовавшее доселѣ основаніе брака къ дѣторожденію, изъемлетъ дѣтей изъ власти родителей, коль скоро сами себѣ пропитаніе имѣть будутъ, ограничиваетъ право повелѣвать слугами, хулитъ вообще право всегдашняго владѣнія крестьянами» и т. д. Еще: петерб. ценз., Л. 199.

[5]) Ibid., рижск. ценз., № 111, Л. 48. Еще: № 132, Л. 52а. №№ 239, 240, Л. 95. Петерб. ценз., Л. 194. [6]) Ibid., рижск. ценз., № 112, Л. 48. № 560, Л. 207.

[7]) Ibid., радзив. ценз., Л. 345. [8]) Ibid., рижск. ценз., № 271, Л. 118а.

[9]) Ibid., № 98, Л. 39а. Еще: №№ 119—121, 197—200, 216—221, Л. 92 и др.

[10]) Ibid., № 337, Л. 153—3а. [11]) Ibid., № 339, 340, Л. 153а.

[12]) Ibid., № 504, Л. 105. [13]) Ibid., № 563, Л. 209.

[14]) Ibid., петерб. ценз., Л. 124. [15]) Ibid., рижск. ценз., № 688, Л. 332.

въ наши дни, — а обратимся къ тѣмъ сочиненіямъ, суровая оцѣнка которыхъ краснорѣчиво показала, до какихъ предѣловъ доходила книгобоязнь русскаго правительства въ концѣ XVIII в. Мы постараемся постоянно имѣть въ виду «Письма русскаго путешественника», съ ихъ либеральными идеями...

Оказывается, что нѣсколько книгъ пострадали за указаніе на тяжелое положеніе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ... Такъ, сочиненіе Merkel'я «Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts» (Leipzig, 1797) найдено неподходящимъ для русскихъ читателей, такъ какъ въ немъ сказано, «что Латыши въ Лифляндіи и Чухонцы въ Эстляндіи, голодомъ томимые, трудятся въ хлѣбопашествѣ для чужихъ помѣщиковъ» [1]). «Pittoresken aus Norden» (St. Petersbourg, (фальшивое обозначеніе мѣсто печати) 1 Th., 1795; 2 Th. 1796) запрещены за то же: цензоръ усмотрѣлъ «обиду и опороченіе лифляндскихъ дворянъ», напримѣръ, въ словахъ: «дворяне эстляндскіе плохо кормятъ крѣпостныхъ» [2]). За указаніе тяжелаго положенія лифляндцевъ и отзывъ о ихъ просвѣщеніи «съ худой стороны» пострадали еще: сочиненіе того-же Merkel'я: «Die Vorzeit Lieflands» (Berlin, 1708) [3]) и «Reise eines Liefländers von Riga nach Warschau u. w.» (Berlin, 1795); авторъ второго сочиненія, говоря по поводу лифляндцевъ, оказывается, допустилъ «разсужденіе объ отношеніи крестьянина къ господину и о свободѣ его» [4]). Выше мы говорили уже, что на тяжелое положеніе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ указывалъ и нашъ Карамзинъ и рѣшилъ его въ духѣ перечисленныхъ «опасныхъ» сочиненій.

Много книгъ было запрещено за нападки на *католическихъ* монаховъ... Такъ, остановлено было цензурой произведеніе Spiess'a: «Der scherzende (?) Genius, eine Geschichte voller Wunder aber ohne Geister», (Weissenfels und Leipzig, 1797, 2 Th.) за то, между прочимъ, что авторъ «даетъ изъясненіе съ утвержденіемъ, что монашество есть порожденіе суевѣрія», и говоритъ, что «брюхо есть ихъ Богъ» [5]). Книга

[1]) Арх. Гос. Сов., «Дѣла Сов. Его Вел.», отзывы рижск. ценз., № 11, Л. 7.
[2]) Ibid., рижск. ценз., № 629—30, Л. 298. [3]) Ibid., петерб. ценз., . 320а—321, [4]) Ibid., рижск. ценз., № 314, Л. 141а.
[5]) Ibid., рижск. ценз., № 497—8, Л. 103.

Schaubrod'a (J. U.) «Klara von Boyneburg, ein historisches Gemählde der Vorzeit» (1796, 2 Th.) найдена неудобной для обращенія въ русской публикѣ въ виду того, что помѣщенная тамъ «повѣсть о похоти монаха и его покушеніи на дѣвицу кажется предосудительнымъ сему сану» [1]). «Passions und Flitter-wochen des Lebens» (Th. 2, 1798) запрещена, между прочимъ, за слова: «монастыри суть магазейны пустосвятства и фанатизма» [2])., За подобныя же нападенія на монаховъ пострадали еще слѣдующія книги: «Amaliens Feyerstunden» (Hamburg, 1796) [3]), «Archiv für die neuere Kirchengeschichte, herausg. v. D. H. Ph. Henke» (Weimar, 1797) [4]), «Neuer teutscher Merkur» (1790) [5]), «Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz im Jahre 1781, von Fr. Nikolai» (Berlin, 1791) [6]), «Contes de Bocace, traduction nouvelle» (á Londres, MDCCXCI, 10 t.[7]), «Geschichte der Entstehung, der Veränderungen und der Bildung unsers protestanischen Lehrbegriff..., v. D. G. J. Plank (?)». — Сопоставимъ съ этимъ насмѣшку Карамзина надъ «толстымъ» монахомъ, обладателемъ «охриплаго голоса» [8]), осужденіе вообще монашеской жизни [9]), припомнимъ, какъ онъ въ монастырѣ увидалъ «мрачное жилище фанатизма» [10]), — и, наконецъ, припомнимъ разсказъ его, очень обстоятельный, о любовныхъ продѣлкахъ одного молодого монаха съ «нѣжной» монахиней [11]).

Не довольствуясь защитой монаховъ, русская цензура ополчилась вообще за *католичество*, за папу, за католическіе обряды и святыни. Такъ, «Oekonomisch-technologische Encyclopedie» Kurnitz'a (J. G.) и Florken'a (Fr. J.), (Berlin, 1798) внушила цензору опасенія «критикой на новоутвержденные властію римско-католическія церкви требники, въ разныхъ молитвахъ состоящіе» [12]); «Abentheurliche Begebenheiten eines

---

[1]) Арх. Гос. Сов., отз. рижск. ценз., № 405—6, Л. 188а. [2]) Ibid., № 692, Л. 332а. [3]) Ibid., № 81, Л. 34. [4]) Ibid., № 116, Л. 49. [5]) Ibid., № 273, Л. 119.
[6]) Ibid., № 337, Л. 153—3а. [7]) Ibid., рижск. ценз., № 413—22, Л. 190.
[8]) Карамзинъ, Соч., II, 155. [9]) Ibid., 412.
[10]) Ibid., 55. [11]) Ibid.,, 160.
[12]) Арх. Гос. Сов., Отз. рижск. ценз., № 551, Л. 204.

Hofmeisters in Paris, während der Revolution, v. August Wilhelm (?)» была запрещена за то, что авторъ объ обрядахъ и святыняхъ римско-католическаго исповѣданія говоритъ съ нѣкоторою насмѣшкою» [1]). Уже названная нами «Geschichte der Entstehung», кромѣ нападеній на монаховъ, была запрещена за восхваленіе Лютера и за нападки «на обряды римско-католическаго вѣроисповѣданія и на папу» [2]). «Jahrbücher der Preussischen Monarchie» (1799, Januar, Marz, April) пострадали за то же: за «критику на папу и римскую церковь и что реформація нужна была» [3]).. За осужденіе католическаго духовенства былъ запрещенъ Дидро («Sämmtliche Werke von D. Diderot, Riga, 1797) [4]).—Припомнимъ рѣчь Николаи о преимуществахъ протестантства надъ католицизмомъ, рѣчь, косвенно одобренную Карамзинымъ; припомнимъ конецъ разсказа о Шрепферѣ, гдѣ Карамзинъ иронизируетъ надъ Святой Инквизиціей, іезуитами [6]), и прибавимъ къ этому, скептическое отношеніе Карамзина къ чуду, послужившему началомъ Картезіанскаго монастыря («..епископъ за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ..»)—и мы поймемъ, что, съ точки зрѣнія цензуры, Карамзинъ былъ писателемъ не менѣе опаснымъ.. Уже названное выше «Beschreibung einer Reise durch Deutschland und die Schweiz v. Fr. Nicolai», кромѣ нападеній на монаховъ, было сочтено опаснымъ и за «упоминаніе о св. власіяхъ насмѣшливо» [8]) — припомнимъ, по этому случаю, какъ высмѣялъ нашъ Карамзинъ кишки св. Бонифація [9])... Судить объ «иконахъ» и «образахъ» цензура рѣшительно запрещала: за это была запрещена книга: «Erzählungen von einer Reise durch einen grossen Theil Deutschlands und Schweiz» (1798, Berlin) — сопоставимъ съ этимъ многочисленные отзывы Карамзина о заграничныхъ изображеніяхъ святыхъ, хотя-бы, Магдалины, передъ которой нашъ

---

[1]) Арх. Гос. Сов., петерб. ценз. № 322. [2]) Ibid., рижск. ценз. № 678—82, Л. 327а. [3]) Ibid., № 775—7, Л. 388. [4]) Ibid., № 51, Л. 28. [6]) Карамзинъ, Соч., II, 66. [8]) «Моск. Ж.», III, 5. [7]) Карамзинъ, Соч. II, 412.

[8]) Арх. Гос. Сов., рижск. ценз., № 337, Л. 153—3а. Въ швейцарскихъ монастыряхъ показывали Николаи капли крови Христовой, волосы Его...

[9]) Карамзинъ, Соч., II. 178.

путешественникъ «таялъ сердцемъ», зная, что ликъ святой списанъ съ фаворитки Людовика XIV, герцогини Лавальеръ [1]).

Разумѣется, заступилась цензура и за французскую монархію: «Interessante Scenen aus der Geschichte der Menscheit» (Hannover, 1797) не были допущены въ Россію, между прочимъ, за фразу: «дворъ Людовика XV былъ совершенный гробъ нравственности» [2])—припомнимъ по этому поводу, какъ рѣшительно осудилъ Карамзинъ «душу» герцога Орлеанскаго [3])..
Между тѣмъ, цензура требовала безусловнаго уваженія къ французскимъ принцамъ и, напримѣръ, книга: «Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber» (Berlin, 1792) остановлена была, между прочимъ, за «насмѣшку надъ принцами отъ крамолъ французскихъ бѣжавшими» [4])... Безъ особеннаго уваженія относится къ нимъ и нашъ Карамзинъ, что видно, хотя-бы, изъ разсказа его о встрѣчѣ съ гр. д'Артуа: сказавъ, что принцъ съ другими эмигрантами уѣзжаетъ въ Италію, онъ оканчиваетъ: «Щастливый путь!» говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были *симъ незванымъ гостямъ»* [5]).

Запрещала цензура даже такія сочиненія, въ которыхъ были анекдоты о давно уже умершихъ властителяхъ. Такъ, Wanderungen durch die Niederland, Deutschland, Schweiz und Italien, in den Jahren 1793 — 94 (1796)» запрещена за «насмѣшливое напамятованіе о Императорѣ Карлѣ пятомъ», «насмѣшливое описаніе о Императорѣ Карлѣ Великомъ» [6]). «Contes et nouvelles de Margueritte de Valois, Reine de Navarre, faisant suite aux contes de J. Bocace» (à Londres, MDCCXXXVII, 8 t) задержаны за разсказы о любовныхъ похожденіяхъ разныхъ королей и принцевъ [7])... «Komische Erzählungen in Geschamack la Fontaines» (Halle und Leipzig, 1796) запрещены за разсказы о похожденіяхъ французскихъ принцевъ крови [8]). Припомнимъ, что анекдотовъ о всевозможныхъ коронованныхъ особахъ въ Письмахъ найдется не мало [9]).

---

[1]) Арх. Гос. Сов., рижск. ценз., 560, 561. [2]) Ibid., № 157, Л.62.
[3]) Карамзинъ, Соч., II, 500. [4]) Арх. Гос. Сов., рижск. ценз., № 491, Л. 101—2. [5]) Карамзинъ, Соч., II, 263. [6]) Арх. Гос. Сов., рижск. ценз., № 336. Л. 153. [7]) Ibid., рижск. ценз., № 423—3а, Л. 191а.
[8]) Ibid., № 605, Л. 291. [9]) Карамзинъ Соч., II, 436, 528, 536, 537, 561 и др.

Въ отношеніи къ современности, трусость нашей цензуры доходитъ до ужасающихъ размѣровъ: запрещались книги вообще за то, что въ нихъ попадались разсужденія на политическія темы: такъ «Kleine Büchsätze, von Gr. v. Vorgas (?)» задержаны «за разныя нынѣшнихъ временъ о вольности и политикѣ разсужденія» [1]); запрещались сочиненія за то, что авторы *не довольно энергично* нападали на революцію: «Le Spectateur du Nord, journal politique, litteraire et moral» (Janvier, 1797, à Hambourg) не пущенъ былъ въ Россію за то, что авторъ одной статьи, хотя и противникъ революціи, но «слабыми доводами больше вредитъ» [2]). (Припомнимъ, что въ первыхъ 4-хъ томахъ «Писемъ» Карамзинъ не только никакихъ доводовъ *противъ* революціи не приводилъ, но даже *ни слова не сказалъ* противъ нея); запрещались сочиненія, авторы которыхъ хвалили «просвѣщеніе вѣка»: «Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen» (September, 1797)—задержанъ, между прочимъ, за то, что «проповѣдуетъ достиженіе высочайшей степени нынѣшняго просвѣщенія; но все сіе скрываетъ (!) яко бы противу Франціи пишетъ» [3]); сопоставимъ съ этимъ обвиненіемъ слова Карамзина о «просвѣщеніи XVIII вѣка» и великомъ значеніи его [4])...

Энергично вооружилась цензура и на мечты о возвращеніи человѣка въ «первобытное состояніе», т. е., къ тому «золотому вѣку», о которомъ мечтали всѣ сентиментальные писатели, въ томъ числѣ, и Карамзинъ: «Der Natur-Mensch», von August Lafontaine былъ запрещенъ, какъ романъ, «представляющій человѣка, возвращеннаго и воспитаннаго въ состояніи Натуры, въ которомъ онъ токмо найти свое могъ блаженство, что отвергаетъ благоденствіе въ состояніи общественномъ» [5])...

Конечно, цензура явилась рѣшительной защитницей «рабства»: насколько слово «свобода» пріятно звучало для слуха многихъ людей XVIII в., — настолько оно ненавистно было

---

[1]) Арх. Гос. Сов., рижск. ценз., № 56, Л. 30.
[2]) Ibid., № 129, Л. 48.
[3]) Ibid., рижск. ценз., № 151, Л. 60в. [4]) Карамзинъ, Соч., II, 137.
[5]) Арх. Гос. Сов., рижск. ценз., № 804, Л. 379.

русскому правительству конца вѣка: «Allgemeine Lehrbuch für Bürgerschulen» не была пущена въ Россію за то, что авторъ ея утверждаетъ, будто «рабство противно разуму и что, вслѣдствіе сего, никакой человѣкъ не долженъ быть собственностью другого» [1]); «Moralische Erzählungen für Kinder von 8 bis 12 Jahren», von Fr. Hermann (1796) запрещено за то, что авторъ, «желая въ нравоученіи мѣщанскимъ дѣтямъ доказать надобность человѣколюбія, восходитъ нарочито высоко и на стр. 19 доказываетъ, что всѣ люди, Государь и нищій— братья» [2]); «Reise in Deutschland, Schweiz, Italien ind Sicilie», von Fr. L. Graf zû Stolberg (Königsberg und Leipzig, 1794), было не пропущено въ Россію, такъ какъ авторъ «считаетъ вреднымъ, что дѣти дворянскія не за однимъ столомъ съ мѣщанскими пищу пріемлютъ, и называетъ неблагоразуміемъ вперять юношеству понятіе о различіи состояній» [3]), — припомнимъ по этому случаю удовольствіе Карамзина при посѣщеніи Цюрихской дѣвичьей школы», когда онъ увидалъ, «что дочь богатѣйшаго цюрихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство» [4]).

Теперь вопросъ, была-ли цензура вѣрной выразительницею желаній и намѣреній правительства?.. Факты, извлеченные нами изъ архивнаго матеріала, заставляютъ насъ рѣшить этотъ вопросъ утвердительно: всѣ отзывы, цитованные выше, поступали на разсмотрѣніе Совѣта Его Величества, докладывались Императору и, за очень рѣдкими исключеніями, имъ утверждались, иногда даже съ краснорѣчивыми отмѣтками: «сжечь», «сжечь безъ огласки», «съ лицами, виновными въ выпискѣ, поступить по законамъ».. Рвеніе цензоровъ, особенно рижскаго Ѳ. Туманскаго, поощрялось Высочайшими наградами, жалобы обиженныхъ купцовъ и авторовъ замалчивались..

Конечно, приведенные нами факты даютъ ясное представленіе о взглядахъ русскаго правительства на книгу. Если бы

---

[1]) Арх. Гос. Сов., петерб.ценз., Л. 177. [2]) Ibid., рижск. ценз. № 494, Л. 102. [3]) Ibid., № 730—1, Л. 362. [4]) Карамзинъ, Соч., II, 240.

«Письма русскаго путешественника», при появленіи въ свѣтъ оказались передъ судомъ» такимъ суровымъ, то, конечно, имъ-бы не сдобровать, да и автору не поздоровилось-бы... Счастливый рокъ сохранилъ, какъ извѣстно, первые четыре тома отъ контроля цензуры: они вышли *до открытія* дѣятельности цензуры и избѣгли ея придирчиваго суда [1])... Но если открытаго столкновенія у Карамзина съ правительствомъ Павла и не было, то нашъ писатель былъ настолько увѣренъ въ возможности такого столкновенія, что въ павловское время совсѣмъ пересталъ писать, даже не повторялъ старыхъ изданій... И не только онъ самъ сознавалъ всю опасность [2]) быть авторомъ «Писемъ» — и современники его были почти увѣрены, что «Письма» даромъ Карамзину не пройдутъ,—отсюда идутъ, между прочимъ, сплетни о его ссылкѣ, широко распространившіяся и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ еще въ 1794 — 95 годахъ [3])... Припомнимъ, что то время было разгаромъ французской революціи, — и мы поймемъ то нервное настроеніе общества, которое сказывалось во всѣхъ этихъ тревожныхъ слухахъ, различнаго рода опасеніяхъ...

Обращаясь теперь къ отзывамъ современниковъ о «Письмахъ», мы отмѣтимъ прежде всего отзывы враждебные, повторявшія опасенія правительства... Ѳ. Туманскій, въ 1792 году еще редакторъ «Россійскаго Магазина», мстя Карамзину, уже предостерегалъ общество отъ увлеченія его «Письмами»... Онъ совѣтуетъ въ это тревожное время не отпускать заграницу «любопытствовать о чуждыхъ произведеніяхъ или, какъ мнимые умники бредятъ, «учиться отъ чужестранныхъ», что, по толкованію честнаго Россіянина, вѣсившаго ихъ изреченія съ принесенными ими Отечеству — кромѣ обезяничества — плодами, значитъ *глазѣть на ханжества иностранныя*, и, возвращаясь, превозносить неприличными похвалами чуждые нравы, обычаи, образъ жизни, заведенія» [4])... Восхищеніе

---

[1]) См. 7-ое примѣчаніе. [2]) Спасеніемъ Карамзина, конечно, было то, что его другъ, позднѣе и свойственникъ, извѣстный гр. Растопчинъ, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Павлу. [3]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 59, 60. [4]) «Россійскій Магазинъ», I, 53.

чужимъ «раждаетъ ядъ проницательный, ядъ, разливающійся по душамъ юнымъ несозрѣлыхъ умовъ, заражающій ихъ стремленіемъ къ почтенію чуждаго и маломнѣніемъ о своемъ отечествѣ»[1])... Но, если еще въ 1792 году прямо обвинить Карамзина въ склонности къ революціи не рѣшился даже Ѳ. Туманскій, указавшій исподтишка только на сочувствіе его къ такимъ странамъ, откуда шелъ «ядъ» по всей Европѣ, то въ 1799 году какой-то неблагопріятель нашего писателя уже прямо упрекнулъ его за то, что онъ сѣетъ «мечты» въ такое тревожное.

...нынѣшнее время,
«Когда развратовъ вредно сѣмя
«Вскружило множество головъ» [2])...

Но особенно характернымъ отзвукомъ враждебнаго отношенія «консерваторовъ» къ Карамзину, былъ доносъ куратора университетскаго Кутузова... Въ сочиненіяхъ Карамзина усмотрѣлъ онъ «гибельный ядъ» «вольнодумческій и якобиническій» [3])... «Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе» [4]); «онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые Консулы» [5]) — пугаетъ предусмотрительный кураторъ петербургскія власти... Впрочемъ, не одинъ Кутузовъ усмотрѣлъ радикализмъ Карамзина: позднѣе Joseph de-Maistre въ своей брошюрѣ: «Quatre chapitres sur la Russie» пользуется «Письмами» для доказательства религіознаго вольнодумства въ русскомъ обществѣ [6]). Еще дошли до насъ какіе то смутные слухи о доносѣ Ѳ. Туманскаго на «Письма», но этотъ доносъ нигдѣ не обнародованъ и существованіе его не доказано... Въ заключеніе, укажемъ на знаменательныя слова В. Кн. Константина Павловича, сказанныя по поводу «Исторіи Государства Россійскаго»... Оказывается, это сочиненіе, «ультра-консервативное», съ точки зрѣнія молодыхъ «либералистовъ» александровскаго царствованія, повергло В. Князя въ «удивленіе»—онъ не могъ понять, какъ это Императоръ Александръ позволилъ Карамзину напеча-

---

[1]) «Росс. Магазинъ», I, 53. [2]) «Ода въ честь моему другу», «Иппокрена», 1799, ч. IV, 21. [3]) «Чт. въ Имп. О-вѣ Ист. и Др. Росс.», 1858 г., II, 185. [4]) Ibid. [5]) Ibid., 186. [6]) J. de Maistre, «Quatre chapitres sur la Russie», 1859, 135—6.

тать эту книгу и даже «отличалъ сочинителя», между тѣмъ, какъ «книга его наполнена якобинскими поученіями, прикрытыми витіеватыми фразами» [1])... Если «Исторія» казалась В. Князю книгой вредной въ политическомъ отношеніи, то что̀ сказалъ-бы онъ, если-бы прочелъ «Письма русскаго путешественника»?!..

Сопоставимъ теперь съ этими немногочисленными, но характерными отзывами огромное количество самыхъ восторженныхъ мнѣній о «Письмахъ»... Даже враги Карамзина признаютъ необыкновенный успѣхъ его сочиненій, особенно «Писемъ»: такъ кураторъ Кутузовъ съ ужасомъ сообщаетъ, кому знать надлежитъ, что «распространилось уваженіе къ сочиненіямъ Карамзина» [2]): «они сдѣлались классическими», «Карамзина превозносятъ, боготворятъ! Во всемъ Университетѣ, въ Пансіонѣ читаютъ, знаютъ наизусть!» [3])... Скрѣпя сердце, признаетъ и Ѳ. Туманскій еще въ 1792 году [4]), что «нѣкоторою частью читателей» Карамзинъ «одобряемъ» [5])... Изъ приведенныхъ уже выше [6]) *литературныхъ* отзывовъ мы видѣли, какъ многочисленна была эта «нѣкоторая часть» въ кругу литературномъ,—теперь-же нетрудно намъ убѣдиться, что и въ кругу обыкновенной читающей публики эта «нѣкоторая часть» была подавляющей по количеству...

Гречъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что во время его юности Карамзинымъ «бредили всѣ молодые люди» [7]); «Карамзинъ и слогъ его были тогда предметомъ подражанія почти всѣхъ молодыхъ писателей» [8]); «вся молодежь, всѣ дамы въ обѣихъ столицахъ ратовали за Карамзина» [9])... То же подтверждаетъ и М. Дмитріевъ: «молодые люди и женщины,—говоритъ онъ, всегда воспріимчивѣе къ чувствительному и прекрасному: по крайней мѣрѣ, такъ было въ то время; ихъ

---

[1]) «Русск. Стар.», LXXIX, 202—3. Шишковъ тоже считалъ Карамзина человѣкомъ «неблагонадежнымъ» человѣкомъ въ политическомъ отношеніи («Р. Арх.», 1871, 178).

[2]) «Чтен. въ Имп. О-вѣ Ист. и Др. Росс.», 1858, кн. II, 185. [3]) Ibid., 186.

[4]) Тогда еще только литературный недоброжелатель Карамзина.

[5]) «Русск. Магазинъ», I, 201. [6]) См. выше, стр. 452—4, 518—20.

[7]) Гречъ, «Записки о моей жизни», 258. [8]) Ibid., 204. [9]) Ibid.

то любимцемъ сдѣлался Карамзинъ, какъ авторъ» [1])... И, дѣйствительно, еще не было 30-лѣтъ Карамзину, какъ на него русскіе юноши стали смотрѣть съ «благоговѣніемъ»... Благоговѣніе это ростетъ съ годами и обращается, подъ конецъ, въ какое-то обожаніе... Припомнимъ, съ какими чувствами приходили въ первый разъ къ Карамзину юные поклонники его таланта,—Погодинъ [2]), Каменевъ [3]), Сербиновичъ [4]), Жуковскій [5]), Второвъ [6]), Полѣновъ [7]), Петковичъ [8]) и др.

И какъ разнообразны имена, попадающіяся въ длинномъ спискѣ поклонниковъ Карамзина! Возьмемъ нѣсколько для примѣра... Вотъ, патріотъ С. Глинка, для котораго самое имя Карамзина навсегда сдѣлалось «незабвеннымъ» [9])—вотъ, и декабристъ Батеньковъ, на всю жизнь запомнившій о своемъ юношескомъ увлеченіи Карамзинымъ [10])...Встрѣчаемъ мы тутъ и имя извѣстнаго зоила Воейкова, человѣка безъ всякаго знамени, въ своемъ «Домѣ Сумашедшихъ» пощадившаго изъ современниковъ *одного* Карамзина [11])... Рядомъ съ нимъ стоитъ и свѣтлое имя Н. Тургенева, человѣка самыхъ опредѣленныхъ убѣжденій, который даже въ 1868 году говоритъ еще о высокомъ культурномъ значеніи Карамзина [12])... Вотъ, и Погодинъ, съ дѣтскихъ лѣтъ проникнутый къ Карамзину чувствомъ глубокаго уваженія и признательности [13]); вотъ, Д. Давыдовъ [14]), Озеровъ [15]), Телешевъ, «который любилъ Карамзина до обожанія» [16]), Ивановъ [17]), Востоковъ [18]), Илличевскій [19]), Гоголь [20]), Тютчевъ [21])...

---

[1]) М. Дмитріевъ, «Мелочи изъ запаса моей памяти», 70.
[2]) Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», II, 469 Р. Арх. 1866, 1766.
[3]) Каменевъ, «Вчера и Сегодня», кн. I, 48—50.
[4]) «Русск. Стр.», 1874, XI, 49.
[5]) «Русск. Арх.», 1895, III, 494. [6]) «Русскій Вѣстн.», 1875, № 5, 120—1.
[7]) «Русск. Арх.», 1866, 1764. [8]) «Русск. Стар.», 1887, LVI, 131.
[9]) «Русск. Стар.», 1895, LXXXIII, 222.
[10]) «Русск. Стар.», 1889, LXIII, 305. [11]) »Библ. Зап.», I, 270.
[12]) «Русск. Арх.», 1872, 1202. [13]) «Русск. Арх.», 1882, III, 69.
[14]) «Русск. Стар.», 1889, III, 544. [15]) «Русск. Арх.», 1875, III, 363.
[16]) «Русск. Арх.», 1872, 1222; еще: «Русск. Арх.», 1878, III, 353.
[17]) «Др. и Нов. Россія», 1878, I, 76, 77.
[18]) «Сб. Ак. Наукъ», т. V. 26, VII—X.
[19]) «Русск. Арх.», 1864, 1072. [20]) Гоголь, Соч., IV, 58—9.
[21]) «Русск. Арх.», 1874, II, 125, 352—3.

Но если перечисленныя лица преклонялись передъ Карамзинымъ вообще за все, что сдѣлано было имъ для русской литературы, то мы имѣемъ еще рядъ отзывовъ, исключительно относящихся къ «Письмамъ русскаго путешественника»...—Изъ этихъ отзывовъ остановимся, хотя бы, на признаніи вольнолюбиваго кадета С. Глинки, увлекавшагося «Путешествіемъ» Радищева и «Вадимомъ» Княжнина, — оказывается, онъ съ такимъ-же «жаромъ» читалъ и «Письма русскаго путешественника» [1])... По свидѣтельству М. Дмитріева, «Письма» составили славу Карамзина: «онъ сдѣлался извѣстенъ съ изданія «Московскаго журнала», въ 1791 году, особенно по «Письмамъ русскаго путешественника» [2]). «Письма русскаго путешественника», — говоритъ критикъ «Патріота», — были первымъ произведеніемъ юнаго таланта и сдѣлали уже впечатлѣніе въ публикѣ» [3]). О большомъ интересѣ, возбужденномъ у русскихъ читателей этимъ произведеніемъ, свидѣтельствуетъ и Болотовъ [4]), и другъ Карамзина И. Дмитріевъ: «всѣ, — говоритъ онъ, — отдали справедливость «Письмамъ русскаго путешественника» [5])... Сербиновичъ, вспоминая о своемъ чтеніи въ юности, съ особою любовью останавливается опять-таки на «Письмахъ»: они «уносили» его «воображеніе въ чужіе края и знакомили съ именами и заслугами мужей, украсившихъ своимъ талантомъ прошлый вѣкъ, съ которыми такъ занимательно описалъ Карамзинъ встрѣчу свою» [6])... Руничъ, ссылаясь на «Письма», называетъ Карамзина «родоначальникомъ изящной, благородной, чистой и увлекательной русской прозы» [7]). Декабристъ Батеньковъ, вспоминая о «добрыхъ дняхъ отрочества», говоритъ, что изъ всѣхъ прочитанныхъ имъ книгъ «живительнѣе всего были сочиненія Карамзина, Путешествіе...» [8])... Даже Пирогова еще захватило въ отрочествѣ увлеченіе «Письмами»: онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ [9])...

---

[1]) С. Глинка, «Записки», 99. [2]) М. Дмитріевъ, «Мелочи...», 68.
[3]) «Патріотъ», III, 409. [4]) «Памятникъ протекшихъ временъ...», 69.
[5]) И. Дмитріевъ, Соч., II, 47. [6]) «Русск. Стар.», 1874, XI, 46.
[7]) «Русск. Стар.», 1896, LXXXVIII, 300—1.
[8]) «Русск. Арх.», 1881, II, 263. [9]) «Русск. Стар.», 1884, XLIV, 261.

*

Если мы къ этимъ отзывамъ прибавимъ тѣ, которые слышали уже раньше отъ учениковъ Карамзина, мы составимъ себѣ довольно ясное понятіе о томъ пріемѣ, котораго удостоился Карамзинъ у русской читающей публики: отдѣльные враждебные голоса совершенно заглушаются хоромъ привѣтствій и похвалъ... Думаемъ, это такое подавляющее число похвалъ — одно изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ великаго историческаго значенія «Писемъ»: очевидно, они появились какъ разъ во время, когда назрѣла потребность въ такомъ произведеніи... И, дѣйствительно, всѣ намѣченныя нами выше, въ «Введеніи», основныя стремленія русскаго общества конца XVIII вѣка нашли отзвукъ въ дѣятельности Карамзина: онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ русскаго общества екатерининской эпохи... Это не скрылось и отъ глазъ его современниковъ: мы имѣемъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя строки: «эпоха, въ которую явился сей писатель (Карамзинъ) достойна замѣчанія... Быстрое теченіе ума человѣческаго ко всѣмъ свободнымъ и лучезарнымъ идеямъ, всеобщее распространеніе духа философіи, великія открытія во всѣхъ отрасляхъ гражданской науки и человѣческихъ искусствъ, новое явленіе на западѣ, гдѣ одинъ многочисленный народъ обновлялъ законы древняго царства и возвращался къ первымъ началамъ гражданскаго порядка; въ Россіи блестящее царствованіе Екатерины II; ходъ просвѣщенія, ускоренный духомъ Ея правленія, введеніе новыхъ законовъ, новыхъ мнѣній, новаго вкуса — всѣ сіи соединенныя обстоятельства довели общество въ двухъ столицахъ Россіи до того утонченія идей, искусствъ и образа жизни, которое тогда было общимъ въ большей части Европы» [1])...

Въ чемъ же заключается «культурное» значеніе «Писемъ русскаго путешественника»? За что̀ такъ восторженно привѣтствовали Карамзина его современники? Чему научились у него его многочисленные ученики и поклонники?..

Въ тяжелое павловское время русское общество, несомнѣнно, не только не пошло впередъ сравнительно съ време-

[1]) «Патріотъ», III, 467—8.

немъ Екатерины, но замѣтно двинулось назадъ: лучшіе писатели замолчали, притокъ иностранной книги почти прекратился, — все какъ-то сжалось, притихло, — только темныя личности, въ родѣ Ѳ. Туманскаго [1]), чувствовали себя прекрасно, верховодили умственной жизнью русскаго общества, казнили и награждали... И, вотъ, представимъ себѣ, какое впечатлѣніе должна была имѣть на молодежь того времени книга, подобная «Письмамъ русскаго путешественника», книга, освѣщенная тѣми идеями, которыми гордился XVIII вѣкъ...

Правда, *проповѣди* этихъ идей въ «Письмахъ» нѣтъ: онѣ даже не подчеркнуты Карамзинымъ, высказываются имъ словно ненарокомъ, но это, думается намъ, нисколько не мѣшало «Письмамъ» производить надлежащее дѣйствіе на внимательнаго читателя XVIII в., къ тому же удрученнаго павловскимъ режимомъ... Припомнимъ, что отъ прошлаго столѣтія Карамзинъ взялъ только лучшее: онъ, напримѣръ, глубоко уважаетъ Вольтера, но онъ — въ то же время «не вольтерьянецъ»: въ немъ нѣтъ и слѣдовъ дешеваго россійскаго вольнодумства... Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ намъ утверждать, что даже слабые проблески карамзинскаго либерализма имѣли для тогдашняго общества, особенно въ павловскую эпоху, большое культурное значеніе. «Письма» были *единственной* книгой, уцѣлѣвшей отъ погрома павловской цензуры [2]), — оттого они имѣли воспитательное значеніе для молодежи, — оттого поклонникъ Радищева и Княжнина читаетъ ихъ «съ жаромъ»,—оттого ими зачитываются въ отрочествѣ будущіе декабристы... При помощи «Писемъ» русское общество легче пережило павловскіе дни, а чуткая молодежь, конечно, сумѣла разсмотрѣть въ нихъ искорки того свѣта [3]),

---

[1]) См. подробнѣе въ нашей статьѣ: «Изъ прошлаго русской цензуры», «Русск. Ст.», 1899, № 3. [2]) Припомнимъ вышеприведенные отзывы цензуры—и мы увидимъ, что запрещались книги, часто еще были невинныя, чѣмъ «Письма»; такимъ образомъ, изъ чтебныхъ книгъ (русскихъ и иностранныхъ), ходившихъ *свободно* по рукамъ одни только «Письма» были книгой «либеральной».

[3]) Особенно поучительно отношеніе къ Карамзину И. Тургенева... Какъ заботливо подчеркиваетъ онъ въ своихъ запискахъ то, что Карамзинъ до конца дней оставался «энтузіастомъ» республиканскаго строя, что онъ плакалъ при извѣстіи о смерти Робеспьера!—Не сказывается-ли въ этомъ настойчивомъ ука-

которому суждено было озарить первые годы царствованія Александра I... *«Письма русскаго путешественника» были связью, соединявшей лучшіе дни екатерининскаго царствованія съ царствованіемъ Александра I.*

Обращаясь къ «подражательной» литературѣ «путешествій», — мы найдемъ рядъ данныхъ, подтверждающихъ наши слова, что либерализмъ Карамзина не остался безъ воздѣйствія на русскихъ людей... Въ самомъ дѣлѣ, его слова сочувствія къ несчастному положенію крестьянъ повторяются почти у всѣхъ «путешественниковъ» [1]). Преклоненіе Карамзина передъ «свободой» заставило нѣкоторыхъ изъ его учениковъ серьезно задуматься о «волѣ» крестьянъ [2]). Сдѣланное имъ открытіе, что и крестьянки чувствовать умѣютъ, увлекаетъ его учениковъ до преувеличенія выводовъ въ этомъ направленіи: «Ахъ!—восклицаетъ Шаликовъ,—въ низкомъ состояніи во сто разъ лучше уважаютъ, лучше чувствуютъ всѣ связи сердца, всѣ обязанности человѣка» [3])... Вѣра Карамзина въ равенство и братство людей тоже находитъ горячую поддержку у его поклонниковъ: критикъ «Новаго Стерна» (кн. Шаховскаго), защитникъ сентиментализма, вполнѣ послѣдовательно переходитъ послѣ критики Шаховскаго къ разъясненію высокихъ идеаловъ сентиментализма. Онъ останавливается, главнымъ образомъ, на гуманной сторонѣ этихъ идеаловъ и, находя недостойнымъ смѣхъ Шаховскаго, направленный противъ женитьбы дворянина на крестьянской дѣвушкѣ, спрашиваетъ: «почему предосудительно дворянину жениться на бѣдной, но доброй крестьянкѣ?» [4])...

заніи чертъ либерализма у Карамзина желаніе въ собственныхъ глазахъ хоть до нѣкоторой степени оправдать учителя, подъ конецъ жизни, чуждаго по убѣжденіямъ, но когда-то дорогого и близкаго?

[1]) Напр., «Отрывки изъ писемъ къ друзьямъ», «Любитель Словесности», IV, № 12, 184; Ложечниковъ, «Походныя записки», 25, 102, 143, 168—9; Ѳ. Глинка, «Письма русск. офицера», 105; «Путеш. къ Липецкимъ минеральн. водамъ», 73; Бантышъ-Каменскій, «Путеш. въ Молдавію», 20—1; Гладкова, «15-ти дневное путешествіе»..., 53; К. Г., «Новый чувствит. путешественникъ», 24; Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 50—2, 183; Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», I, 24, 29, 38. [2]) Напр., К. Г.; «Новый чувствительный путешественникъ», 87—89. [3]) Шаликовъ, «Путеш. въ Малороссію», 39.

[4]) «Журналъ россійск. словесности», ч. II, 164.

Такимъ образомъ, сентиментализмъ, сведенный на землю, привлеченный къ реальной жизни, уже будитъ вопросъ о «правахъ человѣчества, каждому священныхъ» [1])... «Вѣротерпимость», которую на страницахъ своихъ «Писемъ» требовалъ Карамзинъ для человѣчества—встрѣчаетъ полное сочувствіе у его учениковъ: ни одного слова злобы къ иновѣрцамъ, или даже смѣха надъ ними не услышимъ мы отъ молодыхъ писателей: къ евреямъ они относятся такъ же гуманно, какъ и Карамзинъ [2]),—къ сектантамъ («гернгутеры» и «духоборы») съ такимъ же живымъ интересомъ, даже нескрываемымъ сочувствіемъ [3])...

Впрочемъ, такое «политическое» значеніе «Письма» имѣли только въ павловское время: воцареніе Александра сразу свело это произведеніе въ разрядъ книгъ самыхъ безобидныхъ въ политическомъ отношеніи: если обскуранты, воспитанники послѣднихъ дней екатерининскаго и павловскаго царствованій, долго еще видѣли въ «Письмахъ» порожденіе якобинизма, то молодые «либералисты» очень скоро съ пренебреженіемъ отвернулись отъ Карамзина, какъ отъ человѣка съ отсталыми политическими убѣжденіями...

Болѣе глубокое воздѣйствіе оказалъ на русское общество Карамзинъ нравственной стороной своей *личности*.. На страницахъ нашей книги мы старались, по возможности, полнѣе обрисовать его нравственный обликъ, выяснить себѣ его «идеалы», составить ясное понятіе о томъ, чѣмъ волновалось и жило его юное «чувствительное» сердце.. Стоитъ припомнить все сказанное нами выше по этому поводу,—и мы поймемъ, почему Карамзинъ, какъ представитель «либеральныхъ» убѣжденій, совершенно стушевывается передъ Карамзинымъ-«человѣкомъ»: насколько освѣщенъ слабо первый образъ, — настолько ярокъ второй, богатый и внутреннимъ содержаніемъ, и ясностью внѣшнихъ очертаній.. Отчего это произошло,—понять нетрудно: подъ

---

[1]) В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», II, 81.

[2]) Ѳ. Глинка, «Письма р. офицера», I, 35.

[3]) Напр., В. Измайловъ, «Путеш. въ полуд. Россію», IV, 100; Ложечниковъ, «Походныя записки», 189, Лубяновскій, «Путеш. по Саксоніи», 85—90; П. Сумароковъ, «Досуги крымскаго судьи», I, 43 и др.

вліяніемъ своихъ учителей Карамзинъ весь ушелъ въ *нравственное* самовоспитаніе, — «либеральныя» идеи оказались въ его жизни чѣмъ-то наноснымъ, второстепеннымъ, органически съ его существомъ не связаннымъ.. Руководимый нравственными идеалами, юноша, конечно, обязанъ былъ сдѣлаться проповѣдникомъ гуманности,—а отсюда, изъ этой проповѣди, — съ одной стороны, вытекало его преклоненіе передъ «свободой», «равенствомъ» и «братствомъ» людей,—а, съ другой, такъ же неизбѣжно, шло рѣшительное, ничѣмъ не побѣдимое отвращеніе отъ всякаго насилія, произведеннаго даже во имя этихъ «святыхъ» словъ. Такимъ образомъ, «либерализмъ» его зависѣлъ не столько отъ яснаго сознанія убѣжденнаго человѣка, сколько отъ «чувствительнаго» сердца «прекраснодушнаго» юноши... Вотъ почему поклонникомъ «свободы» былъ Карамзинъ только тогда, когда она ни въ чемъ не грѣшила противъ его «любви къ людямъ»... Юноша всегда готовъ былъ перейти на сторону гонимаго, кто-бы онъ ни былъ, — разумѣется, при такихъ условіяхъ, *либерализмъ* его не могъ быть устойчивымъ.. Это прекрасно замѣтно въ «Письмахъ», а потому понятно, что на современниковъ гораздо бо́льшее впечатлѣніе долженъ былъ произвести Карамзинъ, какъ яркій представитель извѣстныхъ «нравственныхъ» убѣжденій, проводимыхъ къ тому-же сознательно и энергично, — чѣмъ въ качествѣ писателя, высказавшаго случайно нѣсколько «смѣлыхъ», для своего времени, истинъ.

Мы говорили уже, что характерныя черты личности Карамзина намѣчались въ русской жизни задолго до его выступленія на общественное поприще, — въ его лицѣ эти случайныя, не прояснившіяся черты слились въ одинъ образъ, ясный и послѣдовательный... И этотъ образъ, сложившійся изъ элементовъ русской жизни, испытавшій, затѣмъ, вліяніе запада, родственное этимъ элементамъ, но болѣе энергичное,— сумѣлъ взволновать людей конца XVIII—начала XIX в., вывелъ ихъ на «ясно означенную» дорогу къ идеализму и увлекъ за собой.. Въ этомъ, думается намъ, и сказалось *культурное* значеніе *личности* Карамзина для русской жизни...

Насколько глубоко впечатлѣлась его «проповѣдь пре-

краснодушій» въ сердца юныхъ поклонниковъ, конечно лучше всего видно, изъ приведеннаго нами выше обзора «путешествій», написанныхъ подъ вліяніемъ «Писемъ русскаго путешественника» [1])... Если мы изъ предѣловъ одного этого жанра обратимся къ широкому кругу всей русской литературы, мы найдемъ еще массу доказательствъ того, насколько сильно овладѣли идеалы Карамзина его современниками: они проникли и въ лирическія стихотворенія, и въ повѣсти, и въ отвлеченныя разсужденія, и въ анекдоты, — вся русская журналистика конца XVIII в. и начала XIX-го насыщена этимъ карамзинскимъ идеализмомъ и повторяетъ «Московскій Журналъ» какъ своимъ содержаніемъ, такъ и характеромъ [2])... Не входя въ подробную оцѣнку этой журналистики, мы укажемъ въ ней, для примѣра, нѣсколько характерныхъ чертъ. Прежде всего, всѣ эти изданія отличаются полнымъ отсутствіемъ сатиры: обличенія зла нѣтъ въ нихъ,— напротивъ, авторы самыхъ разнородныхъ произведеній, слѣдуя Карамзину, старательно отыскиваютъ въ жизни все хорошее,—съ особою любовью рисуютъ они «идеальныхъ людей» [3]), постоянно обращаются къ читателямъ съ самой энергичною проповѣдью гуманности [4]) (прославленіе добродѣтели, чувствительности, требованіе любви къ людямъ)... Какъ и у Карамзина, любовь у этихъ авторовъ направляется не только на людей, но и на

---

[1]) См. выше стр. 458—465.

[2]) Напр. «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», 1791—93 «Пріятное и полезное препровожд. времени», 1794 — 1798; «С.-Петербургскій Журналъ», 1798; «Муза», 1796 г.; «Московскій Меркурій, 1803; «Иппокрена или утѣхи любословія», 1799—1801; «Новости русской литературы», 1802—1805; «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія», 1802—1804; «Корифей», 1802 — 1807; «Журналъ для милыхъ», 1804 и др.

[3]) Напр., «Пріятн. и пол. препр. вр.», ч. I, 11, 14, 221. 235—7, 269; II, 101 121; XVIII, 277; «Чтен. для вкуса», I, 219, III, 128; XI, 253; XII, 296; «Иппокрена», VI, 529; «Моск. Курьеръ», II, 17, 326; «Любит. слов.,», I, 66; «Моск. Собес.», II, 415; «Уранія», I, 110—3; «Журн. росс. слов.», II, 197, и мн. др. Интересно, что между этими «идеальными» людьми чаще всего фигурируютъ *крестьяне* (Ср. Карамзина,—«Флора Силина» и «Бѣдную Лизу»).

[4]) Напр. «Пріятн. и пол. препр. вр.», I, 1—8, 201, 245, 261, 344; II, 12, 279, 248; V, 81, XII, 3; «Чт. для вкуса», I, 10, 23, 92, 167, 174, 181, 190; II, 175; V, 8; VII, 78, 85; X, 249; «С.-Петербургскій Журналъ», III, 54, 32, и мн. др.

природу [1]) и искусства; разумѣется, идеалы ихъ жизни таковы-же, какъ и у Карамзина...

На помощь этимъ «литературнымъ» фактамъ приходитъ цѣлый рядъ данныхъ, извлеченныхъ изъ записокъ и писемъ того времени,—вездѣ встрѣтимъ мы то же поклоненіе передъ Карамзинымъ, объяснимое только тѣмъ обаяніемъ, которое производило на всѣхъ его свѣтлая личность.. «Карамзинолатрія достигла у его чтителей высшей степени» [2]),—разсказываетъ Гречъ: они «требовали не только признанія таланта въ Карамзинѣ, уваженія къ нему, но и самаго слѣпого «языческаго обожанія» [3])... Конечно, это «обожаніе» казалось «слѣпымъ», только литературнымъ врагамъ поклонниковъ Карамзина, — передовая русская молодежь знала прекрасно, за что́ она «обожала» Карамзина.. Особенно интересенъ для насъ изъ этихъ поклонниковъ Карамзина Жуковскій.. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ подпалъ подъ вліяніе Карамзина, нравственное и литературное, — и на всю жизнь остался вѣрнымъ почитателемъ своего учителя.. Уже одного Жуковскаго было-бы для насъ достаточно для доказательства того, насколько велико было культурное воздѣйствіе на русскую жизнь *личности* Карамзина.. Приведемъ нѣсколько отзывовъ Жуковскаго о его «воспитателѣ»... Въ 1816-омъ году онъ разсказываетъ И. Дмитріеву о своихъ отношеніяхъ къ Карамзину: «я благодаренъ ему за счастье особеннаго рода: за счастіе знать и (что еще болѣе) чувствовать настоящую ему цѣну. Это болѣе нежели что-нибудь дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что *у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется Карамзинымъ: тутъ соединено все, что есть во мнѣ лучшаго и добраго*» [4]). Въ 1823-омъ году Жуковскій дѣлаетъ признаніе, что «въ лучшихъ годахъ» его жизни Карамзинъ игралъ «свѣтлую роль» [5])... Въ 1831-омъ году онъ вспоминаетъ своего учителя, уже покойнаго, прочувствованными стихами:

---

[1]) Напр., «Пріятн. и пол. препр. вр.», II, 5, III, 7, IX, 49, 177; XIV, 183. XVIII, 177; «Чтеніе для вкуса», I, 3, III, 75, 87, IV, 320, XI, 72 и мн. др.

[2]) Гречъ, «Записки», 409. [3]) Ibid., 413.

[4]) «Русск. Арх.». 1866, 1630 стр. [5]) Ibid., 1635.

«О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
«Былъ съ нами онъ, теперь ужъ неземной,
«Онъ, для меня живое Провидѣнье,
«Онъ, съ юности сопутникъ твой (Дмитріева)!
«О, какъ при немъ все сердце разгоралось!
«Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
«Въ младенческой душѣ его, казалось,
«Небесный ангелъ обиталъ..
«Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
«Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
«И будитъ въ немъ къ дѣламъ прекраснымъ силы
«Святое имя: Карамзинъ [1]).

Наконецъ, въ 1844 году престарѣлый поэтъ все еще теплымъ словомъ поминаетъ все того же Карамзина, называя свое «воспоминаніе»—о немъ «религіей» [2]). Мы могли-бы значительно увеличить число отзывовъ Жуковскаго о Карамзинѣ [3]), отзывовъ, полныхъ глубокаго благоговѣнія — но и приведенныхъ примѣровъ, думается, будетъ достаточно для нашихъ цѣлей.. Прибавимъ къ Жуковскому еще: Вяземскаго [4]), Батюшкова [5]), Дашкова [6]), Блудова [7]), — и мы возсоздадимъ тотъ кругъ «передовой» молодежи, которая въ юности питалась идеализмомъ Карамзина, на всю жизнь сохранила уваженіе къ тѣни его... Даже для Гоголя Карамзинъ—человѣкъ «незабвенный» [8]); Пушкинъ, доступный въ юности увлеченіямъ, часто діаметрально противоположнымъ, свое неровное юношеское отношеніе къ Карамзину скоро смѣнилъ серьезнымъ уваженіемъ къ «тѣни» человѣка, которому онъ за многое въ жизни былъ обязанъ [9])... Но особенно трогательны чувства И. Дмитріева къ Карамзину: престарѣлый поэтъ, переживший своего друга, всегда съ необыкновенной сердечностью поминаетъ его имя: въ 1835-омъ году онъ пишетъ, напримѣръ, Жуковскому:

---

[1]) «Русск. Арх.», 1866, 1637. [2]) Ibid., 1869, 645. [3]) Напр., еще Жуковскаго: «Русск. Стар.», 1883, XXXIX, 231—2; «Русск. Арх.», 1895, III, 491.

[4]) Отзывовъ Вяземскаго о Карамзинѣ очень много; остановимся, хотя-бы, на его стихахъ, «Тому сто лѣтъ», читанныхъ на чествованіи памяти Карамзина въ 1866 г. [5]) Батюшковъ, Соч., I, 307, III, 217, 385, 451, 555 и др.

[6]) Напр., «Русск. Арх.», 1866, 502 и др.

[7]) Напр., Ibid., 1866, 1660: 1889, I, 63 и др.

[8]) Ibid., 1866, 1727. [9]) Ibid., 1874, I, 434.

«какъ бы мнѣ хотѣлось, хотя съ недѣльку, пожить съ вами и наговориться объ нашемъ ангелѣ-хранителѣ! Такъ, не боюсь такимъ признать его. Одна мысль объ немъ удаляетъ отъ меня все низкое и порочное..» [1]).

Но если вліяніе «личности» Карамзина для своего времени было и громадно,—оно не было продолжительнымъ: смѣнилось поколѣніе, другое—и имя Карамзина поблекло въ представленіи публики: отъ его «прекраснодушія», умилявшаго современниковъ, не осталось и слѣда... Правда, живы до сихъ поръ тѣ «идеалы», рѣшительнымъ провозвѣстникомъ которыхъ явился у насъ впервые онъ, но кому-же придетъ въ голову доказывать, что за нихъ русскіе люди должны быть благодарны одному Карамзину,—конечно, нельзя отрицать, что онъ сдѣлалъ очень многое для проясненія этихъ «идеаловъ» въ сознаніи русскаго общества: онъ, какъ мы доказали, органически связанъ съ духовной жизнью Россіи,—но послѣ него было у насъ столько геніальныхъ проповѣдниковъ «человѣчности», что мы прекрасно поймемъ, отчего забытъ наивный, восторженный идеализмъ юноши-Карамзина: этотъ идеализмъ быстро отошелъ въ исторію, онъ скоро сдѣлалось непонятнымъ своей формальной, внѣшней стороной,—даже смѣшнымъ тѣмъ изъ насъ, кто не постарался глубже заглянуть въ его сущность.. А, между тѣмъ, стоило заглянуть,—и мы увидали бы, что, на дѣлѣ, идеалы Карамзина тѣ же, что составляютъ душу всей новѣйшей русской литературы и представляютъ по указаніемъ иностранцевъ, что-то особенно характерное для нея [2])...

Вотъ почему, намъ кажется, мы смѣемъ говорить о культурномъ значеніи Карамзина и въ *исторіи русской литературы:* онъ *первый* привилъ ей тотъ сознательный, послѣдовательный идеализмъ, которому суждено было расцвѣсть у насъ пышнымъ цвѣтомъ... Правда, въ теченіе XIX-го вѣка наша молодая литература не разъ испытывала могучія вліянія запада, предъ

---

[1]) «Русск. Арх.», 1870, 1698.

[2]) См. интересную статью З. Венгеровой: «Русскій романъ во Франціи, «Вѣстн. Евр.», 1899, № 2, (приведены мнѣнія—Леметра (719 стр.), Сарсэ (719). Вогюэ (719—729), Буржэ (729), Геннекена (730), Брюнетьера (741), Жильбера (732). Еще см.: «Иностранная критика о И. С. Тургеневѣ» и др.

которыми блѣднѣетъ воздѣйствіе Карамзина, но, быть можетъ, она и поддавалась то этимъ вліяніямъ благодаря тому, что во главѣ ея стоитъ имя Карамзина, чуткаго, воспріимчиваго... Такимъ образомъ, если можно спорить, насколько было глубоко вліяніе Карамзина вообще на исторію русской жизни, то для русской литературы его значеніе едва-ли можетъ быть оспариваемо: *вся задушевная лирика* XIX ст., чрезъ посредство Жуковскаго, *связана съ карамзинскимъ* сентиментализмомъ; *психологическій анализъ*, — гордость новѣйшей русской литературы, *не встрѣчается у насъ раньше Карамзина*; *реализмъ*, какъ художественный пріемъ, *сознательно введенъ въ русскую литературу опять-таки имъ*...

Кратка была литературная жизнь Карамзина: смятый тежелыми днями конца царствованія Екатерины и совсѣмъ придушенный гнетомъ павловскаго режима, онъ рано былъ отброшенъ въ область историческихъ разысканій, рано отсталъ отъ изящной словесности, не успѣвъ сказать того, что онъ *могъ-бы* сказать... Немудрено, что новые «боги» скоро своимъ блескомъ отвлекли къ себѣ все вниманіе русскихъ людей,— скоро потускнѣлъ образъ Карамзина, сочиненія его сняты съ той полки, гдѣ когда-то красовались въ ряду любимыхъ книгъ, и перешли въ распоряженіе историка...

И, конечно, этотъ историкъ не сможетъ сдѣлать Карамзина опять «любимымъ» писателемъ, но, быть можетъ, ему удастся доказать, что Карамзину за многое обязана наша новѣйшая литература, что съ его имени должна начинаться ея исторія...

Въ самомъ дѣлѣ, съ теченіемъ времени измѣнилась манера письма, вошелъ въ употребленіе новый стиль, обновился языкъ, усложнилось содержаніе литературы, но душа ея остается та же, что и при Карамзинѣ: та-же проповѣдь любви къ ближнему, то же требованье жалости къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», людямъ жалкимъ и забытымъ... Старикъ Башмачкинъ съ его шинелью, нѣмой Герасимъ съ его Муму, старики Баваровы на могилѣ сына, нѣкоторые герои Достоевскаго, Толстого,—развѣ уже не намѣчены, правда, слабыми, невѣрными штрихами у Карамзина и другихъ сентиментальныхъ писате-

лей?.. Развѣ передъ нами не обрисовываются смутными очертаніями эти трогательные образы, когда мы вслушаемся въ тѣ слова любви, которыя были принесены къ намъ Карамзинымъ?

И эти образы сдѣлались излюбленными въ нашей литературѣ, — мало того: они приковали къ себѣ восторженное вниманіе запада, — и вотъ, освѣжающая струя гуманности отъ насъ, съ сѣвера, полилась въ «истощенную» западную Европу [1])... Неужели это предчувствовалъ нашъ Карамзинъ, еще въ 1787-омъ году, когда, выступая на литературное поприще, воскликнулъ:

«Исчезла нощи мгла... — Уже Авроры свѣтъ
«Въ (Москвѣ) блеститъ, и скоро всѣ народы
«На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать!» —

«Imitons-les!» [2]) — «будемъ подражать сѣвернымъ варварамъ! — раздалось изъ Парижа черезъ сто лѣтъ въ отвѣтъ на его предсказаніе...

---

[1]) «...Voici les temps de famine et d'anémie revenus pour elle: les Russes arrivent à point; si nous sommes encore capables de digérer, nous referons notre sang à leurs dépens. A ceux qui rougiraient de devoir quelque chose aux «barbares», rappelons que le monde intellectuel est une vaste société de secours mutuels et de charité, ...Fasse le ciel que l'âme russe puisse beaucoup pour la nôtre!» (V-te, S. M. de Vogüé, «Le Roman russe», avantpropos, LIV). Этотъ призывъ не остался втунѣ,—и русская литература нашла себѣ поклонниковъ и учениковъ среди французскихъ литераторовъ. Къ такимъ Г-жа Венгерова («Русскій романъ по Франціи», «Вѣстн. Евр.», 1899, № 2). Причисляетъ— А. Додэ (734 стр.), М. Прево (735), Э. Рода (737), П. Маргарита (738), I. Рони (740). [2]) «V-te E. M. de Vogüé», «Le roman russe», LV.

ВЫВОДЫ.

I. Изученіе жизни Н. М. Карамзина приводитъ насъ къ заключенію, что — 1) онъ съ дѣтства былъ поставленъ въ условія, самыя благопріятныя для выработки личности, съ опредѣленными и послѣдовательными идеалами.

II. Изученіе литературной исторіи «Писемъ русскаго путешественника» заставляетъ насъ утверждать, что — 2) создалось это произведеніе не изъ переписки Карамзина съ Плещеевыми, а изъ его «записной книжки».

3) Текстъ половины «Писемъ», не изданной въ 1797 году, появился въ 1801 году значительно *измѣненнымъ*, — съ большими *сокращеніями* и *наслоеніями*.

4) По аналогіи, а также на основаніи нѣкоторыхъ автобіографическихъ признаній, можно заключить, что записная книжка Карамзина и ея литературная обработка и въ *1791—94 годахъ* значительно разошлись между собой въ содержаніи.

5) «Письма русскаго путешественника» въ теперешнемъ своемъ видѣ не могутъ служить вполнѣ вѣрнымъ «зеркаломъ души» Карамзина за періодъ 1789—1790 гг., такъ какъ: а) они пережили цѣлый рядъ измѣненій и б) они охватываютъ періодъ времени болѣе обширный, чѣмъ годы его путешествія,—и потому біографъ Карамзина долженъ пользоваться «Письмами» очень осторожно: это произведеніе «старѣлось» вмѣстѣ съ авторомъ и между его началомъ и концомъ такая-же разница, какъ между Карамзинымъ въ 24 года и въ 34—5.

6) Текстъ «Писемъ» съ 1797 года до 1820 года пережилъ длинную и сложную исторію. До самой смерти Карамзинъ

очень заботливо относится къ языку своего юношескаго произведенія: онъ постоянно ищетъ болѣе *точныхъ* выраженій, стремится къ *сжатости* и *правильности* рѣчи, заботится о *чистотѣ* ея (изгнаніе варваризмовъ); иногда *возстановляетъ* старую редакцію текста, когда она кажется ему болѣе удачной. Систематически, въ каждомъ новомъ изданіи, онъ охлаждаетъ нѣсколько восторженный тонъ перваго изданія.

7) Мы можемъ съ достаточнымъ вѣроятіемъ говорить о *составѣ* произведенія Карамзина, опредѣливъ, что̀ онъ бралъ изъ книгъ, что̀—изъ «записной книжки». Описанія городовъ, ихъ достопримѣчательностей, факты изъ политической и исторической жизни западной Европы—бо̀льшею частью, взяты изъ книгъ; лирическій элементъ «Писемъ», различныя приключенія, дорожныя встрѣчи, описанія визитовъ къ знаменитостямъ,—все это взято изъ «записной книжки»,

8) Разъ мы допустимъ, что таково было содержаніе «записной книжки» Карамзина, т. е., что фактическія данныя лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ попадали въ нее — мы принуждены будемъ признать, что начало «Писемъ», т. е. описаніе «путешествія по Германіи», гораздо оригинальнѣе остальныхъ частей «Писемъ», такъ какъ именно на Германію, по которой Карамзинъ путешествовалъ въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, приходится больше всего «личныхъ» впечатлѣній его, больше различныхъ встрѣчъ и происшествій... Швейцарія, въ которой Карамзинъ прожилъ 7 мѣсяцевъ, описана уже менѣе оригинально; о Парижѣ, гдѣ нашъ путешественникъ жилъ 3 мѣсяца, разсказано сравнительно очень немного, если выдѣлить все, что составлено по печатнымъ изданіямъ, — и, наконецъ, о Лондонѣ ($2—2^1/_2$ мѣсяца) не сказано почти ничего оригинальнаго. Изъ этого можно заключить, что въ началѣ путешествія Карамзинъ прилежнѣе пополнялъ свою книжку, чѣмъ въ концѣ [1]).

---

[1]) То обстоятельство, что бо̀льшее количество варіантовъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ падаетъ на первую половину «Писемъ» (см. выше 10-ую ссылку на стр. 237), еще разъ подтверждаетъ высказанную нами мысль, что начало этого произведенія (Письма изъ Германіи и Швейцаріи) гораздо оригинальнѣе конца: Карамзинъ вноситъ поправки въ неудовлетворившій его текстъ, составленный

9) Разнообразіе и количество извѣстныхъ Карамзину сочиненій, значительная часть которыхъ разсмотрѣна въ нашемъ изслѣдованіи, даетъ возможность біографу нашего писателя говорить о необыкновенной широтѣ и разносторонности его интересовъ. Исторія, литература, философія, искусства, политика, — все интересуетъ его, все находитъ въ молодомъ путешественникѣ судью, вооруженнаго несомнѣннымъ знаніемъ и живымъ интересомъ.

10) Путемъ сравненія «Писемъ русскаго путешественника» съ цѣлымъ рядомъ сочиненій, болѣе или менѣе, сходныхъ по содержанію, мы опредѣлили, къ какому *типу* «путешествій» относится произведеніе Карамзина. Оно принадлежитъ къ немногочисленной группѣ литературныхъ произведеній этого жанра, разсчитанныхъ на обыкновенную интеллигентную публику. Къ «сентиментальнымъ» или «научнымъ» путешествіямъ сочиненіе Карамзина отнесено быть не можетъ.

11) При сравненіи съ «путешествіями» западно-европейскими — «Письма русскаго путешественника» нисколько не теряютъ своей цѣны. Имѣя за собою цѣлую литературу всевозможныхъ «описаній», Карамзинъ оказался хозяиномъ такого матеріала, какого не было у его предшественниковъ, а талантомъ онъ превосходилъ очень многихъ изъ нихъ. «Письма русскаго путешественника» занимаютъ въ европейской литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ и по богатству содержанія, и по талантливости исполненія.

12) «Чужого» въ «Письмахъ русскаго путешественника» довольно много,—оно было результатомъ или: а) «вліяній внѣшнихъ» (заимствованія) или б) «вліяній внутреннихъ»—но — а) всѣ «заимствованія», на которыя мы указывали въ нашей работѣ, могутъ быть признаны «законными» или «извинительными». Съ одной стороны, трудно сказать «свое», говоря о достопримѣчательностяхъ какого-нибудь музея, или объ историческомъ прошломъ какой-нибудь мѣстности, а, съ другой стороны, иногда эти заимствованія чисто случайнаго

поспѣшно и притомъ еще нетвердой рукой, и оставляетъ почти безъ измѣненій все написанное позднѣе въ болѣе удобной обстановкѣ при помощи литературныхъ пособій.

характера) и, хотя эти «случайныя» вліянія иногда отличаются близостью къ источнику, на первый взглядъ, весьма подозрительной, они легко объяснимы фактомъ «безсознательной реминисценціи», съ которой самъ Карамзинъ не могъ справиться при массѣ матеріала, накопившагося въ его головѣ;

б) что же касается до «вліяній внутреннихъ», то они были неизбѣжны, такъ какъ вытекали изъ того литературнаго воспитанія, которое получилъ Карамзинъ еще въ Москвѣ, съ которымъ онъ сроднился, сжился и отъ котораго отдѣлаться не могъ, даже если бы и пожелалъ этого.

Наконецъ, III. Анализъ «Писемъ». заставляетъ насъ утверждать, что:

13) «Письма русскаго путешественника» были одной изъ немногихъ *«либеральныхъ»* книгъ, свободно ходившихъ въ русской публикѣ при Павлѣ I,—въ этомъ ихъ большое значеніе: они духовно соединяютъ лучшіе дни екатерининскаго царствованія съ эпохой Александра I.

14) Н. М. Карамзинъ, какъ *«личность»*, съ одной стороны, *отразилъ* въ себѣ русское общество конца XVIII столѣтія,—а, съ другой, въ свою очередь, *воздѣйствовалъ* на это общество своею проповѣдью яснаго и послѣдовательнаго идеализма.

15) Какъ *«литераторъ»*, Карамзинъ, опять таки, съ одной стороны, *отразилъ* въ своей дѣятельности уже намѣчавшіяся до него въ русской литературѣ стремленія къ сентиментальной поэзіи, — а, съ другой стороны, *воздѣйствовалъ* на русскую литературу, внесеніемъ въ нее *реализма*, *психологическаго анализа* и того *идеализма*, который сдѣлался ея характерной чертой въ XIX столѣтіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Новиковъ, Шварцъ и московское масонство.

Много говорилось о масонствѣ въ нашей исторической литературѣ [1]), но, думается намъ, до сихъ поръ еще не сказано послѣдняго слова. Причина этого вполнѣ понятна: главные документы по этому вопросу до сихъ поръ не обнародованы [2]), интимныя бумаги главныхъ дѣятелей дошли до насъ въ жалкихъ, случайныхъ обрывкахъ [3]), заграничные архивы по русскому масонству намъ почти неизвѣстны... Такимъ образомъ, въ распоряженіи историка имѣется лишь очень небольшое число документовъ, дѣйствительно, цѣнныхъ [4]), имѣется рядъ отзывовъ

---

[1]) Тихонравовъ, «Лѣтописи р. лит.», т. V, «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ» и «Записка И. Г. Шварца»; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Ешевскій, Сочиненія, т. III; Незеленовъ, «Н. И. Новиковъ»; Пыпинъ, рядъ статей въ «Вѣстн. Евр.» 1865, 1868, 1872 гг.; Тихонравовъ, статьи о Шварцѣ, Новиковѣ, о жизни Карамзина среди масоновъ («Четыре года...»). Сочиненія, т. III, ч. I; Ключевскій, «Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ» «Русск. М.» 1895, № 1; Сборникъ Имп. Ист. Общества, т. II; Пекарскій, «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII стол.», Сб. ст. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. VII, № 4; рядъ статей и замѣтокъ въ «Русск. Архивѣ», «Русск. Старинѣ», «Библ. Запискахъ» и др.

[2]) «Въ Государственный Архивъ не было передаваемо переписки тайной экспедиціи о Новиковѣ» (Пекарскій, 125).

[3]) Такъ какъ многія бумаги, по обычаю масоновъ, уничтожались. (Лонгиновъ, 215, 0117, 0121, 0122, 0146, 0137; Пекарскій, 87; Лѣтописи русск. лит., V, 45 и др.).

[4]) Хотя, напримѣръ, къ перепискѣ масонской мы должны относиться осторожно: масоны знали, что ихъ письма на почтѣ прочитывались, оттого они устроили сношенія между собой помимо почты (Лѣт. р. лит., V, 44; Ешевскій, III, 515, Р. Ст. 1874, IX, 66) и всѣ важныя бумаги пересылали такимъ образомъ, а, съ другой стороны, въ обыкновенныхъ письмахъ говорилось только то, что могло послужить имъ въ пользу, напр., оправданіе Кутузова отъ обвиненій

современниковъ, часто пристрастныхъ въ обѣ стороны, и, наконецъ, нѣсколько ученыхъ предположеній, которыя многое объясняютъ, но многое, на нашъ взглядъ, и запутываютъ. Одна изъ основныхъ ошибокъ изслѣдователей этого вопроса заключается, какъ намъ кажется, въ томъ, что они пытались дать полную, цѣльную картину этого движенія, между тѣмъ какъ въ этомъ движеніи не было именно цѣльности: идеалы масонства почти каждымъ масономъ понимались по своему, у каждаго были свои желанія, свои требованія [1]..

Конечно, глядя на это различіе побужденій, увлекавшихъ людей XVIII вѣка къ масонству, невольно задаешь себѣ вопросъ:—что за причина такого быстраго и блестящаго успѣха этого направленія въ XVIII в.?

Само собою разумѣется, культурныхъ основаній для процвѣтанія масонства было тогда не мало, но, не входя въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы укажемъ лишь на одну изъ частныхъ причинъ: масонство было неразборчиво въ привлеченіи поклонниковъ; оно гостепріимно раскрывало свои объятія всѣмъ, недовольнымъ дѣйствительностью, — и потому къ нему безъ труда были привлечены люди самые разнородные: и развратники, утомленные жизнью, и идеалисты-аскеты, недовольные суетой житейской, и люди, жаждавшіе знанія, и люди, искавшіе свѣта нравственнаго, и юноши съ чистой душой, и выдохшіеся вольтеріанцы,—всѣ въ масонствѣ искали удовлетворенія и, на первыхъ порахъ, повидимому, находили

въ связи съ Радищевымъ («Р. Стар.», 1874, IX, 262); защита масонства отъ гоненій (ib., 264—5, 268—70, 271 и др.).

[1]) Новикова, по его словамъ, въ масонствѣ увлекла нравственная сторона и необходимость самопознанія (Лонгиновъ, 075, 076). Лопухинъ надѣялся сдѣлаться «просвѣщеннѣйшимъ», «добродѣтельнѣйшимъ» и «вѣрнѣйшимъ» престолу. (ibid., 0126); Трубецкой хотѣлъ удовлетворить «любопытство», «пытливый духъ» (ibid., 0124).. Ешевскій отмѣтилъ уже это различіе цѣлей и отказался опредѣлить сущность убѣжденій масоновъ, настолько они расходились (Соч., III, 420). Масоны, оказывается, не одобряли часто сочиненій, выходившихъ изъ подъ пера ихъ ближайшихъ друзей: такъ не одобряли «Духовнаго рыцаря» Лопухина (Лонгиновъ, 307), можно думать, за духъ самодержавія, которымъ было сильно проникнуто это произведеніе (Ешевскій, Соч., 425). Вообще, Лопухинъ былъ вполнѣ убѣжденнымъ монархистомъ, оттого, можетъ быть, онъ почти и не пострадалъ отъ гоненій, воздвигнутыхъ на масоновъ Екатериной.

его.. Конечно, съ другой стороны, въ этомъ обиліи и разнохарактерности адептовъ крылся и задатокъ быстраго разложенія масонства...

Единственно, что связало, на первыхъ порахъ, эту пеструю, нестройную толпу въ группы — это *идеализмъ*, несомнѣнно присущій масонству и, къ сожалѣнію, мало обратившій на себя вниманіе изслѣдователей этого вопроса.

Идеализмъ этотъ у многихъ масоновъ формулировался довольно опредѣленно. Вотъ, напримѣръ, одно очень характерное исповѣданіе масонскаго ученія:

«Масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей, споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда».

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ идеалиста-масона ясно сказалось, недовольство настоящимъ положеніемъ вещей, стремленіе замѣнить его другимъ и, кромѣ того, вполнѣ сознательное отношеніе къ этому другому, лучшему...

Лопухинъ, тоже недовольный дѣйствительностью, указываетъ и на средство къ исправленію зла:

«Когда человѣкъ сколько-нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, пишетъ онъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни,

которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ. Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели. Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: «люби Бога, люби ближняго», но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставили ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго»... [1]) и пр.

Можно еще нѣсколько такихъ отзывовъ найти въ литературѣ, дошедшей до насъ отъ масоновъ, но мы ограничимся только указаніемъ на пѣсни, которыя пѣлись во время масонскихъ собраній: если отдѣльные отзывы служатъ показаніемъ настроенія и убѣжденій отдѣльныхъ лицъ, то пѣсни отражаютъ идеалистическое настроеніе цѣлаго кружка:

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ,
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правду не хранятъ;
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда, —
Тому затворенъ путь сюда!

Во двери крѣпко заключенны
Премудрые вступаютъ къ намъ,
Единой честью провожденны:
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.

Когда изъ храма вонъ грядутъ, —
Съ собою скромность понесутъ!

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины:
Они устроятъ вамъ препятство,
Имъ двери въ храмъ затворены.

Здѣсь то едино веселитъ
Что добродѣтель намъ сулитъ! [2])

---

[1]) Записки Лопухина, Р. Арх., 1884, I, 16—17, еще 25.

[2]) Пекарскій, 66.

Эта пѣсня пѣлась при открытіи ложи ученической и должна быть, такимъ образомъ, вводить ищущихъ истины въ то идеалистическое настроеніе, которое, на нашъ взглядъ, было тѣсно связано съ первоначальнымъ масонствомъ.

Слѣдующая пѣснь, очень распространенная и во многихъ спискахъ дошедшая до насъ, представляетъ также немалый интересъ:

Премудрость въ даръ себя приноситъ
Не любопытству, но труду.
Кто вѣритъ, ищетъ, терпитъ, проситъ,
Труждается въ свою чреду,
Тотъ самъ найдетъ къ тому дорогу
Получитъ втуне благодатъ.
. . . . . .
Кто скроменъ, искрененъ, послушенъ,
Обрящетъ свѣтъ на всѣхъ стезяхъ!
. . . . . .
Самой премудрости угодно
Лишь только тѣхъ впускать въ свой храмъ,
Въ комъ сердце чисто и свободно
Отъ всякихъ узъ, безвѣстныхъ тамъ.
. . . . . .
Коль сердцемъ чистъ ты и свободенъ,
Спокоенъ будь, любезный братъ [1])!

Самопознаніе, упорная работа надъ самосовершенствованіемъ, теплая вѣра въ Бога, — вотъ главныя средства, которыми можно было «морально переродиться», приблизиться къ тому идеальному человѣку, на котораго опредѣленно указывало масонство.

Такимъ образомъ, идеалы евангельскіе, обновленные и просвѣтленные дѣятельной любовью, — вотъ, что было знаменемъ лучшаго масонства. Это знамя и было той силой, которая создала культурное значеніе масонства, оно могло столкнуть масоновъ въ кружки, но, къ сожалѣнію, не было въ

[1]) Ешевскій, Соч., III, 440. Въ рукоп. отд. Имп. Публ. Библ. имѣются два любопытные сборника масонскихъ пѣсенъ (О. III, № 72 и О III № 73). Еще объ идеализмѣ масоновъ см. у Незеленова, 99; Пыпина, «В. Евр.» 1868, № 6, 178, № 7, 174—5, 198; Пекарскаго, 108—9; Ешевскаго, III, 436, 439—440, 526; Лопгинова, 06, 07, 09—015, 075, 076; Тихонравова. Соч., III 1 ч., 264—5 и др. также Р. Стар. 1896, LXXXIII, 353, Р. Арх., 1884, I, 17 — 18.

состоянiи долго поддерживать связь между людьми, въ сущности, чуждыми другъ другу: для огромной разношерстной толпы, которая собралась около него, оно было слишкомъ высоко и недосягаемо: увлеченiе идеалами, нѣсколько отвлеченными отъ жизни, у многихъ проходило быстро, и въ масонскихъ кружкахъ неизбѣжно начинались ереси, расколы, интриги.

Кромѣ того, люди, тяготѣвшiе къ знанiю, увлекались мистическимъ естествознанiемъ, политическiе мечтатели, руководясь идеалами масонства, строили свои утопiи, iезуиты, пользуясь масонской организацiей, вели къ католичеству,—все это пропагандировало свои убѣжденiя открыто и тайно, интриговало, хитрило, — и, въ концѣ концовъ, отъ масонства получается такая хаотическая картина, что трудно надѣяться на то, что можно будетъ когда-нибудь внести порядокъ въ эту толчею, разобрать и понять каждаго человѣка и раскассировать всѣхъ многочисленныхъ участниковъ этого движенiя, хотя бы по группамъ.

Какъ большинство передовыхъ русскихъ людей XVIII вѣка [1]), Новиковъ въ юности испыталъ на себѣ влiянiе «вольтерiанства» [2]), но, опять-таки, какъ большинство, онъ не остановился на немъ. Въ груди его жило стремленiе къ истинѣ; онъ не могъ удовольствоваться однимъ сомнѣнiемъ, однимъ отрицанiемъ, которое предлагалось вольтерiанствомъ, — вотъ почему отъ французской философiи перешелъ онъ къ масонскому идеализму.

Въ первый перiодъ его дѣятельности мы видимъ въ немъ вѣрноподданнаго Екатерины, замѣченнаго и обласканнаго ею [3]). Тогда онъ былъ усерднымъ служителемъ того «просвѣщеннаго абсолютизма», который позволялъ знать и мыслить только «подъ покровомъ Минервы»—императрицы [4]): и жур-

---

[1]) Также: Елагинъ (Р. Арх., 1864, 100, 101), Лопухинъ, (Р. Арх., 1884, I, 15), Фонвизинъ (Соч., изд. 1866 г. 542, 547 и др.,), Болотовъ (II, 60—66) и мн. др.

[2]) Лонгиновъ, 99.

[3]) Ibid., 24, 25.

[4]) Добролюбовъ, Соч., I, 127 и др. См. письма Новикова къ Козицкому, Лѣт. р. лит., IV, 40—45.

нальная дѣятельность его [1]), и печатаніе историческихъ документовъ [2]),—все это плоды преклоненія его передъ личностью просвѣщенной императрицы, покровительницы литературы и науки. Но время шло, и Новиковъ все сознательнѣе сталъ всматриваться въ окружающую его жизнь: онъ шелъ впередъ, императрица стала отставать отъ него... Уже въ сатирѣ Новикова зазвучали черезчуръ серьезныя нотки [3]), уже отношеніе его къ школѣ показалось императрицѣ не въ мѣру самостоятельными [4]). Въ это время въ жизни Новикова наступаетъ періодъ охлажденія къ императрицѣ, къ французскимъ философамъ: просвѣтительная дѣятельность на помочахъ стала казаться ему мало плодотворной. Въ нерѣшимости остановился онъ на перепутьѣ, колебался, сомнѣвался... Въ такомъ состояніи онъ сдѣлался масономъ. Масонство давало ему положительный отвѣтъ на его вопросы,—и душа его откликнулась на масонскій идеализмъ.

Весьма возможно, что онъ, ученикъ Екатерины и Вольтера, на первыхъ порахъ смущался странными формами, подъ которыми скрывался этотъ идеализмъ, но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что призналъ эту внѣшнюю сторону масонства настолько маловажною, что изъ-за нея не стоило отвертываться отъ того, что подъ нею скрывалось. Изъ одного письма Новикова (1780 г.) мы видимъ, какъ онъ относился къ масонскимъ обрядамъ: «щедро и вездѣ разсѣеваемыя понятія о малыхъ капитулахъ, о великихъ капитулахъ, о просвѣщенныхъ капитулахъ, о иллюминованныхъ капитулахъ, о братьяхъ фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч., и проч.,—всѣ эти великія познанія и высокія понятія, большею частью, только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, пугающихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ; а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые

[1]) Лонгиновъ, 28, 29, 31.

[2]) Ibid., 36, 37, 38, 39, 40 и др.

[3]) Незеленовъ указываетъ, напр., на слѣдующія идеи, проводимыя въ журналахъ Новикова: борьба съ крѣпостничествомъ (153, 154, 156, 184 — 6) равенство людей (155), свобода мысли (198), необходимость просвѣщенія (156—7); вредъ суевѣрія, фанатизма, монашества (183) и др.; еще: Р. Стар., 1874, X, 776.

[4]) Незеленовъ, 266.

въ сихъ благодѣтельныхъ капитулахъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались намъ совершенно ложными и поддѣльными». Масонскіе обряды нѣкоторыхъ ложъ онъ называетъ даже «мерзостью Вааловой», «какомагіей, проклинаемой во многихъ мѣстахъ Св. Писанія» [1]).

Увидавъ передъ собою цѣль жизни, цѣль, дѣйствительно, высокую, Новиковъ, какъ и поступило-бы большинство людей на его мѣстѣ, сталъ искать болѣе короткихъ путей къ этой цѣли. Отсюда это исканіе «истиннаго» масонства, отсюда рядъ ошибокъ, разочарованій...

Въ это именно время Петербургъ, жившій почти подъ исключительнымъ вліяніемъ императрицы, обезличенный ею, пересталъ привлекать Новикова; вотъ почему онъ охотно переѣхалъ въ Москву, гдѣ представилась ему возможность жить въ кругу единомышленниковъ и, благодаря типографіи, проводить свои идеалы въ массу. Сатирическая дѣятельность была оставлена: Новиковъ сознательно пришелъ къ выводу, что русское молодое общество надо было учить, а не бичевать. По этому поводу Карамзинъ писалъ Лафатеру, очевидно, повторяя слова самого Новикова: «г-нъ Новиковъ прославился своими остроумными сочиненіями, но теперь онъ болѣе ничего не хочетъ писать; можетъ быть, потому, что *нашелъ другой болѣе вѣрный способъ быть полезнымъ своему отечеству*» [2])... Съ переѣздомъ въ Москву, Новиковъ очутился въ самомъ центрѣ того движенія, о которомъ говорили мы въ своемъ «Введеніи». Московскій университетъ съ его нѣмецкими профессорами-идеалистами, масоны съ ихъ возвышенными стремленіями, молодежь, чуткая, отзывчивая,—все это было такой средой, въ которой талантамъ и энергіи Новикова было много простору, — немуд-

---

[1]) Ешевскій, III, 469—470. Если Новиковъ возставалъ противъ масонскихъ обрядовъ, то и ближайшіе друзья его, передовые московскіе масоны, не особенно увлекались ими: въ глазахъ вожаковъ масонства эти обряды были лишь приманкой для массы, падкой на внѣшніе эффекты. (Ешевскій, III, 469, 470, 484—5; Еще: Р. Арх., 1864, 100).

[2]) Карамзинъ, Письма къ Лафатеру, 20; Еще: Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч. 149; Незеленовъ, 82.

рено, что онъ, незамѣтный въ Петербургѣ, сразу выдвигается въ Москвѣ на первое мѣсто.

Но если въ самомъ Новиковѣ было много силы и желанія распространять просвѣщеніе, то еще болѣе данныхъ для роли просвѣтителя было у Шварца, съ которымъ сошелся въ Москвѣ Новиковъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о Шварцѣ такъ мало данныхъ, что онъ остался для насъ загадочной личностью. Одно, что ясно для насъ изъ его дѣятельности въ Москвѣ, — это своеобразный характеръ, которымъ она отличается: передъ нами не просто просвѣщенный человѣкъ, заботившійся объ образованіи молодежи, — передъ нами фанатикъ просвѣщенія, «неугомонный энтузіастъ, вѣчно горѣвшій, какъ неугасимый очагъ и успѣвшій сжечь себя до тла въ 33 года жизни» [1]), — апостолъ своего ученія, готовый сдѣлаться мученикомъ, яркій типъ *пропагандиста* [2]). Это обстоятельство заставляетъ насъ подозрѣвать, что едва ли онъ не былъ *иллюминатомъ*...

Извѣстно, что въ программу иллюминатства входило самое широкое распространеніе просвѣщенія [3]); для этого иллюминаты старались проникать въ училища, распространяли книги, сближались съ обществомъ, на которое старались воздѣйствовать устно и письменно. Они прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы овладѣть симпатіями народныхъ массъ, привлекали къ ордену богатыхъ людей и лицъ высокопоставленныхъ,—все это должно было дать удобную почву для дѣятельности молодаго поколѣнія, на которое особенныя надежды возлагались иллюминатами: они привлекали къ ордену способныхъ юношей и примѣняли къ нимъ своеобразную педагогическую систему. Такъ какъ нравственное совершенство особенно цѣнилось иллюми-

---

[1]) Ключевскій, Р. М., 1895. № 1, 52. О Шварцѣ: 58—60.

[2]) Лѣтоп. р. лит., V, 96—110. Перечитывая бумаги масоновъ сразу видимъ, что даже послѣ смерти Шварцъ оставался центральной фигурой въ ихъ кругу: онъ велъ ихъ за собой, какъ убѣжденный проповѣдникъ, а они «безъ намѣренія», по ихъ признанію, шли за нимъ (Лонгиновъ, 0107, Р. Ст., 1892. LXXIV, 101 — 2; Р. Арх., 1874, I, 1031—1035).

[3]) Hettner, Geschichte der deutsch. Litteratur, 3 Th., 2 B. («Das Zeitalter Friedrichs des Grossen» 301—321). 312, 308. Perthes, «Das deutsche Staatsleben vor der Revolution», Пыпинъ, В. Евр., 1867, IV т., 37 - 46.

натами, то воспитаніе юношей сводилось къ «воспитанію сердца»: мораль, исторія и познаніе человѣка,—вотъ главныя науки; позднѣе давались книги политическія и религіозныя. Такъ подготовлялись будущіе дѣятели, которые должны были совершенно переродить общество: въ этомъ будущемъ идеальномъ обществѣ всѣ люди дѣлались братьями, не было ни власти, ни рабовъ, ни капитала [1]),—на землѣ наступалъ золотой вѣкъ нравственности и просвѣщенія. Впрочемъ, иллюминаты рѣшительно боролись противъ обвиненія въ желаніи низвергнуть престолы и государства: они были противъ насилій [2]), хотя не отвергали, что всякая власть будетъ излишня въ томъ просвѣщенномъ и духовно очищенномъ обществѣ, которое рисовалось ихъ воображенію [3]). Это были сентиментальные политики-мечтатели, у которыхъ страсть XVIII в. къ фантастическимъ утопіямъ соединилась съ іезуитской организаціей. Въ короткое время они сумѣли овладѣть всей Европой. Вездѣ находили они друзей, и только въ лицѣ іезуитовъ, съ которыми они рѣшились бороться, встрѣтили они враговъ заклятыхъ и сильнѣйшихъ...

Рѣшились мы сблизить Шварца съ иллюминатами потому, что въ дѣятельности московскаго масонства его времени мы видимъ явленія совершенно параллельныя тѣмъ, что мы видѣли у заграничныхъ иллюминатовъ: привлеченіе богатыхъ людей (Татищевъ, Походяшинъ), высокопоставленныхъ (Павелъ, Панинъ, Рѣпнинъ, Куракинъ), сближеніе съ народомъ (устройство аптеки, раздача хлѣба), распространеніе книгъ (Новиковскія изданія, даровая раздача ихъ, широкая книгопродавческая дѣятельность), чтеніе лекцій проф. Шварцемъ

---

[1]) Hettner, 306—7, 311—312.

[2]) Ibid., 315.

[3]) Ibid., 312. Невольно удивляетъ насъ, конечно, то обстоятельство, что очень многіе владѣтельные князья германскіе были иллюминатами (Hettner, 315), но та эпоха такъ богата утопіями, мечтами, что сентиментальные владѣтели княжествъ германскихъ могли до французской революціи вѣрить въ возможность иллюминатскихъ разсчетовъ. Это было время, когда королямъ въ журналахъ совершенно серьезно предлагалось давать подданнымъ республиканское воспитаніе и, когда эти воспитанники политически созрѣютъ, то уйти съ престола среди благословеній освобожденнаго народа и хора благодарностей.. (Lévy Bruhl, L'Allemagne depuis Leibniz, 220).

и, наконецъ, воспитаніе юношей. И вся эта широкая просвѣтительная дѣятельность нашла себѣ мѣсто въ Москвѣ, ведетъ свое начало, несомнѣнно, отъ Шварца и не повторяется, напримѣръ, въ Петербургѣ у обыкновенныхъ масоновъ [1]).

Сопоставимъ съ этимъ тотъ фактъ, что Шварцъ былъ заграницей во время процвѣтанія иллюминатства (Вильгельмсбадскій конгрессъ) и сблизился съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, который былъ иллюминатомъ [2]). Припомнимъ, что Шварцу не очень довѣряли московскіе масоны, что по ихъ желанію онъ даже далъ обѣщаніе не распространять среди нихъ какого-то ученія [3]). Его заграничной поѣздкой нѣкоторые масоны остались недовольны [4]). Новиковъ впослѣдствіи даже заявилъ, что онъ «слѣдилъ» за Шварцемъ [5]). Наконецъ, ко всему этому присоединяется какая-то темная исторія—попытка заграничныхъ масоновъ (іезуиты?) чрезъ посредство Шредера отравить его [6])..

Все это, конечно, представляетъ богатую почву для подозрѣній. Но мало того: по признанію современниковъ, въ лекціяхъ своихъ Шварцъ, бичевалъ политическія и церковныя злоупотребленія [7]), нападалъ на монашество [8]); идеаломъ его была свобода духовная и политическая, — стало

[1]) Сходство въ судьбѣ моск. масоновъ и иллюминатовъ простирается до того, что начало преслѣдованія ихъ идетъ отъ іезуитовъ, которые почувствовали въ нихъ такихъ же враговъ, какъ въ иллюминатахъ. (Hettner, 317, Р. Арх. 1864, 890; Лонгиновъ, 230).

[2]) Hettner., 315. Въ то время иллюминатами были многіе профессора, писатели, государственные дѣятели. Въ рядахъ иллюминатовъ мы встрѣчаемъ даже имена Гете, Гердера, Песталоцци... О иллюминатахъ въ Россіи тоже есть свѣдѣнія (Hettner, 315; Ешевскій, III, 538; Пекарскій, 81; Пыпинъ, В. Евр. 1867, IV т.,40,46).

[3]) Лонгиновъ, 079. Вѣроятно, системы «строгаго наблюденія» (стрикт-обсервантскіе градусы). (Ср. Лонгиновъ, 078, 079; Пекарскій, 80). Эта организація кружка (безусловное повиновеніе орденскимъ начальникамъ, взаимный надзоръ братьевъ) взята иллюминатами у іезуитовъ, и, такимъ образомъ, присуща тѣмъ и другимъ. Съ іезуитами Шварцъ общаго, конечно, ничего не имѣлъ.

[4]) Лонгиновъ, 081, 082.

[5]) Ibid., 085, 096.

[6]) Пекарскій, 71.

[7]) Р. Арх., 1874, I, 1035.

[8]) Ibid. Вообще наружное благочестіе (истязаніе плоти, посты и пр.). См. его лекціи «О трехъ познаніяхъ» въ рукоп. отд. Имп. П. Библ., Q III, № 40, 53а.—54 л.; «воцарилась ложь» говоритъ онъ по этому поводу (ib.).

быть и въ этомъ отношеніи сходился онъ съ иллюминатами. Посмотримъ теперь, какую почву нашелъ онъ для своей пропаганды въ Москвѣ. Его либеральныя идеи, несомнѣнно, встрѣтили поддержку у московскихъ масоновъ: Новиковъ въ своихъ раннихъ журналахъ ратовалъ противъ крѣпостнаго права, стоялъ за свободу мысли, за просвѣщеніе и нападалъ на монашество [1]); Гамалѣя, этотъ «Божій человѣкъ», отпускающій на свободу крѣпостныхъ [2]), отдающій вору украденное [3]), является, съ политической точки зрѣнія, врагомъ рабства и сторонникомъ уравненія состояній; Лопухинъ, въ тѣхъ же цѣляхъ уравненія капиталовъ, бралъ въ долгъ деньги для помощи бѣднымъ, но не отдавалъ долга, руководясь тѣмъ убѣжденіемъ, что, если ему деньги были даны, значитъ, онѣ были у заимодавца лишними [4]). Тотъ же Лопухинъ въ отношеніяхъ къ сектантамъ, на нашъ взглядъ, проявилъ болѣе, чѣмъ терпимость къ свободѣ совѣсти, — онъ проявилъ даже симпатію [5]).

Вотъ почему мы думаемъ, что просвѣтительная дѣятельность Шварца, на либеральномъ основаніи, могла встрѣтить сочувствіе московскаго кружка, но мы не смѣемъ утверждать, что московскіе масоны были «иллюминатами» *сознательно*. Напротивъ, они, *повидимому*, искренне трепещутъ при одномъ имени «иллюминатъ», они, *повидимому*, искренне отвергаютъ всякія политическія тенденціи въ своей дѣятельности, не замѣчая того, что ихъ либеральная просвѣтительная дѣятельность вела въ результатѣ къ политическому развитію русскаго общества. Эту странность можно объяснить лишь тѣмъ, что Шварцъ, которому открыто дѣйствовать было невозможно, былъ *тайнымъ* иллюминатомъ и, воспользовавшись просвѣтительнымъ движеніемъ русскаго общества, направлялъ его все-таки къ той цѣли, къ которой вели другіе иллюминаты сво-

---

[1]) См. выше стр. 7.

[2]) Лонгиновъ, 163.

[3]) Ibid., 163.

[4]) Р. Арх., 1884, I, 151; 1873, 2150; 1875, III, 80.

[5]) Р. Арх, 1884, I, 91, 93, 95. Интересны выдержки изъ масонскихъ книгъ. Р. Арх., 1868 стр.:, 1353, 1366, 1367 и др.

ихъ адептовъ. Можно думать, что съ розенкрейцерами онъ сблизилъ московскихъ масоновъ только для того, чтобы удовлетворить суетному желанію нѣкоторыхъ масоновъ (Трубецкой, Тургеневъ) узнать алхимическіе секреты, но, кажется, ни онъ, ни Новиковъ этими секретами ни мало не интересовались [1]).

Изъ всѣхъ масоновъ московскихъ ближе всего къ Шварцу по убѣжденіямъ и энергіи подходилъ Новиковъ. Опять таки повторяемъ, что нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ утверждать объ открытой привязанности его къ иллюминатамъ, но, несомнѣнно, онъ ближе всѣхъ своихъ друзей подошелъ къ этому движенію. По крайней мѣрѣ, допросъ Новикова даетъ, на нашъ взглядъ, много подозрѣній противъ него: онъ, очевидно, знаетъ рискованныхъ тайнъ больше, чѣмъ другіе масоны [2]): въ своихъ отвѣтахъ, онъ многое валитъ на Шварца [3]), говоритъ, что подозрѣвалъ его [4]), что слѣдилъ за нимъ [5]); раньше другихъ онъ допускаетъ мысль, что онъ съ товарищами, *можетъ быть*, «обманутъ» [6]). Въ дѣятельности своей онъ идетъ нога-въ-ногу со Шварцемъ: издаетъ сочиненія не только мистиковъ, но и «зловредныя, развращающія добрые нравы» сочиненія энциклопедистовъ (слова Платона [7]), вы-

---

[1]) Въ отправленіи заграницу Кутузова съ спеціально масонскими цѣлями Новиковъ участія не принималъ и, можно думать, не особенно имъ интересовался,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ слѣдовъ его переписки съ Кутузовымъ. При Шварцѣ интересовъ къ алхиміи въ Москвѣ тоже не замѣтно. Въ рукописномъ экземплярѣ лекціи Шварца («О трехъ познаніяхъ, любопытномъ, пріятномъ и полезномъ), имѣющемся въ Имп. Публ. Библ., говорится о Каббалѣ, что знаніе ея излишне: «для спасенія нашего не познанія, но дѣйствія намъ нужны» (Q III, № 40. 47 л.).

[2]) Это видно и по отвѣтамъ его, даннымъ Шешковскому, и по вопросамъ, ему заданнымъ: и числомъ, и сложностью они превышаютъ вопросы, данные другимъ масонамъ, которые, оказывается, знаютъ меньше Новикова (Лонгиновъ, 0118, 0132, 134 и др.). Вообще допросъ масоновъ производитъ такое впечатлѣніе, будто правительство, главнымъ образомъ, хотѣло уловить Новикова. Петербургскихъ масоновъ гоненія совсѣмъ не коснулись, они дѣйствуютъ открыто и послѣ заточенія Новикова. (Ешевскій, III, 109).

[3]) Лонгиновъ, 081, 082, 085, 098.

[4]) Ibid., 078, 079, 085.

[5]) Ibid., 079 и др.

[6]) Лонгиновъ, 0105. Важна его оговорка, показывающая, что онъ могъ сомнѣваться въ своихъ товарищахъ. (Лонгиновъ, 096).

[7]) Лонгиновъ, 035.

пускаетъ въ свѣтъ, по собственному признанію, «мерзкія» книги [1]), покупаетъ и распространяетъ либеральныя сочиненія [2]), самое дѣятельное участіе принимаетъ въ сношеніяхъ съ Павломъ [3]), имѣетъ въ рукахъ бумаги, отъ которыхъ самъ приходитъ въ «ужасъ», однако переписываетъ ихъ и сохраняетъ [4]). Онъ въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому нѣсколько разъ хитритъ [5]), запирается [6]), говоритъ неправду [7]), невольно обличая самъ себя въ слѣдующихъ отвѣтахъ [8]) или будучи обличаемъ показаніями другихъ масоновъ [9]). Два раза давалъ онъ подписку, что не будетъ продавать запрещенныхъ книгъ, однако продавалъ [10]). Въ руки правительства попала писанная его (?) рукой бумага, въ которой запрещалось масонамъ

---

[1]) Лонгиновъ, 0111.

[2]) Лѣт. р. лит., V, 40, 35—6, 92.

[3]) Лонгиновъ, 0128, 0129, 0142, 0138, 312—3. Сб. Р. Ист. О-ва, II, 117—119. Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч., 273. Р. Ст. 1874, XI, 157—8.

[4]) Сб. Р. Ист. О-ва, т. II, 114, 118—9; Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч. 273.

[5]) Напримѣръ, заявляетъ, что типографію взялъ «изъ гордости» и «корыстолюбія» (Лонгиновъ, 0101); въ переписку вступилъ «безъ намѣренія» (?). (Лонгиновъ 091); книги продаетъ «изъ корыстолюбія» (Лонгиновъ, 092); отговаривается часто тѣмъ, что «не помнитъ», напр., причины отставки Шварца отъ У-та, (Лонгиновъ, 084).

[6]) Такъ онъ отрицалъ существованіе у масоновъ «присяги» (Лонгиновъ, 090, 097; Ср. Ешевскаго, III, 496); не называетъ переводчика, который многое переводилъ. (Лонгиновъ, 0111).

[7]) Сб. Р. Ист. О-ва, т. II, 124, 116, 126, 127, 128. Шешковскій уличилъ его нѣсколько разъ, (§ 5, 7, 12, 29, 27, 37).

[8]) Напримѣръ, въ отвѣтахъ Шешковскому онъ сказалъ, что былъ недоволенъ Шварцемъ, а въ письмахъ въ Петербургъ онъ восторгается имъ (Ешевскій, III, 470—1). Сказалъ, что «не помнитъ, какъ произошелъ союзъ съ Гагаринымъ» (Лонгиновъ, 077—8), а ниже разсказалъ (Сб. Р. Ист. О-ва, II, 119).

[9]) Новиковъ отрицалъ, что присяга была передъ Евангеліемъ, а Тургеневъ подтвердилъ (Лонгиновъ, 0143). Сперва отвергалъ связь съ герцогомъ Кассельскимъ (Лонгиновъ, 091), потомъ призналъ (Сб. Р. Ист. О-ва, II, 119). Сперва отвергалъ связь съ Репнинымъ (Лонгиновъ, 0101), потомъ призналъ (Ibid, 0102), вообще Репнина выгораживалъ. (Р. Стар. 1880, XXVIII, 133, о масонствѣ Репнина: Р. Арх. 1872, 465—6, Masson Mémoires, I, 293; Р. Стар., 1880, II, 132—3; Панина, Р. Арх. 1864, 588). Говоритъ, что сношенія съ западными масонами были въ послѣднее время брошены,—между тѣмъ, въ Россію пріѣхалъ Шредеръ (Лонгиновъ, 085), Кутузовъ жилъ заграницею. Наконецъ, существованіе присяги признано нѣкоторыми масонами (Лонгиновъ, 0119; Л. р. лит. V, 81; В. Евр. 1868, IV т., № 7, 185; Пекарскій, 88).

[10]) Лѣт. р. лит., V, 12; Лонгиновъ, 315.

преслѣдовать иллюминатовъ [1]). Есть, наконецъ, основанія думать, что правительствомъ, дѣйствительно, было перехвачено писанное къ нему письмо Вейсгаупта, основателя иллюминатскаго ордена [2])...

Все это относится къ московскому періоду масонства Новикова, т. е. къ тому времени, которое началось знакомствомъ со Шварцемъ. Такимъ образомъ, съ переѣздомъ Новикова въ Москву стремленіе къ личному самосовершенствованію и нѣсколько отрѣшенный идеализмъ усложняются убѣжденнымъ служеніемъ русскому обществу съ самыми широкими просвѣтительными планами. Человѣкъ живой, всегда склонный къ практической дѣятельности, Новиковъ, конечно, и самъ не могъ остановиться на отвлеченномъ идеализмѣ: онъ былъ дѣятельнымъ идеалистомъ, который не боялся жизни, которому нужны были и больницы, и раздача хлѣба голоднымъ, и борьба со мракомъ. Убѣжденный въ томъ, что свобода мысли необходима для образованія [3]), даже подъ старость сохранившій убѣжденіе, что все то «мертво, что не имѣетъ движенія, понеже жизнь есть движеніе», — Новиковъ легко поддался вліянію Шварца. Просвѣщенный «нѣмчикъ» сблизился съ нимъ, сдѣлался «неразлучнымъ» другомъ, энергично поддержалъ его и, быть можетъ, набросилъ на его дѣятельность легкую политическую окраску, слѣды которой можно уловить въ тѣхъ немногочисленныхъ данныхъ, которые дошли до нашихъ дней. Это время въ дѣятельности Новикова было самое блестящее. Полный энергіи, вѣры въ свое дѣло, видя поддержку друзей, онъ смѣло шелъ впередъ; въ это именно время вступилъ онъ въ открытую борьбу съ «просвѣщеннымъ абсолютизмомъ». Сведя свои идеалы съ заоблачной вышины на землю, незамѣтно для себя, а, можетъ быть, и сознательно шелъ онъ къ политическому обновленію русскаго общества [4]) и, конечно, скоро столкнулся съ

[1]) Сб. Р. Ист. О-ва, II, 128; Вѣстн. Евр., 1872, I т., № 1, 193—4.

[2]) Р. Арх., 1875, III, 77; II, 285; 1875. Вообще, можно думать, онъ былъ хорошо освѣдомленъ касательно религіознаго и политическаго движенія Германіи, если даже тамъ, заграницей, имя его было такъ популярно, что ему посвящались сочиненія.

[3]) Незеленовъ, 198.

[4]) Правда, Новиковъ отвергалъ политическій характеръ своей дѣятельности,

правительственной властью. Судя по *обнародованнымъ* документамъ, Екатерина не могла уличить его ни въ чемъ, но она, тѣмъ не менѣе, назвала его дѣятельность «неистовыми дѣлами» [1]), она заподозрила его въ «сокровенныхъ замыслахъ» [2]); въ глазахъ правительства Новиковъ былъ въ это время человѣкомъ «коварнымъ» [3]), «натуры острой, догадливой» [4]), съ характеромъ «смѣлымъ и дерзкимъ» [5]). Если Радищевъ казался опаснымъ для Императрицы, то Новиковъ былъ «мартинистъ хуже Радищева»...

Со смертью Шварца наступаетъ третій и послѣдній періодъ масонства Новикова. Рядомъ подготовительныхъ репрессалій императрица подрѣзала крылья Новикову. Онъ одинъ оказался не въ силахъ вести Трубецкихъ и К° той дорогой, которой велъ ихъ вдвоемъ со Шварцемъ. Въ это время интересы къ просвѣтительной дѣятельности у товарищей Новикова уже охладѣваютъ; идеализмъ, сплотившій ихъ когда-то въ тѣсный кружокъ, отступаетъ на задній планъ; они увлекаются алхиміей, интересуются тайными науками, для изученія которыхъ посылаютъ заграницу Кутузова. Масонскими дѣлами въ Москвѣ ворочаетъ авантюристъ Шредеръ, который, можетъ быть, дѣйствительно, былъ въ рукахъ іезуитовъ [6])... Какъ же относится Новиковъ къ новому теченію, обнаружившемуся въ московскомъ масонствѣ? По словамъ другихъ масоновъ, отношенія между ними и Новиковымъ сдѣлались натянутыми [7]);

энергично ругалъ иллюминатовъ (Лонгиновъ, 076, 074), но мы рѣшительно отказываемся утверждать, насколько искрененъ онъ былъ въ этомъ случаѣ: или онъ былъ иллюминатомъ *сознательно* и отвергалъ свою связь съ ними, руководясь убѣжденіемъ, что «цѣль освящаетъ средство», что ради возвышенныхъ цѣлей иллюминатства можно было покривить душой (Р. Арх. 1874, I, 1033), — или онъ былъ иллюминатомъ, самъ того не зная и, имѣя объ иллюминатахъ представленіе, какъ о какихъ-то злодѣяхъ, цареубійцахъ, революціонерахъ, искренне отвергалъ всякую солидарность съ ними.

[1]) Лонгиновъ, 0150.

[2]) Лонгиновъ, 0115; Сб. Р. И. О-ва, II, 125.

[3]) Лонгиновъ, 072.

[4]) Лѣт. р. лит. и др., V, 17; Сб. Р. И. О-ва, II, 103, 104, 107.

[5]) Лѣт. р. лит., V, 17; Лонгиновъ, 321.

[6]) Пыпинъ, В. Евр., 1867, т. IV 12; Лонгиновъ, 0109, 303; Пекарскій, 71.

[7]) Лонгиновъ. 0109. Это сказалось во время разбора дѣла: сама Екатерина

Новиковъ дѣлается скрытенъ [1]), онъ равнодушно относится къ дѣламъ ордена [2]), чуждается Шредера [3]), не интересуется Кутузовымъ [4]); со своей стороны, другіе масоны относятся къ нему холодно [5]), даже отзываются о немъ «отвратительно» [6])... Работа Новикова рушится съ каждымъ днемъ [7]), и, наконецъ, послѣдній ударъ былъ нанесенъ ему арестомъ.

Этотъ періодъ въ жизни московскаго масонства былъ періодомъ его разложенія: практическая дѣятельность въ кружкѣ почти прекратилась, взаимное довѣріе было поколеблено, частные интересы разошлись въ разныя стороны, вдобавокъ, чувствовалось приближеніе грозы...

Коротка оказалась исторія того движенія, которое началось въ Москвѣ около Новикова и Шварца, но слишкомъ замѣтны въ русской жизни слѣды, имъ оставленные.

Главный культурный интересъ Новикова заключается въ томъ прогрессивномъ характерѣ, который несомнѣнно былъ ему присущъ въ блестящее время. Правда, размѣры и истинный характеръ этого либерализма не поддаются пока точному выясненію,—но, несомнѣнно, что распространеніе просвѣщенія съ либеральной окраской было главнымъ стремленіемъ Новикова и Шварца: изданія перваго и лекціи второго доказываютъ намъ, что въ ихъ глазахъ пропаганда масонства занимала въ то время второе, если не третье мѣсто: Новиковъ печатаетъ книги по исторіи, педагогикѣ, географіи, политикѣ [8]), Шварцъ читаетъ русскому обществу лекціи по философіи исторіи и эстетикѣ, психологіи и литературѣ [9]). Вмѣстѣ съ французъ-

замѣтила, что Новикова «одни извиняютъ, другіе обвиняютъ, но никто не оправдываетъ» (Сб. Р. И. О-ва, II, 156).

[1]) Лонгиновъ, 0143. 0139, 085, 087.

[2]) Лонгиновъ, 085. 087; В. Евр., 1872. № 1, 186.

[3]) Лонгиновъ, 086. 0108.

[4]) Ibid. 096. Сохранились письма Трубецкаго, Лопухина и др. къ Кутузову. Новиковъ же, по этимъ письмамъ, представляется лицомъ, стоящимъ далеко отъ интересовъ Кутузова (Р. Ст., 1874, IX; 1896, LXXXVIII).

[5]) Лонгиновъ, 0109; Сб. Р. Ист. О-ва, II, 156; Р. Ст. 1874, IX, 268.

[6]) Пекарскій, 91.

[7]) Болотовъ, IV, 524, 712, 193; В. Евр., 1872, № 1, 185.

[8]) См. у Лонгинова списки напечатанныхъ Новиковымъ книгъ.

[9]) Тихонравовъ, Соч. III, ч. 1, 64, 66, 75, 76, 77, 80.

скими философами питали оба ненависть къ деспотизму власти и мысли, фанатизму, суевѣрію [1]). Религія рисовалась этимъ мечтателямъ и ихъ друзьямъ очищенной отъ позднѣйшихъ наслоеній, возстановленной въ томъ видѣ, какой она была въ апостольскія времена [2]). Вотъ почему замѣчаемъ мы у масоновъ тяготѣніе къ сектантамъ [3]), интересъ ко всякому проявленію сомнѣнія на религіозной почвѣ — и почему, съ другой стороны, современники сближали ихъ съ гернгутерами [4]), съ «раскольниками» [5]), почему масонскимъ книгамъ приписываютъ зарожденіе у насъ секты «духоносцевъ» [6]), почему въ дѣятельности Новикова видѣли стремленіе къ «низложенію православія» [7]), почему, наконецъ, въ глазахъ простого народа нѣкоторые сектанты отождествились съ франкмасонами...

Въ политическомъ отношеніи Новиковъ, несомнѣнно, тоже былъ изъ людей свободомыслящихъ: вѣроятно, «заманчивыя» слова: «равенство, братство и свобода»—были дороги и ему, какъ многимъ его великимъ современникамъ [8]). По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводятъ насъ, съ одной стороны, такіе факты, какъ, напримѣръ, присутствіе въ масонскихъ изданіяхъ книгъ политическаго содержанія [9]), горячее участіе Новикова въ поднесеніи конституціоннаго плана наслѣднику [10]), и, съ другой стороны, мнѣніе многихъ современниковъ, что

---

[1]) Р. Арх. 1868 г., 1336, 1353, 1366, 1367; 1874 г., I, 1035.

[2]) Пекарскій, 70; Р. Ст. 1894, LXXXII, «Наши мистики-сектанты»; Тихонравовъ, Соч. III т., I ч., 267—8.

[3]) Р. Арх. 1884, I, 86—87, 94. Пекарскій, 78.

[4]) Р. Ст. 1892, LXXIV, 565; Пекарскій, 78.

[5]) Р. Арх. 1895, I, 480; Лонгиновъ, 261, 288; Р. Арх., 1866, 73, 74—75, Р. Арх. 1892, II, 548.

[6]) Р. Арх. 1868. 1345, 1348.

[7]) Р. Стар. 1892, LXXIV, 562 (слова Шварца).

[8]) Р. Стар. 1874, IX, 467; Тихонравовъ, Соч. III, I ч., 264, 267. Не даромъ современники сопоставили Новикова съ Франклиномъ (въ Германіи Франклиномъ называли Мозера, политическаго дѣятеля). Принадлежащая намъ рукопись, носящая заглавіе: «Нѣкоторыя черты жизни Н. И. Н(овикова) и С. С. Г(амалѣи)» начинается такъ: «Два человѣка дѣйствовали въ одно время на обоихъ полушаріяхъ земли, *для одной цѣли*—Франклинъ и Новиковъ» и т. д.

[9]) Лѣтоп. р. лит. V, 92 и др.

[10]) Тихонравовъ, Соч. III, I ч. 273.

Новиковъ и его друзья были «политическими» дѣятелями [1]), приписываніе масонамъ мечты о переустройствѣ общества [2]), симпатій къ общинному строю [3]), желаній устроить колонію на новыхъ началахъ гдѣ-то около Китая... Наконецъ, важенъ и тотъ фактъ, что императрица, столкнувшись съ Новиковымъ, столкнувшись со сложной кружковой организаціей, съ заграничными сношеніями, съ тайнами, съ самой широкой дѣятельностью, захватившей даже углы Ростіи и всѣ слои ея, усмотрѣла именно политическій смыслъ въ общественной дѣятельности Новикова и, убоявшись того, что «не справится съ нимъ» [4]), прибѣгла къ самымъ крутымъ мѣрамъ..

Впрочемъ, если русское общество и замѣтило политическую окраску въ дѣятельности Новикова, то оно въ этомъ отношеніи не подверглось съ его стороны серьезному вліянію. На русское общество и Новиковъ, и Шварцъ смотрѣли, повидимому, какъ на молодежь, еще не доросшую до «политическаго» воспитанія, молодежь, которую еще надо духовно воспитать, морально переродить, а потому либерализмъ Новикова только проскальзываетъ въ его дѣятельности, не переходя въ рѣшительную пропаганду и не поддаваясь точному опредѣленію изслѣдователя.

Почти исключительное вниманіе Новикова и Шварца было обращено на нравственное совершенствованіе русскаго общества, на подготовленіе этимъ путемъ его къ политической жизни, — и, въ этомъ отношеніи, они, дѣйствительно, повліяли на русское общество: дѣятельность этихъ просвѣтителей XVIII вѣка внесла освѣжительную струю въ жизнь Россіи. Даже въ провинцію нахлынули книги «съ направленіемъ», — съ яркой и энергичной проповѣдью идеализма, — съ ними сразу поднялся духовный уровень Россіи: въ нѣкоторыхъ мемуарахъ XVIII в. замѣчаемъ мы появленіе новыхъ людей, созданныхъ Новиковскимъ движеніемъ [5]).

---

[1]) Лонгиновъ, 246, 301; Пушкинъ, Собр. Соч., V, 351; Р. Арх. 1868, 1336; 1876, III, 273; 1875, III, 76; Р. Стар. 1896, LXXXVIII, 316, 317, 318, 319; 1877, XVIII, 657.

[2]) Сб. Р. И. Общ. II, 105, 108; Лонгиновъ, 60.

[3]) Сб. Р. И. Общ. II, 108.

[4]) Р. Стар. 1872, V, 146.

[5]) Напр., Второвъ («Отецъ и Сынъ»), Р. Вѣстн., 1875, № 4, 499, 502, 503,

Особенно осязательные слѣды оставило масонство на тѣхъ юношахъ, которые были имъ воспитаны [1]). Въ этомъ отношеніи, конечно, особенно важна дѣятельность Шварца: «день и ночь» работалъ этотъ неутомимый труженикъ на пользу русскаго юношества [2]); ради него онъ отказался отъ своихъ книгъ [3]), которыя всѣ были подѣлены между слушателями, отказывался отъ отдыха и покоя... Немудрено, что отзывчивые юноши «полюбили его» [4]); немудрено, что самоотверженный педагогъ былъ замѣченъ въ Москвѣ многими [5]). «Райскія минуты», по собственному признанію, позналъ онъ, видя въ окружающемъ его обществѣ, жажду просвѣщенія [6]).

Чему же училъ Шварцъ своихъ учениковъ? Прежде всего, повидимому, онъ въ строгой системѣ заставлялъ учениковъ изучать новые языки [7]), затѣмъ онъ позаботился о знакомствѣ ихъ съ современной нѣмецкой и англійской литературой [8]). Знанія по эстетикѣ, психологіи, всеобщей литературѣ [9]) должны были дать его ученикамъ пониманіе произведеній искусства и развитіе эстетическаго чутья. Лекціи по философіи исторіи [10])

530. В. Панаевъ (В. Евр. 1867, III, сент., 203, 199). Новиковъ въ юности былъ секретаремъ въ комиссіи по образованію «средняго рода людей» (Лонгиновъ, 13), и всю свою жизнь отдалъ образованію этого средняго рода людей своими изданіями. Кромѣ литературной и издательской дѣятельности, на русское общество большое впечатлѣніе произвела и самая личность Новикова; это ясно сказалось въ тѣхъ отзывахъ о немъ, которые дошли до насъ отъ его современниковъ. (Руничъ, Р. Стар., 1896, LXXXVIII, 311—2, 313, 310; Витбергъ, Р. Стар., 1872, V, 560; Евгеній, Словарь, II, 105; Н(ванчинъ)-Н(исаревъ), Отеч. Зап., 1840, т. 8, 6—7; Дмитріевъ И., Соч., II, 27—30; Вигель, II, 215; С. Глинка, 12, 15; Болотовъ, Памятникъ, 9; Муравьевъ, Соч. 372).

[1]) Вообще многіе масоны московскіе (Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ) сильное вліяніе имѣли на своихъ слушателей: несомнѣнно, въ ихъ рѣчахъ было много фанатической убѣжденности. (Библ. Зап. I, 646, 648, 649 и др.).

[2]) Тихонравовъ, Соч. III, I 61.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid., Впрочемъ, у Шварца было не мало и враговъ: даже между масонами встрѣчаемъ мы заклятыхъ его противниковъ (напр., Елагинъ). (Пекарскій, 94—5, 81, 100, 102; Р. Арх. 1874, I, 1034).

[6]) Ibid., 62.

[7]) Тихонравовъ, Соч. III, 1 ч., 62.

[8]) Ibid., 66.

[9]) Ibid., 64, 77, 76

[10]) Ibid., 75.

должны были осмыслить въ глазахъ юношей современную политическую жизнь, помогали выработкѣ міровоззрѣнія. Наконецъ, совмѣстный разборъ съ учениками сочиненій энциклопедистовъ [1]) училъ сознательному отношенію къ книгамъ, разумному чтенію. По словамъ его ученика, «простое слово Шварца исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался», — но, въ тоже время, «разбирая Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр.», онъ «училъ находить и достоинство каждаго» [2]). Изъ этихъ словъ очевидно, что Шварцъ былъ противникомъ лишь того легкаго поверхностнаго вольдумства, которое тогда увлекало россійскихъ невѣжественныхъ «вольтеріанцевъ», но что во французской философіи онъ находилъ много назидательнаго.

Изъ своихъ учениковъ Шварцъ разсчитывалъ сдѣлать просвѣщенныхъ проповѣдниковъ идеализма [3]). И мы знаемъ, что цѣлый рядъ его старшихъ учениковъ сдѣлался священниками и, вѣроятно, по разнымъ угламъ Россіи разнесъ слова своего учителя [4]).

Ранняя смерть Шварца разстроила дѣло, затѣянное имъ широко и умѣло: не нашлось человѣка, который бы смогъ замѣнить его. Единственно, что въ это время поддерживало еще осиротѣвшую молодежь, — это память объ усопшемъ учителѣ: жила еще традиція, помнились еще слова Шварца, недавно звучавшія, переписывались и затверживались его лекціи [5]):

---

[1]) Ibid., 75.

[2]) Ibid., 75, 43. Противъ франц. философіи см. его лекціи «О трехъ познаніяхъ», хранящіяся въ рукоп. отд. Имп. П. Библ. Q III, № 40, л. 61, 74; также «рѣчи» F III, № 47, 31а, 37а.

[3]) Ешевскій. III, 419; Лонгиновъ, 137.

[4]) Лонгиновъ, 0111, Р. Ст., 1888, LIX, 428; 1884, I, 50, 54—5, 16; Сб. Р. Ист. Общ., II, 105; Р. Ст. 1894, LXXXII, 120 (о просвѣщен. духовенствѣ русскомъ того времени, ibid., 118—9 и др.).

[5]) Въ рукоп. отд. Имп. Публ. Библ. кромѣ лекцій Шварца «О трехъ познаніяхъ» (Q III, № 40) и «рѣчей» (F III, № 47) имѣется еще конспектъ его масонскихъ бесѣдъ, подъ названіемъ: «Разныя замѣчанія покойнаго Шварца» (O III, № 112). Къ сожалѣнію, лекцій по литературѣ, философіи, исторіи, повидимому, не имѣется.

II.

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина.

Для правильнаго пониманія литературной дѣятельности писателя нельзя пренебрегать его первыми, ранними произведеніями. Для публики эти юношескіе опыты представляютъ иногда мало интереса; самимъ авторомъ часто исключаются изъ собранія сочиненій, такъ какъ не удовлетворяютъ его созрѣвшаго вкуса, но для историка литературы, для біографа, слѣдящаго за постепеннымъ развитіемъ интересующаго его писателя, эти произведенія говорятъ иногда очень многое. Вотъ почему стихотворенія Карамзина, напечатанныя въ «Дѣтскомъ Чтеніи» [1]) и «Московскомъ Журналѣ», но не вошедшія въ его «собраніе сочиненій», заслуживаютъ того, чтобы любители отечественной словесности познакомились съ ними. Они любопытны еще въ томъ отношеніи, что представляютъ цѣнныя автобіографическія признанія, пополняющія скудный запасъ свѣдѣній о Карамзинѣ, а, между тѣмъ, нѣкоторыя (№№ 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11 и 12) изъ нихъ біографами Карамзина не использованы, такъ какъ мнѣніе о принадлежности ихъ Карамзину въ литературѣ нашей еще не высказывалось. Приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ появились они въ печати. Ниже приводимъ мы основанія, по которымъ рѣшаемся приписывать эти произведенія Н. М. Карамзину.

---

[1]) По свидѣтельству И. Дмитріева, «первые опыты свои въ поэзіи» Карамзинъ печаталъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи». (Соч., II, 27).

I.

Весенняя пѣсня меланхолика [1]).

Зима свирѣпая исчезла,
Исчезли мразы, иней, снѣгъ;
И мракъ, все въ мірѣ покрывавшій,
Какъ дымъ разсѣялся, исчезъ.
Не слышимъ рева вѣтровъ бурныхъ,
Страшившихъ странника въ пути,
Не видимъ тучъ тяжелыхъ, черныхъ,
Текущихъ съ Сѣвера на Югъ.
Весна съ улыбкою приходитъ;
За нею слѣдомъ миръ течетъ.
На персяхъ нѣжныя Природы
Играетъ, рѣзвится Зефиръ.
Дождь тихій съ неба къ намъ ліется
И все твореніе живитъ;
Въ поляхъ всѣ травы зеленѣютъ,
И лугъ цвѣтами весь покрытъ.
Уже фіалка распустилась,
Смиренно подъ кустомъ цвѣтетъ,
Амброзіей питаетъ воздухъ,
Не ждя похвалъ, благотворитъ.
На вѣтвяхъ птички воспѣваютъ
Хвалу всещедрому Творцу;
Любовь ихъ пѣсни соглашаетъ,
Любовь сердца ихъ веселитъ.
Овечки кроткія гуляютъ
И щиплютъ травку на лугахъ;
Въ сердцахъ любовь къ Творцу питаютъ —
Безъ словъ Его благодарятъ.
Пастухъ играетъ на свирѣли,
Лежа безпечно на травѣ;
Питаясь духомъ благовоннымъ,
Онъ хвалитъ красоту весны.
Вездѣ, вездѣ сіяетъ радость,
Вездѣ веселіе одно, —
Но я, печалью отягченный,
Брожу уныло по лѣсамъ.

---

[1]) Стихотвореніе это Пономаревымъ въ «Матеріалахъ для библіографіи литературы о Карамзинѣ» не указано.

Въ лугахъ печаль со мною бродитъ.
Смотря въ ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее.
Творецъ премудрый, милосердный!
Когда придетъ весна моя,
Зима печали удалится,
Разсѣется душевный мракъ?

(«Дѣтское Чтеніе», 1789, ч. XVIII. 63—4 стр.).

II.

Вздохъ [1]).

Мѣсяцъ восходитъ, мѣсяцъ прекрасный,
Тихій, любезный спутникъ земли;
Сребряный, ясный свѣтъ изливаетъ,
Нѣжно блистаетъ въ чистыхъ водахъ.

Въ счастіи, въ мирѣ, въ тихомъ весельѣ,
Я наслаждался свѣтомъ твоимъ,
Мѣсяцъ прекрасный, здѣсь съ Альциндоромъ
Въ рощѣ дубовой ночью сидѣвъ.

Чувства изъ груди въ грудь преливались,
Нѣжныя чувства дружбы, любви!
Нѣтъ Альциндора!.. Тисы надъ гробомъ
Юнаго друга томно шумятъ.

(«Дѣтское Чтеніе», 1789, ч. XVIII, 80 стр.).

III.

Анакреонтическіе стихи А* А* П* [2]).

Зефиръ прохладный вѣетъ,
И, Флору оставляя,
Зефиръ со мной играетъ,
Меня утѣшить хочетъ;
Печаль мою развѣять
Намѣренъ непремѣнно.
Зефиръ, напрасно мыслишь
Меня развеселити,
Мнѣ плакать не давая!

---

[1]) У Пономарева это стихотвореніе пропущено.
[2]) У Пономарева № 28.

Ты въ сердце не проникнешь!
Моя же горесть въ сердцѣ.
Но если ты намѣренъ
Мнѣ службу сослужити,
Лети, Зефиръ прекрасный,
Къ тому, которой любитъ
Меня любовью нѣжной;
Лети въ деревню къ другу;
Найдя его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Ввей въ слухъ его тихонько
Что ты теперь услышишь.
Разставшися съ тобою,
Чего не думалъ сдѣлать?
Разсматривалъ я присму,
Желая то увидѣть,
Что Нютонову душу
Толико занимало —
Что Нютоново око
Въ восторгѣ созерцало.
Но, ахъ! мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признаться,
Что Нютонова дара
Совсѣмъ я не имѣю;
Что мнѣ нельзя проникнуть
Въ составъ чудесный свѣта,
Дробить лучей седмичныхъ
Великаго свѣтила.
Я Нютона оставилъ.
Читая философовъ,
Я вздумалъ Философомъ
Прослыть въ Ученомъ Свѣтѣ;
Схвативъ перо, бумагу,
Хотѣлъ писать я много
О томъ, какъ человѣку
Себя счастливымъ сдѣлать,
И мудрымъ быть въ сей жизни.
Но, ахъ! мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признаться,
Что духъ сихъ Философовъ
Во мнѣ не обитаетъ;
Что я того незнаю,
О чемъ писать намѣренъ.
Вздохнувъ, перо я бросилъ

Шатаяся по рощамъ,
Внимая Филомелѣ,
Я Томсономъ быть вздумалъ —
И пѣть златое лѣто;
Но, ахъ! мнѣ надлежало
Тотчасъ себѣ признаться,
Что Томсонова гласа
Совсѣмъ я не имѣю,
Что пѣснь моя несносна...
Вздохнувъ, молчать я долженъ.
Теперь брожу я въ полѣ,
Грущу и плачу горько,
Почувствуя, какъ мало
Талантовъ я имѣю. —
Зефиръ, Зефиръ прекрасный!
Лети въ деревню къ другу;
Найдя его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Ввей въ слухъ его тихонько,
Что ты теперь услышалъ!

(«Дѣтское Чтеніе», 1789, ч. XVIII, 93—95 стр.).

IV.

Гроза [1]).

Великъ Господь! вѣщаютъ громы,
Гремя, треща, тряся всю твердь!
Великъ Господь! вѣщаютъ бури,
Волнуя, пѣня Океанъ.
Дубъ древній, съ шумомъ потрясаясь,
Вѣщаетъ намъ: великъ Господь!
Ударомъ грома раздробляясь,
Гласитъ еще: великъ Господь!
Злодѣй, законы презиравшій,
Мятежъ природы всей узрѣвъ,
Блѣднѣетъ, падаетъ, взываетъ:
Великъ Господь! и страшенъ злымъ!
Душа благая, врагъ пороковъ,
Внимая громамъ, шуму бурь,
Съ улыбкой на небо взирая,
Вѣщаешь ты: коль благъ Господь!

(«Дѣтское Чтеніе», 1789, ч. XVIII, 96 стр.).

[1]) У Пономарева это стихотвореніе пропущено.

V.

На смерть дѣвицы * * [1]).

Вчера здѣсь роза расцвѣтала,
Собою красила весь лугъ;
Но нынѣ роза въ зной увяла —
Краса ея исчезла вдругъ.
Куда, Элиза, ты сокрылась
Толь скоро отъ друзей твоихъ?
Вчера ты съ нами веселилась,
Бывъ въ цвѣтѣ Майскихъ дней своихъ.
Но вдругъ, Элиза, увядаешь.
Болѣзни зной пожегъ твой цвѣтъ.
Глаза со вздохомъ закрываешь:
Я слезы лью — Элизы нѣтъ!
Любивъ здѣсь въ жизни добродѣтель,
Ты ею красила себя!
Теперь нашъ Богъ и благодѣтель
Осыплетъ благами тебя.
Друзья умершей! Не печальтесь:
Она въ объятіяхъ Отца.
Отрите слезы, утѣшайтесь!
Ея блаженство безъ конца!

(«Дѣтское Чтеніе», 1789, ч. XVIII, 108 стр.).

VI.

Господину Д** на болѣзнь его [2]).

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ;
Страдаетъ тотъ, кто въ немъ живетъ.
Въ странѣ подлунной все томится;
Въ юдоли сей покоя нѣтъ.
Но тѣмъ мы можемъ утѣшаться,
Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жить;
Что скоро, скоро мы престанемъ
Страдать, стенать и слезы лить.
Въ страны блаженства вознесемся,
Гдѣ нѣтъ болѣзни, смерти нѣтъ.
Тогда, мой другъ, тогда узнаемъ,
Почто страдали столько лѣтъ.

---

[1]) У Пономарева это стихотвореніе пропущено.

[2]) У Пономарева № 24.

Тогда мы свѣтомъ озаряся,
Падемъ, поклонимся Творцу;
Въ восторгѣ слезы проливая,
Воскликнемъ къ нашему Отцу:
«Ты благъ, премудръ, могущъ чудесно!
Ты все во благо превратилъ,
Что намъ великимъ зломъ казалось;
Ты насъ къ блаженству сотворилъ!»

(«Дѣтское Чтеніе», 1789, ч. XVIII, 109 стр.).

VII.

Выздоровленіе [1]).

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
— ◡ ◡ —

Нѣжная матерь, Природа!
Слава тебѣ!
Снова твой сынъ оживаетъ!
Слава тебѣ!

Сумрачны дни мои были:
Каждая ночь
Медленнымъ годомъ казалась
Бѣдному мнѣ!

Желчію облито было
Все для меня;
Скука, уныніе, горесть
Жили въ душѣ.

Черная кровь возмущала
Ночи мои
Грозными, страшными снами,
Адской мечтой.

Томное сердце вздыхало
Ночью и днемъ.
Тронули матерь Природу
Вздохи мои.

Перстъ ея, къ сердцу коснувшись,
Кровь разжидилъ,

[1]) У Пономарева стихотвореніе это пропущено.

Взоръ ея свѣтлый разсѣялъ
Мрачность души.

Все для меня обновилось;
Всѣмъ веселюсь, —
Солнцемъ, зарею, звѣздами,
Ясной луной.

Сонъ мой пріятенъ и кротокъ;
Солнечный лучъ
Снова меня призываетъ
Къ радостямъ дня!

К.

Женева. Дек. 18, 1789.
(«Моск. Журн.», 1791, ч. I, 146 стр.).

VIII.

Мишенькѣ [1]).

И такъ ты хочешь пѣсни,
Любезный, милый отрокъ?
Не всѣмъ пою я пѣсни,
И рѣдко, очень рѣдко
За арфу принимаюсь.
Въ моихъ весеннихъ лѣтахъ
Я пѣлъ забавы дѣтства,
Невинность и безпечность.
Потомъ, въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ,
Я пѣлъ блаженство дружбы,
Съ любезнымъ Агатономъ
Въ восторгѣ обнимаясь.
Я пѣлъ хвалу Никандру,
Когда онъ беззащитнымъ
Былъ вѣрной защитой,
И добрыми дѣлами
Ни мало не хвалился.
Я пѣлъ хвалу Наукамъ,
Которыя намъ въ душу
Свѣтъ правды проливаютъ;
Которыя намъ служатъ
Въ часъ горестный отрадой.

[1]) У Пономарева стихотвореніе это пропущено.

Гдѣ снѣжныя громады
Лучъ солнца погашаютъ,
Гдѣ мрачный, острый *Шрекгорнъ* *)
Громъ, бури отражаетъ
И страшныя *лавины* **)
Въ долины низвергаетъ;
Тамъ въ ужасѣ я славилъ
Величіе Натуры.
Въ странахъ, гдѣ Эльба, Рейнъ
И Сона быстро мчатся
Между бреговъ цвѣтущихъ,
Я пѣлъ Природы щедрость,
Пріятность, миловидность.
Теперь, любезный отрокъ,
Тебѣ пою я пѣсню.
Въ долинахъ мирныхъ, тихихъ,
За снѣжными горами,
Живетъ мудрецъ великой,
Которой научаетъ,
Какъ можно въ нашихъ лицахъ
Всю душу нашу видѣть.
Недолго я учился,
Однакожь знаю нѣчто,
Чему мудрецъ сей учитъ.
Въ тотъ день, какъ ты родился, —
Природа улыбалась
Твоя душа любезна,
Подобно сей улыбкѣ
Прекрасныя Природы.
Цвѣти, любезный отрокъ!
Любя добро всѣмъ сердцемъ,
Ты будешь счастливъ въ жизни;
Она подобна будетъ
Пріятнѣйшей улыбкѣ
Прекрасныя Природы.

Лондонъ, іюля 11-го, 1790.
(«Московск. Журналъ», 1791).

---

*) Одна изъ высочайшихъ горъ въ Швейцаріи. *(Прим. автора).*

**) Такъ называютъ въ Швейцаріи кучи снѣга, катящіяся съ горъ. *(Прим. автора).*

IX.

Поэзія [1]).

(Сочинена въ 1787 году).

— Die Lieder der gottlichen Harfenspieler
Schallen mit Macht, wie beseelend...
Klopstok.

Едва былъ созданъ міръ огромный, велелѣпный —
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный;
Явился — весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгѣ и любви, единою улыбкой.
Узрѣвъ соборъ красотъ, и *чувствуя себя*,
Сей гордый міра Царь почувствовалъ и Бога,
Причину бытія — толь живо ощутилъ
Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось
Стремясь летѣть къ Отцу... Поэзія святая!
Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ
Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
Благословляю я рожденіе твое!
Когда ты, человѣкъ, въ невинности сердечной,
Какъ роза цвѣлъ въ раю, Поэзія тебѣ
Утѣхою была. Ты пѣлъ свое блаженство;
Ты пѣлъ Творца его. Самъ Богъ тебѣ внималъ,
Внималъ, благословлялъ твои святые гимны;
Гармонія была душею гимновъ сихъ —
И часто Ангелы въ небесныхъ мелодіяхъ,
На лирахъ золотыхъ, хвалили пѣснь твою.
Ты палъ, о человѣкъ! Поэзія упала...
Но дщерь Небесъ еще сіяла лѣпотой,
Когда нещастный вдругъ раскаялся въ грѣхѣ,
Молитвы воспѣвалъ — сидя на бережку
Журчащаго ручья и слезы проливая,
Въ унынiи, въ тоскѣ тебя воспоминалъ,
Тебя, Эдемскій садъ! Почасту мудрый старецъ,
Среди сыновъ своихъ, внимающихъ ему,
Согласно, важно пѣлъ таинственныя пѣсни
И юныхъ поучалъ преданіямъ отцевъ.
Бывало иногда, что Ангелъ ниспускался
На землю, какъ эѳиръ, и смертныхъ наставлялъ

[1]) У Пономарева, № 70.

Въ Поэзіи святой, небесною рукою
Настроивъ лиры имъ...
Живѣе чувства выражались
Звучнѣе пѣсни раздавались,
Быстрѣе мчалися къ Творцу.
Столѣтія текли и въ вѣчность погружались —
Поэзія всегда отрадою была
Невинныхъ, чистыхъ душъ. Число ихъ уменьшалось...
Но гимнъ Царю Царей вовѣкъ не умолкалъ —
И въ самый страшный день, когда пылало небо
И бурныя моря кипѣли на землѣ,
Среди пучинъ и безднъ, съ невиннѣйшимъ семействомъ,
(Когда погибло все) Поэзія спаслась.
Святый языкъ небесъ нерѣдко унижался,
И смертные, забывъ великаго Отца,
Хвалили вещество, бездушныя планеты...
Но былъ избранный родъ, который въ чистотѣ
Поэзію хранилъ и ею просвѣщался...
Такъ славный, мудрый Бардъ, древнѣйшій изъ Пѣвцевъ
Со всею красотой священной сей науки
Воспѣлъ, какъ міръ истекъ изъ воли Божества.
Такъ оный Мужъ святый, въ грядущее проникшій,
Пѣлъ міру часть его. Такъ царственный Поэтъ,
Родившись пастухомъ, но въ духѣ просвѣщенный
Игралъ хвалы Творцу и пѣснію своей
Народы восхищалъ. Такъ въ храмѣ Соломона
Гремѣла Богу пѣснь!
Во всѣхъ, во всѣхъ странахъ Поэзія святая
Наставницей людей, ихъ счастіемъ была;
Вездѣ она сердца любовью согрѣвала...
Мудрецъ, Натуру знавъ, познавъ ея Творца
И слыша гласъ Его и въ громахъ, и въ зефирахъ,
Въ лѣсахъ и на водахъ, на арфѣ подражалъ
Аккордамъ Божества, и гласъ сего Поэта
Всегда былъ Божій гласъ!
Орфей, Ѳракійскій мужъ, котораго вся древность
Едва не Богомъ чтитъ, Поэзіей смягчилъ
Сердца лѣсныхъ людей, воздвигнулъ Богу храмы
И дикихъ научилъ Всесильному служить....
Онъ пѣлъ имъ красоту Натуры, мірозданья,
Онъ пѣлъ имъ тотъ законъ, который въ естествѣ
Разумнымъ окомъ зримъ; онъ пѣлъ имъ человѣка,
Достоинство его и важный санъ; онъ пѣлъ —
И звѣри дикіе сбѣгались,

И птицы стаями слетались
Внимать гармоніи его;
И рѣки съ шумомъ устремлялись,
И вѣтры быстро обращались
Туда, гдѣ мчался гласъ его...
Омиръ въ стихахъ своихъ описывалъ Героевъ —
И пылкій, юный Грекъ, вникая въ пѣснь,
Въ восторгѣ восклицалъ: *я буду Ахиллесомъ,*
Я кровь свою пролью, за Грецію умру!
Дивишься-ли теперь геройству Александра?
Омира онъ читалъ. Омира онъ любилъ...
Софоклъ и Эврипидъ учили на театрѣ,
Какъ душу возвышать и полубогомъ быть...
Біонъ, и Теокритъ, и Мосхосъ воспѣвали
Пріятность сельскихъ сценъ, и слушатели ихъ
Плѣнялись красотой Природы безъ искусства,
Пріятностью села. Когда Омиръ поетъ, —
Всякъ — воинъ, всякъ — Герой; внимая Теокриту,
Оружіе кладутъ, — Герой теперь — пастухъ!
Поэзіи сердца, всѣ чувства, все подвластно!
Какъ Сиріусъ блеститъ свѣтлѣе прочихъ звѣздъ,
Такъ Августовъ Поэтъ, такъ пастырь Мантуанскій
Сіялъ въ тебѣ, о Римъ, среди твоихъ пѣвцовъ!
Онъ пѣлъ, и всякій мнилъ, что слышитъ гласъ Омира;
Онъ пѣлъ, и всякій мнилъ, что сельскій Теокритъ
Еще не умиралъ, или воскресъ въ семъ Бардѣ.
Овидій воспѣвалъ начало всѣхъ вещей,
Златой блаженный вѣкъ, серебряный и мѣдный,
Желѣзный, наконецъ, нещастный, страшный вѣкъ,
Когда Гиганты, родъ надменный и безумный,
Собравъ громады горъ, хотѣли вознестись
Къ престолу Божества; но Тотъ, Кто громомъ правитъ,
Погребъ ихъ въ сихъ горахъ... *)
Британнія есть мать Поэтовъ величайшихъ!
Древнѣйшій Бардъ ея, Фингаловъ мрачный сынъ,
Оплакивалъ друзей, Героевъ, въ битвѣ падшихъ,
И тѣни ихъ къ себѣ изъ гроба вызывалъ...
Какъ шумъ морскихъ валовъ, носяся по пустынямъ,
Далеко отъ бреговъ, уныніе въ сердцахъ
Внимающихъ родитъ: такъ пѣсни Оссіана,

*) «Сочинитель говоритъ только о тѣхъ Поэтахъ, которые наиболѣе трогали и занимали его душу въ то время, какъ сія пьеса была сочинена». *(Прим. авт.)*. Очевидно, это примѣчаніе относится къ послѣдующему.

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ...
Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ!
Шекспиръ, Натуры другъ! Кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ ко всѣмъ таинственностямъ рока
И свѣтомъ своего великаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные въ жизни!
«Всѣ башни, коихъ верхъ скрывается отъ глазъ
«Въ туманѣ облаковъ; огромные чертоги
«И всякій гордый храмъ исчезнутъ, какъ мечта...
«Въ теченіе вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ!..
Но ты, великій Мужъ, пребудешь незабвенъ! *)
Мильтонъ, высокій Духъ, въ гремящихъ, страшныхъ пѣсняхъ
Описываетъ намъ бунтъ, гибель Сатаны;
Онъ душу веселитъ, когда поетъ Адама,
Живущаго въ раю; но, голосъ ниспустивъ,
Вдругъ слезы изъ очей ручьями извлекаетъ,
Когда поетъ его, подпадшаго грѣху.
О Ионгъ, нещастныхъ другъ, нещастныхъ утѣшитель!
Ты бальзамъ въ сердце льешь, сушишь источникъ слезъ,
И, съ смертію дружа, дружишь ты насъ и съ жизнью!
Природу возлюбивъ, Природу разсмотрѣвъ
И вникнувъ въ кругъ временъ, въ тончайшія ихъ тѣни,
Намъ Томсонъ возгласилъ Природы красоту,
Пріятности временъ. Натуры сынъ любезный,
О, Томсонъ! ввѣкъ тебя я буду прославлять!
Ты выучилъ меня Природой наслаждаться
И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ея!
Альпійскій Теокритъ, сладчайшій Пѣснопѣвецъ!
Еще друзья твои въ печали слезы льютъ,
Еще зеленый мохъ не видѣнъ на могилѣ,
Скрывающей твой прахъ! Въ восторгѣ пѣлъ ты намъ
Невинность, простоту, пастушескіе нравы

---

*) Самъ Шекспиръ сказалъ:

The cloud cap'd Towers, the gorgeous, palaces
The solemn temples, the great globe itselfe,
Yea, all which it inherits, shall dissolve,
And, like the baseless fabric of a vision,
Leave not a wreck behind...

Какая священная меланхолія вдохнула въ него сіи стихи? *(Прим. Автора).*

И нѣжныя сердца свирѣлью восхищалъ!
Сію слезу мою, текущую толь быстро,
Я въ жертву приношу тебѣ, Астреинъ другъ!
Сердечную слезу и вздохъ, и пѣснь Поэта,
Любившаго тебя, прими, благослови,
О, Духъ, блаженный Духъ, здѣсь въ Гесперѣ блиставшій! *)
Несяся на крылахъ превыспреннихъ орловъ,
Которые Пѣвцевъ Божественныя Славы
Мчатъ въ вышніе міры, да тему почерпнутъ
Для гимна своего, Пѣвецъ избранный Клопштокъ
Вознесся выше всѣхъ и тамъ, на небесахъ,
Былъ тайнамъ наученъ, и той великой тайнѣ,
Какъ Богъ сталъ человѣкъ. Потомъ воспѣлъ онъ намъ
Начало и конецъ Мессіинныхъ страданій,
Спасеніе людей. Онъ Богомъ вдохновленъ —
Кто сердцемъ всѣмъ еще привязанъ къ плоти, къ міру,
Того языкъ нѣмѣй и пѣсней толь святыхъ
Не оскверняй хвалой; но вы, святые Мужи,
Въ которыхъ уже гласъ земныхъ страстей умолкъ,
Въ которыхъ мрака нѣтъ, — Вы чувствуете цѣну
Того, что Клопштокъ пѣлъ, и можете одни,
Во глубинѣ сердецъ хвалить сего Поэта!
Такъ старецъ, отходя въ блаженнѣйшую жизнь,
Въ восторгѣ произнесъ: «*о, Клопштокъ несравненный!*» **)
Еще великій Мужъ собою краситъ міръ,
Еще великій Духъ земли сей не оставилъ...
Но нѣтъ! онъ въ небесахъ уже давно живетъ!
Здѣсь тѣнь мы зримъ сего священнаго Поэта...
О Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
Поэзія начнетъ сіять, какъ солнце въ полдень!
Исчезла нощи мгла... — уже Авроры свѣтъ
Въ **** блеститъ, и скоро всѣ народы
На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать,
Какъ въ баснѣ Прометей текъ къ огненному Фебу,
Чтобъ хладный, темный міръ согрѣть и освѣтить!
Доколѣ міръ стоитъ, доколѣ человѣки
Жить будутъ на землѣ, дотолѣ дщерь Небесъ,
Поэзія, для душъ чистѣйшихъ благомъ будетъ!
Доколѣ я дышу, дотолѣ буду пѣть,
Поэзію хвалить и ею утѣшаться.
Когда-жъ умру, засну и снова пробужусь —

*) Сіи стихи прибавлены послѣ. *(Прим. автора).*

**) Я читалъ объ этомъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ. *(Прим. автора).*

*

Тогда, въ восторгахъ погружаясь,
И вѣчно, вѣчно наслаждаясь,
Я буду гимны пѣть Творцу,
Тебѣ, мой Богъ, Господь всесильный,
Тебѣ, любви источникъ дивный,
Узрѣвъ тамъ все лицемъ къ лицу!

(Московскій Журналъ, 1792 г., ч. VII. 260—75).

X [1]).

Часто здѣсь въ юдоли мрачной
Слезы льются изъ очей;
Часто страждетъ и томится,
Терпитъ много человѣкъ.
Часто здѣсь ужасны бури
Жизни океанъ мятутъ;
Ладія наша крушится
Часто среди ярыхъ волнъ.
Наслаждаясь, унываемъ;
Веселяся, слезы льемъ.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.
На кусту здѣсь Филомела
Нѣжны пѣсенки поетъ;
Ей внимая, воздыхаешь,
Вспомни, сколько бѣденъ ты.
Чѣмъ во внѣшности утѣхи
Чаще будешь ты искать,
Тѣмъ ты болѣе постраждешь,
Въ жизни горечи найдешь.
Что въ томъ нужды, что страдаешь
Ты почасту отъ себя?
Ты, страдая, смѣло можешь
Звать нещастливымъ тебя.
Но ты долженъ постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь возможешь утѣшаться,
Меньше мучить самъ себя.
Впредь не думай, что случиться
Можетъ страшнаго тебѣ;
Коль случилось, ободряйся;
Что прошло, позабывай.

---

[1]) У Пономарева стихотвореніе это пропущено.

Не ликуй ты при забавахъ,
Чтобъ не плакать послѣ ихъ;
Чѣмъ кто болѣе смѣется,
Тѣмъ вздыхаетъ чаще тотъ.
Ни къ чему не прилѣпляйся
Слишкомъ сильно на землѣ;
Ты здѣсь странникъ, не хозяинъ:
Все оставить долженъ ты.
Будь увѣренъ, что здѣсь счастье
Не живетъ между людей;
Что здѣсь счастьемъ называютъ,
То едина счастья тѣнь.

(Письмо Карамзина къ Дмитріеву въ 1787 году) [1].

XI [2].

Счастье истинно хранится
Выше звѣздъ на небесахъ;
Здѣсь живя, ты не возможешь
Никогда найти его.
Есть здѣсь счастіе едино,
Буде такъ сказать могу,
Коимъ въ мірѣ обладая,
Лучшимъ обладаешь ты.
Вѣрна дружба! ты едина
Есть блаженство на землѣ;
Кто тобою усладился,
Тотъ не даромъ въ мірѣ жилъ.
Небеса благоволили
Смертнымъ дружбу даровать,
Чтобъ утѣшить ихъ въ несчастьѣ,
Сердца бѣдныхъ усладить.
Буди ты благословенна,
Дружба, даръ святый небесъ!
Буди жизни услажденьемъ
Ты моей здѣсь на землѣ!
Но и дружбѣ окончаться
Время нѣкогда придетъ;
Сама дружба насъ заставитъ
Послѣ слезы проливать.

---

[1]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», 2—3.

[2]) У Пономарева стихотвореніе это пропущено.

Время всѣмъ намъ разлучиться
Непремѣнно притечетъ,
Часъ настанетъ, другъ увянетъ,
Яко роза въ жаркій день.
Все исчезнетъ, что ни видишь,
Все погибнетъ на землѣ;
Самый міръ сей истребится —
Пепломъ будетъ въ нѣкій день.

(Письмо Карамзина къ Дмитріеву 1787 года) [1]).

XII.

Сильфида [2]).

Плавай, Сильфида, въ весеннемъ эфирѣ!
Съ розы на розу въ весельѣ летай!
Съ нѣжнаго мирта въ кристальный источникъ
На испещренный свой образъ взирай!
Май твоей жизни да будетъ весь ясенъ!
Пчелка тебя никогда не пугай,
Тамъ, гдѣ піешь ты свой сладостный нектаръ —
Птица Цитерина мимо лети!
Въ Оркусъ низыдя, Сильфида, покойся
Кротко въ Платоновомъ вѣчномъ вѣнкѣ!
Онъ возвѣщалъ утѣшеніе смертнымъ,
Псиши свободу, подобно тебѣ.

(Письмо Карамзина къ Дмитріеву, 18-го ноября 1791 г.) [3]).

Первое стихотвореніе «Весенняя пѣснь меланхолика» принадлежитъ Карамзину, такъ какъ: 1) еще за годъ до напечатанія, въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 2-го марта 1788 [4]), мы встрѣчаемъ изъ него большую выдержку: говоря о наступающей веснѣ, Карамзинъ говоритъ и о томъ настроеніи, которое должно явиться у него вмѣстѣ съ Дмитріевымъ:

Вездѣ, вездѣ мы видимъ радость... etc.

2) Оно отвѣчаетъ тому настроенію, которымъ проникнуты раннія произведенія Карамзина: это чувство — «меланхолія»,

---

[1]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву«, 4—5.
[2]) У Пономарева это стихотвореніе не упомянуто.
[3]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», 24.
[4]) Ibid., 5.

чувство, столь любезное Карамзину, что онъ и позднѣе считалъ его необходимымъ спутникомъ поэтическаго вдохновенія.. Эта грусть, тоска были, дѣйствительно, знакомы юношѣ Карамзину, что видно хотя бы изъ его собственнаго признанія: «часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ» [1]). Въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву часто проглядываетъ это же чувство, нерѣдко проявляющееся въ стихотворныхъ посланіяхъ; два послѣднія приведенныя нами стихотворенія №№ 10 и 11 представляютъ изъ себя самый раннiй образчикъ этой грусти, которая мучила въ юности Карамзина.

Въ письмѣ къ Лафатеру, отъ 20-го апрѣля 1787 года, Карамзинъ говоритъ о «многихъ мрачныхъ часахъ своей жизни» [2]), рекомендуетъ себя «престраннымъ меланхоликомъ» [3]). Въ «Письмахъ русскаго путешественника» нѣсколько разъ говорится о «припадкахъ меланхоліи», посѣщавшихъ его время-отъ-времени [4]). Петровъ въ письмахъ къ Карамзину заявляетъ: «долженъ я тебѣ сказать, что совсѣмъ не понимаю, какъ можешь ты считать состояніе свое столь мрачнымъ, *какимъ ты его описываешь*» [5]).

3) Описаніе весны очень близко къ тѣмъ описаніямъ, съ которыми Карамзинъ встрѣтился при чтеніи «Четырехъ временъ года» Томсона и «Весны» Клейста. Томсона, какъ извѣстно, Карамзинъ даже переводилъ въ это время.

4) Отсутствіе риѳмы и нѣкоторая своеобразность размѣра — характерная особенность раннихъ произведеній Карамзина. Въ «Московскомъ Журналѣ» этимъ стихи Карамзина сразу выдѣляются изъ ряда произведеній другихъ авторовъ. Онъ одинъ изъ первыхъ началъ писать бѣлыми стихами и внесъ разнообразіе въ размѣрѣ. Впрочемъ, реформа въ этомъ направленіи Карамзину не удалась: послѣдователей онъ не нашелъ, а самъ впослѣдствіи склонился въ пользу риѳмованныхъ стиховъ. Но

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 363.

[2]) Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, отд. оттискъ, 12.

[3]) Ibid., 20, 4.

[4]) Карамзинъ, Соч., II, 1 и др.

[5]) Р. Арх., 1863, 884.

въ девяностыхъ годахъ (88—89), когда появились въ печати его раннія стихотворенія, онъ сильно интересовался вопросомъ о стихотвореніи [1]). Образчикомъ стихотвореній, написанныхъ бѣлыми стихами, могутъ служить опять-таки два послѣднія стихотворенія (№№ 11 и 12), взятыя нами изъ писемъ къ Дмитріеву, а также и нѣкоторыя раннія стихотворенія, вошедшія въ собраніе сочиненій. Напр.:

Многіе Барды, лиру настроя,
Смѣло играютъ, поютъ,
Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
Мчатся по рощамъ, шумятъ... etc. [2]).

Второе стихотвореніе, хотя и не встрѣчается въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, несомнѣнно, ему принадлежитъ, такъ какъ здѣсь мы видимъ опять-таки всѣ особенности юношеской поэзіи Карамзина: и содержаніемъ, и формой оно не отличается отъ другихъ современныхъ ему произведеній.

Можно думать, что другъ, сидѣвшій съ поэтомъ по ночамъ «въ дубовой рощѣ»—Петровъ, съ которымъ Карамзинъ проводилъ ночи напролетъ въ бесѣдахъ: «часто заря утренняя красила восточное небо», вспоминалъ онъ впослѣдствіи время, проведенное съ Петровымъ, «когда я разставался съ Агатономъ» [3]). «Всегда, всегда будете вы предметомъ благодарной слезы моей, вы, пріятные вечера, проведенные мною въ сообществѣ милаго друга, на зеленыхъ лугахъ. Будучи друзьями цѣлому свѣту, разсуждали мы о происшествіяхъ міра,... радовались, горевали,... вопрошали мы Натуру о великихъ тайнахъ ея — иногда глубокое молчаніе пасмурной ночи, иногда нѣжная пѣснь Филомелы были... намъ отвѣтомъ ея» [4]). Правда, смерть Альциндора, о которой говорится въ концѣ этого стихотворенія, повидимому, опровергаетъ нашу догадку, не позволяя намъ видѣть въ лицѣ воспѣтаго друга—Петрова, умершаго въ 1793 году, но эта «смерть друга» могла быть поэтическимъ измышленіемъ, ради эффекта введеннымъ въ сти-

---

[1]) См., напр., «Письма къ Дмитріеву» отъ 2 ноября 1788, стр. 10 и др.

[2]) «Письма къ Дмитріеву», 12; Собр. соч., I, 42.

[3]) Карамзинъ, Соч., III, 361.

[4]) Карамзинъ, III, 366.

хотвореніе. Мы знаемъ, что мысли о смерти вообще, и «друга» въ частности, въ то время часто занимали воображеніе Карамзина. Такъ, въ 1787 г. онъ указываетъ Дмитріеву на дружбу, какъ единственное утѣшеніе на землѣ, но прибавляетъ:

Но и дружбѣ окончаться
Время нѣкогда придетъ;
Сама дружба насъ заставитъ
Послѣ слезы проливать [1]).

Что касается до формальной стороны, то стихотвореніе «Вздохъ» совершенно сходно съ первымъ.

Третье стихотвореніе «Анакреотическіе стихи А* А* П*»,— очевидно, посланіе къ А. А. Петрову, которое прекрасно передаетъ отношенія Карамзина къ своему старшему другу. Юноша-Карамзинъ, обуреваемый жаждой знанія, хватается за многое, но энергія его ослабѣваетъ, наступаетъ минута сомнѣній, неувѣренности въ своихъ силахъ, — юноша тоскуетъ и повѣряетъ свои чувства и мысли другу, живущему въ деревнѣ. И Петровъ, судя по признаніямъ Карамзина, всегда приходилъ на помощь сомнѣвающемуся другу. «Я полюбилъ въ Агатонѣ», пишетъ Карамзинъ, «мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими занятіями человѣчества... Я нашелъ въ немъ... человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія, которой могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія, и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостью снисходительнаго друга» [2]). «Часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня...» [3]). Письма Петрова къ Карамзину, къ счастью, сохранившіяся, прекрасно объясняютъ напечатанныя нами стихотворенія, рисуя намъ тревожное состояніе духа Карамзина, бросающагося отъ одного знанія къ другому, метущагося въ припадкахъ молодой энергіи и въ сознаніи богатаго запаса силъ...

«Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія»! шутливо воск-

---

[1]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», 5.
[2]) Карамзинъ, Соч., III, 360—61.
[3]) Ibid., 363.

лицаетъ Петровъ (1785 г.), получивъ одно изъ посланій Карамзина: «такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи и Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ, касающагося до литературы? Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ» [1]). Въ другомъ письмѣ, опять-таки подтрунивая надъ разносторонностью и обиліемъ интересовъ Карамзина (1786 г.), Петровъ спрашиваетъ его: «поэзія, музыка, живопись, воспѣты-ли тобою? Удивленные Чистые пруды внемлютъ-ли гимну Томсонову, улучшенному на языкѣ русскомъ? Ликуетъ-ли русская проза, и любуется-ли какая-либо муза новымъ свѣтильникомъ въ ея мірѣ, тобою возженномъ? и т. д. [2]).

Съ формальной стороны произведеніе это тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ.

Четвертое стихотвореніе «Гроза» можетъ быть приписано Карамзину и за свое содержаніе, и за форму. Въ своихъ «сомнѣніяхъ» и «вопросахъ» Карамзинъ никогда не переступалъ предѣловъ, за которыми начинается невѣріе. Письма его къ Лафатеру, проникнутыя религіозною восторженностью, служатъ прекраснымъ объясненіемъ того настроенія, которымъ проникнуто это произведеніе. Любопытно, что позднѣе въ стихотвореніи «Кладбище», Карамзинъ разработалъ тему, очень сходную съ той, которая положена въ основу стихотворенія «Гроза»: здѣсь Господь кажется страшнымъ, жестокимъ для злодѣевъ—и величественнымъ, благимъ для добродѣтельныхъ,— тамъ смерть — состояніе, полное ужаса для преступниковъ, и тихое успокоеніе — для праведниковъ.

Съ формальной стороны и это произведеніе сходно со всѣми предыдущими.

На принадлежность Карамзину *пятаго* стихотворенія, «На смерть дѣвицы **», есть прямое указаніе въ одномъ его письмѣ къ Дмитріеву: «благодарю тебя, пишетъ онъ, за

[1]) Р. Арх., 1863, 891.

[2]) Ibid., 889.

письмо и за похвалу Элизѣ, которую мнѣ давно хотѣлось напечатать» [1]).

Шестое стихотвореніе «Господину Д* на болѣзнь его» точно также произведеніе, несомнѣнно, принадлежащее Карамзину, такъ какъ написано по случаю болѣзни Дмитріева и сначала появилось въ письмѣ Карамзина къ другу еще въ 1788 году.

Седьмое стихотвореніе «Выздоровленіе», помѣченное г. Женевой и 18 декабря 1789 года, написано Карамзинымъ заграницей, въ Женевѣ. Изъ «Писемъ русскаго путешественника» мы знаемъ о болѣзни Карамзина въ концѣ ноября и о тѣхъ радостныхъ чувствахъ, которыя овладѣли имъ, когда болѣзненное состояніе его прекратилось. «Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, я просиживалъ дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, закрывъ глаза. Наконецъ, благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдальцемъ и сняла съ головы моей свинцовую тягость. Вчера я въ первый разъ вздохнулъ свободно и первый разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на него глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась вмѣстѣ со мною...» [2]).

Съ формальной стороны это стихотвореніе тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ.

Восьмое стихотвореніе «Къ Мишенькѣ» написано Карамзинымъ въ Лондонѣ 11 іюля 1790 г. Кто этотъ «Мишенька» мы не знаемъ, но, несомнѣнно, что авторомъ произведенія былъ Карамзинъ. Свѣжее впечатлѣніе швейцарской природы, живое воспоминаніе о Лафатерѣ, характеристика собственной поэзіи, наконецъ, формальныя особенности,—все это заставляетъ насъ съ увѣренностью указать на Карамзина, какъ автора этого стихотворенія.

Девятое стихотвореніе, «Поэзія», очень важно для біографа Карамзина. Принадлежность его именно Карамзину

[1]) Карамзинъ «Письма къ Дмитріеву», 16.

[2]) Карамзинъ, Соч., II, 336—7.

видна изъ того, что 1) всѣмъ отзывамъ его касательно новыхъ поэтовъ (Томсонъ, Геснеръ, Оссіанъ и др.) можно подыскать даже въ «Письмахъ русскаго путешественника» цѣлый рядъ самыхъ близкихъ параллелей, — а, 2) кромѣ Карамзина никого не было въ то время среди русскихъ писателей, кто бы могъ написать подобное произведеніе, такъ какъ въ то время никто изъ писателей нашихъ не зналъ до такой степени англійской и нѣмецкой литературы.

Распадается это произведеніе очень замѣтно на двѣ половины: первая, собственно говоря, представляетъ изъ себя исторію поэзіи, а вторая — очень любопытную характеристику вожаковъ сентиментальной поэзіи. Произведеніе это важно для насъ, такъ какъ выясняетъ взгляды Карамзина на поэзію и ея происхожденіе и позволяетъ намъ возстановить составъ библіотеки Карамзина въ періодъ созрѣванія его таланта.

Десятое и *одиннадцатое* стихотворенія, взятыя нами изъ раннихъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву, представляютъ изъ себя несомнѣнныя произведенія пера Карамзина, что подтверждаются также и ихъ содержаніемъ, и формой.

Наконецъ, *двѣнадцатое* стихотвореніе можетъ быть тоже, съ нѣкоторою вѣроятностью, приписано Карамзину: Дмитріевъ въ концѣ 1791 года просилъ своего друга переслать ему это стихотвореніе, которое они «пѣли» еще во время петербургской совмѣстной жизни (вѣроятно, во время пребыванія Карамзина въ Петербургѣ предъ путешествіемъ?) Карамзинъ отвѣчаетъ ему: «на что тебѣ *Сильфида?* Есть-ли не ошибаюсь, то мы такимъ образомъ пѣвали ее въ Петербургѣ» [1]) и т. д.

Судя по гладкости стиха, можно думать, что это произведеніе принадлежитъ къ группѣ позднѣйшихъ стихотвореній-написанныхъ Карамзинымъ незадолго до путешествія. Сентиментальное содержаніе, своеобразный размѣръ, бѣлый стихъ,— все это сближаетъ «Сильфиду» съ другими стихами Карамзина 1788 — 1889 гг...

---

[1]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 24.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Относительно возможности пользоваться «Рыцаремъ нашего времени» для біографіи Карамзина въ литературѣ нашей были споры. Такъ, Старчевскій рѣшительно возставалъ противъ этого: «вся эта исторія, большею частью, вымыселъ, но есть люди, которые, въ простотѣ сердца, принимая эту повѣсть за самое достовѣрное описаніе дѣтства Карамзина, полагаютъ ее въ основаніе его біографіи. Что станете дѣлать съ такими догадливыми біографами?» [1]). Но это рѣшительное заявленіе не помѣшало никому и послѣ Старчевскаго прибѣгать къ автобіографическому роману, какъ къ богатому собранію матеріаловъ для характеристики дѣтства Карамзина. Мы лично стоимъ, конечно, за возможность пользоваться для біографіи этимъ романомъ и пользоваться даже широко, хотя и осторожно. Дѣло въ томъ, что свой романъ Карамзинъ назвалъ «*романической исторіей* одного пріятеля» [2]). Это подчеркиванье «романической» стороны произведенія заставляетъ насъ сближать его съ произведеніями въ родѣ гётевскаго «Wahrheit und Dichtung». Основой для произведенія была истина: самъ Карамзинъ въ примѣчаніи къ IX—XIII главамъ замѣтилъ, что «сей романъ основанъ на воспоминаніяхъ молодости» [3]), а Сербиновичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», со словъ Карамзина, объяснилъ происхожденіе романа такъ: «Ник. Мих. въ исторіи Леона описывалъ разныя черты своего дѣтства. Любовь читать книги (между которыми самая тяжелая по слогу попалась ему книга «Языкъ» перев. Волчкова), первая идея о Богѣ, общество дворянъ (которое составилось въ домѣ отца Ник. Мих., причемъ эти дворяне затѣяли и особые мундиры) — все это была истина. Графиня была Пушкина. У мужа ея Н. М. бралъ книги для чтенія и, между ними, Ролленя въ перев. Третіаковскаго» [4]). Но «эта

[1]) Старчевскій, «Н. М. Карамзинъ», 12.
[2]) Карамзинъ, Соч., III, 240 (Куренъ Карамзина)
[3]) Вѣстн. Евр., 1803, № 14.
[4]) Р. Стар., 1874, XI, 14.

истина, давшая содержаніе не простой исторіи, а «романической», прикрашена идеализаціей и вымыслами. Такимъ образомъ, біографъ Карамзина долженъ выдѣлить эту истину, отбросивъ все нанесенное творческой фантазіей. Сдѣлать это не трудно: помогаютъ и другіе біографическіе матеріалы, и психологическій анализъ, и нѣкоторыя другія основанія. Такъ, къ вымыслу, легко обличаемому фактами біографіи, относятся нѣкоторыя черты, приданныя матери: въ романѣ упомянуто, что мать Леона умерла, когда мальчику было 7 лѣтъ [1]), но въ «Посланіи къ женщинамъ» Карамзинъ, вспоминая о матери, восклицаетъ:

«...Ахъ! я не зналъ тебя! ты, давъ мнѣ жизнь сокрылась!» [2]).

Кромѣ того, мы имѣемъ указаніе И. Дмитріева, что во время второго бракосочетанія отца Карамзина Н. М-чу было *пять* лѣтъ [3]), — такимъ образомъ, возрастъ, въ который Карамзинъ лишился матери, былъ 3—4 года, такъ какъ, съ одной стороны, Екат. Петр. Карамзина умерла послѣ рожденія еще одного ребенка, но, съ другой стороны, Н. М-чу было, навѣрно, не годъ и не два, такъ какъ въ «Рыцарѣ нашего времени» указаны такія характерныя подробности изъ отношеній матери къ сыну, которыя трудно объяснить разсказами постороннихъ [4]).

Идеализація въ романѣ сказалась, напримѣръ, въ образѣ отца... Фактическія данныя говорятъ, что онъ не былъ такимъ, какимъ обрисовалъ его Карамзинъ — нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ немъ особенно нѣжнаго человѣка: послѣ смерти своей первой жены онъ успокаивается очень скоро, да и незамѣтно, чтобы онъ особенно занимался своимъ маленькимъ сыномъ-сиротою...

Такимъ образомъ, тотъ сентиментальный типъ безутѣшнаго старца, котораго мы видимъ въ повѣсти, принадлежитъ къ одной изъ самыхъ неудачныхъ идеализацій Карамзина.

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III. 249.
[2]) Ibid., I, 104.
[3]) Дмитріевъ, Соч. II, 23.
[4]) Напр., К—на, Соч., III, 258.

Наконецъ, есть нѣкоторыя курьезныя мелочи, которыя тоже изобличаютъ Карамзина, напр., на стр. 243 Леонъ является «съ черными глазками, съ кофейными волосками», а на стр. 236 у него уже оказываются «русые волосы», и на стр. 257 — «голубые глаза».

Романъ этотъ — очень интересное литературное явленіе: Карамзинъ задумалъ самъ себѣ отдать отчетъ въ тѣхъ вліяніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыя сложили его характеръ, и результаты своихъ воспоминаній и психологическихъ наблюденій—облечь въ художественную форму. Подобныя произведенія были и въ западной литературѣ, и даже, мы знаемъ со словъ самого Карамзина, его увлекали: «Confessions de J. J. Rousseau, говоритъ онъ, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser (Морица) предпочитаю я всѣмъ системическимъ психологіямъ въ свѣтѣ» [1]) — къ такому же литературному жанру относится и «Рыцарь нашего времени». Въ заключеніе мы позволимъ себѣ остановиться особенно на «Confessions» Ж. Ж. Руссо, какъ произведеніи, которое имѣло вліяніе на романъ Карамзина: по крайней мѣрѣ, трогательная картина отца, «безутѣшнаго старца», и сына-малолѣтка надъ могилой жены и матери, кажется, взятой у Руссо. Безспорно преувеличенное вниманіе, съ которымъ относится Карамзинъ къ графинѣ Мировой, заставляетъ насъ подозрѣвать, не хотѣлъ-ли онъ ей придать черты г-жи Варенсъ, извѣстной воспитательницы Руссо.

2) Если на Дмитріева этотъ старикъ произвелъ глубокое впечатлѣніе за короткое время ихъ знакомства, то на Карамзина онъ, навѣрно, имѣлъ нравственное вліяніе. Старикъ, играющій у кровати ослѣпшаго ребенка на клавесинѣ [2]), «желая тѣмъ сколько-нибудь развлекать его и успокаивать» — картина, дѣйствительно, трогательная. Мы рѣшаемся видѣть нѣкоторые слѣды дѣтскаго воспоминанія о горбатомъ наставникѣ-другѣ въ повѣсти Карамзина: «Прекрасная Царевна и Щастливый Карла»: «...когда Прекрасной Царевнѣ было еще не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ (приблизительно, воз-

[1]) Карамзинъ, Соч., II, 84.
[2]) Дмитріевъ, Соч., II, 23.

растъ Карамзина во время его знакомства съ этимъ наставникомъ), умный Карло ходилъ къ ней въ теремъ сказывать сказки о благодѣтельныхъ феяхъ и злыхъ волшебникахъ — подъ именами первыхъ описывалъ онъ святыя добродѣтели, которыя дѣлаютъ человѣка щастливымъ; подъ именами послѣднихъ—гибельные пороки, которые ядовитымъ дыханьемъ своимъ превращаютъ долину жизни въ юдоль мрака и смерти. Царевна часто проливала слезы, слушая горестныя похожденія любезныхъ принцевъ и принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ лицѣ ея, когда они, преодолѣвъ многочисленныя искушенія рока, въ объятіяхъ любви наслаждались» [1]):—въ результатѣ, «самая наружность Карлы стала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души» [2]).

3) Хронологическія данныя перваго періода жизни Карамзина не поддаются точному обозначенію: ихъ можно намѣтить только приблизительно. Не вступая въ полемику съ многочисленными біографами Карамзина, опредѣлявшими эти данныя различно, мы выскажемъ свои предположенія, доказавъ, по возможности, ихъ основаніями.

Отецъ Карамзина женился вторично въ 1770 году [3]). Въ 1781 году Карамзинъ былъ при полку въ Петербургѣ [4]). Такимъ образомъ, между 1771 и 1781 годомъ мы должны намѣтить годы для пребыванія у Пушкиной, у Фовеля и у Шадена. Вѣроятнѣе всего, такими годами для Шадена будутъ 1777—1781, для кратковременнаго пребыванія у Фовеля — 1776—1777 и для жизни у Пушкиной — годы до 1776 г. У. Шадена, по словамъ Карамзина, онъ былъ *«около четырехъ лѣтъ»* [5]) и притомъ во время американской войны, за которой слѣдилъ по газетамъ [6]), — стало-быть въ концѣ семидесятыхъ годовъ (1776 — 1780); если мы припомнимъ какіе инстинкты уже начали пробуждаться въ мальчикѣ [7]),

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III, 37.

[2]) Ibid.

[3]) И. Дмитріевъ, Соч., II, 23. Также «Русск. Ст.». 1898, № 2, 433.

[4]) Полковыя бумаги. Прилож. къ «Письмамъ Карамзина къ Дмитріеву», 463.

[5]) Погодинъ, I, 19.

[6]) Карамзинъ, Соч., II, 773. [7]) Ibid., II, 280—1.

припомнимъ, что онъ уже имѣлъ понятіе объ исторіи и географіи [1]),—мы должны будемъ думать, что у Пушкиной онъ жилъ, по крайней мѣрѣ, до 9—10 лѣтъ, т. е., до 1775—76 года.. Такимъ образомъ, для пенсіона Фовеля, гдѣ Карамзинъ «нѣсколько времени» учился [2]), остаются 1776—7 года. По документамъ, извлеченнымъ изъ архива Главнаго Штаба, въ отставку былъ уволенъ Карамзинъ 1-го Января 1794 года [3]).

4) (къ стр. 49 и 100). Вопросъ объ участіи Карамзина въ переводѣ этого сочиненія остается до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ. И. Дмитріевъ, вообще въ своихъ запискахъ допускающій нѣкоторые крупные промахи, и въ этомъ вопросѣ показалъ себя недостаточно точнымъ: онъ говоритъ, что Карамзинъ «перевелъ и выдалъ съ нѣмецкаго языка два или три тома *«Штурмовыхъ Размышленій», подъ заглавіемъ «Бесѣды съ Богомъ»* [4]). Какъ увидимъ ниже, изданія съ такимъ названіемъ не существуетъ. Пекарскій приводитъ объявленіе изъ «Московскихъ Вѣдомостей» [5]) объ изданіи новаго «Періодическаго Изданія», которое должно было состоять «изъ трехъ отдѣленій», 1) подъ заглавіемъ: *«Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе часы на каждый день года»*, 2) подъ заглавіемъ: *«Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія на каждый день года»*, и—3) подъ заглавіемъ: *«Размышленія въ вечерніе часы на каждый день года»* [6]). Судя по собственному показанію Новикова, это «періодическое Изданіе есть переводъ съ нѣмецкаго языка, одна часть сочиненія Штурма, другая — сочиненія Тиде, и третья безъ имени авторова»; «переводима была на Россійскій языкъ господиномъ Карамзинымъ»; «печатается на коштъ переводчика оной» [7]).

Такимъ образомъ, по словамъ Новикова, Карамзинъ перевелъ не одно сочиненіе Штурма, а три сочиненія — всего:

---

[1]) Карамзинъ, Соч., III. 275. [2]) Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», 15.

[3]) Пекарскій, «О годѣ рожденія Карамзина», (Карамзинъ «Письма къ Дмитріеву», прилож., стр. 464). [4]) И. Дмитріевъ, Соч., II, 27.

[5]) «Моск. Вѣдомости», 1786 г., Ноябрь, 805 стр.

[6]) Пекарскій, «О книгахъ, печатанныхъ въ типографіи Н. И. Новикова и объ изданіи Карамзина «Бесѣды съ Богомъ», (Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву» прилож., 470). [7]) Ibid., 472.

12 частей или 36 №№, содержащихъ въ себѣ около 250 печ. листовъ и былъ ихъ издателемъ. У Г. Пономарева, ссылающагося на Пекарскаго, почему-то изъ трехъ различныхъ сочиненій получилось одно, съ названіемъ, подъ которымъ, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ ни одного: «*Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и Провидѣнія на каждый день года, и бесѣды съ Богомъ или размышленія въ утренніе и вечерніе часы*». Три (?) части, 1-я часть соч. Штурма, 2-я соч. Тиде, 3-я безъ имени автора [1]). Наконецъ, у г. Неустроева въ его «Историческомъ розысканіи» повторяется указаніе Новикова на три отдѣльныя сочиненія; причемъ дѣлается небольшая поправка въ заглавіи третьяго и редакторомъ всего изданія называется протоіерей Харламовъ,—переводчиками: Дмитревскій, Петровъ и Карамзинъ, издателемъ самъ Новиковъ [2]). Въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣется лишь второе изданіе: «Размышленія о дѣлахъ Божіихъ (соч. Тиде — по Новикову; Штурма—по каталогу Библіотеки). Въ немъ нѣтъ никакихъ указаній ни на редактора, ни на издателя, ни на переводчиковъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ распоряженіи нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного согласнаго.

5) (къ стр. 99) «Вертеръ», сдѣлавшійся для германской молодежи вождемъ жизни, совершенно чуждъ и непонятенъ нашему Карамзину: онъ — рѣшительный противникъ самоубійства отъ любви: «такія происшествія больше ужасаютъ, чѣмъ трогаютъ» сердце нашего писателя. Вотъ почему, вспоминая при случаѣ о любимомъ героѣ штюрмеровъ, Карамзинъ вполнѣ опредѣленно осудилъ его:

«Злощастный Вертеръ — не законъ;
«Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю [4])..

Вообще Гете нашъ юноша интересовался очень мало: онъ даже совсѣмъ не старался проникнуть къ нему, какъ, напримѣръ, къ Виланду. Къ Шиллеру-же относился онъ еще холоднѣе, и, если

---

[1]) Пономаревъ, «Матеріалы», 1.
[2]) Неустроевъ, «Историческое розысканіе..», 444.
[3]) Карамзинъ, Соч., II, 426. [4]) Ibid., I, 103.

хвалилъ его «Донъ-Карлоса» [1]), то похвала эта слишкомъ блѣдна сравнительно съ той, какой удостоились, хотя-бы, драмы Коцебу [2])... Вообще сочувственные отзывы Карамзина о Гете и Шиллерѣ производятъ на насъ впечатлѣніе скорѣе отзвуковъ «общаго мнѣнія», съ которымъ пришлось столкнуться нашему писателю во время его путешествія, чѣмъ отзывовъ, идущихъ отъ его сердца... Для подтвержденія нашей мысли, что Sturm-und-Drang, съ его типичными произведеніями, былъ непонятенъ Карамзину, прибавимъ еще его признаніе, что онъ не понималъ какъ разъ тѣхъ сочиненій Гердера, которыя [3]) отразили настроеніе Sturm-und-Drang'а: они, по словамъ Гердера, сочинены были «въ молодости», когда его «воображеніе было во всей бурной стремительности» [4])... Кромѣ того, отношеніе Карамзина къ Ленцу, одному изъ самыхъ видныхъ «штюрмеровъ», добродушно-пренебрежительное [5]),—это конечно доказываетъ, что подъ сильнымъ вліяніемъ его нашъ юноша едва-ли когда-нибудь находился. Для него жизнь этого типичнаго «генія» не имѣла, повидимому, ничего привлекательнаго: вѣроятно, она казалась ему, какъ и Петрову, лишь «мутнымъ потокомъ» [6])... Въ то время, какъ передовые люди Германіи зачитывались величавыми твореніями первоклассныхъ геніевъ, — нашъ юноша явился туда съ преклоненіемъ передъ Клопштокомъ, Геллертомъ, Геснеромъ. Во Франціи онъ тоже обнаружилъ полное незнаніе новѣйшихъ произведеній, увлекавшихъ тогдашній парижскій «свѣтъ»; современной англійской литературы онъ не признаетъ, все еще восхищаясь передъ стариками Юнгомъ, Оссіаномъ, Томсономъ.

6) (къ стр. 141). Впрочемъ, вопросъ объ отношеніи Карамзина къ масонамъ не поддается пока вполнѣ опредѣленному рѣшенію. Если охлажденіе его къ кружку было давно замѣчено товарищами Новикова, — что видно изъ пренебрежительнаго отношенія московскихъ масоновъ къ юношѣ, которое сказалось въ перепискѣ съ Кутузовымъ [7]),—то, всетаки, окончательный

---

[1]) Ibid., II, 83—4. [2]) Ibid., 72—3. [3]) Ibid. II, 139, 146.
[4]) Карамзинъ, Соч., II. 147. [5]) Карамзинъ, Письма къ Лафатеру.
[6]) Петровъ, «Письма къ Карамзину», «Р. Арх., 1863, 8961».
[7]) «Русск. Стар.», 1896, LXXXV, 328-9, 333, 343.

разрывъ Карамзина съ ними былъ для масоновъ неожиданностью. Объ этомъ говоритъ намъ то негодованіе, съ которымъ они отнеслись къ извѣстному объявленію его объ изданіи «Московскаго Журнала» (исключеніе статей «теологическаго» содержанія)[1]). Что касается до самого Карамзина, то, кажется, онъ разорвалъ свои связи съ масонами передъ путешествіемъ, вовсе не такъ рѣшительно, какъ это представилъ въ своемъ разсказѣ[2]): по крайней мѣрѣ, во время путешествія онъ, несомнѣнно, еще колебался во взглядахъ на масонство, — вотъ почему заграницей онъ—то посѣщаетъ общества, въ которыхъ произносятъ свои поученія масоны[3]), — то трунитъ надъ ихъ исканіями «философскаго камня», [4])—то посѣщаетъ Николаи, противника мистиковъ[5]), — то отъ него ѣдетъ къ его врагу Штарку[6])... Съ масонами Гердеромъ, Лафатеромъ — онъ въ наилучшихъ отношеніяхъ... Изъ всего этого можно, пожалуй заключить, что вопросъ о масонствѣ былъ для Карамзина одинъ изъ тѣхъ, разрѣшеніе которыхъ юноша искалъ на западѣ... И, конечно, разрѣшилъ его онъ въ отрицательномъ смыслѣ, если сейчасъ-же, по пріѣздѣ, сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ «теологическихъ» сочиненій и впослѣдствіи, въ теченіе всей своей жизни, всегда замалчивалъ жизнь свою среди мистиковъ..

7) (къ стр. 161 и). Итакъ, при Екатеринѣ Карамзинъ обнародывалъ только часть своихъ «Писемъ»: все, что поставило-бы его лицомъ къ лицу съ французской революціей, имъ не было выпущено въ свѣтъ. Въ 1796-омъ году онъ предпринялъ отдѣльное изданіе своихъ «Писемъ» и составилъ *пять* томовъ[7]), но выпустилъ въ свѣтъ только *четыре*, помѣтивъ ихъ *1797*-ымъ годомъ... *Пятый* томъ, какъ извѣстно, начинается съ характеристики французской революціи и вѣроятно, потому не могъ появиться въ печати, что въ 1796—7-омъ году отношеніе къ революціи было у Карамзина недостаточно «благонамѣреннымъ». Вопросъ весь сводится къ

---

[1]) Ibid., 340. [2]) Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», I, 68.

[3]) Карамзинъ, Соч., II, 342. «Lettres sur la litterature russe», «Spectateur du Nord», («Письма Карамзина къ И. Дмитріеву», 477).

[4]) Карамзинъ, Соч., II, 530. [5]) Карамзинъ, Соч. II, 64.

[6]) Ibid., 174. [7]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву» 476.

тому, былъ-ли этотъ пятый томъ задержанъ правительствомъ или самимъ авторомъ. Предположенія о преслѣдованіи «Писемъ» правительствомъ высказывались и современниками Карамзина, и позднѣйшими историками... Такъ, напр., г. Пономаревъ прямо заявляетъ: «двѣ (!) остальныя части (5 и 6) были задержаны цензурой при Павлѣ и вышли только при Александрѣ, въ 1801 г.» [1])... Но едва ли это вѣрно, — вѣроятнѣе всего, *пятый (шестого* и не было еще въ 1797 г.) томъ былъ задержанъ самимъ Карамзинымъ, и печатанье его отложено было до болѣе благопріятнаго времени...

Дѣло въ томъ, что «Письма», вѣроятно, вышли въ свѣтъ въ декабрѣ 1796 года: самъ Карамзинъ писалъ Дмитріеву 6-го *ноября 1796* года: «*4* тома писемъ Русск. пут. выдутъ черезъ *мѣсяцъ*» [2]), — изъ чего видно, во первыхъ, что до цензуры (введ. въ 1797-омъ году) Карамзинъ уже рѣшилъ не выпускать *пятаго* тома, — а, во вторыхъ, «Письма» должны были выйти, по разсчету Карамзина, въ *декабрѣ 1796* года и, дѣйствительно, въ этомъ мѣсяцѣ и вышли, такъ какъ: 1) разрѣшены они еще по старому положенію — *профессоромъ Московскаго Университета*, а *не цензоромъ*, а 2) въ найденномъ нами спискѣ книгъ, прошедшихъ чрезъ Московскую цензуру за 1797-ой годъ (по крайней мѣрѣ, за $^3/_4$ этого года, считая съ начала года) — «Писемъ русскаго путешественника» — *нѣтъ*... Въ виду всего сказаннаго, *1797*-ой годъ, поставленный на обложкѣ «Писемъ», — не долженъ насъ смущать: очевидно, книга, выпущенная въ самомъ концѣ 1796 года, была помѣчена переднимъ числомъ.

Такимъ образомъ, изъ-за русскаго изданія «Писемъ» открытаго столкновенія съ правительствомъ у Карамзина, вѣроятно, не было. Теперь возникаетъ вопросъ, какъ отнеслась цензура къ нѣмецкому переводу «Писемъ», первый томъ котораго появился въ 1799-омъ году (2-ой, 3-ій, 4-ый въ 1800, 5-ый въ 1801 и 6-ой въ 1802), т. е., въ самый разгаръ свирѣпостей цензуры... Объ этомъ изданіи ходили самые разнообразные толки, въ распространеніи которыхъ принималъ уча-

---

[1]) Пономаревъ, «Матеріалы», 14 (прим.). 16.

[2]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 70.

стіе даже самъ Карамзинъ... Во первыхъ, говорили, что «печатаніе» этого перевода въ Ригѣ не было разрѣшено рижской цензурой; г. Пономаревъ повторяетъ это въ своихъ «Матеріалахъ» [1]); во-вторыхъ, ходили слухи, что заграничный «переводъ» «Писемъ» задержанъ въ Ригѣ и запрещенъ для ввоза въ Россію; объ этомъ говоритъ самъ Карамзинъ въ письмѣ къ И. Дмитріеву отъ 28-го марта 1800 года: «вообрази, что Рижская цензура, то есть Туманскій, остановила нѣмецкій переводъ моихъ писемъ!» [2]). Но, повторяемъ, среди массы найденныхъ нами отзывовъ рижской цензуры, мы не встрѣтили отзыва о «Письмахъ Русскаго путешественника»,—а потому не принадлежатъ-ли цитованныя нами слова Карамзина къ тѣмъ многочисленнымъ «слухамъ», которыми богаты были тревожные дни павловскаго царствованія. Это возможно, тѣмъ болѣе, что основанія для такихъ «слуховъ» были на лицо: анализъ «Писемъ», произведенный нами въ заключительной главѣ, показываетъ ясно, что, съ точки зрѣнія цензуры, сочиненіе Карамзина было, дѣйствительно, «опаснымъ»... «Письма» были спасены только тѣмъ, что они были въ рукахъ русской публики съ 1790—91 годовъ,—и не только «сжечь ихъ безъ огласки», но даже и изъять ихъ изъ рукъ публики не было физической возможности.

9) (къ стр. 239). Это утвержденіе наше не совсѣмъ вѣрно. Въ одной изъ многочисленныхъ статей Галахова о Карамзинѣ, мы находимъ уже поставленными нѣкоторые вопросы, разъясненію которыхъ посвящена наша работа. Такъ, Галахову первому пришло въ голову сомнѣніе: «въ томъ-ли самомъ видѣ изданы письма, въ какомъ они вышли изъ подъ пера Карамзина» [3])... Онъ-же первый высказалъ предположеніе, что отъ Архенгольца, Мерсье, Николаи, Кокса-Рамона [4]) Карамзинъ могъ кое-чѣмъ позаимствоваться... Правда, Галаховъ своихъ догадокъ почти не пытался доказывать, но, во всякомъ случаѣ, онъ, несомнѣнно, усмотрѣлъ тотъ путь, по которому должно было идти изслѣдователю литературной

---

[1]) Пономаревъ, «Матеріалы», 46.

[2]) Карамзинъ, «Письма къ Дмитріеву», 45.

[3]) «Журн. М. Н. Пр.», 1867, №, 26. [4]) Ibid., 27.

исторіи «Писемъ». Впрочемъ, съ этой статьей г. Галахова мы познакомились уже послѣ окончанія своей работы, а потому *не могли* воспользоваться ею...

10) Отзывъ А. Кутузова о литературной дѣятельности Карамзина интересенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ даетъ намъ нѣсколько біографическихъ данныхъ изъ ранней эпохи жизни Карамзина, а 2) хорошо рисуетъ взаимныя отношенія друзей-масоновъ и юноши Карамзина. Отзывъ этотъ присланъ въ письмѣ къ Н. Н. Трубецкому изъ Берлина, съ просьбой напечатать его безъ подписи въ какомъ-нибудь изъ журналовъ; кажется, этотъ отзывъ и появился черезъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ журналовъ... Поводомъ для него было неудовольствіе, вызванное у Кутузова литературными затѣями Карамзина, особенно его объявленіемъ объ изданіи «Московскаго Журнала». «Я слышу, писалъ Трубецкому Кутузовъ, что любезный мой Карамзинъ произвелъ себя въ авторы и издаетъ журналъ для просвѣщенія нашего отечества. Признаюсь, что его объявленіе поразило мое сердце, но не мало также удивился и тому, что М. Матв. (Херасковъ) будетъ участвовать въ томъ. Пожалуйте, скажите мнѣ, что все сіе значитъ, что молодой человѣкъ, снявъ узду, намѣренъ рыскать на полѣ пустыя славы? Сіе больно мнѣ, но не удивляетъ меня; но ежели мужъ важный и степенный одобряетъ такогою ношу, сіе приводитъ меня въ изумленіе» [1]).

Для біографа Карамзина любопытны въ этомъ отзывѣ слѣдующія строки: «мое воспитаніе (разсказъ идетъ отъ имени Карамзина) не отличалось ничѣмъ отъ прочаго нашего дворянства воспитанія: научили меня болтать по-французски и нѣмецки; на сихъ двухъ языкахъ имѣлъ я счастье читать множество романовъ... Наставники мои были чужестранцы, нѣкоторые изъ нихъ на себѣ носили знаки отличія, но по особенной скромности носили оные подъ одеждами на тѣлѣ. Сіи знаки суть не маловажны—иероглифы, изображающіе нѣкоторое растеніе, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, и которое по своей красотѣ превосходитъ великолѣпіе Соло-

---

[1]) «Русск. Стар.», 1896, LXXXVIII, 338.

мона. Отъ сихъ моихъ учителей позналь я истинное состояніе моего отечества, между прочимъ, и то, что моимъ соотчичамъ недостаетъ еще просвѣщенія, что предубѣжденіе ихъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ слѣпо всему, что сказано въ Священномъ Писаніи. Окончивъ симъ образомъ курсъ моихъ наукъ, вступилъ я на позорище міра, познакомился съ нашими учеными и остроумными журналистами, и отъ сего родилась во мнѣ охота записаться въ ихъ благородный цехъ. И такъ, рѣшился твердо писать, хотя и самъ еще не зналъ что; отправился я въ чужіе края, зная, что сіе придастъ немалую важность будущимъ моимъ сочиненіямъ. Съ симъ намѣреньемъ проскакалъ я чрезъ нѣкоторую часть Европы, посвящая, подобно вашему другу, мое вниманіе натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, записывая то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ» [1])... Изъ этой выдержки мы видимъ, что нѣкоторые факты изъ жизни Карамзина подтверждаются свидѣтельствомъ Кутузова (раннее воспитаніе Карамзина, чтеніе романовъ, сближеніе съ литераторами, путешествіе, содержаніе «Писемъ»), но неяснымъ остается намъ тотъ воспитатель Карамзина, который «носилъ знаки отличія», порочилъ въ присутствіи мальчика Россію и вселялъ въ немъ недовѣріе къ Св. Писанію.

Что касается до отношенія масоновъ къ Карамзину, то изъ этого отзыва (и другихъ писемъ [2]) видно, что къ Карамзину они относились пренебрежительно, какъ къ человѣку легкомысленному, гоняющемуся за пустой суетной славой, человѣку тщеславному, не желающему втихомолку трудиться надъ переводами теологическихъ и мистическихъ сочиненій [3]). Съ другой стороны, важно намъ и отношеніе Карамзина къ Кутузову: нашъ юный путешественникъ искренне привязанъ къ своему старшему другу, называетъ его «добродушнымъ», вѣритъ въ его искренность, а тотъ, оказывается, строчитъ анонимные злобные памфлеты на него! Изъ этого факта видно,

---

[1]) «Русск. Стар.», 1896, LXXXVIII, 339—40.
[2]) Ibid., 332—3, 334 и др. [3]) Ibid., 333.

какъ довѣрчивъ былъ нашъ Карамзинъ, какой запасъ любви былъ въ его юной душѣ [1])...

11) Любопытно, какимъ представлялся «идеальный воинъ» многимъ изъ этихъ сентиментальныхъ путешественниковъ... Воинъ долженъ быть «не только храбръ», но и «чувствителенъ» — замѣчаетъ Ложечниковъ [2])... «Истинный герой — говоритъ Ѳ. Глинка, отличается простотою нравовъ и нѣжностью чувствъ въ мирное время, мужествомъ и храбростью на брани и пламенною любовью къ отечеству» [3]). Припомнимъ, что оба автора были офицеры,—и тогда вышеприведенныя слова получатъ особое значеніе; прибавимъ къ этому проповѣдь миролюбія, симпатіи къ страждущему брату, отвращенія къ войнѣ,—и мы возсоздадимъ до нѣкоторой степени то приподнятое идеалистическое настроеніе, которое было въ то время знакомо очень многимъ: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго прекрасно передаетъ это настроеніе,—недаромъ русскіе офицеры, сидя «за чашей круговой на пышномъ соломенномъ ложѣ», бесѣдуя «съ дружбой о любви», «теряясь сердцемъ и мечтами въ роѣ милыхъ» [4]), приходили въ восторгъ отъ произведенія Жуковскаго [5]), такъ удачно выразившаго тѣ чувства, которыя жили у многихъ тогда въ груди...

12) Вопросъ о литературной дѣятельности Ѳ. Ключарева можно считать совсѣмъ открытымъ: съ его именемъ дошло до насъ только два лирическихъ стихотворенія, на одну и ту же тему (восхваленіе Бога), стихотвореній совершенно шаблонныхъ, ничѣмъ рѣшительно не выдающихся изъ ряда посредственныхъ произведеній того вѣка. Приводимъ начальныя строки одного изъ нихъ:

«О, Богъ, всесильный Богъ, ты бездна необъятна!
«Какъ возмогу тебя довольно я познать!
«Въ тебѣ есть глубина и высота невнятна —
«Устами льзя-ль тебя по свойству называть?
«Ты море безъ конца! Я зрю и удивляюсь,
«И въ милосердіе твое весь погружаюсь» [6])...

---

[1]) Ibid., 354. [2]) Ложечниковъ, «Походныя записки русск. офицера», 58.
[3]) Ѳ. Глинка, «Письма русск. офицера», I, 16. [4]) Ложечниковъ, 140.
[5]) Ibid., 73 и др. [6]) «Вечерняя Заря», III, 77.

Весьма возможно, что произведенія Ключарева ходили по рукамъ въ кругу масоновъ, но сомнительно, чтобы этотъ поэтъ-философъ представлялъ изъ себя что-нибудь интересное, — иначе онъ, конечно, не остался-бы для насъ въ неизвѣстности.

М. М. Херасковъ, конечно, величина болѣе замѣтная [4]), чѣмъ Ключаревъ, — однако и онъ едва-ли можетъ быть названъ учителемъ Карамзина... Указаніемъ на эпопею «Владиміръ» нашъ писатель прямо подчеркнулъ, въ чемъ онъ видѣлъ значеніе Хераскова,—подобно всѣмъ своимъ современникамъ, Карамзинъ смотрѣлъ на него, какъ на «россійскаго Гомера», т. е., писателя, занявшаго на родномъ Парнассѣ еще пустовавшую вакансію... Эпопея «Владиміръ», даже съ исторической точки зрѣнія, представляетъ мало интереса и едва-ли могла серьезно интересовать Карамзина. Лирическія произведенія Хераскова, точно такъ же въ исторіи русской лирики выдающагося мѣста не занимаютъ... Правда, въ нихъ иногда слышится живое чувство, мелькаетъ красивая риѳма,—но, въ общемъ, они, разумѣется, значительно уступали тѣмъ западно-европейскимъ произведеніямъ, по которымъ учился Карамзинъ... Впрочемъ, въ «анакреонтическихъ» и «нравоучительныхъ» одахъ Хераскова могъ Карамзинъ встрѣтить симпатичные ему мотивы преклоненія передъ природой, передъ чувствомъ дружбы, мотивы удаленія отъ суеты житейской и пр.

---

[1]) О немъ см. нашу статью въ «Біогр. Слов. Имп. Ист. О-ва».

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Александръ—345.
Аддисонъ. I., 121.
Аксаковъ, С. Т.—311.
Александръ I. импер.—565, 566, 567; *53**).
Ансонъ, Г.—523.
Анучинъ, Д. Н.—150.
Аполлодоръ—345.
Архенгольцъ, I. В.—247, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 360, 552; *54*.
Атенодоръ—345.

Багзенъ—430.
Байронъ, Г.—452.
Балтимуръ (Кальверъ), Г.,—523.
Бантышъ-Каменскій, Д. Н.—461, 462, 463, 464, 467, 471, 472, 534, 536, 537.
Барапщиковъ, В.—524.
Баррингтонъ, Г.—524.
Бартелеми, Ж. Ж.—358, 524.
Бартеневъ, П. И.—44.
Батеньковъ, Г. С.—3, 562, 563.
Батте, К.—57, 58, 59.
Батюшковъ, К. Н.—474, 538, 571.
Беккеръ—358, 359, 398, 423.
Бёмъ, Як,—55, 56.
Берль—313.
Бернулли, И.—32.
Бестужевъ, Н. А. 538, 539.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—150.
Бидерманнъ—13.
Бизэ, А.—402.
Биллингсъ, I.—524.
Біонъ—95; *33*.
Биргеръ—192.
Блудовъ, Д Н.,—571.
Бодмеръ, И. Я.—241.
Боккачьо, И.—554.
Болотовъ, А. Т.—3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 59, 108, 109, 563; *6*, *17*, *20*.
Боннэ, К.—53, 54, 113, 132, 134, 358, 376, 398, 423, 424, 483.
Бонфусъ, П.—313.
Бошнякъ, А.—465, 466.
Бриссъ—313.
Броквель—523.
Брюнетьеръ, Ф.—572.
Буало, Н.—304, 516.
Буассо, И.—313.
Буличъ, Н. Н.—10, 11, 150.
Буржэ, П.—572.
Буржуа—345.
Буслаевъ, Ѳ. И.—150.
Бюфонъ,—530.
Бѣлинскій, В. Г.—123.
Бѣлозерская, Н. А.—7, 456.

В*.—398.
Вагашевъ—524.
Вальянъ, Ф.—312, 524.
Валуа М.,—556.
Вейсгауптъ, А.—*15*.
Вейсе, К. Ф.—350, 351, 397, 424, 448, 480, 481.
Венгерова, З. А.—572, 574.
Вернъ, Ф.—244, 355, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 458.
Вигель, Ф. Ф.,—4, 6, 7, 11, 106, 108; *20*.
Виландъ, К.—52, 99, 100, 120, 133, 357, 396, 434, 446, 552; *50*.
Винкельманнъ, I.—345.
Винскій, Г. С.—9, 13.
Виргилій—95, 180, 343, 344, 345; *33*.
Витбергъ, А. Л.—*20*.
Виттенбахъ—272.
Вогюэ, Е. М.—572, 574.
Воейковъ—562.
Вольней, К.—524.
Вольтеръ, Ф.—41, 42, 51, 78, 100, 122, 153, 154, 304, 351, 352, 355, 356, 358, 364, 430, 446, 447, 546, 547, 552, 565; *7*, *42*.
Волчковъ, С. С.—*45*.

*) Цыфра, напечатанная курсивомъ, указываетъ на страницу въ «приложеніи».

Востоковъ, А. Х.—518, 562.
Второвъ, Н. И.—6, 7, 8, 11, 12, 21, 562; *19*.
Вяземскій, П. А.—4. 109. 571.

Гагаринъ, И. С.—*14*.
Гайднъ, Ф.—411.
Галаховъ, А. Д.—54; *54*, *55*.
Галлеръ. А.—52, 85, 86, 87, 101, 102. 116, 122, 239, 240. 241, 358, 387, 388. 390, 408. 423, 526.
Гамалѣя, С. Н.—*12*, *18*.
Гейне. Х.—192.
Геллертъ, Х. Ф.—32, 33, 34, 35, 36, 39, 55. 56, 57, 92, 104, 146, 349, 350. 421, 479, 526; *51*.
Гельвецій, К.—21.
Гендель, Г.—411.
Геннекенъ—572.
Гердеръ, І.—52. 53. 59. 94, 107, 358, 392, 552; *11*, *51*, *52*.
Германъ, Фр.,—558.
Герсевановъ, Б.—459, 460, 463, 464, 465, 472, 533, 536.
Геснеръ, С.—40, 88, 89, 134, 239, 240, 241, 242, 358, 387, 388, 390, 410. 426, 526; *35*, *44*, *51*.
Гёте, В.—197, 352, 353, 354, 372, 423, 526, 552; *11*, *45*, *50*, *51*.
Геттнеръ,—13, 400; *9*, *11*.
Гильмари—109.
Гладкова, М.—459, 460, 462, 463, 464. 467, 468, 471, 472, 530, 534. 536, 537, 566.
Глинка. С. Н.—4, 7, 8, 9, 10, 108, 153, 562, 563; *20*.
Глинка, Ѳ. Н.—458. 459. 460, 461, 462, 463, 464, 466, 468, 469; 470, 471, 472. 533, 534, 536, 566, 567; *57*.
Гмелинъ, С.—524.
Гоголь, Н. В.—421, 562, 571.
Гогоцкій, С. С.—11.
Голицынъ кн., Н. Н.—9.
Гольдсмитъ, О.—72, 77.
Гольцевъ, В. А.—1.
Гомеръ,—90, 95, 465, 515; *33*.
Горихвостовъ, Д. П.—457, 458, 459, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 471, 472, 529, 533, 536.
Горжи, Я.—374.
Готвиль. И.—312.
Гречъ, Н. И.—7, 519, 561, 570.
Гротъ, Я. К.—36, 149, 151.
Гунъ, Ѳ.—524.

Д*.—359, 397.
Давыдовъ, Г. И.—524.
Давыдовъ, Д. В.—562.
Даниловъ, М. В.—3.
Д'Аржанвиль (Дезалье) А. І.—346.
Дашковъ, Д. В.—571.
Дезольеръ, А.—78.
Де-ла-Кроа, Ф.—523.
Де-ла-Маръ, Н.—313.
Делиль, Я.—78. 241. 304. 358, 530.
Делольмъ, И. Л.—331, 332, 333.
Демидовъ. Н. А.—526, 527.
Денисъ. М.—350, 351, 421.
Державина, Е. Я.—331.
Державинъ, Г. Р.—3, 4, 5. 6, 12, 21. 474, 518, 519.
Дефонтень—345.
Дидро, Д.—555.
Дмитревскій—*50*.
Дмитріевъ, И. И.—3. 6, 7, 8, 9. 10, 11, 19. 21, 29, 30, 31, 38. 39. 40. 41, 42. 43. 49, 53, 100, 104, 105, 110, 118, 119, 140, 142, 143. 146. 150, 151, 156, 163, 166, 167, 474. 516, 559, 563, 570. 571; *20*, *22*, *37*, *38*, *39*, *40*, *41*, *42*, *43*, *44*, *48*, *49*, *52*, *53*, *54*.
Дмитріевъ, М. А.—4, 6, 7, 8, 9. 10. 11, 141, 142. 447, 451. 452, 561, 563.
Добролюбовъ, Н. А.—*6*.
Додэ. А.—574.
Долгорукій, И.—48.
Дом-Фелибьенъ, М.,—313.
Доратъ (Дора) Я.—40.
Достоевскій, Ѳ. М —573.
Дубровинъ, П. Ѳ.—1.
Дюгальдъ. И. Б.,—523.
Дюлоръ, И. А.,—262. 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302. 303. 304. 305, 314, 360.
Дюмарье—109.
Дюмонъ, Л.—395.
Дюпати. К. М.—312. 376. 377. 378, 379, 380, 381, 382, 391, 392, 458, 530.

Евгеній (Болховитиновъ)—*20*,
Екатерина II,—1, 11, 13, 14, 28, 147, 524, 541, 542, 550, 564, 565, 573; *2*, *6*, *7*, *8*, *16*. *19*, *52*.
Елагинъ, И. П.—*6*, *20*.
Елизавета I, императрица,—4.
Ефремовъ, Ф.—524.
Ешевскій, С. В.—*1*, *2*. *5*, *8*, *11*, *13*, *14*. *21*.

Жанли, С. Ф.—123, 124, 125. 126. 127, 128, 129, 130, 131, 136, 195. 337, 338, 339.
Жильберъ—572.
Жуковскій, В. А.—2, 59, 116, 466, 471, 538, 539, 562, 570, 571, 573; *57*.

Забѣлинъ, И. Е.—402.
Зуевъ, В. Ѳ.—524.

Ивановъ—562.
Иванчинъ-Писаревъ, Н. Д.—*20*.

Измайловъ, В. В.—458, 459, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 468, 469, 470, 471, 472, 519, 530, 531, 533, 535, 536, 537, 567.
Илличенскій, А. Д.—562.

Іомелли (Жомелли) Н.—411.

К. Г.,—458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 466, 469, 470, 471, 529, 532, 535, 536, 566.
Калюстро—190.
Каменевъ, Г. П.—562.
Кантъ, Э.—51, 52, 359, 481, 552.
Карамзина, Е. Н.—16, 17, 18, 19, 20, 22, 46, 145, 549.
Карамзинъ, М. Е.—1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 549.
Карлъ, герцогъ Кассельскій,—*14*.
Кашинцевъ, Е.—31.
Кестверъ,—192.
Кинсбергенъ, Н. Г.—524.
Клееманъ.—523.
Клейстъ, Г.—94, 95, 104, 132, 134, 195, 239, 240, 242, 347, 348, 522; *39*.
Клопштокъ, Ф. Г.—89, 90, 91, 92, 93, 94, 99, 104, 107, 239, 240, 241, 423, 526, 552; *35*, *51*.
Ключаревъ, Ѳ. П.—475; *57*, *58*.
Ключевскій, В. О.—7, 9, 456; *19*.
Княжнинъ, Я. Б.—109, 152, 153, 563, 565.
Козицкій, Г. В.—*6*.
Кожевниковъ, В. А.—11, 13, 115, 400, 402.
Коксъ, В.—274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286; *54*.
Коллететъ, Ф.—313.
Константинъ Павловичъ, вел. кн.—560, 561.
Коперникъ, Н.—113, 177.
Копыской, Н.—459, 463, 464, 467, 472, 533.
Корнель, П.—78.
Корреджіо, А.—346, 347.
Коррозетъ, Ж.—313.
Коцебу, А. Ф.—97, 98, 421; *51*.
Кочубей, Арк. В.—9.
Краевскій, Г.—524.
Кравенъ—524.
Крамеръ, И. А.—349, 350, 351, 421.
Крашенинниковъ, С. П.—524.
Крыловъ, И. А.—474, 513, 514, 515, 516, 517, 526.
Кунъ, Я.—523.
Куракинъ, кн. А. Б.—*10*.
Курицъ, И. Г.—554.
Кутузовъ, А. М.—45, 108, 140, 142, 143, 144, 152, 155, 358, 396, 397; *1*, *13*, *14*, *16*, *17*, *55*, *56*.
Кутузовъ, И. Н.—560, 561.

Лабзинъ, А. О.—46, 108, 547.
Лагарпъ, Я. Ф.—351.
Ламетри Ю.—*21*.
Лаперузъ, И. Ф.—524.
Латенъ,—524.
Лафатеръ, И. К.—10, 12, 30, 38, 39, 41, 42, 43, 49, 50, 55, 56, 57, 78, 104, 113, 114, 115, 123, 139, 140, 144, 154, 157, 168, 169, 358, 388, 395, 398, 430, 438, 475, 478, 481, 482, 483, 552; *8*, *39*, *42*, *43*, *51*, *52*.
Лафонтенъ, И.—296, 557.
Лебрюнъ, К.—412.
Левекъ, П. К.—552.
Лемеръ, Ф.—313.
Леметръ—572.
Ленцъ, М. Р.—99, 241; *51*.
Леонардъ,—357.
Лепехинъ, И. И.—524.
Лессенсъ, И. Б.—524.
Лессингъ, Г. Э.—99, 116, 344, 345.
Леви-Брюль, Л.—13; *10*.
Лисянскій, Ю. Ѳ.—524.
Локкъ, И.—51.
Ложечниковъ, И. И.—457, 458, 459, 461, 462, 465, 466, 467, 468, 471, 472, 534, 536, 537, 566, 567; *57*.
Ломоносовъ, М. В.—453, 475, 518.
Лонгиновъ, М. Н.—1, 12, 38; *1*, *5*, *6*, *7*, *9*, *11*, *13*, *14*, *16*, *17*, *18*, *19*, *21*.
Лопухинъ, И. В.—4, 48, 56, 107; *2*, *3*, *4*, *6*, *12*, *17*, *20*.
Лубяновскій, Ѳ. П.—457, 458, 459, 463, 464, 465, 468, 472, 534, 566, 567.
Люкасъ П.—290, 312.
Лященко, А. І.—456.

Мабли, Г.—334, 335, 336, 337, 552.
Магушкинъ, Д.—524.
Макаровъ, П. И.—7.
Макартней, Г.—524.
Макензій, А.—524.
Макферсонъ, Д.—см. Оссіанъ.
Маленгръ, К.—313.
Маргаритъ, П.—574.
Мармонтель, Я. Ф.—195, 392.
Маттисенъ, Ф.—240, 424.
Маффеи, И. А.—345.
Мейперсъ, Х.—192.
Мейстеръ, Л.—347, 348, 349.
Меркель, Г.—553.
Мерсье, Л.—262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 323, 538; *54*.
Метастазій, П. А.—79.
Миллеръ, 524.
Мильтонъ, И.—96, 246; *34*.
Мирсъ—523.
Мозеръ, К.—*18*.
Мольеръ, И. Б.—296, 297, 516.

Монтескье. К.—154.
Монфоконъ, В.—313.
Морицъ, К. Ф.—52, 158, 238, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 255, 257, 261, 310, 360, 375, 382, 391, 458; *47*.
Мосхосъ—95; *33*.
Музеусъ, К. А.—552.
Мунго-Паркъ—524.
Муравьевъ, М. Н.—*20*.
Муръ, И.—238, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261.
Мэстръ, I.—560.

Н*.—358.
Нарѣжный, В. Т.—456.
Невзоровъ, М. И.—45, 457, 458, 459, 461, 462, 464, 465, 468, 471, 472, 530, 532, 533, 534.
Незеленовъ, А. И.—1; *1*, *5*, *7*, *8*, *15*.
Неккеръ, Я.—169.
Неустроевъ, А. Н.—526; *50*.
Николаи, Х. Ф.—157, 319, 358, 359, 360, 435, 542, 545, 552, 554, 555; *53*, *54*.
Новиковъ, Н. И.—1, 4, 12, 13, 14, 38, 44, 45, 48, 100, 104, 108, 110, 116, 118, 120, 141, 146, 451, 456, 475, 541, 547; *1*, *2*, *6*, *7*, *8*, *9*, *10*, *11*, *12*, *13*, *14*, *15*, *16*, *17*, *18*, *19*, *20*, *49*, *50*, *51*.
Ньютонъ, И.—112.

Овидій—*33*.
Озерецковскій, Н. Я.—524.
Озеровъ, В. А.—474, 562.
Орфей.—*32*.
Оссіанъ—52, 61, 66, 67, 68, 69, 90, 91, 96, 239, 241, 372, 387, 406, 526; *33*, *34*, *44*, *51*.

Павелъ I, — 109, 195, 331, 542, 551, 558, 559; *10*, *14*, *18*, *53*.
Пажесъ, П.—524.
Пазухины. Пазухина—см. Карамзина, Е. П.
Палласъ, П.—524.
Паллере—523.
Панаевъ, В. И.—4, 6, 7, 12, 21, 108; *20*.
Панинъ, Н. И.—*14*.
Пекарскій, П. П.—9; *1*, *4*, *5*, *11*, *14*, *16*, *17*, *18*, *20*, *49*, *50*.
Перголіези, Дж.—411.
Пертесъ—*9*.
Песталоцци, И.—*11*.
Петковичъ, М.—562.
Петрарка, Ф.—79.
Петровъ, А. А.—46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 59, 99, 102, 110, 113, 115, 116, 119, 120, 122, 123, 141, 142, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156; *39*, *40*, *41*, *42*, *50*, *51*.
Петровъ, В. П.—519.
Петръ I,—31, 191, 416, 450.
Пигаль, И. П.—413.
Пинго—109.
Пироговъ—563.
Планкъ, Г. И.—554.
Платнеръ, Э.—359, 544.
Платонъ, митроп.—165; *13*.
Плещеева, Н. И.—137, 142, 143, 144, 151, 153, 154, 155, 156.
Плещеевъ, С. И.—524.
Плиній—343.
Погодинъ, М. П.—15, 31, 37, 41, 141, 142, 149, 562; *48*, *49*.
Подшиваловъ, В. С.—457, 521.
Полидоръ—345.
Полѣновъ, В. А.—562.
Пономаревъ, С. И.—15, 159; *23*, *24*, *25*, *26*, *27*, *28*, *29*, *36*, *37*, *38*, *50*, *53*, *54*.
Попъ, А.—52, 102, 241, 245, 358.
Порошинъ, С. А.—150.
Походяшинъ, Г. М.—*10*.
Прадель, А.—313.
Прево, М.—574.
Пушкина—27, 29, 30, 145, 549; *45*, *48*, *49*.
Пушкинъ, А. С.—3, 9, 11, 452, 475, 538, 539; *19*.
Пыпинъ, А. Н.—43; *1*, *5*, *9*, *11*, *16*.

Рабле, Ф.—162, 358.
Радзивиллъ, кн. Н. Х.—523.
Радищевъ, А. Н. — 14, 108, 109, 563, 565; *1*, *2*, *16*.
Рамлеръ, К. В.—392.
Рамонъ, Л. Ф.—274, 275, 376, 277, 279, 280, 285, 286; *54*.
Расинъ, И.—78, 197, 296, 516.
Растопчинъ, О. В.—327, 328, 329, 330, 340, 559.
Рафаэль—346, 347, 412.
Репнинъ, кн. Н. В.—*10*, *14*.
Рибо, О.—395, 402.
Ричардсонъ, С.—72, 73, 74, 75, 76, 77, 81, 154, 257, 366, 372, 446, 488, 526.
Ричардсонъ, I. (изслѣдователь)—345.
Рихтеръ, И.—521.
Робертсонъ, В.—191.
Родъ, Э.—574.
Роллень, К.—30, 31; *45*.
Романовичъ-Славатинскій, А. В.—1.
Рони, I.—574.
Рубенсъ, П. П.—412.
Руничъ, Д. П.—153, 563; *20*.
Руссо. Ж. Ж.—27, 48, 51, 52, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 90, 93, 99, 154, 157, 239, 240, 241, 242, 262, 275, 326, 327, 339, 340, 341, 342, 358, 362, 364, 366, 367, 372, 388, 395, 403, 409, 423, 430, 436, 458, 478, 480, 526, 531, 552; *21*, *47*.

Сарычевъ, Г. А.—524.
Саре—572.
Севергинъ. В. М.—524.
Семевскій, В. И.—1.
Сенъ-Ламберъ. К. Ф.—78, 522.
Сенъ-Фуа. Г. Ф.—262, 286, 287, 289, 290. 291. 292, 293. 314, 360.
Сербиновичъ, К. С.—141, 562. 563; *45.*
Синнеръ, И. Р.—326, 327.
Соваль. Г.—288, 313. 314.
Сонинній—524.
Сопиковъ, В. С.—526.
Соссюръ. Н. О.—272. 273. 274.
Софоклъ—95; *33.*
Спиноза. Б.—*21.*
Сталь, А. Л.—51.
Старчевскій, А. В.—36. 150; *45.*
Стернъ. Л.—61, 69, 70. 71, 72. 78, 147. 238. 239. 242, 243. 244. 257. 354. 355. 357, 362, 366, 372. 374. 395, 427, 428, 446. 448. 452, 454, 458, 465. 489, 518. 526, 529, 530. 531, 543.
Сульцеръ, Я. Г.—59.
Сумароковъ. А. П.—6. 474
Сумароковъ. П. П.—459. 460. 463, 464. 466, 468. 469. 471, 529. 567.
Сушковъ. Н. В.—11.
Сюрвиль. Н. Ф.—524.

Тавернье. И. Б.—312.
Тассо. Т.—79, 306.
Татищевъ. П. А.—*10.*
Телешовъ, И. Я,—562.
Теокритъ,—89, 95; *33, 34.*
Тиде—*49, 50.*
Тимковскій. И. О.—32.
Тихонравовъ, Н. С.—32. 35. 48, 56, 59. 238, 239, 251. 255, 256; *1, 5, 8. 14, 17. 18, 20.*
Толстой, гр. Л. Н.—1, 34, 573.
Томсонъ, Я.—61. 64, 65, 66, 86. 88. 94. 95, 96, 122, 132. 134. 239, 240. 242, 245. 358, 362, 372, 387, 522, 530; *34, 39, 42. 44, 51.*
Тредіаковскій, В. К.—*45.*
Трубецкой. кн. Н. Н.—*2, 13. 16. 17, 55.*
Туманскій, О.—558, 559, 560, 561, 565; *54.*
Тургеневъ, А. И.—36, 56.
Тургеневъ. И. П.—43, 44, 48, 56, 101. 116; *13. 14, 20.*
Тургеневъ. И. С.—3.
Тургеневъ. Н. И.—106, 109, 562, 565.
Тютчевъ. О.—562.

Фалькенбергъ—54.
Фарнгагенъ, ф. Энзе—452.
Фердинандъ, герц. Брауншвейгскій—*11.*
Фидій—182, 343. 344. 345.
Фильдингъ. Г.—315.
Фильдингъ (романистъ)—72, 78. 257, 446. 488.
Фіектонъ—523.
Фишеръ. К.—402.
Флоріанъ, Н. П.—530.
Флоркенъ, Ф. Н.—554.
Фовель—31; *48, 49.*
Фоминъ, А.—524.
Фонвизинъ, Д. И.—3, 4. 7, 9. 32; *6.*
Форгасъ (Vorgas) Г.—557.
Фошетъ, К.—313.
Франклинъ—544; *18.*
Фридрихъ Великій—13, 542.
Фридрихъ-Вильгельмъ—179, 542.

Харламовъ, I—*50.*
Хвостовъ, гр. Д. И.—458. 464. 472, 524.
Хенке, Х. Ф.—554.
Херасковъ. М. М.—6. 12. 451. 452. 474. 475, 519; *55, 58.*
Хернъ—524.

Циммерманнъ, Н. Г.—225. 358.

Чеботаревъ, Х. А.—524.
Чечулинъ, Н. Д.—1.

Шаденъ. Н. М.—32, 33, 34, 35, 36, 37. 38. 40, 41, 42, 43, 45, 47, 110, 146, 549; *48.*
Шаликовъ. кн. П. И.—244, 455. 457. 459, 461, 462, 463, 464. 465. 466, 467, 468. 470, 471, 472. 519, 530, 533, 534, 535, 539, 566.
Шардень, И.—312.
Шатобріанъ. Ф. О.—360, 452.
Шаубродъ, Н. У.—554.
Шаховской, А. А.. кн.—566
Шварцъ. Н. Г.—12, 38. 44, 45, 46. 47, 49, 50. 53, 54, 55, 57. 59. 103. 104, 547; *1, 9. 10, 11, 12. 13, 14. 15. 16. 17. 18, 19, 20. 21.*
Шевыревъ. С. П.—38.
Шекспиръ, В.—96. 97. 98. 99. 122. 153. 270. 358. 477; *34. 42.*
Шенье, М. И.—358.
Шереръ—13. 400.
Шерръ—13. 400
Шешковскій. С. И.—*13, 14.*
Шишковъ, А. С.—561.
Шиллеръ, И. К.—107, 164, 402. 421. 520, 552; *50, 51.*
Шлецеръ,—192.
Шписъ—553.
Шредеръ—44; *11 ,14, 16, 17.*
Штаркъ, И. А.—435; *52.*
Штольбергъ. гр. Ф. Л.—558.
Штурмъ, Х. Х. — 49. 100, 101, 122; *49, 50.*

Шэфсбери—51, 54, 55, 57.
Шуммель—374.

Щепкина—456.

Эврипидъ—95; *33*.
Эминъ, О. А.—22, 24.
Энгель, Ж. Ж.—552.
Энзе, см. Фарнгагенъ.

Юмъ, Д.—359.
Юнгъ, Ѳ.—43, 48, 52, 61, 62, 63, 64, 66, 86, 90, 96, 132, 133, 134, 239, 362, 365, 367, 372, 387, 515, 526, 530; *34*, *51*.
Юнгъ-Штиллингъ, Г.—52, 478; *47*.

Якоби, Г.—244, 363, 364, 365, 366, 374.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ I

ВВЕДЕНІЕ . . . . . 1—15

ГЛАВА I. Н. М. Карамзинъ до путешествія . . . . . 16—147

ГЛАВА II. Къ литературной исторіи „Писемъ русскаго путешественника“ . . . . . 148—392

1. Происхожденіе „Писемъ“ . . . . . 149—158
2. Исторія текста „Писемъ“. . . . . 158—237
3. Слѣды литературныхъ вліяній въ „Письмахъ“ . 238—362
4. Литературный жанръ „Писемъ“ . . . . . 362—392

ГЛАВА III. Анализъ „Писемъ русскаго путешественника“. . 393—574

1. „Письма“ съ біографической стороны . . . . 393—473
2. „Письма“ съ историко-литературной стороны. . 474—539
3. „Письма“ съ историко-культурной стороны . . 540—574

Выводы . . . . . 575—578

ПРИЛОЖЕНІЯ . . . . . 1—58

1. Новиковъ, Шварцъ и московское масонство . . 1—21
2. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина . . . . . 22—44
3. Примѣчанія . . . . . 45—58
4. Указатель собственныхъ именъ . . . . . 59—64
5. Оглавленіе 65

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

D
917
K32S5

Sipovskii, Vasilii Vasil'evich
N. M. Karamzin